

К. Курбансахатов

ЕСЛИ
ЛЮБИШЬ

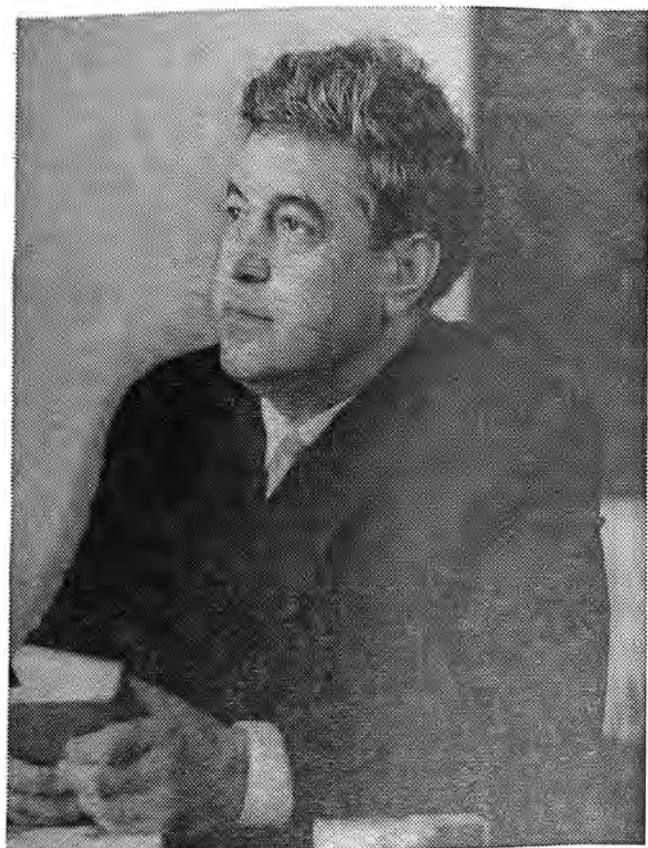
К.Курбансахатов

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

РОМАН, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Перевод с туркменского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1987

ТОМЪИ МЕРТЕН

РОМАН

I

Раскаленное лето сменилось наконец погожей осенью.

В Мургабской долине торопились убрать хлопок. В такую пору счет времени ведется здесь не на дни и даже не на часы, а пожалуй что на секунды и любые прочие дела откладываются до окончания уборочной. Вот почему так удивляли всех события в колхозе «Хлопкороб», где люди вдруг прервали работу ради общего собрания. Правда, собрания необычного — таких затяжных и ожесточенных споров тут, кажется, не вели с тревожных времен коллективизации.

Страсти до того разгорелись, что в один день уложиться не удалось. А назавтра, когда молва о собрании в «Хлопкоробе» распространилась по всей округе, в колхоз с утра пожаловали первый секретарь райкома Мухаммед Карлыев и председатель райисполкома Каландар Ханов. Но, несмотря на их участие, собрание закончилось лишь на третьи сутки поздним вечером.

В былые времена Тойли Мерген не торопился домой после заседаний. Обычно он уходил из клуба едва ли не последним, снова и снова наказывая старенькому сторожу:

— Надо бы растворить все окна и хорошенько проветрить помещение. Да посмотреть как следует по углам — не тлеет ли где окуроч. Еще, чего доброго, пожар случится...

Но сегодня ему уже было не до свежего воздуха, не до коварных окурков. Едва закрыли собрание, как он втиснулся в толпу, разом образовавшуюся в проходе, и его быстро вынесло наружу.

Выйдя из клуба, Тойли Мерген все же придержал шаг, словно спрашивая самого себя: «Куда это я так спешу?» Он глубоко вздохнул, горько покачал головой и задумчиво откинул ладонью свесившиеся на лоб седые волосы.

В лицо пахнуло ночной свежестью. Со стороны арыков, подведенных сюда от Мургаба, дул влажный осенний ветер, и молоденькие ветлы, посаженные вдоль их берегов, оживленно шелестели листвою. И хотя после клубной духоты и

табачного дыма эти ночные запахи и звуки могли только порадовать человека, Тойли Мерген не почувствовал облегчения. Все так же задумчиво он вытер носовым платком со лба пот и зашагал сквозь медленно редющую толпу в сторону дома.

Колхозники расходились группами, по несколько человек, но как-то неохотно. Несмотря на поздний час и усталость, никто не спешил уйти. Видно, даже трехдневные прения не исчерпали всего, что накопилось у людей на душе. Каждому хотелось обсудить с соседом результаты собрания, а то и поспорить.

— Разве это справедливо? — басил кто-то в темноте. — Разве так поступают?

— А если несправедливо, чего же ты только теперь спохватился? — энергично возражал другой голос. — Взял бы да выступил! А то сидел, словно воды набрал в рот, а теперь разоряешься!

— Ай, ты же сказал, ну и ладно!

— А что ж, по-твоему, я сказал неправду?

— Отчего ж неправду?.. Только правда правде рознь. Если человек затаил обиду, он уж подходящего случая не упустит... Ты что думаешь, люди не поняли, почему ты так выступил?

— Ну скажи, почему, если ты такой умный. В чем я не прав?

— Ну зачем я тебе буду объяснять, будто ты сам не знаешь!

— Говори, говори! Не стесняйся!

— Да иди ты к черту!.. Одно хорошо — теперь-то уж я знаю, кто ты такой.

— Нет, к черту я не пойду! А вот тебя сказать заставляю!..

— Да прекратите вы!.. — внушительно произнес третий голос и сокрушенно добавил: — Конечно, выговора вполне хватило бы. Тойли Мерген — человек неглупый, намотал бы на ус... Нет, как ни верти, перебрали малость.

— Ей-богу, отец, нельзя быть таким добреньким! Где уж там — перебрали? Недобор получился! И коммунисты либерализм проявили. Если уж на то пошло, ему выговорок следовало бы вклеить поувесистее! С занесением в учетную карточку! Нет, будь моя воля, Тойли Мерген так легко не отделался бы...

— Будь твоя воля, ты бы с Каландаром Хановым еще и не такое натворил!

— А что, разве Ханов плохо сказал?

— Плохо сказал!.. Да если бы товарищ Карлыев потом не выступил, вы бы таких дров наломали!..

Однако все эти толки и пересуды уже не имели для Тойли Мергена никакого значения. Произошло то, что должно было произойти. И, чтобы не смущать спорщиков своим присутствием, он, не раздумывая, свернул с дороги, намереваясь пройти через молодой колхозный сад.

Но у самого входа в аллею его вдруг нагнал запыхавшийся водитель.

— Тойли-ага! — окликнул председателя парнишка. — Почему вы пешком? Я ведь вас в машине ждал. Как вернулся из города, так у клуба и стою...

Тойли Мерген обернулся и ласково взглянул на своего шофера.

— Отправляйся домой, Бегенч. Отдыхай. А мне надо немножко размять ноги. Засиделся очень.

— Завтра во сколько машину подать?

— Завтра? — задумчиво переспросил Тойли Мерген. — Насчет завтра... тебе в правлении скажут...

— Как же так?.. — не понял водитель. — Давайте же я вас подвезу! — настаивал он.

— Больше двух лет мы с тобой ездили, — продолжал свое Тойли Мерген, положив парнишке руку на плечо. — Хлеб-соль делили. Что ж, спасибо тебе, сынок, за все. Если когда чем и обидел, прости...

Он повернулся и пошел дальше.

«О чем это он? — озадаченно выпятил губы Бегенч. — Ну, пропесочили на собрании... Неужели Тойли-ага больше не председатель?!»

Несмотря на поздний час, жена Мергена еще не спала. Нахохлившись, она сидела в углу, глядя в пол, и веки у нее казались припухшими.

— Ты почему не легла, Акнабат? — как можно спокойнее произнес муж. — Не нужно было меня ждать, выспалась бы, по крайней мере.

— Какой тут сон! — печальным и укоризненным тоном, на который ей давали право тридцать лет совместной жизни, произнесла женщина. — Что они с тобой сделали?

— И не стыдно тебе? — с досадой воскликнул Тойли, заметив предательский блеск в ее глазах. — Ну-ка, вытри слезы! У тебя такой вид, будто я опять на войну ухожу, где каждую минуту могут убить. Нечего сказать, умеешь ты себя держать в руках!

— Я спрашиваю, что они с тобой сделали? — повторила Акнабат, словно не слыша укоров мужа.

Вместо ответа Мерген неторопливо разделся, вымыл руки, потом накинул на плечи свой домашний вельветовый халат хивинского покроя и прошел к столу.

— Сняли меня, мать,— глухо произнес он наконец после продолжительного молчания.

— Вах! То-то я смотрю, Артык-ших со вчерашнего дня словно на крыльях летает,— прикусив уголок платка, сказала Акнабат.— Я сразу почувствовала, что не к добру это.

— А с чего ему радоваться?

— Можно подумать, что ты не знаешь своего лукавого родственничка. Да он перестанет быть Артык-шихом, если чужое несчастье не доставит ему удовольствия.

— Может, у него в этом деле свой интерес есть? — заметил Тойли.— Одной радостью ведь сыт не будешь.

— А то ты не понимаешь, какой у него интерес! — рассердилась даже Акнабат.— Он же надеется, что новый председатель не помешает ему торговать амулетами и знахарством заниматься.

— Ох, этот святоша! Прямо не знаю, что бы я с ним сделал! Ну, да ладно!.. А что касается колхозников,— после некоторого размышления продолжал Мерген,— то, как всегда в таких случаях,— одни будут рады-радешеньки, другие недовольны. Но и мы из-за этого горевать не станем... Ну-ка неси, что у тебя там есть, хоть перекусим немного, а там видно будет.

Не успела Акнабат подать мужу еду, как на пороге появился ее старший брат Гайли, по прозвищу Кособокий.

— Заходи, заходи,— приветливо встретил его Тойли.— Садись-ка со мной.

Гайли снял свою неизменную островерхую шапку на меху, пристроил ее на вешалке и, ступая бочком, прошел к столу.

Его неуклюжая походка имела свою историю. Когда Мерген был еще совсем несмышленишем, Гайли успел вытянуться в длинного юношу. Но уже тогда у него проявился легкомысленный характер, что приводило родителей в отчаяние. Упрямец и бездельник, Гайли целые дни предавался детским играм или купался, а когда и это надоедало, собирал ватагу совсем не оперившихся подростков и устраивал посреди аула скачки на ишаках, вздымая вдоль улицы тучи пыли и заставляя бесноваться окрестных собак. Да, в этом деле Гайли слыл мастером. Не было для него боль-

шего удовольствия, чем укротить какого-нибудь норовистого молоденького ишака.

— Осторожнее, он же тебя лягнет! — не раз кричали ему в таких случаях, но он не обращал внимания.

В конце концов необъезженный ишак сбросил его однажды на твердую, как камень, землю.

Гайли провалялся почти месяц, воя от боли и держась за бедро. А когда поднялся, стал ходить не то что прихрамывая, а как-то бочком. С тех пор и закрепилась за ним кличка Кособокий.

Гайли, еще не успев сесть, вытянул длинную шею, окидывая стол ищущим взглядом.

— Есть-то я, пожалуй, не хочу, — сказал он и облизал сморщенные губы, — а вот если у тебя молочко от бешеной коровы найдется, я бы не отказался горло промочить.

Акнабат, ни слова не говоря, достала из холодильника запотевшую бутылку водки и вместе с рюмкой поставила перед братом. Не найдя на столе второй рюмки, Гайли обнажил в улыбке щербатые зубы и уставился на Тойли Мергена.

— А ты что же? Или, дожив до седых волос, решил праведником стать?

Мерген промолчал. Но Кособокого это не обескуражило. Он наполнил рюмку, мигом ее опрокинул, зацепил с тарелки зеленый лук, понюхал его, положил обратно и закурил.

— Если уж пьешь, то закусывай! — проворчала Акнабат и, налив в большую цветастую пиалу шурпы¹, поставила ее перед братом.

— Ты меня не торопи! — отмахнулся он. — Захочу — поем. — И, дымя папиросой, наклонился к Тойли. — Так чем же кончилось? Освободили?

— Выходит, так.

— М-да... Значит, все-таки своего добились, — сердито нахмурился родственник. Он снова наполнил рюмку и, покосившись на Тойли Мергена, спросил: — В чем обвинили?

— А ты что, разве не был на собрании? — в свою очередь спросил Тойли.

— Не был.

— Это почему же?

— Некогда было. Понимаешь, тут такое важное дело... Ай, да какое это имеет значение — был я на собрании

¹ Ш у р п а — суп, бульон, похлебка.

или не был? Ты лучше не уводи в сторону, расскажи, какие грехи на тебя навьючили?

— Как раз главный грех тебя и касается.

— Не понял! — помотал головой Гайли. — Какое я имею отношение к твоему председательству?

— Ты ведь мне родственник?

— Ну и что ж с того? Если я тебе шурин, а ты мне зять, то, конечно, родня. Тут никуда не денешься...

— Вот это-то и скверно, что родственник...

— Бог ты мой, но почему же?

— Признали, что семейственность развел.

— Се-мей-ствен-ность! — от души расхохотался Кособокий. — Ну и молодцы! Нашли же что навьючить!.. Конечно, если захотели снять, то уж причину придумать нетрудно... Се-мей-ствен-ность! Ну и ну!..

— Ты, Гайли, зря на собрание не явился. Тебе бы следовало прийти. Тогда бы ты сейчас не смеялся, — со всей серьезностью проговорил Мерген. — Если хочешь знать, в нашем колхозе моих родственников — братьев и сестер, родных и двоюродных, дядюшек, тетушек, да их потомства, как оказалось, — больше семидесяти душ.

— Ну и что с того? А даже если не семьдесят, а сто семьдесят!

— Дело, конечно, не в числе, дорогой мой. Дело в должностях. Если хочешь знать, то, как оказалось, ровно половина из них — либо служащие, что пером по бумаге водят, либо заняты такой работой, что можно и не потя есть досыта. Да и среди другой половины тоже немало таких, что пазываются колхозниками, а на самом деле... За примером далеко ходить не надо. Вот возьмем хотя бы тебя...

— Меня? — притворно удивился Кособокий.

— Да, тебя! — с грустью в голосе произнес Тойли и посмотрел шурина прямо в глаза. — Ну, вот, скажи по совести, принес ли ты за последние годы колхозу хоть крупинку пользы? Вспомни, когда ты последний раз в поле выходил?

— Зря ты с меня начал! Я не в счет.

— Почему так? — искренне удивился Мерген.

— Сам ведь знаешь, какое у меня здоровье.

— Ах, ты, значит, больной! Да-да-да... — насмешливо согласился Тойли. — Я-то хорошо знаю твою хворобу. Когда война — ты увечный, когда хлопок — ты калека, а когда...

— Давай лучше не ворошить старую солому!

— Ладно, давай ворошить новую. Кто твой приусадебный участок обрабатывает? Кто полсотни твоих овец пасет?..

Ах, да, овец ты в общее стадо отправил, о них речи нет. Ну, а кто за твоими верблюдами и коровами ходит? Тут ты здоровый!

— А кто может мне запретить заниматься своим хозяйством?

— Вот в этом все дело, дорогой мой, — вздохнул Мерген. — Из-за того, что ты мой родственник, никто тебя пока не приструнил. Ни тебя, ни таких, как ты. И я тоже хорош! Закрывал глаза на подобные вещи. Делал вид, что ничего не замечаю... Поделом мне! — Он пемного передохнул и снова обратился к шуруину: — Ты мне вот что лучше скажи, почему бы это третья бригада, та самая, на чьей земле мы с тобой живем, почему это она уже который год не выполняет плана по хлопку? А? Можешь ты мне это объяснить?

— Откуда мне знать! — пожал плечами Кособокий и, сморщив нос, опять потянулся к рюмке.

— Погоди! — взял его за локоть Тойли. — Водка от тебя не убежит. Ты мне ответь сначала.

— Да не знаю я!

— Знаешь, да увиливаешь.

— Разрази меня бог, не знаю.

— Лучше меня знаешь.

— Колхоз-то план выполняет, ну и ладно...

— Нет, не ладно. Надо, чтобы все бригады выполняли.

Гайли, которому этот разговор стал уже надоедать, вдруг засопел носом и без всякой хитрости произнес:

— Если всей бригадой навалиться, то и план будет.

— В самую точку! — удовлетворенно сказал Тойли Мерген и отпустил локоть шурина. — Вот она где — семейственность!

Вместо ответа Кособокий осторожно покосился на сестру и ловко опрокинул вторую рюмку.

— А кроме семейственности, сказали, что я перестал в поле бывать, земли совсем не вижу, — горько закончил Тойли.

— Вот это они правильно сказали! — согласился Кособокий и, достав из миски баранье ребрышко, принялся обглаживать его, выбирая кусочки помягче да пожирнее. — Это они верно подметили, что глаза твои земли не видят, — смакуя мясо, приговаривал он.

— Если верно, зачем же прежде сказал, будто на меня поклеп возвели? — смерил шурина презрительным взглядом Тойли Мерген. — Правда, кое-что и лишнего наговорили, — задумчиво продолжал он. — Нашлись такие горячие головы,

что всегда поровят через край хватить. Но все же народ правильно решил, дорогой мой. Главная вина на мне самом.

— На тебе? — хихикнул Гайли. — И ты прямо так перед всем народом повинился? — искренне недоумевал он.

— Как же не повиниться, если люди правы?

— Значит, на тебя все свалили, а ты и обрадовался?

— Ты не крути, Кособокий. Ничего лишнего я на себя не принял, а свои промашки признал.

— Слышишь, Акнабат, что он тут говорит! — обратился Гайли за поддержкой к сестре. — Да я бы на твоём месте лучше умер, чем покался! — убежденно воскликнул он.

— Это почему же?

— Если не знаешь, я тебе сейчас втолкую почему! — Шурин со злостью бросил на стол обглоданную кость и так же ожесточенно стал излагать свою точку зрения. — Кто сделал колхоз «Хлопкороб» образцовым? Тойли Мерген или они? Когда двадцать лет назад тебя выбрали председателем...

— Не двадцать, а восемнадцать, — поправила его сестра.

— Какая разница! — свирепо посмотрел на нее Кособокий и встал из-за стола. — Сколько я тебе твердил — не ввязывайся в спор, когда я говорю! И вообще, если меня перебивает женщина, во мне бес просыпается...

— Ладно, ладно, — постарался утихомирить его Тойли. — Как говорится, не мсти Ахмеду вместо Али. Скажи лучше, что я такого особенного сделал, пока был председателем?

— Ого, сколько сделал! — воскликнул Гайли, меряя шагами комнату и возбужденно размахивая руками. — Вспомни, сколько гектаров засевали у нас хлопчатником, когда тебя выбрали? От силы двести, а то и меньше. А теперь сколько? Две тысячи! Разве легко шагнуть от двух сотен к двум тысячам? — Он все больше входил в раж. — А кто это сделал? Кто, я вас спрашиваю? Тойли Мерген, кому же еще? Кто одним из первых во всем Мургабском оазисе стал носить на груди Золотую Звезду? Тоже он, Тойли Мерген! Не будем брать в расчет птицу там разную: кур, гусей. Лошади и верблюды здесь тоже не в счет. А вот знают ли те, кто бесстыдно лил тебе на голову помой, сколько у нас в колхозе стало овец? Да ведь наши отары уже Каракумы не вмещают! А кто их вырастил? Я, что ли?.. А кто построил этот утопающий в садах поселок с прямыми улицами, с электростанцией, с гаражом на сотни машин, со школой, больницей.. А клуб, словно дворец падишаха!.. А детские

сады... Ай, разве все перечислишь? Кто все это сделал? Кто, я спрашиваю?

Едва дождавшись паузы в речи Кособокого, Тойли Мерген коротко, но твердо сказал:

— Люди.

— Кто, кто? — делая вид, что не расслышал, подскочил к столу и уперся в него своими длинными руками Гайли.

— Народ! — глядя ему прямо в глаза, ответил Тойли. — Да, да, народ!

— Нет, мне с тобой не столкнуться, — вдруг присмирел Кособокий и опять уселся за стол. — Народ, говоришь? — Он неожиданно умолк и долго сидел, погруженный в свои думы. — Ну, а теперь, — встрепенулся Гайли через некоторое время, — раз тебя сняли, придется кого-то выбрать на твое место.

— Уже выбрали.

— Кого же это?

— А тебе-то что? — с схиццей ответил Тойли Мерген. — Ты ведь все равно работать не станешь.

— Судьба — она изменчива, — многозначительно заметил Гайли. Теперь он сидел развалившись, хитро щурил глаза и нарочито беспечно ковырял в зубах. — Что ни говори, а все-таки каждому хочется, чтобы председатель оказался человеком солидным, степенным, с пониманием...

— Не знаю, угодили тебе или нет, а только председателем у нас теперь Шасолтан.

— Кто? — изумился Кособокий. — Шасолтан? Дочь поливальщика Назара?..

— Что, не по душе?

— Не очень-то и по душе, — откровенно признался Гайли. — Да и справится ли она?

— Еще как справится! — убежденно ответил Тойли. — Девушка умная, агроном с высшим образованием. Понимает и землю, и воду. И народ понимает — уже год, как парторг. Не беспокойся, знает она людям цену, и тебе, и мне, кому хочешь.

— Так ведь женщина! Женщина! — закричал Кособокий. — Если скажешь, что женщина может быть министром, я поверю. А вот председателем колхоза...

— Шасолтан хоть и молодая, а поумнее тысячи таких мужчин, как ты, — вмешалась Акнабат, убирая со стола.

— Слыхал! — улыбнулся Тойли Мерген, кивнув в сторону жены.

— Вы как хотите, а мое дело маленькое, — устранился от спора Гайли. Он решительно встал, нахлобучил на лоб свою островерхую шапку и шагнул к выходу. Но в дверях обернулся и с недоброй усмешкой произнес: — Если тебе, дорогой Тойли, станет скучно дома сидеть, приходи, поможешь мне собирать с приусадебного участка капусту и морковь...

Только после его ухода Тойли Мерген почувствовал, как он устал. В голове звенело, словно в огромном глиняном сосуде, даже скулы ныли от напряжения. Он молча курил, не в силах встать с места.

Акнабат перемыла и убрала посуду, потом присела на корточки возле мужа и, с печалью глядя куда-то в пространство, смущенно спросила:

— Как теперь будешь жить, Тойли, после всего этого шума? Захотят ли подыскать для тебя достойную работу?

Тойли Мерген решительно раздавил в пепельнице только что начатую сигарету и поднялся.

— Там видно будет, мать. А пока надо лечь да выспаться.

Ближних и дальних родственников Тойли Мергену хватало, но в доме у него было малоллюдно. Обе его дочери после замужества жили отдельно — у них уже были свои семьи. Сын Аман пока еще не женился, но стал убежденным горожанином. В прошлом году он окончил сельскохозяйственный институт и вернулся в родной колхоз инженером-механизатором. Однако проработал здесь недолго. После пяти лет учебы в Ашхабаде его неудержимо тянуло в город. В конце концов он ушел из колхоза и поступил на работу в автопарк, обслуживающий Каракумский канал.

Тойли Мергену эта затея не понравилась, но перечить сыну он не стал. Как ни старалась Акнабат удержать Амана в родительском доме, сколько ни убеждала мужа вмешаться, Тойли остался верен себе.

— Будет ли тебе хорошо, — говорил он жене, — если ты сама причинишь боль единственному сыну? Пусть идет туда, куда влечет его душа. Слава богу, мы пока не нуждаемся в его помощи. Пусть живет, где хочет, был бы только здоров и высоко держал голову.

А когда выяснилось, что горсовет предоставит Аману квартиру не скоро, Тойли Мерген купил ему в городе дом с участком.

Бесть об экстренном собрании в родном колхозе, где решается вопрос о его отце, дошла до Амана в тот же день. Дурные вести вообще обладают той особенностью, что распространяются мгновенно, едва ли не быстрее, чем по радио. Так и тут получилось.

Аман бросился к телефону.

— Мама, что там у нас? Что это про отца болтают?

Узнав голос сына, Акпабат, которая и без того не находила себе места с той минуты, как началось собрание, даже всхлипнула.

— Пока, сынок, еще все неясно.

— Мама, ты плачешь?

— Нет, сынок.

— Мама, возьми себя в руки. Не подобает тебе так расстраиваться.

— Ай, сынок, какой бы женщина ни была, она все-таки женщина.

— Мама, ты не только женщина, ты — жена Тойли Мергена. Не забывай об этом.

— Постараюсь, сынок.

— Я вечером еще позвоню.

— Позвони, сынок...

Но Аман не выдержал до вечера. Он позвонил, как только кончился рабочий день.

— Папа еще не вернулся с собрания?

— Нет, пока не пришел.

— А что все-таки слышно? Что отец говорит?

— Ты что, сынок, не знаешь своего отца? Ничего он не говорит.

— Ну, а какое у него настроение?

— Откуда же мне знать. Придет, попьет чаю, поест и снова уйдет.

— А ты бы спросила.

— Ай, сынок, спрашивай не спрашивай — и без того все выяснится.

— Когда?

— Ведь не месяц же собранию тянуться. Не сегодня завтра кончат.

— Да, это верно. Только ты, мама, зря не мучай себя.

А я попозже позвоню...

В полночь трубку снял уже сам Тойли Мерген.

— Салам, папа!

— А, это ты, Аман! Ну, как дела, как настроение?

— Ничего, папа. А как у тебя?

— Ай, и у нас не так чтобы совсем скверно.
— Собрание кончилось?
— В свое время и ему конец придет.
— А как ты думаешь, что решат?
— Пока трудно сказать.
— И не чувствуешь, к чему дело клонится?
— Вроде бы и чувствую, да все еще смутно.
— Что же это будет!.. Я как узнал, хотел сразу выехать.

— А ты здесь зачем?
— Ну, все-таки, папа...
— Занимайся своими делами, Аман. И не звони то и дело — только зря мать тревожишь. Понял?
— Понял, папа.
— Ну, если понял, спокойной тебе ночи.
Но в ту ночь сон не шел к Аману. Да и на работе он ходил сам не свой.

О том, что отца сняли, Аман узнал лишь на четвертый день, когда поутру вышел из дому и сразу наскочил на живущего по соседству пенсионера Тархана Гайипа. Толстяк Гайип словно караулил его. Он вдруг возник откуда-то сбоку, решительно преградил Аману путь и долго шевелил своими пухлыми губами, прежде чем приступить к столь радующему его разговору.

— Как поживаешь, сынок? — с удовольствием поглаживая себя по животу и ехидно ухмыляясь, спросил он наконец.

— Спасибо, папаша, все в порядке, — как можно суше ответил Аман, сразу смекнув, о чем пойдет речь, и давая понять собеседнику, что ему некогда.

— А об отце ты уже знаешь? — остановил его сосед, предостерегающе подняв коротенький указательный палец.

— Что я должен о нем знать?

— Ну и времена! — покачал толстяк головой, как дно деревянной миски, головой. — Сын ничего не знает об отце...

— Простите меня, папаша...

— Не торопись, успеешь! Твой отец когда-то был мне закадычным другом... Так вот, его, как говорится, с коня сбросили. Что, не понял? Ну, согнали с трона, одним словом. Не председатель он уже...

— Это я понимаю, — спокойно ответил Аман. — Меня другое удивляет: ваше злорадство.

Молодой человек уже сделал шаг, чтобы обойти назойливого собеседника, как тот снова остановил его:

— Ты, сынок, на меня не сердись. Я ведь попросту, по-соседски. А соседям положено всякие вести сообщать — и добрые, и дурные. Я хотел как лучше...

— Спасибо, папаша...

— Да погоди ты! Второпях такие дела не делают. Наказ тебе хочу дать, — прижимая Амана животом к забору, упорствовал Гайип. — Когда поедешь домой, первым делом передай от меня Тойли Мергену большущий привет. А еще скажи ему, — тут толстяк внезапно хихикнул, — пусть не печалится. Подумаешь, велика беда — выгнали! И без того пора на пенсию. Чего-чего, а белого амура, что в Каракумском канале плавает, на нашего брата хватит. Слава богу, еще никто не запретил его ни ловить, ни продавать. Пусть в город переезжает — крыша-то над головой ведь есть, и не кибитка какая-нибудь, а прямо-таки дворец падишаха... Будем вместе на рыбалку ездить, уху варить. Что касается кубинского рома, то, к счастью, у нас его — хоть залейся... Словом, скучать не будем.

— Боюсь, что отец откажется от таких развлечений.

— А ты не бойся. Ты хоть и славный малый, хоть и инженер, а все еще дитя малое. Пойми, что, если такой всадник с седла скovyрнулся, ему уже больше не влезть. Ты что думаешь, может, я по своей воле на пенсию вышел? Спровадили меня, дорогой товарищ, тоже спровадили...

— Не знаю, как там насчет пенсии, а только вряд ли отец захочет с вами рыбу ловить...

Эти не слишком-то вежливые слова вырвались у Амана сами собой, но они-то и позволили ему ускользнуть от опешившего соседа. Впрочем, сквозь толстую, как копыто старого верблюда, кожу Гайипа не проникали никакие обиды. уже через мгновение до Амана донеслась ответная реплика, произнесенная не то чтобы злобно, а скорее даже ласково:

— Обязательно захочет. Еще за счастье почтет!

Хотя молодой инженер на протяжении всего разговора и держался с достоинством, всячески ограждая честь отца от пошлых намеков завистливого соседа, но, честно говоря, дурная весть ошеломила его.

Аман никак не мог предвидеть такого исхода. Он слишком свыкся с мыслью о том, что его отец — человек, беззаветно преданный своему делу, совершенно чуждый всему, что связано с личной выгодой, на редкость справедливый и бескорыстный, — способен преодолеть любую трудность. Ему действительно казалось, что должность пред-

седателя закреплена за его отцом пожизненно. И вдруг такое дело...

«Вероятно, отцу сейчас очень тяжело,— думал Аман, торопливо шагая в направлении автобазы.— Да и как может быть иначе? В один миг перечеркнута репутация, которая создавалась на протяжении целых восемнадцати лет. И все эти годы — самоотверженный труд изо дня в день. С тех пор, как я себя помню, не было случая, чтобы мы дома видели, когда отец ложится и когда встает, словно сон для него что-то запретное. И ведь не зря все это. Благодаря стараниям отца отсталый, полуразвалившийся колхоз очень скоро вышел в передовые и вот уже сколько лет является гордостью республики... Такому человеку мало памятник при жизни поставить!.. Есть ли после этого справедливость?.. Хватит ли у отца душевных сил, чтобы выдержать такую передрыгу?.. Ведь он — человек гордый и непреклонный...»

Когда Аман подходил к автобазе, из ворот выехал огромный самосвал и с шипением затормозил возле него. Курчавый смуглый паренек, улыбаясь, выглянул из кабины:

— Доброе утро, инженер!

— Здравствуй, Джума! Ну, как дела?

— Да вот, сами видите. Ночку не поспали, зато ремонт закончили.

— Молодцы! Куда направляешься?

— За канал! Дамбу насыпать!

— И Бяшим тоже?

— Его тоже туда послали.

— Присматривайте там за ним. Говорят, его опять в шашлычной видели в рабочее время. Если он снова напьется — весь коллектив опозорит. Парень он способный, а ведет себя...

— Не беспокойтесь. Он теперь, кроме зеленого чая, ни на какую жидкость не глядит.

— Если бы... Ну, желаю успеха.

Во дворе автобазы все сотрясало от рева моторов. Водители с путевками в руках торопливо выходили из конторы и привычно вскакивали в кабины. В разных концах энергично хлопали дверцы, и тяжелые машины одна за другой выползали за ворота. Пересекая двор, Аман то и дело приветственно помахивал шоферам и механикам, славным загорелым парням, с которыми последний год ему довелось работать бок о бок.

Перешагнув порог конторы, он, не заходя к себе, направился прямо к директору, благо для главного инженера

двери директорского кабинета были открыты в любое время. Но на этот раз, едва он вошел в приемную и поздоровался с секретаршей, как эта пожилая женщина торопливо встала из-за машинки.

— Придется обождать, сынок, — остановила она его.

— Разве директор еще не пришел? — удивился Аман.

— Прийти-то он пришел, и, как всегда, раньше нас всех... — словно оправдываясь, объясняла секретарша. — Ты уж не обессудь, но только мне приказано никого не пускать. Никогошеньки...

— Надеюсь, это ко мне не относится?

— Нет, и к тебе тоже. Если у тебя не горит, подожди немного. Посиди, покури, а там, глядишь, директор и освободится.

Озадаченный таким приемом, Аман растерянно топтался на месте.

— Ладно, на мою ответственность! — внезапно бросил он секретарше и, решительно распахнув дверь, шагнул в кабинет.

Обычно директор, заведя входящего Амана, легко отрывал от сиденья свое грузное тело, приветливо поднимаясь ему навстречу. Но сегодня он даже не пошевелился, увидев инженера. Развалясь в своем мягком кресле, он как ни в чем не бывало продолжал лениво говорить в трубку какие-то ничего не значащие слова, лишь легким движением бровей предложив ему присесть. Судя по всему, телефонный разговор вовсе не носил делового характера и никак не являлся препятствием для приема посетителей, а просто доставлял директору удовольствие. Бессодержательность его неторопливых реплик сразу стала очевидна Аману, едва он опустился на стул. Тем не менее директор еще долго говорил, изредка посмеиваясь, как человек, не считающий нужным скрывать свою радость. Наконец эта непонятная для постороннего слуха беседа иссякла и трубка легла на рычаг.

— Ну, что скажете, инженер? — весело прищурясь, спросил он. — У вас, судя по всему, безотлагательное дело?

«Что-то у него уж очень хорошее настроение сегодня, — не без досады подумал Аман. — Даже тогда, когда автопарк впервые выполнил план и получил премию, на лице у директора нельзя было прочесть такого довольства. Какая же добрая весть коснулась его слуха, какой ласковый ветер погладил его по лицу? Не иначе как он уже узнал об отце...»

— Вы торопитесь? — вежливо осведомился Аман.

— Я-то не тороплюсь, это вам сегодня, видно, некогда.

— У меня маленькая просьба, — оставив без внимания директорскую иронию, перешел к делу Аман. — Разрешите мне на два дня съездить к родителям.

— На два дня? — деланно изумился директор. — Какая может быть поездка, когда на вашей ответственности столько машин!

— Но ведь все машины, кроме тех четырех, на ходу.

— Что ж, по-вашему, те четыре уже никогда не выедут за ворота?

— Вы же знаете, пока не будет запчастей, они с места не тронутся.

— Я таких отговорок не принимаю. Добыть запчасти — ваша прямая обязанность. Может, вы не у нас работаете и заглянули к нам вроде бы как на гастроли? Так и скажите.

— Еще в день зачисления на работу я вас предупредил, что добывать запчасти всякими противозаконными способами не намерен. И оттого, что я на два дня отлучусь, ничего не изменится. Во всем остальном меня отлично заменит главный механик.

— У главного механика своих забот хватает. К тому же не забывайте, что государство платит вам жалованье...

— У меня и в мыслях не было ехать за казенный счет. Я прошу без сохранения содержания, пусть бухгалтерия удержит из зарплаты, — настаивал Аман.

— Ай, разве в зарплате дело! — отмахнулся директор.

— Тогда в чем же?

— В том, что вы очень уж боитесь замараться. Поймите, что без комбинаций ваша должность бессмысленна. Надо уметь изворачиваться, применяться к обстановке. Мне такие чистюли не нужны. Тоже мне, праведник нашелся...

— Могу я у вас попросить лист бумаги? — спокойно произнес Аман.

На лице директора промелькнуло удовлетворение. Не торопясь, он достал из ящика стопу писчей бумаги и небрежным жестом кинул ее на стол.

— Хватит или мало? — съязвил он. — Могу и ручку дать.

— Спасибо. Ручка у меня есть.

Когда заявление инженера с просьбой освободить его от занимаемой должности по собственному желанию оказалось в руках у директора, тот уже не скрывал своего

ликования. Его хмурое морщинистое лицо разгладилось и словно посветлело.

— Что ж, вольному воля, — улыбнулся он. — Тем более что вы, едва поступили, сразу стали мне во всем перечить. Вспомните...

— Тут и вспоминать нечего, — прервал его Аман. — Когда я пришел на автобазу, вас чуть ли не ежедневно вызывали в горком и не очень-то гладили там по головке. Разве не так?

Директор молчал.

— Вам не нравились мои действия, но почему-то мы все-таки вылезли из прорыва, — продолжал инженер. — Да, я не давал спуска лодырям, и потом об этом говорилось на партактиве. Вот тут-то вы и испугались...

— Чего же мне было пугаться? — изобразил удивление директор.

— А то вы не знаете — чего? Вам пришло в голову, что я зарюсь на ваше мягкое директорское кресло. И вы решили избавиться от меня. Любым способом. Вы бы меня давно уволили, но опасались, что мой отец не потерпит несправедливости и поднимет шум. Портить отношения с Тойли Мергеном вам не хотелось — что ни говорите, человек в районе известный. Вот тогда вы и стали толкать меня на «левые» дела с запчастями...

— Клевета! — закричал вдруг директор. — Чудовищная клевета!

Чем больше кипятился директор, тем спокойнее становился Аман.

— Я бы сам хотел, чтобы это было клеветой. Но, к сожалению, это святая правда. И раз уж у нас получился такой откровенный разговор, скажу вам еще одно. Не вздумайте отыграться на моей характеристике.

— Да уж, ничего лестного там написано не будет.

— Что ж, придется обратиться за поддержкой к коллективу. У нас ведь все работники на виду и настоящую цену друг другу знают.

— Ну, ладно! — неопределенно протянул директор и написал на заявлении: «Не возражаю».

Увидав резолюцию, Аман попрощался и поспешил на улицу.

Вскоре ему удалось остановить такси. Еще находясь под впечатлением неприятного разговора, он сел рядом с водителем и задумчиво произнес:

— Теперь прямо в колхоз.

— У нас на Мургабе много колхозов, — усмехнулся таксист. — Какой-нибудь поближе или, может, наоборот, подальше?

— В «Хлопкороб».

— Так бы и сказали. К Тойли Мергену, значит?

— Да. И побыстрее...

— А что-то говорят, будто Тойли Мергена вроде бы освободили. Не знаете за что?

— Нельзя ли побыстрее?

Поняв, что с этим пассажиром разговор не получится, водитель дал газ. А когда западная граница города и переезд через железную дорогу остались позади, машина понеслась с такой скоростью, что они оказались на месте уже через пятнадцать минут вместо положенных тридцати.

— Спасибо, брат, будь здоров! — сказал Аман, расплачиваясь с таксистом. — Красиво водишь.

Из-за деревьев Аман сразу разглядел толпу возле их дома.

«Что бы это могло значить? — недоумевал он, шагая к родному порогу. — Неужели что-то случилось — отец в последнее время жаловался на сердце...»

Лица у людей были печальные. Аману даже показалось, что на глазах у колхозного кассира, коротышки Оразмамеда, блестят слезы. Только Кособокий Гайли с беспечным видом сидел на корточках в сторонке.

Не на шутку встревоженный, Аман даже позабыл поздороваться.

— Что привело вас сюда, люди добрые? — обратился он к собравшимся.

Но никто не отозвался на его вопрос, только некоторые смущенно переглянулись.

— Дядя! Почему вы молчите? — повернулся он к Гайли. — Что тут происходит?

Кособокий Гайли нехотя поднял на племянника глаза, неторопливо выпрямился, лениво потянулся, выплюнул через левое плечо табачную жвачку из-за щеки, задумчиво растер плевком носком сапога и только после этого заговорил:

— Ничего тут не происходит. Просто твой отец после того, как перестал быть председателем, уже не считает нужным вставать раньше других. Видно, решил отоспаться.

— Он здоров? — с опаской спросил Аман.

— Вряд ли найдешь здесь кого-нибудь здоровее твоего отца.

Успокоенный, даже не столько словами, сколько безмятежным тоном дядюшки Гайли, Аман уже хотел было войти в дом, но в этот момент дверь отворилась и в проеме появился сам Тойли Мерген с полотенцем через плечо. Окинув быстрым взглядом собравшихся, он укоризненно покачал головой:

— В чем дело, люди? Что-то не помню, чтобы я вас приглашал. Да еще с утра пораньше.

Тойли Мерген прекрасно понимал, что родственники и друзья собрались здесь в знак уважения к своему бывшему председателю. Но если что-нибудь действительно претило ему сейчас, так это понурые лица у его дверей и никому не нужное выражение сочувствия.

— Ну, что же вы? Воды в рот набрали, что ли? — нахмурился он.

Оразмамед вместо ответа отбросил прутик, которым что-то чертил на земле, и многозначительно кивнул Кособокому Гайли. Тот посмотрел по сторонам, убедился, что никто, кроме него, говорить не собирается, решительно на двинул на лоб шапку, будто готовясь сделать важное сообщение.

— Ну, чего ты разворчался? — вопреки торжественным приготовлениям, совсем запросто обратился он к Тойли. — Твои благодарные родственники, твои друзья-приятели пришли тебя проводить, а ты...

— С утра приходят проводить больных. А я, слава богу, здоров. Вряд ли найдешь здесь кого-нибудь здоровее меня, — вернул Тойли Мерген шурина его фразу, которую, по-видимому, услышал из-за двери. — А у вас лица такие, будто вы даже и не к хворому пришли, а прямо на поминки... Своих, что ли, забот не осталось?

Гайли молча пожал плечами, как-то бестолково улыбнулся и первым зашагал прочь. За ним потянулись и остальные. А Тойли Мерген молча пропустил в дверь Амана и сам скрылся в доме. И все же до его слуха донеслась кем-то пущенная ему вслед обиженная реплика: «Как тот козел — сам не знает, чего хочет, совсем заморочил нам голову...»

Однако в то утро гордому Тойли Мергену не суждено было так быстро обрести покой. Проводив сына в большую комнату, где обычно принимали гостей, он с подозрением покосился на дверь в кухню, откуда доносились приглу-

шенные голоса. Тойли не по летам стремительным шагом подошел к этой двери и резко отворил ее.

Здесь его поджидало другое сборище. Оказывается, пока мужчины толпились на улице возле дома, их жены незаметно проникли внутрь и заполнили всю просторную кухню Акнабат.

Первой в глаза Тойли Мергену бросилась его старшая дочь. Увидав отца, она быстро вытерла слезы и бросилась к нему с полным женской скорби возгласом: «Папочка!»

Решительным жестом остановив дочь на полпути, Тойли Мерген обрушил весь свой гнев на жену:

— Акнабат! Сейчас же проводи гостей! Совсем меня опозорить хотите...

К сыну он вернулся сам не свой. Сочувствие женщин возмутило его до такой степени, что он уже не находил слов.

— Ну, пришли, и ладно,— пытался утихомирить его Аман.— Ты же, папа, как говорится, уже выплеснул на мужчин всю соленую воду. Вот и хватит. И вообще великодушные всегда лучше гнева.

Но Тойли Мерген все еще дрожал от негодования.

— Ты подумай только, за кого они меня считают! — кипятился он.— Что я, падишах, сброшенный с трона? Или, может быть, мне теперь грозит голодная смерть?

— Ну, что ты, папа,— уговаривал его Аман.— Как-никак — родственники. Будь уверен, они прекрасно знают, что ты не пропадешь, даже если окажешься между двумя жерновами. Просто у них свои представления о человечности. И не надо понапрасну сердиться.

— Родственники!.. Вот из-за них-то меня и сняли...

— Ах, папа! От других ты всегда требуешь выдержки, а сам, смотри, какой раздражительный стал...

— Ладно, хватит об этом,— согласился Тойли.— Скажи матери, чтобы дала нам чаю.

За завтраком сын осторожно осведомился:

— Ну, а что ты теперь намерен делать?

— Еще не знаю,— развел руками Тойли Мерген.

— На пенсию выходить, пожалуй, рановато...

— Если ты отца хоть сколько-нибудь уважаешь, то больше о таких вещах не заговаривай! — опять вскинулся Тойли Мерген.

— Считай, что я этого не говорил.

— Тойли Мерген никогда не выйдет на пенсию! Понимаешь? Никогда! Да я лучше умру, чем буду сидеть

без дела. Так и запомни!.. А о работе не беспокойся. Кого-кого, а твоего отца без дела не оставят. Вот посмотришь, не успеем мы с тобой позавтракать, как зазвонит телефон...

II

Но телефон не звонил. Ни за завтраком, ни после обеда, ни на завтра. Те два дня, что Аман провел у родителей, он еще как-то отвлекал отца от этой темы. Но после отъезда сына Тойли Мерген всерьез затосковал. Не так-то это весело, когда человека, которому всегда было мало суток для работы, который не поспевал за делами и всем был поминутно нужен, судьба вдруг предоставляет самому себе.

А тут еще явился Кособокий Гайли и своими шуточками по адресу Тойли Мергена в один миг раздул костер его самолюбия.

— Да, пока ты председатель, тобой все интересуются, — ехидничал он. — Каждый рад с тобой хлеб-соль разделить, даже выпить за твое здоровье. А сейчас кто о тебе думает? Погоди, еще ревизора на тебя напустят, да что ни на есть самого дотошного. Еще будешь благодарить небеса, если благополучно вывернешься...

«В самом деле, что это меня никто не тревожит? — сокрушался Тойли Мерген. — Верно, всего несколько дней прошло. Срок, конечно, невелик. С другой стороны, бывало, неделя промелькнет и не заметишь. А теперь четыре дня как четыре года... Ведь не преступник же я, чтобы меня вовсе перечеркнули. Ну, ошибся, споткнулся...»

Почему-то вдруг ему вспомнились годы юности, Мары тех лет, интернат имени Кемине. Как-то осенью к ним приехал сам Атабаев с целой свитой. К его посещению ученики тщательно готовились — украсили помещение, сами принарядились, как могли. Их выстроили в длинную шеренгу, и они во все глаза смотрели на рослого, красивого, причесанного на пробор человека в сапогах и гимнастерке с широким ремнем. Он окинул их веселым умным взглядом и сказал:

— Привет, джигиты! Здравствуйте, девушки! Ну, как настроение?

— Настроение хорошее, товарищ председатель Совета Народных Комиссаров! — дружно ответили они, как было заранее отрепетировано.

— С хорошим настроением и учиться легче. Знаете пого-

ворку: «У кого рука твердая — одного врага одолеет, у кого знания твердые — тысячу врагов одолеет»...

Атабаев сказал короткую речь, а потом стал знакомиться с учениками. Тойли попался ему на глаза одним из первых.

— Ты почему, друг мой, такой хмурый? — подходя к нему, спросил он. — Может, учиться неохота?

— Один из лучших учеников у нас, товарищ Атабаев, — поспешил вмешаться директор интерната.

— Чем-то он расстроен, — внимательно оглядев Тойли, убежденно заключил председатель Совнаркома.

— У меня мать заболела, — смущаясь, пролепетал Тойли, которому тогда едва исполнилось шестнадцать лет. — Одна она, уже неделю некому за ней присмотреть.

— Если так, чего ж ты медлишь? — удивился Атабаев. — Надо было сразу отпроситься домой.

— Хотел вас увидеть, — честно признался юноша.

— Ну, это уж никуда не годится! — покачал головой именитый гость. — Атабаевых много, а мать одна. Ты из каких мест?

— Из Кара-яба.

— Всего-то! Это же два шага отсюда. — Атабаев подождал приехавшего с ним худощавого парня в кожаной куртке и распорядился: — Возьми с собой врача и поезжай сейчас вместе с ним, — указал он на Тойли, — в Кара-яба. Быстро!

Когда сын сказал матери, что он приехал на машине самого Кайгысыза Атабаева, и объяснил, как это получилось, та словно коснулась неба головой и недуг с нее будто рукой сняло. Да и есть ли вообще в мире более целительное средство, нежели простая человеческая отзывчивость!..

Ночь у Тойли Мергена прошла в тяжких раздумьях. И хотя в открытое окно тянуло прохладой, он задыхался и не сомкнул глаз, нетерпеливо дожидаясь рассвета. Ярмо одиночества почти физически давило ему на плечи.

Чуткая Акнабат поставила перед ним чай, подала завтрак, но кусок не шел ему в горло. Он что-то поковырял вилкой, подумал, потом решительно встал, с шумом отодвинув стул, и принялся собираться в дорогу.

— Куда это ты, отец, в такую рань? — удивилась жена.

— В райком! — чуть ли не рывкнул он в ответ.

Не успел Тойли Мерген проехать на своей зеленой «Волге» и ста метров, как его окликнул Кособокий Гайли.

— Куда это ты собрался? — полюбопытствовал шурин,

который, несмотря на ранний час, уже копался на своем приусадебном участке.

— Да так... Решил в город съездить.

— Чудак человек! Лежал бы себе и не гневил бога, раз никто тебя не тревожит.

— А я, может, потому и еду, что никто меня не тревожит.

Гайли подбросил несколько раз на ладони только что сорванный болгарский перец и понимающе подмигнул:

— Так бы и сказал, что едешь в райком жаловаться.

— Предположим, ты прав. Разве в райком грех жаловаться?

— Грех — не грех, а только... — замялся Гайли, поглаживая костлявый подбородок с редкой растительностью. — Я бы на твоём месте не поехал. У тебя, слава богу, сын взрослый, да ещё со специальностью. На кусок хлеба всегда можешь рассчитывать. Да будь у меня такой сын, я бы не стал спину гнуть, лежал бы себе кверху пузом и радовался.

— А от тебя и так ничего другого ждать не приходится, — махнул рукой Тойли и нажал на газ.

Когда Тойли Мерген подъехал к райкому, рабочий день ещё не начался. В длинном коридоре кто-то с ним поздоровался, он машинально ответил и, не сбавляя шага, решительно прошёл в приёмную первого секретаря, пересек её и уже готов был войти в кабинет, когда девушка, сидевшая за столиком возле двери, остановила его:

— Товарища Карльева нет.

— Который час? — поспешно обернулся Тойли Мерген. — Он что, сегодня не будет?

Быстроглазая девушка перестала расчесывать свои длинные блестящие волосы, закрывавшие ей плечи, неторопливо спрятала в сумку зеркальце и расческу, потом посмотрела на ручные часы и приветливо сказала:

— Сейчас без нескольких минут девять. Он вот-вот подойдёт. Садитесь, подождите, Тойли-ага. — И показала на диван.

Тут же зазвонил телефон.

— Нет, пока не приходил, — ответила девушка. — Хорошо, товарищ Ханов, как появится, сразу сообщу.

Она положила трубку, и в приёмной воцарилась тишина. Тойли Мерген заметно нервничал. От нечего делать он закурил сигарету и сидел теперь понурый, пуская в пол струи дыма. Желая как-то занять посетителя, секретарша попыталась пошутить.

— Когда думаете той справлять, Тойли-ага? — невинно спросила она.

— Той? — удивился Тойли Мерген, не сразу оторвавшись от своих дум. — По какому же случаю?

— Разве вы не знаете, что есть такая традиция, — со смешинкой в глазах объяснила девушка: — Каждый председатель обязан дважды устроить той — сперва, когда его выбирают, и потом, когда освобождают.

— Ну, вначале — еще куда ни шло, — немного подумав, отозвался Тойли Мерген. — Но пировать, когда тебя сняли, что-то, по-моему, глуповато. Если я уж тогда не устраивал той, то сейчас и подавно не буду.

— А я бы на вашем месте... — продолжала развлекать посетителя секретарша. — Я бы...

Конечно, скажи ему про такую традицию не эта быстроглазая, а кто-нибудь другой, он отчитал бы развязного собеседника за глупую шутку. Но она-то ведь не со зла. «Эх, дочка, что ты в жизни понимаешь, — улыбнулся он про себя. — Да окажись ты на моем месте, ты бы, наверно, позабыла, как тебя зовут, а не то чтобы пиры устраивать...»

Неизвестно, как бы дальше развивался этот разговор, но тут в дверях показался Карлыев.

Мухаммед Карлыев стал секретарем райкома два года назад. Несмотря на молодость, у него уже был немалый опыт комсомольской и партийной работы, который в конце концов позволил ему поступить в Академию общественных наук в Москве. Учиться ему было нелегко, особенно поначалу, но окончил он академию успешно и потом некоторое время работал в аппарате Центрального Комитета в Ашхабаде.

На первый взгляд секретарь райкома мог показаться человеком несколько медлительным, но на самом деле его неторопливость была скорее проявлением той тщательности, которая отличала его во всем, начиная с выполнения партийных решений и кончая манерой одеваться. Много говорить он не любил, но на размышления времени не жалел, что, кстати сказать, в районе быстро за ним подметили и что особенно способствовало его популярности.

Хотя Карлыев и понимал, что бывший председатель «Хлопкороба» обязательно пожалует к нему в райком, однако все же не предполагал, что это произойдет так быстро. Входя к себе в кабинет, он пропустил Тойли Мергена вперед, усадил его на один из множества стульев, okay-

млявших длинный стол заседаний, и сам сел рядышком.

— Ну, Тойли-ага, — улыбнулся он. — Как настроение? Как здоровье? Отдыхаете как?

Прием, оказанный секретарем райкома, пришелся Тойли Мергену по душе, и все же внутри у него все клокотало.

— Я, Мухаммед, из тех людей, что отдыхают только за работой, — начал он, стараясь сдержать обиду. — А вы знаете, сколько дней прошло, как меня сняли?

Карлыев сразу почувствовал, что Тойли Мерген сердится. Тем спокойнее с ним следовало говорить.

— Знаю, — ответил он твердо. — Вас освободили от должности председателя пять дней назад.

— Шутка сказать — пять дней! А знаете ли вы, что на уборке хлопка хороший работник собирает за пять дней пятьсот килограммов?

— И это знаю.

— А вы уже пять дней совсем не интересуетесь мною. Почему? Я ведь если не председатель уже, то по-прежнему... живой человек... коммунист!.. Как говорится, бездельник и богу противен... И еще говорится, что с душой человеческой нужно обходиться осторожнее, чем с зеркалом. Хрупкая это штука, душа... Я на дружбу не напрашиваюсь, но ведь и знакомы мы не первый день, кажется, можно было поинтересоваться...

Карлыев дал ему выговориться.

— Вы правы, Тойли-ага! — согласился он, когда тот умолк. — И про душу хорошо сказали. Слушая вас, я подумал, что, если бы меня сейчас освободили и хоть на один день предоставили самому себе, я бы, наверно, завыл от тоски. Вы вправе упрекнуть нас. Наша промашка. И прежде всего я виноват... Вопрос о вашей дальнейшей судьбе надо решать сразу, не откладывая. Честно говоря, я собирался вас навестить, да закрутился... Слышали, наверно, к нам в республику собираются важные гости. Так вот, не исключено, что они и в наш район заглянут, а очень может быть, и в ваш «Хлопкороб». Так что забот хватает.

— Это я понимаю, — согласился Тойли Мерген, заметно успокаиваясь и доставая из кармана сигареты. — Курить будешь, Мухаммед? — совсем уже дружелюбно осведомился он.

— Закурим! — секретарь райкома вытащил из предложенной пачки сигарету и прошел к себе за письменный стол. — Да, признаться, мы тут и так, и этак прикидывали,

но ни к чему пока не пришли. Пока, право, я не знаю, что же вам предложить, какой работой соблазнить...

— Товарищ Карлыев, возьмите трубку! — сказала, приоткрыв дверь, секретарша.

— А... Товарищ Ханов! Салам! — произнес в трубку Карлыев. — Нет, не один. Тойли-ага у меня, ну да, Тойли Мерген. Кстати, вы мне нужны. Зашли бы, если дела позволяют. — И, кладя трубку, он пояснил: — Может, у Ханова есть для вас подходящая работенка.

Услышав фамилию председателя райисполкома, Тойли Мерген опять помрачнел, но возражать не стал, тем более что в этот момент секретарша внесла в кабинет чай.

— У него-то всегда есть незанятые должности, — приговаривал Карлыев, разливая чай в пиалы.

Вскоре из приемной донесся скрип сапог.

— У себя? — послышался громкий голос Каландара Ханова, и тут же он сам широко и властно распахнул дверь кабинета.

Внушительность фигуры, уверенность движений, седина на висках — всем своим обликом председатель райисполкома мгновенно внушал к себе уважение, казалось, ничуть об этом не заботясь.

— Салам! — небрежно бросил он, крепко пожимая руку Карлыеву и нехотя здороваясь с Тойли Мергеном.

— Как насчет пиалы зеленого чая? — вежливо осведомился секретарь райкома, от чьих глаз не укрылась натянутость отношений между двумя его посетителями.

— Только что вдоволь напился верблюжьего чала¹, — не слишком-то деликатно отказался Ханов и совсем уже бесцеремонно развалился в кресле.

— Вчера никак не мог вас застать, — продолжал Карлыев, наливая чай Тойли Мергену и себе. — Ездили куда-нибудь?

— Уже два дня воюю с работниками канала! — гордо произнес председатель райисполкома, искоса поглядев на примолкшего Тойли Мергена и со смаком закуривая.

— А я уже решил, что вы в пустыню подались, — пояснил секретарь райкома.

— Я охочусь только по выходным, — с достоинством отверг такое предположение Ханов. — Вот завтра, если что-нибудь срочное не задержит, правда махну в пустыню.

¹ Чал — кумыс из верблюжьего молока.

Говорят, возле Серакса дроф и куликов видимо-невидимо. Может, соблазнитесь? Заодно и скот посмотрим...

— Спасибо... Что-то я, по правде сказать, утомился за последние дни. Думаю завтра и послезавтра никуда не выходить. К тому же вчера из Ашхабада приехал к Марал научный руководитель. Хотелось бы и мне с ним потолковать. Да еще две диссертации уже неделю у меня лежат, на отзыв присланные, — тоже ведь прочесть надо... Одним словом, много всего накопилось. Кстати, а что там, на канале? Что, опять воду зажали?

— Лучше не спрашивайте про это! — зло сверкнул глазами Ханов. — Если бы я вчера к ним не пагрянул, так бы и загубили весь южный участок. Я уж не говорю про дыни и арбузы, кукурузу с полмесяца не поливали! Земля как камень стала — хоть абрикосовые косточки об нее коли... Есть там у них один техник, может, знаете, лысый такой. Так я ему чуть по лысине не двинул...

— Нашему брату приходится порой сдерживать себя, — заметил Карлыев.

— Лично я не собираюсь! — возразил председатель райисполкома. — Не зря говорится, что, если камыш сразу крепко не ухватишь, он тебе только руку порежет.

— Так то — камыш. Его и скосить можно, и огнем свести... А человек...

— Я вашу позицию знаю! — нетерпеливо прервал его Ханов. — Но уж раз государство с нас спрашивает, то и мы обязаны требовать. Ведь если посевы выгорят, спросят с нас, а не с лысого техника.

— Согласен! И все же дать человеку по голове — не значит отнестись к нему требовательно.

— Каждый устроен на свой манер, товарищ Карлыев. Я, к примеру, — гордо выпрямился в кресле Ханов, — привык приказывать, а не упрашивать.

— Одно дело с толком приказать подчиненным, другое — запугать их. Они — люди. А из-под палки и скотина долго работать не станет.

Так ничем не примечательный разговор, начавшийся с охоты, неумолимо обернулся горячим спором о стиле руководства.

— Поучать всегда легко, — уже не стесняясь Тойли Мергена, огрызнулся председатель райисполкома.

— Я ведь только советую, а не учу... — По лицу Карльева было видно, что он вовсе не хочет обострения разговора. — Просто мне кажется, — мягко продолжил он свою

мысль после некоторой паузы, — что чем труднее обстоятельства, тем спокойнее следует действовать... Кстати, о воде и об этом технике мы еще поговорим. А сейчас я о другом — Тойли Мерген у нас без дела ходит. Надо бы дать ему достойную работу.

— У меня должностей нет, — решительно отрезал Ханов, всем своим видом показывая, что говорить с ним на эту тему не имеет никакого смысла.

— Помнится, вы на днях упомянули, что в управлении сельского хозяйства до сих пор не занято место специалиста по хлопководству.

— Да, только это место для человека с высшим образованием.

— А что, богатый опыт не может в данном случае заменить образование? Хотя бы временно?

— Ни в коем случае! У других не знаю как, а под моим началом не может, даже временно! — Председатель райисполкома поднялся, раздавил в пепельнице недокуренную сигарету, словно закончив тем самым пустой разговор, и уже другим тоном сказал: — Мы, если помните, собирались съездить в колхоз «Социализм». Там у них с уборкой что-то не ладится. Я потому и заглянул.

— Пожалуй, я не поеду.

— Как же так?

— Поезжайте без меня. Сегодня никак не получится. Прежде всего нужно с Тойли-ага решить — и без того неприлично затянули... И еще набежали некоторые неотложные дела. Так что придется, видно, вам одному...

— Ну что ж, решайте свои срочные вопросы, а я поехал! — подвел черту Ханов и, поскрипывая сапогами, вышел из кабинета.

После его ухода Карлыев некоторое время задумчиво смотрел в одну точку.

— Да, тяжелый человек... — неожиданно произнес он, покачив головой и предлагая сигарету Тойли Мергену. — Очень тяжелый.

Они снова закурили.

— Этот человек либо недостаточно умен, либо чересчур честолюбив, — не сразу отозвался Тойли Мерген, который при Ханове пачисто исключил себя из разговора. — Я его не слишком-то знаю, но сдается мне, что он до нынешней своей должности добирался из последних сил. Я бы рядом с таким и дня не вытерпел. А вы вот, смотрю, как-то ладите.

— Да, пытаемся сработаться, несмотря ни на что, — признался Карлыев. — Человек он и впрямь тяжелый, я бы даже сказал — грубый, но все же не без достоинств. Главное, что Ханов совершенно неустойчив. А ведь это немало!..

— Сердце вам подсказывает одно, а язык говорит другое, дорогой Мухаммед. Не все-то в жизни можно сгладить. Гохерты¹ тоже выносливы, но уж зато злее и упрямее верблюдов не сыщешь.

— Не судите по внешнему виду, Тойли-ага. Вон ежевика — до чего же колючая ягода. А варенье из нее — пальчики оближешь!

— Так ведь к ежевике сколько сахара добавляют! Потому и вкусно.

— Вот и мы постараемся к нему добавить чего-нибудь такого, — улыбнулся Карлыев.

— Уж очень он спесив. Аллах его знает, на чем его спесь замешена и куда он гнет? Что-то у него свое на уме...

— А у вас, Тойли-ага, оказывается, глаз приметливый, — признал секретарь райкома. — Скажу вам как старому коммунисту, что тут вы попали в самую точку. Хотя Ханов и не может пока действовать в открытую, но заветная его мечта — нет-нет да и проскользнет. Кому быть главным в районе — вот что его гложет. Такому бы безраздельно командовать народом, да вот беда — райком иной раз его осаживает. Если он поймет, что партийное руководство не для того существует, чтобы ограничивать власть исполкома, а для того, чтобы направлять ее по верному руслу, то и сам успокоится, и с людьми поладит. Ну, а если нет... Словом, время покажет... Вот так-то, дорогой Тойли-ага! — Карлыев достал из ящика письменного стола какой-то список и, пробегаая его глазами, продолжал: — Значит, в вашем деле нам от Ханова помощи не будет. Что ж, подумаем сами. Вот на мясозаготовки нужны люди, по селам ездить, но это вам никак не подходит... Еще есть работа, только здесь, в городе, не знаю, придется ли она вам по вкусу. Вообще-то хоть и далеко от дома, но дело реальное, тем более что машина у вас своя да и квартира здесь имеется. Пожалуй, неплохо было бы вам на какое-то время совсем уйти от колхозных дел... Так сказать, отдохнуть от них, стать горожанином... С другой стороны...

¹ Гохерт — сильная порода верблюдов.

— Я на работу не привередлив, Мухаммед! — торопливо вставил Тойли-ага. — Честное слово, готов даже сторожем куда пойти или камни на спине таскать, лишь бы про меня не говорили, что такой здоровый человек, а целые дни без дела болтается, дома у себя киснет.

— А то, может, подождем еще немного? — продолжал прикидывать вслух Карлыев. — По правде сказать, чем-то мне это назначение не по душе. — Он встал из-за стола, подошел к Тойли Мергену и положил руку ему на плечо. — Давайте еще немного повременим, может быть, и получше что-нибудь подвернется.

— Куда же еще ждать! — энергично запротестовал Тойли Мерген. — Тут и минуты ждать нельзя. Скажите прямо, какая там у вас должность.

— Вы всегда хорошо одеты, Тойли-ага, — издали и не без смущения начал Карлыев. — Даже в поле у вас обычно вид человека, одетого со вкусом и вполне современно. Судя по всему, вам не раз приходилось бывать в ателье?

— Бывать-то бывал, но при чем здесь ателье, я ведь не портной! — удивился Тойли Мерген.

— Портной не нужен, — засмеялся секретарь райкома. — Нужен директор. Мне зампред горсовета Курбанов чуть ли не каждый день звонит, все просит, чтобы я ему дал хорошего честного человека на эту должность. Он, конечно, и еще несколько дней подождет, так что вы подумайте как следует, посоветуйтесь, с кем надо, и потом мне скажете.

— Я согласен! — не раздумывая, заявил обрадованный Тойли-ага. — Чего же тут советоваться! Хоть сейчас готов приступить к работе.

— Погодите, погодите! — умирал его пыл Карлыев. — Вы сейчас поезжайте в это самое ателье, познакомьтесь с их работой, узнайте что к чему, какая там обстановка. Словом, примерьтесь сначала...

— Сейчас же еду! — поднялся Тойли Мерген. — Только считайте, что я уже познакомился и согласен.

На том они и распрощались.

Вскоре в кабинете у секретаря райкома снова объявился Ханов, заранее известив о своем приходе скрипом сапог.

— Вы же собирались в «Социализм», — удивился Карлыев.

— Я туда звонил. Отдал все нужные распоряжения по телефону.

— Хорошо бы все-таки съездить, на месте выяснить, как там дела. Может, им пужна помощь?

— Считайте, что уже съездил. Будьте уверены, после моего звонка сделают все, как я приказал! Ну, если теперь оттуда не пойдет хлопок, пусть на себя пеняют!

«Опять приказы, — с досадой подумал Карлыев, — опять руководящие указания, опять угрозы!.. Как будто люди там сами уже не умеют думать. Неужели правда, нельзя объяснить Ханову, что это порочный стиль работы?..»

— И все-таки нужно объяснить! — внезапно произнес он, даже не заметив, что разговаривает сам с собой уже вслух.

— Вы это о чем? — удивился председатель райисполкома, садясь в кресло...

— Послушайте, Ханов, — внимательно посмотрел на него Карлыев, — сколько лет вы учились в Ташкентской партийной школе?

— Я? — опешил Ханов.

— Да, вы.

— Два года.

— А до этого что делали?

— Ай, мало ли где мне пришлось небо коптить.

— Ну, например?

— Например, два года работал счетоводом в чулинском плодовом совхозе...

— А еще?

— Был недолго фининспектором в Бахардене... По налогам...

— Еще.

— Может, проще мою анкету затребовать?

— Зачем же анкету? Беседа всегда богаче бумаги.

— Был еще заместителем председателя колхоза. Оттуда на учебу уехал. А после Ташкента вы же меня сюда и направили. Потом, не прошло и месяца, сами здесь оказались...

— Еще один вопрос вам задам, совсем уже не анкетный, — улыбнулся Карлыев. Он достал из ящика стола две одинаково оформленные книги, положил их перед Хановым и как бы невзначай спросил: — Читали?

— Это Махтумкули¹? — растерянно прочел на обложке Ханов, не понимая, куда клонит секретарь райкома. Он неловко повертел двухтомник в руках и бережно положил обратно на стол. — Прекрасно издано! — неуверенно добавил

¹ Махтумкули — классик туркменской литературы, поэт XVIII века.

он: — Да, книг выходит много, а вот читать их некогда...

Карлыев вместо ответа покивал головой, словно убедившись в каких-то своих предположениях, вздохнул и протянул собеседнику сигареты. Они молча закурили.

— Эх, напрасно все-таки вы не взяли Тойли Мергена, — с горечью заговорил он после затянувшейся паузы. — Помимо всего прочего, обидели человека... Или в самом деле считаете, что он не справился бы?

— Он-то справится...

— Тогда в чем же дело?

— Я Тойли Мергена на работу не возьму! — со всей определенностью вдруг заявил Ханов. — И в той мере, в какой это будет зависеть от меня, другим тоже не позволю.

— Это почему же?

— Вы же слышали мое выступление у них в колхозе... После сказанного там я этого человека использовать не могу.

— Лично я взял бы, — заметил секретарь райкома.

— Но я-то ведь не вы, товарищ Карлыев.

III

Тойли Мерген вернулся домой только под вечер.

— Ну, как дела? — поспешила к машине Акнабат. — Волк или лиса? — спросила она, обозначив так по старому обычаю добрые и дурные вести.

— Я и сам не знаю, какой зверь тут больше подходит, — неохотно отозвался Тойли Мерген.

— Значит, сказали, чтобы пока походил без дела?

— Нет. Я уже взялся даже за одно дело, да только... — И, не договорив, Тойли прошел в дом.

— Если оклад невелик, ты не печалься! — попробовала утешить его Акнабат. — Было бы дело по душе...

— Вот этого пока не знаю, мать, — невесело посмотрел он на жену и стал переодеваться.

— Чай подать или сразу обедать будешь? — осторожно осведомилась Акнабат, когда Тойли-ага вернулся после умывания.

— Неплохо бы чаю сначала.

Акнабат подвинула к мужу большой красный чайник.

— Да, я даже не спросила, какую работу дали, — будто спохватилась она.

— Теперь твой Тойли Мерген — директор ателье, — смущенно сказал он.

— Директор чего? Ителье? Это что ж такое, Тойли?

— Не ителье — ателье! Ну, мастерская, где одежду шьют...

— Так бы и сказал — мастерская... А там что — и женскую шьют тоже?

— И мужскую, и женскую. Всякую!

— Вот оно как... А я-то думала, что для тебя найдется что-нибудь поближе к посевам. Видать, не нашлось... Только где женская одежда, а где Тойли Мерген, тот, что всю жизнь возился с хлопчатником, с арбузами и дынями? Один аллах знает, управишься ты с этим ителье или нет...

— Надо попробовать, мать, — не поднимая головы, ответил Тойли и занялся чаем.

— А может, лучше испытать судьбу и подождать, пока найдется что-нибудь поближе к земле да к воде? — со вздохом сказала Акнабат, вглядываясь в усталое лицо мужа.

— Ты это слово «подождать» при мне лучше не производи! — не сдержался Тойли-ага и, отодвинув пиалу, схватился за сигареты.

— Может, обед принести?

— Погоди, дай покурить.

— Кури, пожалуйста. Только не грызи себя, если что не так, — унося чайник, заметила жена. — Пойдет дело — будешь работать, а не пойдет — откажешься.

— Здесь освободили, там откажусь! А ведь каждый человек еще и авторитетом своим дорожит, — бормотал себе под нос Тойли Мерген, расхаживая по комнате и яростно дымя сигаретой.

— О! Оказывается, Тойли вернулся, — слышался за дверью голос Кособокого Гайли, после чего он и сам, покашливая, не вошел, а прошмыгнул в комнату своей обычной иноходью. — Ну как, не зря совершил паломничество?.. И надымил же ты здесь! — повел носом Гайли и в ответ на приглашающий жест хозяина прошел за стол. — Будто лису из норы выкуривал... — Он недовольно поморщился и добавил: — Это как — к добру?

Тут появилась Акнабат и поставила на стол поднос с золотистым чуреком, только что из тамдыра¹, с кастрюлей куриной шурпы, и миской верблюжьих сливок.

— Ну, дорогой мой Гайли, видать, теща тебя здорово любила, — подтрунивал над шурином хозяин. — Говорят,

¹ Тамдыр — круглая печь для выпечки хлеба.

теща того зятя больше всего любит, который, если куда пойдет, обязательно к обеду угодит... Бери-ка ложку!

— Будешь ходить от двери к двери да приниматься, откуда вкусными харчами пахнет, и тебя теща полюбит, — усмехнулась Акнабат.

— Я, сестра, не из тех, кто под чужими дверями рыщет, — гордо заявил Гайли.

— Ты что, шуток не понимаешь! — успокоил гостя Тойли Мерген. — Уж сестре ли не ведать повадок брата... Приступай, пока не остыло...

— Вах! Знал бы я, что у вас такое угощение, и впрямь не стал бы дома обедать, а то ведь некуда больше, — делал вид, что отказывается, Кособокий.

— Ничего, для лакомого кусочка всегда место найдется, — угощал Тойли-ага.

— Это ты верно подметил! — дал уговорить себя Кособокий Гайли и из двух кур ухватил ту, что покрупнее, мигом определив ее в свою тарелку.

Однако к еде он не приступил, а как то нервно облизнулся и уставился на белеющий в углу холодильник. Акнабат достала бутылку и поставила на стол две рюмки.

— А ведь правда ты меня лучше всех понимаешь, сестренка, — признал Кособокий Гайли и, предвкушая удовольствие, даже потер руки. Потом он почему-то хитро прищурился и мигом откупорил бутылку. — Ты, Акнабат, всегда была ко мне чуткой. И хоть языком иной раз поносишь, а сердцем ведь любишь. Надеюсь, ты тоже выпьешь? — обратился он к хозяину.

— Налей, пожалуйста.

— Ишь ты! — изобразил радостное удивление Гайли. — Если бить тебя почаще, как я погляжу, ты со временем человеком станешь. — Они оба выпили, после чего шурин снова дал волю своему любопытству: — А ведь ты так и не ответил мне — успешно ли съездил?

— И все-то ему знать надо! — проворчала Акнабат. — Пока все вокруг не разнюхает — и спать не ляжет...

— Зря утруждаешь себя, сестренка, — благодушно заговорил Гайли. — Я, можно сказать, до седых волос дожил, а ты все поровишь меня переделывать. И потом, разве это так скверно — всем интересоваться?

— Ну, если тебе уж так интересно — Тойли стал директором ителье... Не понимаешь? Ителье! Мастерской!

— Вах! Так бы и сказала — ателье! А я-то соображаю — при чем здесь Италия?.. Вот что значит женская негра-

мотность...— И, словно между делом опрокинув вторую рюмку, он уставился на хозяина.— Она что — разыгрывает меня?

— Акнабат правду сказала,— не поднимая головы, подтвердил Тойли Мерген.

— Ты — директор ателье?

— Ну, чего ты переспрашиваешь? Разве нет такой должности?

— Есть, конечно. Только мне кажется, что она не по тебе. Клянусь богом, Тойли! И чего ты так торопишься? Отдохнул бы немного, а там видно будет... Подумать только — директор ателье!..

И вдруг Кособокий Гайли расхохотался, да так, что едва не выронил из рук курицу, которую с таким удовольствием обглаживал.

— А ну, прекрати! — прикрикнул на него Тойли Мерген и, не сказав больше ни слова, вышел в другую комнату.

Теперь Тойли Мерген каждое утро уезжал на машине в город. Он тяготился своей новой работой, но тщательно избегал разговоров об этом с кем бы то ни было, даже с сыном, чьи сетования пресек весьма решительно:

— Что у тебя, Аман, других забот нету? Занимайся своими делами!

По правде сказать, он даже не считал свои новые обязанности работой. Всеми делами в ателье заправляла его заместительница, Анна Константиновна Сергеева — жена второго секретаря райкома, много лет проработавшая в швейной промышленности. Ему оставалось только подписывать составленные ею бумаги и денежные документы. С заказчиками он совершенно не сталкивался.

Так прошло три дня. На четвертое утро, едва он остановился возле ателье и вышел из машины, к нему метнулась какая-то незнакомая полная женщина. Волосы у нее растрепались, лицо было покрыто жирным слоем крема.

— Вы директор ателье? — преграждая ему путь, хрипло осведомилась она.

— Пока еще я,— с неприятною оглядкой незнакомку, ответил Тойли Мерген.

— Мне надо с вами поговорить.

— Пожалуйста, ко мне в кабинет,— пропустил он ее вперед.

Но, оказывается, директор понадобился не только этой толстухе. У дверей кабинета толпились другие представительницы женского пола. Когда они увидели, что толстуха норовит проникнуть к директору, как бы покровительствуемая им, в толпе возник ропот. Молодая миловидная женщина, стоявшая непосредственно у двери, преградила ей дорогу.

— Станьте, пожалуйста, в очередь! — вежливо, но непреклонно сказала она.

— А я, милочка, не из тех бездельниц, что целыми днями гоняются за дефицитными товарами, чтобы мне еще в очереди стоять.

Но тут возмутились и другие. Тойли Мерген, мигом оценив обстановку, почел за благо не вмешиваться в назревавший скандал и, проскользнув к себе в кабинет, в ужасе опустился на стул. Он только успел заметить, что на помощь миловидной пришла самая крупная из посетительниц. Даром что пожилая, она с легкостью оттеснила толстуху в сторону, а потом дверь захлопнулась и оттуда доносились лишь отдельные возгласы.

Немного спустя возня снаружи стала затихать, потом дверь отворилась, и в кабинет вошла та миловидная женщина, что стояла первой.

— Право, мне стыдно вас беспокоить, Тойли-ага, но... — нерешительно начала она.

— Говорите, я слушаю вас, — поднял на нее глаза Тойли-Мерген, с удивлением вдруг обнаружив, что откуда-то знает эту приятную женщину. — Постойте-ка, а ведь я вас где-то видел, — добавил он, силясь вспомнить, где. — Чья вы жена? — осведомился он без обиняков.

— Ай, я незамужняя... — потупилась посетительница и покраснела, как гранат. — Вы меня в больнице видели, я — врач. Помните, в прошлом году вы у нас лежали на обследовании. У вас, кажется, что-то с сердцем было...

— Правильно! — почему-то обрадовался Тойли Мерген. — Теперь вспомнил. И зовут вас, если не ошибаюсь... Алтынджемал. Не сглазить бы, больные вас очень уважали. Только вы тогда в белом халате ходили, вот я и не узнал... Хотите, наверное, себе сшить что-нибудь? Да вы садитесь. Садитесь, пожалуйста!

— Я хотела заказать платье, но портниха почему-то уперлась, говорит, что фасон, который мне нравится, не выйдет из этого отреза... — И она вытащила из сумки какую-то удивительную ткань, напоминающую голубую парчу.

— Да вы не утруждайте себя — мне хоть показывайте, хоть не показывайте, я в этих делах не разбираюсь, — признался Тойли Мерген. — Давайте лучше я отведу вас к закройщице, которая сделает все, как вы скажете.

Когда они проходили мимо очереди, всклокоченная толстуха не замедлила высказаться.

— Так мы и до вечера тут проторчим! — возмущалась она нарочито громко.

И опять возле директорского кабинета возникла словесная перепалка. Возвращаясь из цеха, Тойли Мерген застал уже ее окончание. Массивная пожилая женщина спокойно выговаривала злобной толстухе:

— Стояла бы да помалкивала, чем лаять на всех!..

— Заходите, чья очередь, — сказал Тойли Мерген, оставив дверь открытой.

И снова всклокоченная толстуха ринулась вперед.

— Опять без очереди! — не на шутку возмутилась пожилая.

— Пропустите ее, тетя! — вмешалась какая-то молчаливая белолицая женщина. — Пусть идет, зато мы от нее избавимся...

— А ведь ты права, дочка!.. Сразу тише станет.

Воспользовавшись моментом, толстуха ворвалась в кабинет и грозной тенью нависла над поникшим за столом директором.

— Садитесь, — показал он на стул.

— Некогда мне здесь рассиживаться! — сразу вскинулась та.

— Чем могу служить? — подчеркнуто вежливо спросил он.

— Вызови раньше свою закройщицу, тогда скажу!

Действуя по правилу: «Иной раз от зла лучше откупиться», Тойли Мерген не стал призывать посетительницу к порядку и нажал на кнопку звонка. Закройщица не замедлила явиться. Увидев, ради кого ее позвали, она непроизвольно сделала шаг назад:

— Тойли-ага, я еще не сняла мерку с той дамы, которую вы ко мне привели. Разрешите, я пойду закончу раньше с ней...

— погоди, дочка, давай вместе послушаем, что нам расскажет эта женщина.

— Как бы ее рассказ не затянулся допоздна, — смущенно улыбнулась закройщица.

— Мы вас слушаем,— обернулся к посетительнице Тойли-ага.

— Пусть раньше эта дуреха принесет мое платье, а там уж поговорим!

Тойли Мерген укоризненно покачал головой, но сдержался:

— Принеси, дочка, раз заказчица просит.

Через минуту девушка вернулась, бережно неся на вытянутых руках платье из красивой цветастой ткани. Всклоченная толстуха быстрым жестом схватила свою обновку и изо всей силы швырнула ее на пол.

— Что у вас тут, ателье мод или базар! — заорала она во все горло.

— Пригласите сюда Анну Константиновну,— попросил закройщицу опешивший Тойли Мерген.— Что это они сегодня все на меня навалились?..— подумал он вслух.

— Анны Константиновны сегодня нет,— объяснила девушка.— Она заболела.

— Заболела?..— обводя взглядом стены, словно ища у них поддержки, горестно протянул Тойли Мерген.— Да, это уже никуда не годится... Объясни мне, дочка, из-за чего скандал?..

— Некогда мне объяснять и скандалить некогда, Тойли-ага! — прорвало вдруг закройщицу.— Прямо не знаю, как быть — то ли работать, то ли от этой заказчицы отбиваться. Ничего не признает — ни правил, ни очереди, ни сроков. Грозится, ругается, жалуется. Ну ладно, уважили ее, отложили другие дела, сшили ей платье за два дня, все сделали, как она потребовала. А у нее семь пятниц на неделе — вчера так хотела, а сегодня этак. Каждый раз придумывает что-нибудь новое. Мы ее заказ,— подняла она с пола платье,— уже семь раз распарывали и заново шили, никак угодить ей не можем...

— Я тебе такие семь пятниц устрою, что ты меня век помнить будешь! — взревела, потрясая кулаками, толстуха.

— Сами видите, что за человек! — смелея от несправедливых нападков, продолжала худенькая закройщица.— С ней уважительно, а она только и знает: «дуреха», «гадюка», «паршивка». Или заладит: «я с тобой то сделаю, я с тобой это сделаю, ты забыла, кто мой муж, ты не знаешь, кто у нас в гостях бывает». Анна Константиновна и та, как увидит ее, так вся трясется...

— Ты, негодница, от меня словами не отвертишься,— снова перешла в наступление заказчица.— Ты что дума-

ешь, я с вашим директором церемониться буду?.. Тоже мне мастера — вместо платья мешок для соломы сшили! Я просила по фигуре, чтобы в талию, а это что?

«Вах, если бы у тебя хоть намек был на то, что называется талией!» — с тоской оглядел бочкоподобную скандалистку Тойли Мерген.

Его молчание только подхлестнуло и без того обнаглевшую женщину. Она снова вырвала злосчастное платье из рук девушки и со злостью скомкала его.

— Можешь напаялить его на свою вонючую старуху! — рывкнула заказчица и изо всех сил швырнула платье Тойли Мергену в лицо.

Всякому терпению есть границы. Разве кто-нибудь раньше посмел бы так обойтись с Тойли Мергеном? В глазах у него потемнело. Он чуть не задохнулся от обиды и вскочил с места.

— Ступай, дочка, занимайся своим делом, — только и сумел произнести он, остановившись на мгновение перед закройщицей, после чего выскочил из кабинета, пронесся мимо ожидавших своей очереди женщин, сбежал с крыльца, рванул на себя дверцу машины и, плюхнувшись на сиденье, помчался напрямик в горсовет.

Он никого не корил, никого не попрекал. Сам же во всем виноват! Каждый должен знать свои возможности...

Яростно крутя баранку и все еще тяжело дыша, он находил для себя самые безжалостные обвинения. Ну и ну! Взятся сгоряча за непосильное дело, словно мальчишка какой-нибудь! Куда это годится! Да и не имеет он права отрываться от земли, от сельских забот, понятных и близких ему во всем... Тут совсем другие вояки нужны...

— Что, не получается, Тойли-ага? — сразу все понял по его виду заместитель председателя горсовета Курбанов, едва новый директор ателье появился у него с заявлением, которое он с ходу набросал в приемной.

— Нет, не по мне это бабье царство! — решительно пресек любые возможные уговоры Тойли-ага. — Я прошу освободить меня от такого безобразия...

— А мы-то уж обрадовались, что нашли хорошего человека...

Из горсовета Тойли Мерген направился в райком, чтобы уведомить о происшедшем Карлыева. Но того, как оказалось, вызвали в Ашхабад. Огорченный таким оборотом дела, Тойли Мерген соображал, куда теперь податься. До

нового назначения ему не хотелось показываться людям на глаза. Может, поехать к сыну и залечь там у него, словно в норе, до возвращения Карльева?

Тем временем секретарша Карльева всячески выказывала ему свое расположение.

— Ну, как поживаете, Тойли-ага? Как работается на новом месте? — поинтересовалась она.

— Я, милая, с ателье уже распрощался...

— Так быстро! — не сумев скрыть досады, воскликнула девушка. — А мы-то собирались к вам! Говорят, там красивую материю получили, с золотыми блестками... Платья хотели заказать... Как же это?

— Да вот так... — неопределенно ответил он, закуривая и все еще не зная, что делать дальше. — Поспешил я... Бывает, что человеку не терпится, вот он и прет, не разбирая дороги... А платье, что ж... Платье — дело хорошее. Платье вам и без меня сошьют...

Тойли Мерген поехал из райкома прямо домой.

То, что муж вернулся еще до полудня, обеспокоило Акнабат.

— Что это ты, отец, сегодня так рано? — внимательно оглядела она его. — Нездоровится?

С тем же вопросом не замедлил обратиться к нему и Кособокий Гайли. В поте лица он копал у себя на приусадебном участке морковь, но, заметив подъехавшего Тойли, бросил работу и, бочком-бочком, сразу оказался тут как тут.

Тойли Мерген в дороге успел остыть и теперь обрел свое обычное расположение духа.

— Вспомнил, понимаешь, что у тебя морковь поспела, вот и поспешил тебе на помощь, — ответил он Кособокому.

— Что это ты расшутился, — обнажил зубы в улыбке Гайли. — Похоже, что с новой работой у тебя все! Покончил, так ведь?

— Покончил! — признался Тойли Мерген и сразу почувствовал облегчение.

— И правильно сделал! — покровительственно одобрил Кособокий, вытирая шапкой пот с лица. — Сам посуди, ну что может быть общего с каким-то ателье-мателье у человека, который всю жизнь от земли кормился. А всякие там бабьи премудрости и без тебя как-нибудь сошьют.

Услышав новость, Акнабат словно крылья за спиной почувствовала. На радостях она даже смиростивилась пригласить брата:

— Идем к нам, чаю попьем...

— Ты меня, сестра, лучше не соблазняй! — с неожиданной решительностью отказался Гайли. — У меня морковь поспела, завтра на базар надо ехать. Овощи, сама понимаешь, дело такое — чем раньше их в город привезешь, тем больше за них дадут. Если я сейчас сяду чаи распивать, мне же прямой убыток. К тому же моя Дурпабат с утра цыпленка щипала, похоже, что куриным пловом пахнет. Так что вечером ко мне пожалуйста. Я к тому времени с морковью управлюсь, посидим, потолкуем спокойно. И бутылочка армянского коньяка найдется — для гостей берегу. Когда же ее откупорить, как не сегодня, по такому поводу... Разве я не прав, Тойли? — захихикал он.

Тот оставил его вопрос без ответа и вошел в дом.

Три дня Тойли Мерген не показывался на люди. На приглашение Кособокого он так и не откликнулся. А когда тот сам явился за ним, Тойли поспешил от него отделаться:

— Спасибо. Считаю, что я у тебя уже побывал...

Что касается Амана, то он узнал об уходе отца из ателье от своего вездесущего соседа Тархана Гайипа. Надо сказать, что это известие встревожило молодого человека. На другой же день он прикатил домой.

— Раз уж дал согласие, надо было потерпеть, — не удержался Аман от упрека. — По-моему, следовало все-таки подождать возвращения Карлыева.

Тойли Мерген был рад сыну, но разговор в таком духе пресек сразу.

— Кажется, я уже просил тебя побереечь благие советы для устройства собственных дел, — с плохо скрываемым раздражением произнес он. — Сколько можно говорить об одном и том же!

— Я ведь о твоём добром имени думаю, о твоём авторитете забочусь...

— Авторитет делами измеряется! Авторитетный человек не станет из-за косого подола с бабами скандалить.

— Я не знаю, из-за чего там, в ателье, возник скандал, а только...

— Не знаешь, вот сиди и помалкивай! — кипятился Тойли. — Когда мне понадобятся твои наставления, я сам к тебе обращусь...

— Тебя ведь, папа, считают человеком уравновешенным, рассудительным, а ты...

— Хватит! — взорвался Тойли Мерген и едва не наскочил на жену, которая появилась в дверях с чаем.

— Что за шум, Тойли? — заворчала она. — Можно же и по-человечески спорить. Стоит ребенку слово сказать, как ты сразу норовишь его обидеть...

— Хорош ребенок! Да я в его возрасте в атаку ходил.

— Чуть что — он ту проклятую войну вспоминает! — неодобрительно покачала головой Акнабат. — Тогда одно время было, теперь — другое. Сейчас незачем в штыки ходить. А не дай бог, придется воевать, наш Аманджан тоже себя покажет.

— Хорошо бы ты, мать, не совалась в такие дела, — попытался отбиться от жены Тойли Мерген. — Стоящий человек всегда воюет, даже когда не льется кровь и не гремят пушки.

— Ну, и воюй себе, коли так.

— Ты, мама, не обижайся, — неожиданно принял сторону отца Аман. — Папа правильно говорит.

— А что ты думаешь, — уже добродушно посмотрел на жену Тойли Мерген. — И буду воевать! Рано мне сдаваться... Ну, а ты чего нос повесил? — так же по-доброму обратился он к сыну.

— У меня к тебе просьба, папа, — нерешительно начал Аман.

— Говори, какая.

— Не ходи по начальству, пока оно само к тебе не обратится. Заставь уважать себя, не обивай зря пороги. Предложат стоящую работу — соглашайся, а нет — плюнь на все...

— Это на кого же ты мне предлагаешь плюнуть? — снова побелел от гнева Тойли Мерген. — На самого себя, что ли?

— Ну, вот, отец, опять ты глотку дерешь, — попыталась вмешаться Акнабат.

— Ты погоди, — отстранил он жену и угрожающе навис над сыном. — Пусть он мне ответит, на кого я должен плюнуть!

Чтобы не раздражать отца, Аман вместо ответа поднялся:

— Я поехал, папа.

— Давно бы так!.. А то придумал — «плюнь»... — все еще бушевал Тойли.

Но едва Аман вышел за порог, как Тойли Мерген сразу

сник. В тот вечер он еще долго сидел, погруженный в свои невеселые думы, и курил сигарету за сигаретой.

Давно уже Акнабат ушла спать, а он все размышлял над своей судьбой. Ему казалось, что теперь дальнейшая его жизнь целиком зависит от двух людей — Мухаммеда Карлыева и Каландара Ханова. Конечно, рассчитывать на помощь Ханова не приходится — от такого не поддержки следует ждать, а скорее подвоха. Ведь и секретарь райкома тоже хорош. Ну, допустим, ты, Тойли Мерген, сгоряча и согласился пойти в ателье. Но ведь Карлыев-то ни при каких обстоятельствах не должен был тебя туда пускать! Может, он посчитал, что ты уже человек конченный, и просто решил таким образом от тебя отделаться? Но тогда зачем же он потратил на тебя столько времени, зачем душевно разговаривал с тобой, угощал чаем? Неужто все только для того, чтобы избавиться от человека втихую? Нет, не похоже. Скорее, он все-таки хотел сделать как лучше...

И над чем только приходится иной раз ломать голову! Эдак недолго и мнительным стать. Еще бы! Если уж и такие, как Мухаммед Карлыев, начнут лукавить — прощай, истина, прощай, добро... Ну, что ты, Тойли Мерген! Одумайся! Как бы там ни было, а в мире хороших людей больше, чем плохих. Разве не это убеждение привело тебя в трудную минуту к секретарю райкома? Никогда не отказывайся от веры в человека. Стой на этом до конца, даже если тебе будет грозить смерть, даже если тебя будут живьем закапывать в землю! Чтобы с тобой ни приключилось, знай — в конце концов все равно победит справедливость. И друзьям доверяй. Только пустые люди чуть что готовы отказаться от своих убеждений и сменить друзей.

Ну да ладно, пора ложиться — утро вечера мудренее. Может, завтра другим ветром пахнет...

Добрые надежды всегда придают человеку силы. Тойли Мерген лег спать с чувством душевного просветления. Но сердце почему-то никак не хотело успокаиваться, и он долго еще не мог уснуть.

IV

Будучи председателем, Тойли Мерген старался зря людей не тормозить. Если работа на участке налажена, значит, там и без него обойдутся. В таких случаях он ограничивался тем, что время от времени вызывал в правление старшего по этому участку и осведомлялся:

— Как идут дела? Какие испытываете трудности? Какая нужна помощь?

Когда при этом обнаруживались серьезные затруднения, он советовал, как поступить. Когда же сталкивался с мелкими неурядицами, решительно устранился.

— Неужели я должен по пустякам во все вмешиваться? — по-отечески наставлял он подчиненных. — На то у вас своя голова есть. Пора жить своим умом.

Конечно, на людей с чувством личной ответственности, хорошо понимающих свой долг, ставка председателя на самостоятельность действовала лишь благотворно. Но как в отаре редко обходится без какой-нибудь хромой овцы, так и в большом трудовом коллективе, каким был колхоз «Хлопкороб», не обошлось без людей, готовых извлечь личную выгоду из предоставленной им свободы действия. И если Тойли Мергену суждено было споткнуться, то не последнюю роль здесь сыграло именно это обстоятельство.

Шасолтан Назарова за тот год, что ей довелось работать рядом с Тойли Мергеном, хорошо постигла и сильные, и слабые стороны его руководства. В качестве парторга она иногда вежливо высказывала свое несогласие с его тактикой. Большого она себе позволить не могла — огромный авторитет Тойли Мергена, его общественный вес, его опыт как бы подавляли волю молодого агронома, ограничивали ее инициативу.

Теперь многое изменилось, хотя сама Шасолтан даже в сокровенных мечтах менее всего связывала свой подход к людям с возможностью когда-нибудь стать председателем.

— Смотрите, как повезло этой бабенке! — хихикали у нее за спиной завистники вроде заведующего овцеводческой фермой Баймурада Аймурадова.

Но на самом деле Шасолтан была вовсе не из тех, кто мечтает о власти или о карьере. Даже отец Шасолтан, зная ее мягкий характер, приуныл, когда ее выбрали председателем. Старик всегда, как говорится, вил веревку своей жизни на особый манер, и на все у него был собственный взгляд. Кто-то, а он-то мог поручиться, что его маленькая, с кулачок, дочка не выдержит тяжести этой работы. Уж если такому крепкому человеку, как Тойли Мерген, который, что называется, сто рек переплыл, председательство в конце концов оказалось не по силам, то что же говорить о Шасолтан? Правда, свои сомнения отец от нее утаил. И когда она, придя с собрания, упавшим голосом сказала: «Ой, не знаю, справлюсь ли?» — он поспешил ее утешить:

«Справишься, дочка, еще как справишься!» — хотя в душе считал, что, согласившись, она совершила опрометчивый шаг.

Словом, на радость или на горе, но раз уж Шасолтан взялась за это дело, она сама себе не оставила права на робость. И с первого же дня старалась держаться уверенно.

В отличие от прежнего председателя, Шасолтан с утра, не заходя в правление, отправлялась на поля и фермы. Если сегодня она побывала в одной бригаде, то на завтра ехала в другую. Как и Тойли Мергену, ей было чуждо приказное администрирование, но не видеть своими глазами, как идет дело, она не могла. Конечно, злопыхатели, вроде того же Баймурада Аймурадова, привыкшие взвешивать человеческие поступки применительно к собственному праву, пророчили ей всяческие прегрешения.

— Что ж, — говорили они, — пока кувшин новый, и вода холодная. Но вот увидите, не пройдет и месяца, как она пойдет по стопам бывшего председателя — засядет у себя в конторе, и уже не оттащишь ее от стола и телефона.

Нельзя сказать, чтобы подобные пересуды не достигали ушей Шасолтан. Но она старалась не обращать внимания на выпады болтунов и поступала так, как считала нужным для пользы дела.

Гайли Кособокий обычно поднимался раньше других. Но сегодня Шасолтан, кажется, опередила и его. Когда Гайли, загрузив свой новенький «Москвич» капустой и морковью, пропылил с утра пораньше в сторону города, Шасолтан уже подходила к правлению.

Тут ее нагнала председательская машина.

— Выходит, опоздал я сегодня? — приоткрыв дверцу, виновато спросил водитель.

— Нет, Бегенч, — успокоила его девушка. — Это я поторопилась и не стала тебя ждать.

— Куда отправимся сейчас? В третью бригаду?

— Кажется, сегодня придется нарушить обычай и посидеть в конторе... Вот что, Бегенч. Поезжай-ка ты к Аймурадову, а потом к Нуръягдыеву и привези обоих сюда. Скажи, что я их здесь жду.

С этими словами Шасолтан вошла в правление и, не доходя до своего кабинета, свернула в бухгалтерию.

— Как поживаешь, Аннагельды? — обратилась она, приоткрыв дверь, к счетоводу. — Что так рано?

— Да вот, главный поручил срочное дело... — Худощавый парень, сидевший за столом, захлопнул лежащую перед

ним пухлую папку и вскочил, увидев председателя. — У Дурды-ага всегда все срочно, — не без досады добавил он.

— Аннагельды, братишка, окажи мне любезность. Это ведь твой «Москвич» стоит у дверей? Так вот, привези, пожалуйста, Дурды Кепбана, он мне срочно нужен. Не сочти за труд. А как с Таганом, не знаешь? Выйдет он сегодня на работу?

— Вряд ли. Он еще болен.

— Если так, то его не будем беспокоить.

Пока Шасолтан открывала окна и проветривала свой кабинет, Аннагельды привез главного бухгалтера.

— Простите, Дурды-ага, что потревожила вас в такую рань, — сказала Шасолтан, здороваясь с ним.

— Да я и без того уже собирался идти, когда Аннагельды подъехал.

— Скажите, пожалуйста, до вас за последние дни доходили какие-нибудь вести о Тойли Мергене?

— А что, разве с ним что-нибудь случилось? — удивился Дурды Кепбан.

— Нет, я вообще спрашиваю, — объяснила она. — Может, вы его навещали.

— Нам, Шасолтан, сейчас в гости ходить некогда. Уже четыре дня, не разгибаясь, отчет составляем. Иначе банк денег не даст... А почему все-таки Тойли-ага вас беспокоит?

— Понимаете, какое дело... Ушел он из ателье.

— Ну да! — воскликнул Дурды Кепбан и даже крякнул от неожиданности. — Кто сказал? Вы сами его видели?

— Сама не видела, а только вчера Кособокий Гайли принес эту новость.

— Может, он пошутил?

— Нет, клялся, что правда.

— Положим, я и сам не верил, что Тойли-ага там задержится.

— Якобы он после отказа залег у себя и никому на глаза не показывается... Сейчас должны приехать Аймурадов и Нуръягдыев — я за ними машину отправила, пока они по делам не ушли. Хорошо бы, конечно, чтобы и Таган присутствовал, да, говорят, болеет еще.

— Вы что, хотите заседание бюро провести?

— Нет, заседание мы уже с Тойли Мергеном проведем — его ведь из состава бюро никто не выводил, а вот посоветоваться, обменяться мнениями относительно того, как нам быть с коммунистом, который сейчас не у дел, необходимо. Ведь он наш товарищ. И если такой человек избегает людей,

дома отсиживается, значит, наш грех. Это — одно. А кроме того, Тойли Мерген знает колхозное производство как свои пять пальцев. Что же, ему в родном колхозе достойного места не найдется!

— Это верно... — согласился Дурды Кепбан. — Ничего, если я закурю?

— Курите, курите!

Главный бухгалтер не сделал и двух затяжек, как в кабинет вошли заведующий овцеводческой фермой Баймурад Аймурадов и секретарь комсомольской организации Реджеп Нурьягдыев.

— Видно, Шасолтан позаседать не терпит, если она ни свет ни заря послала за нами, — пробасил Аймурадов, садясь напротив главбуха. — Валла! С той поры, как взяли за Тойли Мергена, ну прямо света божьего не видишь от этих заседаний. Нельзя ли их как-нибудь поубавить?

Всем своим обликом Аймурадов давал понять, что он человек не рядовой. И сейчас, глядя на него, Шасолтан вдруг поняла, что не только плотной фигурой и важной походкой, но и перепоясанной широким ремнем гимнастеркой, и широкими галифе, и скрипучими сапогами, не говоря уже о манере сидеть развалясь и говорить начальственным тоном, заведующий фермой напоминает ей Каландара Ханова.

«Под председателя райисполкома работает», — подумала она. И тут же, как женщина, подметила коренное различие между ними. Ханова менее всего можно было назвать красавцем. Но при всем том он чем-то неотразимо привлекал женские сердца и умел с одного взгляда расположить к себе собеседницу. Что же касается Аймурадова, то, несмотря на правильные черты лица и хорошую статью, было в его облике что-то неприятное, настораживающее.

— Что ж, сократить количество заседаний в нашей власти, — твердо выдержала взгляд Аймурадова Шасолтан. — Кстати, у нас сегодня будет не бюро, а просто товарищеский разговор. Если бы речь шла о заседании, следовало бы и Тойли Мергена позвать. А я как раз и предлагаю о нем поговорить...

— Да, уж теперь Тойли Мерген забудет сюда дорогу! — с торжествующей ноткой в голосе произнес завфермой и по-хозяйски небрежно откинулся на спинку стула. — Только стоило ли из-за этого вытаскивать нас из-под одеяла? Даже горло промочить не успели. А ведь если раз-

говор пойдет о Тойли Мергене, то уж это надолго. Нет, видно, нам без чая не обойтись. Как ты считаешь, Реджепджан?

Секретарь комсомольской организации вежливо промолчал, но тут, словно дожидаясь сигнала, в кабинет вошел Аннагельды и поставил перед Аймурадовым огромный чайник. Затем он принес пиалы и печенье.

— Ай, молодец, Аннагельды! Хороший ты парень! — приговаривал Аймурадов, переливая чай из чайника в пиалу и обратно, чтобы лучше заварился. — Когда мне придет срок выходить на пенсию, я тебя на свое место посажу, Аннагельды-хан!

— А ты полагаешь продержаться на своем месте до пенсии? — пошутил Дурды Кепбан.

— Смотрю я, ты только о том и мечтаешь, как бы со мной поменяться! — подхватил шутку Аймурадов. — Ну что ж, давай! Я этими поездками в пески по горло сыт. С радостью за твой стол сяду — где же еще так легко можно от работы отлынивать?

— Охотно уступил бы тебе свой стол, да ведь не справишься.

— Почему же? Я тоже счетоводом был.

— Те времена давно прошли, Баймурад...

Неизвестно, как долго длилась бы их перепалка, но тут заговорила Шасолтан. Она рассказала о том, что Тойли Мерген отказался работать в ателье, что он безвылазно сидит дома, даже, как говорят, лежит, а не сидит, что настроение у него, очевидно, далеко не самое лучшее.

— А мы, члены бюро, ничего не знаем ни о его состоянии, ни о его намерениях... — с укоризной сказала она.

Все приумолкли, только Аймурадов, для которого вообще каждая минута, когда говорил не он, а кто-либо другой, была тягостна, иронически улыбнулся, наполнил из чайника свою пиалу и как бы между прочим заметил:

— Я, например, иной раз целую неделю ничего не знаю о своей жене, и то не горюю...

— Ладно, о мужьях и женах — потом, — нахмурилась Шасолтан.

— Что ж тут плохого, если Тойли Мерген у себя дома лежит? — не удержался от возражения Аймурадов. — Почему мы должны его поднимать? И вообще какое этот человек имеет теперь к нам отношение?

Вместо ответа Шасолтан спросила у него:

— Вы член нашего бюро?

— Да, — удивленно подтвердил тот.

— Тойли Мерген — тоже. Он коммунист и состоит в нашей организации. Партийный долг обязывает нас заботиться о нем. Неужели такие вещи надо объяснять? Короче говоря, у меня есть предложение.

— Ну-ка, ну-ка, давайте послушаем, — продолжал зубоскалить завфермой. — Понравится — поддержим, не понравится...

— Я считаю нужным, — прервала его разглагольствования Шасолтан, — срочно созвать партбюро с обязательным присутствием Тойли Мергена и предложить ему достойную работу в родном колхозе.

Баймурад Аймурадов громко расхохотался.

— Прошу прекратить неуместный смех, товарищ Аймурадов, — отчеканила покрасневшая Шасолтан. Она даже встала от возмущения. — Речь идет о нашем товарище, о коммунисте. И мы должны вмешаться в его судьбу по-товарищески.

— Как же не смеяться, товарищ Назарова, если вы такие вещи говорите, — с ласковой иронией произнес Аймурадов и снова рассмеялся. Но тут же расчетливо оборвал смех и продолжал уже сердито: — Что же получается? Только вчера человека выставили вон, а сегодня уже назад приглашаем? На что же это похоже?

Судя по всему, Шасолтан предвидела подобные возражения. Во всяком случае, она тут же, со всей энергией глубоко убежденного в своей правоте человека, принялась объяснять, как обстоит дело.

— Да, Тойли Мерген освобожден общим собранием от должности председателя, — терпеливо втолковывала она заведующему фермой. — Но ведь он пока еще такой же член нашей артели, как и все мы. Это во-первых. Во-вторых, что бы там ни было, а колхоз должен дорожить человеком, который обладает таким опытом и такими организаторскими способностями. Подобными людьми не разбрасываются. Он еще может принести здесь большую пользу. Он нужен колхозу! Ну, а в-третьих, хорошо бы нам аккуратнее выбирать слова, когда мы говорим о наших товарищах. По-моему, выражение «выставили вон» никак сюда не подходит, — спокойно и строго закончила Шасолтан.

— Простите, если я нехорошо сказал, — быстро перестроился Аймурадов. — Считайте, что я этих слов не произносил. Но вы, товарищ Назарова, меня не поняли. Я просто считаю,

что человек, который много лет был председателем, уже не захочет взять в руки лопату.

— Почему вы так думаете?

— Да я по себе сужу, хоть я и не председатель, а всего лишь заведующий фермой. Освободят меня от этой должности, я уже на меньшее не соглашусь. Ни за что! А ведь мне до Тойли Мергена далеко — он человек высокомерный... Или это тоже нехорошее слово? Ну ладно, скажем так: он человек гордый и своей честью не поступится.

— Разве взяться за лопату — значит поступиться честью?

— Смотря для кого. Мне ясно, что для Тойли Мергена у нас должности не найти. Нет такой! Разве вы с руководством этот вопрос уже согласовали или с ним самим заранее сговорились... Тогда другое дело.

— Ни с кем я не сговаривалась, товарищ Аймурадов, — покачала головой Шасолтан. — Тоже ввернули словечко не самое подходящее. А если с кем бы и согласовала, то с этого и начала бы. Я для этого вас и пригласила, чтобы обменяться мнениями, прежде чем выносить вопрос на бюро. А сговариваться с кем-нибудь тайком не в моих правилах. Хотите верьте, хотите нет, но после общего собрания я Тойли-ага ни разу не видела... К стыду своему, — добавила она с горечью.

— Я тоже не видел, но не соскучился, — заметил Баймурад.

— Ну чего ты торгуешься! — пристыдил его молчаливый Дурды Келбан. — Только время зря тратишь. Если против — так и скажи. Или внеси свое предложение. Вот ведь какой неугомонный!..

— Я против! В корне против!

— Объясни почему, — насупился Реджеп.

— Нет, ты раньше скажи, какую должность можно дать Тойли Мергену! — заранее торжествуя победу, ехидничал Аймурадов.

— Я предлагаю назначить его бригадиром, — не замедлила с ответом Шасолтан. — Да, да, бригадиром!

— Это в какую же бригаду? — ядовито ухмыляясь, осведомился Аймурадов.

— В третью — по месту жительства. Таган давно просит освободить его от бригадирства — он опять ложится в больницу. А вместо него...

— Так бы сразу и сказали! — громче прежнего расходотался заведующий фермой. — Значит, туда, где собрались все его родственники, чтобы уж семейственность расцвела

вовсю! Выходит, мы зря потели три полных дня на общем собрании, зря снимали Тойли Мергена! Дурды-ага, конечно, вас поддержит. Его отношение к Тойли Мергену все знают — недаром говорится: «Ворон ворону глаз не выклюет».

— Это еще что за разговоры! — возмутился Дурды Кепбан. — Смотри, Баймурад, все твои тридцать два зуба вгоню тебе в глотку за подобные оскорбления!.. Если хочешь знать, сам ты каркаешь, как ворон...

Шасолтан, разумеется, понимала, что ее предложение вызовет спор, но такой ожесточенной схватки она, конечно, не могла предвидеть. Дурды Кепбан не отличался словоохотливостью, но сейчас, когда задели его честь, ему необходимо было выговориться, и ее это только радовало.

— Ты зря на меня взъелся, Дурды, — почувствовав, что хватил через край, попробовал выкрутиться Аймурад. — Что ты, шуток не понимаешь? Просто пословица есть такая...

— Я твои шутки прекрасно понимаю! — пуще прежнего разошелся главный бухгалтер. — Я, если хочешь знать, с Тойли Мергеном в близком родстве не только по крови, но и по духу. И не отказываюсь от него. И раз уж ты намекаешь на мое родство с ним, знай, что я не из тех подлецов, которые козыряют своим свояком, пока тот именит, а стоит ему чуть пошатнуться, как они мигом от него отворачиваются.

— Уж не в меня ли ты метишь? — покосился на собеседника Аймурад.

Казалось, они поменялись ролями. В голосе главного бухгалтера появились ядовитые нотки, а заведующий фермой вдруг удивил остальных никак не свойственной ему сдержанностью.

— Угадал! — с недоброй усмешкой воскликнул Дурды Кепбан. — Что бы о тебе ни говорили, но человек ты сообразительный, Баймурад. Именно в тебя мечу. Все мы помним нашего прежнего зампредисполкома. Бывало, когда к нему ни придешь, ты у его дверей пасешься, словно конь стреноженный. Если радость — ты у него тамадой, если горе — ты у него утешителем. А теперь он, бедняга, к постели прикован, так ты о нем и думать забыл, наверно, и не помнишь, как он выглядит... погоди, погоди, не перебивай меня!.. Я, если хочешь знать, таким родственником, как Тойли Мерген, могу только гордиться. А ты ему и в подметки не годишься! Думаешь, если стал заведовать фермой, то заодно и умом обзавелся. Как бы не так! Все

диву даюсь — за что только тебя в бюро выбрали... Конечно, Тойли Мергена не зря упрекали в семейственности. Но не в этом его главная вина. А в том, что мусор вокруг себя не разгребал. Трепачам, которым я бы и паршивой козы не доверил, давал должности.

— По-твоему, я один из них? — опять стал задираться Баймурад, как бы провоцируя собеседника на прямое оскорбление.

Но Дурды Кепбан даже не заметил угрозы в его голосе и ответил на вопрос утвердительно:

— Не только один из них, просто самый главный!.. Но не беспокойся, народ и тобой тоже займется.

— Уж не хочешь ли ты бросить тень на мою честь?

— А, да ну тебя, — махнул рукой главбух. — Понимай, как знаешь.

— Имей в виду, я клеветы не потерплю! — сверкнул глазами Аймурадов. — Я наверх жаловаться буду.

— Давай, давай, жалуйся. Вот тогда-то все и всплывет. Начнут люди разбираться и поймут, что ты за человек...

Тут подал голос молчавший все время Нуръягдыев.

— Может, хватит препираться? — не по возрасту рассудительно сказал комсорг. — Мне предложение Шасолтан по душе. В самом деле, такого бригадира, как Тойли Мерген, поискать... Только согласится ли он?

— А мы, прежде чем обсуждать этот вопрос на бюро, — обрадовалась Шасолтан, — посоветуемся еще с товарищем Карлыевым. И попросим его со своей стороны поговорить с Тойли Мергеном. Словом, «согласуем», — лукаво посмотрела она на Аймурадова.

— Раз вы все тут заодно, то и советоваться незачем было, — обиженно произнес тот и вдруг заторопился.

Остальные тоже потянулись к выходу, за исключением Дурды Кепбана, которого нетерпеливо поджидал корпящий над отчетом Аннагельды.

V

Уже несколько долгих дней Тойли Мерген маялся, погруженный в застойную тишину своего просторного дома. Доведенный непривычным бездельем до отчаяния, он буквально не знал, куда себя девать. Поэтому, когда внезапно зазвонил телефон, он подскочил к нему с проворством, заставившим улыбнуться даже приунывшую Акнабат.

— Это вы, Тойли-ага? — услышал он в трубке голос

секретарши из райкома.— Салам! Спешу сказать вам, что товарищ Карлыев вчера вечером вернулся.

— А он у себя сейчас?

— Да, соединяю с ним.

Карлыев тут же поднял трубку.

— Салам-алейкум, Тойли-ага! — услышался его голос.

— Как поживаешь, Мухаммед? Как съездил?

— Неплохо. Ашхабадские друзья просили передать вам привет.

— Да будут здоровы те, кто посылал привет, и тот, кто его привез. Хотел бы повидаться с тобой, если дела позволяют.

— Что, не получилось в ателье?

— Совсем не получилось.

— Давайте, Тойли-ага, так сделаем. Мне сейчас надо выехать с инженерами в район. Тут у нас химический завод собираются строить, так вот, надо площадку выбрать. Вернусь только после обеда, а когда точно — трудно сказать. Лучше всего будет, если вы вечером ко мне домой заглянете.

— Домой?

— Да. Что вас так удивило? Вы же у меня бывали и знаете, что к секретарю райкома тоже иногда люди в гости ходят, — засмеялся Карлыев. — И потом, дома никто нас торопить не будет.

— Так-то оно так, а только...

— Словом, приезжайте, Тойли-ага. Тут ваши товарищи мне одну идейку подбросили, хотелось бы с вами ее обсудить. Итак, до вечера.

Секретарь райкома жил в большом крупнопанельном доме, одном из тех, что целым кварталом недавно выросли на окраине города.

Хозяин встретил Тойли Мергена в дверях. Едва гость вытер на площадке ноги о коврик и переступил порог, как откуда-то из-за спины Карлыева возник худенький белолицый мальчик лет десяти.

— Салам, Тойли-ага! — с достоинством произнес он и вежливо протянул руку.

— Салам, Батыр, салам! — пожал его маленькую ладошку Тойли Мерген. — Ну как, год обещает быть урожайным на двойки?

— Двойки? — удивленно повел плечами мальчик. — Лично у меня даже троек не бывает.

— Ну да! Что ж, одни четверки?

— Нет, и пятерки тоже, — как нечто само собой разумеющееся заявил мальчик.

— Наверно, учитель с твоим папой дружит, вот и выставляет тебе хорошие отметки.

— Во-первых, у меня не учитель, а учительница. Во-вторых, папа ее никогда в глаза не видел. В-третьих...

— Верю, верю, Батыр-хан! — улыбнулся Тойли Мерген и похлопал мальчика по плечу. — Я знаю, что в школе ты молодцом.

— Ну-ка, хвастунишка, — вмешался хозяин дома, поворачивая сына за плечи, — ступай к маме и скажи, что приехал Тойли-ага. А нам пока поговорить надо.

Он провел гостя в комнату, усадил его в кресло, принес чай, но говорить о деле не спешил. Сначала речь у них зашла о мебели, о том, как трудно ее в районе достать, потом коснулась вообще недостатков в работе торговой сети, затем перешли на достоинства и недостатки новых домов.

— Всем хороша квартира, — заметил Карлыев, обводя взглядом стены, — одно плохо — потолки низкие. Возможно, для Риги или Таллина, где даже летом прохладно, такой высоты вполне достаточно. Но для наших жарких мест это не годится — в комнате воздуха маловато.

— Значит, надо добиться от строителей, чтобы увеличили высоту. Неужели не послушаются?

— Это дело не такое простое, — проговорил Карлыев, разливая чай. — Существует утвержденный типовой проект дома. Исходя из проекта, создан завод, где изготавливают панели. Чтобы увеличить панель хотя бы на сантиметр, пришлось бы переделать проект и перестроить заново все производство. Тут ведь одно сразу потянет за собой другое. Впрочем, как и все в жизни. Человека мы ценим больше, когда он не похож на других, когда в нем что-то свое заложено. Ну, а вещи при массовом производстве, хочешь не хочешь, приходится подгонять под определенный размер. Иначе такой разноробой получится, что вся жизнь остановится.

— Правильно говоришь, а все-таки не совсем, — позволил себе усомниться Тойли Мерген. — Дома-то, как ни говори, для людей строятся. И проекты составляют и утверждают тоже люди. Так неужто те, кто живет в домах, не сумеют сговориться с теми, кто их создает? Может, все-таки стоит иногда что-то поменять, пусть даже оно потянет за собой все остальное. Пусть для Риги один проект будет, для наших краев другой. Разве нельзя этого добиться?

— Можно, конечно, если крепко взяться! От нас самих все зависит. Когда человек свое дело знает и любит, он всего может добиться.

«Пожалуй, сейчас-то он уж на меня разговор переведет», — предположил Тойли Мерген, но Карлыев продолжал размышлять вслух о человеческом призвании, о профессиональных склонностях, о верности любимому ремеслу вообще.

В дверях появилась хозяйка дома с огромным бухарским блюдом аппетитных пельменей.

— Саламалик, Тойли-ага! — приветливо улыбнулась она гостю.

— Как поживаете, Марал? — оживился Тойли Мерген, помогая ей поставить блюдо на стол. — Все ли у вас хорошо?

— Слава богу, неплохо, — ответила она, озабоченно поглядывая в сторону буфета. — Проголодались, наверно? Мухаммед предупредил меня, что вы не любитель плова, — добавила она. — Вот я и затеяла пельмени.

На столе мгновенно появились тарелки, вилки, ложки, рюмки, и все трое приступили к трапезе.

— За ваше здоровье, Тойли-ага! — наполнив рюмки, провозгласил хозяин.

— Чтобы все мы были здоровы!

Мужчины выпили, Марал же только пригубила...

— Если вы меня стесняетесь, то напрасно, — сказал ей Тойли Мерген, кладя себе на тарелку пельмени. — В таких случаях надо не с гостем советоваться, а со своим сердцем. К тому же вы — врач.

— Уж не хотите ли вы сказать, что врачи народ пьющий? — пошутила Марал. — Нет, Тойли-ага, кому-кому, а уж нам-то лучше других известно, как легко утопить собственное сердце в рюмке. — Она лишь попробовала пельмени, над которыми немало повозилась, и отложила вилку. — Я бы и рада с вами выпить, — добавила Марал уже серьезно, — но через час мне надо быть в операционной.

— Разве ты сегодня оперируешь? — виновато посмотрел на жену Карлыев. — Знал бы, сам бы и обед приготовил. Конечно, такие пельмени у меня бы не получились, но, не хвалясь, скажу, что мясо поджарил бы не хуже, да и кайнатму¹ сделал бы по всем правилам.

— Вообще-то сегодня очередь Сульгун, — пояснила Ма-

¹ Кайнатма — туркменское национальное блюдо.

рал. — Но она попросила, чтобы на этот раз я была рядом. Трудный случай.

— Сульгун — это красивая девушка с длинными косами? — осведомился Карлыев.

— Да, красивая, с длинными косами, — удивленно взглянула Марал на мужа. — А ты откуда знаешь?

— Вот те раз! Ты же сама меня с ней знакомила. Ну, помнишь, в кино?

— Да, да, правда! Она самая!

— Ты еще потом всю дорогу ее расхваливала. И способная она, и умница...

— Эту девушку сколько ни хвали — все мало! — подтвердила Марал. — Она, конечно, не без странностей, но рука у нее удивительно твердая... Говорят, лет двадцать назад был в Ашхабаде замечательный молодой хирург Бяшим Ханов. Он погиб во время землетрясения. Так вот, старики у нас считают, что Сульгун ему не уступает. Во всяком случае, могу поручиться, что ее имя скоро прославит нашу больницу. Она уже и сейчас делает очень сложные операции.

— А ты?

— Сейчас ведь речь идет не обо мне, Мухаммед! — ласково попрекнула Марал мужа.

— Это верно, — согласился Карлыев. — Но скажи, пожалуйста, почему ты считаешь, что Сульгун странная? Что в ней такого? Может, она высокомерно держится, зазналась очень?

— Ну, нет. Этого про нее не скажешь. Сульгун вовсе не из тех девиц с самомнением, которые после первой же удачи сразу норовят задрать нос. Дескать, у меня талант и с другими меня не равняйте... Нет, просто она какая-то неуравновешенная, что ли... — задумалась на минуту Марал. — Настроение у нее каждую минуту меняется. То она безмятежна, как ребенок, а то вдруг разворчится не хуже старухи. Только что радовалась, смотришь, уже грустит... Я не очень-то посвящена в ее личную жизнь, но почему-то мне кажется, что Сульгун не совсем счастлива. Впрочем, откуда мне знать — она ведь еще молодая... И потом, это все ерунда, чего не бывает в девичестве! Встретит хорошего парня, влюбится, и сразу отпадут все печали, как будто их и не было никогда... Кстати, — обратилась Марал к Тойли Мергену, — а когда ваш сын женится?

— Откуда же мне знать! И без того моя старуха все

меня терзает — давай, дескать, его сами поженим, раз он так тянет.

— Что ж, вот вам и невеста, — улыбнулась Марал. — Могу и словечко замолвить, если, конечно, красивых халатов не пожалеете.

— В самом деле, Тойли-ага, — поддержал жену Карлыев. — Это идея!

— За халатами дело не станет, — неуверенно отозвался Тойли Мерген. — Только нынешняя молодежь в нашем словечке не нуждается. Полюбят друг друга, глядишь, и сами обо всем договорились.

— Вы правы, Тойли-ага, — поднимаясь из-за стола, кивнула Марал. — Приходите к нам, пожалуйста, почаще. А сейчас я с вами должна попрощаться — машина пришла.

После ухода хозяйки Тойли Мерген заметил не без грусти в голосе:

— У твоей жены утомленный вид. Как у нее с диссертацией? Может, ей передохнуть лучше?

— Да, Тойли-ага, устала она, — согласился Карлыев. — Служить, вести дом и заниматься научной работой — это не каждая женщина выдержит. Затянулось у нее с диссертацией. Сами понимаете — два студента для одной семьи многовато, вот Марал и работала за двоих, пока я учился. Но теперь близок конец — скоро защита.

Они снова выпили чаю, и только потом Карлыев приступил к делу.

— Значит, ушли вы из ателье, Тойли-ага?

— Не ушел, а сбежал!

— Я, признаться, с самого начала не очень-то верил, что вы там приживетесь. А теперь вижу — поторопились мы. Эх, не решился я вам тогда прямо сказать: мол, зачем вам, дорогой Тойли-ага, такая должность, если вы всю жизнь на полях провели. Ну да ладно, сами вы меня поправили...

— Ты по телефону говорил о какой-то новой идее на мой счет, — напомнил об их утреннем разговоре Тойли Мерген.

— Да, заезжала ко мне сегодня Шасолтан Назарова и сказала, что у ваших коммунистов есть свои виды на Тойли Мергена и нечего ему, мол, смотреть на сторону. Для него и в родном колхозе дел хватит.

— Это как же понимать?

— А вот так и понимать. Третью бригаду хотят вам предложить.

— Третью бригаду? — удивился Тойли Мерген. — Самую слабую? Ведь из-за нее-то я и опозорился...

— Да, самую слабую. Как я понимаю, она может весь колхоз назад потянуть. Вот потому-то там и нужен опытный руководитель.

— Ну и сметлив же ты, парень! — тряхнул головой Тойли Мерген, обрадованный таким исходом дела. — Мне, по правде сказать, тесно как-то последнее время в мире стало, не мог я себе места среди людей найти. А вот ты, оказывается, меня понял...

— Я-то понял, а вот Каландара Ханова еще убеждать придется. Не так-то это просто — сломать человеческое упрямство, — улыбнулся хозяин дома. — Тут тонкий психологический расчет потребуется.

— Это уж твоя забота, — понимающе прищурился Тойли Мерген и стал собираться. — Спасибо тебе, Мухаммед.

Карлыев проводил гостя до машины, и они тепло простились.

После этого разговора ехать домой Тойли Мергену почему-то не хотелось. То ли он представил себе, как опять будет приставать к нему Кособокий со своими назойливыми сочувствиями, то ли он просто соскучился по сыну, с которым из-за тревожных последних дней давно не говорил по душам, но так или иначе Тойли Мерген решил переночевать сегодня в городе, у Амана.

Судя по темным окнам, сына не было дома, но это не изменило намерений Тойли Мергена. Он открыл ворота и уже хотел было загнать машину во двор, как вдруг перед ним неизвестно откуда возник силуэт пузатого Тархана Гайипа.

— Рад видеть тебя, Тойли, — заискивающе проговорил он и хлопотливо протянул для пожатия свою влажную пухлую руку, все настойчивее напирая животом на собеседника. — Сын твой, как всегда, где-то ходит, — заметил он как бы вскользь, — но теперь, наверно, уже скоро придет... Ну, как дела, как с работой, как самочувствие?..

Тойли Мерген хорошо знал цену этому типу. Тархан Гайип любил выставить себя, особенно перед молодежью, таким пламенным патриотом и даже старым революционером, но суть его была совсем иной. Недаром очевидцы говорили, что в годы гражданской войны Тархан Гайип целые дни брел на дутаре в салон-вагоне Ораз-сердара, услаждая

слух этого заклятого врага туркменского народа. Да и вообще, если бы Тойли Мерген заранее узнал, в каком соседстве окажется участок его сына, он бы и близко не подошел к этой улице.

«Вот так всегда, — вспомнил Тойли Мерген пословицу, — змея не терпит мяты, а мята обязательно вырастет у ее норы».

— Как дела, спрашиваешь, — поморщился он. — Что ж, неплохо.

— А мне говорили — совсем плохо, — восторженно хихикнул Тархан Гайип. — В нашем возрасте, Тойли-бек, скрывать правду уже не годится, надо говорить все как на духу. Такие старые ишаки, как мы с тобой, уже давным-давно временем мечены. У нас, даже если мы и захотим свои грехи скрыть, все равно ничего не выйдет.

«Да, тебе скрыть не удалось», — подумал Тойли Мерген, но, вспомнив поговорку: «Если хочешь откупиться от зла, не заглядывайся на него», промолчал.

— Я вот что хочу тебе сказать, — невозмутимо продолжал Тархан Гайип. — Зря ты с властями тягаешься.

— С какими же это властями я тягаюсь? — опешил Тойли Мерген.

— Ай, Тойли-бек! Делаешь вид, будто не понимаешь! Кто у нас в районе власть? Ханов! Ну куда тебе против него...

— Мне с Хановым делить нечего.

— Тебе-то нечего, а ему — как знать? Ты вспомни, что они со мной сделали, а уж потом начинай. Меня ведь тоже в один прекрасный день от всех дел отстранили.

— Так ведь я — не ты! — не удержался Тойли.

Тархан Гайип не только не обиделся, но даже как-то еще больше развеселился и, неуклюже тряхнув животом, подхватил реплику:

— Тебе бы сейчас в самую пору не походить на меня. А только ничего у тебя из этого не выйдет. Мой тебе совет — перебирайся-ка ты в город, и будем вместе на рыбалку ездить.

— Рыбалка — дело неплохое, только не по мне, — отрезал Тойли Мерген. — Скучновато...

И не попрощавшись, сел в машину и въехал во двор.

Отперев своим ключом дверь и войдя в дом, Тойли Мерген первым делом растопил колонку в ванной. Потом он посидел, покурил, постелил себе постель и пошел мыться. Лишь выйдя из ванной и обрета свое обычное благодушие,

Тойли Мерген позвонил домой. Он сказал Акнабат, что започует у Амана, что с работой у него еще не все ясно, но, кажется, налаживается. После чего сразу заснул.

VI

В это самое время Аман подходил к городской больнице с большим свертком под мышкой. У ворот он несколько замешкался, соображая, что ответить сторожу, если тот его окликнет, как вдруг из темноты заросшего зеленью больничного двора бесшумно выскочила машина и резко затормозила прямо возле него.

— Эй, парень! — насмешливо окликнула его женщина, сидевшая рядом с водителем. — Ты что это делаешь здесь в такую пору?

— Я? — опешил Аман, не сразу узнав собеседницу. — О! Салам-алейкум, тетя Марал! — радостно воскликнул он и с надеждой посмотрел на заднее сиденье, где и в самом деле разглядел профиль Сульгун. — Вот, шел мимо и остановился, машину пропустить...

— Садись, — предложила Марал. — Подвезем тебя.

— Спасибо, тетя Марал, — чувствуя, что краснеет, промямлил Аман. — Не задерживайтесь из-за меня... Я пешком дойду.

— Ну ладно, хватит ломаться, залезай побыстрее, — шутливо приказала Марал. — Не пожалеешь.

Аману ничего другого не оставалось, как согласиться. Он с радостью отворил заднюю дверцу, молча кивнул Сульгун, положил рядом с ней свой сверток, после чего уселся сам, еще не зная, как вести себя дальше.

— И не сиди, как чурбан, — обернулась к нему Марал, едва машина тронулась. — Познакомься. Это наш хирург Сульгун Салихова.

Сульгун чуть заметно помотала головой, давая понять Аману, что Марал не должна знать об их знакомстве. Парень легким кивком успокоил ее.

— С удовольствием! — весело отозвался он и представился по всей форме: — Аман Мергенов.

Только после того, как девушка осторожно попыталась высвободить руку, Аман сообразил, что уже давно и очень крепко сжимает ее ладонь в своей пятерне.

Вскоре машина остановилась возле дома Сульгун. Аман вышел первым, помог выйти девушке и решительно забрал с сиденья сверток.

— Спасибо, тетя Марал. Я, пожалуй, тоже вас покину. Мне ведь тут два шага.

— Как хочешь, Аман-хан, — согласилась Марал, начиная уже обо всем догадываться.

Когда машина умчалась и они остались вдвоем на пустынной в этот час улице, под фонарем, слегка колеблемым слабым дуновением ветра, Аман заглянул девушке в лицо и снова сжал в ладони ее руку.

— Почему ты не захотела сказать тете Марал, что мы знакомы? — ласково спросил он. — Она женщина славная и вовсе не болтлива.

— Я знаю. Марал Гельдыевна хорошая. И ко мне всей душой... Только... Стоит ли говорить о том, что еще не решено?

— Это почему же не решено? — возмутился парень.

— Ну, конечно, — с легким оттенком грусти произнесла Сульгун и сразу перевела разговор. — Что это у тебя? — указала она на сверток.

— Так, кое-какое угощение, — загадочно пояснил Аман.

— Зачем?

— Пригодится.

— Кому?

— Нам с тобой.

— Ничего не понимаю, — призналась Сульгун и откинула с лица волосы, потревоженные ветром.

— Идем! — настойчиво потянул он ее за руку. — Наконец-то я тебя покатаю по каналу.

— Сейчас? Среди ночи?

— Что же делать, если днем у нас не получается. Когда ты свободна, я занят. Я свободен, ты на работе. И всегда так... А сегодня такой вечер хороший. Посмотри, какая полная луна. И тепло совсем, будто лето еще не кончилось... Ну, пожалуйста, пойдем на канал, покатаемся, поплаваем, поговорим. У меня последнее время такое настроение отвратительное. Развеемся хочется...

— Почему у тебя плохое настроение? — остановив парня, озабоченно спросила Сульгун. — Опять с директором повздорил?

— Не только повздорил — и дал заявление об уходе.

— Ну и правильно сделал! Надо кончать тебе с автопарком. Я бы на твоём месте давно вернулась в колхоз.

— В колхоз?

— Что ж тебя так удивляет в моем совете? Да, обратно! Мне непонятно, почему ты так цепляешься за город. Разве

у вас там люди хуже живут? Картины идут те же, книги в библиотеке даже легче достать, да и артисты приезжают то и дело. Зато какой воздух! Ни дыма, ни гари бензиновой. А главное — какие возможности для самостоятельной работы! Если хочешь знать, я сама часто подумываю о том, чтобы взять на себя хирургическое отделение где-нибудь в сельской больнице и так поставить там дело, чтобы другим завидно стало... Знаешь что? Давай так — ты уедешь на село, а я поеду за тобой, — лукаво посмотрела Сульгун снизу вверх на Амана. — Хочешь?

— Тебе все шуточки, а у меня правда на душе погано.

— Знай, Аман, настроение всегда зависит от нас самих, — нарочито назидательным тоном заявила девушка. — Надо работать и не поддаваться хандре. — И уже без шутливой важности добавила: — Я тоже с утра искала, кому бы пожаловаться на судьбу, а сейчас, после удачной операции, мне и в самом деле дурачиться хочется. Понимаешь, поступил к нам очень трудный больной. Так вот, ему с утра сказали, что я и есть тот хирург, который его оперировать будет. Не знаю, то ли я ему слишком молоденькой показалась, то ли еще что, но только он не сказал ни слова, нахмурился и отвернулся. Представляешь, каково мне. Ну вот, Марал Гельдыевна и вызвалась мне ассистировать. У нее вид солидный, ей он сразу доверился... Вообще-то хорошо, что так вышло — уж очень трудный случай, и я бы, наверно, без нее зашилась. Но она потом меня очень хвалила, поэтому я теперь и веселая. Даже пойду сейчас с тобой купаться. А то, правда, куда это годится — живу почти на берегу, а канала, наверно, с самой весны не видела... Только погоди минутку, — рванулась она к дому, — надо маму предупредить, чтобы не волновалась. И накину на себя что-нибудь.

Вскоре Сульгун снова появилась на улице. Теперь на ней была шерстяная кофта, а на ногах вместо туфель на высоких каблуках — тапочки. На голову она накинула платок: как-никак, а все-таки осень.

А еще через десять минут они уже сидели на прохладном кожаном диване прогулочного глассера и решали, в какую сторону им направиться.

— Как ты хочешь — по ветру или против ветра? — спросил Аман.

— Давай поедем туда, где мы весной были, — предложила Сульгун. — Мне там понравилось.

— Только теперь уже не будет тех цветов, из которых ты тогда плела венки.

— Зато там берег пологий...

Аман уже взялся за руль, но старик лодочник неторопливо закуривал очередную сигарету и, кажется, не собирался оттолкнуть их от пристани. Видно, ему хотелось поговорить, а на других собеседников в эту пору рассчитывать явно не приходилось.

— Садитесь с нами, Ишим-ага,— догадавшись, в чем дело, предложил Аман своему давнему другу, которого знал как заядлого курильщика и неисправимого говоруна.— Места много, проветритесь на воде, на чистом песочке полежите.

— Нет, вы уж как-нибудь без меня, детки,— глубоко затянувшись, отказался старик.— Я свое на песочке отлежал еще лет пятьдесят назад, когда в Каракумах, в самом пекле, валялся в обнимку с своей пятизарядкой. Не подумайте, что жалуюсь,— поспешил заверить он.— Я на свою жизнь не в обиде, по крайней мере перед смертью есть что вспомнить... Так что уж поезжайте сами,— спохватился он вдруг и слегка оттолкнул глиссер от мостков.— Только скажите, когда примерно вас назад ждать.

Аман выхватил из кармана пачку сигарет и успел протянуть ее старику.

— Держите, Ишим-ага,— смеясь сказал он.— Бог даст, к тому времени вернемся, когда вы всю выкурите.

Ответа они уже не услышали, потому что Аман тут же включил мотор. На малых оборотах он вырулил из заливчика и, повернув на восток, дал газ. Мотор взревел, по корпусу пробежала дрожь, и глиссер, набирая скорость, понесся вдоль освещенного луной канала, все больше и больше задирая нос над водой.

Через несколько минут далеко позади остались не только пристань и будочка Ишим-аги, но и городские строения. Только где-то у горизонта еще мерцали уличные фонари, напоминая щедрую звездную россыпь. Рев мотора постепенно сменился спокойным урчанием, сквозь которое теперь слышался легкий плеск воды за кормой.

Напряженно взглядываясь во тьму и крепко сжимая в руках руль, Аман, не поворачивая головы, спросил:

— Ты о чем задумалась, Сульгун?

Уставшая за день от больничной суеты и волнений в операционной, девушка наслаждалась покоем и скоростью одновременно. Она сидела, свободно раскинув руки, и ни о чем

не думала, чувствуя только, как пьянит ее влажный, теплый, совсем не осенний ветер, который сразу же властно стащил у нее с головы платок, правда, лишь для того, чтобы заботливо укутать им плечи, и бесцеремонно растрепал ей волосы.

— Тебе не кажется, что мы сейчас одни, совсем одни в огромном мире?.. — задумчиво ответила она, тоже не меняя позы. И они снова умолкли. — ...Теперь уже, наверно, скоро будет песчаное место, — произнесла Сульгун, внезапно встрепенувшись после долгой паузы.

— Ты любишь песок, Сульгун, совсем, как дети, — пошутил Аман. — Или как та красавица Огульбек из стихов Кемине¹. Помнишь эту строчку: «По песку ступали твои ножки...»

— А ты что, разве не любишь пески? — перебила она его. — Может быть, ты тоже клянешь Каракумы на чем свет стоит? Я иной раз читаю и возмущаюсь: пишут о Каракумах так, будто от них у туркменов одни беды. Честное слово, даже зло берет! Есть у нас в больнице один врач — между прочим, кандидат наук, человек образованный, — так вот, он эти места ни во что не ставит. Буквально бредит Кавказом. Подавай ему нарзанные ванны, да и только... Кавказ, конечно, благословенный край. Как говорит моя мама, — страна, на которую снизошла благодать самого пророка Хыдыра. И все-таки, если человек сделал свой первый шаг по земле в наших песках, то ему Каракумы всегда будут дороги. И дед и прадед у меня всю жизнь прожили в песках. И отец мой провел среди барханов свою молодость. Мама рассказывает, что, когда я была еще девочкой, мы несколько месяцев прожили в пустыне, да притом в самый зной. Я тогда очень болела, и горячий песок спас меня от смерти.

— А что с тобой было?

— Трудно сказать, только мама твердо уверена, что вылечила меня пустыня... Теперь, конечно, тут все по-другому — людно стало, всюду нефтяные вышки, газ гудит, воды вон сколько...

— Сейчас будут твои любимые пески, — сказал Аман и, сбавив ход, повернул к берегу.

Страстный любитель водно-моторного спорта, он знал

¹ Кемине — псевдоним туркменского поэта-сатирика Мамед-Вели (около 1770—1840).

здесь каждый уголок и даже ночью легко мог отыскать нужное место.

Вскоре глиссер с выключенным мотором ткнулся носом в отмель. Аман выпрыгнул на землю, помог выйти Сульгун и осторожно вытащил нос глиссера на сушу. Потом молодые люди, не сговариваясь, стали деловито взбираться на прибрежный бархан. Чем выше, тем мягче становился песок и тем труднее было идти.

— Может, повернем назад? — заботливо предложил Аман, почувствовав, что девушка, которую он тянул за руку, еле передвигает вязнувшие ноги.

Вместо ответа Сульгун отрицательно покачала головой. Ей во что бы то ни стало хотелось добраться до хребта.

Наконец они достигли вершины и девушка смогла отдышаться. Перед ними расстилалась пустыня, залитая призрачным лунным светом, безмолвная и таинственная в этот ночной час. Стоя лицом к востоку и словно вглядываясь в черные тени от барханов, сливающиеся во мраке, она мечтательно спросила:

— Интересно, за сколько дней можно дойти отсюда до Амударьи?

— Если напрямик, то дней за семь-восемь можно, пожалуй, добраться, — рассудительно прикинул Аман. — Ну, а если идти берегом канала, то, конечно, больше.

— И все время пески, одни только пески?

— Нет, среди барханов встретятся и такыры, такие ровные и гладкие, хоть в футбол на них играй. А потом пойдут солончаки, а еще дальше — полоса плодородной земли вдоль берега Джейхуна¹... А ты что, и впрямь собралась одолеть такое расстояние пешком? Если так, то имей в виду — придется здорово попотеть.

— Это я понимаю... — вполне серьезно ответила Сульгун. — Знаешь, каждый раз, когда мне удастся попасть в пустыню, я жалею, что не стала геологом.

— Думаешь, геологам легко приходится?

— А какой вообще интерес заниматься легким делом? — убежденно произнесла она и стала неторопливо спускаться с бархана.

Спускались они молча. Внизу Аман первым делом сунул руку в канал, удостоверился, что вода совсем теплая, и заявил:

¹ Джейхун — так прозвали арабы реку Амударью, что означает коварная и мутная.

— Лично я намерен разок окунуться.

— Настоящий человек не должен быть эгоистом, — тоном упрека заметила девушка.

— Прости, Сульгун, я не решился предложить тебе, потому что совсем светло, а ты, кажется, не взяла с собой купальник... Пошли вместе!

— Нет уж, теперь поздно оправдываться.

— Честное слово, Сульгун, я думал, что ты будешь стесняться.

— Знаю, знаю, что ты думал, — продолжала подтрунивать над ним девушка. — Просто ты только о себе заботишься. Вот и проговорился.

— Да, мне сегодня с тобой не сладить, — пришел к выводу Аман и, мгновенно раздевшись, бросился в воду, норовя в наказание как следует обрызгать спорщицу.

Он поплыл по лунной дорожке и, достигнув середины канала, повернул назад, успев заметить силуэт Сульгун. метнувшийся с берега в чернильный мрак потока. Через несколько минут они уже гонялись вплавь друг за другом, произнося с хохотом страшные клятвы и взаимные угрозы. В конце концов Аман удрал от преследования на берег, крикнув оттуда:

— Лично я здорово проголодался.

— А мне стало холодно, — донеслось из воды.

— Если так, вылезай. Не бойся, я отойду подальше.

Сульгун вышла на песок, выжала мокрые волосы, прыгала на одной ноге, чтобы вылить воду из уха, и стала одеваться.

— Аман, ты где? — крикнула она через несколько минут в темноту и звонко рассмеялась. — Ты почему от меня бегаешь?

— Ай, ну просто так... — донесся до нее смущенный голос парня.

И снова в тишине ночи прозвенел ее смех.

— Ты почему смеешься? — спросил он, подходя поближе.

— Ай, ну просто так, — ответила она ему в тон.

Они присели у освещенного склона бархана, и Аман принялся разворачивать сверток, с которым таскался весь вечер. На свет появились бутерброды, сыр, булочки с изюмом, плитка шоколада, бумажные стаканчики и даже бутылка вина.

— А ты мне сегодня нравишься, Аман, — с удовольствием жуя бутерброд, заявила Сульгун.

— Выходит, раньше не правился?

— Я не знаю, что было раньше и что будет позже. Я говорю про сегодняшний день, вернее, даже про сегодняшнюю ночь, про сейчас.

— Чем же я тебе сейчас так угодил?

— Тем, что, оказывается, умеешь себя держать. Или, может, я ошибаюсь? Может, ты просто еще не собрался с духом?

— Нет, не ошибаешься, Сульгун! — горячо воскликнул Аман. — Будь на твоём месте другая...

— Ну что бы ты сделал?

— Я бы уже давно обнимал ее и...

На миг ему показалось, что сейчас девушка снова рассмеется. Но она сразу прониклась признательностью к нему за эту горячность, которую он вложил в свои слова, и тихо спросила:

— Ты меня боишься?

— Я тебя люблю, — так же тихо ответил Аман, пытаюсь прочесть в ее глазах ответ на свое признание. — А когда любишь по-настоящему, оказывается, и ведешь себя по-другому...

Сульгун забыла про еду и долго сидела безмолвно, глядя на лунную дорожку, пересекающую канал. Аман тоже молчал.

— Ты почему умолкла? — не выдержал наконец он. — Тебе не по душе мои слова?

— Ну, что ты! — еле слышно произнесла Сульгун. — Я ведь об этом давно знаю.

— Тогда почему же ты загрустила?

— Есть на то причина...

— Ну, скажи какая! — Аман, подложив руки под голову, лег на спину и теперь преданно смотрел на нее снизу вверх. — Скажи, что тебя печалит?

— Понимаешь, Аман, — начала она, неуверенно подбирая слова. — Все у нас с тобой хорошо, но одно меня давно тревожит... Я тебе сейчас объясню, только ты не обижайся, ладно?..

Но тут ее внимание отвлекли какие-то силуэты, внезапно появившиеся неподалеку, у самой воды. Сульгун никогда прежде не видела джейрапов, свободно разгуливающих по пустыне, и потому пришедшая на водопой косуля с двумя детенышами в первый момент совершенно заворожила ее. Она непроизвольно подалась в ту сторону и прошептала:

— Смотри, Аман, смотри!..

Парень порывисто вскочил, еще не понимая, в чем дело, и,

конечно, спугнул осторожных животных. Они метнулись от воды и мгновенно исчезли из виду.

— Это же джейраны! — успокоил он девушку. — Хотели напиться.

— А мы им помешали, — с сожалением добавила Сульгун.

— По-моему, они помешали нам, — усмехнулся Аман. — Ты ведь уже готова была сказать мне что-то очень важное. Ну, я слушаю.

— Не торопи меня, Аман. Я ведь буду говорить о вещах малоприятных для тебя.

— Приятных или неприятных, я готов выслушать все.

— Ну, если так, то скажи мне честно, зачем ты уехал из родного колхоза, почему изменил своей специальности, что ты нашел в своем автопарке?

— А чем эта работа плоха?

— Вот ты опять — думаешь одно, а говоришь другое.

— Ладно, скажу все как есть.

— Давно бы так.

— Я переехал в город из-за тебя.

— Из-за меня? Значит, я виновата?

— Да, и напрасно ты смеешься. Я хотел быть поближе к тебе.

Такое признание, видимо, ошеломило девушку. Она ничего не ответила, только протянула Аману бутерброд, жестом предлагая ему тоже подкрепиться перед серьезным объяснением. Некоторое время они молча жевали, изредка поглядывая друг на друга.

— Аман, ты помнишь Ашхабад? — нарушила наконец молчание Сульгун.

— Конечно, помню, — удивленно ответил тот.

— Мы ведь с тобой познакомились перед самым окончанием, уже дипломниками, если не ошибаюсь.

— Да, ну и что с того?

— А то, что времени с тех пор прошло немного, но ты успел здорово измениться. Ты тогда был совсем другим парнем, хоть и казался мне фантазером, но планы у тебя были хорошие. Помню, когда речь заходила о будущем, от тебя неизменно слышали одни и те же слова: «Мне бы только вернуться в колхоз, а уж там-то я знаю, что делать!» И еще ты, кажется, собирался писать работу, если не ошибаюсь, о механизации хлопководства. Так ведь? А куда девались все эти благие намерения? Похоже, что ты их охотно намотал на колеса автобазовских машин.

— Сульгун, я же тебе сказал, что уже подал заявление...

— Погоди, не перебивай меня, пожалуйста, — остановила его девушка. — Потом скажешь... Видишь ли, Аман. Я всегда недолюбливала людей, живущих вне общих стремлений, без достойной цели. Точнее сказать — всегда их презирала. Такие, как правило, оказываются безответственными себялюбцами. Вот я говорила об одном нашем враче, ну, который бредит Кавказом... Ты прости, что я опять о нем, но стоит мне хоть немного рассердиться, как он у меня обязательно на язык просится. Так вот, мы там, в больнице, думали, что раз он пишет диссертацию, значит, от него будет польза всей медицине, и, конечно, как могли, помогали ему. Даже иной раз в ущерб своим делам. А он оказался отъявленным эгоистом и спокойно ощипал пойманную нами птицу. Благополучно защитился, и пошла у него беззаботная жизнь. Вместо того чтобы засучить рукава и делом отплатить нам за добро, он теперь и свои-то обязанности не всегда выполняет. А сделаешь ему замечание, даже мягко, по-товарищески, он сразу на дыбы, мол, как вы смеете меня учить, я кандидат наук, у меня звание, и все такое прочее. Как будто для хирурга важнее всего не руки, не сердце, не голова, а степень. Ну что ты с таким поделаешь, если человек видит в своей учености право на безделье... Ты меня прости за прямоту, Аман, но, по-моему, ты тоже рассматриваешь свой диплом инженера как защиту от всяких житейских хлопот. Мол, зачем мне отвечать в колхозе за пахоту, за сев, за уборку, за вывоз хлопка, когда я здесь могу жить припеваючи — отдавать другим приказания: сделайте так или сделайте этак, а самому беззаботно попивать вино и щеголять модными брюками...

Сульгун умолкла, боясь, что после таких упреков Аман взорвется и они не на шутку поссорятся, а этого ей совсем не хотелось. Но он лишь расхохотался, правда не очень естественно, и сказал:

— Это ты, Сульгун, в самую точку!..

И смех, и неуместно шутливые слова не понравились девушке.

— Выходит, я права.

— А ты думаешь, меня самого это не мучает? — глубоко вздохнув, признался он.

— Но если так, то еще не поздно все изменить! — с надеждой воскликнула Сульгун.

— В том-то и дело, что теперь уже поздно, — с горечью в голосе отозвался Аман и, перевернувшись на живот, подпер кулаками подбородок. — Еще неделю назад я сам был готов вернуться домой, а теперь...

— Что — теперь? Что изменилось за неделю?

— Многие, дорогая Сульгун,— после долгой паузы печально произнес парень. Он порывисто сел, ловко откупорил лежащую в стороне бутылку, разлил вино по стаканчикам и жестом предложил девушке выпить. Она не шевельнулась, все еще ожидая ответа на свой вопрос. Поняв, что его настояния сейчас будут тщетны, Аман выпил один, неторопливо достал сигарету и закурил.— Ты моего отца знаешь? — без всякого выражения вдруг спросил он. И когда Сульгун, удивленная таким поворотом разговора, лишь развела руками, сам же ответил: — Ничего-то ты не знаешь...

— Странное дело! — возмутилась девушка. — Его вся республика знает. О его боевом прошлом и трудовых успехах газеты писали, а ты меня спрашиваешь!

— Так вот, если хочешь знать, сегодня этот герой боев и труда уже никто!

— Что значит — никто?

— А вот то и значит! — все больше распалялся Аман. — Прогнали его...

— Ты хочешь сказать, освободили?

— Не все ли равно, как сказать! Около двадцати лет человек трудился не покладая рук, и в одну минуту все пошло прахом. В одну минуту!.. Горе у нас дома! Впрочем, тебе этого не понять.

— Ну, это еще не горе. И потом, почему же мне не понять? Что ты знаешь о моей жизни? Когда я еще была совсем крошечной, внезапно умер отец. А у мамы не было ни специальности, ни родственников, которые могли бы ее поддержать.

— Ай, одно дело умереть от болезни, а другое — умереть заживо!.. — нетерпеливо перебил ее Аман.

— Ты в самом деле считаешь, что Тойли Мергена похоронили заживо? — недоумевала Сульгун.

— Да, именно так! — гневно воскликнул он. — А как же я еще могу считать, если он уже столько времени болтается без дела?

— Я думаю, что ты ошибаешься, Аман, — спокойно возразила девушка. — Такие люди, как Тойли Мерген, — на вес золота, и уж кому-кому, а отцу твоему долго болтаться, как ты говоришь, не дадут.

С этими словами она подняла свой стаканчик и пригубила вино, как бы за здоровье Тойли Мергена.

— Типичное женское благодушие! — съязвил Аман. — Человека опозорили, а ты тут...

— Перестань говорить глупости!

— Это не глупости. Весь народ над ним смеется!

— Какой народ? Я, например, не смеюсь!

— Не знаю, как ты, а я вовсе не хочу, чтобы и надо мной потом потешались. Для меня позор отца — хороший урок. Раньше я думал — вернусь в колхоз, сделаю это, налажу то. Мальчишество! Нет уж! Теперь у меня глаза открылись. Теперь мне все равно, где работать — в автопарке или в парке культуры и отдыха. Лишь бы душу не теребили.

Будь на месте Амана кто другой, Сульгун, конечно, не преминула бы обозвать его глупцом. Но она любила Амана.

— Хотела бы я, чтобы эти твои слова услышал Тойлиага, — сказала девушка, сдерживаясь.

— Не волнуйся! Он еще и не то от меня услышит! — заявил Аман. — Ну, ладно, давай лучше выпьем.

— Нет, мне не надо, у меня еще есть, — воспротивилась Сульгун, отодвигая свой стаканчик. — И вообще пора домой — скоро уже рассвет. Я-то завтра не работаю, но ты ведь еще не перешел в парк культуры и отдыха...

Аману не хотелось пить одному, и они стали собираться.

Утром, когда Тойли Мерген, отлично выспавшись, встал, чувствуя себя родившимся заново, Аман лежал пластом на своей постели, не подавая признаков жизни. Отец разбудил его лишь после того, как умылся, оделся и приготовил завтрак. Аман долго не мог стряхнуть с себя сон и все еще зевал и потягивался, даже сев за стол напротив отца с сигаретой во рту.

— Что же ты кряхтишь, как старик? — пристыдил его Тойли Мерген. — И где это тебя носило всю ночь?

— Поехал с ребятами купаться, ну и задержались...

— Похоже, что ты в песке купался, — не без иронии кивнул отец в сторону измазанного костюма, брошенного на стул.

— Ай, папа, ты ведь тоже когда-то был молодым, — выдавил из себя Аман, еле сдержав зевоту. — Неужели я должен все тебе объяснять?

— Так бы и сказал, негодник! — добродушно усмехнулся отец, у которого со вчерашнего вечера настроение заметно поднялось. — Так бы и сказал, — повторил он задумчиво, пытаясь восстановить в памяти одно из своих юношеских походов, когда его, еще задолго до женитьбы, чуть не поймали возле кибитки Акнабат. — Только смотри не безобразничай. Как-никак, а ты все-таки сын Тойли Мергена... Лучше сходи умойся, а то сел сразу за стол и куришь натошак. Да поторопись — не успеешь оглянуться, начнется рабочий день.

— Моя работа никуда от меня не сбежит, можно и опоздать.

— Это еще что за разговоры! — возмутился Тойли Мерген. — Как-то я за тобой раньше такого не замечал. Что с тобой?

Но Аман не решился объявить отцу о поданном заявлении. Он только сказал:

— Что-то, папа, у меня не клеится на автобазе.

— Если не клеится, возвращайся в колхоз! Какая польза от того, что ты в городе околачиваешься?

— Не торопись, папа. Видно, нам обоим теперь суждено здесь жить. И мне, и тебе. Надо только найти работенку подходящую.

— Лично я собираюсь работать по-прежнему в колхозе.

Мечтая в эту минуту лишь о том, как бы поспать еще часок-другой, Аман толком не расслышал слов отца и машинально переспросил:

— Где, где?..

— В колхозе «Хлопкороб»!

Аман даже привстал от удивления.

— Кем же это, интересно?!

— А я из-за должности торговаться не собираюсь.

— Ну, а все-таки!

— Ну, бригадиром.

— И что, этот вопрос уже окончательно решен?

— Не сегодня завтра решится, — заверил сына Тойли Мерген.

— Хм! — иронически улыбнулся Аман. — А вдруг — нет?

— Надеюсь, все будет в порядке.

— Не пойму, откуда у тебя такое легкоеверие?

— Аман!

— Прости, папа, но я ведь уже не ребенок и тоже знаю, что к чему. Давай поговорим трезво. Кто тебя обнадеживает, кто тебе морочит голову? Снова Карлыев. Опять этот образованный джентльмен?

— Ну, допустим, Карлыев.

— А Ханов что говорит?

— Не знаю и не очень этим интересуюсь.

— Погоди, отец, — тоном уверенного превосходства заговорил Аман. — Если Карлыев может решать такие дела сам, то где же он был раньше? Сначала он послал тебя в ателье на позор. А теперь хочет бригадиром поставить, чтобы совсем доконать!..

— Должен же я исправлять свои ошибки или нет? — уже

не так уверенно произнес Тойли Мерген, чувствуя, как стремительно портится у него настроение.

— Пусть твои ошибки останутся лучше при тебе! — громко рассуждал Аман. Он уже позабыл про сон и про все на свете и теперь расхаживал по комнате взад-вперед, ожесточенно размахивая руками. — Подумай только, что значит принять бригаду! Неужто ты заставишь работать Кособокого Гайли? Или сумеешь оттащить Артык-шиха от дармовой жратвы и поганных развлечений, а взамен привьешь ему любовь к труду? Пойми, что, пока ты был председателем, они еще кое-как слушались тебя, вернее побаивались. А теперь им даже и в голову не придет поинтересоваться, существуешь ты на свете или нет. Пойми, что от председателя до бригадира — все равно что от неба до земли. Если ты не замечаешь разницы, то люди ее очень хорошо видят...

— Ну, ладно! Хватит! — неожиданно для самого себя повысил голос Тойли Мерген и грохнул кулаком по столу. — Тоже мне, пророк в пустыне. Ты еще сопляк! Чем меня поучать, лучше о себе подумай... — Злой, забыв о чае, он решительно поднялся. — Да, да, о себе подумай! — повторил он уже на пороге и хлопнул дверью.

Едва Тойли Мерген выехал из города, направляясь домой, как ему навстречу промчался Кособокий Гайли. В своем забитом до отказа «Москвиче» он катил на базар, и на его лице делового человека, погруженного в сложные коммерческие расчеты, вовсе ничего не отразилось при виде зятя. Он лишь равнодушно скользнул взглядом по машине Тойли Мергена и сразу исчез.

VII

В этот самый момент Мухаммед Карлыев входил в свой кабинет. И хотя он пришел сегодня намного раньше положенного часа, в приемной его уже ждали несколько человек.

Приняв двоих посетителей, Карлыев посмотрел на часы. Как раз начинался рабочий день. Пора было звонить Ханову относительно Тойли Мергена. Если сейчас этого не сделать, потом председателя исполкома уже не застанешь, и дело опять застопорится.

— Можно? — внезапно услышал Карлыев, так и не успев дотянуться до телефона.

В дверях стоял немолодой рыхлый человек с сильно выпирающим животом, похожим на надутый бурдюк.

— Заходите, папаша.

Посетитель неторопливо подошел к столу и, не дожидаясь предложения сесть, расположился напротив секретаря райкома с такой непринужденностью, будто находился у себя дома. Невозмутимо разглядывая Карлыева, он плавным движением достал из кармана брюк носовой платок и принялся тщательно вытирать сначала гладко выбритую голову, а потом и толстую шею.

— Чем могу служить? — пряча нетерпение, осведомился Карлыев.

Посетитель начал издалека.

— Ваш покойный отец хорошо знал меня. Но вам моя личность, наверно, неизвестна.

— Не беда, папаша, если у вас ко мне дело, говорите прямо.

— Зовут меня Тархан Гайип. Хотя я еще и не утратил бодрости, но меня уже довольно давно проводили на заслуженный отдых. Конечно, и в положении пенсионера есть своя усадка — можно, ни о чем не думая, лежать себе где-нибудь в тени и поглаживать живот. Но как быть, если у человека, кроме бодрости, сохранилась еще и совесть. А вот она-то и не дает мне покоя...

— Говорите, говорите, я вас слушаю

— Так вот, браток, — переходя на доверительный тон, продолжал Тархан Гайип. — У вас тут должен быть один парень из дальних родственников Тойли Мергена. Бекмурадом зовут. Такой высокий, белолицый.

— А... Есть такой. Не знаю, чей он родственник, а такой парень у нас действительно есть.

— Какая у него должность?

— Он инструктором работает.

— Вот, вот!.. Точно пока не знаю, то ли это правда, то ли ложь, но вчера вечером, когда я возвращался с рыбалки, коснулась моего слуха одна новость. Вот я и зашел проверить, верна ли она, а если окажется верна и если меня захотят выслушать, то и на совет не поспущу.

— Что ж, если у вас дельный совет, будем вам только признательны.

— Говорят, вы хотите новысить этого парня, сделать его заведующим отделом, — придав таинственность голосу, продолжал посетитель. — Так ли это?.. От меня можете не скрывать — я ведь из тех, кто проливал кровь за эту землю. Даже если секрет...

— Никакого секрета тут нет, — улыбнулся Карлыев. — А вы что, думаете, он не справится, если его повысят?

— Нет, почему же, справится! Только ведь он из бурказов.

— Откуда? — не понял Карлыев.

— Из бурказов, — многозначительно пояснил Тархан Гайип. — У нас тут, на Мургабе, десятки племен. Так вот он — из бурказов... Ты-то сам из каких будешь?

Секретарь райкома недоуменно пожал плечами.

— Скрываешь, значит, — понимающе кивнул Тархан Гайип, приподняв и тут же опутив набрякшие веки.

— Честное слово, не знаю.

— Ну, если ты не знаешь, я скажу. Ты из багши. Ты самый чистокровный багши.

— А какая разница — бурказ или багши?

У Тархана Гайипа от хохота заколыхался живот.

— Хотя пост у тебя и высокий, а ты еще совсем мальчишка, — покровительственно произнес он. — Совсем мальчишка!

— Ничего не понимаю! — уже не без досады воскликнул Карлыев, жалея уходящее попусту драгоценное время.

— Слушай, если не понимаешь. Свои — всегда и всюду свои. Кому же еще доверишься? Если хочешь спать спокойно — отбирай работников из багши. Что ни поручишь — не подведут! И в случае чего твой просчет возьмут на себя. А если кто на тебя копьём нацелится — не хуже щита прикроют. Словом, не пожалеешь.

— Мы, папаша, на эту должность не соплеменника ищем. Нам работник нужен. Человек нужен...

— Это все ерунда! — отмахнулся Тархан Гайип и, облизав толстые губы, добавил уже совсем другим тоном: — Между прочим, у этого парня дед был басмачом и...

— Ну-ка, погодите минутку, — сказал Карлыев и нажал кнопку.

Вошла секретарша.

— Не знаете, Бекмурад на месте? — обратился к ней секретарь райкома.

— Он в колхоз собирался, но, кажется, еще здесь.

— Пусть зайдет ко мне. — И, когда девушка вышла, пояснил: — Не будем обсуждать человека за глаза.

Вероятно, Тархан Гайип вовсе не ожидал такого поворота событий. Он снова принялся тщательно вытирать лоб и шею. Потом бросил взгляд на дверь и, уродливо выпятив губы, проямлил:

— Я, пожалуй, посижу пока в приемной.

— Зачем же? — остановил его Карлыев. — Бекмурад не из тех, кто заставляет себя ждать. Сейчас явится, вот увидите!

— Ай, хоть бы и так! — сказал Тархан Гайип, продви-

гаясь к двери. — Там ведь еще люди хотят к вам попасть...
— Как знаете.

Карлыев быстро отпустил еще одного посетителя, а тем временем явился и Бекмурад.

— Заходи, садись, — указал ему на стул Карлыев и вызвал секретаршу. — Пригласите того человека.

— Какого? — не поняла девушка, так как за это время в приемной побывало немало народу.

— Только что был у меня — полный, солидный...

— А!.. Сейчас посмотрю.

Через минуту она вернулась растерянная.

— Папаха здесь, а его самого нет...

— Раз тельпек¹ на вешалке, значит, и сам он где-то тут. Ну-ка, посмотрите его в коридоре. Может, пошел покурить.

Карлыев успел потолковать с Бекмурадом относительно предстоящей тому поездки, когда снова появилась запыхавшаяся девушка.

— Его и в коридоре нет, товарищ Карлыев, и вообще нигде не видно. Наверно, он ушел.

— Нет, он не ушел, — со вздохом произнес Карлыев. — Он сбежал!

— А что, у него было ко мне спешное дело? — поинтересовался парень.

— Было! — печально улыбнулся секретарь райкома. — Но, наверно, нашлось еще более неотложное, если он даже позабыл свой тельпек.

Отпустив Бекмурада, Карлыев сумел наконец позвонить председателю райисполкома.

— Здравствуйте, товарищ Ханов! — обрадовался секретарь райкома, что застал его. — Вы уже ознакомились с материалами предстоящего бюро?

— Вообще-то я их получил. Как только немного освобожусь, постараюсь прочесть.

— У меня к вам просьба. Вы бы не могли сейчас, не откладывая, пробежать глазами бумагу относительно Тойли Мергена?

— Считайте, что уже прочел, — после незначительной паузы сообщил Ханов.

— Если так, то, может, мы не будем выносить этот вопрос на бюро, а решим его опросным порядком?

Ханов промолчал.

— Понимаете, какое дело, — настаивал Карлыев. — До

¹ Тельпек — мохнатая шапка типа папахи.

бюро целых три дня, а в страду, как вы знаете, это срок немалый. Если Тойли Мерген сразу приступит к работе, он за эти дни горы свернет.

— Это, может быть, и верно, только... — выдержал паузу Ханов. — Только я в принципе против такого решения вопроса о Тойли Мергене.

— Ну что ж, тогда остается вынести это дело на бюро.

— А я и против вынесения на бюро.

— Вы хотите невозможного, товарищ Ханов. Наш долг рассмотреть вопрос, раз он поставлен перед нами. Желаем мы или нет, а сделать это придется.

— Тут уж вы сами смотрите. Только я свое мнение высказал.

Когда три дня спустя на заседании бюро райкома было упомянуто имя Тойли Мергена, Ханов, не отрывая глаз от лежащих перед ним бумаг, поинтересовался:

— А где же он сам?

— Тойли-ага у себя дома, — пояснила Шасолтан Назарова, сидевшая в сторонке у открытого окна.

— Почему не здесь? — удостоил ее хмурым взглядом председатель райисполкома.

— Неужели не ясно, товарищ Ханов! — слегка дрожащим от волнения голосом начала Шасолтан. — Разве вы не читали нашего письма?

— Что читал, что не читал — все равно ничего не понял. А так он сам объяснил бы.

— Тем более Тойли Мергену незачем было приезжать. Ведь он нас не просил поставить его бригадиром. Он вообще об этом ничего не знает. Просим мы. Просят коммунисты колхоза. И я приехала сюда в качестве их представителя. От вас, членов бюро, зависит — удовлетворить или не удовлетворить нашу просьбу.

Ханов знал, что Шасолтан Назарова — умница, но не предполагал, что она проявит такую твердость.

— Нет, все еще непонятно! — гнул он свое, самым тоном показывая сильное недовольство. — Если он не просит, зачем нам решать? А вдруг он возьмет да откажется? Вдруг не захочет стать бригадиром?

— Он согласен, — опередив Шасолтан, четко произнес Карлыев.

— Согласен? — крайне удивился Ханов. — Тогда я и вовсе отказываюсь понимать. Сначала нам говорят, что он ничего обо всем этом не знает, а потом выясняется...

— Я разговаривал с ним,— вставил Карлыев.— Еще четыре дня назад...

Эта реплика неожиданно воодушевила Ханова.

— Очень странно получается,— как бы уличая секретаря райкома в подтасовке фактов, продолжал Ханов.— Если не ошибаюсь, четыре дня назад вы, после приезда из Ашхабада, появились в райкоме на полчаса и сразу уехали на весь день по селам. Где же это вы разговаривали с Тойли Мергеном?

— У себя дома,— весело объявил Карлыев.— Он был у меня в гостях.

— Простите,— деланно засмеялся Ханов,— но с каких это пор вы стали решать партийные дела у себя на дому?

Тут вмешался второй секретарь райкома Сергеев. Старый коммунист, он много лет проработал в этих краях и свободно, хотя и с легким акцентом, говорил по-туркменски. Удивленный упрямством председателя райисполкома, Сергеев спокойно заметил:

— Но ведь никаких решений еще никто не принимал. Решать будем мы сейчас, здесь. А поговорить с человеком по душам относительно его желаний и намерений можно, по моему, где угодно.

Но не так-то легко было переспорить Ханова.

— Анатолий Иванович, поймите простую вещь,— пустил в ход он последний свой довод.— Как-то не к лицу секретарю райкома приглашать к себе коммуниста для разговора по душам.

— Отчего же? — с улыбкой спросил Сергеев, снимая очки.— Разве секретарь райкома не такой же человек, как другие?

— Я бы мог доказать вам, Анатолий Иванович, свою правоту, только здесь не место для таких споров.

— Почему же не место? — теперь Сергеев говорил уже без улыбки.— Лично я считаю бюро райкома самым подходящим местом для деловых принципиальных споров.

Полемика явно исчерпала себя, и Ханов, почувствовав это, машинально опустил на стул. Но тут же вскочил, словно его подтолкнули в затылок, когда услышал слова Карлыева:

— Итак, товарищи, есть предложение удовлетворить просьбу коммунистов колхоза «Хлопкороб» в отношении Тойли Мергена, и есть противоположное мнение. Прошу присутствующих высказаться.

Понимая, что его не поддержат, Ханов нервничал. Глядя на то, как председатель райисполкома то встает, то садится и поминутно всех перебивает, Шасолтан с тоской

вспомнила своего заведующего овцефермой Аймурадова. Третий секретарь Сахатли Сарыев, недавно перешедший на партийную работу из комсомола, даже побледнел от возмущения и теперь с надеждой ждал от Карлыева достойной отповеди упрямцу. Он был уверен, что на этот раз секретарь райкома наконец возмутится и скажет Ханову со всей прямоотой: «Кто дал вам право так себя вести? Ну-ка, сядьте!» Но он лишь кивнул и предоставил тому слово.

Ханов, перед которым открылись новые возможности, заговорил, высоко подняв голову:

— Товарищ Карлыев! Я не понимаю ваших действий. Человека только вчера сняли, а сегодня вы снова ставите его на ответственный участок. Все это смахивает на детскую игру...

«Ну, уж теперь-то чаша терпения нашего секретаря, кажется, переполнилась!» — предположил Сарыев.

Но секретарь райкома остался невозмутим.

— Да, да, на детскую игру! — все больше распалялся Ханов. — Может быть, оставляя Тойли Мергена в колхозе, вы как раз и хотите столкнуть его с людьми? Тогда так и скажите! Потому что иначе и не может получиться. Судите сами: снятый Тойли Мерген, конечно, затаил обиду. Став бригадиром, он первым делом начнет мстить своим врагам...

— Каким врагам? — строго спросил Сергеев.

— Я хотел сказать — тем, кто его критиковал.

— Тогда так и говорите!

— Ай, вы же, Анатолий Иванович, все понимаете, — снисходительно посмотрел в его сторону председатель райисполкома и уже хотел было продолжать, но в этот момент Карлыев остановил поток его красноречия простым вопросом:

— Стало быть, вы против?

Ханов вытер взмокший лоб платком.

— Я не просто против, я — против всем своим существом, всеми своими убеждениями! — заявил он и сел, гордо оглядев присутствующих, как человек, исполнивший свой долг.

— Мнение товарища Ханова мы уже достаточно хорошо знаем, — скрывая усмешку, обратился к членам бюро Карлыев. — Пусть теперь выскажутся и другие.

Но никто не попросил слова. Видимо, все считали дальнейшие прения излишними.

— Пожалуйста, товарищи! — призвал секретарь рай-

кома и напомнил, что время уходит понапрасну.— У нас еще впереди много вопросов.

Начальник сельхозуправления Сапалыев пошевелился на своем месте и сказал, словно подумал вслух:

— Чего же тут еще говорить? Разве что для протокола...

— Нет, ради протокола не стоит,— подхватил Карлыев.— Если уж говорить, то только для пользы дела. Прошу...

Но тут снова поднялся Ханов и, уже не спросив разрешения, счел нужным высказаться дополнительно.

— Вот вы упомянули о пользе дела,— начал он.— Мне хочется заверить присутствующих товарищей, что, как бы взволнованно я ни выступал здесь, у меня нет никакой личной вражды к человеку по имени Тойли Мерген. Я отстаивал только интересы дела...

Когда Ханов наконец сел и закурил, Карлыев вопросительно посмотрел на начальника сельхозуправления. Сапалыев недаром слыл человеком неразговорчивым — он и на этот раз ограничился лишь лаконичной репликой:

— Я рад, что Тойли Мерген согласился на бригадирство. Такого бригадира поискать!..

— Кто еще хочет выступить? — оглядел присутствующих Карлыев.

— Может, поставим на голосование? — предложил Сергеев.

— Да, ничего другого не остается,— согласился первый секретарь,— хотя мне, признаться, поначалу казалось, что никакой нужды в этом не будет. Итак, кто за предоставление Тойли Мергену должности бригадира?

Даже не взглянув на единодушно поднятые руки, Ханов проворчал:

— Потом пожалеете, да поздно будет!

Но эту реплику Карлыев оставил без внимания.

— Вот так, товарищ Назарова,— посмотрел он в ее сторону.— Остальное теперь решайте у себя на правлении.

— Спасибо! — сказала Шасолтан и прошла к двери такой легкой походкой, будто сбросила с себя непосильный груз.

Заседание бюро райкома окончилось во второй половине дня. Все разошлись по своим делам. Только Ханов продолжал молча сидеть на своем месте. Карлыев понял, что это неспроста.

— Ну, о чем задумались? — слегка прищурившись, спросил он.

— Нет у меня сейчас других мыслей, кроме как о Тойли Мергене.

— На мой взгляд, дело уже решено.

— Это на ваш взгляд! А на мой — оно еще только начинается. Еще предстоит проверить наследие, оставшееся после Тойли Мергена. — Он побарабанил пальцами по столу и многозначительно добавил: — Придется произвести в «Хлопкоробе» финансовую ревизию, и притом самую тщательную.

— Если нужна проверка, то почему вы не сказали об этом на бюро?

— Ай, скажем еще в свое время.

— Что, поступили какие-нибудь жалобы или нарекания по части финансовой дисциплины в «Хлопкоробе»?

— Нет.

— Все-таки вы странный человек, Ханов, очень странный! Помните, я на днях спросил у вас, читали ли вы Махтумкули?

— Помнить-то помню, только... Только какое отношение Махтумкули имеет к делу Тойли Мергена?

— А то отношение, что Махтумкули всю жизнь болел душой за человека...

— Ну, это уж вы слишком! — сказал Ханов и резко поднялся с места. — За кого бы ни болел душой Махтумкули, он наверняка не имел в виду таких, как ваш Тойли Мерген.

Впервые за весь этот день у Карлыева появилась в лице не свойственная ему жесткость.

— Не забывайте, что Тойли Мерген коммунист! И что он состоит в одной партии с вами, — четко и раздельно произнес он.

Ханов не мог не почувствовать, что на этот раз секретарь райкома по-настоящему разозлился. Но это лишь воодушевило его.

— Да, я знаю, что партбилет у него пока в кармане.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что Тойли Мерген снят за семейственность, а такие...

— Вы хотите сказать, что такие хорошими не бывают? — прервал его Карлыев. — Поймите же, что за свои ошибки Тойли Мерген уже понес серьезное наказание. Да, человек однажды оступился, и люди сказали ему в

глаза всю правду о нем. Что же дальше? Вместо того чтобы помочь оступившемуся встать на ноги, вы намерены корить этого человека до конца его дней. Поймите, что подобная злопамятность не имеет ничего общего ни с партийными принципами, ни с простой человечностью. И раз уж вы не торопитесь, я напому вам одно старинное предание. — Они оба сели, и Карлыев продолжал: — Когда-то в прежние времена могущественный падишах повелел доставить к себе во дворец известного поэта, горячо любимого народом. И сказал всесильный властитель поэту: «До наших ушей дошли дерзкие стихи, сочиненные тобой про твоего падишаха. За это ты сейчас заплатишься левой рукой». Через некоторое время однорукого поэта опять доставили во дворец, и падишах сказал ему: «Сегодня мы проезжали по городу, и те дерзкие стихи снова коснулись нашего слуха. За это ты сейчас лишишься своей правой руки». Прошло еще какое-то время, и несчастный поэт в третий раз предстал перед падишахом. Тот положил ему руки на плечи и сказал: «Сегодня ночью нам вспомнились твои нечестивые стихи про нашу милость. Ну, как мы теперь с тобой поступим?» Гордо глядя падишаху в глаза, поэт ответил: «Если тебе нужна моя голова, возьми ее, только убери с меня свои кровавые руки!..»

Видимо, легенда произвела впечатление на Ханова. По забыв о том, что разговор у них деловой, он по-детски простодушно поинтересовался:

— И тот отрубил ему голову?

— Концовка на ваше усмотрение, — улыбнулся Карлыев. — Ведь я рассказал вам эту притчу именно потому, что вам не удастся довести дело Тойли Мергена до крайней черты. Да, Тойли Мергена справедливо критиковали за потакание родственникам. Но ведь ни один человек даже не намекнул на то, будто Тойли Мерген нечист на руку. Что угодно можете о нем говорить, но позариться на общественное добро он не способен.

— Способен или нет — покажет тщательная проверка. — Ханов снова принялся за свое.

— Ну что ж, воля ваша...

— Да, тут уж действует моя воля, — самодовольно согласился председатель райисполкома. — И уверен — не зря... Интересно, какую притчу вы мне расскажете, когда я выложу вам на стол доказательства.

Поскрипывая своими неотразимыми сапогами, Каландар Ханов направился к двери.

Каландар Ханов вышел из здания райкома вполне довольный собой. Его внушительная фигура неторопливо пересекла улицу и скрылась в только что выстроенном, еще пахнущем краской здании исполкома.

«Пожалуй, надо торопиться, — размышлял он. — Той-ли Мерген человек опытный. Пронюхает, что его хотят потрясти, и постарается скрыть свои проделки. Главбух Дурды Кепбан всегда был у него правой рукой и, конечно, поможет ему присыпать песочком малейшие следы левых заработков. Значит, надо направить в «Хлопкороб» ревизора как можно скорее. Кого же? Черкезова? Нет, этот — растяпа, не справится. Мало того, что робок, но еще и жалостлив, как баба. Да и червоугодник к тому же. Набьют ему утробу пельменями, накачают водкой, он и вернется ни с чем. Нет, туда придется послать лично Караджу Агаева, всем ревизорам ревизор!»

Весело поскрипывая сапогами, Каландар Ханов проследовал в свой кабинет и, едва достигнув стола, сразу нажал кнопку. Мгновенно и бесшумно в кабинете появилась невысокая белолицая, хорошо одетая женщина средних лет. Не поднимая головы от бумаг, он спросил:

— Меня никто не спрашивал?

Секретарша открыла маленький блокнот и, не садясь, начала докладывать обо всем, что произошло после ухода Ханова на бюро райкома.

— Два раза звонили с Хауз-Хана, — сообщила она. — На южном участке снова упала вода.

— Опять!.. Что же мне делать с этими безголовыми! — воскликнул Ханов. Некоторое время он сидел задумавшись, потом схватился за телефон и набрал номер райкома. — Говорит Ханов. Карлыев еще у себя? Давай... Мне, товарищ Карлыев, придется снова съездить на южный участок, иначе — пропадем. Опять воды мало!.. Я вам вот почему звоню: надо с ними как-то решать... Что? Послезавтра? До послезавтра можно полить сотню гектаров... Ладно, поедем вместе. Только с тамошним народом разговаривать вежливо уже ни к чему. Нечего, говорю, с ними церемониться... Ладно.

Ханов положил трубку и вопросительно посмотрел на секретаршу.

— Ну, что там еще?

— Обе хлопоуборочные машины, отправленные в кол-

хоз «Берекет», прибыли на место. Только одна из них то ли сломалась по дороге, то ли еще что, но завести ее никак не удастся.

— Она, уважаемая, не по дороге сломалась, она, наверно, вообще никуда не годится! — назидательно проговорил председатель райисполкома. — А что, — спохватился он, — разве перед отправкой главный инженер управления не проверял их?

— Кажется, проверял.

— Если бы проверял, такого бы не случилось... Ах, бездельник! Сейчас же позвони ему и скажи — пусть немедленно едет и сам исправляет на месте.

Секретарша робко посмотрела на ручные часы.

— Удастся ли найти его теперь?

— Разыщи! Я ведь приказал в дни уборки никому никуда не отлучаться.

— Вы-то приказали, — едва слышно проговорила женщина, — да только люди... Они говорят, что если уж в приказном порядке, так на то у них есть свой начальник.

— Кто же это для них начальник? Не тот ли увалень, по фамилии Сапалыев? Смешно, честное слово! В районе один начальник — Ханов! И пусть они это зарубят себе на носу. Любой, кто меня ослушается, всю жизнь потом жалеть будет... Словом, найти и обязать!

— Хорошо, товарищ Ханов. Найду и обяжу.

— И пусть сам исправит! — Ханов предостерегающе поднял палец. — Ясно?

— Да, товарищ Ханов.

— Давай, что там еще?

— Приходила жена того механика из «Сельхозтехники», которого все зовут Лысый Ширли.

— Ох, и надоела мне эта баба, — досадливо сморщился Ханов. — У этого Лысого золотые руки, а не то я бы и его в два счета выгнал... А зачем она приходила?

— Не знаю. Вообще-то вид у нее был очень расстроенный. Но я думала, что вы сегодня уже не придете, и кое-как спровадила ее.

— Умно сделала! — снисходительно одобрил он. — Знаешь что, ты эту скандалистку больше ко мне не пускай. Если у нее нелады с мужем, пусть обращается в суд, в милицию, наконец, в райком. А у нас и своих забот хватает. Незачем нам встречать в семейные дразги... Ладно!.. Докладывай дальше.

Секретарша снова заглянула в блокнот, но еще не успе-

ла ничего сказать, как из приемной донесся странный шум, будто там произошла короткая схватка.

— В чем дело? — спросил Ханов, сердито глянув в ту сторону.

В этот момент дверь с треском распахнулась, и милостивидная полнеющая женщина с толстыми косами, уложенными вокруг головы, с силой втолкнула в кабинет неуклюжего бородатого мужчину в комбинезоне, испещренном пятнами мазута.

— Что это значит, Ширли? — строго спросил председатель райисполкома.

Но бородатый, казалось, не слышал. Он рвался назад и упрашивал женщину:

— Оваданджан! Если ты мне жена, умоляю, не позорь меня!

Не обращая внимания на просьбы мужа, Овадан загородила собою выход и решительно заявила Ханову:

— Либо вы наставите его на путь истинный и сделаете человеком, либо я обольюсь керосином и подожгу себя!..

При этом она неожиданно всхлипнула.

Ханов терпеть не мог женских слез и решил сразу разделаться с непрошеной посетительницей.

— Если ты, молодуха, и впрямь хочешь поджечь себя — валяй, только не здесь! Ты что, не нашла другого места?

— Не нашла! — отрезала Овадан. — Чем кричать на меня, лучше повлияй на моего мужа. А не то сгорю...

И она опять беспомощно всхлипнула.

«Да, была бы ты моей женой, уж я бы нашел на тебя управу!» — подумал Ханов и без всякого выражения сказал:

— Ну что ж, гори. Тебе ведь не требуется моего разрешения...

— Нет, требуется! — со всей решительностью заявила женщина и, шурша своим новым платьем из кетени¹, угрожающе надвинулась на председателя райисполкома. — Знай, если я себя подожгу, то и тебе не жить в этом мире. Уж я так сделаю, что и твоей жене придется тебя оплакивать...

— А ну, замолчи! — рывкнул Ханов и хватил по столу своим огромным кулачищем. — Не смей поминать мою жену, тебе до нее нет дела!

— Нет — так будет! — победно уперла руки в бока

¹ Кетени — шелковая ткань для женского платья; иногда так называют и само платье.

Овадан и насмешливо покачалась на носках. — Это тебе нет дела до моего мужа. Почему позволяешь ему бить поклоны и читать молитвы?

— А при чем тут я?

— А при том, что не воспитываешь его! Разве этот бесстыдник стал бы совершать намаз¹, если бы ты ему запретил? Как начальника тебя прошу — взнуздай его покрепче, прими меры. Он же не человек! Развесил по лицу свою бороду, как торбу лошадиную, и каждый день по пять раз позорит меня перед людьми! Хоть бы разок пропустил — так нет! Аккуратный! А мне каково? Стоит только выйти на улицу, кругом смех. Паршивые бабы, которые мне и в подметки не годятся, и те хохочут. А придешь на работу — тоже хихикают: мол, как поживает твой набожный муженек? Мне теперь из-за этого дурака никуда показаться нельзя...

— Ширли, это верно? — обратился Ханов к механику.

— Ай, Каландар-ага, вредная баба, а вы ее слушаете.

Лысый Ширли сидел у краешка стола и не поднимал глаз.

— Обещай мне при начальнике! — Овадан схватила съевшегося мужа за шиворот. — Обещай, что с сегодняшнего дня кончаешь с намазом навсегда! Слышишь? — завизжала она.

— А ну, довольно!.. — поднялся Ханов.

— Нет, не довольно! — Овадан отпустила мужа и ударила по столу пухлым кулачком. — Либо ты заставишь его позабыть про намаз, либо я подожгу себя! — бойко проговорила она свой ультиматум.

— Скажи, пожалуйста! — издевательски покачал головой Ханов.

— Честное слово, подожгу! Лучше уж умереть, чем жить вот так, людям на смех! И еще, — вошла она в раж, — сбрую себе волосы и буду носить платье наизнанку...

Ханов сунул руку во внутренний карман и, вытащив наугад красную десятку, протянул ее ошарашенной женщине.

— Вот, возьми на керосин. Если нужны спички, то вот тебе спички! Выйди на центральную площадь и подожги себя! Пусть люди посмотрят, как полыхает глупая баба, пусть посмеются от души...

¹ Намаз — молитва. Ислам предписывает мусульманам исполнять пять намазов ежедневно.

Видимо, Овадан все же не ожидала от Ханова такого. Она вдруг опустилась на стул и заплакала.

— Это все, что ты можешь для меня сделать? — говорила она сквозь рыдания.

— Да! И сейчас же убирайся отсюда. Чтобы впредь я и тени твоей близко не видел.

Женщина хлюпнула носом и, ни на кого не глядя, заторопилась к двери.

— О, боже, — причитала она, — я-то надеялась найти в этом дворце великодушие, а попала в пустой сарай. Куда же мне теперь?

— Сгори синим огнем! — закричал ей вслед Ханов.

Лысый Ширли, который при жене сидел безучастно, теперь и сам захлюпал носом.

— Прости нас, Каландар-ага... — промямлил Ширли.

— И ты тоже ступай! — набросился он на механика. — Неужели человек твоих лет, да еще с твоей фигурой, не в состоянии обуздать женщину размером с кулачок? Конечно, мне ничего не стоит заставить эту бабу замолчать. Но ведь и ты тоже оказался бабой. А что касается намаза, то смотри мне, Лысый, не говори потом, что не слышал! Если узнаю, что ты опять кланяешься аллаху, опозорю тебя на весь мир и вытурю из мастерских, так что и следа от тебя не останется.

— Каландар-ага, а ведь нет закона, который запрещал бы молиться.

— Значит, мое слово для тебя не закон? А ну, прочь отсюда и не показывайся мне на глаза!

Но едва Лысый Ширли понуро поднялся со стула, Ханов помотал рукой.

— Постой, — заговорил он деловито, — в два часа ночи возьмешь новую грузовую машину и подъедешь к дому Караджи Агаева.

— На охоту собираетесь? Тогда скажите раньше нашему управляющему, а то не дадут мне ее.

— Считай, что уже сказано.

Лысый Ширли кивнул и пошел прочь, но в дверях обернулся.

— Так-то оно так... А вот что скажет Овадан? Хорошо, если разрешит...

— Опять бабские разговоры! — прикрикнул на него председатель райисполкома. — Если не разрешит, свяжи ее ихвати с собой! — засмеялся он. — Смотри, чтобы не позже двух!..

Секретарша, на протяжении всей этой сцены не проронившая ни слова, глубоко вздохнула:

— Как бы эта женщина и в самом деле не подожгла себя.

— Нет, милочка, жизнь слишком соблазнительная вещь! — Ханов уселся на свое место. — И потом, женщина, которая на самом деле хочет умереть, не станет оповещать об этом весь мир... Ну, что там еще? — вопросительно посмотрел он на секретаршу.

— Больше ничего особенного, товарищ Ханов. Разве что это. — Странно потупившись, она вырвала из блокнота листок и протянула ему. — Просили позвонить.

На бумажке не было ничего, кроме номера телефона. Вероятно, этот номер был хорошо знаком Ханову, потому что он без лишних слов положил листок в карман и сразу перевел разговор.

— Пить хочется. Как там, верблюжий чал еще не привезли?

— Привезти-то привезли, только он еще, наверно, не охладился.

— Налей хоть теплого.

Секретарша открыла холодильник, стоявший у левой стены кабинета, осторожно вытащила оттуда большой, литров на пять, глазурированный кувшин, над горлышком которого пузырились сливки, достала с полки бокал и уже собралась его наполнить, но тут Ханов легко поднялся с места и сказал:

— Я сам, а ты иди, занимайся своими делами.

Он наполнил поллитровый бокал и залпом осушил его, потом повторил эту операцию, глубоко вздохнул и вытер рот. Видимо, шипящий и пенящийся кислый чал ударил ему в голову. На глазах у него появились слезы.

— Вряд ли есть на свете напиток, который может сравниться с чалом! — сказал он сам себе и взялся за телефон. — Ханов говорит... — сообщил он, когда ему ответили. — Ты что, глухой, что ли? Ханов!.. Агаев есть?.. Это ты? Что-то голос у тебя изменился? Ну как, работы выше головы?.. Отчет закончили? Если закончили, оформляй побыстрее и сдавай... Кажется, ты и в самом деле стал туг на ухо. Я говорю, быстрее сдавай!.. Что думаешь делать завтра?.. Что?.. Зря! Ревизорам ходить в гости не рекомендуется. Вот так! А у тебя нет желания вырваться в пустыню и проветриться?.. Что же, если попадется добыча, зацепим и ее. А?.. Да, у нас время постоянное. Часа в два выедем... О патронах не бес-

покойся. Водка и хлеб с тебя, патроны с меня!.. А? Нет, нет, больше никого не возьмем. Во-первых, тот твой человек своему рту не хозяин. А во-вторых... Есть у меня одно секретное дельце к тебе. Короче говоря, тут третий — лишний! Понятно? Ну, если понятно, ровно в два выходи из дому!

Положив трубку, Ханов вызвал секретаршу:

— Чары здесь?

— Сидит, ждет.

— Пусть заходит!

У Ханова было две персональные машины — «Волга» и «газик». На «Волге» он ездил только по городу, а на «газике» — в колхозы. Обе эти машины обслуживал один водитель. Это был высокий смуглый парень, недавно вернувшийся из армии. Звали его Чары. Ему только что пошел двадцать второй год.

Нелегко быть шофером у такого капризного начальника. До Чары у Ханова за год сменилось четыре водителя, потому что он совершенно не терпел от подчиненных слова «нет». Приказывал ли он в полночь — «поехали», говорил ли на рассвете — «гони!», надо было отвечать «есть, хозяин!» и нажимать на газ. В этом отношении Чары ему понравился. Когда бы ни собрался Ханов в дорогу, Чары, как оседланный конь, всегда был наготове.

Принимая его на работу, Ханов обошелся без обычных в таких случаях наставлений: мол, не гоняй налево, заботливо ухаживай за машиной и т. д. Окинув беглым взглядом парня с ног до головы, он ограничился тем, что сказал:

— Будешь держать язык за зубами — не обижу!

И без того молчаливый парень не понял, куда клонит Ханов. По правде говоря, он и вообще-то не утруждал себя подобными вопросами, а потому лишь согласно кивнул.

Вошедшего Чары Ханов встретил приветливо.

— Сегодня, Чары-хан, я еще не успел осведомиться о твоём самочувствии. Ну, как настроение?

Когда председатель райисполкома к концу дня спрашивал у водителя о настроении, это означало, что он намерен ночью отправиться в пустыню на охоту.

Чары только улыбнулся и ответил:

— А что, настроение неплохое, Каландар-ага.

— Молодец! — сказал Хаңов и похлопал парня по плечу. — Когда я стану президентом республики, ты будешь водить мою «Чайку». Именно «Чайку»! — Хотя это и была шутка, но шутка человека честолобивого, в душе мечтавшего о высокой должности. — А пока обойдемся тем, что

имеем. Итак, на рассвете выедем. Надеюсь, нам не придется посреди пустыни заводить разговор о горючем. Бери побольше. А то войдем во вкус, и дорога окажется длиннее обычной. Да, а как у нас с патронами? От того раза что-нибудь осталось?

— Можно считать, ничего не осталось.

— Тогда отправляйся сейчас же в охотничий магазин и возьми десятка два коробок.

— Если только дадут... Говорят, в городе с патронами туго.

— Кому же дадут, если не тебе? В случае чего на меня сошлешься. И возьми побольше дробы — нулевой и первого номера. Вдруг попадутся джейраны! Понял?

— Понял, — ответил Чары и собрался уходить.

— Ну-ка, постой. Думаешь, те дружки дадут тебе патроны бесплатно? — Ханов достал из кармана деньги и протянул Чары три десятки. — Бери на все. Лишние не помешают.

— Когда за вами заехать?

— Как всегда.

— Ровно в два буду у ваших дверей, — сказал водитель и ушел.

До конца рабочего дня оставалось не менее двух часов. Но председатель исполкома покинул свой кабинет.

— Если меня спросят, — бросил он на ходу секретарше, — скажи, что я теперь буду только в понедельник.

Хотя Ханов жил неподалеку от исполкома, он обычно проделывал этот путь на машине, развалившись на заднем сиденье «Волги», скрытом от посторонних глаз голубой шелковой занавеской.

Но сегодня, отправив Чары в магазин, он вынужден был пойти пешком. Неторопливо шагая по тенистому тротуару, Ханов машинально кивал знакомым, думая о самых разных вещах — о Тойли Мергене, о предстоящей охоте, о джейранах, наконец, о ревизии в «Хлопкоробе», — и не заметил, как добрался до дома.

Ханов рывком отворил калитку, и мгновенно где-то в глубине двора, заросшего фруктовыми деревьями, залаял огромный пес.

— Ты что же, хозяина не узнаешь, дурак! — прикрикнул он на смущенно притихшую собаку и вошел в дом. — Шекер! Ау, Шекер! — кликнул он жену.

Шекер, которая обычно выбегала ему навстречу, едва

только начинала лаять собака, сегодня почему-то не подавала голоса.

— Где ты, моя Шекер? — звал он ее и, поскрипывая сапогами, шагал из комнаты в комнату.

— Ау, я здесь... — тихонько отозвалась она наконец из ванной.

— Что ты там делаешь среди дня? — удивился он. — Ну-ка, иди помоги мне сапоги стянуть!

— Ой, я сейчас не могу, голову мою.

— Не нашла другого времени?

— А я не думала, что ты придешь так рано.

Убедившись, что от жены помощи не будет, он сел в коридоре на кушетку и, отчаянно крича, с трудом стащил с себя сапоги. Затем переоделся в домашнее и снова принялся за свое:

— Что-то тебя долго нет, моя Шекер!

— Сейчас иду, сейчас...

— Могла бы и побыстрее, моя Шекер!

— Ты куда-нибудь торопишься?

— Куда мне торопиться, когда рядом ты?

Она кое-как привела в порядок свои длинные волосы, наскоро обмотала их полотенцем и поспешила к мужу.

— Ты вроде бы собирался сегодня в колхоз поехать? — оправдываясь, мягко улыбнулась она.

— Ну и вид у тебя, — усмехнулся Ханов. — Все лицо в мыле. И полотенцем зачем-то повязалась. Мало у тебя платков, что ли?

— Это не страшно, что в мыле, — сказала Шекер, утираясь краем полотенца, и снова улыбнулась. — А вот ты почему сегодня такой бледный? Если болит голова, я мигом заварю чай.

— Нет, в чае пока нужды нет. Ты лучше поторопись с обедом.

— Тогда немножко потерпи.

Шекер опять исчезла и вскоре появилась с большим блюдом пельменей. Кроме того, она успела заплести косы, переодеться и вообще привести себя в порядок.

— Вот теперь — совсем другое дело, — восхищенный видом жены, воскликнул он.

— Ты о чем, о пельменях? — кокетливо поинтересовалась она.

— Сама знаешь о чем, моя Шекер! — засмеялся Ханов. — Только почему-то я не вижу коньяка. Мне ведь тогда много принесли. Разве уже кончился?

— Еще надолго хватит.

— Давай, если так. Выпью сто граммов за твоё здоровье!

Но выпил он раза в три больше и умял миску жирных пельменей. Покончив с едой, развалился на мягком диване.

— Ночью разбудишь меня в час, моя Шекер! Слышишь, ровно в час!

Шекер, сидевшая в сторонке, словно гостя, улыбнулась и робко заметила:

— Куда ты собрался, на ночь глядя? Завтра выходной. Мог бы, как все люди, отдохнуть с божьей помощью, полежать спокойно.

— Я ко всем людям не имею отношения. Пора бы уже тебе понять, моя Шекер, за кем ты замужем. У меня дел по горло, соображаешь — дел! Надо съездить в пустыню, посмотреть, в каком состоянии скот.

— А как же другие? Разве Мухаммед Карлыев ниже тебя? Он тоже много работает, но и для семьи находит время. А ты всегда в дороге. Я-то понимаю — скот для тебя только повод. А на уме — охота.

— Ты что, хочешь, чтобы я не ездил?

Вместо ответа она понурила голову.

— Та-ак! — укоризненно протянул Ханов. — Просто не хочется видеть тебя, когда ты вот так сидишь с опущенным лицом. Ну, не надо, Шекер. Я ведь не Карлыев, чтобы невылазно торчать дома. Каждый человек устроен по-своему. Я — охотник. Без хлеба, без соли я бы еще мог прожить, а вот без охоты меня тоска сгрызет... Ты не должна, моя Шекер, делать вид, будто тебя не любят. Даже противно смотреть.

Сколько бы ни повторял Ханов слово «люблю», Шекер с недавних пор явственно ощущала какой-то холодок со стороны мужа. А ведь она-то любила его больше всех на свете.

Ханов женился поздно. Шекер была на пятнадцать лет моложе. Образованием она не блистала, но миловидностью и рассудительностью выгодно выделялась среди своих сверстниц. И ростом удалась, и лицом. Да и ковровщицей слыла искусной. Правда, с тех пор, как встретила с Каландаром, она уже не брала в руки дарак¹, но на Ашхабадской ковровой фабрике ее помнили и поныне.

По справедливости, Ханову следовало бы носить ее на руках. Но, прожив холостяком до тридцати пяти, он уже

¹ Д а р а к — инструмент ковровщицы.

не ценил ни молодости, ни чистоты, ни женского обаяния Шекер.

Услышав от мужа слова «противно смотреть», сказанные, правда, в шутку, Шекер встала.

— Ты куда, Шекер?

С трудом проглотив комок в горле, она ответила:

— Раз ты едешь на охоту, приготовлю тебе все.

— Разумно, моя Шекер, но раньше принеси-ка мне еще одну подушку.

Когда она протянула мужу вторую подушку, тот шаловливо схватил ее за руку и потянул к себе.

— Оставь! — горько произнесла Шекер и, тихонько толкнув его в грудь, подалась назад. — Язык твой говорит одно, а сердце другое.

— Мое сердце никогда не лжет! — засмеялся Ханов.

Он по-юношески легко вскочил на ноги, сжал жену в своих объятиях и, целуя ее в щеки, в подбородок, в шею, закружился с ней по комнате.

— Оставь! У меня голова кружится.

— Ну и пусть!

IX

В предрассветных сумерках из города выехали две машины. Впереди ехал «газик» Чары, следом грузовик Лысого Ширли.

Когда миновали железнодорожный переезд и повернули на юг, Ханов откинулся на сиденье и, держа перед собой в одной руке двустволку «три кольца», другой похлопал водителя по плечу:

— Ну, Чары! Как настроение?

— Неплохо, Каландар-ага.

— Если неплохо, жми, голубчик!

Чары всегда был рад угодить своему начальнику. Без лишних слов он стал постепенно нажимать на акселератор. Машина, мерно урча, мчалась по широкому асфальтированному шоссе, накручивая на колеса километр за километром. Когда стрелка спидометра приблизилась к восьмидесяти, Ханов закурил.

— Теперь не снижай! — сказал он. И, сделав пару затяжек, не оборачиваясь, протянул сигареты назад. — Бери, — предложил он спутнику, притихшему на заднем сиденье.

Караджа Агаев, как влез в машину, так не произнес ни слова и сидел неподвижно, привалившись грудью к передней спинке.

— А? — словно очнулся он ото сна.

Все так же не оборачиваясь, Ханов спросил:

— Ты что, с вечера не спал? Смотри, если шлялся по бабам, всю охоту мне загубишь.

Агаев улыбнулся в темноте и, взяв сигарету, сказал:

— Ну, что вы, товарищ Ханов...

— Не молчи, расскажи что-нибудь!

— Ай, что может рассказать ревизор?

— Как раз ревизору всегда есть что рассказать, — засмеялся Ханов. — Все тайны мира в ваших руках.

— Возможно, тайны мира и в наших руках, только... только воля наша в чужих руках.

— Это почему же?

— Да вы и сами знаете!

— Не темни, говори пояснее!

— Вы помните Айдогды?

— Какого Айдогды?

— Айдогды Батыра.

— Этого жулика с носом, как лопата? Заведующего фермой в том южном колхозе?

— Вот, вот! После того как вы подписали акт, мы передали его дело прокурору. А вчера, когда я уже собирался домой, позвонил вдруг Карлыев и попросил копию этого дела. Он вроде бы и вас искал, да не нашел.

— Ты отнес?

— Отнес.

— Ну, отнес, и ладно. А с какой стати ты приплел сюда нашу волю? А?.. Ты почему замолк? Чары можешь не стесняться, он свой парень.

— Я знаю, что Чары свой, — после долгого размышления ответил Агаев. — Мне кажется, Карлыев не очень-то доволен моей ревизией. Когда я положил перед ним дело, он вроде бы нахмурился. И тон его мне не понравился.

В сердце Ханова закралась безотчетная тревога, но он попытался отмахнуться от нее.

— Тон еще ни о чем не говорит, — стараясь придать вес своим словам, спокойно возразил он. — Даже если ты пророк, в наше время без доказательств никто тебя и слушать не станет.

— Это-то верно.

— Если верно, скажи, как у тебя с последним делом? Покончил с ним?

— Можно сказать да, но можно и нет.

— Не понимаю.

— Да поскольку ничего особенного не обнаружено, мы решили пока ревизию прекратить.

— Какая оказалась недостача?

— Да ничего стоящего...

— Сколько? — повысил голос председатель райисполкома.

— Всего-навсего триста рублей.

— Странный ты человек, Караджа! Разве триста рублей это мало? — Поскрипев сиденьем, Ханов обернулся к собеседнику. — Подумай, сколько овец можно купить за триста рублей на базаре? Да за триста рублей, самое малое, можно взять трех отличных суягных овец. А еслипустишь их в отару, через год станет шесть, через два года — двенадцать, через три года — двадцать четыре овцы. И так далее. Даже если недостача будет в три копейки, ревизию надо продолжать! А тут, товарищ ревизор, целых триста рублей. Понятно?

— Вообще-то вы говорите верно... Только здесь, кажется, положение несколько иное, — попытался объяснить Агаев. — Ничего не похищено, просто допущена ошибка в подсчетах.

— Если даже не похищено, все равно, ошибка — вещь недопустимая, — прервал его Ханов. — Очень уж вы жалостливый народ. Именно жалость мешает вам защищать интересы государства. Понятно?

— Понятно, товарищ Ханов!

— Если понятно, ревизию доведешь до конца. Шутка сказать — триста рублей! Пусть положат на место.

— Сделаем, как вы говорите, товарищ Ханов.

— Если будете делать по-моему, никогда не ошибетесь! После этого председатель и ревизор замолчали.

Вспарывая фарами мрак, машина неслась вперед. Давно уже остались позади темнеющие по обеим сторонам дороги поля хлопчатника. Теперь по бокам чернели песчаные барханы, поросшие кустами чети и черкеза¹. Изредка то слева, то справа возникали развалины древних караван-сараяв.

Ханов вдруг подался вперед, отшвырнув сигарету.

— Это что там, возле того кургана, Чары? — торопливо спросил он.

— И мои глаза давно уже там, — невозмутимо отозвался

¹ Черкез — кустарник.

шофер. — Только не разберу... То ли лисица, то ли корсак¹.

— Если так, езжай мимо! Слава богу, нам не придется заботиться о головных уборах, — заметил Ханов и самодовольно надвинул на лоб шапку из высокосортного золотистого каракуля. — Или, может, ты, Караджа, не прочь прихлопнуть хоть бы лисицу, если не шакала?

— Ай, нет. Какой толк от животного, которое не пойдет в казан?

— Это ты верно сказал, товарищ ревизор! — одобрительно рассмеялся Ханов и обратился к Чары: — Как, приближаемся к Дашрабаду?

— Дашрабад уже позади, Каландар-ага.

— Тогда, значит, подъезжаем к каналу?

— Точно.

— Как только минуем канал, съезжай с дороги.

— Будет сделано.

Когда они достигли Серахской степи, которая во все времена года может считаться охотничьим раем, на востоке уже настолько посветлело, что стали различимы следы на земле. Впереди простиралась бескрайняя равнина, поросшая сухим арпаганом². Чары остановил машину, опустил ветровое стекло и свернул тент, чтобы удобно было стрелять. Как наездник перед скачками осматривает коня, так и он придирчиво оглядел запыленный «газик», постукал по скатам носком своего солдатского сапога и даже зачем-то подтянул на себе ремень. Потом обратился к Ханову:

— Куда ехать, влево или вправо?

Ханов поднялся, окинул округу взглядом и кивком головы указал на едва видневшихся вдали овец.

— Вон ту отару видишь?

— Это, наверно, «Хлопкороба».

— Тебя не касается, чья она. Чабана видишь?

— Вижу.

— Вот и запомни, Чары-хан. Теперь для тебя нет ни левой, ни правой руки. Как только заметишь вдали человека, объезжай его стороной. Понятно?

— Понятно, Каландар-ага.

Охотники загнали патроны в стволы, и машина двинулась дальше. Вскоре Ханов обернулся к Агаеву.

— Как, по-твоему, товарищ ревизор, — не без хвастовства заговорил он, — сколько джейранов числится на счету

¹ Корсак — степная лисица.

² Арпаган — дикорастущая трава.

у этого ружьишка с тех пор, как оно оказалось в Мургабском оазисе?

В этот момент прямо из-под колес с шумом взлетели две огромные птицы, не отличимые по цвету от земли.

— Дрофы!

Услышав возглас Чары, ревизор завертелся на месте.

— Где?

— Стреляйте, Каландар-ага, стреляйте! — шофер быстро переключил рычаг на вторую скорость и погнался за добычей. — Вах, да стреляйте же!

Но Ханов не проявил к птицам никакого интереса.

— Да не порть ты себе сердце из-за того, что поднял двух паршивых дроф. Если уж очень они тебе приглянулись, так мы ими попозже займемся, когда пригреет солнышко. А сейчас ты нам джейранов найди, слышишь, джейранов!

— Тогда я возьму прямо на Булакли, Каландар-ага.

— Гони в Булакли, гони в Гулакли, только найди нам джейранов!

— Булакли — это то самое место, где состоялась первая битва между Гоувшут-ханом и Мадемином?¹ — подал голос Агаев, вспомнив рассказы стариков.

Ханов смутно представлял себе, кто такой Гоувшут-хан, а имя хивинского хана Мадемина вообще слышал едва ли не впервые.

— Возможно... — ответил он неопределенно.

Не успел он произнести это, как впереди показались бегущие джейраны. Видно, они ночью паслись здесь и только перед рассветом прилегли отдохнуть в укромном местечке, но машина их вспугнула.

Увидев не одного и не двух, а целое стадо джейранов, Ханов весь подобрался и приготовился стрелять. Им овладел охотничий азарт.

— Вот это годится, Чары-хан! — поощрял он водителя. — Теперь призови на помощь аллаха и жми на полную катушку.

— Ишь, как удирают! — прицеливаясь, проворчал Агаев. — Хорошо бы настигнуть их, пока они не рванули в пески.

— Настигнем! — уверенно произнес Ханов, не отрывая глаз от стада. — Да будет жив и здоров наш Чары-хан!

— А рога-то, рога! — приговаривал Агаев. — Видите, впереди два жирных самца! Так и просятся, чтобы их хлопнули первыми!

¹ Битва состоялась в 1855 г.

— Ты пока позабудь про этих самцов, — предостерег его Ханов. — Убьешь вожака, все стадо рассыплется. Старайся бить по тем, что в хвосте.

— Потихе говорите, потихе! — Чары согнулся над баранкой, плавно наращивая скорость. — Джейран пугливее становится, когда слышит человеческий голос!

Два самца бежали впереди, возглавляя стадо. В серебристом предутреннем свете казалось, что тонкие ноги джейранов не касаются земли и что серенькие клубочки пыли, папиросным дымком вырывавшиеся из-под копыт, с каждой секундой становятся все дальше.

— Жми, Чары-хан, жми всюю!

— Не торопитесь, Каландар-ага!

— Когда же торопиться, если не сейчас? Ты что, хочешь упустить их?

— Не уйдут!..

— Не успеешь оглянуться, как они окажутся в песках.

— Не уйдут!..

— Ох, кажется, придется завтра же уволить тебя!

— Завтра делайте что хотите... А сейчас не мешайте, не то опрокинемся, чего доброго. Видите, термиты сколько кочек наделали. И лисьи норы на каждом шагу...

— Гони так, чтобы колеса не касались земли! — закричал Ханов, у которого перехватило дыхание от азарта. — Вот где нужен вертолет! В следующий раз так и сделаю...

Чары и в самом деле старался. Его безотказный «газик» буквально пожирал пространство, несмотря на кочки и выбоины. И вот наконец прогремели один за другим два выстрела. Каждая пуля Каландара Ханова сбила по джейрану.

Он поспешно перезарядил ружье и закричал:

— Бей, Караджа, бей!

Тот выстрелил.

— Бей и вторым патроном. Бей, не медли!

Но пули Агаева не попали в цель. Одна из них пролетела справа от матки, бегущей немного в сторонке от стада, вторая подняла пыль левее от нее.

— Что, у тебя глаза на затылке? — рассердился Ханов. — Прицелься хорошенько! Смотри, как стреляю я!

Однако напрасно бахвалился Ханов, упоенный первой удачей. На сей раз его пуля была потрачена зря. Правда, как раз в этот момент машину сильно тряхнуло. Но, как бы то ни было, обрадованный Агаев не только сразу избавил-

ся от насмешек, но и сам разрешил себе хохотнуть, увидев, что Ханов лишь срезал ветку у кустика.

— Не смейся, а учись лучше!

Снова раздался выстрел. Вторая пуля Ханова не пролетела мимо. Она все-таки достала джейраниху, ту самую, что не смог подбить ревизор.

— Вот так их достают, Караджа-хан, вот так! — снова начал раздуваться от самодовольства председатель райисполкома. — Ты чего медлишь? Стреляй, коли зарядил, стреляй! Целься в заднего, в детеныша!

Агаев прицелился. На этот раз его пуля повалила маленького джейранчика, на которого указывал ему начальник.

А Ханов все больше распалялся.

— Слева — пески! Не пускай их в пески, Чары-хан! Обходи сбоку, сбоку обходи!

Снова прогремели выстрелы.

Теперь Ханов ударил из обоих стволов разом. Один из самцов покачнулся и заметно сбавил бег, потом было выпрямился, но в конце концов поник головой и закрутился на месте. Ханов торопливо перезарядил ружье и собирался снова ударить по нему дуплетом, но в этот момент джейран вдруг весь залился кровью и рухнул на землю, как подкошенный.

«Газик» быстро сократил расстояние до оставшихся пяти джейранов. Теперь их можно было перебить поодиночке.

— Караджа! Ну, стреляй же, ей-богу! Целься в самца! Слышишь, в самца!

— Я не могу зарядить! Ружье не переламявается.

— Стреляйте вы сами, Каландар-ага! Вернее будет, — не удержался водитель.

— Черт! И у меня ружье не переламявается...

— А вы не волнуйтесь, переломится.

Но, как ни старался Ханов, у него ничего не получилось.

— Вот тебе, проклятое!.. — в ярости воскликнул он и, крепко ухватившись за ствол, изо всей силы хватил ружьем о железный борт машины. От удара приклад разлетелся в щепки. Но этого оказалось мало. Он размахнулся и швырнул изуродованную двустволку далеко в сторону. Потом, резко повернувшись назад, ухватился за ружье ревизора.

— Ну-ка, давай посмотрим твое! — крикнул он.

— Только не надо его ломать!

— Если не утешусь, и твое обращу в прах!

На счастье Агаева, его ружье в опытных руках тут же покорно сломилось.

— Скорее, Каландар-ага! — подбадривал его Чары.

— Чего подгоняешь! Давай ты скорее!

— Я-то жму вовсю. Это у вас не клеится... А что, если я возьму прямо на них?

— Валяй! Только не упусти!

Мчащаяся с воем машина, выбрасывая из-под колес комья земли и сухие стебли растений, стала наседать на уже выбившихся из сил джейранов. И вот Ханов снова ударил дуплетом. Однако в этот же миг машину тряхнуло с такой силой, что она взмыла в воздух, потом грохнулась о землю и зловеще замерла на месте. Всех троих вышвырнуло из кузова столь стремительно, что они даже и крикнуть не успели.

Тишина длилась несколько минут.

Прежде других поднялся с земли Каландар Ханов. Оглушенный падением, он нетвердо стоял на ногах, однако машинально стряхнул с себя пыль и стал оглядываться по сторонам.

— Чары! Где ты? — закричал он.

— Я здесь, Каландар-ага! — донеслось из-за машины.

— Жив?

— Кажется, да.

— А как Агаев? Караджа, ты как?

Ревизор не подавал голоса.

Обеспокоенный его молчанием, Ханов обогнул машину. В этот момент непривычно бледный Агаев, опираясь на руку Чары, начал подниматься.

— Ты чего скрючился? — поморщился Ханов. — Совсем сдрейфил?

— Вы-то сами как? — участливо спросил ревизор и, зашмурившись, добавил: — Кажется, я зашиб поясницу.

— Лишь бы шею не сломал! — хмуро заметил Ханов и, отойдя от них, принялся осматривать машину.

Вид у «газика» был жалкий. Левым колесом он налетел на окаменевший купол большого термитника и снес с него глыбу засохшей глины. От этого-то машину и подбросило вверх, а упав на землю, она, в довершение беды, влетела передними колесами прямо в лисью нору. Носом «газик» зарылся в песок, а зад его был задран вверх. Из-под капота подозрительно выбивалась струйка дыма.

Увидев это, Ханов испугался, как бы машина не загорелась.

— Ты чего стоишь с разинутым ртом, — прикрикнул он на все еще ошарашенного шофера. — Кто должен заняться машиной? Я, что ли?

Но сколько ни старался Чары поднять раздавленный капот, без лома нечего было и думать об этом. К счастью, мотор вскоре перестал дымиться.

Немного погодя подоспел на своем грузовике и Лысый Ширли. Он, оказывается, уже подобрал по дороге всех подбитых джейранов и побросал их в кузов.

— Все ли благополучно, люди? — закричал он, едва успев подъехать, и, смешно тряхнув бородой, выпрыгнул из кабины.

— Чего шумишь? — налетел на него Ханов.

— Лишь бы все было благополучно... — Лысый Ширли смущенно погладил бороду. — Джейранье мясо вещь вкусная, конечно, только...

Но Ханов не пожелал слушать его рассуждения.

— Чем языком молоть, лучше помог бы привести в порядок машину.

Лысый подошел к «газику» и нажал на стартер. Мотор не завелся. Нажал еще раз. Никакого результата.

Но, как ни странно, председателя райисполкома это не очень огорчило. Он с тоской посмотрел в ту сторону, куда скрылись джейраны, и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Неужели так и уйдут?

Лысый Ширли не отозвался, опасаясь гнева начальника. Чары тоже молчал, опустив голову и царапая землю носком сапога. Что же касается Агаева, то он стоял в стороне и, словно совершая утреннюю зарядку, деловито сгибался и разгибался, проверяя состояние своей поясницы.

— Кажется, закусить есть чем! — рассудительно произнес он, не прерывая своего занятия. — Что, если мы этим ограничимся, товарищ Ханов?

— Ну и народ! — с презрением поглядел на него Ханов. — Нет, уж я теперь не упущу тех джейранов. — Он решительно подошел к грузовику, легко вскочил в кабину и лихо хлопнул дверцей. — Садись, Лысый!

У робкого Ширли задрожала борода.

— Раз велите, я сяду, — промямлил он. — Только... Только не умею я гоняться за джейранами.

— Сумеешь!

— Видит бог, не сумею. Хоть половина моей жизни и прошла в пустыне, я до сих пор ни разу не гонялся за джейранами на грузовике.

— Садись, говорят.

— И потом, товарищ Ханов, вы же сами знаете, если Овадан услышит, что я на машине гонялся за джейранами...

— Тьфу, недотепа. Проваливай отсюда! Садись, Чары!

После того, как доверенный ему «газик», его гордость и слава, уткнулся радиатором в песок, у Чары тоже пропал всякий интерес к охоте.

— Не хватит ли, Каландар-ага? — лениво проговорил он, глядя куда-то в сторону.

— Ах, и ты хочешь отказаться? — Ханов повысил голос. — Садись, иначе я отправлюсь сам!

Чары покорно сел за руль.

— Не вешай нос и жми! — приказал начальник.

Исправная, хорошо отлаженная машина рванула с места и скрылась в клубах поднятой ею пыли.

Едва Караджа и Лысый Ширли выкурили по сигарете, как грузовик возвратился. Стоя на подножке, председатель райисполкома самодовольно улыбнулся и указал на кузов, где прибавилось еще два убитых джейрана.

— Вот как надо охотиться, Караджа-хан! Чары, взгляни!

Но Чары был печален. Его не радовали ни джейраны, ни яркие лучи только что взошедшего солнца. Подступаясь то с одной стороны, то с другой к своему разбитому «газику», он, казалось, вот-вот пустит слезу.

— Что же нам теперь с ним делать, Каландар-ага? — спросил он дрожащим голосом.

— Ты не печалься о нем, Чары-хан. Не было бы у нас других бед! — проявил широту натуры Ханов. — Вернемся на машине Лысого. А пока продолжим охоту. Эх, если бы нам попало еще одно такое стадо!..

Чары и Лысый Ширли промолчали, Агаев же ухватился за поясницу и попробовал истолковать слова Ханова в виде шутки:

— Надо же, товарищ Ханов! Да, если бы мы согласились, вы бы и сами не поехали дальше.

— Почему не поехать. Ну-ка, садитесь! Садитесь, если вы не трусы!

— Давайте лучше отдохнем... — предложил ревизор и, не дожидаясь ответа, опустил на землю.

— Что и говорить, народ вы ненадежный, — засмеялся Ханов. — Ну да ладно! Пусть будет по-вашему... Залезайте в кузов, доедем до канала, устроим привал в укромном мес-

течке, шашлык сделаем, искупаемся. А к концу дня махнем в город. «Газик» останется здесь. Когда развезешь нас по домам,— обратился он к Ширли,— вернешься сюда вместе с Чары и заберешь его. И чтобы за ночь отремонтировать!

Лысый Ширли, который не признавал никаких яств в мире, кроме вареной бараньей головы и ножек, с безразличием отнесся к словам Ханова, но у Агаева от одного слова «шашлык» потекли слюнки.

— Люди! — оживился он. — Приготовить шашлык — мое дело!

Чары совсем приуныл. И не только потому, что ему предстояла бессонная ночь, но еще больше потому, что никто из этих людей сейчас и думать не хотел об изуродованном «газике». Каждый заботился прежде всего о своей утробе. Особенно ревизор, который в предвкушении шашлыка сразу позабыл о боли в пояснице и лишь плотоядно облизывал губы. Парню стало так обидно, что он даже отвернулся.

Агаев этого, конечно, не заметил, но Ханов тотчас почувствовал, что его водитель недоволен.

— Чары! Ты чего молчишь? — прищурился он. — Разве тебе не хочется шашлыка?

— Своей доли шашлыка и я не упущу. Только...

— Никаких «только», — начальственно приказал Ханов и кивнул головой в сторону «газика». — Может, хочешь, чтобы мы его сейчас поволокли за собой на тросе?

— Было бы неплохо, Каландар-ага... — с надеждой проговорил Чары. — Чем нам потом болтаться среди ночи...

— Не выйдет! — категорически отрезал Ханов. — Доставите в гараж, когда стемнеет, чтоб и люди не видели, и собаки не лаяли! Понятно?

— На худой конец, подтащить бы его поближе к каналу. А то ночью и не найдешь.

— Захочешь, так найдешь! — вместо Ханова ответил Агаев. — И потом, как ты разговариваешь, Чары? Вздумал поучать старших! Товарищ Ханов лучше нас с тобой знает, что делать. Такой парень, как ты, должен отвечать на приказания: «Будет исполнено!» — а не пятиться назад, словно пугливая лошадь.

— Да брось ты, Чары! — не устоял перед соблазном и Ширли Лысый. Он нервно потербил бороду и сам принялся уговаривать парня: — Не бойся, мы твой «газик» и отыщем, и доставим, и починим. Теперь-то уж нечего о нем беспокоиться!

На этом разговор о машине закончился.

Когда Агаев и Чары залезли в кузов грузовика, Ханов расположился в кабине с Ширли Лысым и приказал:

— Гони к каналу!

— Может, поедem на Хауз-Хан? Ближе...

— Тебе что, некуда деньги девать? Если уплатишь по сто рублей штрафа за каждого джейрана, я не против.

— Давайте на канал,— согласился Ширли.

— Помнишь то место, в Маябатане, где мы весной грибки ели? Гони туда! — сказал Ханов и закурил. — Там и пустынно, и красиво!

— Как бы там нас комары не заели...

— Днем комаров не бывает. А вечером мы вернемся домой.

— Это верно... — Лысый Ширли вдруг умолк и замер, глядя налево. Машину тряхнуло на кочке, но он как будто и не заметил этого.

— Ты что бороду растопырил! — разозлился Ханов.

— Да посмотрите вы туда! — закричал Ширли. — Дрофы! И не одна, не две. Десять... Пятнадцать... Больше — тридцать!

— Ты на дорогу смотри, па дорогу!

— Ой, да стреляйте же, товарищ Ханов!

— Посмотрите на этого глупца! — Невозмутимый Ханов левой рукой властно повернул баранку и вывел машину на прежнее направление. — Недотепа, который не решился погнаться за джейранами, намерен догнать птиц!

Лысый Ширли только молча помотал бородой и нажал на газ.

Вероятно, Агаев, сидевший на дне кузова, возле залитых кровью джейраньих туш, тоже заметил, как, часто хлопая короткими крыльями, неподалеку взлетела стая жирных дроф. Схватившись за поясицу, он вскочил с места и стал колотить по крыше кабины.

— Товарищ Ханов,— вытянул он шею и перекинулся через борт. — Почему вы их упустили?

— Ну их! — не глядя на Агаева, ответил Ханов. — И вообще, возьми свое ружье!

После этого ревизор даже не пошевелился, когда машина вспугнула еще одну стаю дроф.

Ханов знал, где можно попить в свое удовольствие. Переехав по мосту на северный берег, Ширли Лысый сразу свернул вправо. Дамба тут была широкой — по ней свободно могли ехать четыре машины в ряд. Внизу протянулся канал. Отделившись от пади аха всех здеш-

них рек — Джейхуна и смело прорезав просторы бескрайней пустыни, где люди прежде не видели и капли влаги, он величаво нес свои воды среди холмов и песчаных барханов, щедро одаряя зеленью оба берега. Правда, тутовые деревья и ветлы, посаженные года два назад возле моста, были еще низкорослыми. К тому же здесь кое-где виднелись одинокие фигуры рыбаков. Но чем дальше продвигалась машина, тем гуще становились прибрежные заросли. И когда мост скрылся из виду, Ханов уверенно объявил:

— Приехали!

Это была полянка, с одной стороны окаймленная плотной стеной камыша, а с другой — зарослями гребенчука, толстые ветви которого способны выдержать вес двухгодовалого козла. Ханов по-хозяйски походил среди кустов, остановился возле самого большого из них, поближе к дамбе, обломил на стволе веточку и повесил на сучок свою каракулевую шапку.

— Вот тут и бросьте подстилку! — распорядился он после чего каждому объяснил его обязанности.

Чары было поручено разложить костер и сделать из прутьев шампуры. На долю Лысого Ширли выпало потрошить джейранов и укладывать туши в мешки. А Агаев должен был освежевать молоденького джейрана, нарезать мясо и приготовить шашлык.

Все трое засучили рукава и взялись за дело, а Ханов тем временем стал раздеваться. Повесив одежду рядом с шапкой, он неторопливо взошел на дамбу и посмотрел на небо.

Время подходило к полудню. Хоть сентябрьские ночи были росными, днем пока еще стоял зной. Поглаживая вспотевший живот, Ханов спустился к воде и нагнулся, чтобы попробовать рукой, не слишком ли она холодна.

«Как раз по мне!» — улыбнулся он про себя и, взбравшись на бетонный выступ, бросился оттуда головой вниз.

Услышав всплеск, Чары вытянул шею в сторону дамбы.

— Ты не глазей по сторонам, а разводи костер! — поторопил его Агаев, свежавший молоденького джейрана. — И выкинь, пожалуйста, дрова, что ты нарубил! От таких углей толку не будет — один треск и шипенье. Пока гребенчук разгорится, пройдет целый год. А товарищ Ханов не любит ждать. Не успеешь оглянуться, как он вылезет из воды и потребует шашлык. Если не хочешь нагоняя, не

лепись, Чарыджан! Кажется, в машине есть саксаул? Принеси его, наломай и разожги. И шампуров нарежь побольше, чего ты жалеешь, не твоё ведь добро!

Так как насчет обеда хлопотали трое взрослых мужчин, которые представлялись благодушно настроенному Ханову тремя добрыми волшебниками, он меньше всего думал сейчас о костре или о шампурах. Вода доставляла ему удовольствие, и он то нырял, то плескался на поверхности, плавал то на боку, то на спине, а то и просто «пособачьи». А когда устал плавать, вылезал на противоположный берег и валялся там на горячем песке. Потом снова нырял.

Ласковая вода, чистый песок, мягкий солнечный свет. Что еще нужно, чтобы дать отдых уставшему телу? Стараясь ни о чем не думать, он утратил ощущение времени. И кто знает, до каких пор он наслаждался бы купанием, если бы до него не донесся запах мяса, прожаренного на саксауловых углях, запах, который мгновенно пробудил в нем зверский аппетит.

Два ковра, раскинутых в тени гребенчука, и расстеленная скатерть сразу привлекли его взор. Но Ханов сделал вид, будто ничего не заметил.

— Что-то у тебя конца не видно? — решил он поиздеваться над Чары. — Может, ты вознамерился уморить меня голодом?

Чары не произнес ни звука. Сейчас ему было не до шуток. Он суетился вокруг костра, но в мыслях пребывал возле своего «газика», брошенного в пустыне. Что же касается Агаева, то даже всемирный потоп не достал бы ему сейчас до щиколоток. Любовно сняв с углей первые пять шампуров шипящего шашлыка, с которого капало сало, он сказал:

— Мы готовы, товарищ Ханов! Начинайте!

Ханов оделся и сел, поджав под себя ноги и сразу заняв целиком один из двух ковров. Прежде чем протянуть руку к жареному мясу, он жадно вдохнул в себя аромат еды и окинул взглядом угощение. Румяные помидоры, молоденький лук, тускло поблескивающий белый и черный виноград, нарезанный ломтиками красный, как угли, арбуз, пахнувшая медом дыня «вахарман», мягкий золотистый чурек... словом, здесь было все, о чем только может мечтать человек после удачной охоты, вплоть до жирного чала. Поскольку Агаеву было сказано: «Хлеб и водка — с тебя!» — ревизор, не желая прослыть в глазах начальника

скрягой, набил ковровый хурджун¹ всем, что оказалось дома. Однако на скатерти пока не было того, без чего и шашлык не шашлык.

Увидав, что Ханов беспокойно оглядывается по сторонам, Агаев сказал:

— Чары! Открой-ка тот саквояж! — И, сняв с углей еще пять шампуров, положил их поверх прежних.

Чары покорно вытащил из саквояжа две бутылки водки, затем две бутылки коньяка и выстроил их рядом.

— Говорите, кому что наливать! — проявил инициативу ревизор.

— Лично я, люди, буду пить водку, — громогласно объявил Ханов и пододвинул к ревизору свою цветастую пиалу.

— Пожалуй, я тоже, — присоединился к начальнику Агаев, которому страстно хотелось коньяку. Он ловко подкинул бутылку с водкой в руке и привычными движениями быстро откупорил ее. Затем, наполнив пиалу Ханова и свою, он обратился к Ширли: — А тебе, Лысый, чего налить?

Словно советуясь со своей совестью, механик погладил бороду и виновато посмотрел на соседей:

— Разве и мне выпить, люди?

— Ты не бормочи, говори прямо! — поторопил его Агаев. — А то я сейчас от голода с ума сойду.

— Ай, налей мне из цветной! — и механик нерешительно взял пиалу в руку.

— Ты что? — Чары с удивлением уставился на Лысого Ширли. — Как же ты примиришь аллаха с коньяком?

— Это я так, в шутку! — механик покраснел и замолтал бородой, не зная, куда поставить пиалу.

— Разве можно так шутить, Ширли-хан! — засмеялся Агаев. — Впрочем, в наш век надо делать все, что нравится. Если сердце твое не противится коньяку, то он может у тебя и с богом соседствовать. Я вот, например, не признаю религии. И намаз не совершаю, и поста не соблюдаю. Но когда празднуют курбанлык² и мне подадут кусок пожирнее, я получаю полное удовольствие. Особенно — с водкой.

Ханову было безразлично, пьет или не пьет Лысый Ширли, нарушает он обряд или нет. Сейчас все помыслы его были направлены на мягкую печень и круто посоленное мясо.

¹ Хурджун — переметная сума из ковровой ткани.

² Курбанлык — мусульманский праздник жертвоприношений.

— А что, если о молитвах и постах мы поговорим попозже? — предложил он, придвигая к себе пиалу. — Раз Ширли не хочет, налей Чары и — конец спорам!

— Мне не надо! — категорически отказался Чары.

— И ты верующий? — притворно ужаснулся Агаев. Чары промолчал.

— Не хочет — не принуждай. Ему еще предстоит вечером машину ремонтировать, — сказал Ханов и, подняв свою пиалу, чокнулся с Агаевым. — Джигиты, за ваше здоровье! Пусть самые плохие наши дни будут такими, как сегодняшний!

По мере того как с шампуров то по одному, а то и по два снимали куски мяса, пустела и бутылка.

— Как у тебя с поясницей, Караджа? — проявил вдруг интерес разомлевший Ханов.

Но тот после второй пиалы позабыл и то, что его выбросило из машины, и то, что он ушиб спину.

— С поясницей? — не сразу сообразил Агаев и удивленно прищурил пьяные глаза. — Ах, с поясницей теперь хорошо!

— Если хорошо, налей-ка еще по глотку!

— Пожалуйста!

Агаев и наливал, и сам пил, и в то же время успевал нанизывать на оголенные шампуры кусочки мяса и класть их на огонь, и в нужный момент поворачивать и раздувать своей соломенной шляпой угли, когда они покрывались золою, и снимать с огня готовое мясо, и вдобавок угощать присутствующих.

Ханов, конечно, ни за что бы так себя не повел. Он считал подобные хлопоты женским занятием. И сейчас, утолив голод, вместо того, чтобы похвалить Агаева, принялся его высмеивать:

— Как подстрелить джейрана, так у тебя поясница ноет. Зато за столом тебе, не сглазить бы, цены нет. Будь ты бабой, муж, наверно, не сетовал бы на тебя из-за харчей.

Если бы собеседником Агаева был не Ханов, а кто-нибудь другой, он конечно же сумел бы отшутиться. На худой конец, сказал бы: «А как, интересно, поступил бы твой муж, если бы ты был бабой?..» Но ответить Ханову подобным образом у него язык не повернулся.

— Да, кое-что и мы умеем не хуже других... — промямлил ревизор с кислой улыбкой.

После шашлыка Ширли и Чары принялись за дыню.

А Ханов и Агаев умиротворенно закурили, молча смакуя каждую затяжку.

— Ты о чем думаешь? — благодушно осведомился, наконец, Ханов.

— Я? — Агаев с ухмылкой посмотрел ему в лицо. — Сказать правду?

— Конечно.

— По правде говоря, о вас.

— Ну, и к чему ты пришел?

— Мне интересно, почему я не могу быть таким, как вы? — признался он, неожиданно заговорив о вещах, которые Ханову и в голову не пришли бы. — Вы такой жизнерадостный человек, товарищ Ханов, что даже завидно. Мне кажется, что у вас вовсе и не бывает огорчений. Вы умеете и работать, как вол, и веселиться, как дитя... Вы не смейтесь, я серьезно, — от всего сердца заверил его ревизор. — Возьмем, к примеру, нашу сегодняшнюю охоту. Есть ли у нас в районе хоть один человек, кроме вас, который решился бы на это? Даже крупные работники трясутся при одном слове «инспектор»... Почему, например, не выезжает на охоту Мухаммед Карлыев? Почему, я вас спрашиваю?

— Может быть, не желает?

— Скажете еще — не желает! Боится! Дрожит за свой авторитет. А вдруг наскочит на инспектора, а тот возьмет да напишет в Ашхабад, мол, такой-то уничтожает в Серахской степи джейранов. Ведь за такие вещи по головке не гладят. Вот он и боится потерять свое место. А ведь тоже мечтает, наверно... И в самом деле, что может сравниться с охотой? Не знаю, как люди, — выразительно глянув на Ширли и Чары, продолжал он, — а я получил сегодня огромное удовольствие. То, что мы перевернулись, — не в счет. Что ж, случается... Зато все остальное!.. Даже за месяц на даче в Фирюзе так не отдохнешь... Или, например, возьмем умение работать. Не подумайте, что я льщу вам, товарищ Ханов, ей-богу, народ вас высоко ценит. Зайдешь, говорят, к нему с каким-нибудь делом или заботой — тут же решает. Не откладывает, не тянет. Если может — поможет, а нет — прямо так и скажет — нет. Я считаю, что таким и должен быть современный руководитель — смелым, решительным, прямым...

Слова ревизора пришлись Ханову по душе, но он все же счел нужным умерить его пыл:

— Хвалить-то хвали, да от земли не отрывайся!..

— Я не хвалю, а правду говорю! — все больше увлекался Агаев, хотя глаза его уже заметно затуманились. — Вы к нам приехали — и сразу район начал подниматься. В прошлом году казалось, что план по хлопку горит. А ведь выполнили! И в этом году, даст бог, выполним. И на будущий год...

— Уборка только началась. Пока трудно сказать, как будет в этом году, — вдруг приняв серьезный вид, глубоко-мысленно вздохнул председатель райисполкома. — А все потому, что у нас еще много таких работников, как хваленый Тойли Мерген. Возомнили о себе бог знает что... Если с ними не будет покончено...

— Вот и покончите! Кто вам мешает?

— Есть такие, что мешают... — Ханов, казалось, позабыл, что находится в пустыне и сидит за трапезой. Он важно поднялся и произнес, словно с трибуны: — Если мы хотим полным ходом развивать колхозное и совхозное хлопководство и вообще двигать вперед экономику, нам еще придется схватиться с некоторыми товарищами...

— Кто эти товарищи? — с любопытством прищурился Агаев. — Если не секрет, скажите, а мы послушаем.

Ханову очень хотелось сказать: «Кто же, как не Мухаммед Карлыев?.. Да, был бы я первым секретарем, ты бы наш район не узнал!» Однако он вовремя спохватился и ничего такого вслух не произнес.

— Есть, есть такие! — неопределенно ответил он. — Придет время — вы все узнаете кто. А сейчас отложим деловые разговоры и, пока солнышко припекает, окунемся еще разок.

Недолго думая, Ханов опять разделся и полез на дамбу. Агаев последовал его примеру.

— Да, товарищ ревизор, у меня к тебе было важное дело, — вспомнил на ходу Ханов. — Ну да уж теперь не стоит... Заходи завтра ко мне после работы, тогда и поговорим.

— Зачем же оставлять на завтра? Скажите сейчас.

— Нет, теперь уж не до того! — махнул рукой Ханов и бросился в воду.

Охотники возвращались домой уже после захода солнца, когда совсем стемнело.

При въезде в город их неожиданно остановил инспектор.

— Ты почему затормозил? — очнулся от задумчивости Ханов.

— ГАИ,— объяснил Лысый Ширли.

— Какое там ГАИ,— напыжился Ханов.— Что ему за дело до нас?

Не успел еще Ширли ответить, как молоденький милиционер просунул голову в кабину.

— Чья машина? — поинтересовался он.— Попрошу путевой лист.

Ни слова не говоря, Ширли показал головой на Ханова. Как только автоинспектор увидел развалившегося в кабине председателя райисполкома, тон у него сразу изменился.

— Ах, это вы, товарищ Ханов! — приветливо сказал он.— Простите, обознался. Проезжайте, пожалуйста.— И, козырнув, тут же растворился в темноте.

Они поехали дальше.

— Кого раньше завезти, товарищ Ханов? — спросил Ширли.

— Сначала их отвезем,— после некоторого раздумья решил Ханов.

Так и сделали. Когда, получив свою долю добычи, Агаев и Чары слезли, Ширли заговорщически улыбнулся и спросил:

— Теперь куда?

— А то сам не знаешь! — проворчал Ханов.

— Не знаю! — весело настаивал Ширли, давая понять, что он во все посвящен.

— Ну и сукин сын! Прикидывается простаком, а на деле — бестия,— не без восхищения признал Ханов.— А ты откуда пронюхал?

— Товарищ Ханов, я ведь все вижу, даже если под землей змея шевелится! — тряхнув бородой, засмеялся механик.— Но молчу. Можете меня не стесняться...

— Ладно, будь по-твоему.

Миновав несколько кварталов, Ширли остановил машину возле нового одноэтажного дома. Ханов вышел из кабины и тихонько постучал в большое окно, затянутое изнутри красной шелковой занавеской, сквозь которую на тротуар падал слабый свет и доносились звуки дутара¹. Музыка сразу стихла, по-видимому, там выключили радиоприемник. Потом за занавеской обозначился силуэт статной женщины и послышался приятный голос:

— Кто там?

¹ Дутар — щипковый пародный музыкальный инструмент.

Оглядевшись по сторонам, Ханов тихонько ответил:

— Это я, Каландар!

Вернувшись назад, он перетащил через борт один из мешков.

— Вам помочь? — высунулся из кабины Ширли.

— Отгони немного машину и стой там. Это будет твоей помощью! — быстро ответил Ханов и, схватив мешок под мышку, рысцой двинулся к входу в дом.

Когда женщина в длинном, до щиколоток, полосатом шелковом халате открыла дверь, Ханов негромко спросил:

— Ты одна, моя Алтын?

В голосе женщины прозвучал упрек:

— Я ведь всегда одна.

— Почему ты хмуришь брови?

— Поневоле нахмуришь, если ты уже месяц не показываешься... Тебе передали, что я звонила?

— Передали. Потом поговорим.

— У тебя все откладывается на потом.

— А что я могу поделать?.. Я давно хочу прийти...

— Ну ладно... Что это у тебя?

— Это называется джейраном, моя Алтын! — сказал Ханов и со стуком бросил мешок через порог. — Я поехал... На днях буду.

— Когда? — устремив на него красивые глаза, оттененные длинными ресницами, спросила она и положила на вспотевшую шею Ханова свои прохладные руки.

— Халат испачкаешь. Я ведь весь в песке. И устал очень.

— Халат не жалко! А что ты в песке, то вон ванна. Зайди и помойся! — Алтынджемал повисла у Ханова на шее. — Ты думаешь, что дома отдохнешь лучше, чем здесь? Заходи — и ужин подам, и мягкое одеяло.

— Нет, не сейчас... — вздохнул он и с трудом высвободился из ее объятий. — Это я просто завернул по дороге, чтобы отдать тебе твою долю охотничьей добычи.

— Зачем мне без тебя твоя добыча, — сказала, печально глядя ему в глаза, Алтынджемал. — Ты слышишь? Зачем мне твоя добыча?

— Я все понимаю... — Ханов отступил на тротуар и добавил: — На днях буду...

Уже приближаясь к машине, он услышал полные горечи слова:

— Мне, несчастной, только и остается, что ждать...

Возвращение Тойли Мергена в колхоз обрадовало всех, буквально всех. Даже Гайли Кособокий сдвинул на лоб шапку и сипло засмеялся:

— Вот теперь ты по своей дороге пошел.

Однако он еще не подозревал, что по этой самой «своей дороге» зять прежде всего доберется до него, Кособокого Гайли.

Вечером, когда Шасолтан вернулась с бюро райкома, Тойли Мергена пригласили на заседание правления, где утвердили его бригадиром.

Думы о завтрашней работе не давали ему долго заснуть, тем не менее он поднялся, когда еще не занялась заря.

Акнабат, взволнованная и обрадованная тем, что муж снова будет занят привычным делом, проснулась еще раньше, приготовила для новоявленного бригадира чай и чурек и поставила перед ним завтрак.

Бригадир, конечно, не председатель, поэтому Тойли Мерген даже не взглянул на свой черный костюм и остроносые туфли, в которых щеголял еще вчера вечером.

— Где гимнастерка и галифе? — спросил он жену.

— Приготовила, приготовила, — ответила Акнабат и, достав из гардероба одежду, с явным удовольствием подала ее мужу.

Тойли Мерген надел свой рабочий костюм, в котором он обычно ездил в пустыню посмотреть овец, и вышел из дома. Поселок только-только просыпался. Шагая по широкой улице, ведущей к хлопковым полям, он подумал: «Кажется, я сегодня проснулся раньше всех?..» Но он ошибался. Кое-кто и пораньше проснулся, а иные уже давно занимались своими неотложными делами.

Вот, например, Гайли Кособокий с каких пор возился на своем огороде. Он копал морковь. Надо было торопиться на базар. Завидев зятя, шагавшего в низко нахлобученном тельпеке, он вытер пот со лба, поднял голову и, опершись на лопату, обнажил зубы в улыбке. Тойли Мерген прошел мимо, не замедляя шага. Гайли не понравилось, что бригадир сделал вид, будто не заметил его. Да и лицо у него было сердитое.

С утра на хлопковых полях удивительно хорошо. Нет этой спирающей дыхание духоты, которую ощущаешь

обычно летом. Над бескрайними полями, что уходят за горизонт, пробегает легкий ветерок.

В пору председательства Тойли Мерген любил смотреть на хлопковое поле, чуть откинув назад голову. Когда хлопчатник набирал рост и широкие квадраты полей сливались один с другим, они казались зеленоватым морем. А когда коробочки раскрылись, то море уже было не зеленым, а седым. И тогда не то что отдельные рядки или кусты, Тойли Мерген не мог различить даже деланки.

Но сегодня он почему-то не откидывал голову, не поднимал, как обычно, глаза к небу. Едва приблизившись к полю, он присел у первого же куста хлопчатника, посмотрел, прикинул, каков его рост, посчитал раскрывшиеся и нераскрывшиеся коробочки и проговорил про себя: «Если собрать как положено, то, не сглазить бы, урожай будет что надо!...»

Поднялся Тойли Мерген не с пустыми руками, он опустил четыре коробочки и поднес волокно к лицу. В нос ударил удивительный запах земли, воды и солнца. Он потер волокнами щеки и улыбнулся — приятно было прикосновение хлопка, хотя и немного щекотно.

Настроение у нового бригадира поднялось, и, не сгоня улыбки с лица, он продолжал свой путь посреди широкой карты. Над головой, словно большой богомол, появился самолет. Он опрыскивал хлопчатник химикатами, чтобы опали листья. Ведь для того чтобы убирать хлопок машинами, листья надо удалить. Летчик вытянул шею из кабины и помахал рукой новому бригадиру, словно говоря ему: «Да сопутствует тебе удача!»

А вскоре то тут, то там стали появляться и сборщики. Неподалеку от хармана — площадки, на которую бригада свозит собранный урожай, — заработала одна из двух уборочных машин.

Тойли Мерген прошел по десяткам карт. На каждой карте он опустошал по несколько коробочек и набрал довольно большую охапку хлопка. Когда он подошел к полемому стану, солнце уже поднялось довольно высоко.

Основной харман бригады находился поблизости от полевого стана. Бригадир прикинул на глазок, сколько же тут на цементированной площадке валяется хлопка. Пожалуй что около двух тонн. Но почему он не отправлен на базу? Некому было задать этот вопрос — никого вокруг не было.

Тойли Мерген повернулся к стоящему неподалеку

от хармана дому. Веранда, обращенная на север, была пуста.

— Есть тут кто-нибудь живой? — громко спросил он.

Поначалу никто не отозвался. Второй раз голос Тойли Мергена прозвучал громче и требовательнее. С противоположной от веранды стороны, из-за дома, показалось худощавое носатое лицо.

— А, это вы, Тойли-ага? Салам алейкум! — сказал парень и подался назад. — Мы здесь, заходите!

За углом дома, навалившись грудью на мешки с хлопком, четыре здоровенных парня резались в карты.

Правда, они перестали играть, когда появился Тойли Мерген, однако нисколько не смутились, даже не приподнялись навстречу старому человеку, а весьма спокойно, будто их поведение вполне естественно, пригласили его присесть с ними на кошму.

— Тойли-ага, сыграйте с нами! — предложили они. — Если хотите, вот и хороший чаек...

Тойли Мергену хотелось пить, во рту у него давно пересохло. Он с вождением смотрел на большущий пестрый чайник, но и не подумал воспользоваться приглашением парней. Бригадир неторопливо закурил, пустил в небо дым и неожиданно сказал:

— Если мы будем играть в карты, кто же будет собирать хлопок?

Парни переглянулись.

— Кто будет собирать? А? — повторил Тойли Мерген.

— Мы не собираем, Тойли-ага, — с улыбкой ответил худощавый парень. — Мы только отправляем его на базу.

— Так почему же столько хлопка валяется? Почему вы его не отправили?

— Машин не хватает, — заметил один.

— Если и есть машины, то не дают тележек, — подхватил другой.

— А волочить в мешках не дозволено, — добавил третий.

— Кто это сказал, что не дозволено?

— Ваш заместитель. Нобат! — снова заговорил худощавый. — И потом, вроде бы договорились — сначала перевозить хлопок передовых бригад. А у такой отстающей бригады, как наша...

— Коли отстае, почему машина не работает?

Бригадир махнул рукой в сторону новой хлопоуборочной

машины, что стояла неподалеку от площадки, покрытая пылью и паутиной.

— А водителя нет.

— Нет водителя? Куда же девался Джеббар?

Вместо того чтобы ответить на вопрос бригадира, худощавый парень почесал нос и прищурился.

— Ты чего ухмыляешься?

— Если бы мне лично сказали, поезжай, мол, в пустыню, собирай арбузы, вари патоку и суши дыни, то я бы и близко к машине не подошел.

— Что ты хочешь этим сказать? Кто мог послать Джеббара на арбузы, когда не убран хлопок? Кто это сделал, я спрашиваю?

— Кто же, кроме вас, может послать? — уже откровенно засмеялся худощавый. — И уехал он не один. Прихватил с собой и свояка Хуммеда.

Не случайно ухмылялся худощавый парень. Была на то причина. И Джеббар, и Хуммед доводились зятьями Тойли Мергену. Поняв, что его хотят поддеть, бригадир бросил на землю сигарету и раздавил ее носком сапога.

— Ну, что ж, — сказал он. — Раз я сам их послал, то сам и назад верну. Так что ты, голубчик, напрасно рот до ушей растянул. — Тут он подошел к булькающему в стороне большому черному казану и спросил: — Кто из вас повар?

Огромный усатый парень бросил карты, которые до сих пор держал в руках, и, потянувшись, нехотя поднялся.

— Вообще-то повар я, Тойли-ага, — лениво произнес он, догадавшись, что вопрос задан неспроста.

Окинув усатого взглядом с головы до ног, Тойли Мерген с презрением проговорил:

— И не стыдно такому здоровенному детине да при таких вот усах торчать возле черного казана и валяться без дела?

— Акы не виноват, Тойли-ага... — снова рванулся вперед худощавый, но уже постеснялся улыбнуться.

Бригадир помахал в воздухе рукой:

— Да перестань ты чушь молоть! Кто же виноват? Может, опять я?.. Так вот, с завтрашнего дня чтобы я не видел тебя возле казана! С завтрашнего дня вы все выйдете на хлопок. А вместо вас сюда придут ваши жены! Чтобы варить суп, принимать хлопок, сушить его и отправлять на базу, усы не нужны.

Парни молчали, почуяв серьезность положения, однако худощавый не выдержал:

— А что делать неженатым?

Тойли Мергену было не до шуток. Он пристально посмотрел на зубоскала и твердо сказал:

— Если завтра увижу тебя за картами, то объясню, что тебе делать. Слышал или надо повторить?

— Слышал... — потупился шутник.

— Ну, а раз слышал, передай таким же, как ты, лентяям. С завтрашнего дня все выходят собирать хлопок. Все! Ясно? — Голос Тойли Мергена набирал силу. — Позор! Урожай не собран. Бригада отстает. А им и печали нет. Лежат, картишками перекидываются и животы поглаживают. Есть у вас совесть?

После этого разговора Тойли Мерген, никуда не сворачивая, отправился домой. Только теперь дала себя знать усталость. Есть не хотелось, а утолить жажду он не смог даже двумя чайниками и пододвинул к себе третий.

Если в жажду его ввергла длинная дорога, по которой прошагали его непривычные к ходьбе ноги, то устал он от мыслей и забот. Подложив под локоть две подушки, Тойли Мерген пил чай и спрашивал самого себя: как быть? Работа тяжелая. Людей мало. Что делать? И не раз, и не два задавал он себе эти вопросы.

«С Кособокого Гайли надо начинать, да, с Гайли!..» — решил он наконец и резко отодвинул пиалу.

— Да, да, надо начинать с Кособокого! — вслух повторил он.

Услышав голос мужа, Акнабат, занятая своими делами на кухне, просунула голову в дверь:

— Ты что-то мне сказал?

— Пока нет, но, кажется, придется и тебе сказать. — Тойли Мерген поднялся. — Надо собирать хлопок!

— Мне?

— Тебе!

— Ай, какая из меня сборщица!

— Соберешь пять граммов — и то польза!

— А ты куда?

— В город!

— Что ты там потерял?

— Привезу Гайли Кособокого.

— Гайли? — удивилась жена. — Зачем он тебе понадобится?

— Заставлю собирать хлопок.

— Ах, вот оно что!.. — Акнабат сунула в рот кончик

платка, чтобы скрыть улыбку.— Хорошо, конечно, если он тебя послушается.

— А не послушается, пусть собирает свои пожитки и совсем переезжает на базар. Я не потерплю, чтобы он барышничал, а хлопок гнил на полях.

— Если бы ты раньше, отец, об этом подумал, то не было бы того, что случилось...

— Есть поговорка, мать: «Лучше поздно, чем никогда!» — Тойли Мерген кивнул жене и пошел к машине.

Хотя солнце уже перевалило за полдень, народу на городском базаре было видимо-невидимо. Горы душистых дынь, от маленьких, с кулак, до таких, что не на всяком столе поместятся, тугие гроздья винограда, любые овощи — словом, что ни пожелай, все есть. Покупателей великое множество, но и торговцев хоть отбавляй.

Оставив машину на пустыре возле старой бани, что примостилась с восточной стороны базара, Тойли Мерген вошел в толпу. Продвигаться в этой толчее было трудно. На счастье, попался знакомый человек и объяснил, где искать Гайли Кособокого. Иначе бы Тойли Мергену нелегко пришлось.

Надвинув на лоб известную всему городу шапку, Гайли торговал в самом конце базара. Он сидел в тени возле табачной палатки и, покуривая, отпускал кому-то морковь, затем протянул сдачу и, конечно, не заметил, что за ним наблюдают.

— Почем морковь? — спросил Тойли Мерген, подойдя вплотную.

— Сегодня морковь почти даром. Даром, — не поднимая головы, ответил Гайли. — Пятьдесят копеек кило!

— А по колхозной цене не отдашь?

— По колхозной цене я бы и сам купил, — усмехнулся Гайли. — Только как бы их палатка не оказалась на замке!

— Если на замке, велим открыть.

— Вели, вели, да погляди, есть ли там что-нибудь!

— Хватит зубоскалить! Смотри в лицо, когда с тобой разговаривают. — И Тойли Мерген приподнял ему шапку.

— А... Тойли... Это ты? — растерялся Кособокий. — Откуда ты взялся? Как это ты бросил свой хлопок и прикатил на базар?

— Приехал покупать морковь.

— Морковь!.. Ха, ха! Говори напрямик, зачем пожаловал...

— И тебе не стыдно? Ну, если бы ты был беспомощным стариком или на жизнь бы тебе не хватало...

— А чего мне стыдиться, я не ворую. Свое продаю. Плоды пота своего продаю. Чужого мне не надо. Свой огород, своя морковь. И государство не против огородов. Наоборот, всячески поддерживает, надо, говорит, больше внимания уделять приусадебным участкам.

— Не о таких, как ты, торгашах, говорит государство. От слова «торгаш» шея у Гайли налилась кровью.

— Давай, Тойли, выкладывай, с чем пожаловал.

— Изволь. С завтрашнего дня ты должен забыть дорогу на базар.

— Я ничего дурного на этой дороге не видел, так зачем же мне ее забывать.

— Кособокий!

— Хоть тысячу раз обзывай меня Кособоким! Не тебе меня выпрямлять! Ты вот восемнадцать лет вставал раньше других и восемнадцать лет ложился спать позже всех. А что ты за это получил? Хорошо тебя отблагодарили? Сам не умел жить, так не мешай мне!

— Я приехал не для того, чтобы слушать твою болтовню! Завтра с рассвета выйдешь на хлопок.

Гайли усмехнулся и покачал головой.

— Приказ или просьба? Как я должен тебя понимать?

— Разве ты способен уважать просьбу? Ведь если по чести, ты должен был сам прийти и спросить, чем, мол, могу помочь. Да от тебя такого не дождешься!

— Стало быть, приказ?

— Приказ.

— Этот приказ касается только меня?

— Всех.

На сей раз Гайли Кособокий уже откровенно расхохотался.

— Смеяться тут нечего. Я с тобой серьезно говорю.

— А если серьезно, то сначала погляди на своих более близких родственников.

— Кого ты имеешь в виду?

— А то ты не знаешь! — Гайли фыркнул и заговорил, размахивая длинными руками: — Где твой сын? Ты сумел учить своего сына за счет колхоза, а заставить его работать в колхозе не сумел. Почему он не должен собирать хлопок, а я должен? Он, значит, может жить в городе, не пачкать ручки, потягивать вино и развлекаться, а мы должны вместо него проливать пот? Так, да? Где справедливость?

На крик Гайли Кособокого начал собираться народ.

— Хватит! — сказал Тойли Мерген, и у него невольно сжались кулаки. Но сдержал себя и, не проронив больше ни слова, зашагал прочь.

— Теперь, оказывается, хватит! — гордясь своей победой, бросил вслед бригадиру Гайли. — Нашел дурака! Заставь сначала работать своего отпрыска, а потом другим угрожай!

Бледный и измученный вышел Тойли Мерген с базара. Видимо, он и в самом деле неверно поступил. Нужно было и правда начинать с собственного сына. И он решил ехать прямо в автопарк к Аману.

Директор сидел в большом, почти пустом кабинете и потягивал чай. Увидев неожиданно появившегося Тойли Мергена, он вскочил и засуетился:

— Салам, Тойли-ага! Заходите, располагайтесь! Вот, посмотрите, какие кресла, я их недавно купил. Никто еще на них не сидел. Проходите, садитесь. И чай как раз только что заварил!

— Я пришел не чаи распивать. Где ваш главный инженер?

— Ваш сын? — замялся директор. — Он ведь от нас ушел, Тойли-ага.

— Ушел? Что значит ушел?

Директор заговорил, глядя куда-то в сторону:

— То ли с ребятами не поладил, то ли еще что, я, как вы понимаете, не хотел его отпускать, но Аман не послушался меня. Ведь я и заявление его долго держал, не подписывая. Но поскольку он настаивал, чуть ли не ногами топал, я был вынужден его освободить.

Хотя Тойли Мерген и не был близко знаком с директором автопарка, он не поверил, что тот сожалеет об уходе Амана. Тем более что по слухам он знал: директор любил держать возле себя только угодных ему людей.

— Я бы предпочел прямой разговор, — сказал Тойли Мерген, уставившись в мясистое лицо директора. — С ребятами, говорите, не поладил? А может быть, не с ребятами, а с вами?

Не зная, что сказать, директор беспомощно улыбнулся:

— Ваш сын, Тойли-ага, не слышал от меня ни одного громкого или грубого слова. Он сам был и ханом, и султаном. Так что я вины за собой не чувствую. Я очень и очень жалею о его уходе, нелегко будет найти такого главного инженера, как Аман.

— И от его ухода, и даже от вашего автопарк не развалится.

— По правде говоря, я не ожидал, что для вас это будет неожиданностью.

Тойли Мерген хмуро проговорил:

— Если бы я знал, то не стал бы вас беспокоить своими визитами. Куда же он ушел?

Хотя в кабинете было прохладно, на лбу у директора выступили капельки пота.

Увидев, что тот мешкает с ответом, Тойли Мерген явно забеспокоился.

— Я, кажется, у вас спрашиваю!

— Вообще-то краем уха я слышал, будто Аман устроился буфетчиком в новый ресторан, ну, в тот, что открылся на берегу реки.

У Тойли Мергена волосы на голове зашевелились.

— Что? Буфетчиком в ресторан? Не может этого быть!

— Сам-то я, правда, не ходил туда и не видел. Может, вовсе не туда он устроился. Точно не знаю, Тойли-ага.

Но Тойли Мерген уже не слышал его последних слов. Он даже не заметил, что вышел из кабинета, не попрощавшись с директором.

Да, от несимпатичного тебе человека убежать можно, но от истины не убежишь...

Увидеть своего сына-инженера, которым в душе гордишься, за буфетной стойкой, среди бутылок с разноцветными этикетками не так-то приятно. Тойли Мерген почувствовал, что ноги ему не подчиняются и он спотыкается на ровном полу.

Аман, не подозревая, что отец давно наблюдает за ним, весьма проворно разливал по стаканам напитки. Он ловко доставал из-под прилавка бутылки с пивом и выстраивал их на подносах. Официанты с заплывшими лицами и официантки с застывшими на губах улыбками, но с утомленно равнодушным взглядом поторапливали его: «Давай, Аман-джан, давай!» А один парень в пестром костюме, с бледным бескровным лицом и с длинными, падающими на плечи волосами терся грудью о буфетную стойку и бормотал:

— Она отвернулась от меня... Говорит, найдет получше, чем я... Пусть найдет, посмотрим... Сын переводчика Хай-дара не останется на этом свете холостым...

Аман спросил у него:

— Ты мне что-то хочешь сказать?

— Хочу и говорю: «Налей!» — Парень отшатнулся от

стойки и сразу же снова припал к ней грудью. — Аманджан, приятель, умоляю тебя, налей еще сто. Не жадничай. Я сегодня должен напиться, должен, понимаешь?

— По-моему, тебе уже хватит! Право же, достаточно, — пытался уговорить его Аман.

— Вот еще, стал бы я умолять тебя, если бы было достаточно. Да налей ты, ей-богу! Не на твои пью, а на свои...

Тойли Мерген не мог больше смотреть на своего вспотевшего от суеты сына. Он подошел к стойке, взял бутылку водки, которую Аман еще не откупорил, и сунул ее волосатому парню.

— На, держи, раз не можешь обойтись без этой отравы, пей! А что останется — вылей себе за шиворот!

— Слава аллаху! Не вывелись еще щедрые люди... — Волосатый прижал бутылку к груди и, покачиваясь, пошел к столику.

Тут только Аман увидел отца.

— Папа! Ты...

— Что все это значит? — Тойли Мерген обвел рукой зал. — Для этого ты столько лет учился? Почему ты ушел из автопарка?

— Захотелось, и ушел, — неуверенно заговорил Аман. — Надоело возиться в мазуте...

— Что, что? — Тойли Мерген свирепо сверкнул глазами на сына. — В селе — песок, пыль, в автопарке — мазут. Наконец-то нашел чистенькое местечко! Как же прикажешь тебя теперь называть, ведь не инженером же? Так, может, попросту дармоедом?

— Папа! — Аман тоже повысил голос. — Давай отложим этот разговор!

— Нет, не отложим! — процедил сквозь зубы Тойли Мерген. — И заблуждениям есть предел. Уму непостижимо, как ты мог такое натворить?!

— А что я такое сделал?

— Хватит, Аман! Не обманывай хоть самого себя. Ступай, к кому надо, и сейчас же сдай свой буфет. Я буду тебя ждать у дверей.

— Вчера начал работать, а сегодня сдавать...

— Можно сегодня начать и сегодня же отказаться! Я тороплюсь! — сказал Тойли Мерген и повернул к выходу. Но тут сбоку шевельнулась бархатная штора, и из-за нее выплыл солидный мужчина в сером костюме, золотозубый и седовласый.

Ашота Григорьевича Саркисяна — директора рестора-

на — многие называли «дядя Ашот», но Тойли Мерген неизменно величал его, своего старого знакомого и сверстника, «братом Ашотом».

Наверно, Ашот Григорьевич и вышел потому, что услышал голос Тойли Мергена.

Раскинув руки, он подошел к дорогому гостю и пожал ему руку.

— Рады видеть! Рады видеть! Проходи, Тойли. Я угощу тебя сегодня таким люля-кебабом, что всю жизнь помнить будешь его вкус! Есть и чудное винишко!

— Знаю, что и вина у тебя сладкие, и яства отменные. Только не сейчас, брат Ашот. Угостишь в следующий раз, — извинился Тойли Мерген и кивнул в сторону сына. — Я приехал за этим молодцом. И к тому же очень тороплюсь.

— Догадываюсь, зачем ты приехал, — сказал Ашот Григорьевич и отвел Тойли Мергена в сторону, чтобы не мешать официантам. — Знаю и то, что ты недолюбливаешь торговых работников, особенно таких, как я, которые всю жизнь мололи мясо на котлеты.

— Если, брат Ашот, я кое-кого и недолюбливаю, к тебе это никак не относится, ты всегда был мне по душе. Я съел у тебя много хлеба-соли. Но этот... — Он кивнул в сторону сына. — У него молоко еще на губах не обсохло, да и не сможет он стать таким, как ты! Не сможет!

— Почему? — возразил Ашот Григорьевич. — Твой сын получил высшее образование. Голова у него вроде бы на плечах. А опыт не сразу приходит, с ним не рождаются. Научим. Нам нужны умные, воспитанные люди, с образованием. Теперь и наш ресторан постепенно, как в Москве, Риге, Тбилиси, становится заведением культурного досуга, местом приятных бесед. Вот посмотришь, скоро и в наших ресторанах не то что шуметь или кричать будет неприлично, но погромче вилкой или ложкой стукнуть и то постесняются. Миновали времена жужжащих от мух харчевен, какие были в пору нашего детства.

— Знаю, что миновали. Знаю.

— Если знаешь, почему прибежал за сыном?

— Человек — не универсальный трактор, чтобы один день на нем пахать, другой день прицеплять к нему сеялку, а на третий косить траву. Человек учится, выбирает профессию, потом работает. И работу свою он должен любить. Если не ошибаюсь, это твои слова?

— Возможно. Какая же работа без любви. Это само собой разумеется.

— Хотя мой сын и стоит сейчас с бутылкой в руке, а сердце его — у руля хлопкоуборочной машины. И потому, брат Ашот...

— Ну, коли так, ты прав, Тойли! Я говорил или ты говорил, а профессию свою любить надо. Спецдежду сменить легко, а специальность?.. Тоже можно, но тяжело тому придется, кто на это пойдет... Так что, освобождать?

— Освобождай!

— А если не согласится?

— Освобождай, даже если не согласится.

Попрошавшись с Ашотом Григорьевичем, Тойли Мерген задержался на минутку возле сына.

— Буду ждать у тебя дома. Постарайся быть не позже пяти. У меня много дел.

XI

Отцу не пришлось шарить по карманам в поисках ключа, чтобы попасть в дом сына. Открытыми были и двери, и окна.

«Что бы это значило?» — подумал Тойли Мерген и на цыпочках вошел внутрь.

Тихонько пройдя по коридору, он заглянул в кухню, потом в комнату и застыл на месте, разинув рот от удивления. Высокая стройная девушка с густыми черными волосами, уложенными на затылке в большущий пучок, напевая какую-то песенку, ставила в вазу цветы. «Может, я ошибся и попал в чужой дом?» — заволновался Тойли Мерген. Он уже подался было назад, но девушка обернулась и приветливо, разве что чуть-чуть удивившись, сказала:

— Ах, Тойли-ага, куда же вы?.. Здравствуйте...

Она улыбнулась и, словно почувствовав себя виноватой за эту улыбку, покраснела.

Вместо того чтобы поздороваться, Тойли Мерген нахмурился, огляделся по сторонам и сердито спросил:

— Откуда вы меня знаете? И вообще куда я попал? Чей это дом?

Хотя Тойли Мерген вел себя по меньшей мере недружелюбно, девушка не растерялась:

— Как же я могла вас не узнать, когда помню вас с самого детства. И попали вы туда, куда хотели. И дом этот ваш, вашего сына Амана...

— Ничего не понимаю, — проговорил Тойли Мерген, не зная, что делать — то ли уйти, то ли остаться.

— А что же тут непонятного, Тойли-ага. Проходите, пожалуйста, садитесь.— Она отодвинула стул от стола и жестом пригласила Тойли Мергена. Ненадолго выбежав из комнаты, вернулась с чайником и пиалой. Все поставила перед гостем и сама села напротив него.

— Я ведь часто видела вас, Тойли-ага, когда была маленькой,— продолжала девушка прерванный разговор.— Если я вам скажу, кто мой отец, вы сразу вспомните меня. Я — Сульгун, дочь Дурды Салиха.

— А... Теперь узнал...— сказал Тойли Мерген и внимательно посмотрел на девушку. Да, он помнил ее покойного отца. Он был секретарем райкома.— Так ты, значит, та самая шалунишка Сульгун с черными кудряшками.

— Та самая,— улыбнулась девушка,— которой вы всегда приносили конфеты и еще дразнили: «Сульгушка, Сульгушка, проглотила смешинку!»

— Да, да, давно это было. А мама здорова?

— Спасибо, здорова.

Тойли Мерген не прикоснулся к чайнику, закурил и посмотрел на часы.

— Вы торопитесь, Тойли-ага? — глядя на озабоченное лицо гостя и чуть смущаясь, спросила Сульгун.— Я хотела поставить обед. У Амана должно быть и мясо, и сало.

— Спасибо. Я сыт! — неласково ответил Тойли Мерген.— Я ему сказал, чтобы он в пять был дома. А уже шестой час. Неужели Аман заставит меня ждать?

— Раз вы сказали в пять, значит, он сейчас придет.— Сульгун делала вид, что не замечает состояния Тойли Мергена, и изо всех сил старалась смягчить его.

А он все хмурился и прикуривал одну сигарету от другой. Девушка смотрела на него, окутанного дымом, и понимала, что он вот-вот спросит ее, почему, собственно, она хозяйничает в доме его неженатого сына.

Словно подслушав ее мысли, Тойли Мерген разогнал рукой дым, поднял голову и заговорил:

— Ну, мы с вами оказались старыми знакомыми... А давно ли вы знаете моего Амана?

— Давно, Тойли-ага,— спокойно сказала Сульгун.— От медицинского до сельскохозяйственного института — два шага. Все студенты, конечно, перезнакомились. Ну, а потом, когда кончили учиться, Аман отправился домой, а я приехала сюда, к маме. Остальное вы сами знаете.

— Я ничего не знаю! — возразил Тойли Мерген, раздавив сигарету в пепельнице.— Пусть только придет этот

сукин сын! Я ему... Нет, я не потерплю такого своеволия.

— Тойли-ага, о чем вы? — Сульгун покраснела, но говорила по-прежнему спокойно. — Аман хороший, умный парень, правда, немного вспыльчивый...

— Я вижу, какой он хороший!.. — произнес Тойли Мерген и отвернулся.

— Я ничего не хочу скрывать от вас, Тойли-ага, — с прежней мягкостью продолжала Сульгун. — Мы очень, очень дружны с Аманом. Мы любим друг друга. Наверно, вы и сами догадались об этом по тому, как я говорю о нем, и по тому, что не испугалась, когда вы пришли сюда. Но мы ведь не завтра собираемся пожениться, поэтому у нас есть время посоветоваться с родными. Я с мамой пока не говорила, хотя никогда ничего не делаю без ее согласия. Правда, мама давно догадывается о наших чувствах, но ни о чем меня не спрашивает, потому что верит мне...

— И я верил своему сыну, — опустил голову, проворчал Тойли Мерген. — А теперь вот понял — не справится нам с вами, молодыми.

— Почему же не справится? — чуть улынувшись, возразила гостю Сульгун. — Просто не надо рубить сплеча, надо постараться понять друг друга. Ваша молодость была гораздо труднее нашей. Но, простите меня, ведь это не значит, что мы должны слепо подчиняться воле родителей. Считаться с мнением старших, уважать их опыт мы, несомненно, должны, даже обязаны...

Тойли Мерген привык правду называть правдой, и если поначалу он пришел в ярость, когда увидел, что в доме его сына хозяйничает незнакомая девушка, то позже, наблюдая за Сульгун и слушая ее, он стал ловить себя на том, что перестает гневаться и начинает испытывать к ней чувство приязни. Вежливая, почтительная, но умеет постоять за себя.

— Ну что ж, Сульгун... — вздохнул Тойли Мерген и уже более ласково посмотрел на девушку. — Я был бы рад, чтобы мой сын рассуждал так же, как вы.

— Если так, то у меня к вам, Тойли-ага, есть просьба, — торопливо проговорила Сульгун. — Надо успеть, пока не вернулся Аман.

— Слушаю...

— Я пришла сюда сегодня, чтобы поговорить с Аманом. Но очень рада, что встретила вас. То, что Аман сначала уехал из колхоза, а теперь бросил работу и перешел

в ресторан... все это... вы понимаете, что я хочу сказать. Ну, ошибся человек, запутался... И надо ему помочь... Словом, у меня к вам просьба: вы ведь так любите сына, не оставляйте его здесь, увезите сегодня же, не откладывая, домой.

— Пойдет ли он?

— Если он уважает отца, то должен.

— Вообще говоря, я для этого и приехал.

— Вот и отлично. Пусть едет и не задерживается здесь ни на минуту! Нечего ему тут делать! — твердо заключила Сульгун и встала.

Ее последние слова особенно понравились Тойли Мергену. Поэтому, увидев, что девушка взялась за сумку, он спросил:

— Ну, а куда же вы сейчас? Помнится, вы что-то говорили про обед?

— Вы же сказали, что сыты, Тойли-ага. А теперь я не успею ничего приготовить. Через полчаса я должна быть в больнице. Сегодня у нас операционный день. Всего хорошего, до свидания, Тойли-ага. Простите, если чем-нибудь обидела вас... Я этого не хотела... — Сульгун глянула на часы и убежала.

Оставшись один, Тойли Мерген погрузился в размышления. Он думал о сыне, о Сульгун, о том, как посмотрит на все это жена, думал о себе. Но так ничего и не решив, впервые за долгий день улыбнулся.

Тут в дверях появился Аман. По тому, как он взмок, было видно, что парень бежал всю дорогу. Однако, не дав ему вытереть пот со лба, Тойли Мерген спросил:

— Ну что, освободился? Ты чего молчишь? Или выпил?

— Ах, настроение у меня было поганое, я и тяпнул перед уходом стопку.

— Ну, и как, поправилось настроение?

Аман промолчал.

— Сегодня перед уходом стопку, завтра перед приходом, а послезавтра в арыке тебя искать придется. Если из-за плохого настроения надо пить, то мне, пожалуй, следовало бы искупаться в водке. Сейчас меня одно интересует — освободился ты или нет?

Аман не спешил с ответом. Он ослабил узенький черный галстук, расстегнул пуговицу воротничка и только тогда хмуро проговорил:

— Сначала посмотрим, как сложатся твои дела.

— Пусть мои дела тебя не беспокоят. Ты лучше ска-

жи, почему ты ушел из автопарка? И не крути, говори честно!

— Не поладил с директором.

— А он другое говорит.

— Значит, ты и у него побывал?

— Пришлось. Ты же не счел нужным посоветоваться с отцом! Чего ты с ним не поделил?

— Ненавижу лживых людей. Я не знаю, что он тебе наболтал, но уверен, что ни одного слова правды. Я все-таки довольно долго терпел. А ты бы и дня не выдержал. Да и вообще надоело мотаться днем и ночью. А в результате что? Все равно спасибо не скажут.

— Что, что? Спасибо не скажут? Ты думаешь, что говоришь?

— Да, думаю!

— А по-моему, нет.

— Ну, ладно, папа, не делай вид, будто не понимаешь, о чем речь.

— Я никогда таких вещей не понимал и теперь не желаю понимать! Мои неприятностями ты пытаешься оправдать свой неразумный поступок. Это мальчишество! Мало того что ушел с работы, так ведь еще куда ушел. Будь, мол, что будет! Ну, на кого ты теперь сердись? На самого себя! Сын Тойли Мергена... Инженер... Ресторан... Буфетная стойка... Уму непостижимо! Верно в пословице говорится: «Рассердился на вошь, сжигай одеяло». А все эти разговорчики насчет того, что спасибо не скажут, ты оставь. Молодой парень, инженер. Стыдись, Аман!

— Передо мной пример. Я вижу, как тебя хорошо отблагодарили.

— Я уже сказал тебе, что запрещаю об этом рассуждать! Опустив голову, Аман взъерошил волосы.

— И не распускайся, а вставай и иди! — добавил отец. Аман поднял голову:

— Предположим, ты отвезешь меня в колхоз. А дальше что? Место инженера-механика давно занято.

— Так что же, по-твоему, и работы для тебя не найдется?

— Например?

— Увидишь, когда приедем.

Аман окинул взглядом комнату и снова спросил:

— А что будет с домом, если я уеду?

Тойли Мерген давно решил судьбу дома, поэтому ответил, не задумываясь:

— Это не твоя забота. Позвоним в городской Совет и скажем, что пусть распоряжаются домом по своему усмотрению.

Аман знал, что отец — человек твердого нрава, но добрый. Однако такая щедрость его просто огорошила.

— Это серьезно, папа? — растерянно спросил он. — Может, шутишь?

— Мне сейчас не до шуток! — рявкнул Тойли Мерген. — Вставай, поехали!

— Папа, дай мне подумать.

— Аман! Имей в виду: второй раз я говорить с тобой по этому поводу не буду, — непривычно тихо произнес Тойли Мерген и, не оборачиваясь, вышел.

XII

— Шекер! Моя Шекер!

Услышав властный голос мужа, Шекер торопливо вышла из кухни.

— Это ты, Каландар?

Ханов устало улыбнулся:

— А кто ж еще может быть?

— Да я просто так спросила... Давай шапку.

— Караджа пришел? — осведомился он и небрежно бросил жене шапку.

— Караджа? Племянник?

— Какой еще племянник, что ему здесь делать? Караджа Агаев! Ревизор!

— Ну, так бы и сказал — тот смешной человек... — Шекер улыбнулась, вспомнив Агаева. — Нет, не приходил. А ты что, просил его зайти?

— Да, условились, что он зайдет сразу после работы. Обед готов?

— Конечно.

— Привяжи своего пса. Как бы он не вскочил на плечи ревизору, как тогда, помнишь...

— Давай ремень.

— Постой, раньше сниму сапоги. — Ханов почему-то не заставил жену, как обычно, стягивать сапоги, а снял их сам и бросил возле кушетки. — Ты отнесла маме деньги?

— Отнести-то я отнесла, но... — женщина виновато опустила голову.

— Ну, что еще за «но»? Опять не повидала ее? Сунула деньги внуку и ушла?

— Так ведь твоей матери не было дома.

— Вот, ей-богу, Шекер, вечная твоя доверчивость. Сколько раз я тебя предупреждал: если матери нет, не оставляй мальчишке и ломаного гроша. Когда придет Агаев, поставь обед на стол, а сама не поленись, сходи еще раз. А то пожалуется кому-нибудь, вроде Карлыева, дескать, сын меня голодом морит. А что я смогу возразить?

— Если ты мне скажешь, чтобы я всю ночь напролет землю копала, я буду копать, Каландар, только не посылай меня больше туда! Каждый раз, когда я прихожу к этой несчастной женщине, я не знаю, куда глаза девать от стыда. Если ты и в самом деле хочешь помогать своей матери...

Но Ханов не дал жене договорить:

— Не ругай меня, моя Шекер! У меня и без того хватает забот. Не считаю себя ни в чем перед ней виноватым. Я ей говорил, чтобы сама приходила за деньгами, и ты это знаешь, а она не приходит. Как будто ее зять — какой-то счетовод — лучше меня. По правде говоря, я вообще ей не должен платить ни копейки. Так уж, по доброте душевной посылаю ей денюжат, только за то, что вскормила меня.

— Как нищенке, подавание даешь. И еще заставляешь, бедную, прикладывать палец к бумаге, чтобы было у тебя в случае чего доказательство... Лично я, Каландар...

— Ах, моя Шекер, тебе все равно этого не понять! Ты не знаешь, что это за люди. Ты думаешь, все такие доверчивые и честные, как ты? Нет, милая, от таких, как они, нужна расписка. Если не сама старуха, то ее обожаемый зятек пойдет жаловаться. Прошу тебя, Шекер, сходи еще разок. Чтобы потом не было...

Не успел Ханов договорить, как хлопнула калитка и послышался лай пятнистого пса.

— Шекер, милая, ну привяжи хотя бы свою собаку.

Каландар зашел в ванную, ополоснул лицо и руки и встретил улыбающегося Агаева.

— Заходи, Караджа, заходи! Есть разговор. — И Ханов повел гостя в столовую.

— Рад услужить, рад услужить, товарищ Ханов! — понимающе произнес Агаев.

— Пока что садись и выслушай меня. А потом скажешь, рад или не рад! — И хозяин, махнув ручищей, указал гостю на место за столом.

Оба сели. Помолчали. Агаев оглядел комнату. Да, ничего не скажешь, гарнитур у председателя исполкома не

то что у него. Правда, и должности их не сравнишь, так что и удивляться нечему. В прошлый раз, когда Караджа приходил сюда, примерно месяц назад, этой мебели не было. Может, спросить, где он приобрел гарнитур? Нет, неудобно задавать такие вопросы начальству.

— Красивая мебель, — только и сказал Агаев.

— А ты чего же не приобрел? Ишь какой беспомощный! — засмеялся Ханов. И вдруг совсем другим тоном добавил: — Меньше надо пить, тогда будет на что гарнитуры покупать!

— Святые слова! — растянув толстые губы, согласился Агаев. — Жена меня прямо замучила, купи, говорит, новую мебель, и все тут. А где ее взять, спрашивается? Постараемся, конечно, поищем пути. Может, и вы поможете...

— Чем же я могу тебе помочь? — удивился хозяин дома, уставившись в лицо собеседника. — Намного ли ты меньше меня получаешь?

— Разве дело в деньгах? Советом тоже помочь можно, товарищ Ханов!

— Это похвально, когда человек признает, что нуждается в совете! — важно изрек Каландар и поднялся. — Шекер! Моя Шекер! Поторопись с обедом!

Жена высунулась из двери кухни и крикнула:

— Заварю чай и все принесу.

— Неси обед. Потом чай. Ты не возражаешь, Караджа?

— Я — как хозяин скажет.

Безмолвно и ловко Шекер устала за пять минут разной снедью большой стол. Вился парок над миской с бульоном, аппетитно пофыркивал жир на сковороде с жареным мясом, прямо просились в рот жаренные джейраньи ребрышки. Зелеными и алыми горками возвышались на тарелках помидоры и огурцы, готовый брызнуть соком, искрился мургабский виноград. Занял свое место на столе армянский коньяк и рядом с ним — пузатенькая бутылка с коротким горлышком — кубинский ром.

Ханов с явным удовольствием оглядывал стол. Он любил хорошо поесть. А Караджа Агаев, как замороженный, уставился на бутылку с коротеньким горлышком. Он видел такую впервые.

— Из какой наливать? — спросил хозяин.

Агаев не сумел прочитать этикетку, но увидел градусы и молча ткнул пальцем в сторону кубинского рома.

Ханов наполнил рюмки, поднял свою и спросил:

— Ты знаешь, зачем я тебя пригласил?

— Знаю,— не отводя взгляда от рюмки, ответил Агаев и растянул губы.

Про Караджу нельзя было сказать, что он улыбается. У него именно растягивались губы, но в этом подобии улыбки глаза не участвовали. Возможно, так улыбаются хитрецы, а может быть, трусы или подхалимы.

Занятый своими мыслями, Ханов не стал раздумывать над этим.

— Откуда знаешь? — спросил он.

— Ну, знаю... — сказал Агаев и поставил на стол рюмку, боясь пролить драгоценную коричневую влагу. — Последнее время у нас только и разговоров, что про Тойли Мергена. На улицу выйдешь — про него. В чайхану зайдешь — снова про него. Если где-нибудь столкнутся два человека, и у них на языке Тойли Мерген. Может, вы его решили проверить, я так полагаю?

— Угадал! Все-таки ты парень с головой, Караджа!.. Ну, зачем поставил? Давай выпьем.

Раскрыв рот, напоминавший луку верблюжьего седла, Агаев опрокинул в глотку ром и, пошлепав губами, облизнулся.

— Если будет позволено, я выпью еще одну, — торопливо произнес он.

— Почему одну, можно и две, и три!

— Плохо, когда у человека большой рот. Никогда не знаешь, сколько пропустил — пятьдесят или сто, — совершенно серьезно заметил Агаев.

— Так, может, выпьешь из пиялы? — тоже без улыбки предложил хозяин. — Рома много.

— Ай, не беспокойтесь. Я и маленькой обойдусь.

И, опрокинув вторую рюмку, гость накинудся на еду. Он ел. Пил. Снова ел. Снова пил. И вскоре на его белесом лице, на морщинистой шее, даже у корней густых, с проседью волос заблестели капельки пота.

Обычно от обильной еды и крепких напитков Агаев становился добрее, мягче и настроение у него поднималось. Но сегодня было не так. Он сидел, уставившись в одну точку. Наконец пошевелил губами и, ничего не сказав, потянулся за сигаретами.

— Потом покуришь. Еще будет плов.

— Курево аппетита не испортит. Без плова я из-за стола не уйду... Только вот, товарищ Ханов, у меня к вам есть большая просьба... — опустив веки, сказал Агаев.

— Говори.

Караджа, пуская клубы дыма, шлепал губами, то ли подбирая слова, то ли не решаясь высказать свою просьбу.

— Не посылайте меня ревизовать Тойли Мергена,— заговорил он наконец.

— Это почему же?

— Во-первых, потому, что он мой знакомый. Близкий знакомый. Он сделал для меня много добра. Вы ведь знаете, что я был нелюдимым парнем.— Теперь уже трудно было остановить Агаева.— Если бы тогда Тойли Мерген чуть ли не силком не отправил меня на бухгалтерские курсы, я бы не стал ревизором и вообще бы ничего путного из меня не вышло. Короче говоря, и учиться меня заставил он, и он же первым предложил мне работу. По правде говоря, он сделал меня человеком. А теперь вдруг я поеду его ревизовать... Нет, нехорошо.

— Давай, Караджа, думать не о том, что было вчера, а о том, что будет завтра,— спокойно возразил Ханов. Было видно, что он готовился к этому разговору.— Ты лучше подумай-ка о своей нынешней должности!

— Ну, о чем говорить, за это я благодарен вам,— немного в нос, сразу потухшим голосом проговорил Агаев.— Всю жизнь буду помнить вашу доброту. Однако...

— Я не желаю знать твоих «однако»! — Ханов протянул руку за сигаретой.— Ты, может быть, думаешь, что я выдвинул тебя на эту должность за красивые глаза? Один скажет: «Не могу, это мой друг», другой скажет: «Мой родственник». Нет, так дело не пойдет. И воровство никогда не прекратится. Ты меня просто удивляешь, где твоя партийная совесть?

— Вообще-то, конечно...

— Ах, конечно!.. Значит, ревизовать Тойли Мергена поедешь именно ты. Он всего лишь твой знакомый, а коммунист обязан выполнять свой долг, если дело касается даже его родного брата.

— Все это верно, но я не допускаю, чтобы этот человек мог оказаться нечист на руку.

— Что? Вы только посмотрите на него! — Ханов выпучил глаза и откинулся на спинку стула.— Ты знаешь, за что был снят Тойли Мерген?

— Знаю. Слышал.

— Ну, раз слышал — запомни.— Ханов поднялся, навис над ревизором и повторил слова, которые говорил Карлыеву: — Среди почитателей семейственности честных людей не бывает. Вот съездишь и увидишь, что раскроется тысяча машина-

ций. На дом, который он купил для сына в городе, наплевать. Ты видел, в каком доме он теперь сам живет? Разрушил старый, построил новый.

— Не видел.

— Ах, не видел, так вот поезжай и посмотри! Не дом, а дворец! Пожалуй, дворцы древних падишахов были хуже. Начнешь именно с дома!.. Ты знаешь Дурды Кепбана?

— Знаю.

— Так ли, Караджа?

— Я работал с ним.

— Хоть и работал, а не знаешь! Ты сейчас скажешь, что Дурды Кепбан хороший человек, толковый работник. А ты не смотри на то, что он аккуратно одевается и строит из себя эдакого законника. Речи у него и правда сладкие. Но помни, что человек по имени Дурды Кепбан скрытен и хитер. Если не появится такой, как ты или я, и не схватит его покрепче за шиворот, он не даст каким-нибудь захудалым ревизоршкам поймать себя за хвост. Такой любому заткнет рот и сдунет со своего пути, как шерстинку. А он, между прочим, не просто друг или приятель Тойли Мергена, а единокровный родственник. Это благодаря ему Тойли Мерген стал Тойли Мергеном. Поэтому, Караджа, ехать придется тебе. Только тебе!

— Товарищ Ханов! — взмолился Агаев и опустил голову. — Мы сейчас сидим с вами за столом, едим, пьем, а ведь в таких случаях, как говорят туркмены, и клятвы и просьбы считаются священными. Поэтому...

— Не упрощай! Не люблю сюнтяев! — грубо оборвал его Ханов. — Может быть, тебе надоело работать? Так и скажи. Завтра же освободим!

Агаев, словно рыба на суше, только разинул рот. Слово «освободим» разом заставило его забыть о съеденном и выпитом.

От простого счетовода до нынешнего поста, как от неба до земли. Дом его стал теперь полной чашей. А кто ему помог? Каландар Ханов! Если бы не произнес тогда длинную речь, если бы не назвал первым в районе бухгалтером, решительным и правдивым человеком, то кто бы вспомнил про него, про Агаева? И вдруг такое ужасное слово: «освободим»...

Агаев вытер со лба пот и протянул руку к бутылке.

— Пей, пей! — покровительственно сказал Ханов. Он неторопливо поднялся и, посмотрев сбоку на сжавшегося, словно ежик, ревизора, направился к кухне. — Шекер, моя Шекер! Можешь убирать со стола.

— Ладно, товарищ Ханов! — Агаев встал и виновато улынулся. — Пусть будет по-вашему! Когда ехать?

— Чем раньше, тем лучше. Давай завтра.

— Завтра, пожалуй, не получится. Надо закончить кое-какие дела

— Дела бывают более важные и менее важные!

— Это верно, конечно, только ведь и подготовиться надо.

— Словом, даю тебе два дня! Ясно?

— Ясно.

Хозяин дома, сделав дело, поленился даже проводить гостя.

— Собака привязана, иди спокойно. И вообще заходи!

Ханов прилег на диван и, довольный собою, мысленно обратился к секретарю райкома:

«Давай, поддерживай преступника! Посмотрим, как долго ты еще будешь злорадствовать, товарищ Карлыев. Кто прав, кто неправ — покажут результаты ревизии!»

Шекер никогда не вмешивалась в дела мужа, но уж слишком часто сегодня повторялось имя Тойли Мергена, поэтому она спросила:

— Каландар, Тойли Мерген — это тот самый председатель, который в городе купил дом для сына?

Ханов не стал объяснять, что Тойли Мерген уже не председатель и вообще никто.

— Тойли Мерген много чего купил! — нехотя проговорил он.

— Откуда ты знаешь, что он покупает?

— Если бы не знал, не говорил бы, моя милая! — сказал Ханов, и неожиданно мысли его перенеслись к Алтын-джемал. — Чай готов?

— Стоит заваренный.

— Принеси. Выпью чайку и пойду пройду немного. Целый день просидел на работе, потом здесь с этим дураком, совсем разламывается поясница.

— Опять ты уходишь, опять я останусь одна...

— Ты, моя милая, уже должна была бы к этому привыкнуть. Муж у тебя человек ответственный. Немного поскучаешь, я скоро вернусь и развеселю тебя! — Он сделал какое-то игривое движение рукой и поцеловал жену в шею. — Да, кстати, ты так и не сходила к моей матери.

— Ах, Каландар, ну что ты за человек! Я ведь не могла уйти, пока сидел гость. Ты же каждую минуту мог что-нибудь попросить.

— Это верно, моя Шекер! — бросил Ханов и, отхлебнув из налитой Шекер пиалы, потянулся и встал. — Тогда ты сейчас сходи к ней. А я немного пройдуся.

«Прогулка» затянулась у Ханова на много часов. Он вернулся среди ночи. Шекер, даже не постелив постели, лежала, свернувшись клубочком и подложив под щеку ладонь.

— Шекер! Моя Шекер! — ласково окликнул жену Ханов. Шекер не спала, но не отозвалась.

ХІІІ

Тойли Мерген вернулся из города, когда уже стемнело. Акнабат по походке мужа поняла, в каком он настроении.

— Что ты такой хмурый? — чуть помешкав, спросила она. — Или напрасно съездил? Гайли не послушался тебя?

— Не послушался.

— А что он сказал?

— Что может сказать человек, проглотивший собственную совесть? Если хочешь, говорит, заставить людей собирать хлопок, начинай со своего сына.

— Но ведь и ты ему что-нибудь сказал? Хорошо еще, что прямо на базаре не схватил его за шиворот.

— Твоего братца не так-то легко схватить за шиворот. Как бы он меня самого не схватил. Ох, и горластый же он!

— Что же ты ему все-таки сказал?

— Ладно, ответил я, раз, говоришь, надо начинать с сына, с него и начнем.

— Значит, ты и Аманджана видел? — осторожно спросила жена.

— Да, и твоего Аманджана видел... — Тойли Мерген вздохнул и закурил.

— Почему же он с тобой не приехал? Или он тоже тебя не послушался? Ну говори же! — заторопила Акнабат мужа. — Чуть что, так ты сразу хватаешься за табак.

— Может, и есть у кого-нибудь сыновья, которые слушаются своих отцов, — покачав головой и пуская из ноздрей дым, проговорил Тойли. — Будь добра, принеси что-нибудь попить. Целый день болтался по городу, горло совсем пересохло.

Акнабат принесла чай.

— Послушай, Тойли, — пригорюнившись, сказала она и опустилась на ковер. — Ведь когда ты уезжал, я тебе говорила: помощи от нашего Гайли не жди. Так что тут удивляться нечему. Но что случилось с Аманджаном? Как это он не

послушался отца? Или он берет пример со своего разгильдяя-дяди?

— С кого он берет пример, я не знаю. И вообще не могу его понять...

— Что же это получается, Тойли: отец и сын перестают понимать друг друга? Может быть, мне ему позвонить?

— Незачем! Думаешь, меня не послушался, а тебя послушается? Как бы не так!

— Что же делать?

— Придумаем что-нибудь, — с уверенностью в голосе произнес Тойли Мерген. Он закурил новую сигарету и встал из-за стола. — Что-то я не напился. Может, еще один чайник заварить?

— Это проще простого.

— И с делами нашими трудностей не будет! — Тойли Мерген взялся за телефон. — Это ты, Шасолтан? Салам. Тойли Мерген говорит... Пока неважно... Да нет, мне падать духом никак нельзя. Но вот хлопок, тот, что вчера собрала бригада, все еще не вывезен. Что? Увезли? Ну, если увезли — ладно. Но заранее предупреждаю, что не буду больше сидеть и гадать, когда машины придут. Ты покрепче накажи своим механизаторам... Есть у меня к тебе просьба. Мне завтра к пяти утра нужны ненадолго два грузовика. Да, к пяти утра... Очень нужны... Для дела... Пусть, значит, в пять заедут к Нобату. Солнце еще не поднимется, как они вернутся... Да, кстати, Нобата возле тебя нету? Недавно ушел? Ну, тогда я сам его найду, не беспокойся. Да, да, этому парню работы хватает... И еще вот что, если я тебе не очень нужен, я дома посижу. Устал. Вымотался, объездил весь город. Только что приехал. Ну хорошо, всего.

Акнабат не поняла толком, о чем договорился муж с председателем. «Что он затеял? — подумала она. — Хорошо, если к добру». Вслух она спросила:

— Тойли, зачем в такую рань тебе понадобились машины, зачем беспокоить Нобата?

— А разве я тебе не говорил?

— А ты мне что-нибудь вообще говоришь?

— Раз не говорил, слушай: надо перевезти вещи Амана.

— Вещи? — Акнабат уставилась на мужа. — Ты хочешь вывезти все из дома и на дверях повесить замок?

— Был бы дом, а хозяин найдется.

— Ой, Тойли, я ничего не понимаю.

— Со временем поймешь.

— Куда же ты собрался? Я ведь чай заварила. Ты же сам просил!

— Приду и попою. Я только схожу предупредить Нобата.

Помощник бригадира Нобат осиротел во время войны. Он привык к труду с детства и, наверно, поэтому никогда не жаловался на усталость. Никто его не видел вялым или недовольным, он был жизнерадостным и веселым человеком. Теперь, когда ему уже перевалило за тридцать, он женился, и его молодая жена недавно вернулась из родительского дома. Издавна существует обычай — «кайтарма»: молодуху, после месячного пребывания в доме мужа, отправляют к ее родителям. Когда-то это было связано с уплатой калыма. А теперь — чтобы уважить старших, и молодые соглашались на недельку-другую расстаться.

Тойли Мергену неловко было, конечно, вторгаться в дом молодых, нарушать их покой, тем более что и дело-то у него такое... Как-никак, а в пять утра придется Нобату покинуть свою молодуху. Ничего не поделаешь. Надо.

Еще вот придется пройти мимо дома Гайли Кособокого. Ведь он с Нобатом по соседству живет. Да, соседи, хотя дружбы не водят.

Гайли недавно вернулся с базара и теперь, отшвырнув в сторону шапку, ужинал на открытой веранде. Уткнувшись носом в миску с едой, он ухитрялся зыркать по сторонам глазами. Увидев своего зятя, устало направлявшегося куда-то, Гайли вскочил.

— Тойли, куда это ты? — спросил он и вытянул свою жилистую шею. — Если хочешь поужинать, заходи. Хочешь промочить горло — и бутылка «Тербаша» найдется.

Тойли Мерген, не оглянувшись, прошел мимо.

— Вот ведь bestия, до сих пор злится! — проговорил ему вслед Кособокий.

Хотя на веранде Нобата горела лампа, в доме света не было.

Неужели улеглись спать?

Огромный пятнистый пес дремал, пристроив голову на пороге. Заслышав шаги, он нехотя зарычал, но, видно, узнав знакомого, тотчас смолк, поднялся и, виляя хвостом, посторонился, уступая дорогу гостю.

— Такие вот собаки поумнее, пожалуй, иных людей, — проворчал Тойли Мерген и, взойдя на веранду, постучал в дверь.

Никто не откликнулся.

Тойли Мерген подождал немного и только собрался

было еще разок постучаться, как в первой комнате загорелся свет.

— Кто там?

— Я! Твой бригадир.

— Вы, Тойли-ага? Сейчас открою.

— Или тебя враги одолевают, что ты с раннего вечера двери запираешь? — пошутил Тойли Мерген.

— Ай, Тойли-ага. Привычка у меня такая! И собаку вроде нет нужды держать, а держу, — уже открыв дверь, проговорил Нобат и вышел на веранду.

Плотный, смуглый, этакий крепыш в трусах предстал перед Тойли Мергеном.

Он осмотрел парня с ног до головы и, улыбнувшись, спросил:

— Уже улегся? А ведь еще и десяти нет.

— Чтобы встать пораньше, надо и лечь пораньше.

— Сам ложишься или укладывают?

Нобат засмеялся:

— И так бывает.

— Шутки шутками, Нобат, а есть у меня к тебе и дело. Кроме тебя, никого попросить не могу.

— Если у вас дело ко мне, считайте, что оно уже сделано, Тойли-ага.

— К пяти часам сюда подойдут две машины. Не посчитай за труд, поезжай в город к Аману. Забери все его вещи, решительно все. Ключи от дома на обратном пути завезешь в горсовет, отдашь секретарю. Он знает.

— И самого привезти? — Увидев, что бригадир молчит, Нобат продолжил: — Одна из наших хлопкоуборочных машин простаивает без водителя. Если бы за руль сел Аман, дела наши с хлопком сильно бы подвинулись.

— Об этом ты с ним поговори, Нобат, — печально сказал Тойли Мерген. — Отца он не послушался. Может быть, послушается товарища.

— Не знаю, правда или нет, но говорят, что будто Аман в ресторане работает? Что же это такое?

— И говорить об этом не хочу! — Тойли Мерген махнул рукой. — Пока что привези его пожитки, а дальше видно будет.

— Хорошо, Тойли-ага. Будет сделано.

— Эх, были бы все такие, как ты, — проговорил Тойли Мерген и ласково похлопал Нобата по голому плечу. — Как бы трудно тебе ни было, ты никогда не падаешь духом.

— Не особенно-то хвалите меня, Тойли-ага. Был бы я

таким, как вы говорите, наша бригада не плелась бы в хвосте.

— Говорю, как есть. Не ты виноват, что бригада отстает. Тут другие причины. Ладно, Нобат, не будем сейчас об этом. Мы еще с тобой покажем, на что мы способны. Ну, я пошел. Вот побеспокоил тебя... Иди отдыхай. Завтра рано вставать.

— Да если надо, я могу и не ложиться. Зайдите, Тойлиага, чаю попьем. А можем и по стопочке.

— Не сегодня, Нобат. Вот когда наладятся наши дела, мы с тобой сядем и выпьем,— с улыбкой сказал Тойли Мерген.— И потом, как бы твоя молодуха не заскучала без тебя. Доброй ночи!

— До чего же хороший человек! — глядя на удалявшегося Тойли Мергена, произнес Нобат.

Аман не послушался отца и смело, если не дерзко, разговаривал с ним. Однако, когда тот ушел, парню стало не по себе.

«Может быть, я не прав? Может быть, прав отец? — размышлял он, не находя себе места в своем просторном доме.— Нет, прав я. Отец не понимает, что сам он теперь никому не нужен. Иначе кто бы посмел послать его в ателье, кто бы посмел сделать его бригадиром? А он на все идет, не понимает, что только позорит себя. Но ведь объяснить ему ничего нельзя. И это больше всего меня тревожит. Что же делать? Так вот сидеть и бормотать себе под нос? Пожалуй, лучше всего в таком состоянии выпить».

Придя к такому решению, Аман выпил стопку, но опять затосковал и отправился в ресторан. Вернулся он ночью. Покачиваясь, подошел к дивану и улегся не раздеваясь.

Аман сладко похрапывал, когда в дверь постучали. Раз, другой. Ах, как ему не хотелось вставать! Но в дверь уже не стучали, а барабанили. Он нехотя поднял голову.

Неужели отец? Нет, отец теперь не придет. Обиделся.

Аман включил свет и посмотрел на часы. Кто же это в такую рань осмеливается беспокоить человека?

Всунув ноги в туфли и держась за голову, он подошел к дверям:

— Кто там?

— Я, Нобат.

Аман открыл дверь, потянулся, зевнул и только тогда спросил:

— Ты что так рано пожаловал, видно, не спится с молодой женой?

Кинув взгляд на недопитую бутылку коньяка, Нобат ответил с улыбкой:

— Соскучился, давно тебя не видел, дай, думаю, узнаю, как он там в городе живет.

— А попозже нельзя было?

— Попозже никак нельзя, надо собирать хлопок.

— Да, вы народ занятой.

— А что же ты думал?

— Я не шучу. Хорошо сделал, что приехал! Последнее время в этот дом что-то нечасто приезжают гости. Проходи, садись. Хлопнем по маленькой. Славный коньячок!

— Кто это пьет в такую рань?

— Кто хочет, тот и пьет! — сказал Аман, потирая лоб. — Я лично, если не опохмелюсь, и на ногах держаться не смогу. Голова разламывается.

— Отчего она у тебя разламывается? Много думаешь?

— Оттого, что пил весь вечер.

— Значит, веселился!

— Это ты, наверно, веселишься. А мне не до веселья, — ответил Аман, нарезаая колбасу. — Настроение у меня в последнее время прескверное. Если бы ты только знал, как я зол.

— На кого? На себя?

Аман с удивлением уставился на Нобата:

— Вы что, сговорились все, что ли?

— Кто все? Кого ты еще имеешь в виду?

Аман разлил коньяк по рюмкам и спросил:

— Ты приехал допрашивать меня?

— Нет, допрашивать тебя я не собираюсь.

— Тогда лучше выпей и поменьше говори.

— А что, если мы сначала дело сделаем, а потом выпьем?

Аман осторожно поставил на стол уже поднесенную ко рту рюмку.

— Какое еще дело? — насторожился он.

Нобат закурил, сел поудобнее и неторопливо заговорил:

— Я ведь, понимаешь, не один приехал. Я к тебе на двух машинах прикатил. А шоферы очень торопятся. Пока мы соберем и погрузим твои вещи, знаешь, сколько времени пройдет.

Аман изменился в лице:

— Что! Что ты несешь?

— А чего ты так удивляешься?

— Ты что же, грабить меня приехал?

Нобат не счел нужным ответить.

— Значит, я так понимаю: отец не отступится от меня, пока не добьется своего.

— А как же не добиваться, иначе дело не делается.

— Он думает таким манером дело сделать?

— Наверно, так.

— И ты так думаешь?

— И я так думаю.

— Смотрю я на вас и диву даюсь, до чего же вы в себя верите!

— Без веры в свои силы никак нельзя.

— К тому же все вы еще философами заделались.

— Да какая же это философия! — сказал Нобат и встал. — Аман, я очень тороплюсь. Посоветуй, что раньше грузить.

Аман выпил рюмку и молча улегся на диван.

— Аман, я жду.

— Оставь меня, Нобат. Я немного полежу, подумаю.

— Спокойно полежать не удастся. Мы же тебе мешать будем.

— Ты что, гонишь меня из собственного дома?

— Ну, почему же гоню... Может, поедешь к отцу, там полежишь, подумаешь...

— Что? — Аман поднял голову. — Есть и такой приказ?

— Приказа такого нет. Это зависит только от тебя, от твоей совести, — ответил Нобат и обратился к двум парням, которые уже стояли в дверях, засучив рукава. — Начинайте.

Ох, и здоровенные же это были детины. Они так быстро очистили квартиру Амана, что этого времени едва хватило бы на то, чтобы хорошенько чаю напиться.

— Что теперь будем грузить?

— Теперь? — Нобат на секунду замешкался, а потом кивнул на диван. — Теперь тащите это! — Заметив, что парни медлят, он повторил: — Несите, несите!

Только тут Аман поднялся, и ребята, схватившись за диван, вынесли его во двор.

— Поставьте вот здесь! — Нобат показал на цементную площадку, обсаженную розами, и закурил. Аман вышел из дома и молча опустился на диван. Нобат сел рядом с ним.

— Ну, подумал? — спросил он.

— Дай-ка мне сигарету, — вместо ответа попросил Аман.

— Покурить можно было бы и в дороге, — сказал Нобат, протягивая сигареты.

— Да не торопи ты меня! — уставившись в одну точку, огрызнулся Аман.

— Ну как же мне тебя не торопить? И у меня, и у этих парней каждая минута на счету. И потом, вот что я тебе скажу, Аман: делай как знаешь, мы тебя умолять не станем.

Аман со злостью отбросил в сторону сигарету и, встряхнувшись, поднялся:

— Ты чего так кричишь? А ну, убирайся отсюда!

— Мне убраться легче легкого, — произнес Нобат и вплотную придвинулся к Амону. — Только помни, ты пожалеешь, если не послушаешься Тойли Мергена. Потом спохватишься, да поздно будет. — Нобат направился к машинам и обрушился на парней: — А вы что стоите разинув рты? Тащите диван!

— Стой! — Аман шагнул к товарищу. — Стой!

— Мне некогда стоять. Если хочешь ехать, залезай в машину. Не хочешь — бог с тобой! Поехали, ребята!

— Тебе ведь говорят, подожди!

— Ну, жду, что скажешь?

Аман, ни слова не говоря, зашел в дом, пробыл там от силы минуты две и, выйдя, запер дверь. Потом приглушенным голосом спросил:

— Что делать с ключами? Или их тоже бросить в машину?

— Вот теперь ты немного начинаешь смахивать на сына Тойли Мергена.

— Что?

— Да ничего. Давай ключи сюда. Сейчас мы отвезем их новому хозяину.

Машины остановились у горсовета. Нобат на минуту забежал туда, и они двинулись дальше.

Когда Нобат привез Амана со всеми пожитками, Тойли Мерген как раз вышел из дома, собираясь в поле.

— Мы приехали, Тойли-ага! — выпрыгнув из кабины передней машины, громко сказал Нобат и подмигнул, кивнув на вторую машину.

— Вижу! — глухо проговорил Тойли Мерген и бросил хмурый взгляд на сына. — Приехал?

— Приехал.

— Пошли, коли приехал!

Тойли Мерген не дал сыну зайти в дом и поздороваться с матерью, а сразу повел его на полевой стан.

За сутки все тут изменилось. Значит, разговор пошел на пользу. Хлопок вывезли, и парни уже не прохлаждались

возле хармана, как вчера. Вместо них работали молодые женщины.

Окинув стан хозяйским глазом, бригадир продолжал свой путь. Под большим черным казаном полыхает огонь. Но почему же у очага никого нет? Неужели хитрый усач, увидев бригадира, спрятался?

— Повар! — позвал Тойли Мерген.

— Повар здесь, сынок... — отозвалась старая Боссан. Она вышла из помещения, волоча половину бараньей туши.

— А где Акы?

— Мой сынок? — Старуха заморгала подслеповатыми глазами, подошла поближе к бригадиру, заискивающе поглядывая на него, и только тогда ответила: — А он сегодня на хлопке, Тойлиджан! Ты ему хотел что-нибудь наказать?

— Ну, раз на хлопке, пусть не крутит усами, а собирает побольше. Вот и все, что я хотел ему наказать!

— Соберет, соберет! У него и дела другого нет. Еще как соберет! — Старуха подошла к очагу, не переставая бормотать: — Может, кому и надо повторять приказание, но сын старой Боссан не заставит тебя, Тойлиджан, дважды повторять ему одно и то же...

Аман тем временем ходил следом за отцом, не произнося ни слова.

— Ты чего за мной увязался, точно хвост, — не выдержал Тойли Мерген. — Вот твоя машина, ступай и занимайся своим делом! И учти, твоя дневная норма — десять тонн!

— Не знаю, удастся ли собрать столько, — проговорил Аман.

— Собери сколько сумеешь, хоть грамм, но собери!

— Папа, по-твоему, я для этого учился пять лет?

— Что ты хочешь этим сказать? Что ты учился для того, чтобы люди водили машины под твоим началом?

— Да, именно. Хочу тебе напомнить, что я инженер.

— Я никогда ничего не забываю, Аман! Не надо было болтаться целый год в городе! Остался бы ты тогда здесь, пожалуй, и правда руководил теми, кто водит машины.

— Я уехал с твоего разрешения.

— Будь у меня умный сын, он бы не уехал! А сейчас мне нужен водитель. Водитель! Понял? В колхозе, слава богу, и без тебя командиров и советчиков хватает. Хлопок осыпается, пропадает народное добро. Вот о чем надо думать.

Одна из двух хлопкоуборочных машин стояла в поле с тех пор, как ее пригнали с завода. Вторая, пофыркивая мотором, готовилась двинуться в путь. Ею управляла юная

Язбиби, всего лишь в прошлом году окончившая десятилетку и двухмесячные курсы водителей.

Язбиби высунулась из кабины, увидев бригадира с сыном.

— Салам алейкум, Тойли-ага! — крикнула она, сделав вид, что не замечает Амана.

Тойли Мерген оглядел до блеска вымытую машину и приветливо заговорил с девушкой:

— Как поживаешь, дочка? Норму-то выполняешь?

— С нормой — порядок, Тойли-ага, только обидно, что вон та машина стоит без дела. Если некого посадить за баранку, значит, она здесь не нужна. Отдайте ее тем, у кого она не будет простаивать.

— И у нас не будет. Вот водитель пришел, дочка, — сказал Тойли Мерген и повернулся к Аману. — Ты кого ждешь? Садись!

— Значит, так?

— Да, так!

Считая, что вопрос с сыном решен, Тойли Мерген повернул назад.

Увидев, как неохотно Аман залезает в кабину, Язбиби усмехнулась. «Так и надо ему, маменькиному сынку», — подумала она.

От Амана не скрылась усмешка девушки. Мало того что смеется над ним, не удосужилась даже поздороваться.

— Мы разве незнакомы, Язбиби? — спросил Аман, повернув голову к девушке. — Что, даже «здрассте» пожалела для меня?

— И у тебя не отвалился бы язык, если бы ты первый поздоровался, — нисколько не смущаясь, сказала Язбиби. — Тем более что мужчине положено первому приветствовать особ женского пола.

XIV

Тойли Мерген возвращался к харману с легким сердцем. Сына он все-таки направил на путь истинный. Что, интересно, теперь скажет Гайли да и другие родственнички, отлынивающие от работы.

Женщины, сидевшие в тени под навесом в ожидании хлопка, поднялись, увидев бригадира.

— Сидите, сидите! — сказал, приостанавливаясь, Тойли Мерген.

Женщины не сели. А одна шустрая молодуха даже выдвинулась вперед и, прикрывая рукой лицо, проговорила:

— Тойли-ага, вас надо было давно назначить бригадиром! Все сразу из домов повылезали.

— И не стыдно тебе так разговаривать с почтенным человеком, который тебе в отцы годится? — вставила другая, толкнув первую в плечо.

— А чего ей стыдиться? — улыбнулся Тойли Мерген. — Аннагуль верно говорит. Пожалуй, и поточнее можно сказать: надо было Тойли Мергена давно освободить от должности председателя... Да, кстати, красавицы, сколько вас тут? Не тяжело ли приходится?

— Нет, Тойли-ага. Наши мужчины знали, оказывается, местечко, где можно лежать и брюхо набивать, — вылезла опять Аннагуль. — Нисколько нам не тяжело, хотя нас здесь четверо, а должно было прийти пять человек, но пятая... — Аннагуль умолкла, опустив голову.

— А где пятая?

— Нам неловко про это говорить, Тойли-ага.

— Неловко? Даже если меня касается, не стесняйтесь, говорите прямо!

— Да не в том дело, — сказала Аннагуль, и щеки у нее сделались такими же пунцовыми, как шерстяной платок, которым она повязала голову. — Когда всюду полно докторов, наша бездетная отправилась к мулле. Говорят, свекровь своим ворчанием совсем довела беднягу. — Женщина махнула рукой в сторону старой Боссан. — Будто она сказала невестке: перестань, мол, носиться, как яловая коза, ступай и поклонись Артык-шиху, пусть он заговорит тебя, пусть разотрет твои никудышные жилы.

— А что же ее муженек? — шепотом включилась в разговор третья молодуха. — Неужели он, да сгинут у него усы, не может прикрикнуть на свою мать?

— Я уверена, что Акы об этом ничего не знает, — заверила подругу Аннагуль. — Ведь он — парень совестливый.

Тойли Мерген уже не слышал конца разговора. Когда слуха его коснулось имя Артык-шиха, известного лжеца и пройдохи, у него сжались кулаки.

Артык-ших уже седьмой год вдовствовал. Человек он был еще крепкий, ему недавно перевалило за пятьдесят. Но о женитьбе не помышлял, так и жил бобылем. Поздно, говорит, заводить семью. Годы не те.

Был он когда-то учителем, правда, недолго, но неуживчивый характер гнал его с места на место. Любую работу он считал трудной и бросал ее, ссылаясь при этом на плохое здоровье.

В конце концов ему надоело скитаться, и он решил припасть к плечу Тойли Мергена — как-никак, а племянник не обидит. Словом, вернувшись в свой аул, он рассчитывал на легкую жизнь.

Тойли Мерген хорошо знал повадки своего родственника и не стал, как тот рассчитывал, подыскивать ему подходящую должность, а сунул в руки лопату: мол, хочешь работать — работай, тогда примем в колхоз.

Такого поворота дела Артык-ших не ожидал. Затаив обиду, он ходил поливать хлопчатник, стараясь, впрочем, не утруждать себя. Случалось, он по нескольку дней не появлялся в поле. На вопрос соседей, что с ним, не нужно ли ему помочь, Артык-ших отвечал, что никто ему не поможет, если он сам себе не поможет. При этом он поднимал глаза к небу и бормотал что-то себе под нос, обволакивая свою персону таинственностью. Он перестал бриться, все чаще не выходил на работу, не вступал ни в какие разговоры, в дом к себе никого не впускал, запираясь изнутри, а на вопрошающие взгляды отвечал: «Не мешайте, я занят божественными делами».

Люди переглядывались, но помалкивали — все-таки родственник председателя и как-никак в прошлом учитель. Пусть Тойли Мерген сам с ним разбирается, тем более что в колхоз его не принимали.

Не так давно Кособокий Гайли, встретив Артык-шиха возле своего дома, пригласил его к себе.

— Бывало, ты ко мне навевался, — заговорил он. — А теперь отпустил бороду до пояса и, видно, зазнался. Уж больно чудно ты себя ведешь. Не иначе как злой дух коснулся твоего плеча.

Кособокий явно посмеивался над своим гостем, хотя и поставил перед ним чай и чурек.

— Чем смеяться над моей бородой, посмотри лучше на свой чай, негодник! — сказал Артык-ших и выплеснул пиалу чая за порог.

— А что ты там увидел?

— Если ты не ослеп, то и сам увидишь! — Артык-ших взял пиалу из рук Гайли Кособокого и поставил ее перед собой. — Посмотри, что в чае плавает?

— Ничего не вижу, кроме двух чаинок, Артык-бек!

— Как следует смотри, как следует!

Гайли еще раз посмотрел, но ничего, кроме чаинок, так и не увидел.

— Артык-бек, ты, ей-богу, малость тронулся. Я это

давно заметил. И бороду отпустил, и бормочешь что-то, и из дому неделями не выходишь... А что, если мы отвезем тебя в город и покажем доктору? Есть такие специальные доктора...

— Умолкни! — отрезал тот и тыльной стороной ладони хлопнул Кособокого по груди. — Если ты это вынешь, — ткнул он пальцем в пиялу, — тебе самому придется ехать в сумасшедший дом. В твоём чае плавают испражнения! Испражнения четырехногого зверя!

— Ай, перестань ты, ей-богу!

Решив, что Артык-ших и правда с ума спятил, Гайли собрался было звать на помощь, но тот, словно почувствовав намерения хозяина, неторопливо поднялся.

— Если не веришь, пей! — сказал он и ушел.

Несмотря на то что Кособокий Гайли не любил лишать себя удовольствия, а потому сначала украдкой, а потом и в открытую пил вино и водку, он все-таки верил во всемогущество бога. Поведение Артыка сначала удивило его, а когда тот ушел, отказавшись не только от чая, но и от свежего золотистого чурека, Гайли призадумался. Это обстоятельство почему-то затронуло его религиозную жилку. И хотя ему очень хотелось глотнуть крепкого зеленого чая, но слово «испражнение» заставило его отказаться от своего желания. Он выскочил из дома, подбежал к колодцу, откинул крышку и заглянул внутрь...

В прозрачной, словно глаз журавля, воде плавала вздувшаяся дохлая кошка.

Кособокий Гайли не знал, конечно, что над этой проделкой Артык-ших размышлял целый месяц, а вчера вечером, после того как улеглись люди, заснули собаки и птицы, он своими руками бросил кошку в колодец Кособокого. Вместо того чтобы извлечь падаль, Гайли, точно полоумный, выскочил на улицу и заорал во все горло:

— Люди! В нашем селе чудо объявилось! Чудо!

Кособокий бежал к Артык-шиху, чтобы упасть перед ним на колени и просить у него прощения за грубость. Подумать только, он назвал святого сумасшедшим!

Артык-ших не внял его мольбам о прощении, не оценил его раскаяния, а, напротив, заорал на него:

— Чего галдишь? Заткнись! О таких вещах не шумят на весь свет. Крепко держи язык за зубами!

Артык-ших прекрасно понимал, что теперь, когда он приказал Кособокому молчать, тот не пожалеет глотки и ног не пожалеет, чтобы разнести по всей округе весть о

новоявленном святом. Сказать Кособокому — молчи, все равно что сказать рассвету — не приходи или солнцу — не заходи.

Так все и случилось, как и предполагал пройдоха Артык-ших.

Уже наутро к нему появился молодой чабан из соседнего селения.

— Артык-ага, отец молит, чтобы вы пришли, — жалобно попросил он.

— Зачем я твоему отцу?

— Очень болен, уже месяц не может подняться. А со вчерашнего дня ему совсем плохо.

— Если болеет, если плохо, пусть идет к доктору.

— Мы уже в город ездили, у каких только врачей не побывали.

Артык-ших дал себя уговорить. Он осмотрел умирающего восьмидесятилетнего старика и покачал головой.

Сын разволновался.

— Артык-ака, — спросил он, — есть ли какая-нибудь надежда?

Будь Артык-ших честным человеком, он бы не стал в такой горестный для семьи час пускаться на новые хитрости и сказал бы правду. Но ему было важно, чтобы не умолкала молва о его святости, поэтому он заговорил так:

— Сейчас, голубчик, я не могу сказать тебе ничего определенного. А вот приду домой, посмотрю в пиалу с водой и увижу истину.

И пошел молодой чабан провожать святого человека.

Долго сидел Артык-ших над пиалой и наконец дал ответ:

— Ты не обижайся на меня, голубчик. Мой долг — говорить как перед богом. Что увидел, то и скажу. Надо готовиться к поминкам. Твой отец отдаст богу душу или сегодня в полночь, когда выходит на прогулку пророк Хыдыр, или на рассвете, в пору, когда гуляют ангелы.

Старик отдал богу душу, не дождавшись рассвета.

И пошли из села в село толки о священной пиале Артык-шиха.

Начиная с того дня, Артык-шиху не нужно было заботиться о хлебе насущном. Об этом заботились, как ни прискорбно в этом признаться, отсталые, удрученные тяжкими недугами близких люди.

Тень дармоеда не показывалась там, где раздавался смех по случаю рождения или свадьбы. Но зато если в доме

дились слезы или предстояли поминки, какими легкими у него становились ноги! Не помня ни одной строки из Корана, он давал убитым горем людям какие-то амулеты и никому не понятную дребедень, требуя за это мзду.

Взмокший от быстрой ходьбы Тойли Мерген и не подумал кликнуть хозяина дома. Ударом сапога он сорвал дверь с петель и ступил в полный мрак. Ничего, он все равно разыщет этого негодяя, поймает его на месте преступления. В противном случае тот сумеет вывернуться.

Не задерживаясь в передней, где было свалено разное старье и стояли ведра, Тойли Мерген ворвался в комнату, содрал с маленького окошка старое одеяло и на какое-то время замер на месте.

Да, дела... Не зря толковали молодухи. Тойли не поверил своим глазам.

У левой стены, прямо на полу, сидела, сжавшись, словно попавшая в сети птица, молодая женщина. От стыда она закрыла руками лицо и плакала навзрыд. Над ней возвышался Артык-ших. Застигнутый врасплох, он стоял, не успев даже продеть руки в рукава халата. Борода у него тряслась, и он тупо озибался по сторонам.

Словом, этот негодяй предстал перед Тойли Мергеном совсем не в том виде, в каком показывался на людях. Обычно он ходил в стеганом халате, а не в этой пестрой тряпке, накинутой на плечи, и в солидной папахе, а не с голой головой.

Судя по всему, перед самым приходом Тойли Мергена между молодухой и «святым человеком» шла настоящая борьба. Возле дверей валялась его белоснежная чалма. Словно просо, насыпанное курам, раскатились по всему полу бусинки его арабских четок, с которыми он не расставался ни днем ни ночью.

Тойли Мерген схватил за бороду Артык-шиха и вытянул его на середину комнаты.

— Когда ты прекратишь свои грязные дела? — кричал он Артыку в лицо, не отпуская его бороды. — Я тебя, негодяя, не раз предупреждал. Что бы ты сказал, если бы вместо меня явился муж этой женщины? Что бы ты ему ответил? Вот возьми и отведу вас обоих к нему.

От страха и от боли Артык-ших закатил глаза и брякнулся на колени. Клок его бороды остался в руке Тойли Мергена.

— Тойлиджан! Да буду я твоей жертвой! Убей меня,

только не позорь эту невинную женщину! Если ты теперь увидишь меня в этих краях, не быть мне сыном своего отца! Клянусь богом!

— Кто поверит твоим клятвам? Ты последний негодяй, проглотивший собственную совесть!

А бедная женщина, к которой неожиданно-негаданно подоспела помощь, почувствовала, будто вырвалась из пасти дракона. Не замечая, что платье у нее на груди разорвано, она подняла с пола свой черный цветастый платок, вытерла слезы и прошмыгнула в дверь.

Артык-ших, увидев половину своей бороды в кулаке Тойли Мергена, застонал.

— Чего вопишь? Грешить не боишься, а наказания испугался! — Только сейчас Тойли Мерген заметил, что у него в руке. Он брезгливо сплюнул и с отвращением выбросил эти жирные волосы. — Ну, чего съезжился, поднимайся, прохвост, чего руками размахиваешь, — не унимался Тойли Мерген. — Я бы мог из тебя кишки выпустить, да не желаю мараться. Если сегодня же ты посреди села не сожжешь эту мерзкую чалму и ненавистный халат и не поклянешься перед всем народом, что покончишь со своими гнусностями, тогда узнаешь, на что способен Тойли Мерген, тогда поймешь, что значит быть опозоренным. А сейчас отправляйся на хлопок! Хватит даром хлеб есть! И твоя дневная норма — сто килограммов! Ни грамма меньше!

От срама и отвращения Тойли Мергена мутило. Уже придя домой, он никак не мог успокоиться и даже не ответил на слова Акнабат.

— Все воюешь со своим дядей? — удивлялась она. — Зачем ты только связываешься с этим ворюгой! Я так даже опасаюсь его. Не посылай ты его на хлопок. Толку от него все равно не будет. Имени этого подлеца я не хочу слышать в своем доме.

Тойли Мерген молчал. Возможно, он винил себя в том, что не сумел остановить Артык-шиха вовремя, когда тот только ступил на кривую дорожку.

Акнабат, увидев, что муж снова куда-то собрался, забеспокоилась:

— Что же это — и чаю не попил, и не пообедал?

— Будут спрашивать, скажешь, что поехал на бахчу.

— Зачем? Арбузов или дынь тебе не хватает? Вон сколько у нас — есть некому.

— Привезу твоих зятьков. Сам их туда отправил, сам и верну.

— Почему же ты должен ехать? Разве нельзя послать кого-нибудь помоложе, ну, того же Нобата?

— Нобат нужен здесь. И потом, я сам хочу посмотреть на их лица, когда они узнают, что снимаю их с бахчевых и посылаю на хлопок.

— А какая им разница — что там, что здесь.

— Разница большая. Там можно спокойно лежать и посасывать сладкую дыню. А здесь придется работать до боли в пояснице.

— Тут уж ты перехватил, им лежать некогда, — сказала Акнабат и следом за мужем вышла во двор.

— Ладно, ладно, зря не обижу.

— Уж больно ты, отец, подозрительный стал. — Она покачала головой и показала рукой на вещи, привезенные Нобатом из города и сложенные под виноградной беседкой. — Надо убрать, а то пропылится все, и дождь может пойти.

Тойли Мерген глянул на солнце, клонящееся к западу, и вывел машину из гаража:

— Уберешь вместе с сыном.

— Ты мне и сына сегодня не показал, — проворчала Акнабат.

— Теперь твой сын всегда будет при тебе. Сиди и гляди, сколько душе угодно!

Тойли Мерген уехал, а жена, прикусив кончик платка, смотрела вслед удаляющейся машине.

— Молодец он у меня, ничего не скажешь! — с гордостью проговорила она.

Вечером, вернувшись с работы, Аман обнял мать и удивился, узнав, что отца нет дома.

— А он на бахчу поехал, сынок, — ответила Акнабат.

— Зачем ему сдались арбузы и дыни?

— Хочет привезти мужей твоих сестер. Говорит, сам их отправил, сам и верну.

— Да, отец не на шутку рассвирепел, крепко он за родственников взялся.

— Что же поделаешь, родственники всякие бывают, Аманджан, — вздохнула Акнабат и пустилась философствовать. — Если, скажем, некоторые стараются, из кожи вон лезут, чтобы помочь тебе не уронить твой авторитет, то другие тоже стараются — только в другую сторону, хотят извлечь выгоду из родства, из чужого авторитета. Что же после этого делать твоему отцу? Хочешь — не хочешь, а рассвирепеешь.

— Хорошо, если это поможет, поглядим, каков будет результат.

— Ай, о чем ты говоришь! Сколько хлопка ты сегодня собрал на своей машине?

— Отвык я от физической работы... А то бы...

— А все-таки?

— Пожалуй, около шести тонн.

— Вот тебе и результат!

— Это верно, мама.

— Если верно, на, покроши чурек. Я залью бульоном.

Аман даже не заметил, как съел миску шурпы. Вот что значит весь день проработать на свежем воздухе и, можно сказать, впервые в жизни вернуться домой с хорошо пропотевшей спиной.

— Посмотреть на тебя, так скажешь, что вкуснее материнской шурпы и нет ничего на свете. А, сынок? — сказала обрадованная мать, глядя, с каким аппетитом ел ее привередливый сын, и придвинула поближе к нему чайник. — Вот что я скажу тебе, сынок. Если ты окончательно вернулся в отчий дом, то и комнаты этого дома не должны пустовать.

Акнабат считала, видно, неудобным прямо говорить с Аманом о женитьбе, поэтому она так издалека начала.

— А у нас в ауле, не сглазить бы, теперь много хорошеньких девушек, — набравшись мужества, продолжала она.

— Например? — осведомился Аман, решив обратиться серьезный разговор в шутку.

— Например, Джерен, дочь Ораза Кара. Или Гозель, дочь Эсена Сары. Или Язбиби, дочь Илли Неуклюжего.

Мать еще долго могла бы перечислять сельских девушек, если бы Аман со смехом не спросил:

— И кого-нибудь из них ты уже выбрала?

— Конечно! — охотно отозвалась та. — Лично я, сынок, выбрала бы Язбиби. Ни в Гараяпе, ни в Акъяпе нет красивее девушки. К тому же она обходительная и трудолюбивая. Язбиби будет такой же, как ее мать. И отец ее, Илли, хоть и неуклюж немного, но человек он уважаемый, про него не скажешь, что с ним не считаются. И братья у нее хорошие. Работающие парни.

— Ты, мама, до небес расхвалила девушку. Только скажи мне, выбор-то этот при себе держишь или уже и словечко замолвила?

— А чего мне таиться, конечно, замолвила.

— Ну, и что тебе сказали? Приходите, будем рады?
— Что же они еще могут сказать?
— Интересно, а что говорит сама девушка?
— Девушку никто и спрашивать не станет.
— Как же так? По-моему, прежде всего надо узнать, что на душе у девушки.

— Что на душе у девушки, спрашивают... ну, как бы тебе это сказать? Скажу, как есть — ты уже, слава богу, взрослый, давно борода растет. Девушку спрашивают после того, как она залезет к мужу под одеяло.

— Нет, мама.

— Да, сынок. Так было у наших предков, так будет всегда!

— Нехорошо, мама, что так говорит жена Тойли Мергена.

— Жена Тойли Мергена — тоже женщина, сынок.

— Мне ты высказала свои мысли — и ладно. Но нигде больше не говори ничего подобного. Людей удивишь. Это во-первых. А во-вторых, спрашивать надо не только у девушки, но и у парня. Придется узнать и у него, любит ли он девушку, хочет ли он на ней жениться.

— Даже если ты обойдешь весь Мургаб, не думаю, что найдешь лучше невесту, чем Язбиби. Поэтому, сынок, я и не стала советоваться с тобой, а решила тебя посватать.

— Плохо сделала, мама.

— Да что ты в самом деле? Что же тут плохого?

— Я сегодня видел Язбиби, она в мою сторону и глядеть не хотела. Может быть, именно потому, что ты ходила к ее родителям, она и разобиделась на меня?

— Подумаешь, гордячка какая! — рассердилась Акнабат. — Должна бы радоваться, если ее за моего сына сватают! Чего ей еще надо?

— И опять ты, мама, не права. Откуда ты знаешь, может быть, Язбиби любит кого-нибудь.

Мать возмутилась и выложила все, что было у нее на сердце:

— Ни один парень не может сравниться с моим сыном!

— Это в твоих глазах, мама, лучше меня никого на свете нет, — попытался возразить Аман. — А в глазах Язбиби, возможно, я хуже всех.

— Ай, перестань, сынок! — Акнабат со злости выплеснула на пол остатки чая из пиалы.

— Что ты делаешь, мама, при чем тут пол? Он не виноват.

Не слушая сына, Акнабат продолжала:

— Желаете ты или не желаете, а я женю тебя нынешней осенью! Так вот болтаться больше не будешь. И реши-ла я взять себе в снохи Язбиби.

— Давай, мама, договоримся, — не сумев сдержать улыбки, вставил Аман. — Если ты мне дашь немного времени, я избавлю тебя от всех хлопот.

— Свадьба — не хлопоты, сынок. Свадьба — радость.

— Я о теперешних твоих хлопотах говорю.

— А? — Мать только сейчас поняла, что имеет в виду Аман. — Ты о чем толкуешь, ты что же это, и невесту уже себе подыскал? Что за девушка? Чья дочь?

— Папа тебе ничего не говорил?

— Твой папа скажет! Разве ему до разговоров со мной? Воевать с Артыком и Гайли Кособоким он время найдет, а подумать о собственном сыне некогда. Ну-ка, выкладывай все как есть. Чья дочь? Откуда родом?

Аман ответил не сразу. Он хотел дать матери свыкнуться с мыслью о том, что у него уже есть невеста.

— Она, мама, в городе живет.

— Бог ты мой! У кого же это в городе есть дочь, достойная моего сына? — спросила Акнабат и нервно затеребила концы платка.

— Ты ее родителей знаешь. Отец ее был когда-то в нашем районе секретарем райкома. Дурды Салих. Он родом из Сакар-Чага.

— Погоди, погоди. В тот год, когда налетело к нам комаров видимо-невидимо, умер совсем молодой секретарь. Звали его Дурды Салихом. Да ведь это давно было. Так ли уж молода его дочь? Не засиделась ли она в девушках? Как ее зовут?

— Сульгун.

— Сульгун?.. По-моему, я видела ее маленькой... Не знаю, какой она выросла, но мать у нее была хорошая женщина. Сколько же ей лет?

— Кажется, она на два года моложе меня.

— Кажется или моложе?

— Моложе.

— Раз так, съезжу, погляжу на нее! — сказала Акнабат и, поднявшись, прищипав убраться со стола чайники и пиалы. — Если она мне понравится, справлю свадьбу. Если нет...

— Значит, мне ты не доверяешь? Только себе? — И опять Аман не смог сдержать улыбки.

- Да, верю только своим глазам! — решительно заявила мать. — Где они живут в городе?
- А как же данное тобою слово?
- Какое слово?
- Ты забыла про Язбиби?
- А... Она... Если нам понравится Сульгун, то найдем повод, чтобы взять свое слово назад!
- Легко у тебя, мама, все получается.
- С парнями всегда легко, с дочками потруднее. Ты не уводи разговор в сторону, говори, где они живут.
- Может быть, не стоит тебе беспокоиться. Я привезу Сульгун сюда.
- Перестань, Аман! — сказала Акнабат и, поставив чайники и пиалы на прежнее место, замахала руками. — Нечего здесь делать девушке, пока ничего еще не решено. Что люди подумают? Не болтай попусту, скажи лучше, где они живут.
- Как бы мне объяснить тебе, мама? — Аман прищурился. — Может быть, съездим вместе?
- Молчи, бессовестный! Парня не возят в дом, где сватают девушку. А телефона у них нет?
- Есть.
- Раз есть телефон, я без тебя обойдусь!

XV

Как в каждом ущелье дуют свои ветры, так и в каждом доме бывают свои заботы, свои печали.

Если тетушке Акнабат думы о женитьбе сына не давали заснуть, то старой Боссан кусок в горло не шел из-за того, что ее молодая сноха — и здоровая, и статная, что твоя породистая верблюдица, — не дарила ей внуков. Правда, Акы любил свою жену, жалел ее, старался ничем не обидеть, но старой Боссан было от этого не легче. Она пилила сноху с утра до вечера, отпуская порой такие обидные словечки, что молодая женщина, хотя и знала себе цену, заливалась горячими слезами. Словом, дело дошло до того, что старая заставила сноху пойти к Артык-шиху. А если, мол, не пойдешь, отпущу тебя на все четыре стороны и снова женю своего сына.

Что было дальше, мы уже знаем. Зато Акы не знал.

Вернувшись с хлопка, он придвинул к себе чай и спросил у жены:

— Сона, почему ты не была на хармане? Что с тобой,

может, нездоровится? Что у тебя болит? Я хотел спросить у мамы, но она до полудня управлялась с обедом для сборщиков, а потом ушла.

— Пей чай и помалкивай! — обрушилась на сына раздраженная старуха. — Не мужское это дело — спрашивать у жены, где болит да что болит!

— А кто же, мама, как не муж, должен интересоваться здоровьем жены? — И Акы снова обратился к жене: — Сона, ну скажи мне, что случилось? Ты очень бледная сегодня. Если что-нибудь болит, позову врача.

Не только вымолвить слово, поднять глаза на мужа Сона была не в состоянии. Измученная и безучастная, она, потупившись, сидела на кошке и царапала ногтем пол.

— Ничего с ней не случится! — вскинулась опять старуха и придвинула к сыну чайник. — Ты пей, сынок, чай, ешь чурек и отдыхай!

Почувствовав что-то неладное, Акы поставил пиалу и, уставившись в поблекшее лицо жены, сказал:

— Мама, не заговаривай мне зубы, скажи прямо, что произошло?

— Ой, провалиться бы мне сквозь землю! — завизжала старуха и стала виниться перед сыном: — И с чего мне такое на ум взбрело, что я заставила ее пойти к нему? Ну и пусть бы жила, не рожая! Будь он проклят, этот Артык-ших.

Акы слышать не мог это имя. Оно всегда было связано для него с бесстыдством и гнусностью. Едва мать произнесла «Артык-ших», как усы у парня оцетинились и глаза полезли из орбит.

— Жаль, что ты моя мать! — сквозь зубы проговорил Акы. Он залез всей пятерней в волосы, не зная, что делать. Но вот он тряхнул головой и заговорил: — Не знаю, как я вынесу этот позор. Но твердо знаю, что никогда не смогу простить тебе этого, мама, никогда! Я буду всю жизнь кормить тебя, но видеть тебя не хочу... А ты? — Он повернулся к жене. — Ну, она — старая, выжила из ума! А где твоя голова? Ведь ты в школу ходила, в книги заглядывала. Откуда такое невежество? Когда исчезнет эта слепота? Когда?

Сона понимала, что совершила непростительную ошибку. Но понимала также, что теперь не в ее силах что-либо изменить. Поэтому она молча плакала, не утирая слез.

Акы решительно поднялся, и от его резкого движения чайник покатился по цветастой кошке. Но он выбежал из дома, не оглянувшись.

Старая Боссан рухнула на колени и начала бить кулаками об пол:

— Вай, счастье мое закатилось! Вай, счастье мое закатилось! Помогите мне, помогите!

Тут не выдержала Сона. Ласковая и терпеливая, она ни разу за все годы не сказала свекрови ни одного грубого или обидного слова, но сейчас ее будто подменили. Сона потянула старуху за рукав и прикрикнула на нее:

— Хватит! Перестаньте кричать! Какую еще пакость вы затеяли?

Старая вцепилась себе в волосы и завывала:

— Вай, что мне делать, ведь Акы убьет его!

— Убьет так убьет.

— Тогда все пойдет прахом.

— Хуже, чем сейчас, не будет. Да перестаньте кричать!

— Как же мне не кричать?

— Если не перестанете, я сейчас же уйду. И больше вы меня здесь не увидите. Акы прав. Была бы я человеком, не послушалась бы вас. Меня надо убить, меня!

И Сона разрыдалась, упав на кошму.

В дверь Артык-шиха стучать Акы не пришлось. После недавнего посещения Тойли Мергена она уже не закрывалась да и не могла закрыться — ведь бригадир сорвал ее с петель.

В первой комнате было темно. Но Акы не успел пожалеть, что упустил хозяина, так как услышал храп, доносившийся из второй комнаты. Парень ворвался туда и нашарил рукой на стене выключатель. Вдребезги пьяный Артык-ших даже не почувствовал, что стало светло. Он лежал, развалившись, посреди комнаты и почесывал живот. Белые штаны его спустились, и мотня оказалась чуть ли не у колен. Серое лицо с задранным кверху подбородком походило на гузку ошипанной курицы. Не успел Акы и подумать, что же случилось с его бородой, как «святой» зачмокал губами и забормотал:

— Тойли, не трогай меня, Тойли... Сона сама пришла, Тойли...

Акы обезумел, услышав имя жены. Оттолкнув ногой пустую бутылку так, что она разбилась вдребезги, он пнул пьяного носком сапога в бок.

Артык-ших очнулся, приподнял голову и от страха тоненько заскулил:

— Тойли, Тойли...

— Я не Тойли. Вставай, грязный ишак!

Артык-ших, не поднимая глаз, по голосу узнал нависшего над ним огромного мужчину.

— Акыджан! Что я тебе сделал? За что ты меня! — захныкал он, хватаясь за бок.

— Тебе говорят, встань!

— Откуда у меня силы, чтобы встать?

— Если сам не встанешь, заставлю!

Поняв, что спорить бесполезно, Артык-ших, извиваясь, встал на колени:

— Акыджан, что ты собираешься со мной делать? Объясни мне, браток.

— Идем! Шагай впереди меня! Когда выйдем на Сакар-Чагинскую дорогу, я скажу, что собираюсь делать.

Почувствовав, в каком состоянии Акы, Артык-ших украдкой огляделся по сторонам.

— Мог бы и здесь сказать, — жалобно проговорил он, продолжая так же украдкой обшаривать глазами комнату.

В одном из углов холодно поблескивал стальной туркменский нож с белой ручкой. Изловчившись, Артык-ших схватил его и поднялся во весь рост.

— А ну, убирайся отсюда! — заорал он.

— Брось нож! — спокойно произнес Акы.

— Не брошу! Я знаю, зачем ты пришел.

— Заткнись, негодяй!

— Кто негодяй? Я? О аллах, придай мне силы! — взмолился Артык-ших и бросился на парня.

Акы ловко ухватил запястье озверевшего Артыка, вырвал нож, а самого его приподнял и швырнул на пол.

— Одевайся! — приказал он.

Артык-ших стал податлив, словно нитка, натертая воском. Беспрекословно он выполнял все приказания.

— Повяжи чалму и надень пестрый халат! И еще — не говори, что не слышал, — если по дороге издашь хоть звук, воткну твой нож тебе же в спину.

Так и шли они — Артык-ших впереди, Акы позади него. Святоша иногда сбавлял шаг и в темноте краем глаза поглядывал, не идет ли кто. Нет, никого вокруг не было.

Парень все чаще покрикивал:

— Не оглядывайся, иди быстрее!

— Куда ты меня ведешь?

— Молчать!

Они дошли до шоссе, уходящего куда-то в пески, и остановились. По обеим сторонам темнели стога верблюжьей колючки.

Акы спихнул Артык-шиха с асфальта, подвел его к одному из стогов, отбросил в сторону охапку колючки, поджег ее и сказал:

— Ну-ка, давай сюда чалму!

— Зачем тебе моя чалма?

— Давай, говорю!

Артык-ших снял чалму и протянул ее Акы.

— Брось на землю!

Не прикасаясь руками, парень носком сапога метнул чалму в костер.

— Снимай халат!

— Акы, смилуйся!

— Хочешь, чтобы я из тебя кишки выпустил?

Халат бросил в костер сам Артык-ших.

— Теперь все?

Переложив нож из одной руки в другую, Акы усмехнулся:

— Нет, пока не все! Снимай рубашку и туфли!

Тот покорно бросил в костер рубашку и туфли.

— Уж теперь-то, наверно, все?

— Нет, еще не все, святой отец! — Акы с презрением глянул в освещенное пламенем ненавистное лицо Артык-шиха. — Снимай штаны!

— Акы!

— Снимай! — парень подошел вплотную к Артыку и схватил его за шнурок, на котором у того держались штаны.

Артык-ших отпрянул, но Акы успел перерезать шнурок острым, как бритва, ножом. Штаны свалились и помешали Артыку бежать. Он запутался в них и упал.

Акы содрал с него злосчастные штаны, швырнул их в костер и приказал:

— Вставай!

Стыдливо прикрываясь руками, Артык-ших встал и, всхлипывая, проговорил:

— Теперь кожу с меня сдерешь?

— Пусть кожу сдирают с тебя собаки! — сказал Акы и вывел его на середину шоссе. — Иди! — не удержался и пнул святого. — Если попадешься когда-нибудь мне на глаза, набью твою шкуру соломой!

Сам Акы двинулся в обратную сторону — домой. Через

какое-то время до него донесся сзади пронзительный женский голос:

— Помогите, люди! Привидение идет, привидение!..

XVI

Караджа Агаев с большой папкой под мышкой с утра отправился в путь. Как раз прошло два дня после того, как он побывал в гостях у Каландара Ханова и получил соответствующие указания. «Волга» начальника быстро домчала его до правления колхоза «Хлонкороб».

— Шасолтан еще не пришла? — спросил ревизор, приоткрыв дверь в бухгалтерию.

— Наш председатель с утра на полях, а в контору приходит попозже... — объяснил главный бухгалтер Дурды Кепбан. — Караджа! Откуда ты взялся? — тут же воскликнул он, пожимая руку ревизору. — Проходи, садись! Тебе, оказывается, нужна была высокая должность, чтобы пожаловать к нам. Совсем тебя не видим. Ну, рассказывай, как дела, жена как? Дети, не сглазить бы, наверно, выросли?

Хоть Дурды Кепбан и старался, как умел, говорить приветливо и душевно с бывшим односельчанином, разговора не получилось, потому что Агаев с самого начала принял официальный тон.

— Дети растут, а мы стареем, товарищ Кепбанов, — сухо и даже надменно ответил он. — Забот и хлопот — по горло.

Человек бывалый и чуткий, Дурды Кепбан понимал не только слова, но и тон, каким эти слова произносятся.

— Забот и хлопот, конечно, хватает, — проговорил он и, незаметно окинув ревизора взглядом, обратился к парню, который потихоньку щелкал на счетах у противоположной стены. — Аннагельды, голубчик, не сочти за труд, включи чайник. Угости товарища Агаева крепким чаем. То ли с утра сегодня припекло, то ли еще почему — у нас у всех пересохло в горле.

— Лично я чаю не хочу, товарищ Кепбанов. Вы лучше найдите мне председателя, — сказал ревизор и заходил по комнате, не расставаясь со своей папкой. Безразличным взглядом окинув стены, увешанные лозунгами и плакатами, он прохаживался, ни на кого не глядя.

— Найти Шасолтан нелегко. Сами знаете, посевные площади теперь не те, что были раньше. Прежде весь колхоз — пять кибиток, и все. Сейчас, чтобы добраться из брига-

ды в бригаду, нужно порядочно времени. Возможно, Шасолтан сегодня поехала подальше, за канал, на бахчу.

— Интересно, что бы вы делали, если бы приехал кто-нибудь вроде Каландара Ханова или секретаря райкома?

— Ничего бы не делали. Ответили бы им так же, как и вам.

— Как же быть? — размышлял вслух ревизор, положив наконец папку на подоконник и прислонившись к стене.

— А очень просто, товарищ Агаев, — улыбнулся Дурды Кепбан. — Давайте я повожу вас по селу. Вы, наверно, не видели наших новых построек. Или у вас очень срочное дело?

— Еще какое срочное!

— Может быть, я смогу вам помочь? Хотя я и не председатель, но все-таки член правления.

— Нет, ваши права и ваши возможности так далеко не распространяются, — важно сказал Агаев. — Прежде всего нужно разрешение председателя.

— А... Так, значит, вы приехали по ревизорским делам?

— Да, можно сказать и так.

— Разрешите узнать, что именно вас интересует?

— Узнаете, когда приедет председатель.

— Что ж, ладно, — задумчиво произнес Дурды Кепбан. — И ревизия — дело нужное. Однако следует не только ревизовать, но порой и помогать. Сами знаете: чем обширнее становится хозяйство, тем сложнее работа по учету и отчетности. Теперь колхозу нужен не простой бухгалтер, а, если хотите, академик. Вернее, счетная машина!

— Я приехал по одному конкретному вопросу! — заявил ревизор. — Если вы нуждаетесь в помощи, придется нам еще как-нибудь заехать.

— Мы и на это согласны. Приезжайте еще раз, — сказал бухгалтер и обратился к счетоводу, который собирался заваривать чай. — Аннагельды, голубчик, оставь чайник, лучше садись в машину. Что бы товарищ Агаев ни говорил, а повозить его по поселку надо. Чай потом попьем, дома.

Как ни сопротивлялся Караджа Агаев, Дурды Кепбан все-таки вывел его из помещения. Не дожидаясь приглашения, ревизор сел рядом с водителем в новенький «Москвич». А Дурды Кепбан устроился на заднем сиденье.

— Сначала давай по главной улице. Потом мимо летнего кинотеатра. Завернешь возле водокачки. Пожалуй, покажем еще и сад, — говорил Дурды, сразу наметив маршрут.

Аннагельды любил возить гостей и рассказывать о каждом повороте дома, о каждой улице.

— Вот это дом такого-то, а этот — такого-то? Как вам нравится виноградная беседка? Вы только посмотрите на грозди! — Он не спеша вел машину по асфальтированной улице и, глядя то влево, то вправо, давал объяснения. — А как вам нравится это здание из бетона и стекла? Детский сад. Двести пятьдесят ребятишек! Кажется, до вашего переезда в город здесь были еще развалины старой маслобойни?

Хоть Аннагельды не догадывался, но Дурды Кепбан понял, что ревизора все это решительно не интересует. Поэтому, похлопав парня по плечу, он вежливо сказал:

— Аннагельды, голубчик, а что, если ты повернешь к саду?

— Какой еще сад? — обернувшись, спросил Караджа Агаев.

— У нас на Мургабе замечательные яблоки.

— Далеко это?

— Нет. Два шага. В тех местах, где вы когда-то были подпаском. Помните старого чабана Сахаткули-ага?

— А... Вон где... Так ведь яблоки еще не созрели?

— Рановато... Но растут хорошо и завязей много.

— Пусть себе растут! Приедем, когда поспеет урожай, — заметил ревизор и, закулив сигарету, снова оглянулся. — Может быть, вы покажете мне новый дом Тойли Мергена?

— Вы разве не были на новоселье? — вмешался в разговор Аннагельды. — Ох и здорово тогда пел Аман!

— Ни о новоселье, ни о том, кто там пел, мы ничего не знаем, — с безразличным видом произнес ревизор.

— Очень красивый дом! И новоселье удалось на славу! — сказал Аннагельды и развернул машину. — Все новые дома надо строить именно так. Правда, Дурды-ага?

Не успел Дурды Кепбан раскрыть рот, как Агаев, и сам не заметив того, выложил все, что было у него на уме:

— Чтобы построить такой дом, нужны тысячи и еще раз тысячи.

— Для тех, кто не бежит от труда, колхоз теперь, не сглазить бы, щедрым стал. Подумаешь, дом! У нас в этом году восемьдесят два человека дали заявки на машины, — с юношеским азартом продолжал Аннагельды, но ироническая усмешка Агаева насторожила его.

— Каким бы зажиточным ни был колхозник, а с пред-

седателем равняться не может. Председатель — это председатель, а колхозник — это колхозник! — изрек Агаев.

— Почему это? — возразил Аннагельды. — У нас простой тракторист получает не меньше председателя! Дурды-ага, сколько в прошлом году получил Велле?

— Ладно, хватит подсчитывать, кто сколько получил. Лучше повнимательнее смотри на дорогу! — произнес Агаев и щелчком через открытое окно машины отшвырнул недокуренную сигарету.

Аннагельды не понравился тон ревизора. Парень нахмурился.

— Товарищ Агаев! У нас на улицах мусор не бросают! — не скрывая раздражения, заметил он. — Вон те железные урны не зря поставлены, не для детских игр.

— Простите! Я не знал, что вы так окультурились! — И Агаев снова достал сигарету.

— И в машине, пожалуйста, не курите. Мне вреден дым.

— Перестань, Аннагельды! — Дурды Кепбан хлопнул парня по плечу. — Хватит тебе препираться с гостем, тем более что он старше тебя. Останови машину. Мы приехали.

Караджа Агаев внимательно разглядывал дом Тойли Мергена. Он осмотрел его со всех сторон. Он вставал на цыпочки, приседал, закидывал голову, словом, бедняга, извертелся весь.

— Может быть, мы и в дом зайдем? — предложил бухгалтер. — Правда, Тойли Мерген на хлопке, но хозяйка будет рада. Наверно, и вам не раз случалось отведать чурека теушки Акнабат? Зайдем, выпьем по пиалушке чаю.

— Нет, нет! — сказал Агаев и, замахав руками, пошел к машине. — Сколько у них комнат?

— Ей-богу, не знаю, хоть и живу по соседству... — И Дурды Кепбан остановился, задумавшись.

— Не так уж много комнат, — пришел ему на помощь Аннагельды. — Зато большие. Важная, кухня...

— Оказывается, есть вещи, о которых не знает даже главный бухгалтер? — заметил Агаев и впервые с момента приезда в колхоз улыбнулся. — Поехали. Может быть, уже и председатель на месте.

— Если бы приехала Шасолтан, мы бы увидели ее машину, — проговорил Дурды Кепбан, садясь на свое прежнее место. — Вроде бы и поесть пора. Гони ко мне, голубчик. Пока поьем чаю, и председатель появится.

— А что, если отложить чаепитие? — ревизор вдруг

заволновался, обшаривая взглядом машину. — Бог ты мой, где же моя папка? Неужели там осталась? Никто не возьмет?

Аннагельды приснул в кулак.

— Да вы что, товарищ Агаев, будто с неба свалились, — не удержался от улыбки и Дурды Кепбан. — Мы забыли, что такое замки, скоро будем выдавать деньги без кассира. Если в вашей папке миллион, ее тоже никто с места не сдвинет.

— Все-таки, знаете...

— Я-то знаю, что вы не успокоитесь, пока не сунете под мышку свою папку. Аннагельды, голубчик, съезди за ней, а если появилась Шасолтан, позвони нам! — сказал Дурды-ага и, отправив парня, повел ревизора к себе. — Смотрите, товарищ Агаев! У Дурды Кепбана дом тоже не хуже, чем у Тойли Мергена. Хватит, пожили мы в прокопченных мазанках и в дряхлых войлочных юртах. Теперь иные времена.

— Конечно, конечно! — буркнул ревизор, но хозяин дома не уловил — с одобрением тот говорил или с осуждением.

Тут навстречу им вприпрыжку выбежал пятилетний сын Дурды Кепбана. Ребенок прыгнул отцу на руки, обнял его за шею, подергал за нос, схватил за ухо и засыпал вопросами:

— Папа! Ты уже проголодался?

— Да, сынок, уже проголодался.

— А кто этот дядя?

— Этот дядя — ревизор.

— Что, что?

— Ре-ви-зор.

— А что он делает? Он собирает хлопок? Или на бахчевых?

— Тебе пока еще не понять, кто такой ревизор, сынок.

— А ты объясни, тогда пойму! Он хороший или плохой?

— Ах ты, шалун! Ступай, играй! — сказал Дурды Кепбан и, поставив сына на землю, тихонько шлепнул его по мягкому месту.

— Мама, мама! — закричал мальчонка, ворвавшись в комнату. — Папа пришел. А с ним дядя — с золотыми зубами. Ре-ви-зор! Мама, ты не знаешь, кто такой ре-ви-зор?

— Некрасиво так говорить про дядю. Ревизор такой же человек, как твой папа. Ступай поиграй!

— Не буду играть! Не буду играть!.. Мой папа не ре-ви-зор! Мой папа бух... бух-гал-тер!

— Ладно, пусть бухгалтер. Не хочешь играть, посиди вон там!

— Не буду сидеть! Не буду сидеть! — уже в дверях прокричал мальчик и выбежал из дома. — Ата! Ата! — загорланил он на улице, увидев соседского мальчишку. — К нам ре-ви-зор приехал!

Карадже Агаеву было явно неприятно, что этот бесенок на всю улицу кричит: «ревизор», но он сделал вид, что ничего не слышит, и вместе с хозяином вошел в дом. За столом он больше молчал, уплетал за обе щеки и пил хорошо заваренный зеленый чай. Когда гость отведал все, что подавала хозяйка, зазвонил телефон.

— Председатель на месте. Пошли, — сказал Дурды Кепбан, положив трубку.

Едва переступив порог бухгалтерии, Караджа Агаев кинулся к папке, лежавшей там, где он ее оставил.

— Почему же ты не привез ее, как тебе было велено? — спросил он Аннагельды.

Не поднимая головы, парень произнес:

— Посчитал, что ни к чему.

— А ты, оказывается, себе на уме.

Не вымолвив больше ни слова, Аннагельды продолжал щелкать на счетах.

Дурды Кепбан отвел ревизора к председателю.

Уже в общем-то понимая, зачем пожаловал в колхоз районный ревизор, Шасолтан сразу приняла официальный тон:

— Говорите, товарищ Агаев, чем могу служить.

— Вот, товарищ Назарова, — сказал Агаев и, достав из папки листок, протянул его председателю.

Едва взглянув на бумагу, Шасолтан положила ее перед собой. Минуты две она молчала.

— О чем вы задумались? — забеспокоился Агаев.

— Тут нельзя не задуматься, — серьезно ответила де-вушка и взялась за телефонную трубку. — Милая, соедини меня с секретарем райкома, с товарищем Карлыевым!

— Может быть, поговорите с товарищем Хановым, — посоветовал Агаев.

— Я сама знаю, с кем мне разговаривать, товарищ Агаев.

— Простите.

Не успела она положить трубку, как зазвонил телефон.

— Здравствуйте, товарищ Карлыев! — не спеша заговорила Шасолтан. — К нам в колхоз приехал ревизор, и вы, конечно, об этом знаете? Что? Как кто? Старший специалист организационного отдела по делам колхозов сель-

хозуправления райисполкома. Да, товарищ Караджа Агаев. Хочет, видите ли, проверить Тойли Мергена. Его денежные и хозяйственные дела... Да, привез и официальное отношение. Сейчас посмотрю, кто подписал... Председатель райисполкома Каландар Ханов... Слушаю... Да, помню... Я только не понимаю, зачем проверять Тойли Мергена? Мы ведь знакомы со всеми его финансовыми делами. Знаем все его расходы, буквально до копейки! Зачем изводить пожилого человека напрасными подозрениями? Зачем заниматься такими никчемными делами, лучше бы... Слушаю, да... Ладно, сделаем, как вы говорите. Это-то верно... Очень хорошо, приезжайте к нам... Тойли-ага... Конечно, видела, полчаса назад... Перемены большие... Есть у меня кое-какие опасения, но об этом в другой раз... Да, вот что, мы слышали, вроде бы пришли новые хлопкоуборочные машины. Когда будете распределять, не забывайте нас... — Шасолтан засмеялась. — Нет, не хотим, как прежде, по жребию... Да я шучу, товарищ Карлыев... Да, есть у меня и другое дельце. Выберу денек и заеду к вам... Хорошо, поняла. До свидания.

Едва дождавшись, когда Шасолтан положит трубку, Агаев подался вперед и спросил:

— Ведь товарищ Карлыев тоже не возражает?

— Как вам сказать? — не торопясь, ответила она. — И да, и нет.

— Как это так?.. Я...

— Не спешите... Говорит, раз приехал, пусть проверяет... Словом, начинайте, товарищ Агаев! Ревизуйте! Дурды-ага вам поможет.

— Пожалуй, Дурды-ага ему не помощник! — Главный бухгалтер встал. — Пусть берет документы и проверяет! У меня и своих дел хватит. И вообще зачем главному ревизору нянька?

То, что секретарь райкома не возразил против ревизии, подняло дух ревизора. Откашлявшись, Агаев проговорил с угрозой:

— До окончания ревизии вам придется оставить другие дела, товарищ Кепбанов!

Главный бухгалтер разволновался и заходил по комнате.

— Кому же верить, если не Тойли Мергену? — говорил он, жестикулируя. — Каландару Ханову, что ли? Или вам, товарищ ревизор?..

— Было бы неплохо, товарищ Кепбанов, — перебил его

Агаев, — если бы вы раньше думали, а уж потом говорили.

— Я ничего необдуманного не говорю. Умру, а буду стоять на своем! — твердо произнес Дурды Кепбан. — Жаль, что я не секретарь райкома. Будь я на месте Мухаммеда Карлыева, я бы сказал: «Если кто-нибудь приехал проверять Тойли Мергена, дайте ему коленом под зад, а вслед натравите собак!» Карлыев, конечно, очень хороший парень, да больно молод. В каждом деле можно ошибиться. Очень грубо ошибиться. Но ведь не обязательно же, если человек ошибся, значит, он вор! Не ошибается тот, кто не работает...

— Мы еще пока не считаем Тойли Мергена вором, — подлил масла в огонь Агаев.

— Считаешь! — заорал, забыв обо всем на свете, Дурды Кепбан. — Если бы не считал, не приехал бы сюда с разинутой, как у дракона, пастью!

— Дурды-ага! Не горячитесь! Успокойтесь! — замахала рукой Шасолтан. — Может быть, это даже неплохо. Зачем вы сердитесь, раз уверены, что никаких злоупотреблений не было? Пусть проверяют.

— Да поймите вы, Шасолтан! — все больше распалялся главный бухгалтер. — Нам с вами ясно, что ревизия ничего не даст, но самый факт мажет человека сажей! Я же не против ревизии. Пожалуйста, проверяйте. Но сегодня устраивать ревизию Тойли-ага... Нет, не могу с этим примириться.

— Понимаю, Дурды-ага. Вы сами слышали, что я сейчас сказала товарищу Карлыеву.

— Нет, вы не понимаете! Если бы вы понимали, то не позволили бы проверять Тойли Мергена! Так и надо было сказать товарищ Карлыеву.

— Дурды-ага!

— Не мешайте, дайте мне кончить! Если они не дураки, должны же понимать — так вот проверять можно базарного воришку, он действует в одиночку. Получается, что председатель колхоза может залезть в колхозную кассу и взять из нее, сколько вздумается. Кассир и тот не может на пол-литра взять. Он должен отчитываться по ведомости. А положение председателя еще труднее. Чего же они именно ему проверку устраивают? Если Тойли Мерген вор, то и я, и вы, и он — все правление воры! Пусть всех и проверяют!

— Коли потребуется, и вас проверим! — сказал, собравшись с духом, Караджа Агаев и задымил сигаретой.

— Проверяй! Тысячу раз проверяй! — Побледнев, главный бухгалтер с презрением посмотрел на ревизора. — Идем!

— Дурды-ага! — Шасолтан встала. — Я еще раз прошу вас. Не горячитесь!

Но Дурды Кепбан не мог успокоиться. Он повел ревизора к сейфам, что стояли в соседней с бухгалтерией комнате, и спросил, не поворачивая к нему головы:

— Какие годы тебе нужны?

— Последние два года.

— Почему два? — опять налетел на ревизора Дурды-ага. — Почему? Или ты собираешься через неделю снова отрывать людей от работы? Раз уж проверяешь, проверь за десять лет! За пятнадцать! Проверь всю жизнь Тойли Мергена!

— Зачем напрасно шуметь, Дурды-ага! — примирительно сказал Агаев.

— Это еще не шум. Шум будет потом, когда станут известны результаты твоей ревизии. — Главный бухгалтер достал из кармана связку ключей и бросил ее Агаеву. — В этих стальных шкафах вся жизнь Тойли Мергена. Проверь! А что не разберешь, спроси у Аннагельды. Он не меньше моего знает! — И Дурды Кепбан ушел, оставив ревизора одного.

XVII

Чтобы добраться до бахчевых, надо почти два часа просидеть за рулем. До канала дорога хорошая, но дальше — сыпучие пески и солончаки. Уж не говоря о мелкой пыли, которую поднимают колеса, там вообще проще простого застрять, особенно если машина у тебя не вполне исправна или если ты сам недостаточно умелый водитель.

Тойли Мерген вел свою «Волгу», забыв и про пески, и про солончаки. Не щадя ни себя, ни своей машины, он благополучно прикатил на бахчу, когда солнце уже собралось закатиться.

Давненько он здесь не бывал, хотя ведь сам настоял на том, чтобы не засеянные хлопчатником пятьдесят гектаров были отданы под поздние дыни-гуляби и арбузы.

Верно он тогда решил. Совсем недавно это было пустое, укутанное серой пылью поле. А теперь — вон какая красотища! Радовали глаз огромные, словно валуны, чуть ли не в обхват, полосатые и темно-зеленые арбузы. Большущие желтые гуляби гордо возлежали в сплетениях зелени.

Тойли Мерген ожил. О таких дынях и арбузах можно было только мечтать. А это значит, что люди здесь хорошо потрудились.

— Но что это? Где же они, эти люди? Где его зятя? Хорошего настроения как не бывало. Из шалаша доносился храп.

Тойли Мерген подошел, заглянул внутрь и увидел спящего человека, в котором не сразу признал Джеббара. Длинные волосы, чуть ли не до плеч, и борода.

— Ах, негодник! — сердито проговорил Тойли и растолкал зятя. — Вставай, нечего нежиться!

Джеббар вздрогнул, приподнял голову и, не открывая глаз, спросил:

— Ты, Хуммед. Уже вернулся?

— Нет, не Хуммед.

Услышав знакомый голос, парень вскочил, обеими руками зачесал назад рассыпавшиеся по лицу волосы и часто-часто заморгал:

— Вы, Тойли-ага? Салам алейкум. Как вы попали в эти края?

Тойли Мерген усмехнулся.

— А я приехал, чтобы немножко отдохнуть, поваляться, как ты, в шалаше. Хорошо, прохладно.

— Напрасно вы так, Тойли-ага. У нас нет времени даже побриться. Целый день я сегодня грузил арбузы и дыни. Все кости ноют.

— Ай, перестань! Какая это работа — рвать дыни и грузить их? Подумаешь! — Бригадир замахал руками и вышел из шалаша. — А где Хуммед?

— Повез дыни в город. С полчаса назад я его проводил и прилег.

— Когда вернется?

— Пожалуй что не скоро.

— Когда? Ты мне точно скажи! — повысил голос Тойли Мерген и посмотрел на часы.

— Точно не могу сказать, не знаю.

— Кто же знает, если не ты?

— Наверно, часам к десяти приедет! Дорога ведь не близкая.

— Я должен ждать его или могу говорить с тобой? — Тойли взглянул на заходящее солнце, достал из кармана сигареты и предложил зятю. — Будешь курить?

— Не курю.

— А прежде, кажется, курил?

— С тех пор, как работаю здесь, бросил.

— Может, и водку не пьешь?

Тойли Мерген спросил о водке неспроста. Возле шалаша

валялась пустая бутылка. Джембар виновато улыбнулся и почесал затылок.

— Случилось разок.

— Вижу, что случилось! — Тойли Мерген уставился на зятя. — Ты почему не ответил на мой вопрос?

— На какой вопрос? А, об этом... У туркмен, Тойли-ага, есть хорошая традиция.

— Какая еще традиция?

— Сначала перед гостем ставят чай и чурек, а потом уже спрашивают, с чем он пожаловал.

— У нас нет времени чаи распивать и чурек жевать. Надо собирать хлопок!

— Хлопок? Значит, мы вернемся в село?

— Да, вернетесь и будете собирать хлопок.

— Почему же вы так сердито начали разговор? Нам с Хуммедом давно домой хочется. Сколько времени жен не видели! А вы так даже привета от своих дочерей не привезли.

— Некогда было заехать к дочкам, — уже смягчившись, сказал Тойли Мерген.

Джембар хозяйским взглядом посмотрел по сторонам.

— А кто приглядит за этим хозяйством? Арбузы-то пока еще подержатся, а вот дыни уже лопаются. Их в первую очередь надо отправлять. Сгниют. И еще. Тем, кого сюда пришлют, надо сказать, что немало хлопот доставляют суслики.

Тойли Мерген постарался спрятать улыбку. Он был явно доволен зятем и понял собственную несправедливость.

— Ты об этом не беспокойся. Сутки даю вам на сборы. Хуммеда ждать не буду. Привет ему передай. Хочу к чабанам заехать.

— Тойли-ага, еще я хотел вас спросить. — Джембар замесился. — Шасолтан знает об этом или бригадир из больницы вернулся?

Тойли Мерген закусил губу. Парень прав. Приехал тесть — снятый председатель, распоряжается, ничего толком не объяснив.

— Я теперь ваш бригадир, — тихо сказал он.

Джембар стоял, опустив голову.

— Простите, Тойли-ага.

В хорошем расположении духа Тойли Мерген отправился в пустыню.

Надо было побыть одному, подумать о том, как вести себя с людьми. Чабаны да и зятя его находятся за тридевять земель от колхоза. Откуда им знать, что он, Тойли Мерген, стал бригадиром? Ведь, по справедливости, не Джембар дол-

жен был извиняться перед тестем, а тесть перед ним. Как ему тогда сказала симпатичная девушка Сульгун? Не надо, мол, рубить сплеча. Оказывается, и молодые порой могут кое-чему поучить стариков.

Ночь бригадир провел у чабанов. И весь следующий день объезжал овечьи отары. Все разговоры с чабанами он начинал с того, что к ним, мол, пожаловал новый бригадир.

Встречали его уважительно, расспрашивали о здоровье, давая этим понять, что рады его возвращению в колхоз.

Уже опустилась ночь, когда Тойли Мерген вернулся домой. Аман, усталый и измученный, — ведь он целый день не слезал с машины — сладко спал.

Тойли Мерген принял душ и не пожелал садиться за стол, а, бросив под локоть подушку, прилег на ковре.

Акнабат не разобрала, в каком настроении муж, и забеспокоилась:

— А я тебя еще вчера ждала. Почему ты так задержался? Что зятя?

Тойли-ага, озабоченный уже завтрашними делами, в двух словах объяснил, что все в порядке.

— Завтра зятя приедут. Вместо них там поработают пенсионеры. Такие молодцы сейчас здесь нужны.

От еды и от чая он отказался, сказав, что чабаны и накормили его, и напоили верблюжьим чалом, притом отменным — прямо в нос бил. Даже с собой дали.

— Попробуй, в термосе еще осталось. А я буду спать.

Он поленился лечь в постель и устало опустил голову на подушку, да так и проспал до утра на ковре.

Проснулся Тойли Мерген, когда Аман уже ушел на работу. Подав мужу чай и чурек, Акнабат ненадолго вышла в соседнюю комнату и появилась в новом платье, из кетени. На голову она накинула цветастый шерстяной платок. Завернула в салфетку два горячих чурека и подошла к мужу.

— Тойли, пока ты не ушел на работу, отвези меня в город.

— Какие же это у тебя дела в городе? Ты ведь, кажется, обещала собирать хлопок?

— Обещала и буду. Только не сегодня. У меня очень важное дело.

— Что еще за дело?

— Потом скажу.

— Почему — потом? Почему не сейчас?

— А ты мне все говоришь?

— Чего я тебе не сказал?

— Не сказал, что видел Сульгун.

Тойли Мерген сделал вид, что не расслышал:

— Кого?

— Не притворяйся глухим!

— Ну, предположим, видел. Что из того?

— Почему не сказал?

— Значит, про всех девушек, которых я видел или увижу, я должен тебе докладывать?

— Про всех не надо, а про Сульгун надо. Ведь твой сын собирается на ней жениться.

— Ну и пусть женится. Пусть хоть раз проявит самостоятельность.

— Вот видишь, какой ты человек! При чем тут самостоятельность? Мне даже посоветоваться не с кем! Если я скажу, что тебе нет дела до семьи, ты рассердишься. А ведь тебе и правда все безразлично.

— С чего ты взяла, что мне безразлично?

— Дочки, слава богу, своими семьями обзавелись. Им твоя забота не нужна. Дома остался единственный сын. А ты и о нем не беспокоись.

— А может, я беспокоюсь о нем больше, чем ты?

— Если бы беспокоился, так давно бы женил его и баюкал внука.

— А может быть, я жду, когда он сам женится?

— Вот и жди, а пока что отвези меня в город, — сказала Акнабат и пошла со своим узелком к дверям.

Не хотелось Тойли Мергену, чтобы жена ехала в город. Ну, придет она к матери Сульгун, начнет объясняться, и может возникнуть какое-то недоразумение.

— А что, мать, если мы твое срочное дело отложим еще на денек? — просительно проговорил он. — Ты ведь сама видишь, что мне некогда затылок почесать. Я сегодня непременно должен побывать у семи дверей.

— Твои дела никогда не кончатся, Тойли. А люди никуда не сбегут, если ты придешь к ним на час-полтора позже. Довези меня только до города. А дальше я сама найду. Я знаю их телефон.

— Если знаешь телефон — позвони.

— С тобой невозможно договориться, Тойли. Неужели же, имея машину, ты хочешь заставить меня стоять на дороге и просить людей подвезти? Ну что же, ладно, если хочешь, так и сделаю...

Поняв, что спорить бесполезно, Тойли Мерген повез жену в город и высадил ее у самого дома Сульгун.

— Приехать за тобой?

- Сама приеду.
- А может быть?
- Что — может быть?
- Может быть, зайдём вместе?

— Нет, ты все испортишь! Езжай, тебе же надо побывать сегодня у семи дверей, — сказала Акнабат и, поправив на голове платок, вошла в новый двухэтажный дом.

— Проходи, проходи! — обрадовалась Дурсун. — Мы столько лет не виделись, но ты, не сглазить бы, все такая же. Лицо, глаза — хоть куда!

— Ай, какое там лицо, Дурсун! — вздохнула Акнабат. — Старею, старею. Заботы о детях старят.

— Было бы здоровье, Акнабат, все остальное не страшно.

— Это верно, это верно.

— Хорошо, что ты пришла. Только сейчас тебя вспоминала. Странная история сегодня приключилась, — перешла на шепот Дурсун. — Только моя Сульгун ушла на работу, как ко мне гостя пожаловала. Я ее совсем не знаю. Говорит без умолку. Есть такие люди — пикого, кроме самих себя, не слушают. Пойдем, выручи меня. — И Дурсун провела Акнабат в просторную и светлую комнату, застланную большим иомудским ковром.

Посреди комнаты, заняв чуть ли не половину ковра, лежала дородная, чернявая женщина и потягивала зеленый чай. Акнабат показалось ее лицо знакомым, но она не могла вспомнить, где видела толстуху, да, по правде сказать, и не особенно старалась. Но, как положено, спросила о здоровье и тоже присела на ковер.

— Вы поболтайте, пейте чай, пока не остыл, а я разогрею обед, — сказала Дурсун и ушла на кухню.

С минуту обе женщины молчали. Первой заговорила толстуха.

— Меня-то вы, конечно, не знаете, но зато знаете моего мужа. Я жена Сервера из Геокчи.

«Кто у тебя спрашивает, чья ты жена? — подумала Акнабат. — Хорошо, если эта баба уберется отсюда, а то ведь не даст поговорить с Дурсун». А вслух вежливо ответила:

— Очень приятно.

Толстухе явно не терпелось поговорить.

— А вы жена Тойли Мергена? — продолжала она. — Прошлой весной, когда председатель нашего колхоза женил своего младшего сына, я, кажется, видела вас там на свадьбе.

— Возможно.

— Вы приехали тогда на новенькой «Волге». Помню,

машину вел сам Тойли Мерген. Да, кстати, а что сейчас делает ваш муж?

Акнабат нахмурилась.

— Работает. Пейте чай, пока не остыл! — сухо бросила она.

Толстуха догадалась, что ее вопрос не понравился собеседнице.

— Ах, боже мой, — засуетилась она. — Я вам чаю не предложила? Пейте! — Она наполнила стоявшую перед ней пиалу и, придвинув ее к Акнабат, снова затараторила: — Последнее время у меня голова кругом идет. Не помню, что делаю, что куда кладу. Был бы мой сын трактористом, все было бы просто. Уплатила бы калым и бросила бы молодуху ему в объятия. Нет, с моим так не сделаешь! Трудно тем матерям, у которых сыновья с образованием. Возьму, говорит, в жены не какую-нибудь колхозницу, а чтобы ровней была. А где ее, ровню, взять? Один аллах знает... И у вас, кажется, такой сын?

Чернявая скосила глаза на Акнабат, но не дождавшись ответа, опять заговорила:

— Наверно, вы видели моего сына. Его то и дело вызывают в села. Скоро год, как он работает рядом с дочерью Дурсун. Сульгун животы режет, а мой Айдогды детишек лечит. Он уже кандидат. И защищал не где-нибудь в Ашхабаде, а в самой Москве. Ты, говорю ему, чему хотел — выучился, нечего тебе холостяком ходить. Уж чего, чего, а красивых девушек в нашем селении сколько хочешь. А насчет калыма, говорю, не беспокойся, дай бог здоровья твоему отцу, то, что есть у людей, и у меня найдется. Но хоть голову ему отрежь, не слушается! Сначала увиливал от разговора. Дескать, погоди, подожду еще. А уж когда я ему все уши прожужжала, он тут, дня два назад, признался мне. Есть, говорит, такая девушка. И назвал ее имя — Сульгун.

Акнабат, погруженная в думы о собственном сыне, не обращала внимания на трескотню чернявой. Но тут сама не заметила, как спросила:

— Какое имя назвал?

Та с явным удовольствием повторила:

— Сульгунджан! Кого бы я ему ни называла, он говорит — нет. Я ему и сказала: «То, что нравится тебе, понравится и мне». Вот и занялась этим делом.

У Акнабат после этих разговоров чай в горло не шел. Она поставила налитую пиалу на ковер и дрогнувшим голосом спросила:

— А девушка что говорит? Она тоже его любит?

— Сульгунджан?

— Да, Сульгунджан.

— Если бы девушка не сказала теплого слова, парень не стал бы посылать свою мать сватать ее. Недавно захворал ребенок наших соседей, живот у него болел, какой-то приступ, так они на одной машине приезжали. Я поглядела на их фигуры, как красиво они выглядели в белых халатах, ну, прямо загляденье. Если они будут работать вместе и облегчать страдания недужных, разве, думаю, плохо? Нет, очень даже хорошо! Только Дурсун вроде немного упрямится. И причину почему-то прямо не говорит. Не знаю, может быть, даже хочет меня этак вежливо выпроводить. Но я не намерена отступать. Я вот сижу тут, у нее в доме, и не двинусь с места, пока она не скажет что-нибудь определенное.

— Правильно, правильно, зачем же вам уходить, — ответила Акнабат и, не развязывая привезенного узелка, торопливо поднялась. — Я пошла.

— Ты что встала, милая? — удивилась вошедшая с миской в руках Дурсун. — Посидела бы. Я ведь обед принесла.

— Спасибо! Считаю, что я уже поела. Будь здорова!

И Акнабат ушла, готовая лопнуть от злости на собственного сына.

Не успел Тойли Мерген, вернувшись из города, поставить машину в гараж, как подкатил на мотоцикле его заместитель.

— Что слышно, Нобат?

— Хвалиться нечем, Тойли-ага, — ответил тот и, словно стыдясь, что не успел побриться, погладил подбородок. — Сборщиков у нас маловато.

— Сборщиков прибавим, Нобатхан.

— Хорошо бы.

— А что Гайли и Артык? Пришли?

— Пока нет, Тойли-ага.

— Интересно... Мне показалось, что на этот раз и они поняли.

— Гайли-ага если и не пришел сегодня, придет завтра. Как только продаст морковь. А вот об Артыке разговор другой.

— Какой еще разговор?

— Сам-то я не ходил к нему, не видел, но от людей слышал. Кто-то сорвал у него дверь. Кто-то якобы повыдергал ему бороду. Но это еще ерунда. Позавчера вечером, говорят, видели его на большой дороге. Будто идет голый, ну, совсем

голый, в чем мать родила. В общем, пошел слух, что Артык свихнулся, сошел с ума.

Поскольку история с дверью Артыка и его бородой была Тойли Мергену известна, он не высказал удивления и не впал в растерянность, как это случилось с Нобатом, а довольно спокойно сказал:

— Уж кто-кто, а Артык с ума не сойдет. А ты куда едешь?

— В правление и на полевой стан.

— Не посчитай за труд, подвези меня на склад.

В новом просторном складе имелось все необходимое для колхозного хозяйства — от гвоздей и оконных петель до гусениц для тракторов.

В помещении было прохладно — только что вымыли цементный пол. В углу, на аккуратно сделанном топчане, лежал, подложив под локоть две подушки, заведующий складом Эсен Сары. Тойли Мерген улыбнулся и покачал головой: дескать, вот кому хорошо живется!

Низкорослый, с огромным животом, Эсен Сары казался совсем круглым. Веселый шутник, он знал великое множество анекдотов всех времен и народов. В каком бы настроении ни зашел к нему человек, Эсен не отпустит его, пока не развеселит. И Тойли Мерген, когда чувствовал себя особенно усталым, специально шел к Эсену отдохнуть. Но при всем этом Эсен Сары за шутками и прибаутками никогда не забывал о работе. Это был добросовестный и чрезвычайно аккуратный во всех делах человек.

Увидев вошедшего бригадира, Эсен Сары обхватил обеими руками свой необъятный живот и, свесив с топчана коротенькие ноги, приветливо сказал:

— Заходи, Тойли-ага. Что-то не видать тебя в последнее время. Ребятки! — крикнул он парням, сгружавшим с машины муку. — Эй, ребятки, если чай у вас закипел, несите сюда. И заварите как следует. Дадим Тойли-ага крепкого чая!

— Я только что пил, Эсен!

— Никто еще не опивался чаем, Тойли-ага! Ну-ка, садись! — И он похлопал рукой по топчану.

— Мы с тобой посидим, чайку попьем, а кто будет собирать хлопок?

— О хлопке потом поговорим.

— Охотно бы посидел, Эсен, да некогда.

— А я, признаться, не думал, что ты такой печальник! — рассмеялся Эсен Сары. — Если дальше так пойдет, станешь вроде моего тезки!

— Какой еще тезка?

— И прежде, говорят, был один человек по имени Эсен-печальник. — Не успев еще рассказать притчу, Эсен Сары засмеялся. — Из-за каждой мелочи — то ли посильнее подует ветер, то ли посильнее припечет солнце — бедняга печалился и впадал в панику. Однажды прибежал его сынишка лет десяти и закричал: «Папа! Какая радость, у нас появился ослик!» — «Поздравляю, сынок! Теперь это избавит нас от необходимости ездить вдвоем на одном осле! Я буду садиться на ослицу, а ты на ослика!» — сказал отец, у которого даже настроение улучшилось. Но тут сын сообщил, что у ослика нет ни ушей, ни хвоста. Эсен-печальник снова опустил голову: «Это плохо, сынок!» — «Ну, папа, не печалься, ведь это осел, какая разница — есть у него уши и хвост или нету?». На это Эсен-печальник изрек: «Если, сынок, человеку не суждено быть счастливым, то, оказывается, и ослик у него рождается не похожим на других. Когда он, бедняга, вырастет и мы нагрузим на него пшеницу и поведем на мельницу, а в тот день непременно пройдет дождь, наш осел завязнет в грязи и нам не за что будет вытягивать животинку, потому что у него так и не вырастут уши и хвост». И мой тезка погрузился в безысходную печаль.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Тойли Мерген и сел рядом с Эсеном Сары.

— Хочу сказать: главное, что хлопок есть, а уж до снега он на полях не останется.

— Если мы с тобой будем болтать, а не собирать, то он не то что до снега, а и до нового года останется на полях.

— Сборщики найдутся, Тойли-ага. На худой конец соберет машина. Говорят, Шасолтан получает еще две машины.

— А пока что сборщиков не хватает. И на одни машины надежда плохая, — сказал Тойли Мерген и похлопал по карманам, ища сигареты. — Поэтому, Эсен, оставим шутки и поговорим о деле.

— Если есть дело, зависящее от меня, считай, что оно уже сделано! — Еще не зная, что имеет в виду бригадир, кладовщик попытался своей готовностью сгладить неуместную шутку.

— Ты не торопись! — Тойли Мерген закурил и разок затянулся давая понять, что дело серьезное. — Я пришел сюда не за товаром. Я пришел в поисках людей. Сколько человек у тебя работают?

— У меня? — Эсен задумался.

— Да, у тебя на складе.

— Пожалуй, человек двадцать.
— Неужели ты не знаешь, сколько у тебя людей?
— Прежде было двадцать четыре человека, — ответил Эсен Сары и принялся считать, загибая пальцы. — Сначала ушли двое. Потом трое... У меня сейчас девятнадцать человек. А что?

— Сколько среди них моих родственников?
— Ты что же, занимаешься подсчетом своей родни?
— Да, подсчитываю.
— В трудное положение ты меня поставил, — сказал кладовщик, почесав свою толстую шею.

— Хоть и трудно, а мне надо знать, Эсен.
— Ну, ей-богу, я не знаю. В нашем селе почти все родственники! — И Эсен Сары снова засмеялся.

— Я серьезно, Эсен.
— Да, вижу, что серьезно, но...
— И к тому же, — перебил его Тойли Мерген, — не могу сказать, что не спешу.

— Я тоже твой родственник. Меред — тоже, хоть и дальний. И Бяшим, его младший брат. Ну, право же, других сейчас не смогу припомнить.

— Тогда давай, Эсен, сделаем так. Ты выясни сегодня же — дальних и близких, а завтра отправь их на хлопок.

— Послушай, Тойли, а что скажет Шасолтан?
— Шасолтан скажет, что мы с тобой молодцы. Не так уж у вас сейчас много работы. Хватит с тебя и пятерых.

— Не меньше семи человек нужно оставить здесь.
— Значит, семеро справятся тут? Так чего же ты до сих пор держал столько людей?

— По правде говоря, я не думал об этом...
— То-то и дело, что никто не хочет думать, ждут, когда кто-то подскажет. А ведь всем одинаково по одной голове отпущено.

— Признаю, Тойли, ты прав. Но не так-то это просто, есть у меня и скандалисты.

— Начни с себя, тогда никто слова не скажет! — Тойли Мерген встал.

— Я бы с радостью!.. — И, словно двуногий арбуз, Эсен Сары слез с топчана. — Но посмотри на мой живот, разве он даст мне нагнуться?

— Если пять дней походишь на хлопок, от твоего живота и следа не останется. Потом сам благодарить будешь, — сказал Тойли Мерген и, кивнув, вышел.

После склада он постучался в окошечко колхозной кас-

сы. Окошечко не сразу открылось. Бригадир рассердился на кассира. Сидит там, хихикает и делает вид, будто не слышит, что стучат.

— Оразмамед! Ты почему заставляешь меня ждать?

Тойли Мерген недолюбливал Оразмамеда, хотя когда-то жалел его. Рос парень без отца, а Тойли Мерген хотел, чтобы он учился, одевал его и кормил, заботился о нем, пока свадьбу ему не справил. А парень-то оказался прижимистым. Гостей к себе не звал, но посидеть за чужим столом любил. Отпустил бакенбарды, одевался по последней моде, а мать и жена ходили в вылинявшем тряпье. Недавно Тойли Мергену сказали, будто этот жадюга заставляет свою семидесятилетнюю мать ткать ковры, потому что собирается покупать машину. Ковры-то дорогие.

Услышав голос Тойли Мергена, Оразмамед перестал смеяться, открыл окошечко и, вытянув шею, вытер белоснежным платком слезящиеся от смеха глаза:

— Ах, это вы, Тойли-ага? Не заставил ли я вас ждать? Читал арабские сказки и до слез смеялся.

— Почему ты в рабочее время закрываешь окошко и читаешь сказки?

— Сейчас у меня перерыв, Тойли-ага, вы же сами говорили, что в перерыв положено отдыхать.

— А, по правде сказать, я не знаю, что еще делать кассиру, как не отдыхать.

— Это вы напрасно, Тойли-ага. Посидели бы хоть денек в этой конуре, вы бы поняли, что у кассира работа нелегкая.

— Раз тебе трудно, освободи место.

Оразмамед вытаращил глаза и подался назад.

— Место это я получил, не подавая никаких заявлений, — в нос пробурчал он. — Вам деньги нужны, я посмотрю ведомость.

— Не беспокойся. Мне не деньги нужны, ты мне нужен. Не люблю разговаривать, когда собеседник прячется за стеной.

Кассир щелкнул ключом и вышел из боковой двери.

— Где твоя жена? — продолжал допрос Тойли Мерген.

— Моя жена? Должна быть дома. А что?

— Чем она занимается?

— Чем может заниматься женщина, Тойли-ага? — ухмыльнулся Оразмамед. — Чай вскипятит, обед сготовит, испечет чурек.

— У тебя, слава богу, есть еще мать. Разве нельзя, чтобы все это делала она?

— Ай, Тойли-ага, мало, что ли, хлопот в туркменском доме? У меня и для двух женщин работа найдется.

— Если бы у тебя были дети, я бы и разговора такого не вел... А не многовато ли, чтобы одного человека обслуживали две рабыни?

— Я вас не понял, Тойли-ага. — Парень был явно растерян.

— Сейчас поймешь. Завтра сдашь кассу своей жене. Оразмамед молчал.

— Опять не понял.

— Понять-то понял, но справится ли она с этой работой, все-таки женщина?

— Насколько мне известно, вы вместе окончили техникум и отметки у нее были не хуже твоих.

— Не отметки работают, Тойли-ага, а человек.

— Не заносись! Завтра чтобы я тебя здесь не видел!

— А где же мне быть, если не здесь?

— Не знаешь?

— Нет! — сказал Оразмамед и затряс своей маленькой головой.

— Хлопок будешь собирать! Не хихикать и прихорашиваться в пустой комнате, а делать полезное дело.

Оразмамед гордился своей должностью, и вдруг такая неприятная неожиданность!

— Так, по-вашему, это бесполезное дело? — попытался он возразить бригадиру. — А что скажет правление? Что скажет председатель?

— Я не собираюсь с тобой торговаться, Оразмамед! С председателем все согласовано.

«Вот и на водокачке есть один такой же бездельник, пойду к нему», — подумал Тойли, отойдя от кассы. И тут навстречу ему попался Дурды Кепбан.

— Салам алейкум, Тойли-ага!

— А, Дурды, ты! Как здоровье, как поживаешь? — остановился Тойли Мерген. — Почему тебя не видно?

— Вообще-то я собирался зайти. — И, словно застеснявшись чего-то, Дурды Кепбан сделал паузу. — Пусть отвяжется от нас этот ревизор... Куда направляешься?

— Обхожу родственников. Хочу повидать еще одного бездельника — на водокачке.

— Идем, я тебя немного провожу. Сидеть ведь тоже надо-едает.

Тойли Мерген закурил и предложил сигарету главному бухгалтеру.

— Что за ревизор? — спросил он.
— Агаев приехал.
— Агаев? А, тот подхалим. Что у вас собирается ревизовать?

— Он приехал ревизовать не нас, а тебя.

— Сам приехал или прислали?

— Сам бы он сюда и носа не показал.

— Кто прислал?

— Ханов.

— Вот как. Что ж, пусть ревизует.

— Почему — «пусть ревизует»?

— А почему — нет?

— А потому... потому, что ты коммунист!

Почувствовав, что Дурды Кепбан не на шутку рассержен, Тойли Мерген приостановился и серьезно сказал:

— Коммунист. Ну и что из того?

— Коммунисту надо верить или нет?

— Вон ты куда хватил. — Тойли Мерген медленно двинулся дальше. — По-моему, это большой разговор, так вот на ходу мы ни о чем не договоримся.

— Почему не договоримся? — напал на бригадира Дурды Кепбан. — По моим представлениям, коммунист — самый добросовестный, самый чистосердечный человек. Мне кажется, что подозревать такого человека, ревизовать, проверять его — дело ненужное.

Тойли Мерген довольно долго молчал, потом спросил:

— Газеты читаешь?

— А?

Тойли Мерген повысил голос:

— Газеты, спрашиваю, читаешь?

— Читаю.

— Во вчерашнем номере нашей районной газеты есть интересный очерк. Называется «Настоящий коммунист». Видно, написал опытный человек. Если бы ты прочитал про этого «настоящего», то не стал бы напирать на меня со своими «почему».

Дурды Кепбан задумался. А Тойли Мерген продолжал:

— Так вот, Дурды, будут еще пока и проверки, и ревизии. Если бы и у меня все было так, как ты говоришь, мне не пришлось бы теперь ходить от одной двери к другой. И в этом не только моя вина. Мои ошибки тесно связаны с ошибками моих родственников. А ведь среди них есть и коммунисты, и комсомольцы. Вот так, Дурды. А за меня не беспокойся. Высоко держи голову. Промахи у меня были, и за них я рас-

плачиваюсь. Но мы оба с тобой знаем, что никогда в жизни не тронули чужой копейки.

— Это верно! Это все знают.

— Если верно,— Тойли Мерген улыбнулся и положил руку на плечо главного бухгалтера,— не дожидаясь отъезда ревизора и приходи вечером, посидим... И, пожалуйста, забудь, что я тогда просил всех вас уйти, когда вы явились ко мне целой толпой. Настроение у меня было поганое. Не люблю, когда меня жалеют.

— Ой, о чем ты вспомнил, все уже давно забыли.

— Ну и хорошо. Приходи, есть о чем поговорить. Приведи и Эсена Сары. Заставим его на дутаре поиграть и анекдоты послушаем. Я сейчас к нему заходил, да мне не до шуток было.

— Сегодня приходи ты ко мне,— сказал немного повеселевший Дурды.— А то мой козленок покоя никому не дает, сам прыгает в казан. И Эсена Сары позовем.

— Ну, раз козленком собираешься угощать, тут уж отказа не будет.

— Приходи, у меня тоже к тебе есть разговор.

— Какой еще разговор? — Тойли Мерген сразу стал серьезным.

— Надоело мне сидеть за столом.

— Надоело тебе или не надоело, а сидеть тебе за этим столом придется, Дурды.

— Я ведь тоже твой родственник. Не следует забывать.

— Этим родством я могу только гордиться, Дурды. Но если ты уйдешь, Шасолтан придется трудно. Ты это понимаешь не хуже меня.

Солнце перевалило за полдень, когда Тойли Мерген пришел домой. Акнабат сидела надутая и пила чай.

— Что ты так быстро вернулась?

— А я не собиралась там ночевать! — сказала она и, гроя чайниками, поднялась.— Два умника, отец и сын, хорошую вы невесту нашли, куда лучше!

— А что тебе не понравилось в невесте, которую мы нашли? Рост или фигура?

Спокойный вид мужа распалил Акнабат:

— Мы там лишние. Там желающих и без нас много.

Хотя Тойли Мерген видел Сульгун один раз, она понравилась ему. Поэтому он спокойно продолжал:

— Это нормально. Желающих жениться на хорошей девушке и должно быть много. Тут — кто победит.

— Будь она хоть золотая, а мне она и за грош не нужна! — разбушевалась Акнабат. — Мой сын не переступит порога ее дома! Пусть только придет с работы, я ему покажу!

— Ну, что ты ему сделаешь? — не в силах сдержать улыбки спросил Тойли Мерген.

— Ты еще смеешься! А мне плакать хочется!

— Ну, скажи, что ты ему сделаешь?

— За волосы оттаскаю!

— Поможет ли?

— Или от матери откажется, или от нее!

После того как перед ним был поставлен чай, Тойли Мерген снова заговорил:

— Будь я на месте Амана, я бы ни с кем советоваться не стал. Дело не в том, сколько парней хотят на ней жениться.

Акнабат усмехнулась:

— Ты хочешь сказать — дело в любви?

— Конечно! — улыбнулся Тойли Мерген и решил пойти на уловку. — Я ведь женился на тебе, хотя твои родные не хотели. А почему? Потому что любил.

— Коли бы не хотели, не стали бы ждать семь лет, пока ты выплатишь за меня калым. И, пожалуйста, не уводи разговор в сторону. Говори о сыне!

— Если говорить о сыне, то у меня есть кое-какие опасения.

— Что еще?

— Я не уверен, что та девушка захочет стать женой твоего сына.

— Еще как захочет! Да если Аманджан кликнет, десять таких, как она, придут. Еще вприпрыжку прибегут.

— Не знаю, как другие, а она, пожалуй, не побежит. Ты хоть ее видела?

— Не видела, а знаю!

— Ну, раз ты все знаешь, я немножко прилягу, — сказал Тойли Мерген и, допив чай, ушел в другую комнату.

Даже из-за закрытых дверей ворчание жены довольно долго не давало ему покоя.

Под вечер, когда он ушел к Дурды Кепбану, Аман вернулся с работы.

Мать встретила сына со слезами на глазах:

— Боже мой, боже мой! Почему я не умерла весной, когда так тяжело болела! Я бы не испытала теперь такого позора!

— Мама, что с тобой? Я ничего не понимаю.

— Чего же тут не понять? — проворчала Акнабат и, грубо вздохнув, сквозь слезы посмотрела на сына. — Как мне

не плакать, если на девушку, которую мой сын решил взять себе в жены, с гордостью смотрит другой. А глупый отец тебя еще одобряет.

— Мама, прошу тебя, перестань плакать, — рассердился Аман. — Никто, кроме меня, с гордостью на Сульгун не смотрит!

— Ах, так! А если я собственными ушами слышала, что жена Сервера из Геокчи уже договаривается с Дурсун насчет свадьбы? Она сидит в их доме, словно привязанная, и через каждые два слова повторяет: «Мой Айдогдыджан любит Сульгунджан».

— Не может этого быть!

— Ты, значит, собственной матери не веришь?

— Ты была у них и сама видела мать Айдогды?

— Сынок! Разве бы я сказала, если б не видела! Когда я услышала, что болтает эта толстенная баба, меня озноб прошиб, волосы дыбом встали. Не помню, как я встала и ушла.

— Почему же ты ушла? Надо было хоть поговорить с матерью Сульгун.

— А зачем говорить, когда и так все ясно. Если бы не хотели, жена Сервера не сидела бы хозяйкой в их доме. Ей бы сразу дали от ворот поворот.

— Значит, ты и Сульгун не видела?

— На что она мне сдалась? Я узнала, кто она такая, и мне этого достаточно!

Аман молчал, опустив голову. А мать решила — раз задумался, уже хорошо, и беззвучно вышла на кухню за чайником и чурком. Но когда Акнабат вернулась, Амана и след простыл. Он бежал в сторону дороги, ведущей в город.

XVIII

По вечерам в ресторане дяди Ашота бывало особенно многолюдно. Обычно люди заранее заказывали столики.

На счастье Амана, Ашот Григорьевич еще не ушел и, увидев, что парень растерянно топчется в дверях в поисках места, подошел к нему, поблескивая золотыми зубами.

— Проходи, Аман, проходи! — приветливо сказал он на хорошем туркменском языке.

— Спасибо, Ашот-ага, а то я уж собрался уходить — вижу, сесть негде.

— Для тебя мы найдем местечко! — И Ашот Григорьевич

распорядился поставить в углу маленький столик. — Как дела?

— Неплохо.

— Почему такой грустный?

— Работы много, Ашот-ага.

— Когда человек много работает, у него лицо бывает усталое, а не грустное.

Подошла черноглазая молоденькая официантка и прервала их разговор. Аман заказал коньяк и люля-кебаб.

Снова сверкнув золотыми зубами, Ашот Григорьевич спросил:

— У тебя плохо на душе. Угадал?

— Угадали, — сознался парень.

— Когда я был в твоём возрасте, то мечтал только о двух вещах на свете, — начал Ашот Григорьевич. — Сказать?

— Скажите.

— Первое — о настоящих друзьях, которым можно было бы доверить сердечные тайны. И второе — о верной и, конечно, красивой девушке. Ни о чем другом я не печалился. А теперь, слава богу, и друзей у меня хороших достаточно, и на семью не обижаюсь. Только одно кажется обидным. Годы уходят. Тут уж ничего не поделаешь. Сие, как говорится, от нас не зависит. А все остальное хорошо. Будь счастлив, Аман. Заходи. Большой привет моему другу Тойли!

После ухода Ашота Григорьевича Аман быстренько выпил коньяк, немного поковырял люля-кебаб, закурил и вышел из ресторана.

Всю дорогу до дома Сульгун он дымил, прикуривая одну сигарету от другой.

«Зайти или не зайти? А может, позвонить из автомата?» — раздумывал он, но тут из подъезда неожиданно вышла Сульгун.

— Аман, что ты здесь делаешь?

— Да вот, пришел.

— Ты выпил?

— Может быть.

— Зайдем к нам.

— Нет, не пойду.

— Почему? Я несколько раз приглашала тебя, но ты говорил, что стесняешься. Сегодня, слава богу, ты сам пришел. Заходи. Я познакомлю тебя с мамой. Ну чего ты? По телефону ведь разговариваешь с ней. У меня очень хорошая мама. Сам увидишь, как с ней легко и просто. Пока попьешь чай, я сбегаю в больницу.

— Не зови меня сегодня, Сульгун, — сказал Аман, а сам не двинулся с места. — Иди в больницу, а я тут поброжу, подожду тебя.

— Аман, как ты себя ведешь? — Девушка начала сердиться. — Утром была у нас тетя Акнабат. Моя мама обрадовалась ей, хотела принять получше, но тетя Акнабат, не выпив даже чаю, ушла. Теперь ты. Что все это значит?

— А ты не знаешь?

— Нет.

— Хочешь, чтобы я сказал?

— Говори.

— Почему у тебя от меня секреты?

— Какие секреты?

— Не делай вид, что не знаешь, Сульгун.

— Честное слово, не знаю.

— Тогда скажи: зачем приходила мать Айдогды?

Только теперь Сульгун поняла, что к чему, и от всей души рассмеялась.

Вернувшись сегодня днем с работы, Сульгун застала свою мать опечаленной. И на вопрос дочери, не заболела ли она, Дурсун рассказала, что приходила мать Амана и ни с того ни с сего, отказавшись от чая и обеда, ушла. Мать и дочь были в полном недоумении, тем более что тетюшка Акнабат много лет не бывала у них.

«Значит, мать Айдогды внесла такую сумятицу в головы этих хороших людей!» — подумала Сульгун, а вслух сказала:

— Обо всех сватах я должна тебе сообщать?

— А их много?

Девушка не ответила.

— Ты почему молчишь?

— Ну, что я могу тебе сказать?

Аман махнул рукой и зашагал прочь от дома.

— Ты куда?

— Не знаю. Мне надо успокоиться. Потом как-нибудь зайду.

— Как хочешь! — крикнула ему вдогонку Сульгун и засмеялась.

— Ты что смеешься?

— Потом поговорим, когда ты успокоишься.

Аман шел, не оглядываясь. Сульгун смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду.

Куда он идет? Неужели опять в ресторан? Может быть, догнать его? А если не послушается? Может быть, она сумеет ему объяснить? А что, собственно, надо объяснять? Что тут

непонятного? Пусть делает, что хочет! А ей надо бежать в больницу.

Хотя Сульгун и была молодым врачом, но у нее уже вошло в привычку навещать вечером больного, прооперированного ею утром. Больница находилась поблизости от дома, и она всегда ходила туда и обратно пешком.

Сегодня, когда мысли об Амани не оставляли Сульгун, ей не хотелось задерживаться на работе. Но тем не менее она пробыла в больнице почти до одиннадцати часов.

Старый шофер, увидев торопливо выходящую Сульгун, нагнал ее.

— Дочка, поздно уже, садись, отвезу, а то пусто на улицах.

— Спасибо, Перман-ага. Но я не домой, чуть подальше.

— Тем более. Говори, куда ехать?

— В ресторан дяди Ашота.

— В такое время, дочка, в ресторан никак нельзя. Если что нужно, я тебе сам привезу.

— В ресторане мне ничего не нужно. Мне нужно в одно место поблизости от ресторана.

— А, ну если так, ладно.

Еще издали увидев, что в дверях ресторана Аман толкается с каким-то человеком, девушка остановила машину, вышла и отпустила шофера. Пожилой швейцар совсем выбился из сил, стараясь оттащить парня от дверей.

Сульгун решительно подошла к ним и взяла Амана за руку.

— Вот это дело, — обрадовался швейцар. — Никак не могу толковать этому молодому человеку, что ему давно домой пора. Вам бы надо было пораньше приехать.

— Спасибо вам, — сказала Сульгун и приказала Аману: — А ну, пойдём!

Аман покачиваясь, нехотя двинулся с места.

— Это ты, Сульгун?

— Да, я.

Повиснув на руке у девушки, он забормотал:

— Ты? Что ты здесь делаешь среди ночи?

— Приехала за тобой.

— Ты? Как ты догадалась, что я здесь?

— Некоторые считают, обиду лучше всего заливать водой.

— По-твоему, и я такой, как некоторые.

— Сейчас, например, ничем от них не отличаешься. Ну-ка, иди ровнее. Я хоть отведу тебя домой.

— Куда? Домой? — Аман замахал свободной рукой и зло рассмеялся. — Теперь у нас дома нет.

— Аман, перестань болтать!

— Я не болтаю. Теперь в том доме поют и танцуют ребяташки.

— Не понимаю.

— Я и сам не понимаю. Зато Тойли Мерген понимает! Мой щедрый отец!

«Может, правда Тойли-ага продал свой дом», — подумала Сульгун и сказала:

— Ну, если нет того дома, пойдем в другой.

Пьяно упрямясь, Аман откинулся назад.

— В другой я не пойду!

— Может быть, к отцу поедешь? Ах, не надо было мне отпускать Пермана-ага.

— И туда не поеду! Куда ты меня тащишь?

— Какая разница, куда? Аман, води себя прилично!

— Я всегда веду себя прилично. А ты, ты, Сульгун, не оправдала моего доверия. Зачем, зачем ты пускаешь в дом сватов? Ни один сват не имеет права заходить в ваш дом, ничья мать не имеет права... Кроме моей...

— Идем, Аман!

— А я тебе говорю...

— А ты лучше помолчи. Когда придешь в себя, мы поговорим.

— Хотя я и пьян, хоть я и вдребезги пьян, я все понимаю. Просто чуть-чуть язык заплетается, а так все нормально. Почему у тебя секреты от человека, которого ты... нет, который тебя любит. А? Ну, скажи. Остальное — ерунда. Вот что меня обидело. Если ты до сих пор не знаешь этого, тогда я...

— Аман, постарайся идти хоть немножко ровнее. Потом мы с тобой обо всем поговорим.

— Почему потом? Я лично... Лично я уверен, что сейчас самый подходящий момент! — Аман, который и прежде-то шел с трудом, остановился, раскачиваясь, но зато язык у него вдруг перестал заплетаться. — Смотри, пустынная улица, тихая ночь. Ни людей, ни машин. Лишь поблескивают лампочки да шелестят листья на деревьях. Никого, только ты и я. Ну-ка, выйди, выйди сюда из-под тени дерева. Гляди, вон какая круглая луна. Она нам с тобой светит!.. Сульгун! Ну, не хмурь брови, посмотри мне прямо в глаза.

До сих пор Аман еще ни разу так не разговаривал с ней.

— Ну посмотрела! — улыбаясь, проговорила Сульгун. — Что ты хочешь этим сказать?

— Подойди поближе.

— Аман, пойдем, мы же на улице.

— А я говорю тебе, подойди поближе! — упорствовал он.

— Ну, подошла.

Аман обнял ее и поцеловал.

— Теперь води меня куда хочешь!

— Аман, как ты себя ведешь? — желая показать, что возмущена, проговорила Сульгун, но голос ее прозвучал мягко и ласково.

— Все, теперь все! — сказал Аман и, стараясь не качаться, отодвинулся от нее. — Ты не услышишь от меня ни слова...

И в самом деле он умолк, покорно подчинившись де-вушке.

Сульгун добралась с ним до своего дома и с величайшим трудом втащила его на второй этаж. Тут она остановилась, открыла ключом дверь и очень смутилась, увидев в прихожей мать.

— Мама, я думала, ты легла. Понимаешь, мне пришлось привести Амана. Ты не будешь сердиться? Он в плохом состоянии, я не знала, как быть, и привела его к нам.

— Не беда, дочка, — сказала Дурсун. — А где он?

— Он за дверью. Мама, если тебе не трудно, постели ему постель. Я ужасно устала.

— Все сделаю, дочка, не волнуйся, — ответила мать и выглянула на лестницу. — Заходи, мой хан!

— Са... салам, тетушка!

— Проходи, проходи.

Аман изо всех сил старался казаться трезвым. Но что ты сделаешь, если ноги тебе не подчиняются? Покачиваясь, он вошел в квартиру.

— Иди, хан мой, иди! — приговаривала Дурсун и, поддерживая его, провела в свою комнату. — Вот постель. Раздевайся и ложись. Не стесняйся, будь как дома.

Никто не беспокоил Амана, пока он сам не проснулся. Он не удивился, что лежит в чужой комнате на чужой постели. Он, как ни странно, — ведь выпито было порядочно, — помнил почти все. И как он, опрометью выскочив из дома, помчался в город. И ресторан. Потом второй раз ресторан. Он помнит, как Сульгун тащила его по безлюдным улицам и он по дороге рассердился на нее, стараясь объяснить, что никто не имеет права засылать к ней сватов, потому что он, Аман, любит ее. Он помнит, как обнял и поцеловал свою любимую. Он помнит, как покорно пошел к ней в дом. Он пом-

нит, как ласково отвела его сюда, в эту комнату, тетушка Дурсун и сказала, чтобы он не стеснялся и ложился спать.

Да, он все помнит. Но понять своего поведения не может. Пьяный молодой человек приходит в дом девушки и укладывается спать.

Боже, какой стыд! А еще не решался прийти и познакомиться с ее матерью, хотя она несколько раз просила его. Зато теперь он предстал перед своей будущей тещей во всей красе. Его мать никому бы такого не простила. А тетушка Дурсун не упрекнула его, даже, наоборот, старалась утешить.

Лучше бы она раскричалась и вытолкала его, пьяного, из дома. Что теперь делать? Как он покажется ей на глаза? Почему Сульгун не разбудила его? Наверно, она уже ушла на работу. Будь она дома, было бы все-таки проще.

Аман оделся, застелил постель и, не зная, что делать, стоял посреди комнаты.

Тихий голос тетушки Дурсун вывел его из оцепенения.

— Как тебе спалось, мой хан? — спросила она.

Покраснев до ушей, Аман открыл дверь.

— Спасибо, очень хорошо, очень, — пробормотал он, низко опустив голову.

— Не прячь глаза, хан мой, не надо, — старалась подбодрить его Дурсун. — Чего в молодости не бывает. Сульгунджан хотела разбудить тебя пораньше, а я не велела трогать. Ступай, умойся, чай на столе.

— Стыдно мне, тетя Дурсун. Гнать меня надо, а не чаем поить, — не поднимая головы, проговорил Аман. — И на работу я опоздал.

— Если ты сегодня опоздал, — пазидательно сказала Дурсун, — завтра начнешь пораньше. А сейчас умойся и иди к столу. Тебя завтрак ждет. Для тебя готовила. Не пропадать же добру?!

Наверно, все матери на свете похожи друг на друга. Сколько раз и у себя дома слышал он такие слова.

За столом тетушка Дурсун не докучала Аману разговорами, только подливала чай и подкладывала еду. Заметив, что он осторожно отодвинул тарелку, она спросила:

— Ты уже поел? Или тебе не понравились мои голубцы?

— Спасибо, все очень вкусно, — ответил Аман и поднялся. — Больше мне нельзя задерживаться. У меня, вы же знаете, сердитый отец. Он до грамма подсчитывает собранный хлопок. Мне и так влетит. А если я еще задержусь, он поднимет шум. Спасибо вам за все. Простите меня, что доставил столько хлопот.

— Ну, раз так, иди, хан мой, — сказала Дурсун, провожая парня до дверей. — Маме передай от меня большой привет. Она тут приходила ко мне, да ни с того ни с сего встала и ушла. Что она вдруг заторопилась, я и не знаю. Так мы с ней ни о чем толком и не поговорили.

— Будьте здоровы. Еще раз спасибо. А мама к вам непременно придет, и вы с ней обо всем поговорите.

XIX

Обложившись толстенными папками, Караджа Агаев, не понимаясь, просидел до самого вечера. Все искал, искал. Он переночевал в колхозной гостинице и с рассветом продолжал ревизию. Поскольку перелистывание бумаг желанных результатов не давало, Агаев стал вызывать к себе то одного, то другого колхозника, задавая каждому множество вопросов. Однако ни один ответ не пришелся ревизору по душе, и он все больше и больше хмурился. Карадже Агаеву было приказано поймать, так сказать, бывшего председателя за руку. Но как ни старался ревизор, ни махинаций, ни воровства обнаружить ему не удавалось.

На третий день ревизии он нашел людей, которые были не в чести у Тойли Мергена. Но и тут его ждало разочарование — никто не захотел клеветать на бывшего председателя.

Кособокий Гайли не ждал приглашения. Он явился к ревизору сам и прямо с порога предложил свои услуги:

— Если ты за столько лет, Караджахан, не сумел узнать Тойли Мергена, хотя немало чая у него выпил, я тебе расскажу, кто такой наш бывший председатель!

Ревизор так обрадовался приходу Гайли, а еще больше его многообещающим словам, что подумал: «Я, кажется, открыл крышку сундука с золотом».

— Говорите, говорите, старина! — засуетился от нетерпения ревизор. — На какие средства Тойли Мерген построил дом? Может быть, зятья подбросили ему денег, продавая ворованные арбузы? На честно заработанные деньги такой дворец не построишь!

И опять ревизор услышал не то, что хотел.

— А я-то думал, Караджа, что ты — человек умный, — презрительно посмотрел на него Кособокий. — Сидишь в конторе за столом с телефоном, небось, и секретарь есть. А такой ерундой занимаешься. Нет, ты не оправдал моих надежд. — Гайли сдвинул на лоб шапку и продолжал: — Я собирался рассказать тебе, какой мой зять грубиян, даже деспот. А тебя

вон что интересуется. Спросил бы у самого Тойли Мергена. Он тебе точнее всех ответит. Может, и наорет на тебя, но скажет правду. Хоть он и грубый человек, но настоящий мужчина и в чужой карман не залезет. Так что послушай моего совета, не отрывай людей от дела и сматывайся отсюда!

Довольный собой, Кособокий Гайли обнажил свои желтые зубы в улыбке и, даже не кивнув ревизору, вышел.

Карадже Агаеву и правда следовало бы убраться из колхоза. И для него было бы лучше, и для репутации его учреждения, и для пославшего его начальника.

Но слишком слаб, слишком ничтожен был Караджа Агаев, чтобы признаться даже себе в бессмысленности своих поисков. В ушах гудели слова Каландара Ханова: «И освободить можем!» Поэтому он снова и снова склонялся над папками и перебирал пожелтевшие бумаги. Надо лечь костью, но сделать все, чтобы уважить Ханова. Если бы это было не так важно, не стал бы председатель райисполкома приглашать к себе на плов Караджу Агаева и поить его дорогим ромом.

Один день сменял другой, а ревизор, осунувшийся и небритый, все еще терся грудью о бумаги.

Если Караджа Агаев все больше нервничал и суетился, то Дурды Келбан, в противоположность ему, становился спокойнее. После встречи с Тойли Мергеном его злость на ревизора немного поутихла. Каждое утро, придя на работу, он спрашивал молодого счетовода:

— Ну как, Аннагельдыхан, ревизия все еще продолжается?

— Продолжается, Дурды-ага, продолжается! — говорил Аннагельды, подмигивая, корча рожи и показывая рукой, какую бороду отрастил ревизор, не имея времени побриться.

Но сегодня с утра Дурды Келбан снова огорчился. Он заглянул в соседнюю комнату. В сигаретном дыму сидел сгорбленный, заросший седой щетиной Караджа Агаев и вытирал пот со лба. Главный бухгалтер нахмурился и притворил дверь.

— Лишь бы судьбы человеческие не зависели от таких вот, как этот, жалких людишек, — проговорил он.

Аннагельды поднял голову:

— Вы мне что-то сказали, Дурды-ага?

— Нет, — вздохнул главный бухгалтер и сел за свой стол. — Просто подумал о судьбах людских.

— О чьих именно?

— Ну как тебе объяснить? Вот ты уже год работаешь со

мной. И я, мне кажется, знаю тебя, понимаю, чем ты живешь. Когда-то и Караджа Агаев сидел вот так же, как и ты, и работал рядом со мной. Хоть он и не намного моложе, для него и в те времена я был Дурды-ага. Я думал, что знаю его, так же как сейчас знаю тебя. Все мы считали его чистосердечным, совестливым парнем. И не было у него этой фальшивой улыбки. Семь дней назад, когда он приехал сюда, я сначала обрадовался, потом разозлился. А сейчас посмотрел на него и расстроился. По правде говоря, даже испугался. Сидит убитый горем человек. Ведь, казалось, должен бы радоваться, что не обнаружил у своего доброго друга и покровителя никаких злоупотреблений. Почему, почему он так огорчен? Уму непостижимо. А ведь есть какая-то причина. Вот о чем я раздумываю, Аннагельдыджан!

Аннагельды даже не заметил, как, отложив работу, встал и подошел к столу Дурды Кепбана.

— А в самом деле, почему? Если бы я был на его месте, я бы сказал и председателю, и вам, Дурды-ага, и самому Тойли-ага: «Простите, товарищи!» И уехал бы туда, откуда приехал. А может быть, кто-то принуждает его? — размышлял вслух счетовод. — Нет, разве можно принудить человека, если он хоть немножко, хоть самую малость уважает себя?

Но получить ответы на свои вопросы парень не успел.

Из соседней комнаты вышел Караджа Агаев и со злостью швырнул на стол главного бухгалтера связку ключей, которая несколько дней назад была так же брошена ему самому. Дурды Кепбан и бровью не повел.

— Кончил? — спросил он.

— Кончил.

— Идем, если кончил! — И Дурды Кепбан повел ревизора к председателю.

— Садитесь, — вежливо предложила Шасолтан. — Рассказывайте, как ваши дела. Закончили уже?

— Закончил, — буркнул Агаев.

— Что вы нам можете сказать?

— Ничего не нашел, — вздохнул Караджа Агаев.

— Вы, кажется, жалеете об этом? — Шасолтан слегка прищурилась.

— А? Что вы сказали?

Чуть повысив голос, Шасолтан повторила:

— Жалеете, говорю, об этом?

— Ой, нет же, нет! — растерянно и даже жалобно проговорил ревизор.

— Значит, вы сегодня уезжаете?

— Да, хотел бы уехать сейчас,— сказал Агаев.

Не в силах поднять глаза на председателя и на главного бухгалтера, он собрался было встать, но Дурды Кепбан придавил его плечо:

— Нет, сейчас не уедешь, не отпустим.

— Почему? — обиженно спросил Агаев и устремил свой беспомощный взор на Дурды Кепбана.

— А ты не знаешь — почему? — стараясь подавить снова вскипевшую ярость, тихо, но грозно заговорил Дурды-ага. — Ты целую неделю сидел у нас на голове! Целую неделю из дома в дом передавали страшные слова: проверяют Тойли Мергена! Целую неделю ты искал вора. Искал! Но не нашел. Об этом тебе придется написать и поставить собственную подпись. Вот бумага, а вот ручка!

— Дурды-ага прав,— поддержала главного бухгалтера Шасолтан. — И вам это нужно, и нам.

— Может быть,— заерзал на стуле Агаев,— я потом напишу и пришлю? Надо ведь время, чтобы подумать.

— А мы тебя не торопим,— тут же нашелся Дурды Кепбан. — Думай, сколько хочешь. Напишешь и уедешь. Никто тебя не задержит.

Ревизор сидел, уставившись в стопку бумаги, но ручку не брал.

— Может, и для этого нужно разрешение Ханова? Если нужно, я ему сейчас позвоню,— стараясь скрыть улыбку, проговорила Шасолтан.

— Нет,— выжал из себя Агаев.

Просидев чуть ли не с полдня, Караджа Агаев пацарапал на листочке бумаги несколько слов. Никто не мог понять, почему это заняло у него столько времени. Очевидно, трудно было ему написать правду.

Пробежав глазами записку ревизора, Дурды Кепбан рассмеялся.

Агаев проглотил обиду и, нахмурившись, спросил:

— Что, не годится?

— Годится,— все еще улыбаясь, ответил главный бухгалтер и сунул записку в ящик стола.

Караджа Агаев пошевелил губами, вроде бы желая что-то сказать. Но почему-то смолчал, растерянно глядя на собеседника.

Догадавшись, о чем думал ревизор, Дурды Кепбан пришел ему на помощь

— Аннагельды! Сходи, голубчик, посмотри, здесь ли машина председателя.

Аннагельды вышел и сразу же вернулся.

— Шасолтан уехала, — доложил он. — Она, кажется, говорила, что ее вызвали в район, там, наверно, опять совещание.

— На нет и суда нет.

— Как же я доберусь? — жалобно промямлил Агаев.

— Нет ничего проще, — сказал Дурды Кепбан. Он легко поднялся с места, подошел к окошку и протянул руку на север. — Вон шоссе. До него дойти — пара пустяков. А там машины одна за другой идут в город.

Измученному Агаеву хотелось побыстрее добраться до райисполкома. Через полтора часа кончится рабочий день. Необходимо сегодня же доложить Ханову результаты ревизии. Пусть он кричит, пусть топает ногами, но Агаев должен именно сегодня избавиться от этой проклятой заботы. А завтра выходной, и он сможет отдохнуть.

Агаев доплелся до шоссе. Машины и правда неслись одна за другой, но шоферы и не глядели на поднятую руку ревизора. Не менее получаса проболтался он на шоссе. Наконец нашлась добрая душа. Шофер грузовика пустил его в кабину, согласившись подбросить до города. Как ни умолял он водителя довезти его до райисполкома, тот не соглашался, сказав, что не желает из-за каких-то копеек лишаться прав. Таким образом, Агаеву пришлось еще пешком добираться до места. Оставались считанные минуты до конца рабочего дня, когда он, взмыленный, появился в приемной председателя райисполкома.

— Товарищ Ханов здесь? — не успев отдышаться, спросил Агаев у секретарши.

— Вообще-то здесь, но пожалуй что не примет вас, — с безразличным видом проговорила та.

— У подъезда много машин. Что, у товарища Ханова совещание?

— Да, у него председатели колхозов. Они уже давно совещаются. Один аллах знает, когда кончат.

— Если можно, доложите ему, что я здесь. Он меня непременно примет.

— Сейчас выступает председатель колхоза «Хлопкороб», — сообщила обо всем осведомленная секретарша. — Когда она кончит, я доложу.

Немного отдышавшись, Агаев опустился в кресло. Секретарша окинула его равнодушно-презрительным взглядом и сказала:

— А я вас не сразу узнала. Вы что, из пустыни вернулись?

— Нет, не из пустыни.

Хотя Агаеву не хотелось улыбаться, он, чтобы угодить собеседнице, чуть раздвинул губы.

— А вид у вас, как бы это сказать, очень усталый.

— Да, да, и не говорите... Курить здесь, кажется, можно?

— Курите! Ах, я совсем забыла, вы ведь ездили в «Хлопкороб», ревизовать Тойли Мергена. Ну как, удачно съездили?

— Я не понял вашего вопроса. Что вы называете удачей и что неудачей?

— Ну, нашли вы что-нибудь?

— Нет, ничего не нашел.

— Ничего? — Смеющимися глазами женщина уставилась в измученное лицо Агаева. — А товарищ Ханов надеялся на вас. Не думаю, что его обрадует ваше возвращение с такими результатами.

— Обрадует или не обрадует, а придется говорить правду.

Секретарша хоть и разговаривала с ревизором, но прислушивалась к тому, что происходит в кабинете. Даже через обитую дерматином дверь был отчетливо слышен грозный голос Ханова. И не только голос, но и стук его кулака по столу.

Караджа Агаев испуганно вжал голову в плечи.

А секретарша, уже привыкшая к такому стуку и крику, осторожно ступая, вошла в кабинет и сразу так же тихо вышла.

— Я сказала, что вы приехали, товарищ Агаев.

— А что он? Велел ждать?

Не успела она раскрыть рот, как высокая дерматиновая дверь распахнулась и на пороге появился сам председатель райисполкома.

Агаев торопливо бросил в пепельницу сигарету и вскочил.

Вместо приветствия Ханов посмотрел на Агаева сверху вниз и сквозь зубы процедил:

— Приехал?

— Приехал, товарищ Ханов.

— Жди, — отрезал он. — Жди здесь.

— Вы скоро заканчиваете?

Ханов не счел нужным ответить.

— Где заведующий районо? — спросил он секретаршу.

— Сейчас придет,— заверила она.— Через минуту будет здесь.

Как только крупная фигура Каландара Ханова скрылась за дверью, вбежал худощавый смуглый человек и недоуменно заговорил:

— Опять вызывает? Ведь я еще не успел передать по школам его распоряжение!

— Быстрее заходите!

Заведующий районо недолго пробыл в кабинете председателя. Бледный и растерянный, он вышел оттуда, не прикрыв за собою дверь, и остановился посреди приемной, ощупывая карманы. То ли по его дрожащим рукам, то ли еще почему, но Агаев решил, что он хочет закурить, и протянул ему сигареты.

— Спасибо, я бросил курить,— сказал тот и, покачивая головой, вышел.

— Опять новый заведующий районо? — спросил ревизор.— Неделию назад был другой.

— Да, новый,— уткнувшись в бумаги и не поднимая головы, ответила секретарша.— Товарищ Ханов не любит, когда не выполняются его приказания. Так что приходится менять людей.

Ей легко так говорить. А каково тем людям, которых он меняет? Даже страшно подумать, как Ханов поведет себя с ним, с Агаевым, когда услышит о результатах ревизии.

Агаев сидел пожухлый, словно куст хлопчатника, который подрезали под корень. Из оцепенения его вывел стук кулака по столу. Поскольку дверь была неплотно закрыта, казалось, стучат здесь, в приемной.

— Товарищ Ханов говорит! — шепотом возвестила секретарша и вся обратилась в слух.— Теперь недолго ждать, скоро кончат,— так же шепотом сказал она ревизору.

Но теперь Агаев, по правде говоря, готов был ждать хоть до рассвета, лишь бы на него вот так не стучали кулаками.

Секретарша ошиблась. Ханов говорил не менее получаса. Сначала голос его звучал монотонно и слов нельзя было разобрать. Но постепенно он набирал силу и, можно сказать, перешел на крик.

— Хлопок — наше богатство! Хлопок — наша гордость! — выкрикивал председатель райисполкома.— Если человек не усвоил этой истины, ему с нами не по пути. Как я уже говорил, уборка идет из рук вон плохо. Медленно! Точнее, сбор хлопка в районе находится под угрозой! Для того чтобы выйти из этого угрожающего положения и выполнить свой священный долг перед государством, мы должны ре-

шить, что делать сегодня, именно сегодня, в настоящий момент. А делать мы должны следующее: начиная с пенсионеров и кончая школьниками-первоклассниками, всех отправим на хлопок. Даже на шеи самих председателей колхозов повесим фартуки! Понятно, товарищи?

Сначала все молчали.

«Кажется, на этот раз товарищ Ханов переборщил, — подумала секретарша. — Будь я председателем колхоза, ни за что не наценила бы на себя фартук».

— Дети должны учиться, — слышался спокойный голос Шасолтан.

— Я предвидел такое возражение.

— Законное возражение, — поддержал кто-то мнение Шасолтан.

— Не знаю, законное или нет, но я отвечу вам на это словами знаменитого на весь мир человека. Итак, этот человек, имя которому Макаренко, сказал, что главное для ребенка — трудовые навыки. Значит, надо учебу сочетать со сбором хлопка.

— Нельзя учебу сочетать с таким тяжелым трудом, — снова возразила Ханову Шасолтан.

«А шустрая девушка!» — с завистью подумал Агаев.

— Почему нельзя? — удивился председатель. — Пусть с утра собирают хлопок, а после полудня учатся!

— Во-первых, уставший ребенок не сможет толком учиться. А во-вторых, откуда он возьмет время делать уроки? — не уступала она.

— Ничего с детьми не случится, если они еще пару месяцев в году не будут ходить в школу. Думаете, поглупеют они от этого? — гнул свое Ханов. — Я, например, начал учиться в четырнадцать лет!

— Это, между прочим, заметно, — уже пошла в открытое наступление Шасолтан.

— Что вы хотите этим сказать?

— Все, что я хотела, я сказала, — не унималась она. — Я категорически против того, чтобы дети собирали хлопок. Разве что в выходной день. Если отрывать детей от занятий, вырастут полуграмотные люди. Потом они нам этого не простят. Если мы детскими руками соберем гору хлопка, это никогда не восполнит пробела в их знаниях!

— Я поставил перед вами задачу, — раздельно проговорил Каландар Ханов и стукнул кулаком по столу. — И требую решения этой задачи!

— Стучать кулаком по столу проще, конечно, чем по-

дыскивать убедительные доводы. Но меня сейчас интересует другое. Чье это требование — лично ваше или исполкома?

— А вам недостаточно моего требования?

— Нет! — решительно заявила Шасолтап. — Пока я не получу на руки официальную бумагу, я ни одного ребенка не пошлю на хлопок!

— Если прикажут, должны будете послать!

— Мне нужен официальный документ. Надеюсь, что и другие председатели колхозов со мной согласятся. И вообще нам не препираться следует, а серьезно поговорить об организации труда, то есть об улучшении культурного обслуживания сборщиков, о полном использовании хлопкоуборочных машин. Ведь запасные части подсекают нас на каждом шагу. Это — одно. И второе... — девушка задумалась, не решаясь, видно, продолжать.

— Говорите, говорите! — раздались голоса.

— Ну что ж, скажу. Я почти ежедневно приезжаю сюда с тех пор, как стала председателем. Каждый из нас с радостью придет, если это полезно для нашего дела. Но подумайте, сколько времени мы тратим на такие вот, как сегодняшнее, совещания. Не пойму — кому и зачем они нужны? Человек, сумевший вырастить урожай, сумеет и собрать его. Даже дети и те знают, что хлопок нужен и нам самим — это и деньги, и достаток, — и государству. Дайте нам спокойно работать, не тормозите нас, не стучите кулаками по столу. У нас тоже есть головы на плечах. Дайте нам жить своим умом.

— Вы закончили? — уже не повышая голоса, спросил Ханов.

— Да, я кончила.

— А я не кончил. — Председатель райисполкома встал. — Вот ваша вчерашняя сводка. Смотрите!

— Скоро будет другая.

— Когда?

— В тот день, когда хорошенько раскроются коробочки.

— Когда они у вас раскроются?

— Когда у людей, тогда и у нас. И сводка сразу изменится.

— А как в бригаде Тойлы Мергена?

— И Тойлы Мерген не отстает от других. Вы удовлетворены, товарищ Ханов?

Если бы сейчас пролетела муха, шум ее крыльев нарушил бы тишину в приемной.

Секретарша и Агаев слушали происходящее в кабинете, затаив дыхание.

— Нет! — снова повысил голос Ханов. Но на этот раз не

стукнул кулаком по столу. — Не удовлетворен! И вот почему. Много у нас таких, что дают слово, но не держат его. Вот и приходится не словам верить, а сводкам. Только сводкам! Как вы сами говорите, это во-первых. А во-вторых, я вам, товарищ Шасолтан Назарова, дам один совет. Хотите — прислушайтесь, не хотите — как угодно. Мой долг сказать. По-моему, вам следовало бы поменьше говорить и побольше слушать, поменьше разглагольствовать и побольше работать. Вы человек молодой. Хотя вам и кажется, что вы все понимаете и все знаете, на самом деле вы еще очень многого не учитываете. Если план по хлопку не будет выполнен в срок, то от ваших красивых слов останется пшик. То, что я сейчас говорю, касается не только товарища Назаровой. Всех касается! Всех! Если же план будет выполнен, то будут и благодарности, и медали, и ордена. Вполне возможно, что некоторые товарищи окажутся достойными и Золотой звездочки. Это я вам обещаю. Но не забывайте главного. План и еще раз план. Иначе ответите партбилетами. Хотите — заставляйте работать детей, хотите — взрослых, мне это безразлично. Мне нужен хлопок! Хлопок! Вот так, товарищи. Теперь понятно? Если понятно, то давайте на этом закончим.

По одному, по двое выходили председатели колхозов. Шасолтан вышла вместе с дядюшкой Санджаром.

— Напрасно ты сердишься, дочка! — по-отечески увещевал ее повидавший виды человек.

— Почему напрасно? Ну чем, скажите, сегодняшнее совещание отличается от позавчерашнего? — Шасолтан говорила громко, не боясь, что ее услышат.

— Ну и пусть его! Чего нам беспокоиться? — развел коротенькими руками старик и тихо добавил: — Сказали тебе, приезжай — приезжай. Скажут, садись — садись. И слушай, что говорят. А вернешься домой, действуй как знаешь.

— Вы так и делаете?

— Только так. Слушаю и помалкиваю, будто рот у меня воском залит.

— Приезжать! Уезжать! Сидеть тут часами, а то и по целым дням! Неужели вам не жалко времени?

— А что сделаешь, хоть и жалко? — снова развел руками старик.

— Если вы, я, он — мы все будем молчать, толку никогда не добьемся.

— Я бы сказал, и мне есть что сказать, но силы у нас неравные. Вот я и молчу. А делаю по-своему.

— В этом ваша ошибка, Санджар-ага. Я помню ваши слова о Тойли Мергене. Как хорошо вы тогда сказали: «Если он теперь никому не нужен, пусть его отдадут мне!» Такие слова о Тойли Мергене в то время мог сказать только прямой, честный и смелый человек. А сегодня я вижу — болен этот человек, заразили его.

— Болен? Заразили? Нет, дочка, я себя хорошо чувствую.

— Не обижайтесь на меня, Санджар-ага. Я всегда говорю то, что думаю. Равнодушием называется ваша болезнь.

— Ах, вот ты о чем. Нет, милая, не равнодушие подсказывает мне молчать до поры, а опыт. Поймешь, когда постарше станешь.

Шасолтан задумалась, но по тому, как она тряхнула головой, было ясно, что Санджар-ага ее ни в чем не убедил.

— До пленума райкома и я теперь помолчу. Но уж там все скажу. — Девушка пагнулась к уху старика: — Увидите, как я растрясусь Ханова.

— Будем живы — послушаем тебя, дочка! — старик захотел, прикрывая коротенькой рукой рот.

Ни Шасолтан, ни Санджар-ага не заметили пялившего на них глаза Агаева. Впрочем, не только они, но и почти все выходившие из кабинета Ханова не обратили на него внимания.

В кабинете никого не осталось, но Ханов еще с полчаса заставил ревизора ждать. Наконец ему разрешено было войти. Беззвучно ступая, сжатой под мышкой папкой, Агаев вошел в кабинет. Ханов сидел, обхватив голову руками, и вроде бы не замечал, что ревизор стоит перед ним, не решаясь сесть.

Но вот начальник откинулся к спинке кресла и угрожающе проговорил:

— Чего торчишь, будто аршин проглотил? Садись!

Агаев замешкался, не зная, куда сесть — поближе или подальше.

«Куда бы я ни сел, — подумал ревизор, — он до меня доберется».

Словно прочитав его мысли, Ханов усмехнулся:

— Ближе садись, ближе! Сбежать не удастся.

Агаев развел губы в жалком подобии улыбки и сел, оставив между собой и начальником три стула.

— Я и не думаю бежать от вас, товарищ Ханов, — дрогнувшим голосом сказал он.

— Я знаю, о чем ты думаешь! — Ханов стукнул кулаком по столу. — Я уже слышал, какую ревизию ты провел. В каком виде ты явился сюда? За целую неделю не нашел времени

побриться? Сколько ящиков водки ты выпил, ребра скольких козлят обглодал?

Агаев знал, что шуму ему не избежать. Но такого рода обвинений он не ждал.

— Товарищ Ханов! — взмолился ревизор, ощущая во всем теле слабость. — Клянусь могилой моего бедного отца. Поверьте мне, с того момента, как я приехал туда, у меня во рту не было ничего, кроме черствого чурека и холодного чая. Клянусь вам!

— Нашел дурака! Поверил я твоим клятвам! — зло засмеялся Каландар Ханов. — Наплевать мне на то, что ты ел и пил! Скажи лучше, какую ты взятку получил!

Ревизора залил пот.

— Товарищ Ханов!

Председатель райисполкома не пожелал его слушать:

— Все равно я тебе не поверю, что Тойли Мерген чист. Я знаю, что помогло ему. Хрустящие бумажки! Сотенные! Не увиливай и говори прямо. Сколько ты взял? Тысячу? Две? Может, побольше? А?

— Товарищ Ханов!

— Заткнись! — заорал Ханов. — А ну, выкладывай на стол все, что у тебя за пазухой.

— Товарищ Ханов!

— Я сказал, замолчи! Если ты признаешься в своем преступлении, я еще, может быть, прощу тебя. А если начнешь вилить, то сначала уволим, а потом...

— Товарищ Ханов! — прервал его Агаев. — Я уехал оттуда как оплеванный. За что же вы понапрасну обижаете меня! — Ревизор даже всхлипнул. — Я ведь считаю вас самым справедливым человеком, единственным в нашем районе...

Больше Агаев не мог говорить. Он закрыл лицо руками и откровенно заплакал.

Ханов поморщился и, отвернувшись от Агаева, со злостью нажал кнопку звонка.

— Убери его с глаз долой! — закричал он вошедшей секретарше.

Ревизора мутило, голова у него кружилась, и поднялся он с величайшим трудом. Будто слепой, он на ощупь искал лежавшую перед ним папку.

Собирая со стола бумаги и пряча их в сейф, Ханов не желал замечать, в каком состоянии Агаев. Секретарша поняла, что ревизору плохо, и под руку вывела его из кабинета в приемную. Но тут он уронил злосчастную папку и рухнул на пол.

— Ой, ой, товарищ Ханов, помогите! — закричала в дверь испуганная женщина.

— Что ты кричишь? — возмутился тот, не двигаясь с места.

— Он упал, он без сознания!

— Упал? — ехидно усмехнулся председатель. — Пусть взяток меньше берет, не будет терять сознания.

— Да вы посмотрите, как он лежит. Если с ним что-нибудь случится, у вас же будут неприятности.

— Раз ты так боишься, позвони в «Скорую помощь»! — бросил Ханов и, поскрипывая сапогами, вышел в приемную. Даже не взглянув на лежащего в беспамятстве Агаева, он обогнул его и важно удалился.

XX

Знакомый скрип сапог заставил Шекер открыть глаза. Оказывается, она прилегла на диван и задремала.

— Моя Шекер! — как обычно кликнул ее вернувшийся домой муж.

Шекер быстро нащупала шлепанцы и вышла в коридор. Там, кряхтя от натуги, Ханов стягивал с ноги сапог.

— Помочь?

— Сам попробую, — сказал он и с улыбкой посмотрел на жену. — Ну как, заждалась?

— Прежде ты звонил, если задерживался, — мягко упрекнула она его. — А теперь что-то забывать стал.

— Сегодня, моя Шекер, мне и позвонить было некогда. — Он погладил жену по щеке и поцеловал ее в лоб. — Ну и устал я.

Поцелуй оказал свое действие. Шекер мигом позабыла о своих обидах и печалях.

— Я колонку истопила, — говорила она, идя следом за мужем в комнату. — Пока подам обед, ты пойди поплескайся. Сразу усталость как рукой снимет.

— Мне, Шекер, даже этого сейчас не хочется. И потом я смертельно голоден. — Он решительно отодвинул в сторону вазу с розами и сел за стол. — Чем сегодня угощаешь?

— Шурпу сварила. Баранью ляжку поджарила. Курицу...

— Все, все годится! — прервал Ханов жену и ласково погладил ее по спине. — Подавай конвейером одно за другим!

— Значит, ты и в самом деле проголодался? — почему-то обрадовалась Шекер и достала коньяк.

— А разве я когда-нибудь вру?

— Ой, откуда мне знать.

— Что ты имеешь в виду, моя Шекер?

— Да ерунда. Просто так сказала...

От стакана коньяку и жирного обеда Ханов разомлел.

— Послушай, моя Шекер! Что-то у меня во рту пересохло. Заварила бы ты зеленого чая! — сказал он и с трудом дотаскился до дивана. — А я полежу...

Послушная Шекер мигом принесла ему два чайника и пиалу. Тут зазвонил телефон.

— Возьми трубку и, кто бы меня ни спрашивал, говори, что еще не приходил.

— Ох, не умею я врать...

— Ну, что ты в самом деле! — повысил голос Ханов.

Шекер нерешительно подняла трубку.

— Здравствуйте, здравствуйте, — приветливо начала она. — Да, квартира Ханова... Я? Здорова... Сейчас, сейчас! — И, положив трубку рядом с аппаратом, шепотом объявила: — Мухаммед Карлыев!

— А ну тебя! — с досадой проворчал Каландар. — Как будто, если он Мухаммед Карлыев, с ним надо говорить, как с внуком пророка Мухаммеда? Сказала бы, что меня нет, и кончено! Вот так когда-нибудь ты меня своей вежливостью погубишь.

Он нехотя поплелся к телефону и взял трубку.

— Добрый вечер, товарищ Ханов! — послышался голос Карлыева. — Ну, как совещание, хорошо прошло?

— Кажется, неплохо. А что, на меня уже поступили жалобы?

— Да нет! — засмеялся Карлыев. — Просто хочу узнать, сколько теперь у вас в резерве хлопкоуборочных машин?

Подумав, Ханов ответил:

— Вроде бы три.

— Нельзя ли одну из них отдать Санджару-ага?

— Он ведь, кажется, уже получил?

— Хоть и получил, а все-таки ему нужна еще одна. По тому, как он сейчас со мной разговаривал, видно, что очень нужна.

— Почему же он на совещании молчал?

— Вот и я этого не пойму.

— Ладно! Выделим ему еще одну машину! — произнес, глубоко вздохнув, Ханов. — Только на будущее у меня к вам просьба, товарищ Карлыев. Когда вопрос касается организаций, находящихся в моем ведении, направляйте людей ко мне.

— Так я обычно и делаю... — согласился секретарь райкома. — Но в данном случае Санджар-ага ко мне не обращался, так что это не его просьба, а моя. Да и звоню я вам, собственно, по другому делу. Говорят, Агаев попал в больницу. Мне он всегда казался здоровяком. Что же с ним могло случиться? Может, вы знаете?

«Этот человек и впрямь услышит, даже если под землей змея проползет!..» — с досадой подумал Ханов и сказал:

— С Агаевым ничего страшного. Видно, просто переутомился немного.

— Ну, раз вы в курсе дела, я спокоен. Всего вам доброго.

Как ни отгонял от себя дурные предчувствия Ханов, но интерес секретаря райкома к судьбе Агаева встревожил его. Позабыв о стынущем чае, он тут же принялся наводить по телефону справки и в конце концов связался с той больницей, куда доставили ревизора. Ханов назвался и потребовал дежурного врача. Ждать того пришлось довольно долго.

— Что там с Агаевым? — воспользовалась паузой Шекер.

— А что с ним может быть?! Наверно, напился и нажрался на дармовщину сверх всякой меры. Вот и... А, здравствуйте, товарищ Баев! Говорит Ханов. Да, да. Ханов!.. У вас там находится работник нашего сельхозуправления Агаев. Я бы хотел узнать, в каком он состоянии. Что? В тяжелом?.. Даже очень тяжелом?.. А что с ним? Сердце? Да, если сердце, это плохо... Да, да, уж вы постарайтесь! Все, что в ваших силах...

— Семья-то его хоть знает? — спросила Шекер, когда муж положил трубку.

— Наверно, знает, а откуда бы разнюхал Карлыев? — проворчал он и снова сел за стол.

— Почему вдруг у тебя испортилось настроение? — спросила Шекер. — Ты что, за Агаева волнуешься?

— Ну да! Буду я еще из-за такого прохвоста волноваться! Полежит пару деньков и поднимется, — нервно потирая лоб, ответил Ханов. — Есть вещи поважнее.

— Какие же? — заинтересовалась Шекер, подсаживаясь поближе к мужу.

— Ой, долго рассказывать, моя Шекер! Не поймешь ты.

— А ты объясни, — Шекер прижалась к мужу, погладила его по волосам, поцеловала в щеку, потом обняла, стараясь своими ласками вернуть ему хорошее настроение.

— Зачем же я буду свою ношу на тебя взваливать? Достаточно того, что мне самому тяжело, — сказал Ханов. Он вынул две пиалы чаю, потом, о чем-то сосредоточенно думая, поднялся с места и прилег на диван. — Ко всем неприятнос-

тям мне еще сегодня предстоит отправиться в пустыню, — добавил он внезапно.

— В пустыню? — ужаснулась Шекер и бросила взгляд на часы. — Ведь уже почти одиннадцать. Какая сейчас может быть пустыня? Тем более завтра — выходной день. В крайнем случае дождись рассвета. Поедешь днем.

— Ты, моя Шекер, даже не представляешь, что происходит! — многозначительно произнес Каландар. — Эх, поздновато мне сказали! А то бы я уже давно был в пустыне. Там, понимаешь ли, в Ак-Мейдане на овец волки вдруг напали и чуть ли не совсем погубили отару.

— Разве больше некому поехать? Обязательно ты должен?

— Поехать, конечно, есть кому. Но не очень-то мне верится, будто в нынешнее время сыщешь такую стаю волков, чтобы задрала целую отару. Поручиться не могу, но только... сдается мне, что тех овец сожрали не четвероногие, а двуногие волки. Вот и приходится ехать самому. Ты ведь знаешь мой характер. Я теперь не успокоюсь, пока всего не выясню.

— Если так, поезжай, Каландар. Я сейчас быстренько приготовлю тебе одежду для пустыни. — И, даже не отхлебнув налитого чаю, жена вышла из комнаты.

Ханов снова взялся за телефон.

— Гараж?.. Это ты, Ширли? Ханов говорит. Ты чего там до ночи торчишь? Неужто вечерний намаз с опозданием совершаешь? А в это время Овадан дома скучает... Хотя ты и смеешься, сукин сын, но похоже, настроение у тебя неважное. Что? Как? Все еще не привели в порядок «газик»? Да, не держат теперь люди своего слова. А я-то думал, вы давно с ним разделались. Как же после этого вам верить? И меня и себя позорите. Ну ладно, ладно, поторапливайтесь! Не поспите пару ночей со своими бабами, ничего, душа из вас не выскочит!.. Как там Чары? Знаю, что ждет. Если «газик» еще в ремонте, пусть садится на «Волгу» и приезжает за мной. И бензину пусть возьмет побольше. В пустыню поеду.

Пока Ханов переодевался, Шекер наполнила большой, перепоясанный ремнем мужнин портфель жареным мясом, чуреком, виноградом, помидорами, луком и прочей снедью.

— Ты что, моя Шекер? — усмехнулся, глядя на ее приготовления, Ханов. — Думаешь, что в пустыне чабаны свяжут твоего мужа и будут держать его на голодном пайке?

— Есть поговорка: «Своя ноша не тяжела». Как-никак пустыня... Мало ли что...

— Это верно, моя Шекер! А ты все-таки у меня умница, —

признал Ханов и поцеловал жену в щеку. — Ну, уж если так, подай мне и бумажник.

— Поесть-попить тебе хватит. Зачем же в пустыне бумажник?

— Ай, мало ли что, моя Шекер! — ответил он ее же словами и добавил: — Ты меня не провожай. Запри дверь и спокойно ложись. Собаку я сам спущу. Вернусь завтра во второй половине дня. А может, и пораньше.

— Сам смотри, как там у тебя сложится, — сказала Шекер и, вопреки его наставлениям, пошла следом за ним. — Только не очень увлекайся охотой!

Шекер все-таки проводила мужа до ворот и стояла на улице до тех пор, пока машина не скрылась из глаз.

Когда Ханов тяжело опустился на заднее сиденье, Чары обернулся к нему и спросил:

— Куда поедем, Каландар-ага?

— Разве Ширли Лысый тебе не говорил?

— Знаю, что в пустыню. Только у нас пустыни кругом, Каландар-ага.

Оглянувшись в сторону жены, Ханов ответил:

— Поезжай к Ак-Мейдану.

— К Ак-Мейдану? — водитель задумался. — Поехать, конечно, можно, Каландар-ага. Только уж очень дорога на Ак-Мейдан скверная. Как бы не угробить машину.

— Люди и те выходят из строя, а что такое машина? Езжай!

Чары нажал на газ. Но едва он выехал на центральную улицу, начальник похлопал его по плечу.

— Давай налево!

— Так мы не попадем в пустыню, Каландар-ага?

— А тебе что, не терпится в пустыню? Я думаю, пустыня твоя никуда от нас не сбежит. Подождем, пожалуй, пока будет готов «газик».

— Точно, Каландар-ага!.. Поворачивать назад?

— Пора бы тебе знать, Чары: отправившись в путь, Ханов никогда не поворачивает назад!.. А что, если ты подкинешь меня к дому той женщины?

Обрадованный тем, что поездка в пустыню отпала, парень решил пошутить над своим начальником и сделал вид, будто не понял его.

— Какая бы это могла быть женщина, Каландар-ага?

— А то ты не знаешь, сукин сын?!

— А... Туда, значит, — понимающе улыбнулся Чары.

Он полагал, что высадит хозяина у дома с красными шелковыми занавесками и тотчас вернется в гараж. Ведь они с Лысым Ширли намеревались работать всю ночь, чтобы к утру отделаться от «газика». Но не тут-то было. Выйдя из машины, Ханов вдруг обернулся:

— Погоди, Чары! Забыл сказать...

— Да, Каландар-ага?

— Мне необходима пара бутылок шампанского...

— Но, Каландар-ага, где же я сейчас куплю шампанское? — сказал Чары и посмотрел на свои часы. — Уже двенадцать.

— Поезжай в ресторан, — настаивал тот и, достав из бумажника хрустящую двадцатипятирублевку, протянул ее шоферу.

Когда машина скрылась в ближайшем переулке, Ханов воровато огляделся по сторонам и подошел к окошку. Алтынджемал сидела за столом и читала.

«Когда ни приду, всегда с книгой, — подумал он. — Конечно, каждый должен чем-то интересоваться...»

В это время Алтынджемал улыбнулась каким-то своим мыслям, лениво потянулась и встала. Потом подошла к большому зеркалу, постояла перед ним, зачем-то показала себе язык и опять улыбнулась. Затем привычным движением сняла клипсы, положила их перед зеркалом и стала вытаскивать шпильки из волос. Ханов все еще не давал о себе знать. Женищина слегка тряхнула головой, и ее густые черные волосы рассыпались по пестрому халату. Откинув их со лба, она как будто снова собралась улыбнуться, но почему-то передумала и, прикусив губу, как-то неопределенно покачала головой, после чего развязала на халате пояс. Только тут Ханов постучал в окошко.

Резко обернувшись, Алтынджемал прикрыла грудь, торопливо завязала пояс и бросилась к двери.

— Каландар, это ты?

— Я, моя Алтын, я!

— Миленький мой! — обрадовалась она, впуская его в дом.

Ханов нетерпеливо переступил порог, обнял Алтынджемал своими ручищами и принялся целовать ее в лоб, в щеки, в губы.

— И не стыдно тебе, вот так, у всех на виду? — укоризненно проговорила Алтынджемал. Она непокорно закинула голову и слегка оттолкнула его от себя. — Надо хоть дверь закрыть.

— Дверь дверью, а вот занавески не задерживаешь — всю комнату видно.

— Ну и пускай видно. Разве кто-нибудь, кроме тебя, заглянет ко мне в окно?

В узком коридоре негде было повернуться. Шурша шелковым халатом, Алтынджемал отступила, чтобы пропустить гостя в комнату, но Ханов снова прижал ее к себе.

— Ну, здравствуй! — глухо проговорил он.

Алтынджемал уже не сопротивлялась, но, улучив момент, спросила шепотом:

— Ты и Шекер так целуешь?

— А что ж, и на ее долю остается, моя Алтын!

— Ох, и повезло тебе, Каландар! — засмеялась Алтынджемал и ловко вывернулась у него из рук.

— Везет мне или не везет — не знаю, а только как увижу тебя, так сразу и душа радуется, и в мире просторнее становится, — сказал Ханов, и они наконец вошли в комнату. — Вот и сегодня такая меня дома тоска взяла, что чувствую — без тебя не обойтись.

— Почему же так поздно? Надо было пораньше прийти, — улыбнулась Алтынджемал и кивком головы откинула назад волосы. — Посидели бы, послушали музыку.

— Не все люди властны делать то, что захочется. Есть еще и такая штука, которая называется работой, моя Алтын!

— А я, по-твоему, не работаю?

Ханов осторожным движением убрал ей волосы с лица.

— Шучу, шучу! Просто в последнее время я какой-то нерешительный стал. Странные вещи со мной происходят. То, что мне кажется черным, оказывается белым, тот, кого я считаю вором, оказывается честным...

— Да, прежде ты не вел со мной таких разговоров, — сразу посерьезнела Алтынджемал. — Видно, и в самом деле тебя привела ко мне сегодня тоска. — Она заботливо оглядела его утомленное лицо. — Где ты хочешь расположиться? На ковре или за столом?

— За столом и без того надоело сидеть. Давай устроимся на ковре!

— Тогда снимай эти свои гадкие одежды! — приказала Алтынджемал. Она бросила на ковер пару подушек и, окинув взглядом солдатские сапоги Ханова и его полинявшую гимнастерку, засмеялась. — Говоришь, что пожаловал из дома, а похоже, что возвращаешься из пустыни.

— Скажи лучше — отправляюсь в пустыню!

— Значит, ты таким способом морочишь голову Шекерханум?

— Считаю, как хочешь, моя Алтын, — уклонился от ответа Ханов и принялся снимать сапоги.

— Ну, это все понятно! А я тебя совсем о другом хотела спросить.

— О чем же?

— А ты не рассердишься? — кокетливо осведомилась женщина и протянула ему пижаму.

Переодевшись и сразу почувствовав облегчение, он подложил под себя одну из подушек и разлегся на ковре. Алтынджемал присела рядом.

— Да можно ли на тебя сердиться, моя Алтын!

— Ты, наверное, вот так же все время твердишь своей жене: «Моя Шекер! Моя Шекер!» — а сам...

— А сам не любишь ее — ты так хочешь сказать? — Ханов схватил Алтынджемал за руку и притянул ее к себе. — Я должен говорить правду?

— Конечно! — кивнула она и положила голову ему на грудь. — Иначе обижусь.

— Я солгу тебе, если скажу, что не люблю жену, моя Алтын! — ответил Ханов.

— Значит, ты любишь нас обеих?

— Да, люблю вас обеих. И тебя. И ее.

— Возможно ли такое?

— Выходит, возможно.

— А по-моему, нет!

Алтынджемал осторожно сняла с себя руку Ханова и встала.

— Почему же невозможно? — приподнявшись на локте, спросил он.

Прежде чем ответить, Алтынджемал задумчиво походила по комнате.

— Я вот твердо знаю, что не смогу полюбить никого, кроме тебя.

Неожиданно ее красивое лицо заволокла печаль. Стараясь скрыть непрошенные слезы, она отвернулась. Ханов торопливо поднялся, обнял ее за плечи и поцеловал в мокрую щеку.

— Вот ведь ты какая... — растрогался он. — Ну куда это годится?

Алтынджемал всхлипнула и потянула носом, словно ребенок.

— А ну, погляди на меня! — продолжал утешать ее Ханов, поворачивая к себе.

В это время с улицы донесся приглушенный сигнал остановившейся возле дома машины.

— Кажется, приехал Чары, — сказал он и, отпустив Алтынджемал, поспешил к дверям.

Чары стоял у порога и смущенно царапал себе нос.

— Пустым вернулся? — сразу заключил Ханов.

— Я, Каландар-ага, все вверх дном перевернул, нигде не нашел, — виновато объяснил парень. — Даже буфет на вокзале прочесал.

— Зачем тебе вокзал? В таких случаях надо ехать прямо в ресторан дяди Ашота.

— Был я там... Говорят, ни одной бутылки не осталось.

— Не мог на меня сослаться? Или посулил бы побольше... Сразу бы дали хоть сто бутылок.

— Я уж чего только не говорил, Каландар-ага.

— Неужели правда кончилось?.. Где бы нам все-таки найти? Уж очень сегодня нужно... Ты вот что сделай, Чары. Поезжай к председателю райпотребсоюза. Если спит — подними. И передай, мол, я велел. Пусть умрет, но достанет.

Чары нехотя кивнул и уехал.

Когда Ханов вернулся, Алтынджемал сидела за столом и вытирала глаза, пряча от него лицо.

Бессильный перед женскими слезами, он не знал, как ее успокоить. Некоторое время он, прикусив губу, молча смотрел на нее издали, а потом вдруг потерянно спросил:

— Что ж мне теперь — отпустить Шекер на все четыре стороны?

Вероятно, Алтынджемал не ожидала такого. Она даже вздрогнула и сразу повернулась к нему.

— Что ты сказал?

— Я говорю, развестись мне, что ли?

— Зачем толковать о несбыточных вещах, Каландар? Ты же с этим не справишься!

— Почему не справлюсь?

— Сердце тебе не позволит! Легко ли сказать женщине, которую любишь, с которой живешь, дескать, ты свободна.

Их разговор снова прервал короткий сигнал машины. Ханов вышел и убедился в тщетности своих надежд.

— Как ты смел снова вернуться пустым! — налетел он на Чары.

— А что я могу сделать, Каландар-ага, если его нет дома?

— И ты спокойно уехал? Зачем ты мне здесь нужен? Мне шампанское нужно! Пойми же ты, дурак!.. Ну, его нет, зато чуть подальше — колхозная лавка. И продавец живет в двух шагах оттуда. Не мог за ним съездить?

— Ай, Каландар-ага... Среди ночи поднимать людей...

— Чего стесняешься? Ведь это я тебя посылаю! Нет, ты не стыдливый — ты ленивый!

— Считайте как хотите, Каландар-ага. Конечно, будет лень, если за день намаешься на ремонте машины...

— Ах, вот оно что! — Ханов с силой толкнул парня так, что тот с трудом удержался на ногах. — Пошел вон, негодяй! — крикнул он и захлопнул дверь.

Не помня себя, Ханов вернулся в комнату, где все располагало к миру и безмятежности, но долго еще не мог унять злость. Когда он снова расположился на ковре, Алтынджемал осторожно спросила:

— Чего ты гоняешь парня среди ночи?

— Просил достать шампанского, — неохотно ответил он.

— Что вдруг?

— Напиться хочу!

— Ты, кажется, и без того уже отведал?

— И еще буду пить. И тебя заставлю!

— Мне вино не нужно, Каландар.

— Если тебе не нужно, то мне нужно. Я сегодня должен напиться, моя Алтын!

— Пусть так! Но чем беспокоить парня, сказал бы мне. Ведь тот коньяк, что ты принес тогда, так и остался нетронутым. — Она открыла холодильник, достала оттуда бутылку коньяка и поставила перед ним. — Вот, пей сколько хочешь!

— Ай, я хотел вместе...

— Считай, что вместе и выпили. Ужинать будешь?

— Я не голоден.

— Без закуски не годится.

— А что у тебя есть?

— Для тебя что-нибудь найдется.

— Почему для меня? И ты со мной поешь. — Уже остыв после стычки с Чары, Ханов улыбнулся. — И выпьешь тоже.

— Ты ведь сам знаешь, что коньяк я не пью.

— Ничего с тобой не случится, если ради меня сделаешь один глоток. Кстати, говорят, что нынешние молодые женщины, такие, как ты, пьют только коньяк.

— Мне нет дела до этих женщин, Каландар. В мире так много интересного... — Алтынджемал глубоко вздохнула и задумчиво покачала головой. — Знаешь, Каландар, перед твоим приходом я все думала о судьбе одной женщины. Ее зовут Евгения.

— Кто эта Евгения? Твоя знакомая?

Алтынджемал расхохоталась.

— Ну, чего смеешься?

Боясь, как бы ее смех не обидел Каландара, она сразу стала серьезной:

— Есть такая удивительная книга — «Евгения Гранде». Написал ее Бальзак. Великий французский писатель. Вот, взгляни. — Она взяла небольшую книжку, лежавшую перед зеркалом, и протянула ее Ханову. — Очень хорошая книга. И люди в ней — словно живые. А про любовь тут!..

Ханов взял книгу, повертел ее в руках и положил рядом.

— В книгах и в кино всякое бывает... — нетерпеливо поглядывая по сторонам, заметил он. — Знаешь что, об этом поговорим после. А сейчас тащи, что там у тебя есть. И давай выпьем!

— Ты что, хочешь напоить меня, чтобы я разговори-лась? — опять со слезами в голосе сказала Алтынджемал. — А я ведь и без того молчать не собираюсь.

— Я знаю.

— Если знаешь, открывай свою бутылку! — невесело проговорила она и расстелила перед ним скатерть.

Ханов поднялся и сам достал из буфета стопки. Налив чуть-чуть Алтынджемал, он наполнил свою стопку доверху.

— Ну-ка, моя Алтын, выпей эту каплю!

— Не мучай меня, Каландар!

— Ну, пожадуйста!

Но она лишь упрямо помотала головой.

— Что ж, за твое здоровье, моя Алтын! — вздохнул он и выпил один.

— Приятного аппетита!

Выпив еще рюмку, Ханов отодвинул бутылку.

— Ты чего отодвигаешь? Пей!

— Нет. И с меня довольно! — ответил он и, о чем-то задумавшись, закурил.

— Не хочешь без меня? Обиделся?

Ханов приподнял голову и с любовью посмотрел на Алтынджемал.

— За что же обижаться? Вовсе тебе не обязательно пить... До чего же ты красивая, моя Алтын!

— Будто только сегодня меня увидел! — сказала Алтынджемал и слегка покраснела.

— Одно дело видеть, другое дело знать, моя Алтын! — серьезно проговорил Ханов. — Прежде я тебя, оказывается, только видел. А сегодня и увидел, и узнал.

— Ну и как, разочаровался?

Ханов ответил не сразу:

— Ты прекрасна, моя Алтын! А сердце у тебя, оказывается, еще прекраснее, чем ты сама, — серьезно продолжал он, лежа на ковре лицом вниз.

Алтынджемал обняла Ханова и прижалась щекой к его спине.

— Знаешь что, Каландар! — заговорила она почти шепотом. — Может, даже лучше, что у нас все так получается?.. Слышишь, что я говорю?

— Не слышу.

— Слышишь! — с ласковой уверенностью продолжала она. — Слышишь!.. Может, если мы будем вместе, нам уже не будет так хорошо... Ты слышишь, что я говорю?

— Не слышу.

— Слышишь!.. Я скажу тебе еще одну вещь. Можешь приходить, можешь не приходить — твое дело. Мне и того довольно, если я изредка, хоть разочек в год, буду издали тебя видеть. Правда, мне и этого достаточно!.. Пройдет время, я состарюсь, стану старушкой, седой, сгорбленной, беззубой. Но ты... ты для меня никогда не изменишься. Твои плечи, твой голос, весь твой облик навсегда останется таким же в моем сердце. И если я, уже старая и дряхлая, вдруг встречу тебя где-нибудь на улице, мне доставит огромную радость одно лишь право сказать: «Когда-то, очень давно, я любила этого человека!..» Больше мне ничего не надо! Ты слышишь, что я говорю?

— Не слышу.

— Неправда! Слышишь! Слышишь!

Лысый Ширли стоял, прислонившись спиной к столбу, на котором горела тусклая лампочка, и курил, с неодобрением поглядывая на злополучный «газик». Внезапно во двор гаража влетела «Волга» Чары. Взвизгнули тормоза, машина замерла возле Лысого, а сам Чары откинулся на спинку сиденья.

— Что это ты сегодня? — лениво осведомился Ширли. — Можно подумать, будто за тобой кто-то гонится. —

Усталой походкой он приблизился к парню. — Вы что, в пустыню не поехали?

— Сам видишь! — зло ответил парень и, отворив дверцу, бросил Лысому ключи от машины. — Лови! Загонишь ее в гараж и закроешь ворота! — Он ступил на землю и хлопнул дверцу, намереваясь уйти.

— Ты куда? — удивился Ширли. — Мы же хотели сегодня покончить с ремонтом.

— Я уже со всем покончил. Больше ты меня здесь не увидишь.

— Да стой! — воскликнул Ширли и схватил Чары за руку. — Ты хоть объясни, что случилось?

— Ничего не случилось. Чем зря трепаться, лучше загони машину в гараж! Нечего ей стоять посреди дороги.

— За машину не беспокойся, — пытался образумить товарища Лысый Ширли. — Ну, поругал тебя Ханов, так стоит ли из-за этого обижаться. Завтра он же тебя отблагодарит.

— Он уже меня отблагодарил за все... — ответил Чары и пошел прочь.

Когда он выходил из ворот гаража, Ширли крикнул ему вслед:

— Стой! А что за портфель в машине? Твой?

— Какой портфель? — спохватился Чары и вернулся.

— Вот, — показал Ширли и, достав с заднего сиденья «Волги» пухлый портфель, протянул его товарищу.

— Положи обратно! — неожиданно приказал Чары и снова сел за руль. — Давай ключи!

«Лучше отвезти Ханову домой, — подумал он. — Чтобы уж за мной ничего не числилось».

Ничего не понимающий Ширли не успел опомниться, как «Волга» дала задний ход и пулей выскочила за ворота.

Злость и обида настолько завладели Чары, что он даже не подумал о тех последствиях, которые повлечет за собой эта история для Ханова.

Было уже далеко за полночь, но Шекер все еще не ложилась. Внезапно стукнула калитка, и сразу лай собаки огласил двор. Шекер и сама не заметила, как выскочила из дома и подбежала к воротам.

— Это ты, Каландар? — с надеждой воскликнула она.

— Нет, это я, тетушка Шекер.

— Чары?.. А где же товарищ Ханов?

Ни слова не говоря, парень протянул ей портфель.

— Это что такое? А где он сам?

— Не спрашивайте лучше, тетушка Шекер,— только тут сообразил Чары, что теперь ему придется рассказать обо всем.

— Почему это не спрашивать у тебя? — ужаснулась женщина и даже схватила его за руку.— Ну, чего ты молчишь? Он хотя бы жив?

— Ай, тетушка Шекер, нет человека здоровее вашего мужа.

— Что ты хочешь этим сказать?.. Разве вы не поехали в пустыню?

— Нет, не поехали.

— Чары! Ну не томи меня, скажи всю правду! — тормозила Шекер смущенного парня.— Где ты его оставил?

— Тетушка Шекер, не заставляйте меня говорить. Если бы я знал, что так получится, не привез бы вам этого портфеля. Дурак я. Не подумал...

— Да пропади он пропадом! — воскликнула Шекер и швырнула портфель в сторону пса, который все еще изредка погавкивал, лежа на своей подстилке.— Ты скажи, где мой муж?

Не зная, как быть, Чары почесал затылок и уставился в землю. Шекер, повиснув у него на руке, молила:

— Чарыджан, что бы ни было, заклиная тебя, скажи. Все равно я теперь не отпущу тебя. Зачем ты меня мучаешь? Да буду я твоей жертвой, Чарыджан, не молчи. Скажи, где мой муж!

И юноша не устоял перед таким натиском.

— Ладно! — решился он.— Я вас отвезу к вашему мужу. Садитесь в машину.

И они поехали.

— Если хотите видеть своего мужа, подойдите вон к тому окошку с красной занавеской,— хмуро произнес Чары, когда они остановились через десять минут возле злополучного дома.

В это время Ханов, развалившись на ковре, внимательно рассматривал расшитый ворот на новом платье, которое Алтынджемал только накануне принесла из того самого ателье, где так быстро оборвалась городская карьера Тойли Мергена.

Шекер подошла к окну, заглянула внутрь и резко повернула назад. Она не закричала, не заплакала, а вернулась к машине и осторожно села на прежнее место.

— Давай поедem обратно, хан мой!.. — только и сказала она.

За всю дорогу Шекер не пошевелилась и не произнесла ни слова. Она очнулась, лишь оказавшись возле своего дома.

— Спасибо тебе, хан мой... — проговорила она и, не поднимая головы, вошла во двор.

Утро Ханов встретил в дурном настроении и решил поправить его коньяком. Кажется, ему это удалось, и вернулся он домой далеко за полдень.

— Моя Шекер, ты где? — по обыкновению, крикнул он, входя в калитку.

Но ему никто не ответил.

— Куда же это она девалась? — благодушно размышлял вслух Ханов. — Может, прилегла и задремала?

Сунув голову в дверь, он сразу заметил на столе листок бумаги, и сердце его пронзило недоброе предчувствие.

На листке было написано: «Я ушла. Не трудись меня искать. Я ушла навсегда. Будь счастлив.

Шекер».

Ошеломленный Ханов машинально схватился за подбородок и присел на край дивана. Он сразу смекнул, что здесь не обошлось без вмешательства Чары и что Шекер все известно. Но почему же она вместо того, чтобы обрушить на его голову страшные проклятья и всевозможные беды, желает ему счастья? Почему?.. Неужели же он, прожив столько лет с этой маленькой, словно кулачок, женщиной, так и не понял ее?

XXI

С каждым днем атмосфера вокруг Тойли Мергена становилась все более деловой. Работа в бригаде постепенно налаживалась, и, если бы по примеру других его родственников Кособокий Гайли тоже взялся за ум и вышел на уборку хлопка, сердце бригадира и вовсе бы не знало печали.

Но Гайли не показывался. И это все больше и больше злило Тойли Мергена, лишало его покоя. Кособокий стал ему сниться.

Особенно мерзким был последний сон. Всю ночь перед глазами Тойли Мергена маячили непомерно выпяченные губы Гайли и его знаменитая шапка. С каким-то лихим посвистом она то парила над базаром, то катилась куда-то по асфальту, то подсакивала к Тойли Мергену и волчком кружилась у самых его ног.

От глупого сна Тойли Мергену стало совсем тошно.

Он проснулся еще до рассвета и, хоть у него гудела от бессонницы голова, стал торопливо одеваться.

Акнабат, которая хваталась за чайник и пиналу, едва только поднимался с постели муж, спросила:

— Куда ты собрался в такую рань?

— Хочу повидать Гайли, пока он не подался на базар.

— Хватит и того, что ты ему уже говорил. Сколько можно?..

— Сколько понадобится, Акнабат. Пока не добьюсь толка.

— От него добьешься!

— Это уж моя забота, а ты пока лучше присмотри за своим сыном. Кажется, его и сейчас нет в постели. В прошлый раз он тоже с вечера отправился в город, а вернулся только назавтра в полдень.

— А то ты не знаешь, куда его носит? Опять, видно, уехал к своей дуре.

— Акнабат! Зачем ты так. Не зли меня!

— Сговорились отец с сыном!

— Давай оставим этот напрасный спор.

— Это для тебя он напрасный. Для вас напрасный.

А для меня...

— Не будем пока говорить о женитьбе Амана. Уберем урожай, тогда посмотрим. А сейчас и без того суматоха.

— А когда ты не бываешь занят? Мне, Тойли, нет дела до твоей суматохи! Я тебе еще раз говорю: если та дура...

— Опять дура! Постыдилась бы, Акнабат.

— Да, да! Имей в виду, если та дура войдет в эти двери, ты меня здесь больше не увидишь. Это — во-первых. А во-вторых, будь она даже ангелом, мне такой невестки не нужно. Я должна сама выбрать.

— А кто тебе мешает? Выбирай! Ходи, смотри, знайся.

— Зачем мне ходить и смотреть? Вон прошлый раз разбежалась, до сих пор не могу в себя прийти. У меня и без хождений есть на примете девушка — что твой цветок.

Как ни торопился Тойли Мерген, но тут он счел нужным задержаться.

— Кто такая? — озабоченно спросил он.

— Раз есть Язбиби, я никуда и шагу не сделаю.

— Язбиби? Дочь Неуклюжего Илли?

— Что, разве плохая девушка?

— Может, и неплохая, только на чей взгляд. Для Амана...

— Не будем смотреть на нее глазами Амана. У нас ведь и свои глаза есть.

— А если Аман с тобой не согласится?

— Не пойдет он против материнской воли. Я уже обо всем договорилась.

— С ним?

— Ты что, простых вещей не понимаешь? С матерью этой девушки. Она согласна.

— И отец согласен?

— Неуклюжий против Донди и пикнуть не посмеет.

— Ну, хорошо, а сама Язбиби согласна?

— Кто это девушек спрашивает?

— А если ты ошибаешься, Акнабат?

— Акнабат в таких делах не ошибается. Это ты в облаках витаешь. Все уже готово. Осталось только калым вручить. И не такой уж большой. Отнесу им деньги на «Волгу» да шестьдесят халатов — и все будет в порядке.

Тойли Мерген засмеялся:

— Appetit у них, не сглазить бы, отменный.

— Какой бы ни был аппетит, такая теперь цена. Вот я и не стала торговаться.

— Где же ты возьмешь столько денег?

— Как где? Ты мне дашь!

— От меня ты и копейки не получишь.

Акнабат опешила и умолкла. Но ненадолго.

— Когда не нужно, ты готов тысячи бросить на ветер! — упрекнула она мужа. — А для единственного сына...

— Какие тысячи?

— А сколько стоит дом, который ты подарил городу? Почему ты его не продал?

— Видно, тебе этого не понять, Акнабат.

— Зато тебе все понятно, Тойли. Для посторонних ты самый щедрый, а как сына женить — подешевле норовишь. Ведь не зря говорят: «Дешевое желанным не бывает».

— Эта поговорка давно устарела, Акнабат. Сидишь тут с закрытыми глазами и не видишь, куда жизнь идет. А ты оглянись по сторонам. Теперь все по-другому. Ну, покажи мне такую молодуху, которая радовалась бы большому калыму при нелюбимом муже. Вот видишь! Значит, и за дорого счастья не купишь.

— Может, время той поговорки для кого и прошло, а только я все равно после полудня пойду к Неуклюжему договариваться насчет свадьбы, — упрямо твердила свое Акнабат. — Мог бы не обижать меня в такой день.

— Я уж и так стараюсь тебя не обидеть, но неужели ты сама не понимаешь, что Аман советский инженер, а ты — калым... Или, может, ты считаешь нас обоих дураками и просто морочишь нам голову?

— Ну, особенно-то умными, конечно, не считаю.

— Довольно нам препираться, Акнабат, — рассердился в конце концов Тойли Мерген. — А не то я сам отправлюсь к Неуклюжему и попрошу его прогнать тебя, когда ты заявишься.

С этими словами Тойли Мерген решительно поднялся. Он вышел из дома и направился к шурину.

Когда Тойли Мерген подошел к дому Кособокого Гайли, тот уже загрузил свой «Москвич» морковью и луком и теперь наскоро жевал что-то, стоя посреди веранды, перед тем, как отправиться на базар.

Увидев зятя, Гайли обнажил в улыбке свои щербатые зубы.

— Заходи, Тойли, заходи! Есть хочешь? Кашей угощу. Молочная, вкусная...

Не отвечая на приглашение, Тойли Мерген спросил:

— Ну как, сдержишь слово?

— А какое я тебе давал слово? — прикинулся простаком Кособокий Гайли.

— Если ты мужчина, то и сам помнить должен. Ты тогда сказал: начинай, мол, со своего сына. Вот я с него и начал. Аман уже работает на уборке хлопка. Да не только он — и других немало.

— Например?

— Ты и без меня знаешь.

— Откуда мне знать, если я никуда не выхожу, никого не вижу.

— Возьми хотя бы Эсена Сары... Возьми Оразмамеда. Все стараются. Теперь и твоя очередь, Кособокий.

— Ну что ты пристал, Тойли! И без меня как-нибудь соберут твой хлопок. Некогда мне.

— Выходит, мы тогда зря толковали, посреди базара? Или, может, не зря? — с угрозой в голосе произнес Тойли Мерген.

— Почему же зря?.. — Гайли Кособокий с сожалением облизал ложку и положил ее на край миски. Потом лениво потянулся и кивнул в сторону своих огородов. — Если я пойду собирать хлопок, что станет с моими овощами? Перезреют и сгниют на корню.

— Разве у тебя одного овощи? Другие вон сдают их заготовителям по государственной цене и горя не знают. А ты из-за копейки удавиться готов.

— Ты мои копейки не считай! — ступая бочком, двинулся Гайли к машине. — Я сам знаю, кому и куда сдавать овощи. У меня жена на вас работает — вот и достаточно.

— Где же твоя совесть, Кособокий?

— Моя совесть при мне! — отрезал Гайли и отворил дверцу машины.

— А ну, погоди! — сказал Тойли Мерген и поманил его пальцем. — Ты ведь знаешь, если уж я ухватился за пенок, то, какие бы у него корни ни были, не отступлюсь, пока не выдерну. Как бы потом тебе не пришлось жалеть. Словом, уедешь — останешься без приусадебного!

— Не грози, Тойли! Ты не бай, а я не батрак!

Кособокий решительно надвинул на лоб свою знаменитую шапку, сел в машину и уехал.

Хоть Гайли и поступил по-своему, но даже на базаре не мог отделаться от смутной тревоги. У него в ушах все еще звучали слова зятя: «Уедешь — останешься без приусадебного!» Ко всему прочему кругом громоздились горы колхозных овощей. И цена на них была сегодня в два раза ниже, чем вчера у частников. Кособокий сразу почувствовал себя так, будто от него отрезали кусок мяса.

Но даже не столько неудачная торговля, сколько боязнь за свой огород заставила Кособокого быстро покинуть базар. Когда же он, усталый и подавленный, вернулся домой, перед его взором предстала страшная картина: колхозный трактор запахивал его приусадебный участок. Пока еще он двигался по самому краю, но следующий гон уже пришелся бы на грядки моркови.

Увидев такое дело, потрясенный Гайли пулей выскочил из машины.

— Стой, злодей! — закричал он не своим голосом и, размахивая руками, бросился наперерез трактору. — Стой! Если не остановишься, вспорю тебе живот! — пригрозил он трактористу, который сразу затормозил и вопросительно глянул направо.

Там, на поросшей чаиром меже, между двумя участками сидел на корточках Тойли Мерген.

— Не обращай внимания! — спокойно приказал бригадир. — Валяй дальше. Ты пашешь не его землю, а колхозную. У лодырей не должно быть приусадебных участков.

Только теперь разглядев зятя, Кособокий метнулся

к нему. При этом он дважды упал, зацепившись за арбузные плети.

— Тойли, брат, не делай этого! — взмолился Гайли.

— Теперь поздно, — покачал головой Тойли Мерген. — Я ведь тебя предупреждал как человека, а ты не послушался.

Если один глаз Гайли был устремлен на зятя, то другим он косился на трактор, который двинулся дальше, таща за собой трехлемешный плуг, ровными пластами взрезающий землю на тридцать сантиметров в глубину. Еще немного, и погибнет весь урожай, выращенный с таким трудом, с такой любовью и с такой выгодой. От волнения у Гайли Кособокого перехватило дыхание. А Тойли Мерген по-прежнему сидел себе на корточках и покуривал, греясь на солнышке.

— У тебя каменное сердце, — закричал Гайли, не найдя других слов.

— У меня каменное? — засмеялся Тойли Мерген и устроился поудобнее. — Тут ты ошибаешься, Гайли-бек! Это у тебя оно каменное. Иначе бы ты позаботился о колхозном добре, а не только о своем. Сам посуди, что будет, если выращенный народом хлопок останется в поле и попадет под дождь? Подумал ты об этом? То-то и оно, что нет. А ведь это не чужой хлопок, а твой и мой.

— Тойли! Не делай этого! — склонив голову, молил Кособокий. — О хлопке поговорим потом. Сначала останови свой трактор.

— О хлопке есть смысл говорить либо сейчас, либо уже на будущий год, — сказал рассудительно Тойли Мерген и, опершись на локоть, прилег.

Трактор тем временем неумолимо приближался к арбузам.

Кособокого прошиб пот от ужаса. Он уже был не в силах смотреть в ту сторону и на мгновение даже зажмурился.

— Я буду жаловаться! — пронзительно закричал он вдруг и подпрыгнул, будто к нему прикоснулись раскаленным железом. — Ты еще за это ответишь... Глядите, люди, что он со мной делает!

С этими словами Гайли угрожающе схватился за ржавый кетмень, валявшийся у межи.

— А ну, положи кетмень на место! — поднялся в полный рост Тойли Мерген и приблизился вплотную к Кособокому. — Перестань попусту кричать. Все равно никого кругом нет — весь народ в поле.

Кособокий вяло отшвырнул кетмень, хлопнул шапку оземь и рухнул перед зятем на колени, бессильно бормоча:

— Тойли! Я был не прав... Обещаю тебе исправиться.

Увидев, что трактор остановился, Тойли Мерген крикнул в ту сторону:

— Ты чего стал? Валяй дальше... Из его обещаний обеда не сварить. Завтра он скажет, что сам хозяин своему слову, и наплюет на нас... Поторапливайся!

— Не говори так, Тойли! Я во гневе на все способен...

— Ты только и способен, что пожрать на дармовщину, — отмахнулся Тойли Мерген. — Пока не увижу тебя на хлопковом поле с фартуком на шее, ни одному твоему слову не поверю.

Кособокий опять вскочил и, схватив зятя за руку, стал с силой трясти ее.

— Останови трактор! Прошу тебя, останови трактор! — приговаривал он.

— Отстань! — сказал Тойли Мерген и снова прилег на траву.

— Значит, все перепашешь?

— Обязательно.

— Через мой труп! — в отчаянии крикнул Кособокий Гайли и, высоко подкидывая свои длинные ноги, кинулся наперерез трактору.

Мотор сразу умолк.

Несколько раз затянувшись сигаретой, Тойли Мерген отбросил ее и встал.

— Ты почему остановился? — обратился он к трактору. — Продолжай.

— Как же можно, Тойли-ага?

Паренек вытянул шею из кабины и округлившимися глазами смотрел на Гайли Кособокого, лежавшего на земле поперек борозды.

— Да, ну и дела! — покачал головой Тойли Мерген. — Что же, на сегодня, пожалуй, хватит.

XXII

При свете вечерней зари сборщики группами возвращались с хлопковых полей. Вот от стайки девушек отделилась Язбиби и направилась к дому, очень довольная тем, что и сегодня ей удалось обогнать Амана. К этому времени Акнабат уже обменялась новостями с ее матерью и теперь ждала для окончательного разговора ее отца.

Язбиби вприпрыжку вбежала в дом. Ей не терпелось рассказать о своих сегодняшних успехах, но, увидав вспотевшую тетушку Акнабат, которая сидела посреди комнаты и сливала из чайника в пиалу остатки чая, девушка промолчала. Она лишь почтительно поздоровалась из уважения к седым волосам гостыи, но слушать ее обычные приветствия вроде: «Как поживаешь, дочка!.. Не сглазить бы, говорят, работаешь как следует?..» — не стала и, извинившись, прошла к себе в комнату.

Тетушка Акнабат прочла на лице девушки явное недовольство и не стала задерживаться.

— Что-то я сегодня засиделась у тебя, Донди, — мигом перестроилась она. — Я когда прихожу к тебе, мне вообще не хочется вставать. Но теперь, пожалуй, пора. Раз пришла Язбибиджан, то и мои, видно, вот-вот явятся. Я, по правде сказать, сегодня и обеда-то не готовила. Пойду похлопочу на скорую руку... Так что ты, Донди, советуйся с кем хочешь, но все же поторапливайся.

— За мной дело не станет. Вот только скажу ее отцу. Не думаю, что он будет против. Давай назначай день, Акнабат.

Проводив гостью, Донди стала убирать посуду. В это время из своей комнаты вышла Язбиби.

— Мама, ты о чем хочешь говорить с папой? — нервно спросила она.

— Разве ты не знаешь, дочка? — изобразила удивление Донди.

— Нет, из твоих уст я пока ничего не слышала, хоть и догадываюсь обо всем.

— Ну-ка садись, если не слышала.

— Считай, что я сижу, мама.

— Если правду говорить, дочка, то я думаю стать тетушке Акнабат сватьей.

— Думаешь или уже решила?

— Если согласится твой отец...

— Почему — отец? Разве не следует раньше меня спросить, мама?

— А разве ты маленькая? Ведь тетушка Акнабат то и дело к нам ходит, что же, ты не понимаешь — зачем?

— Напрасно, мама.

— Вот так раз! Я-то думала, ты обрадуешься... Такого зятя, как Аман, да таких сватьев, как Тойли Мерген и тетушка Акнабат, поискать...

— Это все так, мама. И тетушка Акнабат славная жен-

щина. И Тойли-ага уважаемый человек. И сын их Аман...
— Что же тебе еще нужно? — Старая Донди подошла к дочери и удивленно заглянула ей в лицо. — Смотри, так всю жизнь и проходишь в девушках, весь век будешь караулить материнские стены.

— Ничего, как-нибудь выйду замуж...

— Вот и выходи! — стала нажимать Донди на дочь.

— У каждого свои желания и свои мечты, мама, — вздохнула Язбиби.

— Ты мне это брось, — повысила голос Донди. — Я догадываюсь, что ты хочешь сказать.

— Не кричи, мама.

— Еще как закричу! Я ведь не глупее тебя. Ну, если бы мне не правился их парень — и разговора бы не было. Я сама бы их на порог не пустила!

— Мало ли кто тебе нравится, мама, — попыталась объяснить Язбиби. — Чтобы соединить свою жизнь с человеком, нужно его полюбить.

— Ну и люби на здоровье. Кто тебе запрещает.

— Эх, мама!.. Да разве это делается по заказу?

— Уж если поженитесь, то и полюбите друг друга. Я ведь тоже не сбежала из родительского дома с твоим отцом. Выдали меня. И вот уже, слава богу, сорок лет живем. Теперь по мне нет человека лучше, чем он.

— Теперь другое время, мама, и по-другому жизнь строится. А потому эти ваши бесконечные разговоры с тетушкой Акнабат...

— Ты хочешь сказать, бесполезны?

Старая Донди в изнеможении села на кошму.

— Да, именно так хочу сказать, мама, — не смущаясь, ответила девушка. — Передай тетушке Акнабат, пусть понапрасну к нам не ходит.

— Нет, она будет ходить.

— Так мне придется уйти из дома. Ты этого хочешь, мама?

— Что-то ты больно смелая стала. Не иначе с кем-нибудь уже сама сговоришься?

— Если сговариваетесь вы, почему не могу сговориться я?

— Ах ты, распутница! Ну, отец — ладно, а что скажут твои старшие братья?

— После того как дело дошло до калыма, мне уж нечего стесняться, мама! — мужественно ответила Язбиби. — Что касается твоих сыновей — то они, бессовестные, ради

«Волги» на все горады. Даже сестру свою готовы продать. Тоже мне — братья!

Услышав шаги на веранде, старая Донди торопливо поднялась.

— А ну, хватит! Отец идет... Очень уж ты шустрая стала, как бы без головы не остаться...

— Во всяком случае продать себя не позволю!

— Прекрати, говорю тебе! — Для убедительности старая Донди даже ущипнула дочь за руку.

В это время в комнату, тяжело ступая, вошел Илли Неуклюжий. Был он действительно большой и до смешного нескладный, несмотря на окладистую бороду. При его появлении тетушка Донди как-то виновато подалась назад, но Язбиби даже не пошевелилась.

Вероятно, Илли еще во дворе услышал их пререкания. Не глядя ни на жену, ни на дочь, он молча прилег на цветастую кошму, подложив под локоть принесенную женой подушку. Его густые брови были нахмурены, и он еще долго соображал, что к чему, прежде чем заговорил, как всегда неторопливо и внушительно:

— Огульдонди! О чем ты споришь со своей дочерью, когда усталые люди приходят с работы?

— Скандал! Большой скандал, Илли!

— Раз большой, надо и нам услышать.

Зло сверкнув глазами, старая Донди толкнула дочь в плечо:

— А ну, убирайся отсюда!

— Зачем ты ее гонишь? Так споры не решаются... И не мельтеши перед глазами, а сядь где-нибудь.

Тетушка Донди села на ковер, прислонясь спиной к стене, и краем головного платка вытерла со лба пот. Почувствовав, что старая не торопится, Илли полез в карман, достал табакерку, сделанную из маленькой тыковки, и искоса глянул на жену.

— Говори же!

— Дай хоть отдышаться. Не торопи.

— Ты что тут, землю копала, что ли?

— Такое время настало, что лучше копать землю всю жизнь, чем иметь дочь.

— Ты времени не касайся, ты Расскажи, о чем спор.

— Да будет тебе известно, Илли, — торжественно начала старая Донди, — что с самой весны ходит к нам Акнабат — хочет с нами породниться. Ну вот... Я ей говорю, погоди, пока урожай соберут, а она ни в какую. Очень уж то-

ропит. Ну, я и решила, что другого такого случая не представится...

— Что за Акнабат? — прервал жену Илли Неуклюжий. — Это не мать ли нового учителя? Ее-то я не знаю, но сын вроде бы парень неплохой и вежливый.

Тут Донди заговорила громко и с нескрываемым презрением:

— О чем ты толкуешь, Неуклюжий? Будто я отдам свою дочь за первого встречного! Да они нам не ровня! Говорят, бабка бабки этого парня во времена Гоувшут-хана была рабыней. Говорят, ее из Ирана привезли и продали на Ахалском базаре за полмешка самана...

— Если уж говорить о происхождении, то не думай, что ты далеко от них ушла, — захохотал Илли.

— Перестань, Неуклюжий. Я — самая чистокровная туркменка — иг. У меня в роду рабов не было.

— Возможно, это и так, — снова засмеялся Илли. — Но вот о себе я не могу точно сказать — гул я или иг. Так что...

— Ладно! — прервала мужа старая Донди. — Говорят, тот парень к тому же ветреный...

— Мама! — Язбиби сама не заметила, как заговорила. — Ну откуда тебе знать, какой он?

— А ты помолчи!

Увидев, что жена рванулась к дочери, Илли остановил ее жестом.

— Дочка верно говорит, ни ты, ни я того парня не знаем, — рассудил он.

— Зато сына Тойли и ты знаешь, и я знаю! — вымолвила Донди и с торжеством посмотрела на мужа — вот, мол, какого жениха я подыскала для нашей Язбиби.

— Ну и на чем порешили? — мысленно взвесив новость, невозмутимо спросил Илли и, переложив табакерку из одной руки в другую, присел.

— Полагаясь на твое согласие, я просила Акнабат назначить день.

— Так бы сразу и сказала. А то морочишь голову чьей-то бабкой.

Увидев, что муж погрузился в раздумье, шустрая Донди придвинулась поближе.

— Что, не годится? — притворно осведомилась она.

— Почему не годится?! — ответил через некоторое время Илли Неуклюжий. — Только я все-таки не понимаю, из-за чего вы тут шумели?

— Все дело в ней! — опять сверкнула глазами в сторону дочери Донди.

— А чего она хочет?

— Твоя дочь. Ты и спрашивай!

— А ты не можешь сказать?

— Да у меня язык не повернется произнести то, что говорит эта негодница. Если не постесняется, пусть сама скажет.

— Хоть меня и не было, а я знаю, из-за чего вы тут спорите, — пришел к выводу Илли Неуклюжий. Он поднес табакерку ко рту, но не насыпал нас¹ под язык, а обратился к Язбиби: — Дочка! Мать ведь тоже не желает тебе зла. Почему ты противишься?

— Я и сама знаю, что она не желает мне зла. Но, папа... — Язбиби покраснела и говорила с трудом. — Мама сейчас предложила: «Если не постесняется, пусть сама скажет...» А чего я должна стесняться? Открыть тебе свое сердце?..

— Говори, говори, бессовестная! — воскликнула Донди и обоеими кулаками ударила по полу.

— Скажу, мама! — взволнованно продолжала девушка. — Того, что не скрыла от тебя, не скрою и от папы...

— Лучше убирайся отсюда, негодная! — опять вскочила Донди.

— А ну, помолчи! — приказал Неуклюжий и хмуро посмотрел на жену.

— Ты надеешься, что с уст этой дуры слетит что-нибудь толковое? Зря! Ей остается только назвать парня, которого она любит.

— Вот и хорошо, если назовет. Кто он?

Язбиби промолчала.

— Я у тебя спрашиваю!

— Придет время, ты узнаешь, папа.

— Я должен знать сейчас.

Девушка снова промолчала.

— Чей он сын? — Илли Неуклюжий отбросил в сторону табакерку и уставился на дочь.

— Если вы будете меня допрашивать, папа, я вам ничего не скажу. Ни от мамы, ни от вас я такого не ожидала.

Как ни странно, Илли отнесся к словам дочери без гнева.

— Чьим бы сыном он ни был, а уж, наверно, не лучше

¹ Нас — размельченный, особый вид табака, который кладут под язык.

сына Тойли Мергена! — заметил он. — Поэтому придется тебе поступить так, как советует мать!

Старая Донди, найдя поддержку у мужа, вскочила с места:

— Ты слышала, что говорит твой отец? Ах, негодница!.. Ты у меня теперь как шелковая будешь!

Ни слова не говоря, Язбиби направилась к двери.

— Куда ты? — замахала руками Донди и преградила дочери дорогу.

— Пусти ее, — распорядился глава семьи.

— А ты уверен, что она вернется, если сейчас уйдет? — заметалась по комнате старая Донди. — Она ведь стала совсем непокорная, как с цепи сорвалась...

— Ну-ка, принеси чаю, — приказал Илли Неуклюжий и опять прилег, подложив под бок подушку.

В эти дни, как только садилось солнце, к правлению колхоза «Хлопкороб» отовсюду тянулся народ. Люди подъезжали на машинах, на мотоциклах, на велосипедах и даже приходили пешком. И уж конечно дверь председательского кабинета не закрывалась до самой ночи. Особенно желанными посетителями в эту пору здесь были бригадиры и их заместители, которые рапортовали о собранном за день хлопке и высказывали свои просьбы и предложения на завтра.

Когда Язбиби заглянула к Шасолтан, в кабинете у нее находился инженер-механик.

— Сегодня две хлопкоуборочные машины работали с перебоями, — выговаривала ему Шасолтан. — Почему вы не объезжаете регулярно поля, как вам положено? Может, вы надеетесь, что, как и в прошлом году, на сбор хлопка выведут школьников? Запомните, пока я председатель, такого позора не допущу. Школьники должны учиться.

— У меня и в мыслях такого не было, товарищ Назарова, — оправдывался инженер.

— Тогда почему у вас так плохо поставлена профилактика?.. Смотрите, чтобы впредь такое не повторялось.

— Не повторится, товарищ Назарова...

Когда инженер выходил, Шасолтан заметила в коридоре Язбиби. Она стояла там с опущенной головой.

— Заходи, Язбиби, заходи! — поднялась Шасолтан ей навстречу. — Поздравляю тебя, — продолжала она, усаживаясь вместе с девушкой на диван. — Сейчас приходил помощник Тойли-ага Нобат и сказал, что ты, не сглазить бы,

сегодня обогнала парней. Я еще подумала, как у тебя все ладно получается.

— Парней я действительно обставила, Шасолтан, только жизнь у меня неладная.

Девушка не смогла продолжать и всхлипнула.

— Что случилось, Язбиби? Тебе вроде бы не идут слезы.

— Ничего не могу с собой поделать.

— То-то я смотрю, ты пришла так поздно... Что, поругалась с кем-нибудь?

— Меня хотят продать, Шасолтан.

— Это ты брось, милая. Что скажут люди, если Илли-ага продаст свою дочь?

— Что скажут — не знаю, только они уже обо всем договорились и вот-вот назначат день свадьбы. Я потому и пришла к тебе...

— За кого тебя хотят выдать?

— За Амана.

— За какого Амана? За сына Тойли-ага?

— Да.

— Этого не может быть, Язбиби.

— Почему не может быть? Ты не веришь мне?

— Верить-то верю. Но что это с Аманом? Ведь у него есть в городе девушка, которую он любит...

— Есть девушка?..

— Да, и такая же красивая, как ты. Я ее еще по Ашхабаду помню. И у нас в городе иногда вижу. Ее зовут Сульгун. Она врач, хирург... Неужели Аман поссорился с ней?

— Я ничего не знаю, Шасолтан. Но когда бы я ни пришла с работы, у нас всегда сидит его мать.

— Интересно, а Тойли-ага в это посвящен?

— И этого не знаю, Шасолтан.

— Послушай, а что, если тебе поговорить с самим Аманом?

— Очень нужно мне с ним разговаривать! Я и так его маменькиным сынком зову.

— А может, он и не подозревает о том, что затеяла его мать? Как ни странно, но у нас иногда случается и такое.

— Не стану я выяснять — знает Аман или нет. Одно мне ясно: лучше умру, но не выйду ни за кого, кроме как за парня, которого люблю.

— А кто этот парень? Уж не Ильмурад ли?

Язбиби внезапно улыбнулась и вытерла слезы.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю! — сказала Шасолтан и обняла девушку за

плечи.— То-то я смотрю, когда ни придешь в кино, этот Ильмурад крутится возле тебя. Видный парень! И директор школы им доволен. Умный, говорит, педагог.— И чтоб приободрить Язбиби, Шасолтан добавила: — Если бы мне такой встретился, я бы сама охотно за него пошла.

— Ай, тебе легко говорить, Шасолтан. Тебя отец ни в чем не обидит.

— Не думай, что мне уж так легко, Язбиби,— внезапно открылась перед девушкой Шасолтан.— С отцом у меня, правда, мир, а вот с парнями не ладится. Если я люблю, он не любит. Он любит, я не люблю. А годы уходят. И должность у меня такая, что иной и подойти не решится, а стороной обойдет. Словом, худо мне. Ты еще по сравнению со мной, можно сказать, счастливая.

— Да уж — счастливая! Того гляди, разразится скандал. Я, признаться, подумываю даже, не сбежать ли нам?

— Если убежите, свадьбы лишитесь,— не одобрила Шасолтан.— Нет, надо все-таки договориться с родителями, объяснить им...

— А если не поймут, что делать?

— Ладно, я подумаю, как тут быть,— пообещала Шасолтан.— Ты пока иди домой. А я попозже постараюсь зайти к вам. Посмотрим, что скажут мне твои старики. Кроме того, сейчас сюда должен прийти Тойли-ага. Выслушаю и его мнение...

Попрощавшись с председателем, Язбиби направилась домой. Погруженная в свои невеселые думы, она, конечно, не заметила, что в крайнем «Москвиче» на стоянке машин возле правления сидел, низко надвинув кепку на глаза, не кто иной, как Ильмурад. Он проводил ее взглядом и, когда она отошла уже довольно далеко, тронулся за ней вдогонку.

Внезапно раздавшийся рядом резкий визг тормозов заставил девушку вздрогнуть.

— Ой! Разве так можно! — с испугом и радостью сказала она, узнав в водителе Ильмурада.— У меня чуть сердце не оборвалось.

— Прости меня, Язбиби! Другого выхода не было.

— Ты откуда взялся?

— Тебя повсюду ищут.

— Мы же договорились на завтра.

Вместо ответа Ильмурад огляделся по сторонам и отворил дверцу:

— Садись!

— А вдруг кто-нибудь увидит? Лучше встретимся в кино.

Узнав издали Кособокого Гайли, идущего с мешком за плечами, Ильмурад поторопил девушку:

— Садись быстрее! Ты еще ни о чем не ведаешь. Бог знает, какие бури поднимутся до завтра.

Посадив девушку рядом с собой, парень нажал на газ. Кособокий Гайли не успел сделать и пяти шагов, как машина уже свернула в пустынную боковую улицу.

— Ты куда меня везешь, Ильмурад?

Ильмурад, не на шутку взволнованный встречей с любимой, ответил не сразу.

— Боже мой, как надоело прятаться от людей! — сказал он. — Давай, Язбиби, я повезу тебя в пустыню, где бегают джейраны. Сейчас там до того хорошо! Вот увидишь, сразу поднимется настроение. Правда, поедem! Проведем ночь в пустыне, а завтра, когда солнце поднимется повыше, вернемся назад.

— Перестань! — с тоской воскликнула Язбиби и схватила Ильмурада за руку. — Какая может быть сейчас пустыня! Меня ждет мама, она, наверно, думает, что я пошла к подруге. Если я еще немного задержусь, она всех поднимет на ноги.

— Насчет поездки в пустыню я пошутил... А ждет тебя не только мама. Сейчас, когда я ехал мимо, возле ваших дверей торчали твои старшие братья. Насколько я понимаю, если ты сейчас вернешься домой, то тебя уже больше не выпустят.

— Почему ты так думаешь?

— Знаю. Тетушка Акнабат оповестила сегодня всех соседей о том, что женит сына. Она даже заказала моей маме платки, чтобы подарить твоим родителям. Значит, вопрос решен.

— Ну и пусть! Насильно они меня выдать не смогут. Я сейчас была у Шасолтан и все ей рассказала.

— Ты думаешь, она поможет?

— Обещала поговорить с моими стариками.

— Когда появляются сваты, всякие разговоры, моя дорогая, разом прекращаются. Ты и сама не заметишь, как на голову тебе набросят красный бархат и усадят тебя на палас.

— Как же нам быть, Ильмурад? — с отчаянием проговорила Язбиби, глядя парню в лицо. — Что ты предлагаешь?

Да, нелегко было ответить на этот вопрос. Отъехав на порядочное расстояние от поселка, Ильмурад остановил машину и долго сидел неподвижно, прежде чем заговорил.

— Теперь все зависит от тебя, Язбиби! — сказал он наконец.

— От меня?

— Да, только от тебя одной!

Не зная, что сказать, девушка опустила голову.

— Я совсем растерялась, Ильмурад, — призналась она.

— Вот и напрасно, — попробовал вселить в нее бодрость парень. — Ты ведь не одна, я же с тобой.

Язбиби вдруг закрыла лицо руками.

— Не надо плакать, — Ильмурад с нежностью обнял девушку за плечи. — Нам нельзя сейчас проявлять слабость, ведь это значит покориться судьбе

— Я лучше умру, чем покорюсь..

— Тогда не терзай себя понапрасну, — сказал он и осторожно убрал с ее лица рассыпавшиеся волосы. — А ну, выше голову!

Девушка вытерла слезы и выпрямилась.

Ильмурад включил мотор.

— Куда мы едем, Ильмурад?

— Не знаю.

— Может быть, вернемся?

— Куда? Ну куда ты сейчас пойдешь? Ко мне? К себе?

— Не знаю.

— Если не знаешь, поедem дальше.

— Какой в этом смысл?

— А какой смысл стоять на месте?

— Ладно, поедem дальше.

— Включить радио? — Ильмурад посмотрел на часы. — Сейчас как раз концерт. А вдруг поет Сахи Джембаров?

Но Язбиби отрицательно покачала головой.

— Нам бы как-нибудь свою песню сложить... — с грустью промолвила она.

Девушка сидела, опустив руки и бесцельно глядя сквозь ветровое стекло в темноту. Машина неслась неизвестно куда по пустынной в этот час дороге. Давно уже скрылись за холмами огни поселка.

Вдруг Язбиби словно очнулась от сна.

— Ильмурад! Поверни обратно, — сказала она с неожиданной решимостью в голосе.

Парень от удивления остановился.

— Чего стоишь? Поехали!

— Куда?

— К нам.

— Куда? — с недоверием переспросил он. — Приведешь меня прямо в родительский дом?

— Конечно.

— А ты хорошо подумала?

— Не беспокойся...

— Ты представляешь себе, как нас встретят?

— Очень хорошо представляю.

— Уж тебя по головке не погладят...

— Знаю, что не погладят. Знаю! И все-таки нечего нам таиться, Ильмурад. Мы никого не обокрали, чтобы бегать от людей.

— Это-то ты верно говоришь.

— Тогда не будем терять время.

На радостях Ильмурад обнял девушку и крепко поцеловал ее.

— Прости, что заставил тебя ждать, Шасолтан, — произнес на пороге Тойли Мерген и усталой походкой вошел в столь знакомый ему председательский кабинет.

В это время, отпустив Язбиби, Шасолтан разговаривала по телефону. Не отнимая трубки от уха, она кивком головы поздоровалась с бригадиром и указала ему на место за столом напротив себя.

Из телефонной трубки доносились чьи-то энергичные требования, но Шасолтан не соглашалась с ними. Это продолжалось довольно долго.

— Я готова понести любую кару, но выполнить такое указание не могу, — сказала она наконец и положила трубку. — Ну и человек! — обратилась она за сочувствием к Тойли Мергену. — Просто замучил! И ко всему еще глупые доводы приводит. О Золотой Звезде, видите ли, не думаю! Как будто люди только ради славы и работают.

— Кто это? — придвигаясь поближе, поинтересовался Тойли Мерген. — Похоже, что сам Ханов.

— Кто же еще, кроме него, может так разговаривать! — махнула рукой Шасолтан. — Каждый день даем план с превышением. Выходим в первый ряд по району. А ему все мало!

— План-то мы даем с превышением. Только бывает, что и влажный хлопок вывозим.

— А я о чем толкую! Мы здесь людей за это ругаем. А он, как назло, говорит: даже если будет совсем мокрый, отправляйте, не задерживайте. Не знаю, как другие, но я

с этим человеком сразу не поладила. Недавно проводил он совещание председателей. Вы ведь меня знаете. Не могу усидеть, когда время тратят на пустые разговоры. Ну, я возьми и скажи ему об этом. С тех пор он совсем расшвырялся.

— Я вообще думаю, что во всем Мургабском оазисе не найдется человека, который с ним поладил бы, — усмехнулся Тойли Мерген.

— Нет, Карлыев еще как-то с ним уживается. А у меня, прямо скажу, не хватает терпения.

— О, даже ты, Шасолтан, начинаешь сердиться!

— Как же не сердиться, Тойли-ага! Ведь этот человек только тем и занят, что портит людям кровь. И притом хочет властвовать, распоряжаться всеми.

— Тут я твой единомышленник, Шасолтан. И все-таки нельзя все принимать так близко к сердцу...

— Тойли-ага, вы-то хоть не прикидывайтесь равнодушным!

— Я равнодушие ненавижу всей душой.

— Тогда почему же вы со мной спорите? — удивилась девушка. — Ведь Ханов считает, что, кроме него, нет на свете ни одного честного человека. Даже вас днем и ночью выслеживает. А вы...

— Ты, Шасолтан, не поняла меня, — улыбнулся Тойли Мерген. — Я хочу другое сказать. Может быть, мы близко-руко судим? Может быть, Карлыев смотрит дальше нас и еще надеется рано или поздно наставить этого человека на путь истинный...

Шасолтан только пожала плечами и перевела разговор.

— Чует мое сердце, — сказала она, — что после нынешнего телефонного разговора Ханов на рассвете нагрянет сюда со своей свитой... В эти дни и отдохнуть толком не удастся. Вы-то, наверно, здорово устаете?

— К счастью, об этом некогда подумать, Шасолтан. Сама знаешь, какова у меня работенка.

— Знаю, Тойли-ага, и даже подумала недавно — не сдадут ли у вас иной раз нервы?

— Нервы сдают? Возможно.

— Вы слышали, что Артык-ших...

— Артык-ших? А где он?

— Где — никто не знает. Но зато он весь мир засыпал своими заявлениями, — сообщила Шасолтан. — И на вас, и на меня взвалил все грехи, какие только мог придумать.

— Если он жалуется на меня, то это еще куда ни шло, но какое отношение к нему имеешь ты?

— Не знаю, — улыбнулась Шасолтан.

— Ах, плут! — сказал Тойли Мерген и закурил сигарету. — Ему еще повезло, что он успел унести ноги. По-настоящему его надо было опозорить перед народом и привлечь к ответственности.

— По правде сказать, Артык-ших меня не тревожит. Нет ничего проще, как ответить на его заявления. А вот о Гайли Кособоком разговор будет другой.

— Это почему же? — нахмурился Тойли Мерген. — Из-за того, что я хотел перепахать его огород? Так ведь он не желает работать в колхозе.

— Да, таким, как он, приусадебный участок, вообще говоря, не положен. Но ведь у него жена работает в колхозе, и работает исправно...

— Пусть поменьше скандалит! — проворчал Тойли Мерген. — И пусть держит слово!

— Тем не менее, Тойли-ага...

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Шасолтан, — прервал ее Тойли Мерген. — Мой поступок, если посмотреть на него со стороны, конечно, нелепый. Но не забывай и другого. Этот Кособокий Гайли из той породы людей, что хотят есть даром и лежать. Я, откровенно говоря, считаю таких людей ворами. И не вижу никакой разницы между ними и грабителями, которые среди бела дня устраивают налет на магазин. Колхозу от них никакой пользы, зато сами они пользуются колхозной землей и водой, а вырученные за урожай денежки кладут себе в карман.

— Это все верно, Тойли-ага. Но насчет таких людей мы принимали специальное решение. И то решение надо выполнять

— Теперь ты готова проявить равнодушие?

Шасолтан засмеялась. Однако бригадиру было совсем не весело.

— Прошу тебя, Шасолтан, — сказал он серьезно. — Пока не мешай мне. Если бы Гайли был один, я бы сам плюнул на него. Колхоз может вынести такую обузу, как он. И даже не почувствует. Но в том-то и беда, что он не одинок. Таких немало. И все, как назло, мои родственники. Пусть они посмотрят на Кособокого и призадумаются. Это — одно. И еще — если я груб, Шасолтан, то груб со своими. Уж я-то знаю, как за каждого из них братья.

Кто-то, а Шасолтан отлично понимала, что Тойли Мер-

ген — человек незлой и справедливый. Но, заботясь о его авторитете, она все же попросила:

— Хоть и свои, Тойли-ага, а все-таки будьте сдержанные. И так уж поползли всякие слухи. Я сначала даже испугалась и отправила Дурды Кепбана выяснить, что же произошло на самом деле. Ну, он меня успокоил, ничего особенного, говорит, не произошло: раздавило трактором несколько арбузов да плуг зацепил грядку моркови. Но ведь, сами знаете, есть у нас и такие, что рады сделать из мухи слона. Тут же, вслед за Дурды Кепбаном, прибежал Баймурад Аймурадов. Кричит, волнуется. «Беззаконие! Преступление!..» Дурды-ага, конечно, сумел ему ответить. Тем не менее, Тойли-ага, такими мерами завоевать авторитет трудно, а лишиться его очень легко. Поверьте!..

— Да знаю я это все! Но когда вижу несправедливость, не могу утерпеть. Такой уж характер.

— Боюсь, что подобные действия не дадут желаемого результата, — твердо сказала Шасолтан. — Самое трудное дело становится посильным, если свести воедино мнение многих людей, а прежде всего — коммунистов.

— Ты хочешь сказать, что я действую в одиночку?

— Да, хочу так сказать.

— Возможно... — Тойли Мерген задумался и задымил сигаретой. — Я, признаться, даже в пустыню накануне поехал, чтобы в тишине подумать обо всем... Да, вот оно и вышло в одиночку...

— Наверно, не мне напоминать вам эту истину... — продолжала Шасолтан.

— Тут греха нет. Поговори мы вот так раньше, возможно, обошлось бы и без скандала.

— Моя ошибка, — признала девушка. — Зато эта история с Гайли будет для нас уроком. Теперь ясно, что мы должны как-то перестроиться...

Тойли Мерген прервал ее:

— Есть у меня одно предложение.

Шасолтан вопросительно посмотрела на него.

— Надо создать в бригадах партгруппы, — продолжал Тойли Мерген. — В моей бригаде, к примеру, семь коммунистов. Чем не организация?

— Правильно! При такой партгруппе вам уже не придется самому хватать людей за ворот. Хозяйчики, вроде Гайли Кособокого, сразу это поймут. Я посоветуюсь с товарищем Карлыевым. Да, кстати, он недавно звонил. Спрашивал, правда ли, что бригадир перепыхал чей-то приуса-

дебный участок? Видите, слух и до него дошел. Ну, я ему рассказала все, как было.

— Как он отнесся? — хмуро поинтересовался Тойли Мерген.

— Он сказал, что история, конечно, некрасивая, даже возмутительная, и просил вас помириться с Кособоким, пока тот, чего доброго, не подал в суд. Вы об этом подумайте, Тойли-ага.

— Ладно, подумаю, — ответил Тойли Мерген и собрался идти.

— Еще минутку, — задержала его Шасолтан. — Сейчас заходила Язбиби...

— Язбиби? — сразу понял, в чем дело, Тойли Мерген. — Значит, и она на меня жалуется?

— Не совсем на вас...

— Это все Акнабат намутила! — тяжело вздохнул он и сел на прежнее место. — Прямо не знаю, что с ней делать. Ни меня, ни сына не слушает. Чуть что скажешь — на глазах сразу слезы. Видно, придется просить Амана, чтобы поскорее привез свою Сульгун, и поженить их. Как с хлопком немного управимся, так сыграем свадьбу.

— Да, тут надо торопиться, и так уж все запуталось.

— Что ж, пойду наводить порядок в своем семействе, — снова вздохнул Тойли Мерген и попрощался.

А в это время в доме Илли Неуклюжего горячо обсуждалось исчезновение Язбиби.

— Это ты отпустил свою дочь! — пилила пеугомонная Донди мужа, испортив ему все удовольствие от послеобеденного наса. — Если бы послушался меня, ничего бы не было. Я ведь не от хорошей жизни суету развела. Я говорю потому, что знаю — она сбежала. А сбежала девушка — ушли из рук деньги на машину для наших сыновей. Ведь это же надо! Из рук упустили. И во всем ты виноват, ты!

В этот момент около дома остановился «Москвич» Ильмурада.

Словно дожидаясь его появления, на топчане возле веранды, подложив под локоть подушки, дымили папиросами такие же крупные, как их отец, два старших брата Язбиби — Юсуп и Ахмед.

Сначала из машины вышла Язбиби, следом за ней — Ильмурад. Братьев будто подбросило. Они и сами не заметили, как оказались на ногах.

Ильмурад вежливо поздоровался. Но на свое приветствие ответа не получил. Увидев, что у братьев сердитые лица, Язбиби приостановилась и сказала:

— А ну-ка, погоди, Ильмурад.

Юсуп кивнул Ахмеду. Тот ногой пнул входную дверь.

— Мама! — крикнул он. — Дочь-то твоя явилась!

Если глаза у старой Донди напоминали щелочки, то уж зато уши были как миски. Ей ничего не приходилось повторять. Услышав голос младшего сына, она мигом вскочила и, даже не заметив, что с головы у нее слетел платок, босиком выбежала на улицу.

— Вай! А кто там с ней? — застонала она, заметив Ильмурада.

Язбиби, конечно, не рассчитывала услышать доброе слово от матери, но все же надеялась, что та, увидев ее избанника, несколько смягчится.

— Это тот парень, про которого я тебе говорила, мама, — сказала она смиренно. — Мы пришли просить твоего согласия.

Если бы Донди встретила их добрыми словами, вроде: «Заходите, дети мои!..» — молодые от радости почувствовали бы себя на седьмом небе. Но жадная Донди оказалась неспособной на такую мудрость.

— Лучше бы ты легла в черную землю! — воскликнула она и дала дочери пощечину.

У девушки из глаз посыпались искры, но она только потерла щеку и мягко сказала:

— Что ты делаешь, мама?

— Я знаю, что делаю, негодница, — раскричалась Донди. — А ну, заходи в дом, я тебе покажу!

— Если так, то я уйду совсем.

— Теперь уж не уйдешь! — И в подтверждение угрозы Донди схватила дочь за косы. — Теперь я тебя нарочно выдам за вдовца, который семь жен загнал в могилу!

— Мама, отпусти, больно!

— Не отпущу! Я еще тебе все волосы повыдергиваю, и будешь ты у меня как гриф с голой головой.

На крики Донди стали собираться соседи. И каждый пытался ее усовестить:

— Тетушка Донди, нельзя же так!

— Успокойтесь, тетушка Донди!

Вы же ее изувечите!

— Что вы делаете! Разве можно!

— Надо вызвать Шасолтан! Не то эта сумасшедшая старуха изуродует девушку.

Ильмурад готов был уже вступить за любимую, но Язбиби энергичным жестом запретила ему приближаться к ним. В этот же миг соседка-молодуха бросилась между матерью и дочерью и, ухватив старую за руки, зашептала ей на ухо:

— Возьмите себя в руки, мать! Побойтесь бога! Вспомните про судный день!..

— Убирайся, рабыня!

Донди ловко извернулась и ногой пнула молодую женщину в бок.

Та схватилась за живот и отпрянула.

— Тетушка,— попробовал все-таки урезонить разбушевавшуюся старуху Ильмурад.— Опомнитесь! Ведь Язбиби ваша дочь. Как же можно так истязать свое дитя?

— А! Ты еще здесь, самозванец! — И, выпустив из рук косы дочери, Донди бросилась на Ильмурада.— Прочь отсюда!

Но этот коренастый, симпатичный парень в модном сером костюме даже не пошевелился. Он лишь с тоской в глазах смотрел на Язбиби. И, как ни странно, спокойствие молодого учителя подействовало на старуху. Внезапно она круто повернулась и обрушила удары, предназначенные Ильмураду, на своего Юсупа.

— Ну, чего стоишь, разинув рот? — завизжала она.— Дай ему по морде!

Юсуп кивнул брату. Ахмед подошел вплотную к Ильмураду и заорал, выпучив глаза:

— Ты что, глухой? Не слышишь, что было сказано?

— Не слышу! — решительно ответил Ильмурад.

— Ахмед! — растрепанная, простоволосая Язбиби мгновенно оказалась между ними.— Ахмед, не бери на себя лишнего!

— Отойди, бессовестная!

— Не отойду!

Грубо оттолкнув сестру далеко в сторону, Ахмед прыгнул на веранду и схватил лежавший там ржавый топор. С криком: «Вай! Вай!..» — женщины и ребятишки бросились врассыпную.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в то же мгновение из темноты не прозвучал гневный голос Шасолтан:

— Ахмед! Брось топор! Немедленно брось!
Шум возле дома затих не сразу, но Илли Неуклюжий так и не появился.

XXIII

Только непомерное самодовольство помешало Ханову вовремя заметить, что вокруг него внезапно образовалась зловещая пустота.

Шекер так и исчезла. Впрочем, беспокоиться за нее не было оснований — скорее всего она отправилась к матери в Ашхабад. Куда же еще она могла деться?

Здесь Ханов не ошибся. В ту злополучную ночь оскорбленная до глубины души женщина думала только о том, как бы поскорее уехать из опостылевшего ей дома. Наскоро собрав кое-какие пожитки, она, не дожидаясь утреннего самолета, отправилась на вокзал и села на какой-то транзитный поезд, идущий в сторону Ашхабада.

Конечно, на первых порах несчастной Шекер пришлось в Ашхабаде несладко. Родня встретила ее неласково и сразу осудила за безрассудство. И больная мать, и старший брат, многодетный инженер, в один голос стали твердить ей: «Вернись!» Однако Шекер была полна решимости постоять за свою честь и выдержала этот натиск. Больше того, она, не откладывая, отправилась на фабрику, где работала в девичество, и вскоре снова взялась за дарак, быстро восстановив свою репутацию отличной ковровщицы.

Но всего этого Ханов пока не знал, как не знал он и дальнейшей судьбы своего водителя.

Наутро после злополучного объяснения из-за шампанского Чары молча подал ответственному секретарю исполкома клочок бумаги с наскоро нацарапанным заявлением об уходе. Чары просил срочно освободить его от работы по семейным обстоятельствам.

Ответственный секретарь, человек рослый, усатый, веселый, но крайне медлительный, за что и был прозван начальством Мямлей, на этот раз проявил должную оперативность. Уж он-то понимал, что такое дело откладывать нельзя. Через пять минут заявление Чары лежало у Ханова на столе. Председатель райисполкома, прочитав его, слегка поморщился, но, поскольку в заявлении ничего не говорилось о факте рукоприкладства, почел за благо удовлетворить просьбу своего шофера и тут же наложил резолюцию: «Согласен. Произвести расчет. Ханов».

Через несколько дней Чары уже работал бульдозеристом на месте будущего огромного водохранилища и благословлял судьбу, которая не только избавила его от грубых выходов начальника-самодура, но и послала ему высокие заработки, не говоря уже о гордом звании строителя великого канала.

Разумеется, для бегства Шекер и ухода Чары были некоторые основания, даже на взгляд самого Ханова. Но почему вдруг взъерепенилась его всегда покорная секретарша, он так и не понял. Как могла она покинуть председателя райисполкома, и притом без всякой на то причины!

Между тем причина была. Когда у Караджи Агаева случился тяжелый сердечный приступ, а товарищ Ханов даже не счел нужным остановиться возле потерявшего сознание и бессильно распростертого на полу человека, в этой старательной, безропотной женщине внезапно что-то надломилось. Никакая сила уже не могла бы заставить ее работать с таким безжалостным начальником. На следующий день она, с неожиданной для нее самой смелостью, положила перед Хановым заявление.

— Ничего не понимаю! — искренне изумился он и второй раз пробежал по бумаге глазами. — С чего это ты вдруг надумала уйти?

— По состоянию здоровья, — краснея и бледнея, произнесла секретарша заранее заготовленные слова. — Тут всегда очень шумно, беспокойно, у меня нервы не выдерживают... Освободите меня, пожалуйста, я хочу вернуться на работу по специальности.

— А какая у тебя специальность?

— Я думала, вы знаете, — с грустной улыбкой ответила растерявшаяся женщина. — Ведь мы с вами уже почти год работаем.

Ханову пришлось не по вкусу и ее ответ, и ее неприличная улыбка.

— Некогда мне изучать биографии моих секретарш! — осадил он ее. — Есть дела и поважнее!

— Я — корректор, — смиренно напомнила она.

— А хоть бы и редактор, мне все равно! — разъярился Ханов. — Я людей против воли не держу. — Он наложил резолюцию и зло добавил: — Валяй! Хоть с сегодняшнего дня. И без тебя обойдусь!

Однако председатель райисполкома сразу почувствовал ее отсутствие, потому что телефон звонил непрерывно.

В отличие от Карлыева, который старался поговорить с каждым, кто обращался к нему, Ханов не любил брать трубку и поручал своей секретарше самый строгий отбор телефонных собеседников. И, надо отдать ей должное, она ни разу Ханова не подвела, соединяя его только с теми, с кем нужно было соединить.

Как же быть теперь?

Ханов подумал, подумал и вызвал Мямлю.

— Ты знаешь, что эта баба ушла? — начал он.

— Знаю, Каландар-ага.

— Раз так, то найди мне немедленно вместо нее красивую молодую женщину. Грамотную, конечно. И чтобы понимала меня с полуслова. Ясно?

— Не так-то это просто, Каландар-ага. Молодые женщины теперь все больше на поля стремятся. Чем сидеть в душной приемной и глотать табачный дым, они трудятся на воле. Чистый воздух, хороший заработок...

— Ишь ты, какой красноречивый стал! Тебе бы агитатором работать. Хочешь, я тебя к Карлыеву откомандирую?

— Я только пытаюсь обрисовать обстановку, Каландар-ага...

— Объяснять мне ничего не надо. Раз не можешь найти, будешь теперь у меня сам вместо технического секретаря. Садись в приемной у телефона. И по пустякам не тревожь...

Мямля приуныл, но ослушаться не посмел. На его счастье, Ханов в последнее время почти не бывал у себя в кабинете, потому что целые дни носился по району.

Его наконец-то отремонтированный «газик» с Лысым Ширли за баранкой метался между хлопковыми полями и пустыней. Больше всего Ханов занимался подготовкой к севу в новом году и освоением целинных земель вдоль канала. Однако хоть забот у него было выше головы, не забывал он и про охоту. Стоило ему заметить в пустыне зайца или дрофу, не говоря уже о джейранах, как он пускался в погоню и без усталости палил из новой двустволки.

Вот и сегодня, едва рассвело, Ханов отправился в пустыню и целый день колесил по бескрайним просторам, объезжая колхозные отары. И всюду распоряжался, отдавал приказания, учинял разносы.

Возвращались в город они раньше обычного, еще за светлом. Лысого Ширли радовало это обстоятельство. В по-

следние дни, где бы он ни находился, все его мысли были прикованы к дому. Овадан захворала, и ему хотелось быть возле жены.

Но разве заранее угадаешь, что может прийти в голову такому человеку, как Ханов? Когда до города оставалось уже недалеко, он внезапно ткнул Лысого локтем в бок:

— Ну-ка, сверни к «Хлопкоробу»! Раз уж мы близко, узнаем, как дела у Тойли Мергена.

Лысый Ширли понимал, что отговаривать начальника в таких случаях бессмысленно, но все же вежливо повернул:

— Целый день ездили, неужто не устали, Каландар-ага?

— Тебя не касается, устал я или нет.

— Конечно, не касается... Только я еще и за Овадан беспокоюсь.

— А что с ней такое? Скандалит все?

— Теперь Овадан не до скандалов. Хворает, бедняга. Животом мучается...

— Животом! — засмеялся Ханов. — Думаешь, от твоего приезда ей сразу легче станет?

Пожалев о сказанном, Ширли спросил:

— Куда ехать? К Тойли Мергену домой?

— Давай к нему на полевой стан!

Рабочий день подходил к концу, и на полевом стане третьей бригады было полно сборщиков. Особенно много народа скопилось возле весов. Каждый стремился побыстрее взвесить хлопок, собранный после полудня, и отправиться домой. Аман и Язбиби тоже подъезжали сюда каждый со своей стороны, чтобы в последний раз опустошить бункеры.

Заметив «газик» Ханова, Тойли Мерген, который сидел с ведомостью под навесом, неторопливо поднялся. Его вовсе не порадовало внезапное появление председателя исполкома, да еще в такой неурочный час, но все же он встретил Ханова как положено.

— Заходите! Если желаете, есть заваренный чай.

— Я приехал к вам не чай распивать, — не сходя с машины, хмуро проговорил Ханов и кивнул на кучи хлопка. — Когда собран?

— Есть сегодняшний, есть и вчерашний.

— Вы что, намерены держать его здесь до снега?

— Влажный. Пусть немного обветрится.

— По дороге обветрится. Срочно отправляйте. Хоть всю

ночь грузите, но чтобы к утру не осталось ни грамма.

— Я влажный хлопок не отправлю, товарищ Ханов.

— Если я велю, вам придется отправить!

— Все равно не отправлю!

— Смотрю я, вас бывлые грехи не тяготят. Что ж, придется поговорить с вами в другом месте и другими словами, товарищ Мергенов.

— Я готов разговаривать где угодно, товарищ Ханов.

— Как бы вам от этих разговоров не остаться без партбилета! — пригрозил председатель исполкома и умчался на своем «газике».

Аман, наблюдавший эту сцену издали, подошел к отцу:

— Зачем ты пререкаешься с ним, папа? Раз приказывает — отправь, и дело с концом!

— Не говори глупостей! — прикрикнул на сына Тойли Мерген. — Лучше побыстрее опрокинь свой бункер и уступи место Язбиби!

Как ни торопился Лысый Ширли к своей Овадан, Ханов еще долго не отпускал его в тот вечер. После стычки с Тойли Мергеном он велел везти его не домой, а в исполком, да еще приказал ждать.

Рабочий день в учреждениях уже давным-давно кончился, но верный Мямля сидел в приемной Ханова возле телефона как пригвожденный.

— Ждешь меня? — с удовлетворением отметил тот старание подчиненного.

— Жду, Каландар-ага.

— Ну, докладывай, какие новости.

— Из Пакистана приехали два туриста. Завтра они вроде бы собираются посмотреть канал.

— У туристов есть свои хозяева! Еще что?

Ответственный секретарь понимал, что в такой поздний час Ханову не до мелочей. Поэтому он сообщил главное:

— В конце дня звонил Карлыев. Я сказал, что вы уехали в пустыню.

— Зачем я ему?

— Не знаю, Каландар-ага. Он ничего не просил передать.

— Сведения по хлопку в Ашхабад сообщил?

— Конечно! Только база поздно дала сегодня сводку.

— Почему поздно?

— Не знаю.

— Эх ты! Распушил свои усы, а не выяснил. Ты ведь специально сидишь тут для этого. В следующий раз спрашивай.

— Хорошо, Каландар-ага. Только директор базы не особенно-то охотно с нами разговаривает.

— А ты от моего имени!

— Ладно, Каландар-ага.

— Ашхабад ничего не просил передать?

— А у них всегда одна и та же музыка. Только и знают — ускорьте сбор.

— Директор базы у себя?

— Вообще-то должен быть.

— Ну-ка соедини меня с ним, — распорядился Ханов и вошел к себе в кабинет.

— Возьмите трубку, — просунув в дверь усы, сказал ответственный секретарь.

— Ну, как дела? — привычно развалившись в своем мягком кресле, обратился Ханов к директору базы. — Как у тебя, харман растет?

— Растет, товарищ Ханов, только медленно. Хорошо если бы вы еще поднажали на председателей.

— Ты ведь влажный принимаешь?

— Как вы сказали, так и делаем. Назад ничего не отправляем.

— Молодец! Если будешь меня слушаться, не прогадаешь.

— Уж мы и так стараемся... — заверил директор базы.

— Слушай! — прервал его Ханов. — Вот какое дело. Некоторые упрямцы, вроде Тойли Мергена, не отправляют вовремя хлопок. Ссылаются, понимаешь ли, на влажность. Ленятся просто... Так вот, надо бы направить твоих людей к таким, пусть составят акты. Будет не во вред делу, если и ты иной раз тоже вылезешь из своего кабинета.

Хотя Ханов и говорил об «упрямцах» во множественном числе, директор базы отлично понимал, о ком идет речь.

— Если уж вы не можете наставить его на путь истинный, то мне Тойли Мерген и вовсе не по зубам, — взмолился директор. — Тут как-то послал я к нему человека: дескать, следите получше за сортностью хлопка, так он его опозорил и прогнал.

— Ничего, сегодня я уже побывал у него и вроде бы сделал пригодным для твоих зубов. Ты скажи своим людям, пусть не гнутся перед каждым, пусть требуют покруче! — заключил председатель исполкома и положил трубку.

Часы пробили девять. Кругом царила тишина. Не хотелось вставать из кресла.

«Как выехал на рассвете, так ни минутки не отдыхал,— подумал Ханов.— Куда теперь — заскочить домой или прямо к Алтынджемал?»

Он набрал ее номер, но никто не ответил.

— С чего это она не берет трубку? — пробормотал Ханов.— Странно. Позже пяти она из больницы никогда не приходит.

Ханов набрал снова. Однако и на этот раз ответа не было.

«Может, у нее не работает телефон»,— подумал он. Но проверочная тут же рассеяла это подозрение.

Конечно, Алтынджемал могла отправиться в кино или к подруге, наконец, в библиотеку, но почему-то на этот раз Ханов разволновался не на шутку. У него было такое чувство, словно она ускользала у него из рук. Он вышел из кабинета, отпустил вконец отчаявшегося Мямлю, быстро прошагал мимо него и прямо с крыльца нырнул в машину.

— Поехали, Ширли-хан!

— Куда, Каландар-ага?

— Туда, откуда ты меня утром увез.

Из знакомого окна, задернутого красной занавеской, на улицу падал свет.

«Значит, Алтын дома,— еще больше встревожился Ханов.— Почему же она не берет трубку? Или тоже от меня отворачивается?»

Алтынджемал молча впустила его и, шурша своим шелковым халатом, поспешно прошла в комнату. Он сделал вид, что не заметил ее холодности, и положил ей руку на плечо.

— Ты почему не берешь трубку, моя Алтын?

— У меня плохое настроение, Каландар.

— С чего бы?

— Я и сама не знаю.

— Наверно, знаешь! — ласково сказал Ханов и поцеловал ее в щеку.— Может, жалеешь, что Шекер меня бросила?

Чуть приподняв голову, Алтынджемал посмотрела ему в глаза:

— Сказать откровенно?

— Мы всегда с тобой разговариваем без утаек, моя Алтын! Я жду от тебя чистой правды.

Некоторое время подумав, она ответила:

— Признаться, я действительно жалею о том, что Шекер уехала.

— Ты шутишь, моя Алтын, — засмеялся Ханов.

— Шекер была хорошей женой.

— Как ты можешь судить об этом?

— Ты сам ее хвалил.

Ханов снял руку с плеча Алтынджемал и закурил сигарету.

— Хорошая жена никогда не бросит мужа, — сказал он.

— А если муж ей изменяет?

— Разве в измене виноват только я?

— Этого я не могу утверждать.

— Значит, тут есть и твоя вина?

— Возможно... Но тебе бы хотелось, чтобы вина была только на мне.

— Ты так думаешь? — удивился Ханов. — И из-за этого погрузилась в болото печали? Даже не отвечаешь на телефонные звонки.

— Да, Каландар, сижу и думаю о нас с тобой.

— Может быть, мы это оставим пока? Пришел усталый человек, а ему даже не предлагают чая и чурека.

— Подать чай и чурек проще простого. — Алтынджемал потянулась и встала. — Где сядешь, за столом или на ковре?

— Мне кусок не пойдет в горло, если тебя не будет рядышком.

Пока Ханов переодевался, Алтынджемал расстелила скатерть и принесла жареного зайца с картошкой. Потом налила стопку коньяку.

— С тех пор как уехала Шекер, — посмотрела она краешком глаза на Ханова, — тебя словно подменили.

— Это тебе только кажется, моя Алтын!.. За твое здоровье! Пусть не увядает твоя юность, пусть всегда тебе сопутствует красота!.. Просто у меня сейчас много работы...

— Нет, что ни говори, это Шекер лишила тебя покоя.

— Зачем опять о Шекер? С нею у меня все кончено. Давай потолкуем о нас с тобой. — Он обнял ее и поцеловал. — Я вот думаю забрать тебя к себе... Ты почему отворачиваешься? Если хочешь, прямо сейчас увезу вместе со всем твоим хозяйством. Я серьезно, моя Алтын!

— Я знаю, что ты серьезно.

— Если знаешь, зачем морочишь мне голову, почему хмуришься?

— Не торопи меня, Каландар. Дай поразмыслить.

— По-моему, тут все ясно. Или ты людей стесняешься? Боишься пересудов?

— Я никого не стесняюсь.

— Тогда в чем же дело?

У Ханова даже пропал аппетит. Он отодвинулся от еды, закурил и, глядя в грустные глаза Алтынджемал, спросил:

— Почему ты не отвечаешь?

— Ну, погоди до завтра. Утро вечера мудренее.

— Ладно, подумай. Только не забывай, что я тебя очень люблю, моя Алтын!

Ханов поднялся и прошел в ванную комнату. Приняв душ, он улегся на одной из двух стоявших рядом кроватей.

— Что-то меня сегодня в пустыне укачало, — признался он. — Может, и ты ляжешь?

— Я еще посижу, Каландар. Профессор поручил мне сделать выборку из историй болезни. Если ты устал, спи, пожалуйста, я тебе не помешаю.

— Такие вещи следовало бы делать в больнице, моя Алтын. А дома надо отдыхать. Понятно?

Алтынджемал не стала объяснять ему, что в больнице трудно выкроить время для научных занятий. Она молча взяла свои бумаги и села за стол.

— Оставь ты это, моя Алтын. В крайнем случае встанем пораньше и я тебе помогу.

— Это ведь не свodka по хлопку, — сухо заметила она. — Что ты понимаешь в болезнях сердца?

— Хорошо! Если так, завтра с утра у тебя в полном услужении будут два медика. Обещаю тебе. А пока иди сюда, моя Алтын.

— Не мешай, Каландар. Спокойной ночи!..

Когда Ханов проснулся, в комнате было уже светло. Полагая, что Алтынджемал спит рядом, он протянул руку, но на соседней кровати ее не оказалось. Было похоже, что ее кровать вообще осталась нетронутой: подушка даже не была примята.

Ханов приподнялся на локте и увидел Алтынджемал, которая сидела за столом, уронив голову на руки. На ней было ее новое платье.

— Ты так и не ложились, моя Алтын? — удивился он.

На его голос она подняла голову и откинула с лица рассыпавшиеся волосы.

— Выходит, так...

Отбросив одеяло, он поспешно поднялся и сел рядом с нею.

— Что случилось, моя Алтын? Прошу тебя, скажи мне, что тебя мучает?

— Многое, Каландар... Чай пить будешь?

— О чае поговорим потом. Ты сначала ответь на мой вопрос.

Но, как ни настаивал Ханов, Алтынджемал уклонялась от объяснений. В конце концов, словно удивленная его натиском, она как-то отчужденно посмотрела на него, встала и принялась ходить по комнате.

— Ты почему убегаешь от меня?

Алтынджемал покорно села на краешек дивана.

— Я не убегаю. Я думаю. И, кажется, прихожу к выводу...

— погоди, моя Алтын! — перебил ее Ханов. — Я чувствую, что ты готова совершить ошибку. Роковую ошибку...

— Нет, Каландар. Боюсь, что я уже не изменю своего решения.

— Изменишь! Изменишь! — твердил он, обнимая Алтынджемал и целуя ее щеки, лоб, волосы. — Ты все равно будешь моей. Только моей!

— Каландар! Отпусти, мне больно... У меня кружится голова...

— Ладно, не буду...

— Мне самой жаль, Каландар, — заговорила она через силу, — но я не могу обещать, что буду с тобой.

У Ханова даже побледнели и как-то сразу обвисли щеки.

— Почему? Ведь теперь никто нам не мешает, никто не стоит преградой у тебя на пути. Шекер уехала. Я свободен. Что тебе еще нужно?

Чем громче звучал голос Ханова, тем тише старалась говорить Алтынджемал.

— Знаешь, Каландар, я так и не работала. Я все думала. Я пыталась поставить себя на место Шекер. Так вот, если бы ее участь свалилась на мою голову, я бы, наверно, день и ночь проклинала разлучницу.

— Все ее проклятья я беру на себя!

— Уж очень у тебя все просто получается. А как быть с моей честью, с моей совестью?

— Я тебя сегодня никак не могу понять, моя Алтын, — взволнованно проговорил он. — Ты о чем?

— Могу ли я быть счастливой, украв счастье у такого же человека, как я сама? Вот о чем!

— Давай оставим эти тонкости, моя Алтын. Мне нужна не философия. Мне ты нужна! Понятно?

— Нет, Каландар. Легче всего сейчас на все это закрыть глаза. Но потом мы сами будем жалеть... Ты предлагаешь мне совместную жизнь. Предположим, я соглашусь. Но сможем ли мы после всего, что произошло, быть счастливыми?

— Мы ведь и сейчас вместе.

— И все-таки это другое.

— Убежден, что все теперь зависит от нас двоих.

— Ошибаешься, Каландар, ошибаешься. Мы уже не будем испытывать былой радости. Каждый раз, когда мне захочется посмеяться, пошутить, подурачиться, передо мной будет возникать образ несчастной одинокой женщины. Ее горькие слезы на каждом шагу будут отравлять мне существование... Нет, Каландар, не могу я стать участницей столь несправедного дела.

— Ты все равно в нем участвовала... Я тебя решительно не понимаю.

— Сегодня не понимаешь, поймешь завтра, — печально произнесла Алтынджемал. — Мы с тобой на какое-то время оказались во власти слепого чувства и погнались за миражем.

— Может быть, это ты погналась, — рассердился Ханов. — Что же касается меня, то я нашел свое счастье.

— Каландар, — прервала его Алтынджемал. — Все угрозы бесполезны. Что меня упрашивать, что землю. Я об этом много думала и только сегодня ночью все поняла.

— Может, ты и о нашем прошлом жалеешь?

Она тихо покачала головой:

— Нет, о прошлом я не жалею.

— Тогда к чему все это?

— Сейчас, Каландар, я говорю не о том ветре, который дул, а о том, который подует. Достаточно того, что я любила тебя от всего сердца. Но впредь я не хочу гнаться за миражем. Как бы мне ни было тяжело, как бы ни было мучительно, но мы должны расстаться. Другого выхода нет... Ты на меня не обижайся. Считай, что все это было счастливым сном. Прощай! Мне пора в больницу.

Она осторожно поцеловала его в щеку и, не оглядываясь, вышла. Растерянный, полуодетый, Ханов так и остался сидеть на диване и лишь постукал себя по лбу обоими кулаками.

В бездумном оцепенении он просидел так, наверно,

около часа. Потом вдруг спохватился — время близилось к десяти. Хочешь не хочешь, а надо было идти на работу.

Необычно сгорбившись, Ханов приблизился к окну и, чуть отодвинув занавеску, выглянул на улицу. Но машины, которой полагалось быть к девяти, не обнаружил. Удивленный и обиженный, он соединился по телефону с исполкомом.

— Это ты, Мямля?

— Я, Каландар-ага. Чем могу служить?

— Где этот Лысый? Куда он девался?

— Разве он за вами не приехал? А я сижу здесь спокойно, в полной уверенности, что он давно ждет вас.

— Не это ли спокойствие нас и подводит?.. Может, он собирается сбежать от меня?

— Нет, Ширли не такой. Наверно, у него объявилось какое-нибудь сверхважное дело. Обычно он очень аккуратен.

— Какое у него может быть дело важнее меня?

— Сейчас я им займусь, Каландар-ага.

— Ты мне разговоры не разводи! Немедленно разыщи его и пошли за мной.

— Куда, Каландар-ага?

— Он сам знает!

И без того расстроенный, Ханов с силой швырнул телефонную трубку, словно вымещая на ней свои неудачи.

— До чего разболтались люди! Пока не скажешь — ничего сами не сделают!..

Больше всего Ханов ненавидел ожидание. Он оделся, умылся, посидел на диване. Встал, походил по комнате, нетерпеливо поглядывая в окно... И вдруг его взгляд упал на стол, где под целлофановой салфеткой его ожидал заботливо приготовленный завтрак. Нохурская брынза, колбаса, ковурма¹, сливки, яйца, виноград. Все, вплоть до свежего чурека.

Ханов постоял, посмотрел, горько покачал головой и снова накрыл стоявшую на столе еду.

Он курил сигарету за сигаретой, а Лысый Ширли все не появлялся.

«Этот негодник, наверно, носится вокруг своей скандальстки, а я должен тут сидеть и ждать его, вместо того чтобы работать! — наливался гневом Ханов. — Придется пойти пешком».

Но едва он, раздувшись он неистовой злобы, вышел из

¹ Ковурма — жареное мясо.

дома, как подкатила машина, и Лысый Ширли, с виноватым видом выскочив из нее на тротуар, принялся оправдываться:

— Не ругайте меня, Каландар-ага! У моей Овадан тяжелый приступ пришлось отвезти ее в больницу.

Вместо того чтобы посочувствовать человеку и хотя бы из вежливости осведомиться, что с его женой, Ханов поморщился и сказал:

— Государственные дела не должны страдать из-за таких вещей...

— Простите меня, Каландар-ага,— понурил голову Ширли.— Только уж очень ей было худо...

Но дальнейшие объяснения Лысого Ширли уже не коснулись слуха председателя исполкома. Он уселся на заднее сиденье и с силой хлопнул дверцей.

— Поезжай!

«Из чего же сердце у этого человека? — размышлял Ширли, взявшись за баранку.— Из камня? Нет, похоже, что у него вовсе нет сердца...»

— Куда ехать? — коротко, без обращения по имени, спросил он.

— А прежде ты куда ездил?

Ширли, ни слова не говоря, двинулся по направлению к исполкому, но не свернул, где было ближе, а проехал мимо.

— Куда ты жмешь, будто тебе по башке дали палкой! — заорал на него Ханов.— Поворачивай!

Не сбавляя скорости, тот глухо ответил:

— Теперь здесь нет поворота. Видите, уличные знаки изменились.

— Это для тебя они изменились! — разъярился Ханов.— А для меня нет. Поворачивай!

Несмотря на крики и угрозы, Лысый Ширли не подчинился приказанию. Он подъехал к исполкому как положено, остановился у подъезда и, не дожидаясь, пока председатель выйдет из машины, повернулся к нему с ключами в протянутой руке.

— Это еще что такое? — вытаращил глаза Ханов.— И ты сбежать хочешь?

— Мне бежать никуда не надо,— побледнев от волнения, ответил Ширли.— Вот вам ключи, и водите сами. Будете поворачивать, где понравится. А с меня довольно. У меня свой начальник есть.

— Я тебя заставлю!

Вместо ответа Ширли только улыбнулся и покачал головой.

— Ты чего скалишься? — снова обрушился на него Ханов. — Кто ты такой? Да если я захочу, заставлю и твоего начальника водить мою машину.

— Пожалуйста! Только я не поведу! — не смущаясь, ответил Ширли. — Я не шофер. Я в ремонтной мастерской работаю.

XXIV

Услышав знакомый скрип сапог, ответственный секретарь быстренько поправил галстук и разгладил усы. Чуть задержавшись возле него, Ханов спросил:

— Что происходит?

— Все в порядке, Каландар-ага. Неужели этот Лысый так и не заехал за вами и заставил вас идти пешком? Я перевернул все вверх дном, но так и не нашел его, Каландар-ага. Говорят, рано утром он явился в гараж и уехал. После этого никто его не видел.

— Я видел. На! — Ханов бросил на стол ключи от машины и уже хотел было пройти к себе в кабинет, но в это время секретарь кивнул в сторону сидевшего у стены Кособокого.

— Он ждет вас с девяти часов, хотя я говорил ему, что вы неизвестно когда будете, и советовал прийти завтра.

— Какое у него дело ко мне? — едва взглянув на Гайли, спросил председатель исполкома.

— Говорит, жалоба.

Услышав слово «жалоба», Ханов проявил к посетителю некоторый интерес.

— Здравствуйте! На кого у вас жалоба?

— Было бы неплохо поговорить без посторонних, — доверительно сообщил Гайли, поднимаясь со стула.

— Может, вашу жалобу можно рассмотреть и без моего участия? Скажем, если это что-нибудь вроде скандала с женой, на то у нас есть милиция, прокурор...

— У меня дело не из тех, которые можно доверить милиционеру, — напустил на себя важность Гайли. Он подтянул кушак своего халата, надвинул пониже шапку и боком приблизился к Ханову. — Я уже вышел из того возраста, когда скандалят с женами. Пусть с ними скандалят те, кто помоложе.

— Да, это вы верно говорите, старина.

— У меня и скандал большой, и противник серьезный.
— Кто же он? — вопросительно уставился на Кособокого Ханов и достал из кармана сигарету.

Облизнув губы, Гайли многозначительно ответил:

— Кто же еще, как не Тойли Мерген!

— Кто, кто? — Ханов, так и не прикурив, задул зажженную спичку. — Вы сказали, Тойли Мерген?

— Он самый, — подтвердил Гайли, наслаждаясь заранее рассчитанным эффектом. — Если бы посторонний, куда ни шло. А то ведь любимый родственник.

— Пройдемте ко мне, старина! — решительно сказал Ханов. Он пропустил Кособокого вперед, вошел за ним в кабинет и плотно закрыл дверь. — Я вас слушаю.

Но Гайли не торопился. Он оглядел помещение, обогнул стол и удобно устроился в мягком кресле. Потом снял шапку, положил ее на колени и, словно размышляя, с чего бы начать, провел рукой по гладко выбритой голове.

— Не стесняйтесь, рассказывайте! — проговорил Ханов и нажал кнопку. Едва Мямля просунул в дверь свои усы, как он скомандовал: — Чаю! Да завари покрепче!

— Если все рассказывать, нам и дня не хватит, — скромно заметил Гайли. — А вы человек занятой.

— Первейший долг представителей власти до конца вникать в жалобы таких почтенных людей, как вы! — заверил посетителя Ханов. — Мы ведь ваши слуги.

— Так-то оно так... — замылся Гайли. — А может, лучше вам самому прочитайте то, что я набросал на бумаге. Три дня не разгибаясь трудился, зато описал все, как было. И кое-что из прошлого вспоминал. — С этими словами Кособокий достал из-за пазухи толстую тетрадь в черном переплете и протянул ее Ханову. — Конечно, с грамотностью у меня не очень-то. Никак не могу освоить новые правила. Ай, да вы человек образованный, разберетесь.

Гайли даже не заметил, как перед ним появился чайник с пиалой. Он не отрываясь смотрел на председателя райисполкома.

— Не беспокойтесь, старина, как-нибудь разберусь, а вы пока пейте чай, — сказал Ханов и, схватив драгоценную тетрадь, погрузился в чтение. Можно было подумать, что ему дали увлекательнейший роман, с таким вниманием он продирался сквозь каракули Кособокого, стараясь не пропустить ни единого слова. Он как-то необычно затих и, лишь переворачивая очередную страницу, с жадностью затягивался сигаретой, бормоча про себя: «Так, так!..»

По мере чтения лицо его светлело, настроение поднималось. Было похоже, что эта жалоба заслонила собой его собственные неудачи — и бегство Шекер, и решение Алтынджемал, не говоря уже о конфликтах с подчиненными.

Дойдя примерно до середины, Ханов на мгновение оторвался от тетради и спросил:

— Выходит, этот Тойли Мерген самолично выдворил из села Артык-шиха?

— Еще бы! — развязно подтвердил Гайли Кособокий. — Кто же еще, кроме этого зарвавшегося администратора, мог вышвырнуть из родного гнезда святого человека, скромного служителя культа.

— Я так и предполагал, — удовлетворенно произнес Ханов и снова склонился над заветной тетрадью.

Не отводя взгляда от столь симпатичной ему фигуры председателя, Гайли усердно пил зеленый чай, потел и думал: «Эх, поздно я спохватился! Зря мотался от одной двери к другой, как в древние времена хивинский дервиш. Оказывается, надо было сразу постучаться сюда...»

Дойдя до последней страницы, Ханов чуть приподнял голову и спросил:

— Значит, вы, старина, и в колхозном строительстве участвовали?

— Еще бы! — ударил себя в грудь Кособокий. — Можно сказать, закладывал фундамент счастливой жизни в наших краях! Это ведь Тойли Мерген пришел на готовенькое. А я!.. Знаете, сколько мне пришлось лежать под пулями, подстелив под себя горячий песок, чтобы защитить родной колхоз от басмачей! И вот человека, который за нашу власть проливал кровь, едва не задавили трактором...

— Беззаконие! Вопиющее беззаконие! — подвел итог председатель райисполкома и закрыл черную тетрадь.

— Верные ваши слова, дорогой товарищ! — Гайли отодвинул в сторонку опустевший чайник и, обнажив щербатые зубы, благодарно улыбнулся. — Слова справедливого человека!

— Иначе никак нельзя расценить поведение Тойли Мергена, — ответил Ханов и положил тетрадь в ящик стола. — Ну, вот что: спокойно отправляйтесь домой, старина. Я сам приму нужные меры.

— Вот спасибо, дорогой. Все мы будем благодарны вам, — торжественно произнес Гайли Кособокий и уже поднялся

было, но тут же сел снова. — Только бы вам не помешали, — сокрушенно добавил он.

Это неожиданное заявление пришлось Ханову не по вкусу.

— Кто же это может мне помешать? — презрительно посмотрел он на собеседника.

Кособокий вроде бы смутился, но протянул руку к сигаретам, лежавшим на краю стола.

— Закурить можно?

— Курите!

Увидев, что посетитель шарит по карманам в поисках спичек, Ханов собственноручно дал ему прикурить, что с ним бывало крайне редко. Выпустив клубы дыма, Гайли пояснил:

— Умные люди посоветовали мне переписать эту жалобу еще в две тетради, на случай, если она затеряется.

— Не беспокойтесь, старина, у меня не пропадет, — заверил его Ханов и поинтересовался: — А куда вы дели те тетради?

— Одну я оставил у себя, все-таки осторожность не помешает. Запер ее в железный сундук, сделанный еще во времена Николая. Он достался моей жене от ее бабушки... Одну вот привез вам. А еще одну вчера вручил секретарю райкома товарищу Карлыеву.

Упоминание этого имени сразу испортило Ханову настроение. Такого поворота он не ожидал.

— Если вы уже вручили жалобу Карлыеву, тогда зачем пришли ко мне? Или вы думаете, что жалоба — это гостинцы на свадьбе, чтобы их всем раздавать? Раз так, пусть он и разбирается.

— Есть такая поговорка: «Дослушай заику до конца».

— Короче!

— Хоть народ его и расхваливает, а мне лично он не понравился... — продолжал Гайли.

— Что сказал Карлыев? — прервал его председатель исполкома.

Но Кособокий не торопился.

— Я искал у него поддержки. Я пришел к нему с жалобой на наших бесчеловечных руководителей. А он мне говорит: пусть раньше вашу жалобу рассмотрят на правлении. Ну, сами скажите, кто там ее рассмотрит? Шасолтан? Что я, не знаю этой дуры? Будто мне неизвестно, с кем эта рабыня заодно. Да если бы даже Тойли Мерген

раздавил меня трактором и превратил в удобрение, не думаю, чтобы она хоть словом попрекнула его за это.

— Вы говорите, они заодно, — опять оживился Ханов. — Как понимать ваши слова? У них что — близкие отношения?

— Куда ближе!

— Если мы устроим вам очную ставку, вы сможете это подтвердить?

— Вот те раз! Да у нас в колхозе даже младенцы с соской во рту знают, что между новым председателем и бывшим председателем, как говорится, и волосок не пролезет.

— Где они встречаются? Назовите место их тайных свиданий.

— Место свиданий?..

— Не бойтесь, старина. От меня можете не скрывать.

— О таких делах я ничего не знаю, дорогой товарищ. Если я скажу, что они встречаются тайком, это будет клеветой.

— Вы, кажется, испугались, старина. Ну да ладно, я понял вашу мысль... Скажите, а на чем вы порешили с Карлыевым?

— На том и порешили... Он мне говорит: «Пусть раньше народ скажет свое слово, а уж мы — потом». Вот я и ушел от него ни с чем...

— Да, ему хочется прослыть демократом.

— Не знаю, кем он там хочет прослыть, только я все равно защиту найду...

Гайли облизнул губы и хотел добавить что-то еще, но Ханов, хлопнув обеими руками по столу, поднялся:

— Ладно! Мы ваше заявление разберем. Здесь, в этом кабинете!

— Дай бог, дай бог! После того как Тойли Мергена сняли, он от ярости совсем зашелся. Если его сейчас не взнуздать крепкой рукой, он, чего доброго, людям запретит и огонь разводить в очагах.

— Взнуздаем, старина! Будьте покойны!

Едва за посетителем закрылась дверь, как Ханов достал из ящика его черную тетрадь и снова сел ее перелистывать.

«Эх, как бы мне этой жалобой взнуздать не только Тойли Мергена, а и еще кой-кого», — подумал он и, сняв трубку, набрал номер секретаря райкома.

— Здравствуйте, товарищ Карлыев. Ханов говорит. Хочу посоветоваться с вами по одному делу. Сейчас тут ко мне

заходил пожилой колхозник из бригады Тойли Мергена...

— Гайли Кособокий?

— Ах, значит, и вы в курсе,— прикинулся ничего не знающим Ханов.

— Да, я читал его жалобу на Тойли Мергена.

— Ну и как вы считаете?

— Считаю, что нам рано вмешиваться. Пусть сначала колхозники сами оценят поведение обоих. Конечно, Тойли Мерген поступил не лучшим образом, пустив в ход угрозы и пригнав на огород этого Гайли трактор с плугом. Но ведь и Гайли, как я узнал, годами отлынивает от работы.

— Значит, вы считаете, что колхоз сможет сам принять справедливое решение по этому делу?

— Мне думается, сможет.

— По-вашему, присутствие Тойли Мергена не повлияет на выводы?

— Ведь не Тойли Мерген там хозяин. Есть правление. Есть партийная организация. Разберутся! А если что не так, мы поправим.

— Лично я другого мнения. По-моему, тут требуется вмешательство прокурора.

— Прокурору тоже будет безразлично мнение коллектива, товарищ Ханов,— официальным тоном сказал Карлыев. — Это единственный голос, к которому он обязан прислушаться.

— Ничего, к моему тоже прислушается!

— Напрасно вы так думаете.

— Поймите, товарищ Карлыев! Гайли — не тот человек, от которого можно с легкостью отмахнуться. У него заслуги перед колхозным строительством. Он активист тридцатых годов...

— Активист тридцатых годов,— прервал его секретарь райкома,— и в наши дни не станет отлынивать от работы. Иначе — грош цена его заслугам. Может быть, я чего-нибудь и не понимаю, но уж это-то мне ясно.

— Значит, по вашему мнению...

— Я свое мнение высказал, товарищ Ханов. Давайте не будем зря терять время, а займемся неотложными делами. Забот и хлопот у нас обоих — с головой. Кстати, хорошо бы вам сейчас сюда заглянуть. И Анатолий Иванович будет. Посоветуемся. Если можете, приходите,— заключил Карлыев и положил трубку.

Ханов вошел в кабинет Карлыева почти одновременно со вторым секретарем райкома Сергеевым.

— Попейте пока чаю,— предложил Карлыев,— а я тем временем вычитаю с машинки свою статью. Надо срочно отправить в Ашхабад. Тут всего две странички осталось.

Ханов от чая отказался и спросил:

— О чем статья, если не секрет? О хлопке или о хлебе?

— Ни о том, ни о другом,— с улыбкой ответил секретарь райкома.— Скорее — о духовной пище.

— Значит, о литературе.

— Вы угадали. В Ашхабаде завязалась дискуссия о нашей поэзии шестидесятых годов. Вот мне, как давнему почитателю стихов, тоже захотелось высказать кое-какие соображения на этот счет.

— У нас тут и своих споров хватает,— неодобрительно заметил Ханов.

— Вы опять об этой жалобе?

— Да, я все-таки не согласен с вами, товарищ Карлыев. Решительно не согласен!

— Вы лучше пейте чай,— мягко дал понять ему Карлыев, что к этому разговору возвращаться не намерен.— Почему не пьете? — спросил он, продолжая чтение.

— Правда, давайте я вам налью,— предложил Сергеев.

— Я лично не пить, а есть хочу,— признался Ханов.— Со вчерашнего вечера ни крошки во рту не было.

— Почему так?.. Ах, да, да, да. Я совсем забыл, что ваша жена уехала.

— А вы откуда знаете? — воскликнул Ханов.

— Встретил Шекер на вокзале,— пояснил Сергеев.— Я возвращался из командировки, из Ташкента, а она садилась в тот же поезд. Мне еще показалось странным, что вы ее не провожаете...

— Из этого вы с радостью заключили, что она меня бросила,— разозлился Ханов.— Должен вас огорчить, Анатолий Иванович,— Ханов еще может уйти от жены, но от Ханова жена не уйдет! И как бы ни злобствовали сплетники вроде Агаева, Шекер просто поехала в Ашхабад к своей матери. Я ее отправил туда немного проветриться.

— Поверьте, что я вовсе не хотел обидеть вас, товарищ Ханов,— пожал плечами Сергеев.— Я рассказал вам о своей встрече с Шекер без всякого умысла.

Занятый своим делом, Карлыев почти не прислушивался к разговору между председателем исполкома и вторым секретарем. Дочитав статью, он положил ее в конверт и со вздохом заметил:

— Конечно, следовало бы над ней посидеть еще пару

вечеров, но теперь уже ничего не поделаешь. Кстати, как здоровье Агаева?

Что мог ответить Ханов на этот вопрос? Ведь после своего вынужденного звонка дежурному врачу он ни разу не поинтересовался состоянием больного. Правда, дня два назад к нему заходил начальник сельхозуправления и сообщил, что ревизор выглядит скверно, но вот-вот выпишется из больницы и хорошо бы его на месяц отправить в Кисловодск. Пришлось тому вправить мозги и предостеречь от разбазаривания путевок.

Итак, сначала разговор о Шекер, потом об Агаеве! Затем спор относительно жалобы Кособокого Гайли. Все это привело Ханова в состояние тихого бешенства. Как ни старался он говорить помягче, отвечая Карлыеву, гневные нотки все-таки прорывались в его голосе.

— Ну, здоровее Агаева нет человека.

— Он уже вышел из больницы?

— Не сегодня завтра выйдет. Отдохнул в свое удовольствие...

— Как это — отдохнул? Судя по тому, что говорят врачи...

— Разве можно верить врачам? Нет на свете человека здоровее меня, а, уверяю вас, попади я к ним в руки, они скажут, что пора класть в гроб.

— Что вы имеете против Агаева? — осторожно спросил Сергеев.

— Вы не знаете этого человека, Анатолий Иванович, — взволнованно заговорил Ханов. — Вы совсем его не знаете...

— А ведь вы, кажется, еще недавно хвалили Агаева?

— Верно, хвалил, — признался Ханов. — Но я в нем ошибся. Недаром говорят, что нужно съесть с человеком пуд соли, чтобы раскусить его. Агаев деликатен, хорошо улыбается, и мне это нравилось. А теперь я вижу — взяточник он, без стыда и совести.

— Как вы сказали? — поразился Карлыев. — Взяточник?

— Самый злонамеренный! — подтвердил Ханов.

Карлыев задумчиво почесал подбородок, встал и прошелся вдоль длинного стола. Поняв, что его слова произвели впечатление на секретаря райкома, Ханов пошарил по карманам и достал сигареты. Протянув пачку Карлыеву, он добавил:

— Обидно, конечно, убедиться в своей ошибке. Но я человек прямой и привык называть вещи своими именами. На белое говорю — белое, на черное — черное. — Он сделал паузу, ожидая ответной реплики секретаря райкома, но

тот молчал, и это молчание почему-то вдруг обеспокоило Ханова. — О чем, собственно, речь? — воскликнул он, пуская клубы дыма. — Вы хотите сказать, что нужны доказательства?

— Вот именно! — Карлыев остановился и посмотрел ему в лицо. — Пока вы не располагаете фактами, такое обвинение может обернуться против вас.

— Если бы у меня были доказательства, я бы сам схватил его за ворот. Если бы я располагал фактами, он бы сейчас не лежал в больнице, поглаживая себе живот, а находился совсем в другом месте.

— Остается сделать вывод, что вы возводите на него такое обвинение потому, что он ни в чем не уличил Тойли Мергена?

— Совершенно верно!

— Иначе говоря, Тойли Мерген дал Агаеву взятку, чтобы тот скрыл его грехи? Ручаюсь, что это невероятно.

— А я ручаюсь, что это так! Если не дал Тойли Мерген, то дал Дурды Кепбан.

— Насколько я знаю, Дурды Кепбан за семь дней ревизии не предложил Агаеву и пиалы чая.

— Иной раз вместо зеленого чая угощают белым. По моим предположениям...

— Давайте обойдемся без предположений, товарищ Ханов. Иначе нас назовут клеветниками. Я не настолько знаю Агаева, чтобы поручиться за него, как ручаюсь за Тойли Мергена, но это еще не основание считать его взяточником. А ваши подозрения как раз и продиктованы личной неприязнью к Тойли Мергену. И мнительностью...

— Я знал, что рано или поздно вы скажете мне нечто подобное. Наконец-то вы открылись...

— А я и не собираюсь таиться.

— Вот и отлично! Если уж пошло на откровенность, давайте и я выскажусь. — Каландар Ханов постепенно повышал голос. — И вы не считайте себя безгрешным. Если я излишне подозрителен, то вы слишком доверчивы. Я в своей жизни не встречал такого доверчивого человека. Вам весь мир представляется сплошной добродетелью. Будто уже не осталось на свете ни одного прохвоста. Кругом только праведники. Ни воров, ни жуликов!

— Так ли уж это плохо? — спросил Сергеев.

— Очень плохо! — прокричал Ханов. — Отвратительно! Доверчивость причиняет вред нашему делу! Развращает людей...

— Например? — снова спросил Анатолий Иванович. — Опять Тойли Мерген?

— Да, опять Тойли Мерген! — тут же подхватил Ханов. — Его ведь недаром сняли. А какой толк от того, что вы продолжаете верить этому человеку?

— Еще какой толк! — сразу ответил Карлыев. — Мы ему доверили самую слабую бригаду, которая из года в год тянула колхоз назад. И он уже заметно наладил там дело. Разве этого мало?

— Вы подходите к вопросу с одного бока, товарищ Карлыев. Являясь рабом своего благодушия, вы забываете о более важной стороне дела, чем хлопок и план, — о моральных последствиях всей этой истории. Разве я не говорил, что оставлять Тойли Мергена в колхозе нельзя, потому что он там сценится с людьми?

— Говорили.

— Ну и чья оказалась правда? Моя или ваша? Хотя я и мнительный, хоть и клеветник, а ведь прав оказался я.

— Признаю, что в истории с этим Гайли Кособоком Тойли Мерген применил недозволенные средства воздействия. Красивого тут мало, что и говорить! Но не забывайте, что поступок Тойли Мергена в данном случае неотделим от поведения самого Кособокого Гайли — дармоеда, сидящего у колхоза на шее.

— Выходит, людей можно давить трактором, ссылаясь на то, что они дармоеды? Так?

— Не извращайте факты, товарищ Ханов. Никого пока еще трактором не задавили.

— Сегодня не задавили, задавят завтра. Особенно если вы будете потворствовать таким поборникам самоуправства, как Тойли Мерген.

— Ну что ж, давайте объявим в нашем районе борьбу с самоуправством, но только уж на всех уровнях, — с улыбкой предложил Карлыев. — Кстати, я на днях собираюсь побывать у Санджара-ага, а на обратном пути думаю заехать в «Хлопкороб». Может, составите мне компанию?

Казалось, вопрос исчерпан, но председателя исполкома нельзя было остановить.

— Поймите, — твердил он, — что Тойли Мерген — человек конченный, и потакание ему не прибавит вам авторитета. Откажитесь от него, пока не поздно. Если ему сегодня не закрыть дорогу, завтра он такого натворит!..

— Что бы вы ни говорили, товарищ Ханов, а мне хочется верить в людей! — сказал Карлыев, садясь за стол. —

Вполне возможно, что я иногда и ошибаюсь. И все-таки хочется верить. Особенно таким честным, горячим и бескорыстным людям, как Тойли Мерген. Впрочем, довольно об этом! Давайте займемся сводкой.

XXV

В тот вечер в кабинете Шасолтан, помимо нескольких членов правления и партийного бюро, чинно восседали представители двух семейств. В одном конце расположилась семья Тойли Мергена, в другом — семья Илли Неуклюжего. Ильмурад тоже был приглашен и сидел чуть в стороне от других, рядом с дверью. Речь шла о том злополучном происшествии, которое теперь именовали не иначе, как «скандал из-за Язбиби».

Лица у представителей старшего поколения были безрадостны. Тойли Мерген хмурился, потому что очень устал за день. Илли Неуклюжий курил, не поднимая головы и явно сожалея о происшедшем. Тетушка Акнабат, чьим намерениям не суждено было осуществиться и чьи старания пошли прахом, выглядела бледнее обычного. Но хуже всех чувствовала себя мать Язбиби. И хотя язык старой Донди бездействовал, ненавидящие взгляды, которые она, то и дело сморкаясь, бросала на дочь и на Ильмурада, были красноречивее всяких слов.

Заведующий фермой Аймурадов явился позже всех и сразу внес оживление в это необычайное собеседование. Шасолтан хорошо понимала, по какой причине Аймурадов излучает сегодня веселье. Каждая неприятность в колхозе была ему на руку: во-первых, потому что бросала тень на председателя, а во-вторых, давала ему возможность помитинговать всласть. О, если бы сегодня к нему обратились за советом! Уж он бы высказался!

«Чему вы удивляетесь? — вразумлял бы он людей. — Если вы не придумали ничего лучшего, чем поставить во главе артели эту дурочку величиной с кулачок, как будто уже не осталось у нас стоящих мужчин, то скоро наши парни не то что будут хвататься за топор, а станут головорезами!»

Аймурадов никак не мог скрыть своего радостного возбуждения и долго расхаживал по кабинету.

— Вы что, куда-нибудь торопитесь? — с надеждой спросила Шасолтан.

— Я могу и не торопиться, — сразу напустил на себя

степенность завфермой.— Только, будь я на твоём месте...

— Что бы вы сделали?

— Я не стал бы держать столько народа в душном кабинете, а взял бы да отправил виноватого с милиционером в город.

— А вы знаете, кто виноват?

— Тут и знать нечего! Кто схватился за топор, тот и виноват!

— Как у вас все просто!

Заведующий фермой деланно расхохотался.

— Напрасно смеетесь, товарищ Аймурадов! Для вас это развлечение, а я места себе не нахожу, глядя на нее,— кивнула Шасолтан в сторону Язбиби.

— Да, нелегко быть аксакалом в юбке...

— Давайте остроты пока отложим, товарищ Аймурадов! Люди ждут нашего решения.

— Решай, пожалуйста! Кто тебе мешает?

— Вы посмотрите на себя со стороны,— продолжала Шасолтан.— Мы тут собрались, чтобы объяснить нашим товарищам, до чего они докатились, и помочь им, а вы с ходу предлагаете отправить этого юнца в милицию и на том поставить точку.

— Это вы его называете юнцом? — ткнул Аймурадов пальцем в сторону Ахмеда, сидящего плечом к плечу со своим отцом, и снова захохотал.— Если он юнец, то и я — юноша!

Дурды Кепбана взбесила трепотня Аймурадова, его намеренное обращение к Шасолтан на «ты».

— Оно и заметно,— проворчал он.— Совсем мальчишка!

Присутствующие улыбнулись, а Тойли Мерген даже засмеялся.

— Дурды-ага, прекратите шутки,— нахмурилась Шасолтан.— Давайте говорить по делу.

— Не знаю, как смотрят пожилые,— кивнув в сторону Дурды Кепбана, продолжал свое заведующий фермой,— а для меня в этом деле нет ничего неясного. Раз Ахмед прибег к помощи топора, значит, мы должны прибегнуть к помощи закона.

— Да разве тут дело в топоре и в Ахмеди! — воскликнула Шасолтан.— Тут надо говорить о нас — коммунистах, членах правления. Если бы мы по-настоящему работали с людьми, и Ахмед не схватился бы за топор, и Илли-ага не пришлось бы краснеть. И вообще до ссоры не дошло бы. Вы об этом не думали?

У заведующего фермой и в мыслях не было ломать голову над такими вещами.

— Ну, это уж ты слишком, товарищ председатель! — снова засмеялся он.

Вызывающее поведение заведующего фермой, который все больше входил в раж и уже ни на кого не обращал внимания, заставило говорить даже Илли Неуклюжего.

— Ты, видно, пошел не в отца, а в мать, — обращаясь к Аймурадову, как всегда медленно, заговорил он. — Хотя отец твой за всю жизнь ни разу не надел незалатанного халата, он, бедняга, да будет ему земля пухом, слыл человеком рассудительным. Когда на соседей сваливалось такое вот тяжелое дело, он не хорохорился, как ты сейчас, а мог или не мог, но по мере сил своих старался помочь людям. И за это его любили. Уважали. Видно было — человек хочет делать добро. Что-то я не замечаю за тобой таких намерений...

Отец Аймурадова умер давно, и молодые не могли его помнить. Но зато весь Мургаб знал его мать, пронырливую сплетницу. Упоминание о ней было сейчас для Аймурадова, как прикосновение раскаленного железа.

— Ты, старик, знай меру! — пригрозил он. — Я не потерплю...

Но Илли Неуклюжий даже не посмотрел в его сторону.

— У меня к тебе просьба, Шасолтан, — сказал он. — Вот тут сидят мои сыновья Ахмед и Юсуп. Ни к чему им слушать то, что я сейчас скажу. Отпусти ты их, чего им здесь томиться. Пусть идут себе домой и отдыхают — им завтра на рассвете в поле. А мы тут без них кое-что обсудим.

Старик явно стеснялся говорить при парнях, и Шасолтан это сразу уловила. Она вопросительно посмотрела на Дурды Кепбана, на Реджепа Нурьягдыева, на Баймурада Аймурадова, на других руководителей колхоза. Все они, кроме Аймурадова, согласно кивнули головой.

— Что ж, молодые люди, идите отдыхайте, — сказала она Ахмеду и Юсупу. — Мы сегодня все равно не будем ничего решать, а на заседание вас пригласим.

Братьям не пришлось повторять эту неожиданную весть о свободе. В следующее же мгновение их как ветром сдуло. Тогда Илли Неуклюжий заговорил снова:

— Похоже, что Шасолтан права. Разве тут вина детей? Дети — чему их научишь, то они и делают. Я думаю, что нельзя винить и мать моих детей. Чего можно ожидать от старухи с коротким умом и длинной памятью на прошлое? Если уж

кто тут виноват, то, наверно, я сам. Мне бы вовремя вмешаться в это сватовство, и ржавый топор остался бы нетронутым, и дом мой не был бы опозорен...

Сквозь открытое окно было слышно, как к правлению подъехала машина. В сумерках уже нельзя было определить чья. Хлопнула дверца, донеслись какие-то распоряжения водителю, в вечерней тишине гулко прозвучали шаги.

— Кажется, районное начальство приехало, — прислушиваясь к голосам на улице, догадался Тойли Мерген.

И в самом деле, едва он это сказал, как в кабинет вошли Мухаммед Карлыев и Каландар Ханов.

Гости поздоровались, извинились за непрошеное вторжение и сели на предложенные им места рядом с председателем.

На некоторое время воцарилось молчание.

— Мы ненадолго, заглянули по пути. Не обращайтесь на нас внимания, — сказал секретарь райкома. — Продолжайте, пожалуйста. — Заметив, что Шасолтан замешкалась, он улыбнулся и добавил: — Кажется, мы угодили на заседание правления. Интересно, по какому поводу?

Шасолтан принялась подробно рассказывать о том, что произошло в семье Илли Неуклюжего.

Карлыев слушал и исподволь рассматривал Язбиби и Ильмурада. И у парня и у девушки были приятные лица, да и всем своим обликом они чем-то неуловимо подходили друг к другу. Что касается Ханова, то он даже краем глаза не повел в их сторону. Вид у него был такой, будто ему вообще неохота слушать то, о чем здесь говорится.

— Вот что у нас произошло, товарищи, — закончила свой рассказ Шасолтан.

И сразу Ханов оживился. Он с важным видом откашлялся и спросил:

— Все это понятно, но где же ваши герои с топором?

Аймурадов, которого распирало от желания поработать языком, не упустил подходящего момента.

— Их отправили баиньки! — ехидно усмехнулся он. — А то они не выспятся и Тойли Мерген завтра не выполнит план!

Ханов вопросительно посмотрел на Тойли Мергена, но тот промолчал.

«Этот человек меня игнорирует...» — подумал Ханов и, раздвигшись от злости, четко произнес:

— Я у вас спрашиваю, товарищ Мергенов! Или вы не слушаете того, что здесь говорят?

— Я обоими ушами слушаю, — насмешливо ответил Тойли Мерген.

— Что же получается? — продолжал взвинчивать себя Ханов. — Сначала товарищ Мергенов пытается задавить трактором заслуженного человека, давнего члена вашего коллектива, а теперь норовит спрятать и выгородить преступника, покушавшегося на жизнь советского учителя!

Когда улегся шум, вызванный этими словами, и смолкли протестующие голоса, снова напомнил о себе Илли Неуклюжий.

— Вы, дорогой товарищ, не торопитесь, — бросил он взгляд на восседавшего за столом председателя райисполкома. — Мы тут так не думаем, будто кто-то кого-то хочет спрятать, а кто-то и сам норовит спрятаться. Если вам нужен преступник, то вот он, — ткнул Илли пальцем себя в грудь, — сидит перед вами.

— Кому я должен верить! — опешил Ханов. — Вам или председателю колхоза?

— У каждого зла есть свой очаг, дорогой товарищ.

— Вы хотите сказать, что вы и есть этот очаг?

— Я говорил так до вашего приезда и сейчас опять повторяю. Или же непонятно, люди?

Аймурадов, обрадованный тем, что нашел единомышленника в лице такого влиятельного человека, как Ханов, не дожидаясь, пока ему дадут слово, вскочил с такой стремительностью, словно под ним распрямилась пружина.

— Непонятно! Совершенно непонятно! — кричал он. — По-моему, очаг зла совсем в другом месте. Если бы к этому делу не пристала, словно глазная порча, семья Тойли Мергеча, до такого позора не дошло бы. Хоть Тойли Мерген и молчит, будто ему рот платком завязали, но ведь он-то сам это понимает лучше всех. Вот почему, будь моя воля, я бы прежде всего спросил отчет с него.

«Еще совсем недавно для Аймурадова не было на свете человека более умного, более справедливого и более рассудительного, чем я, — горько размышлял, слушая его, Тойли Мерген. — А теперь ты только посмотри, куда клонит этот двурушник! Будто люди не знают его! Еще вчера он готов был прислуживать псу у моих дверей. А сегодня отчет с меня спрашивает...»

Аман, увидав, что отец поднял голову и собирается что-то сказать, встал сам.

— Ты, отец, пока подожди! — положил он руку ему на

плечо. — Какой вам отчет требуется от Тойли Мергена, товарищ Аймурадов?

— К тебе не обращались. Сиди и не суйся, куда не надо!

— Было бы не надо, я бы не встал. А вы, раз уж начали, договаривайте до конца.

Видимо, завфермой не ожидал от парня такого отпора.

— Товарищ Мергенов! — растерянно обратился он к Тойли. — Придержите-ка его! А не то...

Но Тойли Мерген в ответ только усмехнулся и сокрушенно покачал головой.

Многим стало неловко из-за того, что Аймурадов сцепился с парнем, который годится ему в сыновья. Карлыев почувствовал это и решил ослабить ненужную напряженность.

— Такой парень, как ты, Аман, мог бы вести себя подержаннее! — заметил он.

К чести Амана, он не обиделся на эту реплику, потому что сразу понял, чем она продиктована, но все же заметно помрачнел. В свою очередь Аймурадов смекнул, что теперь и ему в самый раз утихомириться. Увидев, что он сел и закурил, Карлыев опять обратился к Аману, который все еще стоял, не зная, как вести себя дальше.

— Скажи, пожалуйста, — напрямик спросил его секретарь райкома, — не может ли показаться странным, если такой человек, как ты, то есть молодой инженер, не проявит самостоятельность, а спрячется за мать и предоставит ей искать для себя невесту?

— Да, это должно со стороны казаться нелепым, — согласился Аман. — Конечно, мама напрасно меня сватала вопреки желанию Язбиби, вопреки моему желанию. Но ведь она хотела как лучше, и я не вправе ее за это осуждать. У меня мать добрая и хорошая женщина.

— Несмотря ни на что, сегодня ты мне понравился, Аман! — по-дружески сказал Карлыев. — Признаться, когда ты отпустил себе волосы на аршин и все вечера мотался в городе по улицам, я думал, что ты окончательно стал шалопаем. Кажется, работа в колхозе пошла тебе на пользу.

Эти слова живо напомнили парню его ссору с отцом в городской квартире, его нежелание вернуться домой, его проклятия по адресу всех и вся. Хоть с тех пор прошло уже немало времени, ни тот, ни другой ни разу не возвращались к тому памявному объяснению.

Словно раскаяваясь в своих грехах, Аман виновато и в то же время благодарно посмотрел на отца, после чего сразу перевел взгляд на секретаря райкома.

— Я теперь вроде начинаю отличать черное от белого, товарищ Карлыев.

«Наконец-то, сукин сын, признался!» — с удовольствием подумал Тойли Мерген.

— Пожалуй, тебе пора закругляться, — посоветовал он.

— Еще два слова, папа, и все, — сказал Аман, но почему-то замаялся и умолк.

— Ты чего смотришь на мать? — подбодрил его Тойли Мерген. — Говори, не стесняйся!

Но парень по-прежнему мялся и смешно чесал затылок.

Тем не менее Акнабат это было приятно. Она от души гордилась своим сыном, который не побоялся дать отпор такому влиятельному в колхозе человеку, как Аймурадов, подержав отца, защитил честь семьи. Поэтому она приспустила со рта платок и, улыбнувшись, сказала:

— Меня ты не обидишь, сынок!

После того как было получено разрешение и от матери, Аман уже не заставил себя ждать.

— Люди! — волнуясь, провозгласил он. — На днях семья Тойли Мергена будет справлять той! Так вот, я всех вас приглашаю. Язбиби, и тебя приглашаю. Ильмурад, и тебя...

От слова «той» у тетушки Акнабат закружилась голова и потемнело в глазах. Она беззвучно шевелила губами, сляясь спросить у сына, что он имел в виду. Но в кабинете было так шумно, что ей это не удавалось. Наконец, воспользовавшись паузой, она ухватила Амана за локоть.

— О каком тое ты говоришь, сынок? Почему той? В честь праздника урожая? — тормошила она его.

— Идем, мама! По дороге я тебе расскажу, в честь чего будет той, — сказал Аман и, взяв мать под руку, поспешил увести ее.

Но остальным Шасолтан дала знак не расходиться.

— Пожалуйста, подождите меня немного, Тойли-ага, — попросил Карлыев и подсел к Илли Неуклюжему. — А может, есть смысл устроить сразу два тоя? — сказал он, улыбнувшись. — Как вы относитесь к такому совету, старина?

Илли глубоко вздохнул и покосился на жену.

— Вообще-то неплохо, только... — И не закончил.

— В чем сомнение? Хотите посоветоваться с женой?

— Да что мне с ней советовать! И своих мозгов хватает. Правда, меня ростом бог не обидел. А у туркменов есть пословица: «К длинному ум приходит поздно». Но уж теперь-то, кажется, пришел.

— Значит, вы согласны?

— Что ж поделаешь,— развел руками Илли.

— Вот и хорошо,— сказал Карлыев и отошел.

— Как бы вы там ни сговаривались, а дочь свою я бесплатно не отдам,— прошипела старая Донди.

— А ну, прекрати! — цыкнул на жену Илли Неуклюжий.

— Итак, когда думаете справить свадьбу? — подходя к молодой паре, спросил секретарь райкома.

Ильмурад покраснел и посмотрел на Язбиби. Та тоже смутилась и опустила глаза.

— Это уж по обстановке... — стесняясь родителей девушки, выдал из себя Ильмурад. — Наверно, поближе к Новому году...

— Что ж, и Новый год недалек. Только не забудьте меня пригласить. А теперь ступайте, да будет светлой ваша дорога!

Увидев, что Язбиби пошла с Ильмурадом, вскочила с места и старая Донди.

— Ты куда это! — закричала она. — Бросает свою мать!

— Тебе какое дело куда? Теперь-то хоть убери руки от дочери! — снова цыкнул на жену Илли Неуклюжий и поднялся, растирая непривычные к сидению на стуле ноги. Он поклонился всем и громко произнес: — Счастливо вам оставаться, люди! Бог даст, увидимся во здравии.

— На свадьбе увидимся! — бросил ему вслед Дурды Кепбан.

— Ну что ж, будем считать, что для серьезного беспокойства за молодых теперь нет оснований,— заключил секретарь райкома, обрадованный мирным исходом конфликта, и сел на свое прежнее место.

— Мы тут, товарищ Карлыев, вконец замотались,— призналась Шасолтан. — Если бы я сразу отправилась к Язбиби домой, когда она пришла ко мне со слезами на глазах, если бы поговорила с ее стариками, то, возможно, все обошлось бы без шума. Вот сидит Тойли-ага, человек, который много лет руководил колхозом. Пусть он скажет, если я не права. Мы, руководители, в подобных случаях слишком уж деликатничаем и смотрим на калым сквозь пальцы. Стараемся не обидеть родителей девушки, а о ее судьбе не думаем. Правильно я говорю, Тойли-ага?

— Верно,— подтвердил Тойли Мерген.

— Мы иногда устраиваем комсомольские свадьбы,— продолжала Шасолтан,— и в газетах про них пишем. Посмотришь со стороны — благодать! Но ведь если люди не знают, то уж мы-то знаем, что частенько такие свадьбы лишь для отвода глаз именуются комсомольскими. И когда в одной комна-

те идет разговор о том, что любовь — священное чувство, в соседней, за закрытой дверью, пересчитывают пачки денег. Что, неверно, Тойли-ага?

— К сожалению, верно,— снова подтвердил Тойли Мерген.

— Если уж говорить всю правду,— сурово продолжала девушка,— то у нас в колхозе размером калыма многие меряют достоинство семьи. И что самое обидное — чем лучше становится жизнь, тем крупнее назначают калым...

— Не надо так обобщать,— прервал ее Ханов.— Теперь ведь в калыме нет необходимости. И времена изменились, и понятия.

— Да, народ в массе не одобряет этого обычая,— ответила Шасолтан.— А молодежь так просто его ненавидит. И все-таки он продолжает властвовать. Лично я думаю, что тут во многом виноваты мы сами. Когда в правление приходит кто-нибудь из колхозников и говорит, что ему нужны деньги сыну на свадьбу, мы хоть и знаем, что он просит на калым, но широко открываем перед ним артельную кассу, даем ему аванс. Не хотим прослыть жадными, хотим быть добренькими. Вот и потворствуем предрассудкам, продлеваем век пережиткам.

— Что же вы предлагаете? — высокомерно поинтересовался Ханов.

— По моему мнению, за каждый такой случай надо спрашивать с партийной и комсомольской организаций и, конечно, с председателя колхоза.

— Верные твои слова! — кивнул головой Тойли Мерген.

Заметив, что Карлыев погружен в раздумье, председатель исполкома снова задал вопрос:

— Может быть, раз уж на то пошло, вы скажете, сколько за последних два года у вас сыграли свадеб с уплатой калыма?

Не успела Шасолтан ответить, как Дурды Кепбан, чтобы позлить Ханова, ввернул от себя:

— Поскольку это нечто бесплановое, мы как-то не выводили такой показатель. Разве что пришлете ревизора, он установит.

Ханов сделал вид, что не слышал реплики главного бухгалтера, и снова обратился к Шасолтан:

— Значит, вас с Тойли Мергеном и надо брать за шиворот?

— Да, если хотите...— ответила Шасолтан.— Нам никуда не деться от правды.

— Как бы там ни было, а вы, товарищ Назарова, оказываетесь, очень хитрый человек,— проговорил Ханов и, словно

готовясь к бою, встал и поправил ремень.— Очень хитрый человек!

— С чего вы пришли к такому выводу? Потому, что я сказала правду?

— Не знаю, какого мнения придерживается на этот счет товарищ Карлыев, но лично я сегодня наконец понял политику, которую вы проводите,— продолжал Ханов.— Выказывая себя правдивым и справедливым человеком, вы стараетесь скрыть вину — и собственную, и своих сообщников. Я говорю не только о сегодняшнем дне. Хотя вы и новый председатель, но бывший секретарь. А секретарь партийной организации отвечает за колхоз наравне с его председателем. Вы меня слушаете?

— Конечно.

— Когда был освобожден Тойли Мерген, я не поддержал вашей кандидатуры. Мне казалось, что вы склонны к панибратству. Я тогда предлагал Аймурадова, но он не прошел. Тем не менее, когда вы стали председателем, я не жалел, надеялся, что вы со всей энергией, свойственной молодости, возьметесь за работу и возродите то, что развалил Тойли Мерген. Но моя надежда не оправдалась. Вы даже усугубили ошибку Тойли Мергена. Если он просто разогнал людей, то вы их еще и перессорили... Кто-то у вас тут исчез. Кто-то чуть не погиб под гусеницами трактора. Кто-то едва избежал удара топором по голове. К тому же, как выяснилось, вы преступно разбазаривали колхозные деньги в виде авансов на калым! Я уже не говорю о том, что если где-нибудь назревал хоть малейший конфликт, то там неизменно оказывался Тойли Мерген...

Ханов явно нервничал, потому что он вдруг ни с того ни с сего обернулся к Карлыеву и спросил:

— У вас какое-то замечание?

— Нет, я просто сижу и слушаю вас,— отрицательно покачал головой Карлыев.

— Вы закончили? — осведомилась Шасолтан.— А то я бы хотела уточнить некоторые вещи.

— Какие, к примеру?

— Одну минуточку, Шасолтан! Я несколько облегчу вашу задачу,— проговорил Дурды Кепбан и, быстро выскочив из кабинета, так же быстро вернулся. Он бросил на стол две большие фотографии размером с ученическую тетрадь.— Пожалуйста, полюбуйте тем исчезнувшим человеком. Кстати, он не был членом нашей артели.

Снимки переходили из рук в руки.

На одном из них в тени полуразрушенного древнего со-

оружения с красивым, покрытым глазурью куполом, рядом с огромным подносом, на котором среди монет валялись смятые рублевки и трешки, сидел, поджав под себя ноги и перебирая четки, человек с клочковатой бородой в белой чалме и в поло-сатом халате.

На втором снимке можно было узнать того же человека. С голой головой и босыми ногами он спал в какой-то пустой келье, а рядом с ним стояла недопитая бутылка водки.

— Где же это снято? — поинтересовался секретарь райкома.

— Это святое место, товарищ Карлыев, называется Дубоюн, — охотно пояснил Дурды Кепбан. — А это — тамошний новый смотритель, тот самый Артык-ших, который почел за благо скрыться.

— Откуда же снимки? — спросил Карлыев.

— У меня есть племянник-археолог, который давно уже ворошит прах старого Мары, — ответил Дурды-ага. — Он и снимал. Парень не промах, сами видите. Ведь Артык-ших и лису может поучить хитрым уверткам. Его не так-то просто поймать за хвост, — добавил Дурды Кепбан и снова засмеялся.

— Не понимаю, над чем вы смеетесь, товарищ Кепбанов! — продолжал наступать председатель райисполкома. — Если бы я был на вашем месте, то не смеялся бы, а плакал! В том, что этот Артык-ших так низко пал, виноваты вы. От хорошей жизни человек не бросит дом и хозяйство, чтобы ютиться в каких-то развалинах, где полно змей и скорпионов. Вы, видимо, не смогли подойти к нему, обидели его чем-то. Насколько я понимаю, в заявлении Гайли Кособокого указывается, что отсюда его изгнал не кто иной, как Тойли Мерген. Кстати, когда вы будете рассматривать заявление этого Гайли?

— Исключать его надо из колхоза, — устало заметила Шасолтан.

— Может быть, вы еще объявите Тойли Мергену благодарность? — съехидничал Ханов.

— А что вы думаете? Следовало бы! — разозлилась Шасолтан.

— Та-ак! — хлопнул себя по колену Ханов. — Вот теперь вы сказали правду! Вот теперь вы наконец раскрыли свой облик! За критику исключить, а за самоуправство наградить! Интересно, как вы отнесетесь к такому ответу, товарищ Карлыев? — обратился он к секретарю райкома. — Смотрю я, они тут совсем распустились. По-моему, и старому председателю, и новому председателю следует немедленно вклеить по стро-

гачу. Если сейчас же не принять решительные меры, мы никогда не избавимся от скандалов в этом колхозе!

— Как у вас все просто получается! — покачал головой секретарь райкома. — Выговоры — не цветы, чтобы их собирать и преподносить букетами. Так дела не наладишь.

— Но они же тут ничего не поняли!

— Еще как поняли! — ответил Карлыев. — Если бы не поняли, не раскрыли бы нам своих секретов, не признали бы своих недостатков...

— Мне ваша тактика ясна!.. — замахал рукой Ханов. — Скажите прямо, что хотите все сгладить, — и точка!

— Знаете что, раз очередь дошла до меня, давайте этот разговор приурочим к более подходящему случаю, — сказал секретарь райкома и поднялся. — Что ж, товарищи, — обратился он ко всем, — из сказанного тут сегодня урок один — никогда не поступайте ни человечностью, ни интересами коллектива. Будьте здоровы.

Когда Карлыев и Ханов вышли из правления «Хлопкороба», был уж поздний вечер.

Провожая гостей до машины, Шасолтан спохватилась:

— Чуть не забыла, товарищ Карлыев. Все хочу спросить у вас об одном деле. Вот вы говорили, ни в коем случае не поднимать целину, не прокопав дренажного коллектора. Ни гектара!

— Это не я говорю. Таково постановление правительства.

— В том-то и дело! Но когда товарищ Ханов ездил в пустыню, он отдал нашим механизаторам несколько иной приказ.

— Какой же?

— Он сказал: плюньте на коллектор и поднимайте побольше целины. Чье распоряжение мы должны выполнять?

— Разумеется, правительства! — Карлыев протянул руку девушке. — Всего вам доброго!

Когда машина выехала из поселка и помчалась по шоссе в город, Карлыев, сидевший рядом с шофером, обернулся и спросил:

— Как это получилось, товарищ Ханов? Насчет коллекторов.

— Я так распорядился не удовольствия ради. Колхозники не успевают, вот я и...

— Напрасно вы это сделали. Мелиорация — вопрос государственной важности. Прежде чем отдавать такой приказ, надо было хотя бы посоветоваться.

— С кем? С вами?

— Неплохо бы и со мной. А кроме меня есть бюро райкома. Поймите же, что земли, засеянные без дренажа, в лучшем случае будут пригодны год, от силы два, а на третий вместо хлопчатника покроются солью. Вы рассуждаете по принципу: пусть день, да мой! А нам приказано заботиться о многолетних и стабильных урожаях.

— А как быть, если сочетать и то и другое не удастся?

На другой день в кабинете секретаря райкома спор этот разгорелся с новой силой. Но теперь уже не с глазу на глаз, а в присутствии Сергеева.

— Мы и без того потеряли немало посевных площадей, — продолжал втолковывать Ханову необходимость дренажа Карлыев. — И только по вине проходимцев, ничуть не заботившихся о земле и воде, а гнавшихся за личной славой!.. Вы знаете, с какими расходами связано оздоровление этих площадей?

— Уж не хотите ли вы сказать, что я тоже проходимец и гонюсь за славой?

— Я хочу сказать, что земля — народное богатство и если мы как следует не задумаемся над судьбой этого богатства, не позаботимся о его будущем, то, хотим мы того или не хотим, и вы и я — все мы попадем в число таких проходимцев. И народ никогда не простит нам этого. Вот почему, товарищ Ханов, вам придется поехать и самому отменить приказ, который вы дали.

— Я так и знал, что вы захотите меня унижить, — зло произнес Ханов.

Сергеев, который с самого начала следил за спором молча, наконец не выдержал:

— Товарищ Ханов! — спокойно произнес он. — Почему вы обо всем говорите применительно к себе? «Я», «меня»...

— Законный вопрос! — поддержал Сергеева секретарь райкома и продолжал: — Ваша основная ошибка, товарищ Ханов, по-моему, в этом и заключается. А ведь времена безответственного своеволия давно миновали. И хозяйство теперь развивается на научной основе. Вот вы уже больше двух лет работаете председателем исполкома, так что пора бы вам осознать эту простую истину. Честно говоря, у меня иногда создается такое впечатление, будто вы слишком поглощены совершенно недостойной проблемой: кто должен занимать в районе первое место — Ханов или Карлыев? Я вовсе не хочу вас обидеть, но мне порой кажется, что ваша фамилия начинает оказывать воздействие на ваш характер. И ваше поведе-

ние на людях, и ваша манера разговаривать с подчиненными, даже ваша привычка сидеть развалясь — все это напоминает не столько советского работника и коммуниста, сколько грозного хана, высокомерного бека. Как ни смешно это звучит в наши дни, но вам хочется утвердить себя в качестве «хозяина района». Но ведь подлинный хозяин района — не вы и не я, а народ. А руководят районом партийная организация и Советская власть. Если вы не поймете этого, вам все труднее будет находить с людьми общий язык. Вот и наш вчерашний визит в «Хлопкороб» получился из-за этого не особенно удачным.

— Вы кончили? — гневно сверкнув глазами, спросил Ханов.

— Еще минуту терпения!.. В последнее время я много думаю о вас. Вы человек энергичный и беспокойный. Вам словно неведома усталость. Вы способны за один день объехать весь район. Откровенно говоря, тут мне за вами не угнаться. Я и дня не выдержал бы в таком напряжении. Но при этом вы ни к кому не прислушиваетесь, никому не доверяете и стараетесь все делать сами. Словом, товарищ Ханов, пора нам спокойно посидеть и по-товарищески, как коммунист с коммунистом, обменяться мнениями, чтобы понять друг друга. Иначе работать вместе с каждым днем будет все труднее и мы только нанесем ущерб делу. Вот что я хотел вам сказать.

— Я понимаю ваши намерения... — побледнев, заговорил Ханов. — Вы хотите меня выжить отсюда, а роль исполкома в жизни района свести к нулю. Сравнивая меня с ханом и с беком, вы мечтаете превратить меня в послушного мальчика на побегушках. Но это вам не удастся.

— И снова вы ошибаетесь, товарищ Ханов. Речь идет не об ограничении деятельности исполкома, а напротив — об усилении...

— Все ясно, товарищ Карлыев. Хотя я и не кончал академию, но скрытая суть ваших домогательств мне понятна. И давайте оставим этот мнимотоварищеский тон. Все равно теперь мы уже не договоримся. Этот вопрос придется решать в более высоких инстанциях. Надеюсь, Центральный Комитет разберется, кто здесь хан, а кто работник.

XXVI

Стоял погожий, ясный день. Таким же хорошим было и настроение в колхозе «Хлопкороб». Сегодня справлял свадьбу своего сына Тойли Мерген. Всем хотелось побывать на этом

торжестве, всем хотелось разделить радость с уважаемым человеком.

Поскольку к свадьбе заранее не готовились — некогда было, — каждый гость предлагал свои услуги. Разряженные девушки во главе с Шасолтан наводили чистоту в большой комнате, чтобы достойно встретить невесту, которую привезет из города Аман. Парни были озабочены обедом. Разгладив усы, Акы копал большую яму для очага. А его мать, старая Боссан, мыла казан, чтобы поставить плов. Зятя Тойли Мергена, засучив рукава, свеживали одну овцу за другой. Счетовод Аннагельды проворно насыпал заварку в разноцветные чайники и вертелся вокруг огромного бухарского самовара, а братья Юсуп и Ахмед, отирая пот, рубили саксаул.

И у женщин хватало работы. Жена Гайли Кособокого, тетушка Дурнабат, увела пятерых старух в виноградную беседку и заставила всех месить тесто для пресных чуреков. Еще четыре старухи поддерживали огонь в четырех тамдырах.

Нашлось дело и для таких слабосильных, как Оразмамед. Хоть и пришлось ему уступить место в кассе своей жене, а самому собирать хлопок, он обиды на Тойли Мергена не держал и со всем усердием крошил лук. А заместитель бригадира, проворный Нобат, носился на своем мотоцикле с коляской между домом и магазином. Выгрузив в очередной раз покупки, он развел руками и засмеялся:

— Тойли-ага, если еще не расщедритесь, то все — карман пуст.

— Выкладывай, Тойли, выкладывай! Если не сегодня, когда же тебе быть щедрым! — хохотал распорядитель свадьбы Эсен Сары.

— Ты за Тойли Мергена не хлопочи, лучше скажи, как твой живот? Втягивается понемножку? — решил подшутить над Эсеном Дурды Кепбан.

— Сам видишь, какой я легкий стал, того гляди, на воздух взлечу.

— Ну, раз так, хорошо бы тебе слетать за бахши¹. Сегодня без песни не обойтись.

— Молодец, что напомнил. А транспорт найдется?

— Вон машина Аннагельды. Садись и жми!

— Кого и куда ты посылаешь, Дурды-хан? — вырос как из-под земли подвыпивший Гайли Кособокий.

— Не посылаю, Гайли-ага, а прошу Эсена Сары привезти бахши.

¹ Бахши — певец, сказитель.

— Песенки хочешь послушать?

— Да, все мы хотим послушать песни. Вы разве не знаете, что ваш племянник женится?

— Знаю, все знаю! — Гайли Кособокий качнулся и, чтобы не упасть, схватился за плечо Дурды Кепбана. — Только ты мне скажи, для чего ты собрал всех аксакалов и напустил их на меня? Почему все взялись меня поучать?

— А что, Гайли-ага, если мы отложим этот разговор?

— Нет, Дурды-хан! — Гайли порывлся в карманах в поисках курева, но, ничего не найдя, обнял Дурды Кепбана за шею и продолжал: — Я вам всем покажу! Напишу в Ашхабад, а не поможет — в Москву!

Тетушка Дурнабат, завидев растрепанную шапку мужа, лишилась покоя. Она разделала тесто на лепешки, стряхнула с платья муку и, бросив одной из женщин: «Ступай пеки, я сейчас подойду», направилась к Гайли.

— Пиши, пиши, пока не кончатся чернила, но не мутить людям душу, когда они радуются! — сказала она, встав возле мужа.

— А, и ты здесь?

— Да, здесь.

— И ты их защищаешь?

— А ты об этом только сегодня узнал?

— Я не люблю, когда женщина вмешивается не в свои дела!

— Самая захудалая женщина лучше такого мужчины, как ты!

— Баба! — грозно произнес Кособокий. — Занимайся своим делом!

— Я не боюсь ни слов твоих, ни угроз. — И тетушка Дурнабат легонько подтолкнула мужа. — Если ты пришел на свадьбу, то проходи и садись, как человек. А лучше пойдешь выпить.

Почувствовав, что жена по-настоящему рассердилась, Гайли Кособокий сник и поплелся домой, бормоча себе под нос:

— Буду писать! Буду писать, пока у меня не кончатся чернила.

Хоть Дурды Кепбан и препирался с Гайли Кособоком, однако все время поглядывал на дорогу.

— Неужели Гайли и тебе испортил настроение? — спросил его Тойли Мерген.

— Ерунда. Я беспокоюсь за Амана.

— А чего ты за него беспокоишься?

— Почему он задерживается? Пожалуй, и нам следовало поехать с ним. Солиднее было бы...

Но тут их разговор прервал крик ребятишек, забравшихся на деревья. Они оттуда смотрели на дорогу.

— Невеста едет! Невеста едет! — загалдели ребята, подбрасывая в воздух шапки и тюбетейки.

Услышав голоса детворы, из дома пестрой стайкой высыпали девушки. Через минуту молодежь плотным кольцом окружила машину.

— Благополучно приехали?

— Спасибо, Дурды-ага, — сказал Аман.

— Да придется твоя избранница ко двору!

— Спасибо, Дурды-ага!

Оглядываясь по сторонам, Аман искал среди женщин и девушек мать.

— Мама все еще обижена? — спросил он отца.

— Увидит невесту, и все обиды пройдут! — улыбнулся Тойли Мерген и направился к машине.

— Дайте дорогу Тойли Мергену! — закричала тетушка Дурнабат, расталкивая молодых и девушек.

В машине слева от невесты сидела, наверно, ее подруга, такая же красивая девушка, а справа — жена Мухаммеда Карлыева Марал.

— Добро пожаловать, Марал-ханум! — улыбнулся Тойли Мерген и распахнул дверцу. — Хорошо сделали, что приехали.

— А как же, Тойли-ага, — улыбнулась и Марал. — Это вы послали парня одного. А мы — по всем правилам.

— Почему же не захватили Мухаммеда?

— Мухаммед сегодня в пустыне. Надеюсь, к вечеру и он придет.

— Вылезайте, чего вы сидите?

Марал решила пошутить над Тойли Мергеном:

— Мы ждем мать жениха.

— Дурды! — смеясь, сказал Тойли Мерген, обернувшись назад. — Ступай позови свою тетушку.

Дурды Кепбан не успел двинуться с места, как в дверях появилась Акнабат.

— Вот теперь все в порядке! — воскликнула Марал и вышла из машины.

За ней вышла Сульгун. И тут кто-то бросил ей под ноги текинский ковер.

Ослепительно белый свадебный наряд невесты был здесь в диковинку. Люди замерли, когда Сульгун, стройная и высо-

кая, в развевающейся белой фате, оттеняющей темный разлет ее бровей, легкой походкой шла к дому.

Черноглазые девушки в красных платьях из кетени, прикусив губы, не могли оторвать от нее взгляда.

Тетушка Акнабат молча подошла к Сульгун и обняла ее.

— Добро пожаловать, дочка! — сказала она. — Прости меня, сынок. Будьте счастливы! — И, погладив сына по голове, снова вытерла слезы.

Тут появились Язбиби и Ильмурад с букетами белых и красных роз. Ильмурад отдал цветы Аману.

— Поздравляю, брат!

— Будьте счастливы! — Язбиби протянула букет Сульгун. — Пусть ваша жизнь будет такой же красивой, как эти цветы!

Хоть руки тетушки Донди и были заняты работой, глаза ее не отрывались от невесты. Сидя в сторонке, рядом с мужем, она крошила мясо для плова. Когда ее дочь преподнесла Сульгун цветы, старая Донди толкнула мужа локтем в бок и воскликнула:

— Погляди на свою негодницу!

Не пошевелив бровью, Илли Неуклюжий проговорил сквозь зубы:

— Нечего дочке жизнь портить, а потом людям завидовать.

XXVII

Каландар Ханов прилетел в Ашхабад в полдень. Обычно он прямо с аэродрома ехал к теще, зная, что будет желанным гостем. Но сегодня он там не смеет показаться. Поэтому, не раздумывая, Ханов отправился к своему односельчанину, известному хирургу Байры Оразову. В доме старых друзей всегда найдется для него место.

Байры Оразов жил на южной окраине города, у подножия холмов, сливающихся где-то вдалеке с горами Копет-Дага, в собственном доме с садом и огородом.

Ханов вышел из такси, толкнул калитку и увидел друга. Он сидел в беседке, увитой виноградом, пил чай и просматривал газеты.

Услышав знакомый голос: «Профессор! Ты дома!» — Байры удивился:

— Каландар! Откуда ты? Как ты решился оставить район без хозяина? — говорил он, пожимая руку Ханову.

— Хватит с них и моих приказов, пусть действуют. А ты,

как я погляжу, вместо службы сидишь себе в беседке и дуешь зеленый чай.

— Ты бы тоже сидел, если бы всю ночь оперировал.

— Что ты, я бы не выдержал и дня такой жизни.

— Такова у меня профессия, Каландар. И потом, сам знаешь, я не умею работать кое-как.

— Знаю, что в работе ты аккуратен.

— Приходится быть аккуратным, если имеешь дело с человеком, доверившим тебе свою жизнь. Держать в руке скальпель — это тебе не сидеть, развалясь, в кабинете и отдавать приказы.

— И это не легко. И это надо уметь.

— Да я шучу. Как жив-здоров?

— Бодрее человека не сыщешь! Да, кстати, поздравляю! — сказал Ханов и снова пожал руку друга. — Я очень обрадовался, узнав, что ты наконец-то защитился. Ты получил мою телеграмму?

— Получил. Спасибо.

— Хорошо, конечно, что ты стал кандидатом. А все-таки ты, Байры, ленивый человек.

— Ленивый?

— Да, ленивый. Мне бы твои способности, я бы уже давно был доктором.

— Доктором? — улыбнулся Байры Оразов и почесал шею. — Дело разве в дипломе, Каландар? Не звания важны, а знания.

— Неужели Пурли Келдже больше тебя знает? Говорят, он уже рвется в академики.

— Наверно, имеет право, раз рвется.

— Скажи по правде, какая польза от твоей скромности?

— Уж вреда-то, во всяком случае, никакого.

— Нет, ты не меняешься, Байры. Тот же характер.

— Человек — не погода в горах, чтобы меняться. Посидим здесь или пойдем в дом?

— Какая разница, где сидеть. А жена дома или в школе?

— Джерен! — позвал жену Байры Оразов. — Иди сюда, поздоровайся с гостем.

Вытирая о фартук руки, на веранду вышла высокая женщина с тронутыми сединой волосами.

— Здравствуй, Каландар! — крикнула она. — Ты один? А где Шекер? Как она поживает?

— Здравствуй, дорогая Джерен-ханум. На сей раз я один пожаловал к вам. А как поживает Шекер, даже сказать не могу, не знаю.

— Что это значит, что случилось?
— Да так, вроде бы ничего особенного.
— Где она, Каландар?
— Возможно, у своей матери.
— У матери? Странно. Если она в Ашхабаде, почему же не показывается?

— Кто знает, может быть, вышла замуж.
— Перестань! — возмутилась Джерен. — Шекер не из таких. Сейчас заварю чай и поеду за ней.

— Никуда не надо ездить, Джерен-ханум. Шекер сюда не придет.

— Пусть попробует отказаться!

— Что у вас произошло? — спросил у друга Байры, когда Джерен вернулась в дом.

— Ничего особенного. Разве ты не знаешь нынешних женщин?

— А ну, говори прямо, Каландар!

— Лично я не сказал своей жене ни одного грубого слова.

— Просто так Шекер не уйдет. Хотя ее я и не очень хорошо знаю, зато тебя знаю отлично. Ты, наверно, снова завел холостяцкую музыку?

— Давай, Байры, оставим этот разговор. Есть дела поважнее.

— погоди, погоди. Сколько тебе лет? — не слушая друга, нахмурившись, продолжал Байры Оразов. — Ты моложе меня от силы года на два. Не смею поучать тебя, но просто хочу сказать, что после сорока трудно найти новую спутницу.

Джерен принесла чайник, поставила его на стол и пошла к калитке.

— Ты куда, Джерен-ханум? — преградил ей дорогу Ханов. — Я еще раз говорю — не старайся понапрасну. Все равно она не придет. А если даже ты и уломаешь ее, я не смогу с ней мирно разговаривать, потому что чертовски голоден. Наоборот, поругаюсь.

— Если хочешь есть, пойдем, я только что поджарила котлеты.

— От котлет у меня изжога. Уж если ты хочешь накормить гостя обедом, приготовь что-нибудь повкуснее, Джерен-ханум!

Ханов вернул хозяйку назад и, взяв свой чемодан, пошел к ней на кухню. Он вытащил освежеванного джейрана, туша которого была заперта в шкуру.

— Что это, Каландар?

— Это джейран. К тебе он попал прямо из серахской степи.

— Ты сам убил?

— А то кто же?

Женщина погладила приятную на ощупь коричневатую, как туркменская земля, шкуру и спросила:

— Разве охотиться на джейранов не запрещено? Как вам не жаль этих животных?

— Запрещено-то запрещено, Джерен-ханум, — засмеялся Хайов, — простым смертным. Подумаешь, джейран! Если нужно, снимем шкуру и с двугорбого верблюда! Ну, что ты стоишь и жалеешь джейрана? Лучше поджарь быстренько ребрышки, печенку и легкие. Этому мясу достаточно лишь прикосновения огня. До полной готовности его доведет коньяк.

Выйдя из кухни, Ханов помахал рукой другу:

— Я пошел. Пока Джерен-ханум приготовит обед, я вернусь.

— Ну-ка, постой. Куда ты? Пообедаешь и пойдешь.

— Мне надо в Центральный Комитет.

— Там совещание?

— Разве я не говорил, зачем приехал в Ашхабад?

— Что-то ты больно оживлен, уж не повышают ли тебя?

— Я написал, понимаешь, одно заявление... — замялся Ханов. — Вот вызвали, хотят поговорить.

— Заявление? Уж не жалобу ли?

— Ну, если хочешь, жалобу.

— А без этого нельзя было обойтись?

— Нельзя.

— На кого ты написал жалобу? — спросил Оразов.

— На Карлыева! Самого секретаря райкома стер в порошок!

— Ну-ка, постой...

Хозяин дома поморщился и взял одну из газет, лежавших стопкой на столе.

— Не задерживай меня, Байры! Когда вернусь, расскажу тебе историю своей жалобы, — уже на ходу бросил Ханов.

Джерен тем временем нарезала мясо, сложила его в казан и подошла к мужу. Тот сидел один в беседке, грустно покачивая головой.

— Ты о чем задумался, Байры? Что-нибудь случилось?

— Каландар написал жалобу на человека, с которым вместе работает.

— Что же это такое!

— Не знаю, Джерен. Не нравится мне, как он себя ведет.

— Когда он вернется, поговори с ним как следует. Последди за мясом. А я схожу к Шекер, узнаю, что у них произошло. Если нам удастся хоть тут как-то помочь им, и то слава богу.

Байры Оразову пришлось самому жарить джейрана.

Жена отсутствовала часа полтора.

— Ну, как? — спросил Байры, когда она вернулась.

— И ей ничем не помогла, и сама расстроилась, — печально проговорила Джерен.

— Что она все-таки сказала?

— Ничего определенного. Сидит и смотрит в пространство глазами, полными слез. Не упоминай, говорит, при мне его имени. К тому же мать у нее совсем расхворалась. Согнулась, бедная, в три погибели, сидит, стонет, не может двинуться с места.

— Председатель райисполкома!.. Я за него радовался, дела, думаю, у него идут лучше некуда... — грустно проговорил Оразов.

Тут, поскрипывая сапогами, вернулся Ханов.

— Мало того что сам голоден, и вас оставил без обеда, — еще более возбужденно, нежели прежде, заговорил он и извлек из каждого кармана по бутылке коньяка. — Джерен-ханум, умоляю, дай скорее поесть. У меня уже и билет в кармане, и такси заказано. Лечу вечерним самолетом.

— Чего ты так торопишься? — стараясь быть гостеприимной, спросила Джерен. — Ведь не каждый день приезжаешь в Ашхабад. Может, останешься на пару деньков?

— Хорошо тебе рассуждать, Джерен-ханум. Спасибо, что на пару часов вырвался! Нельзя оставлять отару без чабана!

Высокомерный и самоуверенный тон Ханова показался Оразову отвратительным.

— О какой же это отаре ты говоришь, Каландар? — не вытерпел он.

— Ты что, сам не понимаешь? Если сверху некому командовать, дело не пойдет.

— Значит, ты — чабан, а народ — отара овец? Так я тебя понял?

— Байры! — взмолился Ханов. — Я не умею разговаривать на голодный желудок. Поедим, и я отвечу на все твои вопросы.

Зная, что гость любит чувствовать себя за едой свободно, Джерен расстелила на топчане ковер и бросила несколько подушек.

Ханов снял сапоги и уселся посреди топчана, подложив

под колено подушку. Увидев полную чашу жаркого из джейдрана с помидорами и картошкой, он потер от удовольствия руки и засмеялся:

— Ох, и красиво ты все устроила, Джерен-ханум.

— Хвали своего друга. Байры сам все приготовил.

— Байры? Ай, молодец! Я ведь говорю, что с такими способностями ты давно должен был стать академиком!.. Иди и ты к нам, Джерен-ханум.

— Ешьте без меня. Я потом буду чай пить. Да к тому же я на тебя сердита, Каландар.

— За что? За то, что я приволок тебе мургабского джейдрана?

— За то, что ты обидел хорошую женщину!

— Ты была у нее? Я ведь тебе сказал, что она не придет, и не надо было ходить.

— Не могу себе простить, что когда-то познакомила вас. Хотя откуда мне было знать, что ты так поведешь себя...

Окончательно расстроившись, Джерен ушла в дом.

Если слова Джерен несколько сбили спесь с Ханова, то аппетита они ему не испортили.

— После таких упреков, Байры, я не обойдусь без ста граммов.

— Почему сто, можно и двести!

Ханов молча ел и пил, похрустывая ровными здоровыми зубами. По тому, как он обглаживал ребрышки, с каким воодушевлением проглатывал куски печени и легких, было видно, что поглощение пищи доставляет ему истинное наслаждение.

Но вот он взял бумажную салфетку, вытер рот и руки, закурил и повернулся к другу:

— Теперь спрашивай, о чем хочешь.

Байры Оразов протянул гостю лежавшую в стороне газету

— Ты говорил о Карлыеве. Не он ли написал эту статью?

Ханов краем глаза заглянул в газету.

— Он самый! А что?

— Очень содержательная статья. Видно, человек хорошо знает марксистскую эстетику.

— Вполне возможно, что эстетику он и знает. Однако руководить людьми не умеет. И не желает уступать дорогу тем, кто умеет.

— Людей ты назвал отарой овец?

— Ну, какой ты, право, Байры! — Повернувшись на бок, Ханов щелчком отбросил сигарету и оперся на локоть. — Все еще не забыл? Если это слово тебя смутило, считай, что я его не произносил. Бери назад.

— Сказанное слово — что пущенная стрела. Если и захочешь поймать — не сумеешь.

Ханов поднялся на колени:

— Ты хочешь со мной поссориться?

— Нет, хочу, если получится, объясниться, — ответил Байры Оразов. — Теперь я, кажется, понял, почему ты написал жалобу. Если ты способен уподобить народ отаре овец, то и все остальное, включая и жалобу, меня уже не удивляет.

Вместо того чтобы задуматься над сказанным, Ханов расхохотался.

— Ты не смейся, а слушай! — серьезно продолжал Оразов. — Возьмем, к примеру, лекции. Некоторые читают их с величайшей легкостью. Спокойно заходят в аудиторию. Открывают конспекты. И, глядя куда-то поверх голов, не умолкают, пока не прозвенит звонок. Слушают их студенты или нет, им все равно. А другие так не умеют. Если их не будут слушать, они не смогут произнести ни слова. Они уйдут.

— Напрасно.

— Почему же напрасно? Если людям неинтересно то, что им говорят, зачем же отнимать у них время?

— Это совсем разные вещи! Я не ученый, а начальник. Я не читаю лекций, я даю указания.

— Ты не понял моей мысли, Каландар.

— Понял.

— Ничего не понял! Тебе не приходило в голову, что ты даешь ненужные указания? Вот ты, например, проводишь совещание. Ты знаешь, в каком настроении ушли от тебя люди? Благодарны ли они тебе за твои напутствия и указания?

— Мне не нужна их благодарность, Байры, мне нужен план. Понятно?

— Да, вижу, что говорю впустую. А ведь я не случайно вспомнил о лекторах. Ведь и руководитель по существу — тот же педагог. И тот, и другой учат людей. Если умного педагога слушают с интересом, то на лекциях болтуна сидят потому, что обязаны сидеть, и если к одному руководителю обращаются с охотой, то к другому — по необходимости.

— Тебе, Байры, не хирургом быть, а, как наш Карлыев, философом.

Байры Оразов был несколько обескуражен поведением товарища. Вместо того чтобы рассердиться или хотя бы возразить, Ханов глупо расхохотался. А теперь сидит с безразличным видом, будто его этот разговор вовсе не касается.

— Скажи мне лучше, Каландар, что ты узнал в ЦК о своем заявлении?

— Сначала оно будет рассматриваться на пленуме райкома.

— Тебе надо было забрать заявление.

— Мне предложили, но я отказался.

— Напрасно.

— Я не из тех, Байры, что садятся на верблюда и прячутся за луку седла. Я не какой-нибудь скандалист. Я ставлю вопрос принципиально. Или Карлыев, или я! Две бараньи головы в одном казане не варят.

— В ЦК правильно решили направить твоё заявление в райком. Пусть, мол, сам народ решает.

— Именно это мне и нужно! — подхватил Ханов. — Не думаю, что окажусь в проигрыше. Хотя, конечно, Карлыев, чтобы опозорить меня, такую философию разведет, только держись. Представляю себе, какую он развернет деятельность. Но материала у них против меня нет. А у меня в руках факты. И я буду бить их философские разглагольствования фактами. Словом, уверен, что почти весь партийный актив района поддержит меня. Поэтому я спокоен.

Солнце начинало клониться к Копет-Дагу. Ханов посмотрел на часы:

— Ох ты, уже, оказывается, много времени. Через пятьдесят минут я улетаю. Вон и машина пришла.

Джерен принесла чай и поставила перед гостем.

— Спасибо, Джерен-ханум, чай попьем дома.

Ханов встал, подтянул ремень и надел сапоги.

— Как бы там ни было, а про жену свою не забывай, Каландар, — сказала Джерен. — Шекер умная и добрая женщина.

— Какая бы она ни была, кланяться я перед ней не стану.

— Не упрямясь, а подумай! — посоветовал другу Оразов. — В споре я забыл сказать, что собираюсь к вам в район, хочу навестить свою ученицу.

— Как ее фамилия?

— Сульгун Салихова. Она работала в городе. А недавно перешла в колхоз. Написала мне, собираемся, мол, открыть хирургическое отделение в колхозной больнице. Просит помочь советом. А как поможешь в письме. Вот я и решил съездить. Давно не бывал в колхозах, так что с удовольствием прогуляюсь.

— Ах ты, безбожник! Если уж будешь в наших краях, то остановись у меня. Я тебя повезу в пустыню и покажу, как мы охотимся.

Ханов попрощался с хозяевами.

Джерен покачала головой и каким-то сдавленным голосом сказала мужу, глядя вслед Ханову:

— Байры! По-моему, он болен. Не может здравомыслящий человек так поступать.

— Да, если честолюбие — болезнь, то Каландар безнадежно болен.

— Неужели пельзя ему ничем помочь?

Байры Оразов пожал плечами.

XXVIII

Через неделю после поездки Ханова в Ашхабад состоялся пленум райкома. Заседание началось утром, а кончилось под вечер.

Забот в районе было еще много. Неуместный приказ Ханова оставить на время сооружение коллекторов вызвал много путаницы и неурядиц, осложнив подготовку колхозов к весеннему севу будущего года.

Как раз об этом и предстояло говорить на пленуме Карлыеву. Доклад секретаря райкома был уже, в общем, готов, когда из ЦК переслали заявление Ханова.

Надо сказать, что слухи об этом заявлении еще раньше просочились в район. Поговаривали даже, будто Карлыева куда-то переводят, а его место займет Ханов. Люди типа Баймурада Аймурадова не скрывали своей радости.

Видимо, эти разговоры оказали некоторое влияние и на членов пленума. Во всяком случае интересный доклад секретаря райкома не вызвал споров. В прениях выступило всего четыре человека, после чего было принято решение, и на этом с первым вопросом было покончено.

Вся атмосфера пленума говорила за то, что люди ждут второго вопроса. Так, по крайней мере, казалось Карлыеву.

Читал заявление Ханова третий секретарь райкома Сахатли Сарыев. Поскольку содержание заявления Карлыев знал, он не прислушивался к глуховатому голосу Сарыева, а просто смотрел в зал, наблюдая за людьми. Тишина стояла необыкновенная, казалось, люди перестали дышать, боясь пропустить хоть слово.

Карлыев невольно покачал головой. До чего же сложна человеческая психика! Почему люди порой со всем вниманием прислушиваются к дурным вестям, а деловое, нужное сообщение, которое могло бы принести им пользу, пропускают мимо ушей. Он и четыре выступивших после него товарища говорили о самых насущных вещах. Шла речь о сегодняшней и

завтрашней судьбе района. Однако ничего похожего на царившее сейчас напряженное внимание не было. Кто-то кашлял. Кто-то чихал. Под кем-то отвратительно скрипел стул.

В чем же дело? Может быть, узнав что-нибудь доброе, хорошее, справедливое, ты воспринимаешь это как должное и ведешь себя соответственно. А когда сталкиваешься с хитроумными измышлениями и не менее хитроумной клеветой, когда должен не просто выслушать такую вот кляузу, но и сделать из нее выводы, тут, пожалуй, и правда затань дыхание от чувства ответственности.

Секретарь райкома переводил взгляд с одного человека на другого и вдруг заметил Тойли Мергена. Обычно тот сидел в первом ряду, в самом центре, на самом видном месте. А сейчас устроился где-то сбоку. Значит, пересел после перерыва. Настроение у него тогда было явно хорошее. А теперь опустил голову и сжал кулаки. Карлыеву даже показалось, что Тойли Мерген вот-вот вскочит и закричит:

— Ложь! Ложь!

И у Шасолтан, судя по ее виду, настроение не лучше, чем у Тойли Мергена. Зато Баймурад Аймурадов словно накурился гашиша — крутится, улыбается. Вон Шасолтан посмотрела на него, и брови у нее сошлись на переносице. Явно рассердившись на заведующего фермой, она неожиданно поднялась.

— Товарищ Карлыев! — Она повернулась к секретарю райкома. — А что, если прекратить это пустословие?

— Почему вы спрашиваете у меня?

Кто-то справа поддержал Шасолтан:

— Назарова верно говорит. Цель товарища Ханова ясна. Надо кончать.

Кто-то возразил:

— Вам ясно, а нам нет.

Голосов становилось все больше.

— Чего ж тут непонятного?

— А ну скажи, если тебе все понятно.

— И скажу. Сплошная клевета — и все тут.

— Нет, товарищи, тут и правды хватает.

— Например?

— Например, красиво ли, что Тойли Мерген, опираясь на секретаря райкома, издевается над людьми?

— Говори, над кем он издевается?

— Перепахать огород такого заслуженного человека, как Гайли Кособокий!..

— Во-первых, не перепахал. А потом, нашли тоже заслуженного человека! Колхоз — не место для дармоедов.

— Шасолтан права, хватит читать, пора переходить к обсуждению.

Аймурадов перестал улыбаться.

— Как это хватит? — вскочил он с места. — Кому неинтересно, может выйти.

Кто-то хихикнул:

— Если мы выйдем, как бы не пришлось тебе одному слушать!

— Да, я хочу знать все до конца.

Тут поднялся Тойли Мерген, и в зале постепенно успокоились.

— Товарищи, не забывайте, где мы находимся, — проговорил он. — Здесь не караван-сарай. Идет пленум райкома. Я считаю предложение Аймурадова правильным. Чтобы и товарищ Ханов не держал на нас обиды, надо выслушать его заявление до конца.

Сергеев, который вел заседание, сказал Сахатли Сарыеву:

— Продолжайте, пожалуйста!

Нелегко было одним махом прочитать тридцать страниц. Сарыев даже охрип. Наконец, кончив, он с облегчением вздохнул и вытер вспотевший лоб.

Сергеев поблагодарил его и обратился к сидящим в зале:

— У кого есть вопросы, товарищи?

Все молчали.

— Может быть, товарищ Ханов хочет что-нибудь добавить?

Ханов брезгливо поморщился:

— По-моему, достаточно того, что было сказано.

— Кто хочет слова?

Аймурадов привстал и спросил:

— Могут выступать только члены пленума или приглашенные тоже?

— Раз вы приглашены, то имеете право выступить, — ответил Сергеев. — Пожалуйста.

— Нет, я раньше послушаю других.

— Может быть, товарищи хотят подумать? — тихо сказал Карлыев Сергееву. — Не устроить ли снова перерыв?

Едва был объявлен перерыв, как все ожесточенно заспорили о заявлении Ханова, не успев даже покинуть зал.

Вместе с другими вышел во двор и Тойли Мерген. Не желая мешать людям обмениваться мнениями, он закурил и отошел в сторонку.

— Как настроение, Тойли-ага? — подошла к нему Шасолтан.

Тойли Мерген пожал плечами.

— Вы будете выступать?

— Пока не знаю.

— А Карлыев?

— Он обязан.

— Нелегко ему придется. Отвечать ударом на удар он не захочет. Не станет Карлыев заявлять, как Ханов: «Или я, или он». И с вами, Тойли-ага, он тоже попал в щекотливое положение. Огорчен Карлыев этой историей с Кособокиным. И, конечно, скажет об этом.

— Да разве во мне дело? Я приму любой упрек. Потому как знаю, что он будет справедлив.

— Я бы миндальничать с Хановым не стала! — со всей прямоотой молодости заявила Шасолтан.

— Не будем, дочка, гадать, — миролюбиво проговорил Тойли Мерген, — все равно не угадаем.

Прозвеневший звонок прервал их разговор.

Все заняли свои места, однако никто не рвался выступать.

— Ну, товарищи, — вздохнул Сергеев. — Кто хочет выступить? Время идет.

— Может быть, первым стоит выступить товарищу Карлыеву, — сказал старейший из колхозных председателей Санджар-ага, грудь которого украшала Звезда Героя. — Мы выслушали Ханова. Теперь послушаем секретаря. Будут ясны обе точки зрения.

Карлыеву хотелось знать мнение коммунистов и колхозных руководителей о заявлении Ханова, поэтому он попросил:

— Если можно, товарищи, я выскажусь после вас.

— Товарищ Ханов взвалил на вас тяжкие обвинения, — снова вставил Санджар-ага, — грязью вымазал, можно сказать. Надо ведь очиститься от этой грязи.

— И все-таки я не хотел бы торопиться с выступлением, — вторично попросил Карлыев.

— Я на фронте был артиллеристом, — крикнул кто-то. — Когда в нас стреляли, мы отвечали...

— Товарищи, не будем горячиться. — Карлыев поднял руку. — Я не считаю заявление товарища Ханова ни попыткой очернить меня, ни, тем более, обстрелять. Я несколько по-другому понимаю смысл его жалобы и не собираюсь утаивать от вас свою точку зрения. Может быть, товарищ Ханов не одинок? Может быть, среди присутствующих найдутся его единомышленники? Вы знаете и меня, и товарища Ханова. Поэтому и надо начать наконец откровенный разговор. Это

будет полезно и для меня, и для товарища Ханова, да и для всех нас.

— Можно? — покраснев, подняла руку Шасолтан Назарова.

— Молодец, Шасолтан! — крикнул кто-то с места.

— Я, товарищ Карлыев, с вами не согласна, — еще не дойдя до трибуны, начала она.

— С чем именно?

Не обращая внимания на реплику, Шасолтан продолжала:

— В чем обвиняет вас товарищ Ханов? Прежде всего установим это. В обвинительном документе, на чтение которого ушло полтора часа, я хочу выделить три основных пункта. Во-первых, по мнению товарища Ханова, секретарь райкома слишком доверчивый человек. По-моему, доверять людям куда как лучше, чем относиться к каждому с подозрением. Ни жить, ни работать без доверия к людям нельзя. Во-вторых, по мнению товарища Ханова, секретарь райкома очень медлительный человек. Объясняется это в заявлении так, что он, мол, прежде чем что-либо решить, много размышляет. По-моему, это несерьезно. Я лично не могу вспомнить, чтобы товарищ Карлыев тянул или задерживал решение какого-нибудь вопроса. Что же касается размышлений... Даже как-то неловко об этом говорить. Не размышляют, ни над чем не задумываются только самонадеянные глупцы. В-третьих, по мнению товарища Ханова, секретарь райкома всячески поддерживает Тойли Мергена, который назван в заявлении «осколком прошлого». Побольше бы нам таких осколков! Седая голова не есть еще признак отсталости. По-моему, секретарь райкома очень мудро поступает, поддерживая таких, как Тойли Мерген. Этот человек знает колхозное производство как свои пять пальцев. Его жизнь, его опыт для нас, молодежи, — настоящая школа. Даже ошибки таких людей для нас, молодых, хороший урок!

— Что ты предлагаешь? — послышался голос Аймурадова.

— Я от вас этого не утаю, так что потерпите. — Шасолтан строго посмотрела на Аймурадова. — Старые опытные люди мне рассказывали, что в тридцатые годы среди организаторов колхозного строительства было немало и таких, которые больше всего полагались на свою глотку. Коль это не помогало, не стеснялись и руки в ход пустить. Сейчас это вызывает улыбку. А тогда не до смеха было. Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что товарищ Ханов, к сожалению, напоминает тех горе-руководителей. Но ведь с той поры много воды утекло.

Люди изменились. И этот стиль руководства теперь не в почете. Нас горлом не убедишь, нам нужен разумный совет, серьезное продуманное решение. Не должность мы уважаем, а человека, его умение работать с людьми. Это прописная истина. И если руководитель не понимает этого, люди с ним работать не смогут, не захотят... — Шасолтан сделала паузу и, глядя прямо на председателя исполкома, сказала: — Мне кажется, что товарищу Ханову следовало бы освободить председательское кресло.

Ханов проследил взглядом за Шасолтан, пока она шла от трибуны к своему месту, и, нагнувшись к Карлыеву, с которым сидел рядом, довольно громко сказал:

— Первого вашего адвоката мы выслушали, товарищ секретарь. Кто следующий? Может быть, Тойли Мерген?

Вместо ответа Карлыев покачал головой.

Даже не дожидаясь, когда ему дадут слово, к трибуне заторопился Аймурадов. Он начал с того, что выпил холодный чай, налитый для Шасолтан. Потом вознес очи к потолку и молитвенно сложил руки. Но едва раскрыл рот, как из задних рядов кто-то выкрикнул:

— О, аллах!

Сергеев взялся за колокольчик.

— Товарищи, не будем мешать оратору! — подавив улыбку, сказал он.

— Никто не сможет мне помешать, — гордо заявил Аймурадов. — Даже землетрясение не заставит меня умолкнуть! — И он посмотрел в сторону Ханова, явно ожидая его одобрения. — Мы сейчас были свидетелями того, как язык, если не умеешь его обуздать, заносит оратора слишком далеко. Товарищ Назарова дала волю своему языку и намолочила все, что взбрело ей в голову. Мне даже кажется, что она пошла против собственной совести, чтобы поддержать своих единомышленников. А это уже называется групповщиной.

— Групповщиной? — удивленно крикнули с места.

— Да, именно. Об этом я и собираюсь говорить. Все знают, почему освободили Тойли Мергена. Для того чтобы очистить воду, которую он замутил, надо было поставить опытного и справедливого человека. Такие люди есть в нашем колхозе. Но их отвергли. И совершенно неожиданно председателем была избрана Шасолтан Назарова, которая мало что смыслит в колхозном хозяйстве.

— Если не смыслит, зачем выбирали? Кто вас принуждал? — спросил Санджар-ага.

— Не будем понапрасну пререкаться, уважаемый. Если

пад тобой нависнет секретарь райкома, посмотрим, как ты запрыгаешь! — сказал оратор, подавшись в сторону Ханова. — Но об этом я не собираюсь рассказывать. Выбрали — и ладно. Если бы она думала о деле и работала по справедливости, мы бы во всем помогали ей. Не пожалели бы времени. Но Шасолтан Назарова не из тех, кому нужна паша помощь. Она действует в групповых интересах. Ей так же просто пойти против совести, как спать с ишака попону. Сегодня она это доказала. Расхваливала человека, надевшего на ее недостойную голову председательскую корону, и старалась опозорить тех, кто считал, что молодая она для такого поста.

— Говорите о заявлении! — напомнил ему Сергеев.

— Анатолий Иванович, вы напрасно сбиваете меня. Я говорю именно о заявлении. Предположим, надежды Назаровой сбылись, и товарищ Ханов освобожден. Может быть, сама Назарова метит на это место? Или она подскажет подходящую кандидатуру?

— Это не твоя забота! — снова не удержался Санджар-ага. — Пусть только освободят, а человек найдется.

— Да, конечно, найдется. Но не будем забывать — руководитель руководителю рознь. Такие руководители, как товарищ Ханов, на улице не валяются! Тот факт, что товарищ Карлыев заставил нас избрать председателем свою сообщницу, в тысячу раз страшнее угроз товарища Ханова, о которых тут кричала Назарова. Значит, надо не Ханова освобождать, а Карлыева. И это будет справедливо!

Аймурадов с таким победоносным видом прошел и сел на свое место, что его сосед невольно рассмеялся.

Слова попросил Тойли Мерген.

— Я не собирался выступать, — откинув со лба волосы, неторопливо начал он. — Если Аймурадов взошел на эту трибуну по доброй воле, натачив предварительно зубы, то я стою здесь, можно сказать, вынужденно. Я ни разу в жизни не писал жалоб. И не люблю жалобщиков. Если бы товарищ Ханов не написал этой кляузы, было бы гораздо лучше. Раз вопрос нельзя решить в открытом споре, никакие бумажки не помогут. Подобные жалобы — признак слабости, даже трусости. И когда я только услышал об этом заявлении, крупная фигура товарища Ханова прямо-таки съежилась в моих глазах. А я, по правде говоря, считал вас, товарищ Ханов, человеком сильным, мужественным. Но так уж вышло, желаем мы того или нет, а заявление написано. И нам ничего не остается, как обсуждать его. Если бы Аймурадов был председателем колхоза, а не Назарова, на которую он сейчас так энергично

налетал, он бы, конечно, и рта не раскрыл. А она не побоялась говорить. И сказала много справедливого. Но некоторые вещи, высказанные Шасолтан, мне не понравились. Перемудрила она по молодости лет. Есть такая пословица: «Одна овца и пыли не поднимет». Тойли Мерген один, без народа, — ничто. Поэтому надо ли возносить его до небес, восхвалять его, даже поклоняться его ошибкам?

Тойли Мерген развел руками и немного помолчал, собираясь с мыслями.

Сосед Аймурадова, воспользовавшись короткой паузой, спросил его:

— Что-то ты перестал улыбаться, не любишь, когда о тебе говорят?

— Пусть говорят, раз язык без костей, — пробурчал явно поблекший завфермой.

Сергеев попросил Тойли Мергена продолжать.

— Заявление товарища Ханова уже отняло у нас много драгоценного времени, — снова заговорил Тойли Мерген. — Чтобы не топтаться на месте, давайте отбросим мелкие обиды и поговорим лучше о том, как бы нам подружнее жить, подружнее работать.

Санджар-ага, у которого все нутро горело от речи Аймурадова, услышав последние слова Тойли Мергена, закричал с места:

— О чем ты толкуешь, Тойлиджан! Если бы такое было возможно, весь мир давно стал бы цветущим садом!

После речи Тойли Мергена уже никого не приходилось упрашивать. Один за другим на трибуну выходили ораторы. И, надо сказать, разговор о заявлении Ханова пошел принципиальный.

У Карлыева, конечно, было достаточно сторонников. Но и Ханов не остался в одиночестве. Например, директор хлопковой базы, тоже находивший в окриках и угрозах особую усладу, закончил свое выступление такой громкой фразой:

— Мы лично гордимся энергией товарища Ханова!

Когда Ханов слышал слова, подобные этим, лицо у него прямо на глазах светлело. А Карлыев, что бы о нем ни говорили, казался даже безучастным. Во всяком случае, ничего, кроме терпеливого внимания, нельзя было прочесть на его лице.

После выступления Сергеева и начальника сельхозуправления исполкома Сапалыева Тойли Мерген поднял руку.

— Вы еще что-то хотите сказать, Тойли-ага?

— Нет. По-моему, пора кончать прения и дать слово

секретарю райкома. А так мы и за семь дней не управимся.

— Что за человек! — крикнул, вскочив с места, возмущенный Аймурадов. — И здесь он хочет заткнуть людям рты.

— Проголосуем, товарищи. Кто за предложение Тойли Мергена?

Сергеев встал. Но ему даже не пришлось подсчитывать голоса. Почти все находившиеся в зале подняли руки. И слово было предоставлено секретарю райкома.

Поднявшись на трибуну, Карлыев не сразу заговорил. Он стоял какое-то время молча, глядя куда-то поверх голов, наверно, в который раз обдумывая то, что собирался сказать.

Напряженную тишину зала нарушил Ханов. У него, вид но, не хватило выдержки. Бросив на тетрадь в черном переплете, кстати, такую же, как у Гайли Кособокого, красносиний карандаш, которым он записывал все выступления, он громко сказал:

— Мы ждем!

Карлыев отхлебнул глоток чаю и не сразу ответил:

— Я знаю, что ждете.

— Может, вам нечего сказать? — самодовольно усмехнулся Ханов.

— Я все думаю, не уступить ли вам очередь. Не будет ли вам потом труднее говорить.

— Вы хотите меня запугать?

— Вы прекрасно знаете, что я никогда никого не запугиваю. Я хочу облегчить вашу ношу.

— Неужели моя ноша тяжелее вашей?

— По-моему, пленум вам это разъяснил.

— Вы... Вы хотите сказать, что я в чем-то не прав?

— Да. И вам еще не поздно признаться в этом.

Глядя в зал, Ханов уверенно заявил:

— Если бы у меня было хоть малейшее сомнение в своей правоте, я никогда не взялся бы за перо. Так что не теряйте лучше времени!

Только после этого секретарь райкома обратился к залу.

— На первый и, я бы даже сказал, поверхностный взгляд, — начал он, — заявление товарища Ханова можно посчитать поклепом, клеветой. Некоторые примерно так и говорили. Верно ли это? По-моему, нет. Начальник сельхозуправления, а также Шасолтан Назарова попытались разобраться в этом заявлении. Но и они, по-моему, не добрались до сути. Если бы претензии товарища Ханова сводились просто к клевете, на них нетрудно было бы найти ответ. Но вопрос гораздо серьезнее, чем многие думают. Для членов бюро райкома, в

том числе и для меня, не ново то, что говорится в заявлении, потому что мы повседневно наблюдаем товарища Ханова. Каков стиль его работы? Нельзя никому доверять, кроме, конечно, себя самого. Ни с кем не надо советоваться, только приказывать, только отдавать распоряжения. Если дело сделано — ладно. Если нет, зачем тратить время на выяснение причин? Куда проще воспользоваться своей властью, а значит — наказать, прогнать, освободить. Короче говоря, настоящий руководитель должен уметь властвовать. Товарищ Ханов совершенно искренне считает, что по-другому работать нельзя.

Вот Тойли Мерген сказал тут, что зря товарищ Ханов написал свое заявление. Нет, Тойли-ага, не зря! Иначе вопрос так и остался бы нераскрытым. Да и вообще кое-что в заявлении указано справедливо.

Люди в зале задвигались. А Карлыев отпил еще глоток чаю.

— Товарищи, я сейчас все объясню. Нас всех, я имею в виду райком, не меньше, чем товарища Ханова, возмутил поступок Тойли Мергена. Нельзя бороться с отсталыми людьми вроде Гайли Кособокого такими, простите меня, дикими методами. Не только мы, но и правление колхоза осудило за это Тойли Мергена. И он как человек честный признал наше осуждение справедливым. Но ведь товарищ Ханов требовал вообще отстранить от работы этого почтенного труженика. Вот я и предлагаю, товарищи, не делать поспешных выводов и в отношении самого товарища Ханова.

Если мы начнем отстранять от работы каждого, совершившего ошибку, вокруг нас пусто станет. Хотя это и трудно и небесполезно, мне думается, будет правильно, если мы постараемся помочь товарищу Ханову. Конечно, мы не всесильны, нужно прежде всего, чтобы сам товарищ Ханов захотел воспользоваться нашей помощью.

Я всегда говорил и сейчас повторяю, что мы имеем дело с человеком энергичным. И если он как коммунист осознает свои ошибки, то мы с радостью поработаем вместе, плечом к плечу. Но если он не захочет признать себя неправым... — Карлыев развел руками и, не закончив фразы, сошел с трибуны.

Настала очередь Ханова. По тому, каким высокомерным взглядом окинул он зал, люди поняли, что старания Карлыева напрасны. Ступив на трибуну, Ханов сразу перешел в наступление.

— Вы со своей гнилой философией утопите в конце

концов район!.. — не скрывая злобы, прокричал он, глядя прямо на Карлыева.

Чуть ли не целый час ораторствовал председатель райисполкома в духе своего заявления. И если первые несколько минут его еще слушали, то вскоре люди стали переговариваться, сначала, правда, тихо, но потом все громче и громче.

Наконец Ханов умолк и прошел на свое место. На трибуну снова поднялся Карлыев.

— По-моему, товарищ Ханов несколько поторопился, — сказал он, обращаясь к притихшему залу.

— Что вы предлагаете, товарищ Карлыев? — спросил Сергеев.

— Предупредить товарища Ханова и дать ему время осознать свои ошибки.

— Что ему время, когда он считает себя во всем правым, — уверенно заявил Санджар-ага.

— Если каждый из нас поможет человеку...

— Простите, товарищ Карлыев, — перебила его Шасолтан. — Вы только что слышали истерическую речь товарища Ханова. Неужели вы после этого еще на что-то надеетесь?

Словом, пленум не поддержал предложения Карлыева. Большинство голосов было принято решение — просить Центральный Комитет Компартии Туркменистана освободить Каландара Ханова от занимаемой должности.

Ни на каких пленумах, собраниях и заседаниях Карлыев так не уставал, как сегодня. В голове гудело, и казалось, будто к каждому плечу подвесили по тяжелому камню. Он вошел в свой пустой кабинет и, не зажигая лампы, сел за письменный стол, подперев руками лоб.

Секретарша принесла чай и спросила, почему Карлыев сидит в темноте. Он объяснил, что не собирается здесь засиживаться, и попросил, если найдется, таблетку анальгина.

Девушка принесла анальгин и, включив свет, вышла, пропуская в кабинет Сергеева.

— Вы еще не ушли! — почему-то обрадовался он.

— Хочу позвонить в Ашхабад.

— С Ашхабадом можно поговорить и из дому. И времени уже порядочно. Что, если мы пойдем сейчас к нам? Анна Константиновна обещала угостить варениками. По дороге прихватим и Марал-ханум. Тетка моей Аннушки прислала из Ленинграда пластинку — новая симфония Шостаковича.

— И музыку послушать хорошо, и вареники — вкусная вещь...

— Я знаю, что у вас плохое настроение, — прервал секретаря райкома Сергеев. — Именно поэтому я и хочу, чтобы вы пошли.

— Дело не в настроении, Анатолий Иванович. Просто я очень устал и голова разламывается, так что лучше всего отправиться домой и лечь.

— А мы пойдем лекарство и от головной боли, и от усталости.

— Поможет ли? Ой, до чего все это неприятно, Анатолий Иванович, — сказал Карлыев, снова возвращаясь к разговору о Ханове. — Все-таки, наверно, можно было найти другой выход.

— Ханов сам виноват. И случилось то, что должно было случиться.

— Конечно, виноват, но, может быть, и мы виноваты?

Сергеев ушел, так и не сумев убедить ни в чем Карлыева.

Осторожно ступая, снова появилась секретарша.

— Что же вы не идете домой?

— Мне еще надо кое-что перепечатать, — ответила девушка.

— Завтра перепечатаете. Ведь дома, наверно, ждут.

— Маме я позвонила... Караджа Агаев просил принять его.

— Агаев?.. Что ему надо?

— Не знаю. Говорит, что должен срочно повидать вас.

— Срочно? Ну, пусть зайдет.

Войдя в кабинет и неизвестно чему радуясь, Агаев раздвинул губы, поблескивая золотыми зубами.

— Садитесь! — Карлыев показал на кресло.

— Хотя я и знаю, что вы очень устали, — извиняющимся тоном начал ревизор, — но сердце мое не успокоилось бы, если бы я не пришел.

— Слушаю вас.

— Я сегодня мог бы выступить не хуже других. Я подготовился, но... — замылся он.

— Надо было выступить, если было что сказать.

— Да, верно, однако я решил, что так будет лучше.

Агаев сунул руку за пазуху и вытащил пачку аккуратно сложенных бумажек. Дрожащей рукой он протянул их секретарю райкома.

— Что это?

— Это... это... моя несостоявшаяся речь.

— Что?

Голос Карлыева прозвучал громче обычного, и Агаев понял, что затеял ненужное дело, но отступать было уже поздно.

— Я написал свою речь.— Он облизал засохшие губы и продолжал: — Вы напрасно поддерживали Ханова. Если бы вы только знали, что этот человек творит!

— Например?

— Я скажу, но вы на меня не сердитесь, товарищ Карлыев.

— Говорите,— Карлыев с трудом сдерживал раздражение.

— Например, каждый раз, отправляясь на охоту, Ханов вдребезги разбивает государственную машину и оставляет ее в пустыне.

— Разве у Ханова тысяча машин?

— В его ведении есть мастерская. По его приказу шоферы в темноте приводят на буксире сломанную машину и по ночам ремонтируют ее. Но это еще ерунда.

— Как это — ерунда?

— Есть и похуже вещи. Вам, вероятно, известно, что у него, кроме законной жены, здесь, в городе, живет еще одна женщина...

Секретарь райкома с презрением посмотрел на Агаева и оттолкнул от себя его записи:

— Зачем вы мне все это говорите? Сидели целый день, молчали, мужества не хватило выступить, а теперь пришли ко мне в кабинет!.. Вы знаете, как это называется?

Агаев расстегнул пуговицы на вороте и вытер лоб.

— Мой долг сказать правду, товарищ Карлыев,— попытался он оправдаться.— По-моему, долг каждого коммуниста...

— Чей? Коммуниста? — рассвирепел Карлыев.— И вы еще называете себя коммунистом?

— Если вам не понравилось то, что я сказал, считайте, что я ничего не говорил.

— Эх вы, уже пошли на попятный. В ком бы ни ошибался Ханов, в вас он, кажется, не ошибся. Я не знал, что вы такой мелкий пакостник.

— Что, что вы сказали?

— Сказал, чтобы вы уходили, сейчас же, немедленно!

Растерянный и жалкий, Агаев нерешительно взял со стола свои злосчастные записи и, спотыкаясь, вышел из кабинета.

Солнце уже зашло и на улицах зажглись фонари, когда Каландар Ханов подъехал к воротам своего дома на исполкомовской «Волге».

Обычно он, вылезая из машины, бросал через плечо водителю: «Завтра приедешь во столько-то!» — с силой хлопывал дверцу и, не оглядываясь, шел во двор.

Сегодня все было не так. И это не без удивления отметил молодой парень, который с недавних пор стал возить Ханова. Хозяин не торопясь вылез из машины, тихонько толкнул дверцу, словно боясь причинить ей боль, и приостановился у калитки.

Шофер деликатно спросил:

— Если вам надо куда-нибудь схать, я подожду, Каландар-ага.

— Кажется, я отъездился, — задумчиво произнес Ханов.

— Может быть, что-нибудь привезти или отвезти?

Ханов молча достал из гимнастерки деньги и протянул их парню.

— Пятьдесят рублей отведи моей матери. Я тебе показывал, где она живет. А на остальные купи хлеба, колбасы, если найдешь, мягкий сыр, возьми граммов триста. Словом, если не лень, купи чего-нибудь, чтобы хватило на пару дней. Ты же не женат, так что знаешь, какая пища нужна холостяку.

— А выпить что-нибудь прихватить?

— Выпить у меня найдется.

Несколько дней Ханов не показывался на люди.

Широкий двор и сад, усеянный цветами, просторный многокомнатный дом и никого рядом. Если не считать преданного пестрого пса. И хотя сюда никто не приходил и никто отсюда не выходил, пес изредка гавкал, просто давая знать о своем присутствии.

Впрочем, хозяину сейчас и нужно было одиночество. Он думал. И днем, и ночью, и когда ложился, и когда вставал, и за бутылкой, и за чаем.

И чем больше думал, тем больше запутывались его мысли. Конечно, он и не предполагал, что так получится. Даже не тот факт, что его освободили, мучил его, а то странное и необъяснимое обстоятельство, что секретарь райкома взял его под защиту. Он был абсолютно уверен, что Карлыев первым выскочит с предложением снять его, Ханова, с работы.

Что же все это значит? Если бы Карлыев написал такое заявление на него? Мог бы он простить? Нет! В порошок бы

стер. А как поступил Карлыев? Защищал своего противника перед всем народом! Почему он так себя повел? Может быть, он проявил особенно утонченное двуличие, чтобы затуманить людям глаза? Посмотрите, мол, какой я добрый и выдержанный человек! А что, если он говорил от чистого сердца?

Ханову казалось, что ему станет легче, если он сумеет расшифровать, все эти «может быть» и «а что, если». Но сколько он ни думал, наясных вопросов становилось все больше.

В этих раздумьях Ханов не замечал, как летит время. Он просто вдруг понял, что не может больше сидеть в пустом доме. Тоска заела. Да и как же было не затосковать привыкшему к активной деятельности человеку? Работа. Охота. Уютный дом. Вкусная еда. Хорошо заваренный чай. А сейчас — одиночество. Стол, заваленный грязной посудой. Колбаса и сыр, и снова колбаса и сыр. Черствый хлеб. Да еще ко всему, чтобы выпить пиалушку чая, надо бежать на кухню и ставить чайник. Уж к этому он решительно не приспособлен.

— Вот когда мне нужна Алтынджемал! — сказал он, поразившись звуку собственного голоса.

Да, они живут в одном городе, но Алтынджемал теперь недосыгаема. И хотя вслух Ханов произносил имя своей возлюбленной, в глубине души он думал о Шекер, боясь даже самому себе признаться в этом.

Сколько ни повторяй слово «халва», во рту слаще не станет. Так и от его раздумий — теперь это он понимает — толку не будет. Надо выйти на люди и немножко проветриться.

Ханов привел себя в порядок и во второй половине дня вышел из дома.

На центральной улице, пересекавшей весь город, было особенно многолюдно.

Возле кино толпился народ. Ханов остановился. Шел итальянский фильм с участием Софи Лорен и Марчелло Мاستроянни. У кассы была давка. Но он и не собирался идти в кино, просто его внимание привлекла хорошенькая женщина, изображенная на афише. Его заметил директор хлопкозавода. Вытянув шею, он помахал Ханову из толпы:

— Есть билетик, пойдемте!

Ханов отрицательно покачал головой. Ему было не до кино.

Больше нигде не задерживаясь, он довольно быстро добрался до ресторана дяди Ашота.

Ашот Григорьевич находился в зале и, увидев Ханова, пошел к нему навстречу.

— Не ожидал, не ожидал!

«Узнал, наверно, обо всем и теперь хочет поиздеваться!» — подумал Ханов и грубовато спросил:

— Разве у вас не для всех открыто?

— Что вы, товарищ Ханов! — добродушно улыбнулся директор. — Очень рад видеть вас здесь, польщен. Правда, я вас не сразу узнал. Привык видеть в гимнастерке. Но должен сказать, что костюм вам, пожалуй, больше к лицу. Идемте, идемте.

— Куда вы меня ведете?

— У нас есть отдельные кабинеты. Там спокойнее.

— Нет, устройте меня здесь. Я и так бегу от одиночества.

— А не шумно ли тут будет?

— Не беда.

Свободных мест не было. У стены стояли два столика с табличками «занято». Именно туда и повел Ашот Григорьевич Ханова.

— Пожалуйста! — пригласил он гостя, сняв с одного столика табличку.

Запахи уксуса и лука, гулявшие по просторному залу, разожгли аппетит Ханова.

— Чем будете кормить и поить? — спросил он.

— Дай бог здоровья дяде Ашоту, для вас он отыщет и птичье молоко, — пошутил директор.

— Вы сегодня, как я погляжу, в хорошем настроении?

— Если к нам почаще будут приходить такие посетители, как вы... — Ашот Григорьевич не договорил и почтительно склонил голову.

— Я голоден, Ашот Григорьевич. Несколько дней горячего не ел... Шашлык есть?

— Шашлык жестковатый. Мясо старого барана-производителя. Лучше возьмите люля-кебаб. Молотое мясо мягче.

— Неужели у вас делают шашлыки из старого барана?

— Я и сам удивляюсь не меньше вашего.

— От того, что вы сидите сложа руки и удивляетесь, вашим гостям лучше не будет. Надо требовать, Ашот Григорьевич, требовать! Разве у нас мало двухгодовалых овец?

— Нам их не дают. А когда мы хотим купить на базаре, вы сами не позволяете.

— Этого еще не хватало! На базаре! — возмутился Ханов.

— Простите меня, но ничего худого в этом не вижу. Я бы вообще все рестораны перевел на хозрасчет. Уж тогда-то мы бы угощали своих посетителей любым блюдом! — Заметив, что Ханов его не слушает, Ашот Григорьевич предложил: — А может быть, попробуете нашей жареной рыбы?

— Наверное, мороженная?

— У нас все мороженое.

— Откуда рыба?

— Наша, местная. Мургабский сом.

— Вы и мургабского сома замораживаете?

— А что делать? — развел руками Ашот Григорьевич. — Ведь как получается: ловит одно ведомство, а продает другое.

— Ну, давайте тогда, что есть.

Едва директор скрылся за бархатной шторой, официантка принесла на узорном подносе бутылку армянского коньяка, бутылку грузинского шампанского и вазу с виноградом.

Окинув взглядом черноглазую, Ханов сказал:

— Если вы, милая, не поможете, я один столько не смогу выпить.

— Выпьете, сколько сможете, — холодно улыбнулась девушка.

— И то верно.

Официантка ушла и вскоре явилась с едой.

Ханов выпил рюмку коньяку и принялся за люля-кебаб. Тут он насторожился, услышав знакомые голоса. Перед buffetной стойкой препирались между собой Чары и Ширли Лысый.

— Слушай, Чарыджан, не заставляй меня больше пить! — встряхивая бородкой, кричал, словно глухому, уже веселенький Ширли. — Если влить в брюхо старой коровы пиво, которое я сегодня выпил, оно лопнет, как надутый пузырь.

— Значит, ты покончил с намазом и перешел на пиво? Ну ладно, а на водохранилище поедешь?

— Ты мне не говори про водохранилище, Чарыджан. Чуть только я отдаляюсь от Овадан, как мне становится не по себе.

— Выходит, и правда, ты влюблен в свою Овадан.

— Если у тебя будет такая жена, как Овадан, и ты ее будешь любить!

— Что же мне сказать прорабу? Он держит для тебя новенький бульдозер.

— Да говори что хочешь!

— Не можешь или жены боишься?

— Вот, ей-богу, Чары!.. Допивай свое пиво и сматывайся на водохранилище, а я пойду домой.

— Нехорошо, Ширли, не по-мужски. Не надо было обещать.

— Отвяжись от меня, Чары. С меня хватит и маленькой мастерской, тем более, что она близко от дома. Прихожу. Делаю то, что приказывают. А вечером с женой сижу. Скажу чай — чай несет. Скажу чурек — чурек. О другом рае и не мечтаю.

— Ну ладно, делай, как знаешь, — смирился наконец Чары и, поставив пустой бокал на буфетную стойку, собрался идти. Но Ширли положил руку ему на плечо и ткнул пальцем в зал:

— Кто это, Чарыджан?

— Где?

— Тот солидный мужчина, который сидит один за крайним столиком?

— Вроде Каландар Ханов.

— Он самый! Хотя и не в гимнастерке, а я его сразу узнал. Давай подойдем!

Чары схватил за руку покачивающегося приятеля:

— Стой! Человек обедает, зачем тебе мешать ему?

— Поздравлю! — хлопнув себя в грудь, сказал Ширли Лысый и обратился к буфетчику: — Налей, брат, два бокала пива! Один для меня, а второй для товарища Ханова!

— Не наливайте! — бросил буфетчику Чары. — С чем ты собираешься его поздравить? — не отпуская руку Лысого, спросил он.

— Ты ведь был в пустыне и ничего не знаешь! — И Ширли довольно громко рассказал о том, какие слухи бродят по городу.

— Ширли, это мальчишество!

— Почему? Помнишь, как он нас с тобой тогда «поздравил», чего же нам отставать? Скажем ему все, что думаем.

— Это подло. Почему ты молчал, когда он был на-

чальником? Мужества не хватало? А теперь расхрабрился!

— Ну и пусть, говори что хочешь, а я пойду! — И Лысый двинулся по залу.

— Ширли, вернись!

— А?

— Потом не говори, что не слышал. Если ты сейчас скажешь ему хоть одно слово, даже просто «здравствуйте», больше никогда не подходи ко мне, я тебя знать не желаю.

Ширли хоть и был пьян, но, почувствовав, что Чары говорит серьезно, остановился и почесал затылок.

— Может, и правда не стоит?

— Тут и думать нечего! А если и есть о чем думать, так о собственной чести!

— Пусть будет по-твоему, Чарыджан! — сказал Ширли и хлопнул товарища по плечу. — Идем. Ты отправляйся на водохранилище, а я побыстрее явлюсь пред очи Овадан-хапум.

После того как они ушли, уже не сиделось и Ханову. Он подозвал официантку, расплатился и вышел.

То, что Чары произнес слово «честь» и разговаривал как истинный мужчина, ввергло его в прежние раздумья. И снова вспомнился Карлыев.

«Если и есть о чем думать, так о собственной чести!» Да, эти слова вполне можно вделать в золотую оправу. Наверно, суть каждого человека определяется словом «честь».

И мысленно Ханов представил себе тех людей, которых он сегодня случайно встретил.

Кто такой директор хлопкозавода? Самый обыкновенный чипуша. Он бы вполне мог не узнать снятого с должности Ханова. Но, очевидно, посчитал это бесчестным и предложил билет в кино.

А поведение Ашота Григорьевича? Ведь он, конечно, в тот же день услышал о решении пленума райкома. Но вида не показал. Наоборот, сначала пошутил, потом вел с ним серьезный разговор, как с должностным лицом, как с государственным человеком. И хотя обслуживание клиентов не входит в его обязанности, он сам устраивал гостя, всячески подчеркивая свое уважение. Ну, допустим, Ашот Григорьевич — человек, много повидавший в жизни, а кто такой Чары? Молокосос! Но ведь и он не захотел мстить. А того, кто зайкнулся о прошлом, остановил, напомнив о чести.

Что же получается? Он, Ханов, никому не доверяет, по-

дозревает в неискренности такого человека, как Карлыев, а тут и маленькие, с кулачок, людишки — во всяком случае, такими он их всегда считал — оказались на голову выше его самого. Неужели они все правы и один он не прав?

Ханов не заметил, как добрался до дома. Пестрый пес обычно ленился подниматься навстречу хозяину. Но сейчас, едва Ханов толкнул калитку, он вскочил, громыхая цепью, завертелся вокруг своего колышка, завилял обрубленным хвостом, словно спешил сообщить какую-то новость.

— Чему радуешься? — неласково буркнул Ханов.

Пес тявкнул и рванулся в сторону дома.

И тут только Ханов увидел, что в доме освещены окна.

«Наверно, мама пришла. Пожалела», — подумал он и вошел в дом.

— Мама, это ты?

Никто не ответил.

Снимая в коридоре туфли и надевая шлепанцы, Ханов еще раз спросил:

— Мама! Почему ты не откликаешься? Все еще сердисься?

Дверь из кухни открылась. И Ханов вскрикнул от неожиданности.

Молча смотрела на него Шекер своими черными, печальными глазами. Он не смог выдержать этого взгляда и рванулся к жене.

— Шекер, родная, вернулась...

Шекер обняла мужа и, уткнувшись ему в грудь, горько заплакала, всхлипывая, как малый ребенок.

XXX

Мухаммед Карлыев вышел из машины у дома Тойли Мергена. Тот лежал на краешке топчана возле веранды и, дымя сигаретой, грелся на солнышке.

— Здравствуйте, Тойли-ага!

— А, Мухаммед, это ты? Здравствуй! Заходи! — Тойли Мерген выбросил сигарету и протянул руку. — Как жизнь, как настроение?

— Наше настроение зависит от ваших успехов, Тойли-ага. Вижу, вы сегодня невеселы. Что у вас?

— Заботы, Мухаммед, заботы,— глубоко вздохнул Тойли Мерген.

— Что случилось?

— Ты же знаешь, что наша невестка — хирург?

— Знаю.

— Ведь я предупреждал ее, что будет трудно. Понимаешь, решила устроить в нашей больнице хирургическое отделение, вернее, одну палату...

— И об этом знаю.

— А теперь из Ашхабада приехал ее наставник. Зовут его Байры Оразов. Слышал о таком?

— Слышал. Человек он известный.

— Ну так вот. Этот известный человек и моя невестка уже полтора часа режут Гайли Кособокого.

— Что с ним? Он вроде бы был здоровым человеком?

— Какое здоровье устоит перед водкой, Мухаммед? А он давно знает ее вкус. И вот сегодня лежит на операционном столе. Боюсь, как бы не стряслась беда. Сульгун ничего такого, правда, не говорила. А люди поговаривают, будто у него рак.

— Не надо верить слухам.

— Хорошо, если все обойдется, а то ведь... Случись что-нибудь, непременно скажут, что операцию делала Мергенова невестка. Есть еще у нас такие, как Аймурадов.— Тойли Мерген не скрывал своих переживаний.— Им ведь не человека жалко, им бы только языки чесать.

— Папа! — крикнул Аман, выбежав на веранду.— Звонили из больницы. Операция прошла благополучно. У него были какие-то спайки. Здравствуйте, товарищ Карлыев!

— Здравствуй, Аман!

— Хорошо, если так! — Тойли Мерген глубоко вздохнул, словно с него свалился тяжкий груз, и вытер вспотевший лоб.— Ну, Мухаммед, пошли в дом.

— Нет, Тойли-ага, спешу.

— Теперь непременно надо посидеть,— приветливо заговорил повеселевший от хорошей вести бригадир.— Аман, ты что стоишь, разинув рот? Режь вон ту овцу!

— Из-за меня не режьте овцу, Тойли-ага. Ведь я к вам по делу. И сам тороплюсь, потому что завтра вечером должен ехать в Ашхабад. Вызывают в Центральный Комитет. В «Известиях» напечатана большая статья о Каракумском канале. Будут ее обсуждать. Мне придется выступать. А ведь еще надо подготовиться.

— Снова, значит, будет разговор о коллекторах?

— Конечно. А вы, Тойли-ага, должны лететь в Афганистан.

— В Афганистан?

— Да. Летит правительственная делегация с дружественным визитом. Вы будете представителем от Туркмении.

— Вот так-так!..

— Вы что же, недовольны?

— Речь не о том... У нас есть люди и подстойнее.

— Достойных много, но вас предпочли другим, — улыбнулся Карлыев. — Раздумывать некогда. Надо готовиться. Нарядитесь, повесьте награды, Золотую Звезду. Пусть афганские друзья знают, кто такой Тойли Мерген!

— Интересно получается. — Тойли Мерген явно не мог прийти в себя.

— А что, собственно, удивительного? — сказал секретарь райкома. — Обычное дело.

— Ну ладно... Когда и откуда лететь?

— Из нашего аэропорта. Завтра в восемь утра придет самолет из Ашхабада. На нем долетите до Ташкента. Там присоединитесь к делегации, прибывшей из Москвы, и полетите в Кабул. Вздремнуть не успеете, как окажетесь на месте. Теперь ведь не так, как во времена Махтумкули. Тогда караван целый месяц добирался... Я приеду проводить вас.

— А пока что выпей хоть пиалушку чаю.

— Правда некогда, Тойли-ага.

Аман привез отца в аэропорт примерно за час до отлета. В новеньком помещении аэровокзала было много людей.

— Папа, у тебя есть сигареты?

Тойли Мерген пощупал карманы.

— Нет, сынок, забыл дома. Хорошо, что ты напомнил. Зайдем в буфет, возьмем несколько пачек, чтобы хватило на дорогу.

В буфете Аман купил сигареты и кивнул на бутылку шампанского, которую держала в руках симпатичная молодая буфетчица.

— Папа! Может быть, и мы по бокалу?

Тойли Мергену не хотелось вина, но обижать сына тоже не хотелось.

— Не возражаю!

Довольный Аман поднял бокал.

— Счастливого пути, папа!

— Спасибо, сынок!

— Может, повторим, а?

— Хватит. Если часто повторять, и хорошая штука утратит свою прелесть.

— Постой, папа! Я хочу выпить второй бокал за твой успех.

— Нет, сынок. Пока еще рановато пить за мои успехи. Здесь что-то душно. Давай выйдем.

Отец и сын вышли на площадку перед вокзалом. Было свежо. С севера дул влажный прохладный ветерок.

Тойли Мерген подставил грудь ветру.

— До чего же хорошо дышится! Не жарко и не холодно. Вот бы всегда так!

— Если всегда будет стоять прохладная погода, никогда не созреют дыни и арбузы.

— И то верно... Но я о другом подумал. Вот так же, как этот благодатный ветерок, ворвались в нашу жизнь молодые, свежие силы. И нам стало поистине легче дышать.

— Не о Карлыеве ли ты говоришь, папа?

— Да, сынок. Я говорю об этом человеке. И таких людей, слава богу, становится все больше.

Прохаживаясь взад-вперед по площадке, они не заметили, как к ним подошел Мухаммед Карлыев.

— О чем это вы так увлеченно беседуете, что знакомых не замечаете?

— Стоит ли говорить тебе? — хитро прищурился Тойли Мерген.

— Конечно, стоит.

— Вот мы ходим с Аманом и похваливаем свежий ветерок, а заодно и некоторых людей, от дружбы с которыми тоже легче дышится.

— Ах, вот оно что, — неопределенно протянул Карлыев и почему-то немного смутился.

В это время совершил посадку прилетевший из Ашхабада самолет.

Карлыев внимательно оглядел Тойли Мергена. Каким же молодцом выглядел этот удивительный старик. Черный костюм, белоснежная рубашка, модные туфли, шапка из золотистого сура и даже однотонный галстук с блестящей ниткой. Воротник светлого расстегнутого макинтоша чуть приподнят.

- Все прекрасно, Тойли-ага. Но где же награды?
- Не надел, Мухаммед, — виновато улыбнулся Тойли Мерген.
- Почему?
- По правде говоря, постеснялся.
- Ну, хотя бы Звезду надели. Станный вы человек, Тойли-ага.
- Уж какой есть, Мухаммед.
- Да, кстати, сейчас встретил Ханова. Из-за него-то немного и задержался, а хотел приехать пораньше. Я ведь толком так и не видел нового аэровокзала.
- А что Ханов, — спросил Тойли Мерген, — еще не работает?
- Да вот собирается в совхоз.
- Давайте прощаться, — напомнил Аман. — Уже почти все пассажиры прошли.
- Отец с сыном крепко обнялись.
- До свидания, Мухаммед.
- Карлыев пожал протянутую руку.
- Доброго вам пути, Тойли-ага.

ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

ПРИГЛАШЕНИЕ

Повесть

Камень лежит в пыли у развилки дорог. На его пористой, исхлестанной дождями и ветрами поверхности видны рубцы — следы былой надписи. Время стерло ее. Но люди помнят, что там было написано. Память человека крепче, чем память камня.

I

Шах подошел к окну и долго стоял в молчании, опершись на резную решетку и ощущая ладонями прохладу металла.

Ему видны были чистые дорожки сада, бело-розовые, в цветении, деревья и горы вдаль — с резко изломанными вершинами, еще покрытыми снегом.

За окном буйствовала весна. Ее пьянящие запахи долетали до правителя, но впервые за много лет не волновали его.

Прежде его белый шатер с зеленым флагом уже давно стоял бы где-нибудь в горном ущелье или среди бирюзовых нив и подданные шаха наперебой расхваливали бы его твердую руку и верный глаз. Но сегодня иные заботы одолевали повелителя. Он не выходил из своей резиденции и принимал только главного визиря и гонцов, разосланных по всей стране. Лишь один вопрос задавал он каждому, кто не умел лстивыми обещаниями скрыть правду. Шах был страшен во гневе.

В саду гомонили птицы, жужжали пчелы. Раньше эти звуки радовали шаха, теперь только раздражали. Он отвернулся от окна, медленно подошел к трону, тяжело опустился, поерзал, устраиваясь поудобнее. Откинулся назад, прикрыл глаза. Что делать? Что же делать? Как заставить эти ничтожества беспрекословно подчиняться воле шаха?

Пришло время смут и неповиновений. Только жестокость, только кровь может снова вернуть порядок.

Позолоченный посох с крупным жемчугом в рукояти ударил об пол. Гулким эхом прокатился звук по пустой комнате. Сразу же неслышно распахнулись двери, и в проеме замер главный визирь. Шах сделал знак рукой. Не разгибаясь, тот прошелестел халатом, приближаясь к владыке.

— Сколько скота прислали из Дуруна?

Визирь поднял на шаха заплывшие глаза, в которых прятались лезть и трусость:

— Десять тысяч, мой шах.

Взгляд у шаха стал еще пронзительнее. Он словно бы проникал сквозь череп и читал мысли. Визирю стало не по себе.

Шах молчал, не отводя от него взгляда. Наконец спросил негромко, но с угрозой:

— А где остальные двадцать тысяч?

Визирь знал, что прятать глаза нельзя. Но кто мог выдержать такой поединок?

— Неизвестно, мой шах.

Посох ударил в пол, возвещая о том, что повелитель гневается.

Визирь вскинул на него глаза, готовый умереть, если прикажут.

— Послать туда тысячу всадников! Огнем и мечом, только огнем и мечом мы будем карать непослушных!

У визиря отлегло от сердца. На этот раз гнев пал не на него.

— Сколько верблюдов с пшеницей пришло из Мерва?

— Триста, мой шах.

— Почему не тысяча, как мы повелевали?

— Прошлой весной в Мургабе не было воды.

И снова эхом прокатился по комнате стук посоха.

Визирь внутренне содрогнулся, запоздало поняв, что не следовало защищать и оправдывать мургабских туркмен.

Но шаху было не до него. Одна-единственная мысль владела им сейчас. Он уже видел, как пылают кибитки, как трещат, взметая к небу искры, высохшие на солнце строения. И он снова спросил с жутковатой дрожью в голосе:

— А сколько получено ковров?

Визирь не решился ответить сразу. Как вслух назвать ничтожную цифру?

Шах побагровел.

— Разве я не тебя спрашиваю?

— Всего... десять, — прошептал визирь, но слова его в тишине прозвучали как гром.

Шах вскочил, но не ударил, не пнул своего визиря. Он стремительно, так, что визирь ощутил на разгоряченном лице дуновение ветерка, прошел мимо и остановился у окна. Тень его, обрамленная затейливым рисунком оконной решетки, легла возле трона, и визирь с испугом смотрел на нее: даже тень шаха не должна лежать у ног подчиненных.

Успокоившись, повелитель вернулся на свое место.

— Что должны прислать из Машата?

— Баранов и шерсть, мой шах.

— Ну?

— Шерсть доставлена полностью, — обрадованно доложил визирь.

— Но ты сказал: и баранов...

Нет, не удалось умиловить шаха.

— Передали, что решили подкормить ягнят, чтобы пригнать осенью жирными.

Кривая усмешка промелькнула на лице шаха.

— Они решили... Но почему решают они, а не мы? До осени еще далеко — сейчас только весна. Они решили... Позор! В государстве нет порядка! Но я им покажу!

Визирь снова переломился в поклоне, выражая свое полное согласие и повиновение.

— Какие вести из Атрека?

О аллах, когда кончится эта мука? Скорей бы покинуть это страшное помещение! Подвернись тогда кто-нибудь под руку визирю!..

— Мы ждем оттуда лошадей. — Голос шаха суров. — Много лошадей — это большое войско. А мы должны заботиться о мощи государства.

Считая, что сказал достаточно, шах выжидательно посмотрел на визиря. Он встретил восторженный взгляд и самодовольно подумал: «Наша мудрость безгранична — всего несколько слов, а с каким упоением восприняты они!»

Если бы он был чуть проницательнее, то заметил бы в глубине этих преданных глаз смятение.

— Мой повелитель, нужна ваша железная рука, чтобы заставить гокленов¹ подчиниться.

Шах вскинул брови.

— Что, и там тоже?

¹ Гоклены — одно из туркменских племен.

— Они ответили, что не дадут ни лошадей, ни ослов.— Визирь говорил быстро, стараясь пройти через самое тяжелое.— Они издевались над нашим векилем¹, обрезали ему усы и бороду, посадили задом наперед на старого, облезлого ишака и проводили смехом и непристойными криками.

Шея повелителя налилась кровью, вены вздулись, глаза стали страшными.

— Кто? Кто мутит их? Говори, или я...

Было самое время направить гнев шаха в сторону от собственной судьбы.

— Поэт Фраги², мой шах.

Шах был поражен.

— Как?! Поэты пошли против повелителей? Кто он такой, этот Фраги?

— Так называет себя Махтумкули, мой шах.

Вот оно что!.. Этот выкормыш старого моллы Давлет-мамед³ опять сеет смуту в народе. Паршивый писака возмнил себя умнее своего правителя.

— Настрочил что-нибудь новое?

Визирь потупил взгляд.

— Мой повелитель, язык не поворачивается передать вам его слова.

Снова злая усмешка исказила лицо шаха.

— Блеяние овцы не может принести нам вреда. Говори.

— Это скорее вой шакала,— подобострастно улыбнулся визирь.

— Все равно. Я готов слушать.

Визирь ударил в ладоши.

Сигнала ждали. Дверь распахнулась бесшумно, и вошел писарь. Его острая бороденка, казалось, готова была проткнуть бумагу, которую он внес.

Изобразив на лице гадливость, визирь принял бумагу, кивком головы отпустил писаря и, когда дверь закрылась за ним, сказал:

— Я не решаюсь омрачить ваш слух чтением этих презренных стихов.

Шах протянул руку:

— Хорошо, я сам.

Он читал долго. И не потому, что стихотворение было

¹ Векил — посланник шаха, начальник отряда сборщиков податей.

² Фраги — разлученный, так подписывал свои стихи Махтумкули.

³ Азади Давлетмамед (1700—1760) — туркменский поэт и ученый.

очень длинным,— остановив взгляд на строчках, шах думал.

Скомканный лист бумаги полетел на пол. Визирь не осмелился поднять.

Тишину прервал ставший вдруг спокойным голос шаха:

— Он пишет, что нашего престола не останется и в помине, что мы умрем, обуянные гордыней.

Шах посмотрел в окно. Стало слышно, как жужжат пчелы в саду.

— Что говорят про него?

Визирь понял, что требуется.

— Верные люди говорят, что Махтумкули призывает все туркменские племена объединиться.

Шах повернулся к нему:

— Против кого?

— После того, что произошло, это совершенно ясно, мой повелитель.

Шах согласно кивнул головой.

— Да, это опасный человек. Если двинуть туда наше войско...

— Туркмены могут взбунтоваться,— осторожно вставил визирь.— У них очень неспокойно. Вспыхнет война, и, если она затянется, государство окажется в тяжелом положении.

Шах знал, что это так, и промолчал.

— К тому же я получил донесение, что Махтумкули недавно переплыл на ту сторону Бахры-Хазара¹ и в Астрахани вел какие-то переговоры с русскими.

Шах подскочил к визирю и вцепился костлявыми пальцами в полы халата. Близко, очень близко увидел визирь бешеные, безжалостные глаза повелителя. И жутко стало ему.

Но пальцы разжались.

— Почему не доложил сразу?

— Только что стало известно, мой шах,— выдохнул визирь.

Кажется, и на этот раз пронесло.

— Что будем делать?

Ответ давно был готов у визиря:

— Надо захватить поэта.

И опять глаза повелителя впились в его лицо.

— Как это сделать?

Теперь все страхи остались позади. Визирь в меру распрямился и сказал почти уверенно:

¹ Бахры-Хазар — так называли Каспийское море.

— От хорошего охотника никакая добыча не уйдет. Мы пошлем к Махтумкули надежного человека, и он вручит ему приглашение. Приглашение к вам, мой повелитель. Вот такое.

Рука шаха жадно схватила листок. Витиеватые строчки извещали любимого поэта туркмен, что его величество шах ждет Махтумкули в своем дворце, ждет как дорогого гостя, и что, если поэт пожелает, он может навсегда остаться здесь, чтобы в спокойной обстановке, вдали от житейской суеты, слагать свои прекрасные стихи.

— Согласится? — сощурился шах.

Визирь осмелился снисходительно улыбнуться.

— Я недаром говорил об охотнике. Надо подобрать такого, который не упустит дичь.

— Кого предлагаешь?

Визирь помедлил, предвкушая впечатление, которое произведет.

— Шатырбека.

Шах откинулся на спинку трона и тихо засмеялся.

II

Было еще темно, когда северо-западные ворота столицы неслышно приоткрылись и выпустили шестнадцать всадников. Ночь поглотила их.

Шатырбеку не впервые было пускаться в рискованное путешествие. Его видели в Дамаске и Хиве, на перевалах Гиндукуша и на караванных тропах Деште-Кевира. Он говорил на многих языках и выдавал себя то за перса, то за туркмена, то за узбека или араба. Никто не знал, чем он занимается, на какие средства живет. А деньги у него водились. Исчезнув на несколько месяцев, а то и на год, Шатырбек вдруг вновь появлялся на шумном столичном базаре, и тогда любители погулять на чужой счет твердо знали: начинается веселая жизнь. Денег Шатырбек не жалел и ночи напролет проводил в душных мейханах¹, щедро угощая случайных знакомых и вдвое переплачивая за вино и кебаб, если они приходились по вкусу.

Поговаривали, что Шатырбек выполняет особые поручения самого Надир-шаха, что он не раздумывая может всадить в человека нож или выкрасть секретный документ. Но точно никто ничего не знал, так как сам Шатырбек умел держать язык за зубами. Даже вино не делало его болтливым.

¹ Мейхана — питьевое заведение.

После того как был убит бывший шах, для Шатырбека наступили мрачные дни. Про него словно забыли, новых поручений он не получал, а деньги, как известно, даром не дает никто, тем более шахская казна. И сразу запропастились куда-то многочисленные друзья. И любовницы всегда оказывались занятыми и не могли уделить ему времени.

Только кое-кто из мейханщиков¹, лелеявших надежду когда-нибудь получить с него втройне, еще жаловали Шатырбека своим вниманием. И он, сидя за пиалой вина на потрепанном ковре, обещал им:

— Подождите, еще взойдет моя звезда. Без таких, как я, ни один правитель не засиживался на троне. Сами позовут.

И он не ошибся.

Знакомый мейханщик угощал его пити² с горохом и виноградным вином, когда на улице послышался топот коней, звон металла и в мейхану, расталкивая любопытных, вошел есаул шаха. Поморщившись от смрада, которым была наполнена комната, он разглядел Шатырбека, подошел к нему и, наклонившись, зашептал:

— Мой бек, мы сбились с ног, разыскивая вас.

— А что такое? — спросил Шатырбек, еще не подозревая, что Хумай³ — птица его счастья — снова возвратилась к нему.

Есаул оглянулся и еще тише сказал:

— Вас зовет главный визирь шаха.

Шатырбек преобразился. Только что в мейхане сидел старый, уставший человек, а теперь все увидели бравого, готового на любое, самое отчаянное дело вояку. Орлиным цепким взглядом обвел он присутствующих, легко, но в то же время важно, с достоинством поднялся и, кивнув изумленному мейханщику, вышел впереди есаула.

Встреча Шатырбека с главным визирем состоялась в одной из тайных комнат дворца. Гость был встречен с почестями. Красное вино, сладости, фрукты — все говорило о том, что в его услугах нуждаются. «Не продешевить бы», — подумал Шатырбек. Не спеша выпил он налитое ему ино, бросил в рот горсть сахаристого кишмиша, стал словно нехотя жевать.

¹ Мейханщик — содержатель питейного заведения.

² Пити — острый суп из баранины с особым сортом гороха — лахут.

³ Хумай — сказочная птица счастья.

Визирь хотел было налить ему еще, но Шатырбек жестом остановил его.

— Вино превосходно, — улыбнулся он, — но ведь не для того вы меня позвали, чтобы только угощать вином. Я человек дела. Вы тоже. Так давайте и перейдем к делу. А уж потом, когда обо всем договоримся, можно будет допить это чудесное вино.

Визирь давно знал Шатырбека и не стал церемониться.

— К делу так к делу, — согласился он. — Поручение таково. Надо съездить в Атрек и передать письмо.

Шатырбек тоже хорошо знал визиря и не удивился, что именно ему дают такое пустячное поручение. Он молча взял письмо и прочел. Ему приходилось бывать в тех краях, и теперь бек начал понимать, в чем дело. Махтумкули не такой человек, чтобы бежать сломя голову по первому зову шаха.

Визирь словно прочитал его мысли.

— Если поэт согласится ехать, то от вас больше ничего не потребуется, — пояснил он. — А если откажется... Ну, тогда придется помочь ему. Свяжете и привезете во дворец. Но чтоб было тихо. Понятно?

Как было не понять? Только удастся ли дело? Легче пробраться в спальню хивинского хана или поджечь дворец турецкого султана, чем выкрасть поэта, который постоянно находится среди людей. Один неосторожный шаг — и Шатырбеку уже не придется ухаживать за своей роскошной бородой. Гоклены — народ горячий. Не только с бородой — с головой можно расстаться.

Было о чем подумать.

Молчали оба. Визирь вспоминал свой утренний разговор с шахом. «Богат ли он, этот Шатырбек? — спросил повелитель. — Говорят, ему щедро платили...»

Это был коварный вопрос. Расплачиваться с тайным посланником будет главный визирь, и шах наверняка знал, что далеко не вся сумма попадет Шатырбеку. А шах очень хотел, чтобы его поручение было выполнено хорошо.

«Конечно, — с видимым равнодушием согласился визирь, — Шатырбек редко бывал не у дел. Но теперь он не так молод и проворен, в будущем ему вряд ли удастся пополнить свое состояние».

Шах пожевал губами, сказал:

«Я думаю, что, кроме суммы, о которой мы договорились, Шатырбеку можно подарить и ту луполицкую, которую купили в Ширазе».

Визирь вздрогнул, и шах заметил это.

«Если, конечно, он сделает все, как надо,— продолжал шах.— Что ты на это скажешь?»

«Воля шаха — закон,— голос визиря дрогнул,— но я полагал, что моя преданность вам, мои скромные заслуги позволяют мне надеяться...»

Он не решился договорить.

Шах усмехнулся недобро.

«Конечно, мой верный слуга, конечно. Ты достоин, чтобы этот цветок принадлежал тебе. Только... Ведь он цветет на моей земле, и я вправе первым насладиться его благоуханием...»

Визирь скрипнул зубами, вспомнив эти слова.

Шатырбек встревоженно глянул на него.

— Я готов сделать все, что в моих силах, дабы выполнить это поручение,— поспешно произнес он.— Я готов умереть за моего шаха.

— Мы не сомневались в этом.— Визирь усмехнулся, подражая шаху.— Только я вижу, как изменился, как постарел бек. В те времена, когда под видом дервишей¹ пришли мы с тобой в Хиву, а потом, подкупив ханскую стражу...

— Э, зачем вспоминать? — перебил его Шатырбек.— Не сосчитать, сколько раз луна появлялась на небе с той ночи. А время серебрит бороду. У тебя ведь она тоже была бы белой, не будь такого верного средства, как хна.

— Все мы во власти аллаха. Никому не суждено оставаться вечно молодым. А ведь только в молодости человек способен делать такие дела, о которых в старости и думать не может.

Шатырбек нахмурился.

— Я сказал, что сделаю все. Я доставлю сюда этого поэта. Только в молодости это обошлось бы дешевле.

— Да, да,— засуетился визирь,— нам следует договориться о вознаграждении. Вообще-то, Шатырбек, ты преувеличиваешь опасность предстоящей поездки. Конь у тебя будет добрый, дорога не очень дальняя... К тому же Махтумкули, я уверен, примет приглашение самого падишаха.

— А если не примет? Мы оба знаем туркмен.

Визирь согласно кивнул, прикрыв на секунду глаза. Не спеша наклонился, с трудом подтянул к себе обитую железом шкатулку. Любовно вытер крышку рукавом халата. И только после этого достал ключ на ремennom плетеном шнурке и

¹ Дервиш — мусульманский странствующий монах-аскет, пищий.

открыл шкатулку. Ему хотелось проследить за взглядом Шатырбека, насладиться впечатлением, которое вызовет у гостя золото, но сам не смог отвести глаз от тускло сверкающих желтых кружочков. Наконец визирь заставил себя захлопнуть шкатулку. Он увидел искаженное жадностью лицо Шатырбека, его сверкающие глаза и понял, что своего добился.

— Все это будет твоим, когда вернешься с поэтом, — сказал визирь и щелкнул замком. — Хочешь, можешь даже забрать ключ. На, бери.

Плетеный шнурок заплясал в дрожащей руке Шатырбека.

Визирь положил ему на колено руку и доверительно сказал:

— И еще одна приятная новость: я выпросил для тебя у шаха самого лучшего коня, того самого, на котором он недавно проезжал по городу. Гнедой, с белыми передними ногами, — видел, конечно?

Шатырбек поймал руку, которую визирь снял было с его колена, и пожал нежно и преданно.

...И вот теперь гнедой легко мчался по пыльной дороге, и все пятнадцать сарбазов¹ скакали далеко позади, остервенело стегая своих скакунов.

«Они рождены для того, чтобы глотать пыль из-под копыт моего коня, — злорадно думал Шатырбек. — А мне аллах дал крылья».

Он спешил. И не только потому, что ему не терпелось получить заветную шкатулку, — впереди стояла крепость Сервиль, в которой Шатырбеку уже довелось побывать когда-то. Мейхана там не уступала лучшим столичным, а старая Рейхан-ханум, если еще жива, сумеет выбрать ему подходящую девушку. Денег, которые дал ему на дорогу визирь, вполне хватит, чтобы вдоволь повеселиться.

Но у самых ворот крепости Шатырбек передумал. «Нет, — решил он, — сначала дело, потом все остальное. У меня еще будет время для вина и девочек. А сейчас короткий отдых — и в путь».

Старый повар мейханы Гулам сразу узнал Шатырбека.

— О, какой гость! — радостно улыбаясь, воскликнул он. — Вы совсем забыли дорогу к нам, бек. Разве я плохо готовлю? Или постели у нас не такие мягкие, как в столице?

¹ Сарбаз — воин, боец.

Шатырбек соскочил с коня, бросил поводья подоспевшему сарбазу.

— Здравствуй, Гулам, здравствуй! Зря ты так говоришь. Видишь, нашел дорогу — значит не забыл. А что касается жареной курицы, которую только ты можешь сделать удивительно вкусной, то я к твоим услугам.

— Проходи, проходи, дорогой Шатырбек. — Старый Гулам распахнул перед ним дверь в мейхану. — Садись отдыхай, сейчас ты получишь все, что желаешь. Я только скажу, чтобы приготовили постель.

— Не волнуйся, Гулам, постель не потребуется. Мы только подкрепимся. Позаботься лучше, чтобы хорошенько накормили коней. И сарбазов тоже, конечно.

Гулам, шаркая подошвами, вышел, а Шатырбек устало растянулся на ковре. Да, в молодости такие поездки давались куда легче. Закрыв глаза, он стал вспоминать, как однажды скакал день и ночь по дороге в Дамаск, чтобы успеть вовремя убрать одного неугодного шаху человека. В нескольких часах езды от города конь, выбившись из сил, упал, и Шатырбек весь день плелся под знойными лучами солнца. Он увидел далеко впереди караван, стал махать руками, кричать...

— Что с вами? — услышал Шатырбек.

Он открыл глаза. Гулам склонился над ним.

— Вы так стонали, бек, что я испугался, — сказал он, улыбаясь. — Пока вы спали, я приготовил курицу — так, как вы любите. Вставайте, я полью вам на руки. Умойтесь с дороги и поешьте.

Пока Шатырбек жадно ел, Гулам молча смотрел на него, пытаясь догадаться, какие недобрые дела погнали этого коварного человека в путь. В том, что Шатырбек способен лишь на недоброе, старый повар не сомневался. Но вот куда и зачем едет он?..

Наконец Шатырбек, сытно рыгнув, отодвинул от себя тарелку. Теперь можно было задать вопрос.

— Э-э, Гулам, — сказал Шатырбек, усмехаясь, — послушай моего совета: никогда не старайся знать больше того, что тебе требуется. И тогда ты спокойно проживешь еще два раза по столько, сколько прожил. Чужие тайны никому не приносили добра. Уж я-то знаю, поверь мне. А сейчас сходи и скажи, чтобы сарбазы седлали коней. Да пусть потопятся, мы и так задержались!

Когда Шатырбек тяжело поднялся в седло, Гулам вспомнил:

— Что же вы, бек, не заглянули к своему старому другу Рейхан-ханум? Она спрашивала о вас.

Губы Шатырбека тронула скабрезная улыбка.

— Передай ей наш привет. Скажи: почтим ее на обратном пути.

— А скоро обратно? — спросил Гулам.

Шатырбек кольнул его взглядом, молча натянул поводья и стегнул коня. Гнедой взвился на дыбы и с места перешел в галоп. Комья сухой земли полетели в лицо старому повару. Пока он смахивал пыль, все шестнадцать всадников скрылись.

— Кто это, отец? — услышал он голос дочери.

Оглянувшись, Гулам увидел испуганные глаза, дрожащие губы. Ему стало жаль дочь. Он нежно обнял ее за плечи и повел к дому.

— Его зовут Шатырбек, — сказал он. — На всякий случай запомни это имя, Хамидэ. Если услышишь его, знай — кому-то грозит беда. Не приведи аллах, чтобы он встал на нашем пути, дочка.

— Он обидел тебя, отец?

— Ну что ты, зачем ему нужен какой-то повар? Шатырбек имеет дело с большими людьми. Не волнуйся. Просто он очень спешит.

— Куда? — Хамидэ заглянула в слезящиеся глаза отца.

Гулам закашлялся, пыль, поднятая конями сарбазов, попала ему в горло. Вытер ладонью усы и бороду, сказал задумчиво:

— Ты же знаешь, что отсюда идут только две дороги: по одной он приехал, другая ведет к туркменам.

— А что ему нужно у туркмен?

Старик погладил дочь по черным блестящим волосам.

— Не знаю, что именно, но с добром он еще никогда пикуда не ездил. Боюсь, не причинил бы он вреда кому-нибудь из моих друзей.

У Хамидэ удивленно взлетели брови

— Разве у тебя есть друзья среди туркмен?

Гулам помолчал, потом, решившись, сказал:

— Сходи позови Джавата. Я хочу поговорить с вами.

В своей комнате Гулам тяжело опустился на кошму, устало прикрыл глаза, ожидая, пока придут дети.

Нужно было бы давно рассказать им все о себе. Впереди у них длинная жизнь, всякое доведется испытать, а всегда ли они смогут отличить истинного друга в толпе обманщиков, вымогателей, подлецов, которыми кишит земля?

Джават и Хамидэ молча сели рядом, выжидательно глядя на отца.

— Я уже стар, а вам еще жить да жить, — сказал Гулам, любясь детьми. — И когда призовет меня аллах, я хотел бы твердо знать, что вы проживете свою жизнь честно.

Джават сделал протестующий жест. Отец понял его и улыбнулся.

— Нет, я еще, слава аллаху, чувствую себя хорошо, это я так, к слову. Просто сегодня мне вдруг захотелось вспомнить свою юность, и я подумал: наверное, и детям будет интересно узнать, как я жил, что испытал...

— Ну конечно, отец! — сверкнула глазами Хамидэ. — Расскажи.

А Джават только поерзал, усаживаясь поудобнее.

— Когда мне было столько лет, сколько тебе, сынок, я жил в Истихане. Вы же знаете, что с детства я рос сиротой и мне, прямо скажу, приходилось туго. Я жил в старом, заброшенном сарае и, чтобы не умереть с голоду, выполнял любую работу. Однажды меня взяли помощником каменщика на строительство дома. Этот каменщик был уже не молод, и, хотя его мастерству мог позавидовать любой строитель, жил он бедно, едва ли лучше, чем я. И была у него единственная дочь. Сказать, что она была красавицей, значит ничего не сказать. Ее отец привязался ко мне, я часто бывал у них дома и подружился с Фирюзе. Мы полюбили друг друга.

— Ты рассказываешь о нашей маме, отец? — спросила Хамидэ.

— Ну конечно, о ком же еще? — Гулам улыбнулся, заметив, как потеплел взгляд дочери. — И она, и я были уверены, что старый каменщик даст свое согласие и мы вместе будем бороться с превратностями судьбы. Ведь в конце концов и бедность не так страшна, если рядом любимый человек. Любовь дает человеку силы, а сильный может горы своротить. — Гулам вздохнул. — Так мы думали, но судьба готовила нам иное. Уж слишком красивой была моя Фирюзе. А это для бедной девушки не достоинство, а несчастье. Пригласилась она одному визирю, который в жестокости и распутстве не уступал самому шаху. Целая свора старух состояла у него на службе. Они бродили по селениям, и, если отыскивали красавицу, визирь щедро вознаграждал их. И уж этой девушке не миновать гарема. Не удавалось купить ее за деньги — визирь посылал своих молодчиков, и они силой приводили к нему избранницу. А потом, когда де-

вущка надоедала визирю, ее попросту выбрасывали на улицу. Он и сейчас жив, этот негодяй, только он теперь не простой, а главный визирь у шаха... Да, так вот однажды весенним вечером пришел я к старому мастеру и застал Фирюзе в слезах. Не понимая, что произошло, я бросился к ней, поднял ее, заглянул в глаза... О, мне никогда не забыть этих глаз, дети мои! Столько было в них отчаяния, мольбы, что я потерял дар речи. Наконец я спросил: «Что случилось, любимая?» — «Все пропало, Гулам, — сквозь слезы ответила она. — Только что приходила какая-то старуха, сначала разглядывала меня, словно лошадь на базаре, а потом сказала...» Рыдания мешали Фирюзе говорить. Кое-как мне удалось узнать, что эта старуха пришла сказать, что визирь удостоил девушку вниманием и изъявил желание взять ее в жены. Мою Фирюзе — в жены визирю! Я до сих пор не понимаю, почему я не умер тогда, как мое сердце смогло вынести такую весть... Наверное, вид у меня был совсем убитый, и это придало Фирюзе сил. Она крепко взяла меня за руки и сказала: «У нас один выход, Гуламджан. Надо бежать. Куда угодно, с тобой я не боюсь ничего. Бежим!» Я все еще не мог прийти в себя и, как эхо, повторял за ней: «Бежим, бежим...» Но это легко сказать — бежим. А куда бежать? Визирь всесилен, от него не скроешься. Да и далеко ли уйдешь пешком? Коня-то у нас не было... Но Фирюзе уже взяла себя в руки и быстро нашла выход: «Пойди к соседям, скажи, что надо срочно съездить по важному делу, они дадут коня». Я пошел, хотя не был уверен в этом. Соседи жили зажиточно, добром делились неохотно. Но, видно, сам аллах помогал нам в этот день. Сосед вывел коня и предупредил: «Смотрите не загоните». Если б он знал, для чего нам нужен его гнедой!.. Старый мастер работал далеко от дома и не пришел ночевать. Мы не могли ждать его. Да и чем бы он помог нам?.. Утро застало нас далеко от родного города. Вскоре встретилось на нашем пути селение. Не раздумывая, мы обратились к первому встречному. И снова удача сопутствовала нам: это был молла Давлетмамед, человек душевный и чуткий. Он приютил нас у себя.

— А как же визирь? — спросила Хамидэ.

— Визирь?.. Страшный гнев охватил его. Он приказал хоть под землей найти беглецов и доставить к нему. Попадись мы тогда в его руки, несдобровать бы нам... Но туркменские друзья не выдали нас. Когда через неделю гонцы визиря напали на наш след и приехали на Атрек, молла Давлетмамед сказал им: «Мы не знаем никаких беглецов.

У нас есть гости, а гость для туркмена — самый дорогой человек. Уезжайте, если не хотите поссориться с нами». Они и уехали. А молла Давлетмамед, да продлит аллах дни его, поговорил с соседями, и они сообща устроили той. Так мы с Фирюзе стали мужем и женой. И ты, Джалат, и ты, Хамидэ, родились на туркменской земле.

— И мама там умерла? — тихо спросила Хамидэ.

Лицо Гулама помрачнело.

— Да, там, — глухо сказал он.

С улицы донесся конский топот, и девушка, вздрогнув, испуганно посмотрела в окно. Каждый подумал о тех шестнадцати всадниках, которые скакали сейчас на взмыленных конях неизвестно куда.

III

По аулу неторопливо шел старый чабан. Время от времени он кричал протяжно:

— Эй, выгоняйте скот!

И люди открывали загоны.

Занималось утро. Еще нежаркое солнце поднималось за цветущими садами, на какое-то мгновение отразилось в спокойной воде Атрека, и река засверкала золотом и серебром. Девушки с медными кувшинами, пришедшие на берег за водой, застыли, изумленные утренней красотой родной земли, а потом засмеялись звонко и радостно, защебетали, словно птицы.

На глиняном откосе парень остановил коня и залюбовался девушками. Конь под ним нетерпеливо бил копытом землю, звенел удилами, косил большим черным глазом на хозяина: хотел пить, а его не пускали к близкой реке.

Девушки заметили парня, стыдливо прикрыли платками лица, отвернулись. Тогда он ослабил поводья и ударил в мягкие бока лошади голыми пятками. Потом долго, пока конь, войдя в воду, пил, парень все оглядывался на девушек и улыбался.

— Эй, Клычли! — крикнул ему проезжавший мимо сверстник. — Смотри не ослепни!

Клычли не обиделся. Пусть себе смеется. Ведь самому ему хорошо и весело в это утро.

Но вдруг улыбка сошла с его лица.

Вверх по тропинке поднималась девушка с полным кувшином. И была она такой печальной, что у Клычли сжалось сердце. Значит, предчувствие не обмануло его, вчера. О, по-

чему он не всемогущий волшебник? Он вырвал бы Менгли из чужих жадных рук и вернул ее тому, кому она должна принадлежать по праву... Но вот она уже скрылась за ближней кибиткой, а он по-прежнему беспомощно смотрит ей вслед. Да и что может сделать он, безусый мальчишка, если даже сам молла Давлетмамед бессилён что-либо изменить...

А Махтумкули?

Клычли называет его братом, любит его, страдает за него, как родной брат. Они не братья по крови. И Клычли знает об этом. Но какое это имеет значение, если нет для него на свете человека дороже, чем Махтумкули.

Отец Клычли погиб лет десять назад, когда шахские нукеры¹ огнем и мечом обрушились на аулы приатрекской долины. Мать его угнали, и с тех пор он ничего не слышал о ней. Восьмилетнего мальчугана приютил молла Давлетмамед, давний друг его отца.

Так Клычли вошел в семью старого поэта. Он был сыт, когда были сыты все, голодал, когда всем приходилось тужить. Молла Давлетмамед обучил его грамоте. Почерк у мальчика оказался таким красивым, что сын Давлетмамеда Махтумкули стал давать ему переписывать свои стихи. О, какие это стихи! Клычли охватывал восторг, когда он читал только что созданные поэтом строки. Конечно, молла Давлетмамед тоже написал много хороших стихов, но Махтумкули превзошел отца. Может быть, это только так кажется юноше. Потому что он еще слишком молод и Махтумкули молод, а стихи старика полны спокойной мудрости, и она не находит такого горячего отклика в юном сердце, как страстные, полные внутреннего огня слова Фраги...

Ко всем братьям питал Клычли нежные чувства, но Махтумкули был самым близким. Все в нем нравилось юноше: и сердечность, и меняющееся выражение глаз — то добрых, то гневных, то мечтательных, то грустных, — и даже его одежда, хотя Махтумкули одевался так же, как и все бедняки в ауле.

Однажды в порыве чувств Клычли сказал ему:

— Я хочу быть таким, как ты, брат. Я буду таким!

Махтумкули улыбнулся, и в глазах его затеплилась нежность. Он привлек к себе юношу и сказал мягко:

— Старайся всегда быть самим собой, мой друг.

Клычли долго думал потом над этими словами и решил,

¹ Нукер — дружинник, воин личной охраны шаха или султана.

что быть самим собой для него — это любить Махтумкули, во всем помогать ему, учиться у поэта.

В семье моллы Давлетмамед дружили с книгой. Пристрастился к чтению и Клычли. Прочитал он книги, написанные самим Давлетмамедом, — его заветы «Вагзы-Азат», известные всему Ирану и Турану, стихи, переводы с арабского и персидского языков. Да, Клычли гордился своим вторым отцом. Но Махтумкули... Какое это счастье, что он стал его братом!

Еще до поездки в Хиву многие стихи Махтумкули были известны туркменам в долинах Атрека и Гургена, на побережье Бахры-Хазара. Но когда Фраги, окончив медресе, вернулся из Хивы и положил перед отцом написанные за годы учебы стихи, старый поэт прочитал их, обнял сына и сказал с дрожью в голосе:

— Я счастлив, сынок. Теперь мне можно и умереть спокойно. То, чего не смог сделать я, сделаешь ты. Мне нечему больше учить тебя, и я скажу лишь одно: верно служи своему народу, сынок, всегда будь с ним — и в радости и в беде.

Молла Давлетмамед не ошибся. Стихи Махтумкули словно бы обрели крылья. Их передавали из рук в руки, из уст в уста, их пели бахши; а влюбленные шептали их в ночной тиши.

Клычли готов был не спать ночами, переписывая эти стихи. И сколько бы раз он ни писал одну и ту же строчку, она продолжала волновать его, вызывая рой новых мыслей и чувств. «Хвала аллаху, — не уставал повторять юноша, — за то, что он свел меня с таким человеком».

В отличие от других поэтов, Махтумкули не воспевал шахов и беков, не описывал с восторгом их дворцы, не прославлял святых пери¹ — его стихи были близки и понятны, каждый простой дайханин² находил в них то, что волновало его самого.

И что особенно было дорого Клычли в Махтумкули — это то, что, став известным поэтом, он остался простым человеком, не забросил свое ремесло, доставшееся ему в наследство от деда и прадеда. В искусных руках Махтумкули бесформенный металл превращался в дорогое украшение, и многие девушки Атрека носили на своей груди гуляка³, сделанные в кузнице поэта. Но не было среди них той, кого

¹ Пери — райская дева.

² Дайханин — крестьянин, земледелец.

³ Гуляка — женское украшение.

Махтумкули мог бы назвать своей невестой. По крайней мере, так думал старый поэт. Но на этот раз он ошибся. Умея читать мысли и чувства чужих людей, молла Давлетмамед не разгадал сердечную тайну сына.

И когда случайно попало в руки стихотворение сына, раскрывшее наконец ему глаза, Давлетмамед глубоко вздохнул: «Неужели я так постарел, что не смог раньше понять душу сына?»

Он сидел в кибитке Махтумкули один, и листок, исписанный размашистой вязью, дрожал в его руке.

— «Нежная Менгли», — прошептал старик и покачал головой. — Так вот, значит, кто завладел твоим сердцем, сынок...

Он знал Менгли с самого детства. Девочка росла смышленной, трудолюбивой. Она делала любую работу, которая только была ей по силам: чесала шерсть, пряла пряжу, а к десяти годам научилась ткать ковры.

И в мектебе¹ она поражала Давлетмамеда своими способностями.

— Тебе надо было родиться мальчиком, — ласково говорил ей молла, — и тогда ты стала бы таким же знаменитым ученым, как Ибн-Сина. Я даже не успеваю задавать тебе уроков.

Менгли краснела и смущенно опускала глаза. Конечно, она очень бы хотела учиться в медресе, но ведь она девочка и ее удел не наука, а дом, хозяйство. Так заведено.

И все же в мектебе она училась очень старательно, читала не только молитвенник, но много других книг, в их числе стихотворные сборники.

Как-то Давлетмамед услышал ляле² и сказал Махтумкули:

— Послушай, это что-то новое. Клянусь, я никогда не слышал этих слов. Не знаешь, кто сочинил их?

Махтумкули пожал плечами: откуда ему знать! Он прислушался и узнал голос Менгли. Песня действительно была хороша — в ней звучали и нежность, и тоска по любимому, и желание заглянуть в свой завтрашний день. А у него непонятно отчего тревожно сжалось сердце.

А молла Давлетмамед подумал тогда: а не сама ли Менгли сочинила это ляле?..

— «Нежная Менгли», — повторил старик и осторожно по-

¹ Мектеб — мусульманская начальная школа.

² Ляле — девичья песня.

ложил листок на место.— Ну что ж, это совсем не плохо... совсем не плохо...

Он не стал откладывать разговора с Махтумкули.

— Ты ничего не скрываешь от меня, сынок? — спросил он, заглядывая сыну в глаза.

Махтумкули понял и вспыхнул. Затрепетали его густые ресницы. Он опустил голову и сказал, стараясь быть спокойным:

— Просто я считал, что еще не пришло время, отец, И потом...

Давлетмамед ждал, и Махтумкули вынужден был докончить фразу:

— Мне кажется, что о любви можно говорить только стихами. Я написал их. Сейчас принесу.

Отец обнял его, привлек к себе, чувствуя, как сильны его плечи и руки, и радуясь за сына.

— Не надо, сынок, в другой раз, скажи только: это Менгли?

— Да,— прошептал Махтумкули.

Менгли... Сначала она была босоногой девчонкой с тонкими косичками, и он не обращал на нее никакого внимания, не выделял из десятка других соседских детей. Но несколько лет назад, когда он с другом Човдуром приехал на каникулы из Хивы, их пригласил в гости брат Менгли Бекмурад. Увидев ее, Махтумкули удивленно воскликнул:

— Посмотрите, что делает время! Менгли расцвела, пока мы изучали науки, превратилась в настоящую невесту.— Увидев в ее руке книгу, спросил насмешливо: — Ты что, еще ходишь в мектеб?

Менгли не стеснялась Махтумкули и Човдура, потому что они были друзьями и ровесниками ее брата, и ответила, может быть, более дерзко, чем следовало:

— Мужчины считают, что только им подвластны науки. И, наверное, поэтому пишут вот такие книги, которые не хочется читать.

Махтумкули удивленно и, пожалуй, впервые внимательно посмотрел на нее. Ого, Менгли и впрямь стала взрослой!

Он взял книгу, полистал ее. Спросил:

— Чем же не понравилась?

И потому, что вопрос был задан серьезно и Махтумкули смотрел на нее как-то по-особому, Менгли на секунду смутилась.

— Я и сама не знаю,— сказала она, опустив взгляд, и Махтумкули показалось, что солнце зашло за тучу.

«У нее прекрасные, как весеннее небо, глаза, — подумал он. — В них можно смотреть бесконечно».

— Вот видишь, — вмешался в разговор Бекмурад, — выходит, ты не права. Мужчина сумел бы объяснить, почему это нравится, а это — нет.

Слова брата словно подстегнули ее. Снова стала она прежней Менгли.

— Почему же? — насмешливо ответила она. — Просто я не хотела говорить, боясь, что вы все равно не поймете. Но если хотите, слушайте. В этой книге нет ничего, кроме загробного мира, как будто для людей самое главное — конец света. Нам надо еще разобраться в том, что происходит вокруг нас, а уже потом раздумывать об аде и рае.

— Аллах создал и тот и этот мир, — сказал Човдур, — и человек вправе...

— Подожди, — остановила его Менгли. — Если так, ответь мне: почему одни всю жизнь гнут спину, а другие только и знают, что набивают живот? Почему мы с мамой ткем ковры, а нежатся на них другие? Почему у меня и моих подруг только по одному платью, а дочери бека меняют их чуть ли не каждый день? Что я, хуже их, глупее или не умею работать? Ну, скажи!

Човдур и Махтумкули молчали, застигнутые врасплох такими вопросами. Бекмурад хотел было остановить Менгли, но она отмахнулась от него и продолжала:

— Вот вы ученые люди, скажите, почему так устроен мир? Вчера люди Ханали взяли у Гулялек последнего жеребенка, а отца Акджамал нукеры забрали за то, что он вовремя не заплатил подати. А если ему нечем платить? — Менгли вдруг устыдилась своей горячности и уже тише добавила: — Вот о чем я хочу читать в книгах.

«А ведь она права, — думал Махтумкули, возвращаясь поздно вечером домой. — Ученые, поэты должны помочь людям лучше устроить свою жизнь».

Он вспоминал глубокие глаза девушки и улыбался в темноте.

Так родилась его любовь к Менгли.

Два года учебы в медресе не погасили этой любви. И когда поэт вернулся в родной аул и снова увидел Менгли, его ужаснула мысль о том, что он мог так долго жить вдали от любимой.

Они случайно встретились на берегу Атрека. Менгли вспыхнула и вся потянулась к нему. Но тут же опомнилась и смущенно потупилась.

— Ты вернулся? — сказала она еле слышно.

Махтумкули шагнул к ней и протянул свернутые в трубку листки:

— На, прочитай. Это я написал для тебя, Менгли.

Она спрятала листки под платок и, не поднимая головы, быстро пошла к аулу.

И потом было много стихов о любви, переписанных начисто старательным Клычли. Они делали вышитую букчу — матерчатую сумку Менгли все тяжелее и тяжелее. Каждый раз, засыпая, девушка нащупывала в темноте узор букчи, нежно гладила его, и содержимое отвечало ей слабым шуршанием. Ей незачем было доставать листки — каждое слово Махтумкули билось в ее сердце.

Они были молоды и не умели беречь свое счастье.

Ранним утром, принарядившись, Давлетмамед пошел к родителям Менгли. Они сразу поняли, что неспроста молла явился в такую рань. А он вел беседу не спеша, издали подходя к самому главному. Он говорил о добром соседстве, о давней дружбе двух семейств, напомнил, что Бекмурада и Махтумкули водой не разольешь. Пора было бы и сказать то, ради чего он пришел, да все не решался Давлетмамед, все медлил.

Он не сомневался в ответе, и все-таки у него отлегло от сердца, когда Аннакурбан на его предложение породниться сказал:

— Что же может быть лучше, Давлетмамед?

Но рано было радоваться. За этими словами последовали другие:

— Только... Видишь, какое дело...

Давлетмамед нахмурился.

— Я слушаю тебя, сосед, говори.

— Ханали прислал сватов.

Ханали... Вот оно что! Если есть чем поживиться, богатые всегда тут как тут.

— Он что же, себе в жены хочет взять твою Менгли? — Горечь и обида прозвучали в голосе Давлетмамеда.

Хозяин опустил голову — ранний гость задел больное место.

— Хочет женить своего сына, Мамед-хана, — тихо сказал он.

У кого много золота, тот все может. Совсем недавно Мамед-хан привел в свой дом молодую жену. И вот опять... Конечно, такая хозяйка, такая мастерица, как Менгли, будет ценным приобретением.

— Ну, и как ты решил, сосед? — Давлетмамед спросил почти спокойно.

— Ты не думай обо мне плохо, Давлетмамед, — вздохнул хозяин. — Сам знаешь, как иметь дело с ханами. Но я им ничего определенного не обещал. Подождем, посмотрим, что будет дальше. Может быть, аллах смилуется над нами и все обойдется по-хорошему.

Давлетмамед тяжело поднялся.

— Не ожидал я, — сказал он, глядя изучающе, словно видел впервые соседа. — Бедняк хочет породниться с ханом. Только я не помню случая, чтобы после этого человек до конца дней своих ел мед с мягким чуреком. Смотри, и Менгли работницей сделают, и тебя, того и гляди, к рукам приберут. Прощай.

Аннакурбан остановил его:

— Не обижай меня, Давлетмамед. Я же не отказываю тебе. Еще раз говорю: рад отдать Менгли твоему Махтумкули, приходите, столкнемся.

Старые глаза Давлетмамеды радостно сверкнули.

— Вот это определенный ответ, — сказал он, пожимая руки Аннакурбана. — Спасибо. Пойду обрадую сына.

Он нашел Махтумкули в кузнице.

— Посмотри, отец, по-моему, получилось неплохо. — Сын протянул ему только что законченную гуляка.

Во взгляде Махтумкули Давлетмамед прочитал немой вопрос, понял, о чем он, но тоже сделал вид, что думает лишь о гуляке.

— Ну-ка, ну-ка! — сказал он, усаживаясь на кошке и принимая украшение из рук сына.

Старик сам был искусным мастером, но работа Махтумкули отличалась каким-то особым изяществом, тем неуловимым своеобразием, которое всегда выдает настоящего художника. Давлетмамед не мог скрыть восхищения.

— Э-э, ты говоришь «неплохо»! — воскликнул он. — Да это же замечательно! Я еще не встречал такого узора. И размер выбран удачно. Этой гуляке может гордиться любая девушка. — Он вдруг внимательно посмотрел на сына. — А кому это предназначено? Кто-нибудь заказал?

Махтумкули смущенно опустил глаза.

— Нет, отец. Просто захотелось сделать от души, без обычной спешки... Тебе в самом деле нравится? — торопливо спросил он, боясь новых расспросов.

Отец понял его и усмехнулся в усы.

— Да, конечно,— сказал он, возвращая украшение.— Зачем бы я стал хвалить?

Наступило молчание. Давлетмамед вдруг почувствовал, что теперь, после разговора о гуляка, почему-то неловко переходить к самому главному. «Надо было сразу сказать»,— подумал он, но поймал нетерпеливый взгляд сына и перестал сомневаться.

— Я только что был у Аннакурбана,— сказал он.

Махтумкули ждал этих слов, но все-таки вздрогнул и как-то весь подался к отцу. И только теперь он увидел его улыбку, сияющие глаза и все понял.

— Он согласен?

Отец не мог больше испытывать терпение сына.

— Согласен, согласен! Скоро мы устроим такой той, что о нем будут вспоминать долгие годы. Пусть все знают, что такое свадьба поэта! — Давлетмамед поднялся.— Пойду скажу нашим. Они тоже будут рады.

Все пело в душе Махтумкули. Менгли будет его! Менгли... Он мог бесконечно повторять это имя, каждый раз находя в нем особую прелесть.

«Менгли... Что райские розы рядом с тобой! Туби¹ зачахнет от зависти, глядя на тебя. Менгли. Стоит взглянуть на тебя — и становлюсь Рустамом², Менгли, а если хоть час не увижу тебя — пропаду от тоски, и только ты одна будешь виной смерти невинного. Но если и мертвого приласкаешь ты — оживу и вновь почувствую себя в Шекеристане, в твоей отчизне, сердце мое, Менгли...»

О Менгли! Скоро ты будешь навеки со своим возлюбленным, с рабом красоты твоей!..»

Он прикрыл глаза, стараясь представить себе недалекий теперь уже той. И сразу зазвенели дутары, заплакали туйдуки³, призывно застучали бубны. И полилась песня — одна из тех, что сочинил он в честь любимой. А вот уже, нарастая, словно лавина в горах, приближается топот копей. Эгей, кто самый ловкий, самый быстрый сегодня? Выходи, кто не боится спорить с ветром! «Тиу! Тиу!» — поют стрелы. Они летят туда, где между рогами архара привязано яйцо. «Тиу!» Мимо. А ну-ка, дайте мне. «Тиу-клак!» Вот как надо стрелять! Песня все звучит над степью,

¹ Туби — сказочное дерево, на листьях которого, по мусульманскому поверью, записана судьба каждого человека.

² Рустам — герой поэмы Фирдоуси «Шах-намэ».

³ Туйдук — национальный музыкальный инструмент.

пад рекой — славит красавицу Менгли... Слушают гости, приехавшие со всего Атрека, с Гургена, с Сумбара. Гости...

Махтумкули вдруг открыл глаза. Было тихо, так тихо, что он слышал стук своего сердца. Оно стучало гулко и тревожно. В чем дело? Что прервало его мечты? Ах, да, гости... Они приедут из дальних селений, много гостей. И надо будет готовить угощение, резать баранов. Для этого надо иметь такое богатство, как у Ханали. А где оно, это богатство? Нет его. Так какой же это той без обильного угощения, без дорогих призов для лучших наездников, стрелков, пальванов¹?

О, эта бедность! Мы только бредим тучными отарами, резвыми скакунами. Бедняк не гость на пиру, его оттеснят к двери те, что побогаче. Ведь когда нищий сидит на коне, все видят под ним осла, а под богачом и осел кажется конем. Проклятая бедность! Богач, посмеиваясь, пройдет мимо твоей беды, но скорее плюнет в твою суму, чем протянет руку помощи.

Махтумкули сжал пальцами подбородок, густые, колючие волосы защекотали ладони. Мысли метались, ища выхода. Он знал, что пришло время взять бумагу и перо. Только это может облегчить душу. «Твой, оборванец, ум вражды затрут умы. Пешкою сгинешь ты перед ферзем, бедняк». Надо скорей записать эти строки, потому что уже рождаются новые и рвутся на волю, на белый простор еще не исписанного листа...

Частые, торопливые шаги за дверью вернули его к действительности. Он поднял голову и увидел сияющую Зюбейде, сестру. Она дружила с Менгли и, узнав от отца новость, бросилась искать Махтумкули.

— Ты уже знаешь?

Столько искренней, неподдельной радости было в ее звонком голосе, что Махтумкули, улыбаясь, поднялся ей навстречу.

— Знаю, Зюбейде, знаю, сестренка. И ты рада?

Она взяла его за руку, на секунду прислонилась лбом к плечу.

— Гельнедже² хочет сшить два халата в подарок. А я еще не решила — что...

Махтумкули протянул ей гуляка, которым недавно любовался отец:

¹ П а л ь в а н — богатырь, борец, силач.

² Г е л ь н е д ж е — жена старшего брата.

— Может быть, тебе захочется подарить вот это?

Она взяла украшение, и черные глаза ее вспыхнули.

— Вот это да! — Голос девушки дрогнул, замер от восхищения.

Махтумкули положил ей руку на плечо.

— Бери, сестренка. Бери.

Не успела Зюбейде уйти, как приехали гонцы из далекого, с низовьев реки, аула — звать Махтумкули на той.

«Ни один той по всему Атреку не обходится без меня, — с горечью подумал поэт. — А смогу ли я свой той сделать достойным этого уважения?..»

С тех пор прошло два дня. И вот вчера Клычли случайно услышал, как бранился в кибитке Аннакурбана Шамухаммед-ишан¹.

— Ты не понимаешь, что делаешь! — визгливо выкрикивал он. — Ханали — самый знатный человек на всем Атреке, а ты осмеливаешься отказать ему! Подумай, кому ты хочешь отдать свою дочь — какому-то нищему поэту! А у Мамед-хана она будет жить как шахиня! Подумай, Аннакурбан. И помни — Ханали не простит оскорбления!

Спустя полчаса Аннакурбан пришел к Давлетмамеду. Разговор у них был недолгий. Клычли видел, как Аннакурбан, сгорбившись, шел к своей кибитке, и недоброе предчувствие насторожило юношу. И вот теперь здесь, на берегу реки, глаза Менгли рассказали ему все. Пришла беда. Молла Давлетмамед не смог отвратить ее. А Махтумкули? Теперь вся надежда на него.

Клычли дернул поводья, повернул коня и, подгоняя его голыми пятками, поскакал к аулу.

Вскоре он уже ехал вдоль Атрека, любуясь весенней яркой зеленью прибрежных деревьев.

Клычли хорошо знал эти места. Здесь, над обрывом, любил гулять Махтумкули. Он часто уходил сюда один, долго сидел под чинарой, думая о чем-то, или мечтая, или складывая свои стихи. Однажды поздним вечером, когда полная луна залила все вокруг серебряным светом, Клычли увидел брата, стоящего над кручей. Его высокая, статная фигура четко выделялась на фоне бледного неба. Вдруг рядом с ним появилась другая, поменьше. И Клычли с мальчишеской внезапной обидой подумал, что если Махтумкули возьмет себе в жены Менгли, то у него совсем не останется времени для младшего брата. Но теперь эта обида была за-

¹ Ишан — духовное лицо.

быта. Менгли уйдет в дом Мамед-хана, яшмак¹ закроет ей рот, и Махтумкули никогда не услышит от нее нежных слов...

Клычли стегнул коня, и тот сразу перешел на рысь. Подвешенная к поясу сабля больно ударила его по ноге, и Клычли передвинул ее поудобнее. В другое время он, конечно, не взял бы саблю и лук со стрелами, но сейчас в степи рыскали разбойники, могли напасть среди бела дня. И еще жила в нем тайная надежда, что Махтумкули придется сражаться с Мамед-ханом и его людьми. Вот тогда Клычли покажет, на что он способен...

Вдали показалось облако пыли, Клычли снова ударил коня. Сердце учащенно забилося. Если это разбойники, то живым они его не возьмут...

Но это были не разбойники, хотя дело, ради которого они проскакали столько верст, мало чем отличалось от разбоя.

IV

Сарбазы Шатырбека подгоняли усталых коней, предчувствуя близкий отдых. Вот уже видны кибитки аула. Еще немного — и всадники спрыгнут на твердую землю, расседлают коней и, кто знает, может быть, за много дней впервые поедят свежей баранины.

Шатырбек круто осадил гнедого.

— Стойте! — крикнул он и, когда сарбазы остановились, зловеще сказал: — Еще раз повторяю: если кто-нибудь из вас решится послушаться и будет вмешиваться в мои дела, клянусь аллахом, тому не придется больше ходить по земле. Поняли вы, грязные скоты?

Сарбазы угрюмо молчали. Шатырбек обвел их колючим взглядом, повернул коня и поскакал к аулу. Сарбазы потянулись за ним.

— Эй, как тебя, стой! — крикнул Шатырбек, увидев всадника, видимо возвращавшегося с охоты. Позади седла был привязан крупный горный баран.

Всадник остановился, настороженно поджидая незнакомца.

— Скажи, где кибитка поэта Махтумкули или его отца моллы Давлетмамеда?

¹ Яшмак — платок молчания; девушка, выйдя замуж, повязывала платок так, чтобы был закрыт рот.

Всадник помедлил с ответом, внимательно разглядывая Шатырбека и сарбазов. Потом сказал:

— Поехали, я покажу.

У одной из кибиток он остановился, крикнул:

— Эй, Мамедсапа!

Из кибитки вышел человек, очень похожий на Махтумкули, только ненамного старше. Лицо его было испещрено глубокими морщинами, взгляд спокойный и уверенный.

— Вот люди спрашивают Махтумкули. Дома он?

Мамедсапа покачал головой:

— Нет, брат уехал. А что привело этих людей сюда, Човдур?

— Не знаю, спроси у них, — ответил Човдур, отвязывая барана. — Но раз у вас гости, вот возьми, приготовь обед.

Тяжелая туша упала на землю.

Мамедсапа поглядел вслед Човдuru.

Хороший он парень, недаром дружит с Махтумкули. Правда, они совсем разные. Махтумкули тянется к наукам, перечитал уйму книг, а Човдур больше любит джигитовку, стрельбу из лука, шумные игры. И в поле он работает с большой охотой, удивляя всех выносливостью и силой. Кое-как окончив медресе, Човдур вернулся к труду дайханина и не помышлял больше о науках, сожалея о потерянном за годы учебы времени. Зато не было в ауле более удачливого охотника. И всегда он делился добычей с друзьями.

Уже отъехав, Човдур оглянулся и крикнул:

— Не забудь — сегодня едем в поле!

Мамедсапа согласно кивнул.

Он пригласил Шатырбека в кибитку для почетных гостей, а сарбазам предложил разместиться на кошмах под навесом, возле мастерской. Крикнув жене, чтобы она и Зюбейде подали гостям чай, принесли воды, разделали тушу барана и поставили казан на огонь, Мамедсапа пошел к отцу.

Давлетмамед сидел в своей кибитке с толстой книгой на коленях. Перелистывая ее, молла задерживал взгляд то на одной, то на другой странице, шептал что-то, шевеля тонкими губами.

— А, Мамедсапа! — рассеянно сказал он, увидев сына. — Проходи, садись. — И, помолчав немного: — Заболел мой друг Овезберды, и я обещал найти для него лекарство. Вот, советуюсь с Ибн-Синой.

Он снова углубился в чтение.

Мамедсапа думал о неожиданных гостях. Что привело их сюда? Добрую ли весть привезли? Похоже, что этот человек, назвавший себя Шатырбеком, — приближенный самого шаха. Но что ему нужно? Скорее бы освободился отец, уж он-то разберется...

А молла все шептал, шелестя потрепанными страницами. Но вот он, кажется, нашел то, что нужно.

— Ага, вот! — Давлетмамед даже поерзал от удовольствия. — Я же говорил, что нет врача мудрее великого Иби-Сины! Вот посмотришь, сынок, Овезберды начнет пить это лекарство, и через два дня ты увидишь его совершенно здоровым. Погоди-ка, я перепишу.

Он стал быстро писать на листке, удовлетворенно хмыкая и кивая головой.

— Мамедсапа, — сказал он наконец, — оседлай коня, поеду, обрадую старого друга.

— Коня оседлать нетрудно, отец, только...

Давлетмамед удивленно вскинул седые брови:

— Ну, что же ты замолчал?

— Приехали гости, отец. Станные гости.

— Станные, говоришь? Ну-ну, рассказывай!

Мамедсапа рассказал о приезде Шатырбека.

Старик задумался.

— Нет, не помню такого среди близких людей шаха. Впрочем, там могли пригнать и нового... Ну, да все равно. Гости есть гости. Накормите их, дайте отдохнуть. А когда вернусь от Овезберды, вот тогда и потолкуем. Раз этот бек не захотел тебе сказать о цели своего приезда, значит, он слишком мнит о себе. Но ведь и мы люди гордые. Седлай коня, Мамедсапа. Друг в беде, а я буду болтать с каким-то беком! Седлай, седлай, я спешу

Молла Давлетмамед вернулся только на исходе дня. Он был доволен собой. Овезберды, узнав, что нужное лекарство найдено, воспрянул духом, а уже одно это поможет ему побороть болезнь.

Совершая вечерний намаз, молла привычно, не испытывая никаких чувств, шептал с детства знакомые слова. А мысли его все чаще возвращались к незванным гостям. Ведут они себя скромно. Шатырбек терпеливо ждет, пока молла примет его. Значит ли это, что приезжие не замышляют ничего плохого? Давлетмамед слишком хорошо знал повадки людей шаха, чтобы им верить. Да и не за что шаху жаловать непокорного поэта, особенно после того, что произошло со сборщиком подати...

Шатырбек полулежал на подушках, когда ему сказали, что молла Давлетмамед просит его в свою кибитку.

Гость востропнулся. Он уже терял терпение, постоянная, натренированная выдержка стала изменять ему, он боялся сорваться и в гневе наделать глупостей. Что в конце концов мнит о себе этот ничтожный молла? К нему приехал бек, посланец самого шаха, а он заставляет его ждать, вместо того чтобы броситься навстречу и осыпать почестями... Проклятые туркмены! Они и прежде не отличались покорностью, а теперь... Ну да ничего, придет время, Шатырбек отомстит за оскорбление. А пока надо хитрить, делать вид, что счастлив видеть мудрого человека, поэта, чья слава быстрее ветра летит по туркменской степи.

Шатырбек стряхнул пыль с дорогого халата, расчесал бороду. В дверях он столкнулся с сарбазом, которого приметил уже давно: темный шрам пересекал его левую щеку, делал лицо свирепым даже тогда, когда сарбаз прикидывался послушным. А Шатырбек даже в самых отчаянных переделках старался оберегать лицо, считая, что в его деле броские приметы ни к чему.

— Что ты здесь крутишься? — неприязненно спросил Шатырбек.

Сарбаз согнулся в поклоне.

— Прошу простить меня, бек. Я только хотел спросить, не нужно ли вам чего...

Шатырбек внимательно посмотрел на него.

— Нужно, — сказал он резко. — Во-первых, нужно, чтобы твоя отвратительная рожа реже попадалась на глаза, а во-вторых, возьми этот хурджун и неси за мной.

Сарбаз взвалил на плечо хурджун и покорно засеменил за беком. Тот шел не спеша, высоко подняв голову, но сарбаз приметил в его повадке что-то новое и не сразу сообразил, что бек, пожалуй, трусит. И не ошибся. Шатырбека в самом деле пугал предстоящий разговор с отцом Махтумкули. Поверит ли он в искренность шаха, даст ли согласие отпустить сына в далекий путь? А если нет? Если строптивый старик крикнет соседей и те разоружат сарбазов, а его, Шатырбека, посадят задом наперед на полудохлого ишака и пошлют туда, откуда пришел? Да еще бороду остригут... Тогда прощай обещанная визирем шкатулка с золотом.

Шатырбек приподнял полог кибитки Давлетмамед и с несвойственной ему робостью спросил:

— Можно к вам, молла-ага?

— Проходите, — услышал он из глубины кибитки, сделал

знак сарбазу обождать за дверью и перешагнул порог.

Приглядевшись, он увидел хозяина, сидевшего на потертом паласе, и поспешил поздороваться. Старик равнодушно подал ему руку.

— Рад приветствовать вас, достопочтенный молла,— улыбаясь щербатым ртом, сказал Шатырбек.— Я много слышал о вашей учености. Ваши стихи и стихи вашего не менее прославленного сына...

Давлетмамед наконец разглядел гостя. Так вот это кто!

— Прошу принять скромный подарок,— продолжал между тем Шатырбек.

Он хлопнул в ладоши, и сарбаз, согнувшись, внес хурджун, осторожно опустил его на палас и тут же вышел. Чутье подсказало Шатырбеку, что сарбаз стоит за дверью. Он шагнул к выходу и, не поднимая полога, сказал зловещим шепотом:

— Иди и посмотри коней.

И сразу же снаружи раздались торопливые удаляющиеся шаги.

— Садитесь, бек,— усмехнулся Давлетмамед.— Я вижу, ваши сарбазы страдают излишним любопытством.

Бек скрипнул зубами, но тут же расплылся в улыбке.

— Что поделаешь,— ответил он,— они привыкли, чтобы их держали в руках, а у меня мягкий характер.

Крепкие, сучковатые пальцы хозяина неторопливо перебирали простенькие четки.

— А ведь я помню вас, бек.

Это было сказано тихо, почти бесстрастно, но Шатырбека словно громом поразило. Он молчал, вглядываясь в спокойное лицо Давлетмамеды.

— Нет, вы вряд ли обратили тогда на меня внимание. Это теперь я вам зачем-то понадобился, а тогда другие заботы вас занимали.

— Я вас не понимаю,— сглотнув слюну, прошептал бек.— Вы, верно, ошибаетесь.

Дело, так хорошо продуманное и организованное, начинало рушиться. Что мог знать о нем этот проклятый старик?

— Да нет, не ошибаюсь.— Пальцы моллы все так же неторопливо перебирали костяшки четок.— Я вез сына в Хиву, в медресе, а вы шли туда под видом дервиша. Я бы не обратил на оборванца внимания, но с вами был человек, которого я хорошо знал. Мне пришлось выручать одну девушку. Спасая свою честь, она бежала от него с любимым, бросив дом, ста-

рика отца. Они вынуждены были скрываться в чужих краях, потому что этот человек из прихоти захотел пополнить ею свой гарем. Но ваш спутник не успокоился. Когда казалось, что все невзгоды и волнения позади, его люди подкараулили ее и убили. А к тому времени она была матерью двух детей. Так что я не мог ошибиться, бек.

Давлетмамед умолк.

Молчание становилось тягостным, и Шатырбек не выдержал:

— Аллах свидетель, я не помню, с кем мне доводилось тогда идти, молла-ага. Это был случайный попутчик. А дервишем я стал... Мне очень нужно было в Хиву... по личному делу, поверьте.

Снова усмешка тронула тонкие губы Давлетмамед.

— Это меня не касается, — сказал он. — Ну, а что привело вас сюда? Тоже личное дело?

Шатырбек оживился:

— О нет, молла-ага! Я удостоен чести передать вашему сыну, прославленному поэту Махтумкули, приглашение самого шаха. Вот, — он торопливо достал из-под халата лист, завернутый в кусок голубого шелка, и протянул его Давлетмамеду. — А эти подарки шах поручил мне передать вам в знак особого расположения.

Из хурджуна легко выпали на палас два расшитых золотом халата.

— Вам и вашему сыну, — торопливо пояснил гость.

Давлетмамед опустил голову, прикрыл глаза. И непонятно было, то ли он благодарит за подарки, то ли внезапно задремал... Только что прочитанное приглашение, снова свернувшись в трубку, лежало на коленях. Лишь сухие, темные пальцы, перебрасывающие по шнурку гладкие костяшки, свидетельствовали о том, что старик не дремлет.

«Дорогой поэт, — говорилось в письме шаха, — я с нетерпением жду твоего приезда. Кое в чем наши взгляды расходятся, но ты поживешь рядом со мной и поймешь, почему я поступаю так, а не иначе, и одобришь мои действия. Поверь, мною руководит не только тщеславие, — не скрою, приятно иметь среди приближенных столь известного человека, — я пекусь прежде всего о благоденствии народа и готов следовать твоим разумным советам, Махтумкули. Двери моего дворца, как и двери моей казны, открыты для тебя».

«Что за странную игру затеял шах? — думал Давлетмамед. — Хочет подкупом, обещаниями сладкой жизни привлечь на свою сторону Махтумкули? Или это хитрая ловушка?

Стихи сына, которые могли попасть в руки шаха, никак не располагали его к поэту. И уж конечно правителю доложили о случае со сборщиками подати...

V

В этом году гоклены должны были сдать в пользу шаха не только барапов, ячмень, пшеницу, шерсть, как было всегда, но еще и по одному коню с каждого хозяйства. Вот это и вызвало недовольство в народе. Сдать коня! А где взять его, если в иных хозяйствах и осла нет? Бедняк только во сне видит коня, а ему говорят: «Отдай шаху!»

А сборщики знать ничего не знают. Не желаешь привести коня — получай плетку! И тут уж не щадили никого — ни стариков, ни малых детей. Случалось, забивали до смерти.

Аксакалы, среди которых был и молла Давлетмамед, пошли к наместнику шаха среди гокленов — Ханали-хану. Самый старый среди них, Селим-Махтум, опершись на суковатую палку, стал говорить:

— Ты знатный человек, Ханали, тебя уважает сам шах. Если ты заступишься, весь народ будет тебе благодарен.

— Что вы хотите? — нетерпеливо спросил Ханали.

— Мы просим, чтобы тем, у кого нет лошади, позволили сдать взамен что-нибудь другое — пшеницу, или шерсть, или овец. А если так нельзя, то пусть дадут отсрочку до будущей весны — к тому времени люди, может быть, сумеют приобрести коня.

Ханали вскипел. Еле сдерживая гнев, заговорил, брызгая слюной:

— Да вы что? У вас седые бороды, а не понимаете, что шаху приходится защищать вас от всяких врагов. Войско же без коней что может сделать? Не дадите — сами же будете страдать: враги придут и отберут у вас последнее, а ваших детей угонят и продадут, как скот. Скажите всем: пусть не противятся сборщикам. А не то плохо будет.

Аксакалы ушли ни с чем.

— Э, да разве такой человек, как Ханали, может понять нашу беду? — гневно сказал молла Давлетмамед. — Видно, нам самим надо решать, как быть.

Сборщики свирепствовали в аулах. Плетки их стали бурыми от крови. Они врывались в аул, и начинался грабеж. Именем шаха сборщики отбирали все, что могли. Тяжело груженные мулы увозили последнее добро дайхан. Стон и плач стояли над Атреком.

Дошла очередь и до аула, где жил молла Давлетмамед. Ранним утром векил во главе отряда сборщиков подъехал к крайней кибитке. Собаки встретили их злобным лаем. И сразу же где-то заголосила женщина.

На шум, накинув халат, вышел Давлетмамед. Рядом с ним молча встал Махтумкули. Они смотрели на мулов, выстроенных в ряд, на вооруженных саблями и луками сборщиков, на их главаря, который гарцевал на своем лоснящемся от сытости коне.

— Неужели мы будем молчать, отец? — Голос Махтумкули дрогнул.

К ним, тяжело волоча больные ноги, подошел Селим-Махтум. Он услышал слова поэта и спросил:

— Так что ты ответишь сыну, Давлетмамед?

Молла от волнения покусывал губы и молчал.

— И ты молчишь, — скорбно вздохнул Селим-Махтум. — А я вот что скажу. Когда Ханали стал ханом над гокленами, мы вздохнули свободно: все-таки свой человек. А он оказался хуже степного волка. Тот довольствуется овцами, а этот совсем ненасытен. Верно говорят, что при виде золота и святой становится алчным. Ханали не защищает нас, а наживается на наших бедах. Слышали? Говорят, он собирается завести себе гарем, как шах.

Подошли еще несколько человек. Все были возбуждены. Зрелище открытого грабежа заставляло сжимать кулаки.

— Люди! — взволнованно сказал Човдур. — Сколько же можно терпеть? Сборщики грабят нас, потеряв всякую совесть. — Он повернулся к Давлетмамеду: — Мы пришли к вам, молла-ага. Пришли за советом. Скажите: что делать?

Все замолчали, ожидая ответа. Только Селим-Махтум словно подтолкнул Давлетмамеду:

— Ну, что ты скажешь теперь, друг?

Молла Давлетмамед выпрямился, внимательно взгляделся в лица обступивших его людей. Они ждали, они верили ему, еще никогда не дававшему им дурного совета. Никогда...

— Ты знаешь пословицу, Овезберды, — негромко сказал молла: — «Когда верблюд состарится, он следует за своим верблюжонком». Пусть Махтумкули скажет вам, что надо делать.

Одобрительный гул прошел над толпой.

Тонкое лицо поэта напряглось. Он всегда был среди людей, и они жадно ловили каждое его слово. И сейчас...

Отец отступил на шаг, и Махтумкули остался один в

центре небольшого круга. Черные сверкающие глаза со всех сторон с надеждой смотрели на него. Он прочел в этих глазах решимость и понял, чего ждут от него односельчане.

— Друзья! — Голос его дрогнул. — Я только что закончил стихотворение. Послушайте, может быть, оно даст вам ответ.

Он стал читать, сначала негромко, потом, зажигаясь, во весь голос. Все, что наболело в сердце Махтумкули, выплеснулось в гневные, звонкие строки. Поэт обращался к шаху, называя его убийцей и грабителем.

Эти слова потонули в одобрительном гуле голосов.

— Эти стихи надо самому шаху послать! — крикнул кто-то. — Пусть почитает!

— Я пошлю, — твердо сказал Махтумкули и отыскал взглядом отца. Тот одобрительно кивнул.

Толпа поредела. Махтумкули увидел, что люди спешат за Човдуром — туда, где суетились встревоженные сборщики. Човдур шагал широко, подняв голову, и полы халата развевались на ветру, придавая ему вид вольной степной птицы. «Нет, мы не рабы», — с волнением подумал поэт, внезапно с небывалой остротой почувствовав себя частицей своего народа, чей образ слился в его воображении с этим смелым и гордым парнем, его другом.

Махтумкули поспешил на помощь Човдuru.

Еще издали он увидел векила верхом на коне и двух сборщиков, державших за руки старика. Поэт знал его. Это был семидесятилетний Карры-ага. Сыновья его погибли во время набега разбойников, жена умерла, и теперь он жил совсем один в своей ветхой кибитке. На лице старика пролег багровый след — видимо, векил ударил его нагайкой.

— Оставьте старика, — сказал, подходя, Човдур.

Векил, еще не почувствовавший приближения грозы, презрительно глянул на него.

— Не суйся не в свое дело, щенок, — сквозь зубы процедил он. — Подожди, дойдет и до тебя очередь.

— Оставьте старика, — повторил Човдур, и рука его легла на рукоятку сабли.

Векил вскипел. Натянув поводья, он поднял коня на дыбы и хотел было смять наглеца, как вдруг нарастающий конский топот заставил его оглянуться. С обнаженными саблями скакали друзья Човдура, молодые джигиты, среди которых был и Клычли.

Векил стеганул жеребца и помчался в сторону гор. Сбор-

щики, подгоняемые неистовым лаем собак, кинулись кто куда.

— Не дайте уйти векилу! — крикнул Човдур.

Он вскочил на первого попавшегося коня и поскакал вдогонку. Несколько джигитов, разворачиваясь в цепь, помчались вслед за ним. Под копытами клубилась пыль. Ветер подхватывал ее и нес над землей к Атреку.

Векил был слишком тяжел, чтобы уйти от погони. Он понял это быстро и, как затравленный волк, стал метаться по степи. Джигиты настигали его. Векил оглянулся и увидел совсем близко лошадиную морду, с которой падали клочья желтой пены, а над ней взметнувшуюся, напрягшуюся для страшного удара руку с саблей. Векил вобрал голову в плечи и, теряя сознание, вдруг услышал:

— Не убивай его, Човдур!

Сбоку скакал Махтумкули.

Конь под векилом споткнулся и, ломая себе хребет, грохнулся на сухую, прогретую весенним солнцем землю.

Векил чудом остался жив. Джигиты пригнали его в аул. Он, обезумев от страха, бормотал несвязное и озирался, ища поддержки, сочувствия, но не встречал их.

— Что будем делать с ним? — сверкая глазами, в которых медленно остывала недавняя смертельная жестокость, спросил Човдур.

Все повернулись к Махтумкули. Он легко спрыгнул с чужого, тут же забытого им коня, мельком глянул на ползающего по земле векила. На какое-то мгновение им овладела жалость. Но стоило ему обвести взглядом собравшихся, увидеть трясущегося Карры-ага, как на смену этому непрочному чувству пришло иное — решимость. И, видимо, что-то изменилось в лице поэта, потому что векил вдруг завыл и пополз к нему, хватая руками сапоги.

— Поэт, — забормотал он, захлебываясь, — я пришел сюда не по своей воле... приказ шаха... У меня дети... пожалейте... Жена умирает... Они останутся сиротами... Молю о доброте... ради аллаха... Буду молиться до конца дней...

Брезгливая складка легла у тонких губ поэта.

— Вы вспомнили аллаха только сейчас, — жестко сказал он, — почему же вы забыли о нем, когда шли грабить этих бедных людей?

Векил не вытирал слез, и они, смешавшись с пылью, оставили на его опухшем лице грязные следы.

— Шах... он приказал... Пожалейте...

— Народ ненавидит вас. И шаха. Всех. — Поэт обвел

взглядом окружавших их людей, спросил: — Что будем делать с этим?

И сразу словно масла плеснули в огонь!

— Смерть!

— Привязать к коню!

— Отрезать уши собачьему сыну!

— Смерть убийце!

Махтумкули оттолкнул векила ногой.

— Слышишь? Ты не заслужил ничего другого.

Дикий вопль вырвался из глотки векила.

— Стой! — приказал Махтумкули.

Векил подполз к кибитке и, уткнувшись головой в войлок, затих.

Люди молча смотрели на него.

Махтумкули сказал:

— Мы не будем пачкать руки его кровью. Не в нем дело. Убьем одного — пришьют другого, да еще отомстят. Мы не раз испытывали на себе гнев шаха. Пусть векил убирается отсюда. Но только с одним условием — чтобы отвез шаху стихи, которые я написал. Согласны?

Вокруг одобрительно зашумели. А отец шепнул ему:

— Ты правильно рассудил, сынок.

Ободренный Махтумкули продолжал:

— Поручим нашим молодым джигитам проводить векила в дорогу. Клычли, возмись-ка за это.

Клычли и несколько его сверстников с гиканьем кинулись поднимать векила. Они засунули ему за пазуху листок со стихами, усадили на старого ишака. Кто-то успел отрезать усы и бороду, а Клычли провел ладонью по днищу закопченного казана и на прощанье мазнул ею по лицу векила. Ишака ударили веревкой, и он затрусил по пыльной дороге из аула.

Посмеиваясь, люди расходились по своим кибиткам. Их ждали повседневные заботы. Те, кого успели обогреть сборщики подати, ловили разбредшихся мулов и разбирали свое добро.

У Давлетмамеда собрались аксакалы. Позвали и Махтумкули с Човдуром.

Селим-Махтум долго кашлял, схватившись за грудь, на шее у него от натуги взбухли вены. Наконец он заговорил хрипло:

— Векила отпустили — это хорошо. На наших руках нет крови. Но шах все равно не простит нам того, что произошло.

— Это так, — согласился Давлетмамед.

Старики закивали.

— Значит, надо быть наготове, — продолжал Селим-Махтум и повернулся в сторону Махтумкули и Човдура: — А это уже ваше дело, молодежь. Что скажете?

Човдур толкнул локтем поэта. Махтумкули сказал:

— Яшули¹, джигиты готовы защищать родной аул. Только...

— Ну-ну, говори! — подбодрил его Селим-Махтум.

— Силы у нас неравны. Если шах пришлет своих сарбазов, нам придется туго.

— Не надо бояться, — горячо возразил Човдур. — Пусть только сунутся! Моя сабля не подведет!

— Одна твоя? — усмехнулся Махтумкули.

— Почему одна? А другие джигиты? Да если надо будет, я за неделю соберу три тысячи всадников. Всех гокленов подниму!

— Какие вы все горячие! — покачал головой Селим-Махтум. — Слушай, Давлетмамед, разве мы в эти годы тоже такие были?

Молла улыбнулся.

— Были, друг, были. Молодая кровь, а не спокойный разум руководила нами. С годами мы научились думать головой, а не сердцем.

— Да, годы! — вздохнул Селим-Махтум. — Ну, а ты что замолчал, Махтумкули?

Поэт не спешил с ответом. Его давно мучили мысли о будущей встрече с сарбазами шаха. Он был убежден, что встреча эта состоится, все дело только в сроках. И тогда...

— Одним нам не выстоять против войска шаха, — сказал он тихо. — Придется сниматься и уходить. А куда уйдешь? Вдали от родных мест лучше не будет.

— Так что ты предлагаешь? — спросил нетерпеливый Човдур.

— Если мы хотим жить на своей земле, не вставая на колени перед шахом, надо просить помощи у иомудов², — решил Махтумкули высказать заветное.

Старики заволновались.

— Э, что-то ты не по той тропе пошел, — сказал сердито Селим-Махтум. — Гоклен никогда не будет просить помощи у иомуда.

¹ Яшули — почтительное обращение к старшим.

² Иомуды, языры, алили — туркменские племена.

— А почему? — как можно мягче возразил Махтумкули. — Разве все мы не туркмены? Я больше скажу — надо послать гонцов к язырам, к алили посоветоваться с их стариками. Только когда все туркмены объединятся, никакой враг не будет нам страшен. Надо нам жить одной дружной семьей.

— Надо искать помощи в Афганистане, — упрямо стоял на своем Селим-Махтум, — а не кланяться иомудам.

— Завести дружбу с афганцами тоже нужно, — согласился Махтумкули. — Но прежде всего необходимо добиться объединения туркменских племен. В этом наша сила.

Селим-Махтум насупился, засопел сердито.

Неприлично спорить со стариками, и Давлетмамед сказал:

— Ладно, сынок, мы тут посоветуемся, а вы идите с Човдуром, отдыхайте.

Друзья вышли из кибитки.

Поселок жил своей обычной жизнью. Дымили тамдыры, в пыли играли оборванные ребятишки, женщины шли с кувшинами к Атреку, с окраины доносился стук молотка по наковальне.

— Знаешь, Човдур, — сказал вдруг Махтумкули, — я собираюсь съездить в Аджархан.

— К урусам? — изумился Човдур.

— Да, к ним. Мне кажется, что в будущем туркмены и русские станут большими друзьями.

— Отцу известно о твоём намерении?

Махтумкули помолчал, потом сказал негромко:

— Ты же знаешь, что я ничего не скрываю от него.

— Но если Ханали... — начал было Човдур, но Махтумкули положил ему руку на плечо.

— А вот это уже зависит от того, как ты умеешь молчать, — сказал он и посмотрел в глаза друга.

VI

«Нет, — решил молла Давлетмамед, — шах не мог от души пригласить Махтумкули в гости. Тут что-то кроется. Надо быть осторожным».

— Разве вы не рады? — угодливо улыбаясь, спросил Шатырбек. — Вашему знаменитому сыну оказана такая честь. Я уверен, что он с радостью посетит дворец шаха, где его ждут с распростертыми объятиями. Вы, конечно, пошлете его?

— Мой сын уже достаточно взрослый человек и сам

может решать, ехать ему в гости или нет,— не очень вежливо ответил молла.

— Но вы как отец...— заюлил Шатырбек.— Он будет советоваться с вами и...

— Я скажу ему: «Подумай, сынок, смеем ли мы, ничтожные, отнимать время у самого шаха?»

Кустистые брови Шатырбека удивленно поднялись.

— Но ведь шах его приглашает, молла. Птица Хумай садится на вашу кибитку, не спугните ее.

Давлетмамед улыбнулся.

— Никому еще не доводилось взглянуть на листья туби, бек. Все в руках аллаха.

— Верно, верно говорите, молла,— подхватил Шатырбек.— Воля аллаха в этом почетном приглашении.

«И чего он так старается? — с неприязнью подумал Давлетмамед.— Видно, ему пообещали немало золота. Только за что?»

— Ладно,— примирительно сказал он.— Приедет Махтумкули, поговорим и решим. А пока отдыхайте. Все ли у вас есть, что нужно? Не требуется ли чего?

Шатырбек понял, что пора уходить.

— Благодарю вас, молла, нам ничего не требуется.

— А если вам надо куда-то ехать,— словно бы между прочим сказал Давлетмамед,— то оставьте приглашение, я передам его сыну.

Шатырбек испугался.

— Нет, нет,— торопливо ответил он,— шах приказал мне вручить приглашение в руки самому Махтумкули. А воля шаха для меня священна. Я буду ждать, сколько бы ни потребовалось.

— Дело ваше,— согласился хозяин,— я не могу давать советы посланцу шаха. Ждите. Постель, чай и чурек мы всегда найдем для гостей.

— Благодарю вас, молла.— Шатырбек поклонился и направился к двери.

— Да, бек,— позвал он Давлетмамеду,— возьмите свои подарки. Я их не заслужил.

Шатырбек растерялся.

— Но... ваш сын... его стихи...— забормотал он.

— Ну, если Махтумкули примет — его дело. А я не могу. Не обижайтесь, бек.

Шатырбек влихнул халаты в хурджун, подхватил его и стремительно вышел, едва сдерживая гнев.

Какая-то тень мелькнула и скрылась за стогом сена,

припасенного для лошадей. Не владея собой, Шатырбек выхватил кривую, сверкнувшую на солнце саблю и бросился к загону. Большой белый пес резко остановился и зарычал, оскалив клыки. Шатырбек отступил, вложил саблю в ножны. Он вдруг с облегчением подумал, что расправа с меченым сарбазом была бы совсем некстати. И без того этот презренный, возомнивший о себе старик относится к нему с подозрением. Ну, ничего, погодите, вы еще вспомните Шатырбека!..

Ночью он плохо спал: то забывался тяжелым сном, то лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к шорохам и думая о своей странной судьбе, так и не обеспечившей ему на старости лет спокойную жизнь. Может быть, теперь наконец все переменится? Скорей бы вернулся проклятый поэт. Тогда... Но что будет тогда? Бек похолодел от мысли, что Махтумкули наотрез откажется ехать во дворец. Ведь силой его не увезешь. Говорят, именно в этом ауле чуть не убили векила... А вернуться ни с чем — значит навлечь на себя немилость шаха, снова унижаться перед мейханщиками, выпрашивать у них парочку кебаба. Да и дадут ли теперь? Эти пройдохи всегда узнают новости первыми. Нет, он выполнит приказ шаха, даже если ему придется сражаться с самими дэвами¹. И хитрости еще хватит у Шатырбека: не таких обводил вокруг пальца.

На рассвете он вышел из кибитки, накинув на плечи халат. С Атрека потянуло прохладой. Шатырбек поежился, осмотрелся.

Аул просыпался. Кое-где уже поднимались к небу столбы синеватого дыма, мелькали красные кетени женщин, готовящих пищу.

Вдруг Шатырбек увидел приближающегося всадника, и сердце его учащенно забилось. Неужели он? Неужели аллах смилостивился и прекратил это томительное ожидание?

Всадник подъехал уже так близко, что можно было хорошо разглядеть его. Шатырбек понял, что ошибся. Он знал, что Махтумкули высок, строен, красив. А этот был хилым, болезненным на вид. И если бы не шелковый халат, новенький тельпек да желтые кожаные сапоги, приехавшего можно было бы принять за дервиша, измученного бродячей жизнью. Но когда всадник оказался в пяти шагах, бек увидел его лицо и подумал, что такое, пожалуй, и в

¹ Дэв — мифическое чудовище.

толпе оборванцев-дервишей сразу же отличишь — столько было во взгляде надменности и презрения к окружающим.

«Уж не Мамед ли это, сын Ханали? — подумал Шатырбек с радостным чувством. — И как я мог забыть о хане? Надо было сразу послать за ним».

Мамед соскочил с коня удивительно легко, и бек сразу же заметил это, подумав, что парень еще сможет пригодиться, не такой уж он хилый.

— Простите, — сказал Мамед, улыбаясь, — вы, наверное, и есть уважаемый Шатырбек? Меня зовут Мамед, я сын Ханали-хана. Мы вчера весь день ждали, что вы удостоите нас своим посещением, а с утра отец послал меня пригласить...

— Привяжите коня и заходите, — сухо сказал Шатырбек, знавший, что суровость и даже грубость куда сильнее действуют на таких людей, чем вежливость и радушие.

Они сели на кошму. Шатырбек кинул Мамеду подушку, подsunул себе под локоть такую же, устраниваясь поудобнее.

— Насчет чая я распоряжусь позже, — сказал Шатырбек. — А пока поговорим. У меня очень важное дело.

— Я слушаю вас, уважаемый бек. — Мамед даже подался к нему, боясь пропустить хоть слово.

Около кибитки раздались чьи-то шаги. Шатырбек нахмурился, прислушиваясь. Шаги удалялись.

— У меня очень важное дело, — повторил бек и замолчал, испытующе глядя в лицо Мамеда.

— Не откажитесь съездить к нам, — поспешно сказал молодой хан, отводя глаза. — У нас никто не помешает разговору. И кроме того, отец так будет рад...

Шатырбек вспомнил сарбаза со шрамом на щеке и согласился.

До родника Чинарли, где стояли кибитки хана, и в самом деле было недалеко. Миновав небольшое ущелье, всадники выехали на равнину. Залитая утренним солнцем, она была так красива, что даже равнодушный к природе Шатырбек придержал коня. Перед ним тянулись бело-розовые цветущие сады, аккуратные ряды виноградников, а за ними расстилался ярко-зеленый ковер вешних, еще не выжженных солнцем трав. Поблескивала, отражая голубизну неба, вода в арыках. В стороне виднелись кибитки, загон для скота.

— Это ваши владения? — спросил Шатырбек.

— Пока вы наш гость, они и ваши, мой бек, — поклонился Мамед.

«Есть же удачливые люди», — с внезапной злобной завистью подумал Шатырбек и ударил каблуками коня. Мамед поскакал следом.

Взяв себя в руки, Шатырбек спросил:

— Много у вас работает дайхан?

Мамед замялся:

— Я не знаю... Этим занимается отец. Он говорит: «Пока я еще здоров, отдыхай, сынок. Придет время — хозяйство ляжет на твои плечи».

— И рабы есть у вас?

— Как у всех. Недавно отец купил одного русского. Есть у него такая вещь, ящик со струнами. Называется «гус-ли». Ох, и играет! Смех!

— Раб должен работать, а не играть, — наставительно сказал Шатырбек.

— Конечно, — сразу же согласился Мамед, — лошадь подковать, землю пахать, из дерева мастерить.

— Не убежит?

— Не-ет. Днем за ним смотрят, а к ночи на цепь сажают. Вот тогда он и играет на этой... «гус-ли».

— Раб есть раб, — презрительно сказал Шатырбек и сплюнул.

Помолчав, спросил:

— Разбойники наведываются сюда?

— В прошлом году угнали коней. Чуть не лишились целого табуна. Но отец послал вдогонку джигитов, пообещал хорошо наградить, если отобьют коней.

— Отбили?

— Конечно.

— И сколько же отец заплатил им?

Мамед засмеялся.

— А все они были должны нам, отец учел их труды.

Шатырбек тоже засмеялся, подумав, что не такой уж простак этот Мамед, каким кажется сначала.

Ханали с нетерпением ждал таинственного гостя. Оттолкнув слуг, с несвойственной прытью подскочил он к коню, взял его под уздцы.

— Добро пожаловать, бек! — Притворная лесть сама лилась из него. — Добро пожаловать, дорогой гость! Вы осчастливили нас. Этот день все мы будем вспоминать как... как самый счастливый день в нашей жизни. Наш дом всегда...

Шатырбек соскочил с коня, протянул хозяину свои еще

крепкие руки и с горделивым чувством превосходства ощутил в своих ладонях пухлые, безвольные пальцы Ханали.

— Я рад навестить вас, хан, — важно сказал он. — Мне много приходилось слышать о вас, о вашем богатстве.

Хан засуетился еще больше, заплывшие жиром глаза его боязливо забегали.

— О, мой бек, — он повел гостя в дом, — люди часто из зависти очень преувеличивают. То, что у нас здесь, в глуши, считается богатством, в большом городе назовут бедностью. Каждая мера зерна, каждая гроздь винограда достается с таким трудом!

Усы Шатырбека дрогнули, но он погасил усмешку.

— У вас надежная крепость, — сказал он, оглядывая земляные валы и рвы вокруг строений. — Если шах соизволит сдержать свое слово и подарит мне крепость, я не желал бы иной, чем... такая.

Ханали понял, почему запнулся гость, и, чувствуя, как холодеет в груди, сказал с запинкой:

— Великий шах всегда добр к своим верным слугам. Он никогда не оттолкнет обидой того, кто...

Шатырбек нагнулся к хану, мягко, почти нежно, обнял его и сказал понимающе:

— Конечно, вы очень нужный шаху человек, вас не обойдет милость повелителя.

У Ханали отлегло от сердца.

Осматривая крепость, они очутились у домика, сложенного из серого камня. Ханали толкнул дверь, с поклоном пригласил гостя внутрь. Шатырбек был поражен. Иомудские ковры, шелковые подушки, сверкающая позолотой посуда в углу — все было необычайно чистым, свежим, словно люди заходили сюда только для того, чтобы поддерживать чистоту и порядок.

— Я держу эту комнату специально на тот случай, если великий шах когда-нибудь, будучи в наших краях, осчастливит нас своим посещением.

— Шах не сомневается в вашей верности.

Эти слова Шатырбек сказал таким уверенным, лениво-небрежным тоном, что Ханали уже не осмелился вести гостя дальше: доверенный человек шаха мог отдыхать в комнате, отведенной самому шаху.

— Что же мы стоим! — воскликнул он. — Проходите, бек, садитесь. Да отзовется каждый ваш шаг добром в этом доме!

Шатырбек скинул сапоги, прошел на середину комнаты и уселся, подмяв под бок шелковые подушки.

— Из-под сапог Шатырбека, — самодовольно сказал гость, — для одних летит пыль, для других — золото.

— Спасибо, бек, — на всякий случай сказал Ханали, поклонившись.

За обильным угощением разговор шел попроще. От выпитого вина бек подобрел, лениво жевал джейранину, поглядывая на разговорчивого хозяина, поддакивал. Сам говорил мало, думая, видимо, о своем.

И вдруг насторожился, услышав слова хана

— ...из столицы. Он передал, что приедете вы, и приказал помочь вам.

Шатырбек странно посмотрел на него, на секунду перестав жевать.

— Вам известно, зачем я здесь? — тихо спросил он.

Ханали вскинул, словно обороняясь, свои пухлые ладоши.

— Что вы, что вы! Мне только приказано оказать вам посильную помощь. Только это. Я не знаю...

— Я скажу, что делать, — прервал его гость.

Ханали потянулся к нему, весь превратившись в слух и внимание.

Но Шатырбек не спешил говорить, обдумывая, стоит ли посвящать хозяина в детали. Наконец решил, что стоит: ведь не пойдет же он против воли самого шаха, а гоклены и их поэт не водят дружбы с ханом, это он знал точно.

С жадным вниманием выслушав его, Ханали поскреб грязными ногтями редкую бороду, задумался. Потом сказал, осмелев от доверия гостя:

— Значит, решили ждать... Не советовал бы.

Шатырбек, державший в руке пиалу с вином, удивленно вскинул брови.

— Уверен — ждать бесполезно, — продолжал хан. — Уж если отец, эта старая лиса, не дал прямого согласия, то Махтумкули наверняка откажется.

— Ехать во дворец?!

— Э, бек, плохо вы знаете этих людей. Что для них милость шаха? Им бы только скакать по степи да стрелять из лука в джейранов. Работать не любят, приказам не подчиняются. Слышали, как они обошлись с векилом и сборщиками подати? Так чего же от них ждать?

Шатырбек сделал большой глоток, оставил недопитую пиалу шерапа, сказал уверенно:

— Нет, каким бы гордым ни был этот Махтумкули, он не устоит перед соблазном побывать гостем у самого шаха. И потом...

Он внезапно замолчал, вспомнив о своем давнем правиле не посвящать посторонних в тайны. Хан подождал, не закончит ли гость мысль, понял, что не дождется, и сказал:

— Махтумкули устоит.

— Ладно, — вдруг согласился Шатырбек, — пусть так. И что же думает обо всем этом хан?

Ханали наполнил пиалы, пододвинул к гостю поднос с пловом.

— Надо радоваться, что поэта не оказалось в ауле, иначе вы давно бы уже ехали назад, проклиная свою судьбу...

— Ты не знаешь Шатырбека, — грубо оборвал его гость. — Еще не было случая...

Но Ханали продолжал говорить, словно бы и не слыша его слов:

— ...потому что Махтумкули не захочет ехать в столицу, и, пока его окружают друзья — гоклены, вам не на что рассчитывать. А шах, я уверен, с радостью увидел бы его скорее мертвым, чем живым.

«О, как он его ненавидит!» — подумал бек и сказал:

— Я рад, что вы так ревностно хотите выполнить волю шаха. Только мне приказано доставить его живым.

— Все равно. Если он вернется в аул, вам его не взять. А по какой дороге он будет возвращаться, это известно. Встретить его в безлюдном ущелье и... — Ханали сделал жест, словно затягивал аркан на шее.

Кровь ударила в голову беку. И как это он, опытный в таких делах человек, доверился бумажке, пусть даже подписанной шахом? Неужели с годами он стал таким, что предпочитает лежание на ковре всему остальному? Нет, хан прав, надо действовать, надо идти навстречу судьбе, а не ждать, пока она вынесет свой приговор.

Шатырбек с неприязнью посмотрел на хозяина. Пусть он не думает, что бек придает большое значение его словам.

— Что же, я подумаю, — лениво потянулся гость. — Вы немного преувеличиваете, хан. Просто, видимо, насолил вам поэт, вот вы и... Спасибо за угощение, мне пора.

— Куда же вы, бек? — всполошился Ханали.

Он вдруг подумал, что действительно вел себя неосто-

рожно и бек, посланец шаха, невесть что подумает о нем. А ведь достаточно одного его слова...

— Отдыхайте, дорогой гость! Все здесь ваше.

Бек поднялся, отряхнул крошки с колен.

— В народе говорят: «Не задерживай врага, чтобы он не узнал твоей тайны; не задерживай друга, ибо он может опоздать туда, куда стремится». Прощайте, хан, рад был познакомиться.

Глядя из-под руки вслед удаляющимся клубам пыли, Ханали с тревогой думал о том, чем же окончится для него эта встреча.

VII

Заскучавшие от безделья сарбазы спали под навесом, укрывшись кто чем.

Шатырбек отыскал взглядом того, со шрамом, облегченно вздохнул: сарбаз спал на спине, открыв рот, и муха ползла по губе, вздрагивая крыльями от дыхания.

Вдруг сарбаз сдавленно вскрикнул и сел, открыв мутные глаза. Муха лениво полстела над спящими.

Бек усмехнулся.

— Что-то приснилось? Говорят, что трус и во сне видит только страшное.

Сарбаз вскочил, вытянулся перед ним. Шрам на щеке потемнел.

— Я только что видел вас, — хрипло сказал сарбаз, тупо взглянув на бека.

— И что? — усмешка еще не сошла с лица Шатырбека. — Неужели я такой страшный?

— Э, пустяки, сон... — Сарбаз потупился.

— Нет, уж продолжай, раз начал, — нахмурился бек. — Как я тебе приснился?

Сарбаз помолчал, наконец собрался с духом.

— Я видел не вас, извините, — я видел ваши ноги. Они раскачивались на такой вот высоте от земли. А я стоял рядом на коленях, со связанными за спиной руками.

Шатырбек вздрогнул: он боялся разгадывать сны.

— Выходит, меня повесили? — Он не сумел скрыть волнение.

— Да, но... — Сарбаз решил посмотреть ему в глаза. — Но ведь сон всегда надо понимать наоборот.

— Ты хочешь сказать, что это тебя повесят? — зло сказал бек и стегнул плеткой по голенищу пыльного сапога. —

Наверное, так и будет. Но это потом. А сейчас поднимай людей, едем на охоту. А молле Давлетмамеду я сам скажу об этом.

Пока ехали степной, еле приметной дорогой, Шатырбек, испытывая непонятное беспокойство, все думал о сне. Кто знает, почему приходят во сне всякие видения? Не аллах ли открывает человеку завесу над его завтрашним днем? И как надо толковать сны?

Говорить с Меченым беку не хотелось, но он все-таки не выдержал, подозвал его к себе.

Вдвоем они ехали несколько впереди отряда, и сарбазы не могли слышать их разговора.

— Я хочу предупредить тебя, — сказал Шатырбек, — чтобы ты не болтал языком где попало. Расскажешь об этом дурацком сне — пойдут ненужные разговоры, кривотолки, а я не хочу этого.

— Понял вас, бек. — Сарбаз склонился к нечесаной гриве коня.

Помолчали.

— Я могу ехать к нашим? — спросил сарбаз.

— Подожди. Это, конечно, глупость, но... ты расскажи все по порядку, как там было, во сне...

В неверных глазах сарбаза на миг блеснуло злорадство.

— Вы, как всегда, правду сказали, бек: глупый сон. Он был какой-то обрывочный, неясный... То мы ворвались во дворец шаха, перебили стражу... Потом я увидел узкий коридор с окнами под самым потолком. Мы повернули вправо и очутились в маленькой комнате, украшенной коврами. Вы сказали нам, что здесь будто бы главный визирь устраивает тайные встречи. Там в углу стояла шкатулка. Вы бросились к ней с криком: «Это принадлежит только мне одному!» Ну, тут началась свалка. Я не знал, что в этой шкатулке, но тоже ввязался в драку. А потом... Потом я увидел раскачивающиеся ноги.

— Ладно, поезжай к сарбазам, — хмуро сказал Шатырбек. — И помни, что я сказал.

Сарбаз придержал коня, отстал.

Все то же неотступное чувство тревоги владело беком. И может же присниться такое! Ворваться во дворец шаха, перебить стражу, затеять драку возле этой шкатулки с золотом...

Вдруг Шатырбек похолодел от внезапной страшной догадки. А откуда сарбазу знать об этом узком коридоре, о

тайной комнате, о шкатулке? Он запустил руку под халат, дрожащей рукой нащупал ключ на витом ремешке. Неужели и он бывал там, этот Меченый?

Шатырбек оглянулся. Сарбазы не спеша ехали поодаль, переговаривались, смеялись чему-то. Меченый ничем не выделялся среди них. Убить его? А если он в самом деле бывал в той комнате, если ему предлагали золото и сейчас он где-то под халатом тоже носит ключ от шкатулки?.. Коварен шах!

Шатырбек снова оглянулся. Меченый ехал молча чуть в стороне, видимо, высматривая добычу. Вот он что-то крикнул, и сарбазы с гиканьем, образуя широкий полукруг, бросились к холмам. Там мелькнули коричневые спины джейранов. Животные стремительно уходили от погони. Но охотники были опытные. Они гнали стадо к реке, отрезая ему дорогу в степь. Над обрывом джейраны заметались, бросились врассыпную. И тут их стали настигать стрелы. Большинству удалось прорваться в степь, но три джейрана остались лежать на земле, судорожно дергая тонкими ногами. И в свой смертный час они словно бы продолжали бежать от врага.

Сарбазы радовались удаче. Вместе со всеми суетился возле убитых джейранов Меченый.

«Нет, убивать его не следует, — решил Шатырбек. — Надо приглядеться к нему, разгадать его помыслы. Вреда он мне не принесет. По крайней мере сейчас. А там видно будет».

В небольшом ущелье, где из-под земли пробивался родник, Шатырбек разрешил сделать привал. Но коней приказал не расседлывать и выслал вперед дозорных.

Сарбазы разожгли костер, стали жарить джейранов в горячей золе.

Шатырбек прилег на молодой траве в тени раскидистой чинары. Прежде чем уснуть, напомнил:

— Кто бы ни появился, сразу же будите. И чтоб были наготове. Всем языки повырываю, если хоть кого-нибудь упустите.

Он захрапел. Сарбазы тихо переговаривались в стороне, ожидая, когда поспеет джейранина.

А время шло. Неумолимо приближалась минута встречи нецрошенных гостей с Махтумкули.

И вот она наступила.

— Едут, бек! — Сарбаз осторожно тряс бека за плечо. Шатырбек открыл глаза и сразу же вскочил.

— Где?

Вдали, на вершине зеленеющего холма, виднелись три всадника.

Скулы Шатырбека напряглись.

— По коням! — сказал он, чувствуя, как предательски дрогнул голос. — Слушайте все. Ваше дело — быть ко всему готовыми. Действовать только по моему приказу. Кто ослушается... — Шатырбек обвел сарбазов тяжелым взглядом, — тому придется плохо. Очень плохо. Вы знаете, чью волю я выполняю. Вперед!

Они поскакали к холмам.

VIII

Махтумкули спешил. Весть, которую привез Клычли, взволновала, встревожила его. Хорошо, если все это только догадки Клычли, а если и в самом деле Менгли отдадут Мамед-хану? О, разве сможет он вынести такое! Без любимой померкнет солнце, почернеют травы, остановится сердце! Нет жизни без тебя, судьба моя, Менгли!

Менгли... Менгли... Менгли... И смеялось, и плакало, и ласкало, и разрывало душу имя это — Менгли.

Тонконогий, пятнистый конь нес поэта навстречу судьбе. Клычли и Дурды-бахши скакали, чуть поотстав. Вдруг Клычли стегнул коня и поравнялся с Махтумкули.

— Смотри!

Поэт увидел впереди группу всадников, натянул поводья.

— Что это? — спросил подъехавший Дурды.

— Похоже, сарбазы, — ответил Махтумкули.

— Да, это не бандиты, — согласился Дурды. — Видишь, впереди скачет явно какой-то хан или бай.

— Может, лучше повернем коней да удерем от них? — осторожно предложил Клычли.

Он хотел одного — чтобы Махтумкули был в безопасности, но боялся, как бы его не заподозрили в трусости.

— Нет, теперь уже поздно, — спокойно ответил Махтумкули. — Не уйти — догонят, если захотят. Поехали потихоньку навстречу. Что будет!..

Шатырбек, сразу догадавшись, кто из троих Махтумкули, соскочил с коня и поспешил ему навстречу.

— Я рад приветствовать вас, поэт! — воскликнул он, протягивая обе руки. — Мне доводилось столько слышать о

прославленном поэте, что моей мечтой стало хоть раз взглянуть на вас, дорогой Махтумкули.

Заметив недоуменный взгляд поэта, он поспешил представиться. Махтумкули сидел в седле, и спешившемуся бегу приходилось смотреть на него снизу вверх. В другом случае он бы не потерпел такого неуважения к себе, но тут приходилось мириться.

— Ваша громкая слава, поэт, пошла далеко от берегов Атрека. Люди восхищаются вашими стихами. Да что люди — сам шах захотел познакомиться с вами, видеть вас гостем во дворце. Вот, собственноручная подпись...

Шатырбек протянул приглашение.

Махтумкули взял его, не спеша прочитал, задумался.

Шатырбек настороженно разглядывал поэта... Тонкий овал лица, четкие брови, умные, пронизательные глаза, аккуратно подстриженная бородка. И одет хорошо — новый халат, чистая, с вышивкой рубашка. А вот оружия нет, только нож у пояса. Это хорошо. Шатырбек перевел взгляд на спутников поэта: у Дурды-бахши тоже, кроме дутара, ничего нет — один лишь Клычи имел и саблю, и лук со стрелами. Это успокоило Шатырбека — с одним вооруженным мальчишкой уж как-нибудь справятся сарбазы, если дело дойдет до драки. Но лучше бы не дошло.

Улыбка не сходила с лица Шатырбека.

— Шах поручил мне проводить вас во дворец, — сказал он, тяготясь затянувшимся молчанием. — Он выделил самых смелых, самых верных своих сарбазов, чтобы охранять вас в пути.

Махтумкули усмехнулся:

— Охранять? Разве я арестован?

Шатырбек приложил руки к груди, словно ужаснувшись этой кощунственной мысли.

— Что вы, поэт! Вы меня не так поняли. Речь идет о вашей безопасности. Вы же знаете, что в степи неспокойно.

— Ладно, — сказал Махтумкули. — Едем в аул, там обо всем договоримся.

Шатырбек отступил на шаг.

— Но, Махтумкули, мы и так потеряли много времени, ожидая вас.

— А что, шаху так не терпится обнять непокорного поэта?

Это была уже неприкрытая издевка.

Шатырбек молча, сдерживая гнев, сел на своего коня.

— Ты осмелился говорить так о шахе, который оказал тебе честь, — наконец проговорил он. — Ты можешь стать главным поэтом при дворце, у тебя будет все — золото, свой гарем, слуги, а ты...

— Простите, бек, но меня ждут неотложные дела, — хмуро сказал Махтумкули, вспомнив о Менгли. — Если хотите, будьте гостем у нас.

Он тронул коня. Набежавший ветер вырвал из его рук листок и понес в степь.

Шатырбек понял, что поэт не принял и уже не примет приглашения. Теперь не нужно было больше притворяться, льстить, унижаться.

— Стой! — наливаясь кровью, крикнул бек. — Ты оскорбил меня, ты оскорбил самого шаха! И ты заплатишь за это, жалкий писака! Взять его!

Сарбазы выхватили свои кривые сабли, загалдели, подбавляя один другого, сгрудились вокруг поэта и его спутников.

То, что произошло в следующее мгновение, Махтумкули даже не успел как следует разглядеть. Он только увидел, как один из сарбазов охнул и, показав в страшной усмешке крупные желтые зубы, рухнул под ноги коней.

И тут же раздался отчаянный крик Клычли:

— Бегите, брат! Спасайтесь!

Зазвенела сталь, заржали поднятые на дыбы и столкнувшиеся грудью кони.

Недаром Човдур учил Клычли мастерству сабельного боя — юноша ловким ударом обезоружил нападавшего на него сарбаза, развернул коня и полоснул клинком по плечу второго всадника, который заехал сбоку.

— Клычли! — забыв обо всем, крикнул Махтумкули. — Остановись! Они убьют тебя!

Он рванулся к юноше, но сарбазы с двух сторон крепко держали его, заламывая руки. Тогда Махтумкули повернул разгневанное лицо к Шатырбеку:

— Эй, бек, прикажи сарбазам оставить его в покое! Я поеду с вами.

Шатырбек выдержал его пронзительный, ненавидящий взгляд и усмехнулся.

— Ты в любом случае поедешь с нами. Откажешься — силой заставим. А этого щенка следовало бы проучить. Ну да ладно... Стойте! — крикнул он сарбазам. —

Оставьте его! А ты, волчонок, бросай саблю и лук, если хочешь жить...

— Брось, Клычли,— сказал Махтумкули.— Ты же видишь, их слишком много.

Клычли, от которого отступились разгоряченные сарбазы, затравленно огляделся, бросил на землю оружие и вдруг упал лицом на гриву коня. Плечи его затряслись.

Махтумкули, почувствовав, что руки сарбазов отпустили его, подъехал к названому брату, положил ладонь на его крепкую и такую вдруг беспомощную спину, сказал нежно:

— Не падо, Клычли. Ты поступил как настоящий мужчина и оставайся им до конца.

Клычли поднял к нему мокрое лицо, глянул затуманенными глазами:

— Они навсегда увезут тебя, брат. В неволю!

— Ничего, от судьбы не уйдешь. Крепись. Еще неизвестно, чем все кончится.

К ним подъехал Дурды-бахши.

— Ты молодец, Клычли,— сказал он, пожимая юноше руку.— Подожди, я еще буду петь песни о твоей храбрости. А сейчас Махтумкули прав, надо подчиниться силе.

Тем временем сарбазы перевязали раненых, и Шатырбек скомандовал:

— Вперед! Да побыстрей!

Окруженные сарбазами, пленники ехали молча, думая о своей печальной участи.

Понуро сидел в седле Махтумкули.

Менгли... С каждым шагом коня он становился все дальше и дальше от нее. Надолго ли их разлука? Может быть, навсегда?

Глухо стучат копыта по сухой земле. И уходит, уходит в прошлое Менгли. Теперь она где-то там, по ту сторону вдруг вставшего на их пути водораздела. Судьба развела их дороги. И все-таки Менгли всегда будет с ним — в сердце, в его стихах, в его памяти...

Менгли!..

Молчит огромная, без края, степь. Молчат горы. Молчит далекое небо — как странно, оно одно и для Менгли, и для этих угрюмых сарбазов, и для шаха...

Только копыта вразнобой: тук-тук-тук...

Оглядываясь, исподлобья рассматривает сарбазов Клычли. Эх, сюда бы Човдура! Вместе они раскидали бы этих вонючих псов, освободили бы Махтумкули, ускакали бы к берегам родного Атрека. Надежный, верный друг Човдур.

Года три назад в эту же пору объезжали они вдвоем посеы пшеницы. Коня шли не спеша. Друзья разговаривали о том о сем, не ведая, что их подстерегают за ближайшим холмом бандиты. С гиканьем выскочили они навстречу, окружили. Човдур выхватил саблю, в мгновение оттеснил Клычли к стене обрыва, прикрыл собой. Разбойников было семеро. Трое из них, рассчитывая на легкую добычу, кинулись на Човдура. Их копыта готовы были пригвоздить его к земле.

— Бросай саблю, слезай с коня! — приказал один, видимо, главарь.

— Лови! — крикнул Човдур и точным и сильным ударом выбил копыта из его рук.

Второй стремительный взмах — и главарь бандитов, зажав ладонью рану на плече, повернул коня. А Човдур, используя замешательство среди разбойников, с воинственными криками стал наседать на них. Он так здорово орудовал саблей, что разбойники не выдержали натиска и бросились наутек.

— Эге-ге! — закричал им вдогонку Човдур. — В следующий раз пусть приходит кто-нибудь посильней да похрабрей! Пусть спросят Човдура! Вот тогда я покажу, что такое настоящая драка!

Бандиты долго еще слышали его басовитый, раскатистый хохот.

С тех пор и пополз по степи, по горным ущельям слух о том, что среди гокленов появился невиданный пальван, который мог потягаться в силе и мужестве с самим Рустамом.

А через год какой-то дервиш рассказывал самому Човдуру, как этот самый пальван будто бы сражался с семиголовым драконом и победил его.

— Как же зовут знаменитого пальвана? — пряча улыбку в усы, спросил Човдур.

— Имя его, — понизив голос до шепота и оглянувшись, сказал дервиш, — Човдур-хан.

Човдур рассмеялся.

— Уж так и хан?

Дервиш в испуге замахал на него руками:

— Что ты, что ты! Не смейся, не говори так! Сказывают, он не прощает обид.

— А где же он живет?

— Да где-то в ваших краях. Не довелось встретить?

Човдур похлопал дервиша по плечу, едва покрытому ветхой одеждой.

— Ну, где нам! Ты же говоришь, он хан. А мы простые люди. Только не верю я тебе. Уж если есть такие пальваны, то никак не среди ханов, это я точно знаю.

Да, знай Човдур о том, что его друзья в беде, догнал бы, выручил. Только откуда ему знать? Хитрее лисицы, коварнее волка оказался этот бек...

Молчал и Дурды-бахши. Он был один, роднее всех на свете были ему звонкий дутар да резвый конь, возивший его из аула в аул. Всюду любили его песни, готовы были слушать ночь напролет. И он пел не уставая, от зари до зари, изредка только смахивал пот со лба да отхлебывал чай из пиалы.

— Ты рожден быть птицей,— сказал ему как-то Махтумкули.

— А ты? — улыбнулся в ответ Дурды.

— Я? — Печаль мелькнула в глазах поэта. — Я — Фраги.

И сейчас, глянув на скорбное лицо Махтумкули, Дурды с болью подумал о том, что вот сбылось пророчество поэта. Судьба разлучила его с любимой, с друзьями, с родиной.

IX

К вечеру молла Давлетмамед почувствовал себя плохо. Ныло в затылке, время от времени сердце словно бы обливали горячей водой.

Накинув на плечи теплый халат, он сел к огню, раскрыл толстую книгу Ибн-Сины, стал листать, отыскивая подходящий совет знаменитого врача, но глаза быстро устали, и он отложил книгу, прилег.

Заглянула Зюбейде, спросила тихо:

— Ты не спишь, отец?

— Нет, дочка, я только прилег ненадолго.

— Тебе ничего не нужно?

— Нет, я полежу и встану. Скажи, вернулись бек и сарбазы?

— Я не видела их.

Давлетмамед вздохнул:

— Куда же они запропастились?..

Зюбейде молча ждала у двери.

— Ладно, иди, дочка... Хотя нет, подожди. Скажи, Мамедсапа уже дома?

— Они с Човдуром уехали в поле, должны скоро вернуться.

— Хорошо. Как вернется, пусть придет ко мне. Иди, Зюбейде.

Он снова остался один. Тревога заползла в душу. Мысли путались. «Где он, этот загадочный бек? Что задумал? А может, решил подкараулить Махтумкули в степи? Да нет, у него же приглашение самого шаха, пойдет ли он на такое? Приглашение... Это на бумаге. А устно шах мог приказать... мог приказать... Он все может, коварный властелин Ирана и Турана. Что же они задумали? Ох, не вовремя уехал Махтумкули! И этот бек... и Менгли... и боль в голове... А может быть, все уже вернулись и я ничего не знаю?»

Давлетмамед с трудом сел, прислушался. Обычные звуки вечернего аула долетали в кибитку. Поблизости верблюды позванивали колокольцем. Где-то заржал конь, простучали копыта. Чьи-то голоса доносились глухо и невнятно. Засмеялась Зюбейде.

Жизнь идет своим чередом.

И если вдруг не станет сейчас старого моллы, она не остановится, пойдет дальше — к лучшему. Что бы ни случилось — обязательно к лучшему. Он верил в это.

Давлетмамед вздохнул, поправил фитиль в каганце. Тени заматались по стенам кибитки.

За стеной раздался конский топот, голоса. Давлетмамед узнал — вернулся Мамедсапа.

Он зашел вместе с Човдуром.

— Ты звал, отец?

— Да, заходите, садитесь. Как там, в поле? Хороша ли пшеница?

— Хороша, — скупно ответил Мамедсапа. Он знал, что другое беспокоит сейчас отца.

— Где-то запропалились наши гости, — сказал Давлетмамед. — Не встречали их?

— Нет, не встречали, — сказал Мамедсапа и глянул на Човдура.

Тот спросил тревожно:

— А что, они не сказали, куда поехали? Может, совсем убрались?

Давлетмамед покачал головой.

— Сказали, что на охоту. Но чует мое сердце, тут что-то другое.

У Човдура гневно сошлись брови на переносице.

— Если они затеяли что-нибудь дурное против Махтумкули...

— Боюсь, что они перехватили его в степи, — перебил его молла.

Човдур сжал свои огромные кулаки. И вдруг схватился за голову:

— Бах, это же я привел их к вашему дому! Горе мне!

— Успокойся, сынок, — мягко сказал Давлетмамед. — Нет твоей вины в том, что злые люди пришли сюда.

Но Човдур уже вскочил на ноги.

— Все равно, — голос его зазвенел напряженно и страстно, — все равно я разыщу негодяев и выручу Махтумкули, если он попал в их руки! Ты едешь со мной, Мамедсапа?

Мамедсапа тоже встал, вопросительно посмотрел на отца.

— Конечно, поезжай, сынок, — сказал Давлетмамед. — Пусть сопутствует вам удача!

Вскоре он услышал, как в тишине ночи раздался гулкий стук копыт. Он вдруг оборвался невдалеке. Потом снова с удвоенной силой пророкотал по аулу и постепенно замер. Давлетмамед понял, что сын и Човдур взяли с собой еще кого-то из надежных парней.

— Не оставь их, великий аллах, — прошептал старик, — помоги в трудную минуту, отведи от них вражью саблю или стрелу!

Неслышно вошла Зюбейде, поставила перед отцом чайник чая, чистую пиалу, развернула платок со свежим, еще теплым, пахнущим дымком тамдыра чуреком и так же тихо ушла: чувствовала — беспокоить отца сейчас нельзя.

А он, поглощенный своими мыслями, своею болью, наверное, и не заметил ее.

Большую, долгую жизнь прожил молла Давлетмамед, многое испытал, о многом передумал, и книги его принесли ему известность, и выросли дети. Но был ли он счастлив? В чем-то своем, личном — в детях, которых любит и которые отвечают ему любовью, в творчестве, в наслаждениях, дарованных природой, — в этом — да. Но всегда его мучило другое, более важное, чем даже благополучие семьи, — жизнь народа. Он видел свой народ талантливым, храбрым, трудолюбивым и радовался этому. Но видел еще и грязь, и невежество, и кровь, пролитую невинно, и нищету, и попрание человеческого достоинства, — видел, принимал близко к сердцу, но ничего не мог сделать, чтобы помочь народу. И это угнетало, не позволяло даже в самые лучшие минуты сказать

Сколько любви и сколько горя в голосе Менгли! Как вырвать ее из когтей немилостивой судьбы?

Если Махтумкули благополучно вернется, пусть поступит так, как подскажет ему сердце. У него теперь один путь — посадить Менгли на коня и умчаться в степь, в горы, туда, где никто не сможет помешать им любить друг друга. Если это и грех, Давлетмамед все равно будет осуждать сына. Разлучать влюбленных — это действительно грех!

Затихла песня. Давлетмамед услышал, как топчутся кони за стеной, как шумят деревья на ветру, и шорохи, и шепоты, какие бывают только ночью.

Чья-то рука откинула полог на двери. В просветлевшем проеме старик увидел Зюбейде. Она стояла молча, прислушиваясь.

— Я не сплю, дочка, входи.

Зюбейде бросилась к нему, прижалась, как бывало в детстве, когда ее обижал кто-нибудь. Отец провел ладонью по ее мокрой щеке.

— Ты плачешь?

— Отец! — Слезы сдавили ей горло. — Ты слышал? Она пела... Неужели ничего нельзя изменить, отец?

Он помолчал, подумав вдруг, что его самые мрачные предположения, наверное, все-таки сбылись — сарбазы бека схватили Махтумкули и сейчас везут его на юг как пленника. Он сам не верил в это даже тогда, когда говорил со старшим сыном и Човдуром. Но теперь, кажется, не остается сомнений.

В темноте блестели устремленные на него большие глаза Зюбейде. Он погладил ее по голове и сказал еле слышно:

— Над нами аллах. Все в его власти, дочка.

Утро наступило такое же светлое, тихое, как и вчера. Но оно не радовало Давлетмамеду.

Только что прискакали на взмыленных конях Мамедсапа, Човдур и другие джигиты. По хмурым, измученным, грязным от пота и пыли лицам молла сразу понял, что не с доброй вестью вернулись они.

— Мы доехали до того аула, где Махтумкули был на тое, — сказал, тяжело дыша, Мамедсапа. — Он уехал оттуда вчера утром. С ним были Клычли и Дурды-бахши. Мы обшарили всю степь, все ущелья на их пути и не нашли никого. Один чабан сказал, что видел у Каркалы много всадников — они скакали в Иран. Но узнали об этом слишком поздно, отец, мы уже не могли догнать их.

Давлетмамед закрыл лицо руками. Кровь застучала в

висках. Тупая, давящая тяжесть снова возникла в затылке.

— О, какое несчастье! — проговорил старик, раскачиваясь из стороны в сторону. — За что, великий аллах, ты караешь рабов своих?

И сразу же заголосили, запричитали Зюбейде и другие женщины, слышавшие через стену разговор.

Их плач заставил Давлетмамед взять себя в руки.

— Замолчите! — раздраженно сказал он, полуобернувшись. — Глупые женщины, вы воете так, словно кто-то умер. Но Махтумкули жив!

За стеной стало тихо, только изредка доносились сдерживаемые всхлипы.

— Что будем делать, молла-ага? — прервал молчание Човдур. — Я чувствую вину за все случившееся и готов искупить ее.

Давлетмамед ласково посмотрел на Човдура.

— Ты напрасно казнишь себя, сынок. Я уже говорил: не ты, а судьба привела этих людей в наш дом.

— Все равно, — горячо возразил Човдур, — я подниму всех наших джигитов, мы ворвемся во дворец шаха и выручим Махтумкули и его друзей.

Давлетмамед вздохнул.

— Э, Човдур, разве вам под силу тягаться с сарбазами шаха? У него не счесть войск, есть и пушки, а у вас одна лишь молодость, горячие головы. Нет, это не годится. Надо подумать. Мамедсапа, сходи, сынок, к моему другу Селим-Махтуму, пригласи его, если он здоров, к нам.

Но Мамедсапа не успел даже подняться. Послышались шаркающие шаги, старческий кашель, и на пороге встал сам Селим-Махтум. Красными, слезящимися глазами он обвел присутствующих, поздоровался. Мамедсапа кинулся к нему, помог войти, осторожно усадил рядом с отцом.

— Слышал я, слышал о вашей беде, Давлетмамед, — сказал гость. — Но ты знай — это и наша беда. И наша вина. Как это мы не раскусили вовремя проклятого бека! Вай-вай! Теперь я вспоминаю: в каждом шаге его, в каждом взгляде, в каждом слове виден был подлый человек. А мы поверили его сладким речам. Позор на наши седые головы!

Он обвел всех взглядом, и каждый опустил голову.

Селим-Махтум отхлебнул чаю из пиалы, подставленной ему, чмокнул губами, вытер ладонью усы и бороду. Спросил:

— Ну, что надумали?

— Пока ничего путного, — ответил Давлетмамед. — Вот

Човдур предлагает поднять джигитов идти на дворец шаха. Но ведь нам не совладать с сарбазами. Мы сами из года в год укрепляли войско шаха, последнее отбирали сборщики налога, лишь бы обеспечить его лихими конями, острыми саблями, громоподобными пушками. Где уж теперь идти против такой силы!

Селим-Махтум слушал его и кивал головой.

— Ты прав, друг,— сказал он, но закашлялся и долго не мог продолжать, накопец вытер платком глаза, усы и бороду, усмехнулся.— Вот разве только если я выйду против сарбазов да пачну кашлять, они подумают, что у туркмен есть пушки...— И сразу стал серьезным: — Оружием нельзя шутить, Човдур. Все мы любим Махтумкули и готовы защитить его. Но если мы поднимем оружие, и ему и себе нанесем только вред.

— Так что же нам теперь, сидеть сложа руки? — не выдержал Човдур.

Селим-Махтум укоризненно покачал головой.

— Не во всяком деле хороша горячность, сынок. Если вы захотите силой освободить Махтумкули, то и сами погибнете, и его шах в зиндан¹ упрячет, а то и на виселицу пошлет. А сидеть сложа руки я не предлагаю. Просто есть еще способ выручить нашего поэта. Говорят, умное слово и змею заставит выползти из норы. Думаю, что и шаха можно убедить.

— Шах хуже змеи,— зло сказал Човдур.

— Может быть,— согласился Селим-Махтум.— Но попытаться надо. Как думаешь, Давлетмамед?

Молла согласно кивнул:

— Согласен с тобой, друг. Надо ехать к шаху, поговорить. Кого пошлем? Может быть, следует мне самому поехать?

Селим-Махтум положил руку на его колено.

— Нет, друг, ты отец, тебе нельзя. Человек должен говорить с шахом не от себя, а от имени всех гокленов, даже всех туркмен.

Он сказал это так торжественно, что все замолчали, думая о поэте, чья слава уже при жизни поднялась на небывалую высоту.

— Так, может быть, ты? — прервал молчание Давлетмамед, обращаясь к старому другу.

— Если народ доверит, я готов,— с достоинством отве-

¹ З и н д а н — подземелье, темница, тюрьма.

тил Селим-Махтум.— Слава аллаху, в седле я еще крепко сижу.

— Вот и хорошо! — обрадовался Давлетмамед.— А с тобой Човдур поедет и еще кто-нибудь из джигитов. Согласен, Човдур?

— Я-то согласен,— хмуро сказал тот.— Только не верю я в это дело. Ничего не добьемся, а себя опозорим.

— Вот если не добьемся,— недовольный упрямством Човдура, Селим-Махтум даже повысил голос, чего с ним никогда не бывало,— вот тогда и поступим так, как ты предлагаешь. А пока слушай старших.— И повернулся к Давлетмамеду: — Я думаю, надо созвать аксакалов, посоветоваться и собираться в путь.

Давлетмамед поднял глаза кверху, сказал горячо:

— Помогите нам, аллах!

Х

День был на исходе. С запада, с моря, наползли тяжелые, низкие тучи. В воздухе запахло дождем. И затихла, притаилась, ожидая его, степь. Земля была еще сухая, прокаленная за день солнцем, почти белая. Она казалась странной, неестественной под этим мрачным, дымным небом.

Усталые кони шли шагом. Сарбазы с опаской поглядывали вверх — близкий ливень не сулил ничего хорошего. Один Шатырбек, довольный, гарцевал на своем свежем, словно бы и не проделавшем со всеми многокилометрового перехода, скакуне. «Хорош конь,— думал бек.— Вернусь, получу заветную шкатулку — будет и у меня своя конюшня. Таких вот коней заведу, пусть недруги лопнут от зависти!»

С одного из холмов открылись вдали сады Сервиля, и Шатырбек совсем воспрянул духом — теперь-то уж нечего опасаться погони.

— А ну, взбодрите коней! — крикнул он.— Еще немного — и отдых!

Он глянул на пленников, встретил тяжелый взгляд поэта, придержал коня и, когда Махтумкули поравнялся с ним, сказал миролюбиво:

— Э, не надо хмуриться, дорогой поэт. Недаром говорят: что ни делается — все к лучшему. Поверьте, судьба уготовила вам завидную долю. Вы не поняли этого, и мне пришлось немного помочь вам. В ваших же интересах.

Махтумкули молчал, глядя вперед. Ему не хотелось гово-

рить с этим коварным человеком. Да и что он мог ему сказать? Бек не настолько глуп, чтобы всерьез надеяться на расположение пленников. Просто сейчас, вблизи от безопасной крепости, он в хорошем расположении духа, поэтому и говорит так. Ведь утром он был иным.

— Вот приедем в Сервиль, — продолжал добродушно Шатырбек, — угощу вас так, что пальчики оближете. Есть там у меня знакомый повар. Ох, и мастер же! Особенно хорошо птицу умеет приготовить. Фазаны у него — просто объедение. Попробуете — сами оцените.

Ехавший рядом с Махтумкули Клычли не выдержал:

— Мы весь день ничего не ели, а ты еще издеваешься над нами! Будь моя воля...

Шатырбек насупил брови, сказал негромко, сквозь зубы:

— Заткнись, щенок. Иначе твой язык сожрут сервильские собаки.

— Ты сам паршивая собака! — теряя власть над собой, крикнул Клычли.

Махтумкули тронул его за руку:

— Перестань, Клычли. Ты все равно ничего не докажешь.

Шатырбек зло хлестнул коня и ускакал вперед.

— Еще неизвестно, что будет с нами, — сказал Дурдыбахши, — а ты уже сам лезешь в петлю.

— Я не могу видеть этого... этого...

От волнения Клычли не мог найти подходящего слова.

— Потерпи, Клычли, — сказал Махтумкули. — Иначе ты повредишь нам всем. Ты же не один. Почему же из-за твоей невоздержанности должен страдать Дурды?

Клычли сразу сник. Он подумал о том, что бек может отомстить не ему, а Махтумкули, и дрожь прошла по всему его телу.

— Прости меня, брат, — мрачно сказал он.

Обгоняя сарбазов, Шатырбек позвал того, со шрамом.

— В Сервиле мы остановимся передохнуть, — сказал он, не глядя на сарбаза. — А ты сменишь лошадь и поскачешь в столицу. Передашь главному визирю мое письмо.

И сразу же впился глазами в лицо Меченого.

Но сарбаз был спокоен, смотрел почти равнодушно, и бек позабывал его выдержке.

— Слушаюсь, мой бек.

Меченый отстал, помешкал и вновь поравнялся с беком.

— Не осудите за смелость, — сказал он, поклонившись. —

Но, может быть, лучше вам не задерживаться в Сервиле?

Вот он и выдал себя. Бек ликовал.

— Не вмешивайся не в свое дело! — грубо оборвал он сарбаза. — Я уже предупреждал тебя однажды — помни!

— Тогда пошлите во дворец кого-нибудь другого, — сарбаз посмотрел прямо в глаза Шатырбека.

Тот выдержал его взгляд, не моргнув, и сказал презрительно:

— Пошел вон! Я знаю, что делаю.

Он ни с кем не хотел делить славу и деньги, Махтумкули был его добычей. Его одного.

Дождь хлынул, когда они уже были в крепости.

Сарбазы поспешно, втягивая головы в плечи и сутулясь, заводили коней под навес.

Шатырбек ушел в мейхану.

Только пленники продолжали сидеть в седлах посреди двора. Халаты и тельпеки их быстро намокли, вода стекала на угрюмые лица, но все трое оставались неподвижными.

В дверях мейханы встал Шатырбек.

— Эй, — крикнул он, — долго вы будете мокнуть под дождем? Слезайте, заводите лошадей под навес да идите в мейхану!

Пленники не двинулись с места.

Это не понравилось Шатырбеку. Он покрутил пальцем ус, усмехнулся. Подозвав трех сарбазов, распорядился:

— Отведите этих в сарай. Заприте и поставьте охрану.

И скрылся в мейхане.

— Видал? — спросил он повара Гулама, который приник к окну. — Они еще будут ломаться!

Сарбазы втолкнули пленников в сарай, закрыли дверь на засов.

Один из них остался под небольшим деревянным навесом у двери. Поеживаясь, он с завистью смотрел на окна мейханы, за которыми видны были блаженствующие сарбазы. Вот дверь мейханы распахнулась, на пороге, дожидаясь что-то, замер сарбаз со шрамом на щеке, в нерешительности посмотрел на серое небо, сыплющее дождем, и зашагал к конюшне. Навстречу ему конюх уже выводил свежую лошадь.

Меченый вскочил в седло, спросил конюха:

— Как, спокойный?

— Жеребец послушный. — Конюх ласково потрепал коня по лоснящейся шее. — Не беспокойтесь, довезет как надо.

Меченый оглянулся на окна мейханы, скользнул взглядом по двери сарая, по часовому, сутулящемуся под навесом,

скрипнул зубами и погнал коня к крепостным воротам. Из-под копыт полетели комья грязи.

Вскоре дождь смыл следы на размокшей земле.

Старый Гулам провел Шатырбека в отдельную комнату, устланную дорогими коврами.

— Располагайтесь, отдыхайте, мой бек,— сказал он, кланяясь.— Надеюсь, вы не поедете в такую погоду, заночуете у нас?

Шатырбек, развязывая платок на поясе, сказал грубо:

— Опять ты, старик, суешь нос не в свое дело.— Платок, а за ним халат полетели в угол.— Готовь угощение, а остальное я сам буду решать.

— Но если вы решите...

Бек оборвал его:

— О моем решении ты узнаешь в свое время, Гулам. Приготовь фазанов, которых подбили по дороге мои сарбазы, и принеси кувшин багдадского вина. И еще скажи Рейханханум, что я хотел бы навестить ее.

Гулам поклонился, намереваясь уйти, но гость остановил его:

— Постой. Ты видел этих туркмен, которых заперли в сарае? Знаешь их?

Он смотрел на повара пристально и жестко.

— Нет, мой бек, мне незнакомы эти люди.

— Но, говорят, ты жил среди туркмен. Верно?

— Верно. Но это было очень давно. Мальчишки с тех пор стали мужчинами, а джигиты стариками.

— Ладно, иди,— сказал бек.

Гулам осторожно прикрыл за собой дверь, сделал несколько шагов по коридору и остановился, привалившись плечом к стене.

Сердце стучало гулко, неровно. Где только нашел он силы вынести этот разговор?..

Бек захватил Махтумкули и везет куда-то, может быть на муки, на смерть...

Сын Давлетмамед, ставшего для Гулама братом, в беде, а он должен сгибаться перед его мучителем, угождать ему, выполнять его желания...

Надо что-то делать. Но что?

Гулам медленно побрел по коридору на кухню.

О, как слабы, как непослушны ноги! В сущности, он совсем не стар, даже моложе Шатырбека! А вот поди же — тот скачет на лихом коне по степи, а он едва ходит. Что сделаешь, судьба не баловала его, рано наградила болезнями.

Стоит собраться тучам, как начинают ныть суставы. Колени во время ходьбы постреливают, словно сырые ветки в костре.

К нему подошла Хамидэ.

— Что с тобой, отец? — Она заглянула ему в глаза. — Ты нездоров?

Он отстранил ее. Сказал:

— Иди найди Джавата. И ждите меня дома, я скоро приду.

Хамидэ спросила тревожно:

— Тебя опять обидел этот человек?

Гулам вдруг выпрямился.

— Да, — сказал он. — Очень. И не только меня. Иди, дочка.

В мейхане было дымно и шумно. Сарбазы, скинув мокрую одежду, лежали на кошмах, курили кальян, пили дешевое вино, громко разговаривали.

Из дальнего угла вдруг донесся пьяный выкрик:

— Продажные твари!

Сарбазы не понимали по-туркменски, оглядывались, смеялись.

— Ненавижу!

Гулам хорошо знал этого человека. Его звали Кочмурад. Когда-то он был красивым, гордым, сильным, не каждый решался выйти с ним в круг на соревнованиях пальванов. Но сейчас он выглядел жалко: худой, обросший, с лихорадочно горящими глазами, забился в угол и оттуда смотрел на сарбазов. Наверное, кто-то из них поднес ему вина, — пьянел он быстро и вот теперь выкрикивал обидные, но непонятные для сарбазов слова.

Гулам подошел к нему.

— Успокойся, Кочмурад, перестань. Они мои гости.

Кочмурад поднял к нему дрожащие руки. По лицу его текли пьяные слезы.

— Это они, — всхлипывая, сказал пальван, — они во всем виноваты. Шакалы! Хуже шакалов!

— Перестань, — строже сказал Гулам.

Он боялся, что кто-нибудь из сарбазов все же знает туркменский.

Кочмурад покорно лег на кошму, затих.

Пока в казане жарились фазаны, Гулам думал. Как несправедливо устроен мир! Вот Кочмурад. Чем он виноват перед людьми и аллахом? А наказан так жестоко!

...Все началось два года назад.

Перед рассветом, когда сон так крепок, на аул напала

шайка головорезов. Это были люди одного из иранских беков, промышлявшие в туркменских селениях. Их вел сам бек, человек отчаянный и жестокий. Они ночью перевалили через горы и молча, без единого крика, бросились на спящих. Через несколько минут одни туркмены были убиты, другие связаны. Женщины, старики и дети дрожали, с ужасом поглядывая на обнаженные сабли аламанов¹. Бек увел своих людей только тогда, когда все мало-мальски ценные вещи были погружены на лошадей. Угнали бандиты и захваченный скот.

И только когда затих вдали топот, над аулом вспыхнули крики, плач, стоны, причитания.

Кочмурад лежал в своей кибитке связанный, с грязной тряпкой во рту. Когда его развязали, он сплюнул и сказал: — Клянусь, я отомщу им!

Все мужчины аула пошли с ним.

Беку и его молодцам удалось бежать. Зато их родственники, жены, дети были захвачены мстителями.

Их подгоняли плетками. Спотыкаясь, прикрывая руками головы, они почти бежали, чувствуя на затылках жаркое дыхание лошадей. Кто не выдерживал и падал, тот уже не вставал никогда.

На дороге им повстречались два всадника. Один из них, стройный, с тонким, живым лицом, поставил коня на пути пленников, поднял руку. Они остановились, не зная, что сулит им эта неожиданная встреча.

К всаднику, задержавшему движение, подскочил на коне разгоряченный Кочмурад.

— А ну, прочь с дороги! — крикнул он, хватаясь за саблю.

Незнакомец спокойно посмотрел на него, усмехнулся.

— А ты горяч, друг.

И тут Кочмурад узнал его. Рука разжалась, сабля со звоном легла в ножны.

— Прости... — хмуро сказал он. — Мы встречались на тое у Бяшима.

— Помню, — улыбнулся Махтумкули. — Ты тогда поборол всех наших палванов, только перед Човдуром не устоял.

Он посмотрел на спутника.

— Салам, — тоже улыбаясь, сказал Човдур. — Если хочешь, можем снова померяться силами. Приезжай на курбан-байрам².

¹ Аламань — грабители.

² Курбан-байрам — традиционный праздник весны.

— Спасибо,— по-прежнему хмуро ответил Кочмурад.— А сейчас дайте дорогу, мы спешим.

— Подожди,— сказал Махтумкули.— Еще успеете. Скажи, кто эти несчастные?

Не глядя на него, Кочмурад кратко рассказал о набеге. На скулах Махтумкули заиграли желваки.

— Слушай,— сказал он,— я знал твоего отца, его звали Арслан-стеснительный. Он работал у Ханали. Всю жизнь не расставался с кетменем. Не обидел даже воробья. А что с ним сделали аламань?

— Не надо вспоминать об этом,— еще более помрачнев, прервал поэта Кочмурад.

— Я бы не вспомнил, если бы не увидел вот это,— Махтумкули кивнул на сгрудившихся, дрожащих от страха женщин, детей, стариков.— Аламань хотели угнать скот Ханали-хана, а твой отец пострадал только потому, что подвернулся им под горячую руку. Почему же ты, его сын, поступаешь, как те аламань?

— Разве месть — позор? — сверкнул глазами Кочмурад.

— А кому ты мстишь, подумал? — вопросом на вопрос ответил Махтумкули.— Посмотри. Разве перед тобой бек? Разве вот эта несчастная женщина с залитым кровью лицом похожа на воина?

— Они родичи головорезов, и этого достаточно,— зло сказал Кочмурад.

— Нет! — крикнул, словно ударил его, поэт.— Народы не могут враждовать, враждуют правители. Это им на руку, что мы ненавидим друг друга. А мы должны ненавидеть тех, кто сеет раздор между племенами и народами, на них обращать свой гнев.

Он замолчал, тяжело дыша. Потом, остывая, тронул Кочмурада за плечо:

— Ты сделаешь доброе дело, если отпустишь их, Кочмурад. Так сказал бы твой отец.

Кочмурад смотрел в землю, раздумывал. Стало так тихо, что Махтумкули услышал, как стучат зубы у женщины с разбитым лицом.

Наконец Кочмурад поднял голову, оглядел пленных, потом перевел взгляд на своих джигитов. На их лицах он прочел неловкость и ожидание и догадался, какого решения ждут они. Тогда он яростно стегнул коня и поскакал в степь, даже не попрощавшись с Махтумкули и Човдуром. Участники набег а потянулись за ним.

Пленники, еще не понявшие, что произошло, остались стоять, затравленно озираясь.

— Вы свободны, — по-персидски сказал им Махтумкули. — Возвращайтесь домой. И скажите там, что туркмены не воюют с беззащитными. И еще скажите тем, кто ходит в набеги с вашим беком: пусть подумают, чем это может кончиться. Нам нечего делить. У каждого в своем доме много забот. Идите.

И он повернул копя.

Весть об этой встрече быстро разлетелась по аулам и крепостям. Дошла она и до Гулама, и он порадовался за сына своего спасителя.

А совсем недавно, когда в Сервиле появился невероятно опустившийся Кочмурад, Гулам узнал продолжение истории.

...Однажды в аул пришли сборщики подати. Векилом у них был тот самый бек. Кочмурад узнал его, выбрал момент и ударил кинжалом в живот. Потом еще раз, еще... Бек упал с копя на землю, а Кочмурад все бил и бил его мокрым от крови кинжалом, пока сарбазы не скрутили парня.

Через несколько минут запылали кибитки. Треск охваченных огнем жилищ, вой женщин, плач детей, стоны раненых — это Кочмурад запомнил навсегда. Он видел, как двое сарбазов бросили в огонь его годовалого сына, как поволокли куда-то потерявшую сознание жену. Вместе с другими уцелевшими односельчанами Кочмурада погнали на юг. Он знал: его ждет мучительная смерть. Ночью, на привале, он разорвал веревки, вскочил на первого попавшегося коня и умчался. Сарбазы растерялись, упустили момент и уже не смогли его догнать.

Он оказался на чужой земле никому не нужный, без денег. В какой-то крепости он продал коня и впервые напился и пакурился терьяка¹ в мейхане. А потом пошло...

В Сервиль он пришел, едва волоча ноги, оборванный, с красными глазами. Гулам накормил его, и Кочмурад застрял здесь, подрабатывая чем придется.

Когда ему перепала пиала вина, он возбуждался, в глазах появлялся лихорадочный блеск, и злобные, отрывистые, порой несвязные слова срывались с его дрожащих, посиневших губ. И только Гулам мог легко успокоить Кочмурада. Проспавшись, он плакал и просил прощения.

¹ Терьяк — один из видов наркотика.

— Ты не перс,— сказал он как-то Гуламу,— ты хороший добрый человек, я люблю тебя, как брата.

— А разве перс не может быть хорошим человеком? — с обидой спрашивал Гулам.

Кочмурад хватал его за руку, преданно смотрел в глаза.

— Я глуп, я ничтожен,— бормотал он.— Махтумкули прав — все бедные люди одинаковы... и персы, и иомуды, и гоклены, и урусы... А беки — паршивые свиньи, ханам надо рубить головы... шаху... Я глуп, прости меня, Гулам.

И слезы текли по его впалым щекам.

Вот и сейчас он лежал, поджав ноги, на кошке в углу, и всхлипывал, и бормотал что-то, забываясь в тяжелом, не приносящем облегчения сне.

Гулам прошел на кухню. Вскоре оттуда послышалось звонкое шипение масла в казане, потянуло запахом жареной дичи.

— Эге,— сказал один из сарбазов, раздувая поздри,— кажется, повар готовит что-то вкусное. Фазана, пожалуй...

— Заткнись! — грубо оборвал его другой.— Это не для нас. У бека, слава аллаху, хороший аппетит. А нам хватит и жидкой похлебки.

Шатырбек действительно не жаловался на аппетит. Отхлебывая из пиалы душистый, только что заваренный чай, он с нетерпением ждал, когда Гулам принесет по-особому приготовленного фазана.

Подушки под локтем и спиной были мягкие, их нежный шелк располагал к неге и спокойным размышлениям. И Шатырбек, совсем недавно готовый без усталости скакать верхом еще хоть целую ночь, стал подумывать о том, что в конце концов теперь он не на туркменской земле, а в надежной крепости, где достаточно найдется верных шаху людей, готовых отбить врага. Да и вряд ли преследователи, если они едут вслед, решатся напасть на Сервиль.

А когда Гулам внес миску с жареным фазаном, от которого исходил такой вкусный запах, Шатырбек решил: «Остаюсь».

— Вина! — распорядился он.— Да смотри, чтобы только багдадское. И... как здоровье Рейхан-ханум?

У Гулама отлегло от сердца. Он постарался изобразить на лице скабрзную улыбку.

— Она будет счастлива встретиться с вами, бек, и удовлетворить все ваши желания. У нее найдется...

— Иди,— сказал Шатырбек.— Ты стал слишком болтливым.

Гулам поклонился и попятился к двери. Сейчас нельзя было перечить беку, тем более раздражать его.

— Постой! Если сами сарбазы не догадались, дай поесть тому, который охраняет этих... туркменов. Кстати, накорми их тоже.

Гулам снова молча поклонился.

Прежде чем отнести еду пленникам, он поднялся по скрипучей деревянной лестнице в свою комнату. Джават и Хамидэ с беспокойством ждали его.

— Что случилось, отец? — бросилась к нему Хамидэ.

Гулам обнял ее за плечи, посмотрел на сына. В его глазах он прочел ожидание.

— Дети, — торжественно сказал Гулам, — настал наш черед.

XI

— Сюда, пожалуйста! Осторожней, лестницу давно не ремонтировали, хозяин совсем не имеет дохода в последнее время...

Фитиль в плошке, которую держал Гулам, сильно коптил. Огромные тени металась по стене и по деревянным прогнившим ступеням.

Шатырбек был уже заметно пьян, но старался держаться прямо.

Наконец они поднялись наверх. У двери, за которой слышны были звуки рубаб и печальная песня, Гулам почти-тельно остановился.

— Здесь, мой бек.

Шатырбек приосанился, расправил усы и бороду.

— Ладно, иди. Да смотри, чтобы не звать тебя долго, если понадобится.

Гулам поклонился, и плошка задрожала в его ладони, зашипел фитиль.

— Я буду прислушиваться, мой бек, я далеко не уйду.

На лестнице он вздрогнул и остановился, когда в комнате Рейхан-ханум неожиданно, словно певице зажали рот, оборвалась на полуслове песня, только протяжный звук струны еще дрожал в воздухе, постепенно затихая.

Гулам презрительно усмехнулся и стал спускаться вниз. Он позвал сына на кухню.

— Вот этот кувшин с вином, кебаб и чурек — все отдашь сарбазу. И займи его разговором немного. Пошли.

Зажженную плошку он не смог пронести под дождем

через двор. Пришлось снова возвращаться на кухню, где горел огонь.

Скрипнула дверь сарая. Тусклый свет лампы выхватил из темноты лица трех пленников, сидящих рядом на соломе.

— Салам алейкум! — Гулам вглядывался в эти лица, чувствуя, как часто стучит в груди сердце. — Я здешний повар, бек приказал накормить вас, и я...

Он оглянулся на дверь. Сарбаз громко засмеялся, — наверное, Джават рассказывал ему что-то смешное.

Гулам подошел к пленникам совсем близко, зашептал:

— Я ваш друг, я знал твоего отца, Махтумкули, я Гулам, ты был еще мальчиком, когда Давлетмамед приютил меня и жену...

Махтумкули молчал.

Чадающий фитиль освещал напряженные лица всех четверых. Шесть жадно горящих глаз вглядывались в лицо повара.

— Отец рассказывал мне, — прервал молчание Махтумкули.

— У меня нет времени, — еле слышно шептал Гулам, — мне нужно идти. Верьте мне. Готовьтесь. Мы поможем вам. Сарбаз у дверей ладонью хлопнул его по спине.

— Ты молодец, повар! Спасибо! Когда я захочу еще вина, то кину камнем в дверь. Знай — это сигнал.

Со скрипом закрылась дверь сарая. Лязгнул запор.

Рейхан-ханум жеманно рассмеялась и прикрыла легким платком лицо.

— Ну что вы, бек! В моем возрасте...

Шатырбек подошел к ней, тронул пальцами ее мягкое плечо.

— Э, Рейхан-ханум, я ведь тоже повидал на своем веку женщин и понимаю в них толк! Поверьте мне, вы еще...

— Перестаньте, бек! — Она игриво приложила веер к его губам.

Створки веера источали легкий дурманящий запах, и бек вдруг с внезапной тоской подумал, что в общем-то он никогда не знал настоящих женщин — из тех, что блистают в шахских и султанских дворцах, что приходят потом в сладких снах.

— Откуда это у вас?

Рейхан-ханум развернула веер, спрятала за ним лицо так, что только глаза с привычным лукавством смотрели на гостя.

— Так, подарок...

И переменила разговор:

— Видимо, бек, вам крепко повезло, если вы решились навесить меня...

Шатырбек пьяно улыбнулся.

— Мне всегда везет, ханум.

— Ой, не хвалитесь, бек!

— А что, разве нет? — Шатырбек покачнулся, схватился рукой за низенький столик, чуть не свалил его. — Я родился под счастливой звездой! Если б вы знали, в каких переделках мне приходилось бывать, то...

Рейхан-ханум сложила веер, постучала им по пухлой ладони. Досада мелькнула в ее подведенных глазах.

— Бек хочет отдыхать?

Шатырбек приосанился:

— Что вы, ханум, я еще...

Но Рейхан-ханум была уже прежней радушной и немного лукавой хозяйкой.

— Мы всегда рады сделать вам приятное, бек. — Она наклонилась к нему и перешла на интимный шепот: — Совсем недавно у меня появился цветок, который вам наверняка захочется сорвать... Конечно, это недешево, но ведь бек, кажется, богат...

Шатырбек блеснул глазами, тронул пальцами колючие усы.

— Я знал, что Рейхан-ханум...

Но она уже ударила в ладоши.

Бесшумно отодвинулся тяжелый занавес на глухой стене, в просме потайной двери встала женщина в чадре.

— Проводи бека в голубую комнату, — сказала Рейхан-ханум и улыбнулась гостю. — Желаю счастливых минут, мой бек.

Фитиль в плошке, оставленной Гуламом, горел, потрескивая, и дрожащим светом освещал лица узников.

— Я всегда верил в силу дружбы, — сказал Махтумкули. — Сколько бы ни враждовали шахи, султаны, ханы, простые люди не будут чувствовать ненависть друг к другу, на каком бы языке они ни говорили.

— Но ведь враждуют даже туркмены разных племен, — возразил Дурды-бахши.

Махтумкули посмотрел на него, потом перевел взгляд на желтое пламя светильника.

— Не народ в этом виноват, Дурды. Я верю — придет время, и все племена станут жить одной дружной семьей, — сказал он задумчиво.

В глазах его метались отблески пламени, и казалось, что видит он недоступное другим.

Дурды и Клычли взволнованно смотрели на поэта.

Наконец Махтумкули оторвал взгляд от пламени, улыбнулся тепло и чуть виновато сказал:

— Что же мы сидим и молчим, друзья? Спой что-нибудь, Дурдыджан.

Бахши взял свой дутар, засучил правый рукав халата, задумался.

— Из «Гёр-оглы»¹, — подсказал поэт.

Дурды помедлил еще, сосредоточиваясь, потом особым округлым движением взмахнул рукой и ударил по струнам...

У нее глаза как у газели — пугливые, трепетные, готовые отозваться теплом на ласку и слезами на боль.

Ей противен Шатырбек, пьяный, пахнущий лошадиным потом и грязным бельем, смотрящий на нее масляным, похотливым взглядом.

Но Рейхан-ханум приказала...

— Слышите? Поют, — говорит Шукуфе.

Шатырбек прислушался. Туркменская песня... Это, несомненно, поет тот, с дутаром.

Он усмехнулся недобро:

— Пусть поют. Завтра они запоют по-другому.

И потянулся к Шукуфе.

Она поспешно подвинула к нему пиалу.

— Пейте, бек. Багдадское вино.

Его рука повисла в воздухе, потом опустилась. Он взял полную пиалу и, расплескивая содержимое, выпил до дна.

— Пусть поют, — повторил он заплетающимся языком. — Иди ко мне...

Гулам поднялся к себе посмотреть, как собираются в дальнюю дорогу дети. Хамидэ укладывала в хурджуи самое необходимое — одежду, тунчу², миски, лепешки, завернутые в скатерть.

— Терьяк уже подействовал, — шепотом сказал Гулам, — стражник спит. Поспешите.

— Я готов, — ответил Джават.

¹ «Гёр-оглы» («Кёр-оглы») — тюркоязычный эпос.

² Тунча — медный кувшин типа чайника.

— И я, — выпрямилась Хамидэ.

Гулам улыбнулся ей.

— Хорошо, жди. А мы с Джаватом приготовим коней. Дождь, кажется, перестает.

Они тихо спустились в темный двор. Прислушиваясь к песне, доносящейся из сарая, они подошли к конюшне. Лошади, почуяв людей, забеспокоились.

Гулам давно не седлал коней, и они провозились в конюшне слишком долго.

Сарбаз спал сидя, прислонившись спиной к двери сарая. Обнаженная сабля лежала у вытянутых ног.

— Придется его оттащить в сторону, — прошептал Гулам.

— Не проснется? — В голосе Джавата прозвучала тревога.

— Другого выхода нет, — ответил отец. — Но ты не бойся, я не пожалел терьяка.

Они в нерешительности остановились над храпящим охранником. Он пробормотал что-то несвязное, повернулся и стал валиться на бок. Джават подхватил его под руки, Гулам взялся за ноги. Сарбаз не проснулся.

Звякнул засов.

— Выходите, — чуть слышно сказал Гулам. — Коня готовы.

Шукуфе лежала, закрыв глаза.

«Дурак, — злясь на собственное бессилие, думал Шатырбек, — я слишком много пил». Кружилась голова. Шатырбек никак не мог остановить медленное вращение стен. И Шукуфе все уплывала и уплывала от него...

Он положил руку ей на грудь. Шукуфе вздрогнула, напряглась, но не открыла глаз.

В это время оборвалась песня. Шатырбек с трудом поднялся, шатаясь подошел к окну, толкнул раму. Холодные брызги охладили лицо.

Внизу, во дворе, было тихо.

— Эй, Гулам! — крикнул Шатырбек.

И сразу же отозвался повар:

— Я слушаю вас, бек.

Что-то необычное послышалось Шатырбеку в его голосе, — может быть, излишняя угодливость.

— Почему перестал петь этот... как его?

— Туркмены устали, мой бек, и хотят отдыхать, — доносилось из темноты.

Почему он все это знает?

Шатырбек вглядывался в ночь.

— Принеси мне вина и что-нибудь закусить.

Он продрог и закрыл окно.

— Сейчас мы выпьем с тобой, — сказал он девушке.

Она открыла глаза и села.

Со двора снова донеслись звуки дутара.

— Я буду петь, — сказал Дурды, ударяя по струнам дутара. — Пусть он думает, что все мы еще тут. А вы тем временем...

— Нет, — твердо сказал Махтумкули, — мы поедем все вместе.

— Не надо спорить, друг, — мягко возразил Дурды. — Иначе мы не сумеем отсюда вырваться.

В сарай заглянул Гулам.

— Скорей! — взволнованно прошептал он, косясь на спящего сарбаза. — Через минуту будет поздно!

Дурды-бахши запел.

Махтумкули понял, что уговаривать его бесполезно.

— Твой конь ждет тебя, — сказал он. — Не мешкай, догоняй нас.

Мокрая земля скрадывала звук копыт.

Они вывели лошадей.

— Мы с Дурды догоним вас, — сказал Гулам, пожимая поэту руку. И подошел к детям. — Береги сестру, Джават.

Махтумкули окликнул его:

— Едем вместе!

Гулам покачал головой.

— Шатырбек ждет меня. Если я не приду сейчас... Ну, счастливо!

Он подождал, пока затих топот лошадей вдали, и медленно побрел на кухню.

В ночи гремел голос Дурды-бахши. Наверное, бахши никогда не пел так громко и так самозабвенно.

Гулам поставил на поднос кувшин с вином, две миски с пловом, положил несколько гранатов, ломтики сушеной дыни и собрался уже подняться в голубую комнату Рейхан-ханум, как вдруг услышал скрип ступенек под грузным телом. У него похолодело в груди, задрожали руки. Звякнула миска, ударившаяся о кувшин.

Шатырбек распахнул дверь.

— Ты заставляешь ждать, повар!

Гулам молча посмотрел на поднос, уставленный яствами. Наконец нашел в себе силы сказать:

— Вы напрасно волнуетесь, бек. Я уже иду.

Шатырбек вошел в кухню, зачем-то глянул в казан с пловом.

— Сарбазы спят?

— Отдыхают,— поспешно подтвердил Гулам.— Можно нести вам угощение?

И снова более обычного был слащав его голос. Он сам понял это.

Шатырбек внимательно, уже совсем трезво посмотрел в глаза.

— А туркмены?

Гулам взглянул на темное окно. Со двора неслась песня Дурды-бахши.

— Пусть спят,— сказал Шатырбек.

Гулам поспешно поставил поднос.

— Я сейчас скажу им.

Но Шатырбек остановил его:

— Я сам.

Ноги отказали Гуламу, и он прислонился к стене, чувствуя, что сейчас упадет.

В открытую дверь он видел, как Шатырбек шел через двор к сараю.

— Эй, Гулам, посвети мне!

Руки не слушались. Фитиль утонул в масле, и Гулам долго доставал его щепкой.

А песня все звучала в ночи.

— Долго я буду ждать?

Шатырбек снова стоял в дверях.

— Я сейчас... сейчас,— прошептал Гулам, дрожащей рукой поднося зажженную в очаге щепку к фитилю.

Дурды-бахши все пел.

— Ладно,— сказал Шатырбек, зевая,— пошли наверх

Но прежде чем подняться по скрипучей лестнице, он растолкал одного из сарбазов и приказал охранять конюшню.

XII

Дождь перестал, но небо было закрыто плотными тучами, и всадники с трудом различали дорогу.

Они скакали уже несколько часов. Лошади тяжело дышали, спотыкались все чаще и чаще.

— Надо остановиться, — сказал Махтумкули. — Теперь мы на исконной земле туркмен.

У развилки дорог, под чинарой, возле которой лежал большой камень, они устроили небольшой лагерь. Костра не разжигали, послали всухомятку.

— Вы паломайте веток и ложитесь, — сказал Махтумкули своим молодым спутникам, — я все равно не смогу уснуть.

Он сидел на разостланном ковровом хурджуна и вглядывался в темноту. Иногда в разрывах туч появлялась луна, и он видел уже невдалеке горы — там была его родина.

Махтумкули думал о ней с нежностью. Там, в зеленых долинах, вольно раскинувшихся между рыжими голыми хребтами, он родился, там познал радость поэзии, там полюбил...

Менгли... Завтра он снова увидит ее, заглянет ей в глаза... «Что ты сейчас делаешь, Менгли? Спишь и видишь волшебные сны?

Или тоже сидишь в темноте и прислушиваешься к ночным шорохам? Думаешь ли ты обо мне, моя Менгли?..»

Ночь плыла над степью, над уснувшими аулами, над одинокой чинарой, под которой расположились усталые путники. Клычли чмокал губами во сне. Хамидэ лежала, свернувшись клубком, и дышала тихо-тихо. Джават похрапывал, приоткрыв рот.

Махтумкули встал и сделал несколько шагов, разминая затекшие ноги.

Почему до сих пор нет Гулама и Дурды?

Он подошел к лошадям, потрепал гнедую по шее. Кобыла потянулась к нему доверчиво,дохнула в лицо теплом.

У Гулама был кров, обеспеченное место в мейхане, взрослые дети. Старость не пугала его, потому что не в одиночестве встречал он ее. И все же он отказался от своего нынешнего благополучия ради того, чтобы спасти друзей. И рисковал он не только собственным благополучием. Если Шатырбек узнал о бегстве и схватил его...

Лошадь тянулась к Махтумкули, в темноте поблескивали ее большие влажные глаза.

Дружба... Нет ничего ценнее на свете!

А ой? Верен ли он жестким законам дружбы?..

Махтумкули достал томик Фирдоуси¹, с которым ни-

¹ Фирдоуси (умер ок. 1020 г.) — поэт, классик таджикско-персидской литературы; автор «Шах-намэ».

когда не расставался, присел у камня и, почти не различая слов, написал на первой странице две строчки. Потом вырвал листок, положил на камень и прикрыл другим, поменьше.

Гиседай покорно пошла за ним, мягко ступая по влажной земле.

Уже в седле он оглянулся, но ничего не различил в темноте.

Шатырбек сел и огляделся.

За окном занимался серый рассвет.

Шукуфе в углу расчесывала свои густые черные волосы, смотрела на него пугливо. Шатырбек вспомнил вчерашнее, молча встал, нацепил саблю, накинул халат и вышел. Сарбаз возле сарая лежал на сене и громко храпел. Дверь была раскрыта. У Шатырбека оборвалось сердце.

В сарае, прижав к груди дутар, спал Дурды-бахши. Махтумкули и Клычли не было.

Вне себя от ярости, Шатырбек ударом ноги поднял сарбаза.

— Паршивый шакал! — заорал он. — Где туркмены?

Сарбаз часто моргал, еще не понимая, что случилось.

Шатырбек бросился к конюшне. При виде его сарбаз вскочил, вытянулся.

Четырех лошадей не хватало, две стояли оседланные.

Шатырбек все понял.

— Гулам! — Голос его сорвался на хрип.

В дверях мейханы встал бледный повар.

— Я слушаю вас, мой...

Шатырбек подскочил к нему, схватил за бороду, дернул с силой. Гулам упал со стоном. Бек выхватил кривую, тускло блеснувшую саблю.

— Где Махтумкули?

Гулам с мольбой смотрел на него.

— Говори!

Из мейханы выбежал Кочмурад, метнулся к ним.

Шатырбек, крикнув, полоснул его саблей. Обливаясь кровью, судорожно заводя назад голову, Кочмурад повалился на землю.

Разъяренный бек схватил свободной рукой Гулама за грудь, приподнял, багровея.

— Ты будешь говорить?

Гулам не мог отвести глаз от мертвого Кочмурада. Вы-

бежавшие на шум сарбазы замерли. И вдруг в наступившей тишине раздался властный голос:

— Оставьте его!

К ним на взмыленной лошади подскочил Махтумкули.

Клычли проснулся первым. Небо на востоке порозовело. Легкий туман стлался над землей.

Юноша встал, потянулся.

Джават и Хамидэ еще спали. Три лошади лениво объедали кусты селина. Три... Клычли огляделся. Не было одной лошади, не было Махтумкули. И тут Клычли увидел белый листок на камне. Схватил его дрожащей рукой. «Шах-намэ» — было выведено на нем крупными буквами. А наискось, размашисто — две строчки, написанные каламом¹:

Друг просит помощи — грешно тебе скуиться.
Случись беда — оплатит он сторицей.

— Он вернулся! — не помня себя, закричал Клычли.

Юноша упал на землю и стал в иступлении колотить ее кулаками. Джават и Хамидэ склонились над ним, не понимая, в чем дело. А Клычли твердил одно:

— Он вернулся. Он вернулся!

Потом, успокоившись, Клычли сказал:

— Я не уеду отсюда, пока не выбью на камне эти две строчки. Пусть каждый, кто проедет здесь через десять, через сто лет, прочтет их и задумается.

У развилки пыльных дорог лежит камень. Когда-то над ним росла чинара, но молния сожгла ее. И камень, исхлестанный дождями и ветром, выглядит совсем одиноким. На его неровной поверхности видны следы надписи. Время стерло ее. Но люди помнят слова, выбитые много лет назад. Память человека крепче, чем память камня.

1959

¹ К а л а м — тростниковое перо, карандаш.

СОРОК МОЖЕТ

Повесть

Осенним днем 1830 года на окраине большого аула в Серахсе появился странник в белой чалме и полосатом халате. Он остановил своего осла у покосившейся черной кибитки. Желая обратить на себя внимание, странник громко кашлянул и, не дождавшись ответа, посмотрел вокруг. Глаза его увидели только старого ишака и козла, привязанных неподалеку от кибитки.

Странник задумчиво погладил белую бороду, доходившую ему до пояса. Пробормотал: «Может быть, я ошибся и это не его кибитка? Или моего друга нет дома?» И, прежде чем покинуть аул, для верности крикнул:

— Эй! Есть ли в этой кибитке живая душа?

Кибитка, напоминающая сгорбленного старика, принадлежала поэту-сатирику Кемине, известному не только в Туркмении, но даже в Хиве и Бухаре.

Поэт был дома. Сыновья его ушли собирать колючку. Жена Курбанбагт-эдже отправилась к соседям испечь лепешки. А Кемине сидел, позабыв обо всем на свете, и размышлял. Может быть, он сочинял новые стихи.

Услышав этот окрик, поэт очнулся, протянул руку к поношенному тельпеку, накинул на плечи выгоревший желтый халат и выглянул из кибитки.

— Заходи, уважаемый гость!

Кемине, следуя обычаю, пригласил гостя в дом. Он не узнал в пришельце своего близкого друга, с которым больше тридцати лет назад учился в бухарском медресе и жил в одной келье.

Гость лукаво улыбнулся. Легко спрыгнув с осла, спросил:

— Не узнаешь?

Кемине пристально посмотрел на гостя и отрицательно покачал головой.

— А ну-ка, вспомни Бухару!

Сказав это, гость направился к стойлу, чтобы привязать своего осла рядом с ослом Кемине.

Поэт молчал, задумавшись.

— А помнишь сумасшедшего Хайдара?

Лицо Кемине осветилось радостью.

— Хайдар! Друг! Неужели ты? Теперь узнал. Хоть ты и очень изменился с виду. Но голос и шутки у тебя остались прежними. А я принял тебя за бродячего странника. Извини!

Кемине крепко обнял друга.

— Не проси у меня прощения, Мамедвели! С тех пор как мы расстались у ворот Бухары, прошло время, равное целой жизни человека. Дни и месяцы летят, годы идут. Юность пролетает, как птица. Люди стареют, меняются.

— Это ты верно говоришь. Годы идут, и верно ты сравнил юность с птицей, которая улетает, — повторил Кемине слова друга, думая и о своей старости.

В кибитке поэт усадил дорогого гостя на подушку. Тем временем пришла от соседей его жена, вернулись и сыновья. Желая хорошо угостить друга, Кемине приказал им резать козла.

Только после того, как выпили чаю и принялись за печенку и легкие козла, Кемине обратился к гостю с вопросами:

— Старики говорят: «Когда съеденное и выпитое стало твоим, расскажи, что ты видел и слышал». Что ты делал после медресе? Есть ли у тебя жена, дети? Как ты живешь?

— В жизни мне не повезло, — ответил Хайдар.

Кемине удивился:

— Почему? Ведь у тебя были такие высокие мечты?

— Слушай, — продолжал Хайдар. — После медресе я вернулся к отцу и взялся за лопату. Зимой и летом в жару и в холод копал я арыки, рыхлил грядки, помогал старику обрабатывать арендованный клочок земли. Через два года отец женил меня, отдав все, что у него было. В жены мне он выбрал такую же бедную девушку, как я сам. Скоро у нас родился сын. После смерти отца вся работа легла на мой плечи. Я трудился, не разгибаясь, днем и ночью. Ты сам знаешь, как прокормиться в наших местах, на Лебабе¹, обрабатывая землю лопатой. Я подорвал на этом свое здоровье. Но, как говорится, «у кого две ноги, тот подрастет за два дня». Подрос и мой сын. Теперь он делает то, что делали мой отец и я. Больной, я помочь

¹ Лебаб — берег Амударьи.

ему уже не могу. Но и дома сидеть без дела не хочется. Женив сына, я сказал ему и невестке: «Теперь вы сами устраивайте свою судьбу». Поручил их заботам старую мать и оседлал осла. Вот теперь и езжу по свету, хочу перед смертью повидать людей и новые земли, узнать, где Хива и где Керки. Так-то, мой друг...

Кемине вспомнил, как Хайдар в медресе мечтательно говорил: «Мне бы только выбраться из Бухары и доехать до Лебаба, а там уж я знаю, что делать...»

— Жаль,— сказал он, качая головой.— А я-то думал, что ты уже ахун в какой-нибудь мечети, в саду Дивана, пьешь воду из специального арыка, а подати, которые ты собираешь за год, не умещаются между землей и небом. Я-то думал, что утром и вечером во время умывания послушники льют тебе на руки теплую воду, а при нашей встрече ты сделаешь вид, что не узнал меня.

Хайдар глубоко вздохнул и продолжал свой рассказ:

— Я мог бы стать таким ахуном. Но совесть мне не позволила. Тогда, в медресе, я еще многого не понимал. Помнишь Махтумкули?

О царство непроглядной мглы!
Пустеют нищие котлы;
Народ измучили муллы
И пиры с их учениками.

Язык мой против лжи восстал —
Я тотчас палку испытал.
Невежда суфий пиром стал,
Осел толкует об исламе¹.

Когда вы читали эти стихи, я сердился и говорил: «Вы клеветаете на мулл. Вы несправедливы». Но Махтумкули — святой человек. Того, что он сказал о муллах, еще мало. Я своими глазами видел, какие безобразия творятся в их хваленной мечети в саду Дивана. Ее превратили в публичный дом: там и анаша, и вино, и терьяк... там совращают мальчиков. И самое страшное, что эта мечеть служит эмиру. А ведь эмир пил кровь наших предков, да и нашу тоже пьет. Мечеть — плетка эмира. А я никогда не хотел быть орудием эмира. И сейчас не хочу. И никогда не захочу. Какая польза от плова, если он сварен на слезах народа? Такая пища застрянет в горле. Во сто раз приятнее есть жареную пшеницу, чем такой плов.

¹ Перевод А. Тарковского.

То ли от волнения, то ли от съеденных печени и легких Хайдар вспотел, он достал из-за пазухи большой хивинский платок и вытер им лицо и шею.

— Обрадовал ты меня! — похлопал Кемине друга по плечу. — Ты говоришь и думаешь теперь так же, как и я. Но откуда у тебя этот наряд, в котором ты похож на дервиша?

— В этой чалме и халате? Не мудрено! — засмеялся Хайдар. — Как, идет мне эта одежда? Меня уговорил надеть ее Нурмет-арабачи — пусть, мол, Кемине посмеется. А мой халат и тельпек лежат в хурджуне.

— Почему ты назвал Нурмета «арабачи»? Разве он не в медресе?

— Его выгнали оттуда. Ему сказали, что стихоплет и мулла, отрекшийся от религии, им не нужен... «Иди на все четыре стороны!» — сказали ему. Нурмет не горевал. «Хорошо, что можно идти в любую сторону», — сказал он, и, так же как я взялся в свое время за лопату, он занялся ремеслом отца — арабачи. Теперь он такие арбы делает, просто загляденье! Во всей Хиве нет равного ему мастера. Но на хивинских ханов и мулл у него кипит злость. Когда я собрался ехать к тебе, он сказал: «Возьми эти вещи. Пусть наш Кемине узнает, что я сбросил чалму и полосатый халат обманщика».

— Я давно знал, что из Нурмета не выйдет муллы, — подтвердил Кемине. — У него всегда руки тянулись к работе. Да и человек он честный. Еще когда я в последний раз был в Хиве, предупреждал его: «Будь осторожен, держи язык за зубами, не то сбросят тебя с минарета». Ну, а как он жив-здоров?

— Все такой же наш Нурмет, нисколько не постарел. И характер и привычки остались у него прежними. Хоть хлеба у него и мало, он не унывает: сочиняет стихи, рассказывает анекдоты, веселится. Я жил у него три дня. Он все вспоминал о тебе, говорил, что хочет показать тебе какие-то редкостные книги.

Услышав слово «книги», Кемине насторожился:

— Редкостные?

— Да, три толстые книги. Переплеты у них то ли из кожи, то ли из какого другого, очень прочного материала. Края обведены золотом. Когда Нурмет ложится спать, кладет эти книги себе под подушку. А когда уходит в мастерскую, прячет их так, чтобы никто не смог пайти.

Рассказ Хайдара взволновал Кемине.

— Если он так дорожит ими, значит, книги эти особенные. В них заключена какая-то мудрость. Тебе не удалось узнать о них еще что-нибудь?

— Сам Нурмет ничего больше не говорил, а я не приставал к нему с расспросами. Но ясно, что книги эти не простые. Да, как-то, правда, он мне сказал: «Таких книг ты нигде не увидишь». И еще сказал, что купцы привезли их: одну — с севера, другую — из Индии, а третью — из Египта. Слух об этих книгах дошел до хивинского хана. Три дня на базаре глашатаи объявляли его приказ: «Кто принесет мне эти книги, тому я подарю один из ханских арыков и поставлю во главе пятидесяти воинов. А кто тайно будет читать их сам, тому велю отрубить голову». Я сказал Нурмету: «Отнеси их хану, и птица счастья опустится на твою голову». А он ответил: «Отдать их за один арык? Даже если он предложит мне все ханство, и то не соглашусь. Да и кто поверит обещаниям хана? Если я принесу ему книги, он скажет: «Сам дал слово, сам беру его обратно», — и моя отрубленная голова покатится, как тыква. Я мечтаю, — сказал мне Нурмет, — о другом. Если смогу, переведу эти книги на наш язык, чтобы их могли читать все. И в Бухару пошлю. Пусть там читают». «А ты не боишься, что хан об этом узнает?» — спросил я. Нурмет ответил: «Я долго думал. Если бы я не был готов умереть, не затевал бы этого. Сейчас я только начал их переводить. Две книги одолею сам. А ту, что привезли с севера, не смогу прочесть без помощника. Но у нас в Хиве много разных людей, — может быть, найдется человек, который знает этот язык...»

Кемине слушал внимательно, глаза его были полужакрыты. Он что-то обдумывал.

— Ты беспокоишься за Нурмета? — спросил Хайдар.

— Нет, я не боюсь за него, — ответил Кемине, подняв голову. — Нурмет легко не сдастся. Он умный и смелый. Я думаю о другом.

— Если не секрет, поведай, о чем?

И Кемине поделился с другом своим замыслом:

— Твой рассказ зовет меня в Хиву. Я должен отправиться к Нурмету, чтобы посмотреть эти замечательные книги и помочь ему их перевести.

Сыновья Кемине молча слушали отца, но Рурбанбагт-эдже не выдержала:

— Лучше бы вы не рассказывали ему об этом, Хайдар-ага.

— Почему? — повернулся Кемине к жене. — Правильно сделал, что рассказал. Очень приятная весть. Я благодарен за нее своему другу.

— Если благодарен, то поблагодари и сиди! Не поедешь!

— Не сердись, жена. Это мы обсудим вдвоем, — ласково улыбнулся Кемине. — Ты лучше не забывай заваривать крепкий чай...

Услышав, что к поэту приехал гость, соседи начали собираться в его кибитке. Пришли и дети, и юноши, и старики. В кибитке стало тесно. Снова поставили котел на огонь, еще раз испекли лепешки.

Высокий плечистый старик из соседнего аула подошел к поэту и высказал общую просьбу:

— Мамедвели! Порадуй наши уши стихами. И гость послушает, и мы слушаем.

— Правильно говорит, — поддержал старика Хайдар.

Кемине не заставил долго себя упрашивать. Он протянул руку к дутару:

— Что вам прочесть? О мудрости жизни? Или начаты с любовных?

Чернобровый худощавый юноша в продранном на локтях халате, обутый в чарыки из дубленой кожи, нахмурил густые брови, будто говоря: «Смотри на меня и пой!»

— Начни с «Нищеты», шахир-ага, — сказал он.

— Не надо об этом, — возразил другой юноша. — Разве тебе, Сапар, не надоела бедность?.. Шахир-ага, начни со стихов о красоте наших девушек — прочти «Измучает меня», потом «Акменгли».

Сверстники его одобрительно зашумели:

— Правильно он говорит!

— Меред знает, что заказать!..

Молчавший до сих пор юноша из племени эрсари вставил и свое слово:

— Не забудь «Эрсаринскую девушку», шахир-ага!

Заказы сыпались со всех сторон. Но сегодня поэту не хотелось читать свои стихи. Кемине уселся поудобнее и сказал:

— Лучше я прочту вам стихи нашего мудрого учителя Махтумкули. Слушайте. — И он, тихо ударив по шелковым струнам дутара, начал вдохновенно читать стихотворение «Гость»:

Ты черный волосок на камне черном видишь,
Но взор притупится: такое зренье — гость.

Ужель пришедшего к обеду ты обидишь?
Ведь ищет не еды, а лишь общенья гость¹.

Все притихли, стараясь не пропустить ни слова. Старик, приехавший из соседнего аула, беззвучно шевелил губами, мысленно повторяя стихи. Мужчины, сидевшие в кибитке, не подозревали, что за ее камышовыми стенами слушают Кемине их жены, дочери и сестры. В этот прохладный осенний вечер задушевный звук дутара и мягкий голос поэта, читающего стихи, радовали уставших за день людей.

Одна из женщин, толкнув слегка соседку, прошептала:

— Жена шахир-аги жалуется на бедность, а я согласна голодать, только бы иметь такого мужа. Его стихи заменяют хлеб...

Соседка не ответила, потому что Кемине начал читать новое стихотворение: «Дождя, дождя, мой султан!» В нем поэт молил о дожде для иссохшейся туркменской земли.

Уже на рассвете, когда запели петухи, Кемине сказал:

— Махтумкули собрал богатый урожай с поля поэтических слов. Его стихи можно слушать бесконечно. — И прочел еще одно, последнее стихотворение — «Ты станешь», которое заканчивалось словами:

Не плачь, бедняк, ты станешь подобен льву!

— Да услышит тебя бог! — воскликнул старый Оразмухаммед. — Пусть никогда не узнаешь ты болезней! Ты доставил нам большую радость. В мое старое тело ты вдохнул силу и молодость! — Он посмотрел на юношей и продолжал: — «Хорошего — понемножку», — говорят старики. На сытый желудок хорошо слушать стихи. Но мы давно сидим и утомили хозяина. Да и у каждого из нас завтра тысяча дел. Даже мне, старику, наверное, до самой смерти не видать покоя. Из Хивы прибыл караван Карсак-бая. Он привез маш и джугару. Мать моих сыновей давно уж состарилась, и трудно ей работать, но и она соткала маленький коврик. Если я завтра не сменяю его на маш или джугару, в доме нечего будет есть.

Кемине заинтересовался:

— Оразмухаммед! Кто ведет караван Карсак-бая?

— Наверное, Эсен-мурт², племянник кривого Акы, что живет на краю пустыни. Никому, кроме него, Карсак-бай не доверит свой товар.

¹ Перевод Г. Шенгели.

² М у р т — усатый.

— Но говорят, Эсен-мурт хотёл жениться на младшей дочери Карсак-бая и это их поссорило, — сказал кто-то из гостей. — А может быть, люди говорят неправду?

— Э, кто их разберет, — махнул рукой Оразмухаммед и обратился к Кемине: — А ты что, хочешь присоединиться к каравану?

— Да, мне нужно съездить в Хиву.

Оразмухаммед не одобрил:

— До Хивы дорога дальняя. Впереди зима. В наши годы нельзя пускаться в такой путь.

Шахир усмехнулся, слушая слова одноклассника.

— Ты считаешь меня стариком? Да ты не смотри, что у меня борода седая. Сил у меня много. И я напишу еще много стихов.

— Дай бог, дай бог! — ответил Оразмухаммед, оглядывая крепкую, статную фигуру шахира. — Смотри, ты сам должен знать свои возможности. «Не удерживай друга — пусть не упустит своей выгоды, врага не удерживай — пусть не узнает твоих тайн», — говорили раньше.

— Мой уважаемый гость привез из Хивы радостную весть, — сказал Кемине и поведал соседям о приглашении Нурмета. — Вы знаете, как я люблю книги. И если я не увижу их, не буду спокойно спать. Может быть, эти книги нужны народу и я смогу помочь Нурмету.

Оразмухаммед за все свои шестьдесят лет не раскрывал ни одной книги, но знал, что в них заключена великая сила. Выслушав Кемине, он сказал:

— Если ты думаешь, что они могут быть полезны народу, поезжай. Пусть светлым и легким будет твой путь. А о караване я завтра все узнаю. Если его ведет Эсен-мурт, он долго не задержится. Звук караванного колокольчика отражается в его ушах звоном золотых монет.

Когда люди разошлись, Хайдар внимательно оглядел кибитку друга. В кошме, закрывавше дымовое отверстие, светились дыры, через которые могла бы пролезть кошка. Он не увидел ни одной вещи, которую му хотелось бы иметь самому.

Хайдар долго сидел, уставившись потухшими глазами в одну точку, и размышлял. Потом заговорил, тщательно подбирая слова, чтобы друг правильно его понял:

— Я наблюдал, как слушали тебя люди, и уверился, что они высоко тебя ценят и уважают. Я был поражен. Ведь у себя на Лебабе каждый раз, когда я слышал твоё стихотворение «Нищета», думал с грустью: если из уст

твоих льются такие скорбные слова, самому тебе тоже плохо. Я сильно горевал, думая о твоей бедности. Но... но, оказывается, ты очень богатый человек! Богатый! Хоть у Карсак-бая, о котором здесь говорили, сундук полон золота и серебра, у тебя дом полон любовью народа. Хвалить человека в лицо считается неприличным... Но ты хорошо понимаешь, о чем я толкую. В старину говорили: «Богатство подобно грязи, прилипшей к руке, — смывается и уйдет...» А такое богатство, как твое, мой друг, имеет не каждый. Оно достается только счастливым. Счастливым!

Кемине слушал слова друга, идущие от сердца, молча. Хайдар увидел увлажненные глаза шахира. Он понимал, что слезы эти не от печали — от радости.

Курбанбагт-эдже постелила гостю постель. Жесткая шерстяная подушка показалась уставшему путнику мягче пуховой. Кемине лег рядом, укрывшись своей старой шубой. Хайдар уснул сразу же, как только голова его коснулась подушки. Но Кемине долго не мог сомкнуть глаз. В его ушах звучали слова друга: «Оказывается, ты очень богатый человек!»

Пробыв у поэта два дня, на рассвете третьего Хайдар собрался в путь. Кемине проводил его.

Вечером того же дня пришел Оразмухаммед и сообщил, что караван отправляется. За чаем Кемине держал семейный совет. Сыновья, хорошо знавшие характер отца, не говорили ему «поезжай» или «не поезжай». Они почтительно сказали: «Тебе видней, отец, что делать. Не нам учить тебя». Но Курбанбагт-эдже, с тех пор как услышала разговор про поездку мужа, потеряла покой. Она не могла ни есть, ни пить. Думала только о том, как отговорить Кемине от опасного путешествия. Она надеялась на поддержку сыновей и рассердилась.

— Это почему вы не можете дать совет? — набросилась на них Курбанбагт-эдже, всхлипывая. — У вас уже борода растет. Стыдитесь!.. Ваш отец стар и слаб, а дорога дальняя. Вас должно беспокоить здоровье отца...

— Ты, мать, не сердись. Хоть дорога и дальняя, зато знакомая, — попробовал Кемине успокоить жену.

Но Курбанбагт-эдже не унималась. Ее резкий голос перешел в крик:

— В доме нет ни щепки для очага! И еда кончается! Что мы будем делать, когда ты уедешь?

— Если оттого, что я буду сидеть дома, у тебя в кибитке появится целый выюк зерна или у твоей двери караван

сбросит вязанку сакеаула, то я останусь. Но в Серахской степи чего-чего, а уж чингия и колючки сколько угодно. И слава богу, никто не запрещает их собирать. Пусть сыновья займутся этим. Или пусть наймутся в поденщики и зарабатывают деньги хотя бы для того, чтобы прокормиться. Подумай только, что ты говоришь. Другие живут не лучше, надо быть терпеливой.

— Я и так терплю, отец! — голос Курбанбагт-эдже сник и зазвучал хрипло. — Ты не можешь меня упрекнуть.

И Курбанбагт-эдже начала вспоминать прошлое:

— Еще когда я была девушкой, совсем не думала о богатстве. Ты это сам знаешь! И в молодости я тебя никогда не удерживала. Ведь ты побывал везде, где хотел, — в Хиве, в Бухаре и Ахале. Повидал и Афганистан, и Иран. Много ночей просидела я не смыкая глаз, глядя на дорогу. Но сейчас, — сказала она твердо, — лучше прекрати разговор о Хиве. Прошли те времена, когда ты мог скитаться по свету. В твои годы пора уже создать свой диван¹.

Упреки жены были для поэта привычными, но последняя фраза его удивила. Он спросил:

— Что ты будешь делать с диваном, мать?

— Не притворяйся, отец, будто не понимаешь, о чем я говорю, — недовольно ответила Курбанбагт-эдже. — Все, что ты создал за свою жизнь, ты разбросал среди людей, как жареную кукурузу. Собери все стихи и объедини их. Пусть и о тебе останется память!

Поэт ласково возразил горячим словам жены:

— Эх, мать, мать! Собрать диван — дело нетрудное. Но только нужно ли это? И так много книг, которые никто не читает. Они лежат, покрываясь пылью...

Ответ не удовлетворил Курбанбагт-эдже. Задумчиво посмотрев на мужа, она тихо спросила:

— Ты боишься, что и твою книгу постигнет та же участь?

— Я не могу сейчас говорить об этом. Я знаю только одно: простые люди безграмотны. А я творю для народа. И если народ полюбит мои стихи, он соберет их в своей памяти, а если не полюбит, то делай хоть тысячу сборников, от них не будет ни на грош пользы. Ты еще не умрешь, а о тебе уже забудут.

На глазах Курбанбагт-эдже показались слезы.

— Чем тебе что-нибудь втолковать, легче десять раз в Хиву сходить пешком, — сказала она, вытирая глаза вы-

¹ Диван — здесь: сборник произведений.

линявшим платком.— Поступай как знаешь. Хочешь — уезжай, хочешь — оставайся, дело твое.

Считая, что уговорил жену, поэт удовлетворенно улыбнулся.

— Я привезу тебе из Хивы шелковый халат.

— Вах! Если я в молодости не носила шелковых халатов, то зачем они мне теперь! — вспылила она снова.— Мне достаточно и того, чтобы ты сам вернулся живым и здоровым.— Но, взглянув на ласковую улыбку мужа, спросила, хоть и сдавшись окончательно, по все еще сердитым голосом: — Что ты собираешься взять с собой в дорогу? Скажи сейчас, чтобы потом не было суеты.

Глядя, как хлопочет Курбанбагт-эдже, можно было подумать, что она снаряжает в путь хапского сына, хотя собрать скудный скарб Кемине было делом одной минуты.

Когда послышался звон караванного колокольчика, поэт быстро сунул в хурджун чайник, пиалу, хлеб и соль. Туда же он положил миску, кремь, чай и пемного муки. Завязав хурджун, Кемине надел старый халат, обвязав его новым шерстяным платком, сунул за пояс небольшой нож с белой рукояткой, сделанный по заказу марыйским мастером еще в годы его юности, набросил на плечи потрепанную шубу, не раз путешествовавшую с ним из Серакса в Хиву и знакомую всем туркменам.

После этих нехитрых приготовлений шахир сел на своего осла.

Курбанбагт-эдже с тревогой заметила, что муки, которую он положил в хурджун, совсем мало.

— Отец, тебе не хватит хлеба на дорогу,— сказала она заботливо.

— Не горюй, жена! Если бог дал рот, даст и похлебку,— весело ответил Кемине и обратился к сыновьям: — Не валяйтесь до полудня в постели, не заставляйте свою мать работать на вас.

Прощавшись с семьей, Кемине погнал осла за караваном...

Караван составляли двадцать верблюдов. И хотя это были сильные, отборные животные, они с трудом шли под тяжестью груза, качаясь при каждом шаге. Груз их состоял из самых ходовых в Хиве товаров: ковров, паласов, шерсти, кошм и каракулевых шкурок.

В Хиве товары Карсак-бая обменивались на пшеницу, рис, маш, джугару и хивинские халаты. А потом все это продавалось на базарах Мары и Серакса.

Верблюдов сопровождали четыре человека. Предводителем каравана — караван-баши был Эсен-мурт. В богатстве, которое везли верблюды, была и его небольшая доля.

Эсен-мурт был лет сорока, широкоплечий, с острым взглядом злых и колющих глаз. За спиной его торчало ружье, за поясом — нож и два засунутых крест-накрест кашмирских двустольных пистолета. Можно было подумать, что это не караван-баши, а грозный предводитель разбойников. Лицо его было сурово. На нем оставили след многие снежные зимы, которые застигали Эсен-мурта на пути в Хиву.

За караваном ехали, попукая своих ослов окриками: «Хайт! Хайт!» — три помощника Эсен-мурта, а точнее — его слуги. Один из них — высокий старик с белой бородой, двое других — совсем юные, только начавшие отпускать усы и бороду. Эти трое несли на себе все тяготы пути. На привалах они пекли хлеб, развьючивали верблюдов, поили их, пасли и снова навьючивали. Даже почью они порой не смыкали глаз.

Но как ни трудно им приходилось, они не жаловались. Говорили между собой мало, больше молчали. И не потому, что были удовлетворены, а желудки их наполнены хлебом и плечи прикрыты приличной одеждой. Эти люди молчали потому, что каждого мучили свои мысли и неизлечимые душевные раны.

Поэт быстро нагнал караван. Увидев его, Эсен-мурт нахмурил брови. Он не любил Кемине. Когда караван-баши слушал его стихи о жадных муллах, судьях-взяточниках, скупых и жестоких баях, на его шее вздувались жилы от гнева. Узнав о том, что поэт собирается присоединиться к каравану, он встревожился, как бы Кемине не начал смущать такими стихами его слуг. Злобно сверкнув белками, он взглянул на Кемине и надменно спросил:

— Куда держишь путь, шахир?

— В Хиву.

Эсен-мурт презрительно усм хнул:

— Если ты не будешь на обузой, поезжай. Каракумы велики.

Эти слова рассердили поэта, и он ответил с достоинством:

— Можешь быть спокоен, обузой тебе я не буду. Не думай, что я тебя не понимаю. Я знаю и тебя, и твоего отца, и весь твой род. Знаю и то, что ты меня ненавидишь и рад был бы пристрелить и бросить в Каракумах, чтобы труп сожрали шакалы!

Увидев, как разгневан поэт, Эсен-мурт покраснел.

— Шахпр-ага... Я пошутил... Не обижайтесь... — пытался он оправдаться.

Но поэт не захотел его слушать. Придержав осла, он присоединился к ехавшим позади слугам.

Белобородый старик поспешил приветствовать поэта. Он ударил пятками осла и устремился вперед, поравнявшись вскоре с Кемине.

— Салам алейкум, Мамедвели! — сказал старик, с уважением протягивая ему руки.

— Алейкум-ассалам, Яздурды-пальван! — ответил Кемине и крепко пожал костлявые руки старика. — Прежде мы часто встречались с тобой на базаре или в пустыне, когда собирали саксаул. А теперь тебя что-то нигде не видно. Как ты поживаешь?

Лицо Яздурды помрачнело.

— Пока не умер.

Кемине пристально посмотрел на своего спутника.

— Почему ты так говоришь? У тебя тяжело на душе? Что-нибудь случилось в твоём доме?

Яздурды-пальван горестно кивнул:

— Лучше не рассказывать! Прошлой зимой все умерли с голоду. Ни жены не стало у твоего друга Яздурды, ни сына. Опустилась моя кибитка. Остался я один, как сухое дерево. Совсем один... Придет мое время умирать, и некому будет даже воды подать. После смерти единственного сына я не мог оставаться дома, уходил в пустыню, бродил по ней, не находя покоя, потом шел в горы и бился там лбом о черные камни. Но нельзя вернуть навсегда ушедшего, нельзя умереть вместе с умершим. Если ты еще дышишь, смерть не придет сама, если только ты не воткнешь себе нож в горло. Сам знаешь — для таких, как мы с тобой, небо слишком высоко, а земля слишком тверда. Что оставалось мне делать? Хотя я презираю Карсак-бая больше, чем собаку, пришлось мне пойти к нему на поклон. Два дня он и говорить со мной не хотел. На третий день, увидев, что я все еще сижу на золе и не собираюсь уходить, он стал орать, брызгая слюной: «У своих дверей я видел много дармоедов! Такой старик, как ты, не сможет отработать даже съеденный хлеб!» Проглотив оскорбления, я начал упрощать его. Тогда он сказал: «Ну ладно. Только потому, что я тебя знаю, не буду прогонять. Если согласишься работать только за еду, иди к Эсенмурту». У меня не было другого выхода. И вот с тех пор я хожу за караваном, откармливаю вшей, которые стали большими, как косточки урюка, и оплакиваю свое горе...

Яздурды-пальван не договорил, слова застряли у него в горле, в покрасневших старческих глазах блеснули слезы. Печаль одинокого старика до глубины души огорчила поэта.

Они замолчали. Заунывно позванивал караванный колокольчик. Кемине думал о чем-то, рассеянно глядя на изрешеченный молью тельпек ехавшего рядом с ним Яздурды-пальвана. Возможно, он думал так: «Когда же наконец мой родной народ сбросит со своих плеч непомерную тяжесть нужды?» И может быть, надеялся найти в книгах Нурмета ответ на этот мучивший его вопрос. Ведь недаром же отправился он в такой нелегкий путь.

Очнувшись от глубокой задумчивости, Кемине сказал:

— Яздурды-пальван! Нет пользы от того, что ты так терзаешься. Утешься, подними выше голову!

Но голос Яздурды-пальвана звучал по-прежнему печально.

— Как мне не горевать? — ответил он. — Доведись пережить такое собаке, и та ослепла бы от слез. Чем я провинился перед богом, что он наслал на меня такие страдания? Ты говоришь — держи голову выше. А я уже стар и слаб. У меня ломит ноги и такая боль в пояснице, что не знаю, куда деваться, темнеет в глазах. Вот я и плачу.

Кемине возразил:

— Плачем горю не поможешь. Разве оно у тебя одного? И моя судьба сложилась не лучше твоей. Если от рыданий может быть польза, тогда давай плакать вместе.

— Я и сам знаю, что от плача нет толку, — ответил Яздурды-пальван, успокаиваясь. — Просто я слишком долго носил в себе свои страдания. Поделился ими с тобой, пожаловался — и будто легче стало на душе.

— Вот и хорошо! — сказал Кемине и, взглянув в сторону юношей, спросил: — А они откуда?

— Вот тот, смуглый, красивый и высокий, из нашего Серахса. Его зовут Гельды.

— Гельды? Я его не знаю.

— Если самого не знаешь, то должен знать его отца. Помнишь пастуха Артыка, погибшего в стычке с людьми хапа Аббаса?

— Вспомнил... Вижу его как сейчас!

— Верно. Гельды точная его копия и по внешности, и по характеру. Разве только немного молчаливее.

— А тот, второй, желтолицый, откуда?

— Из Векиля. Он тоже хороший юноша. Только очень несчастный.

— Он, наверное, болен? У него нездоровый цвет лица.

— Ай, и не спрашивай, очень больной.

— Если он из Векиля, то, наверное, знает Молланепеса¹?

— Это поэт, о котором недавно начал говорить народ? — спросил Яздурды-пальван и окликнул желтолицего юношу: — Овез, подъезжай к нам!

Овез приблизился, думая, что ему хотят дать какое-то поручение. Хотел спросить какое, но не смог — закашлялся. Лицо его стало похожем на серый камень. Яздурды подержал юношу. Прошло несколько минут, прежде чем Овез смог заговорить.

— Проклятая астма свалит меня, — сказал он, вытирая ладонью рот. — Один мясник в Хиве советовал мне курить терьяк. Но ведь для этого нужны деньги.

При слове «терьяк» в глазах у Кемине сверкнуло возмущение.

— Мясник тебя обманул! Только невежды могут давать такие советы. Если будешь курить терьяк, только растрaviшь болезнь. Лучше ешь больше, одевайся потеплее да не спи под дождем и на снегу.

Овез благодарно кивнул.

— Ты из самого Векиля? — спросил Кемине.

— Нет, из аула Непесов.

— Это каких? Непесов-маслобоев?

Овез с гордостью возразил:

— Нет, я из аула Молланепесов. Теперь уже не встретишь человека на всем Мургабе, который не знал бы Молланепеса. Я говорю о поэте Молланепесе, который соперничает с прославленным по всей туркменской земле поэтом Кемине.

Шахир улыбнулся. А Яздурды-пальван, словно забыв свои горести, лукаво подмигнул Овезу:

— А ты не знаком с Кемине-шахиром?

— Я только знаю его имя и люблю его стихи.

— Так что ты мне дашь, если я познакомлю тебя с Кемине? Халат подаришь?

— Если пообещаю, то обману. На халат у меня денег не хватит, — признался Овез. — Но я до самой Хивы буду вместо тебя по ночам стеречь караван.

— Согласен и на это! — смеясь ответил Яздурды-пальван, похлопав Овеза по плечу. — Только два условия не подходят: во-первых, с твоим здоровьем ты не сможешь работать за

¹ Молланепес — классик туркменской поэзии (1810—1862), автор известного дестана «Зохре и Тахир».

меня по ночам, во-вторых, Кемине-шахир ненавидит взяточников... Не правда ли, поэт?

Кемине кивнул:

— Правильно говоришь. Это верно, что я ненавижу взяточников.

Глаза Овеза расширились. От волнения он не мог вымолвить ни слова. Он был рад встрече с поэтом и боялся, что сказал лишнее. Наконец, смущенно улынувшись, он тихо сказал:

— Простите меня, шахир-ага, я не узнал вас. — Потом осуждающе взглянул на Яздурды: — Почему вы не предупредили меня?

— Ничего страшного! Не переживай. — Кемине ласково улынулся. — Скажи лучше, чем занимается сейчас Молланепес? Я слышал, что он искусный музыкант.

— О да! И еще он учит детей, — с готовностью начал рассказывать Овез. — Когда он изъявил желание обучать мальчиков и девочек, люди поставили рядом с его жильем большую белую кибитку. Теперь в этой кибитке всегда шумно. Он и меня звал, обещал научить читать.

— Почему же ты не стал учиться?

— Вах, шахир-ага! Сироте не приходится выбирать: учиться или заботиться о пропитании, — ответил Овез, опустив голову.

Сиротство и бедность не позволили юноше осуществить его мечты. Нужно было подбодрить его теплым словом, но Кемине не нашелся, что сказать. Он вспомнил, с каким трудом сам учился. Чтобы прокормить себя, ему приходилось заниматься уборкой в медресе, чистить, подметать и поливать двор.

«Сироте не приходится выбирать...» — этот ответ Овеза все еще звучал в ушах Кемине. Долго размышлял шахир, покачиваясь в седле и молча глядя в одну точку, потом вскинул голову:

— На свете нет ничего вечного. И наши горькие дни когда-нибудь кончатся, Овез-хан! — сказал он, глубоко вздохнув. — Обязательно кончатся! Наступит день, когда и такие, как ты, раскроют книги. Есть пословица: «Надежда — половина богатства!» И я надеюсь... Я только и живу надеждой и верю в лучший день. Если бы я отказался от этой сладкой мечты, меня бы давно уже не было на этом свете, я бы умер без нее... — И, вздохнув еще раз, Кемине продолжал: — Очень хорошо, что поэт учит детей. Если он откроет глаза хотя бы одному ребенку, научит его отличать

черное от белого, и то будет польза. Грамотный человек хорошо во всем разбирается, понимает смысл жизни. Когда этот ребенок вырастет, нелегко будет его обмануть. Нелегко провести того, кто умеет прочесть книгу. Перед грамотным человеком беспомощны и такие алчные люди, как Карсак-бай и Эсен-мурт. А ты, Яздурды-пальван, как думаешь? Может быть, я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься, мой шахир,— сказал Яздурды-пальван.

— Вот видишь, Овез! — продолжал Кемине. — И Яздурды-пальван со мной согласен. К сожалению, в мои годы уже трудно учить детей, а то бы и я, как Молланепес, взялся за это благородное дело.

Слушая поэта, Овез думал: «Мне казалось, что только я один недоволен своей бесполезной жизнью, но, оказывается, даже и великий шахир болеет душой за народ. И таких, как мы, много. «Слово большинства озером разливается», — говорят мудрые люди...»

От этих мыслей ему стало будто легче, лицо его прояснилось. Он туго затянул кушак, приосанился, поднял высоко голову.

А караван размеренным шагом продолжал идти за Эсен-муртом, сматывая дорожную пряжу. Монотонный звон колокольчика успокаивал нервы, убаюкивал.

Аул был уже далеко позади. Впереди маячили высокие бархапы. За ними начиналась Марыйская земля.

Караван шел всю ночь. Утром путники сделали небольшой привал и снова двинулись в путь.

Делая короткие остановки, караван шел уже шесть дней. В конце седьмого дня, перед заходом солнца, он приблизился к аулу Чашгын, стоящему там, где Мургаб превращается в узкую ленточку и теряется в песках.

Обычно караван Эсен-мурта стоял здесь недолго. Но на этот раз ему пришлось задержаться.

Хозяин дома, в котором остановился Эсен-мурт, по имени Каррынияз-ага, очень любил музыку, стихи и шутки. Он был знаком с Кемине. Поэт, возвращаясь из Хивы, тоже останавливался у него. Увидев снова любимого шахира, Каррынияз-ага не удостоил вниманием богатого Эсен-мурта.

— Заходи, поэт, заходи! — воскликнул он и, вскинув свое грузное тело, вскочил навстречу Кемине. — Сегодня у меня сильно чесался левый глаз, я говорил, что это к радости, и не ошибся. Наверное, ты устал, проходи на

тор¹, устраивайся поудобнее, а я тем временем сообщу в ауле, что ты приехал, обрадую народ!

Кемине покосился краем глаза на Эсен-мурта, взбешенного тем, что не ему оказываются почести, и нарочито кротко сказал:

— Не знаю, смогу ли я просидеть у вас долго на таком почетном месте? Как говорит пословица: «Кто отправился в путь, тому лучше быть в пути!»

— Гость должен подчиняться хозяину, шахир! Ты ведь не из тех, кого мы можем часто видеть в своем Чашгыне,— ответил улыбаясь Каррынияз-ага и приказал своему сыну, юноше лет семнадцати: — Беги скорее в аул, сообщи всем, что к нам приехал поэт!..

Желающих повидаться с Кемине оказалось так много, что кибитка их не вместила. Каррынияз-аге пришлось расстелить вокруг нее все свои кошмы. Но и их оказалось мало. Тогда соседи принесли свои кошмы и паласы. И этого было недостаточно. Но люди и не думали об удобствах. Кто постелил под себя халат, кто просто на корточках присел на песке. Около соседней кибитки собрались женщины.

Всеобщее внимание вдохновило поэта. Ему захотелось донести жар своих стихов до самого сердца слушателей.

Поэт взял в руки дутар и, слегка тронув струны, начал читать:

У меня сто болезней и тысяча бед,
Тяжелей всех на свете забот —

Нищета.

Скорбь искала меня и напала на след.
Без конца караваном идет

Нищета.

Люди слушали, ловя каждое слово, словно надеялись поймать синюю птицу. Только Эсен-мурт не слушал поэта. С тех пор как Кемине взял в руки дутар, у него испортилось настроение. Он только и думал о том, как бы скорее отдохнули верблюды и можно было уйти из аула.

Рука поэта дотрагивалась до струн дутара, и чистая мелодия звучала все увереннее.

Не прожить без еды и единого дня,
Ночью глаз не смыкаешь, лежишь без огня.
Не уходит к богатым, живет у меня,
Спит в углу на тряпье, слезы льет Нищета...

¹ Тор — почетное место в кибитке.

Произнося слова: «Не уходит к богатым», поэт взглянул на Эсен-мурта. Люди улыбались, начали перешептываться. Эсен-мурту это было пощечиной. Он вскипел, выкатил глаза и хотел что-то сказать, но только смог пошевелить толстыми губами. Тогда он сделал вид, что не понял намека.

Но от поэта не ускользнуло, что его слова попали в цель. Это и было ему нужно. И он обрушил на Эсен-мурта последнее четверостишие:

Говорит Кемине: тех — казной золотой,
Этих жизнь наделяет сумою пустой.
Ты не рвись, мое бедное сердце, постой,
Будет время — от нас отойдет
Нищета!¹

Говоря: «тех — казной золотой», поэт снова многозначительно взглянул на караван-баши, а произнося слова: «Этих жизнь наделяет сумою пустой», посмотрел на сидящих вокруг людей.

Покрасневший от бешенства Эсен-мурт больше не мог снести насмешек Кемине. Он вскочил, задыхаясь, и заорал:

— Яздурды! Овез! Вставайте! Гельды! Чего сидишь? Хватит! Поехали!...

Не поняв сразу причины скандала, Каррынияз-ага удивился:

— Вей-вей, Эсен! Что с тобой? Всегда ты остаешься у меня ночевать. Какая муха сегодня тебя укусила?

— Ты знаешь, какая муха! — резко ответил Эсен-мурт. — Я вошел в твою кибитку не для того, чтобы меня здесь оскорбляли и позорили перед людьми.

— А кто тебя позорит? — спросил Каррынияз-ага. — Ведь о тебе никто здесь ни слова не сказал. Вот если бы называли твое имя, тогда другое дело. А здесь только читали стихи. Ты и раньше их слышал. Так из-за чего же, Эсен, ты мутить чистую воду?

— Если ты ничего не хочешь понимать да и меня же во всем обвиняешь, то спасибо за все! — закричал Эсен, хватаясь за пистолеты. — Не знал, оказывается, каков ты есть! В следующий раз будем выбирать другое место для стоянки.

— Дело твое, Эсен-хан! Задерживать тебя не стану, — ответил обиженный Каррынияз-ага. — Но ты уйдешь один. Я не могу столько людей лишать удовольствия слушать поэта.

¹ Перевод А. Тарковского.

Поведение Эсен-мурта многих возмутило.

— Каррынияз-ага! Не задерживай его, — с гневом сказал коренастый, широкоплечий юноша. — Пусть он уходит! Поэта мы проводим до Хивы сами!

Его с готовностью поддержал бородатый яшули, который лежал, облокотившись на свой тельпек:

— Не только в Хиву, но и дальше, до самого Васа проводим мы поэта, если будет нужно!

— Правильно говоришь, яшули! — гневно выкрикнул из гущи толпы красивый юноша, взмахнув кулаком. У него давно накопела на сердце злость на Эсен-мурта. Несколько лет назад, когда у этого юноши только начали пробиваться усы и борода, он нанялся вести караван. Эсен-мурт бросил его одного в пустыне только за то, что погонщик не позволил себя оскорблять. И юноша затаил чувство мести. Теперь наступил его час.

Выйдя из толпы, юноша убежденно сказал:

— Если поэт хочет ехать в Хиву, он сядет на верблюда Каррынияз-аги, и я сам провожу его. Но не в этом дело. У каждого человека должна быть своя честь, твердое слово. Я говорю об Эсен-мурте. Он взялся довезти поэта до самой Хивы? А если так, то он обязан доставить его до места. Кто позволит ему бросать поэта посередине пути?

Все молчали.

Эсен-мурт в угрожающей позе земзема¹ ринулся на юношу:

— Никто не собирается бросать его посреди дороги. А если будешь болтать языком, получишь пинка, как в прошлый раз!

Не испугавшись угроз Эсен-мурта, юноша с достоинством ответил:

— Прошло то время, когда мы сносили твои пинки, Мурт! А языком зря болтаешь ты сам. Так знай: если сделаешь хоть шаг отсюда без поэта, берегись! Не успеешь выйти из аула, как упадешь с распоротым брюхом.

Никогда в жизни не приходилось еще Эсен-мурту выслушивать подобные дерзости. Он даже изменился в лице и снова схватился за пистолет. Но юноша не дрогнул. И не успел Эсен-мурт выхватить из-за пояса оружие, как полетел на землю, сбитый сильным ударом. Он быстро вскочил и направил на юношу второй пистолет. Но момент был уже упущен: четверо рослых парней встали стеной перед

¹ Земзем — степной ворон.

Эсен-муртом. Один из них взмахнул длинным ножом и крикнул:

— Эсен-мурт, берегись!..

Как бы ни храбрился, ни угрожал Эсен-мурт, положение его было трудным. Надеюсь, что слуги придут ему на помощь, он взглянул на Яздурды-пальвана. Но тот притворился, что не замечает его молчаливого приказа, и отвернулся, подумав: «Черт с тобой». Будто разгадав мысли Яздурды-аги, Овез сделал то же самое. Только Гельды повел себя иначе. Вообще был он какой-то странный и непонятный юноша. Сердился он редко. Но уж если впадал в гнев, его трудно было успокоить. И сердился он как-то по-особенному. Обычно люди кричат, ругаются. А этот молчал и только хмурился. Но тут Гельды вышел из себя, он так оскорбился за караван-баши, что начал грозно наступать на обидчиков, обрушился на них, как горный поток.

— Эй, хватит вам! Не смейте безобразничать! — кричал он в иступлении.

Один из юношей насмешливо посоветовал ему:

— Скажи это лучше своему хозяину!

— Нет, я вам говорю! — не унимался Гельды.

Тогда другой парень запальчиво крикнул:

— Таких, как ты, называют продажной собакой!

— Что?! Заткнись!

Гельды схватился за нож. Но тут раздался хриплый, властный голос старого Яздурды:

— Гельды, брось! Остановись, сынок, — сказал он уже мягче, схватив юношу за руку.

Гельды, распыленный гневом, не хотел слушать старика, а тот его терпеливо уговаривал:

— Люди пришли послушать поэта, а ты им мешаешь, лезешь в драку. Не будь глушцом. Когда человек что-нибудь делает, он прежде должен подумать. Разве можно заступаться за такого негодяя, как Эсен-мурт, и поднимать нож на честных людей? Стыдись, сынок!

Посрамленный Эсен-мурт ушел. Люди успокоились и снова расселись по местам. Каррынияз-ага попросил поэта:

— Продолжай, уважаемый гость!

И Кемине снова начал читать.

На чистом осеннем небе появилась желтая луна. И она тоже словно заслушалась стихами о бедняках и продажных судьях, обманывающих бедняков... Потом Кемине начал рассказывать, как создаются стихи, и предложил:

— Я сочинил небольшое стихотворение, когда соревновался с Шебенде и Талиби¹, хотите его послушать?

Со всех сторон раздалось:

— Мы тебя слушаем! Читай!

И на прощание поэт прочел стих «Твой локоп» о красоте и скромности туркменских девушек, а дутар переводил его слова на язык музыки.

Луна уже ушла на покой, удовлетворенная, когда караван отправился в путь. Каррынияз-ага далеко проводил поэта. Расставаясь с ним, он сказал:

— На обратном пути остановишься у меня, иначе я обижусь!..

...Верблюды пересекали высокие барханы, шагая по древнему караванному пути. Эсен-мурт нервничал и злился. Придираясь к пустякам, он ругал слуг, а Кемине старался не замечать.

Шахира это ничуть не трогало. Не обращая внимания на караван-баши, он ехал рядом с Яздурды-агой.

Долгий путь утомил поэта, и старого Яздурды, и больного Овеза, только Гельды не чувствовал усталости. Яздурды дремал. Овеза тоже клонило в сон, но жестокий кашель не позволял юноше забыться. При каждом приступе он судорожно цеплялся за седло, чтобы не упасть. Кемине с тревогой думал: «Когда дойдем до колодца, хорошо бы отдохнуть, а так едва ли дотянет он до Хивы...»

Караван подошел к трем низким кибиткам, черневшим среди песков. Возле них работали люди. Пастухи и подпаски, засучив рукава халатов, стригли овец. Никто не сидел без дела: один держал барана, другой связывал ему ноги, третий стриг, четвертый укладывал в мешок шерсть.

Вдруг из одной кибитки раздался душераздирающий крик. Пастухи приостановили работу и бросились туда. Они знали, что в кибитке умирает человек, и этот предсмертный вопль извещал их, что наступает конец его страданиям.

Но тут из-за высокого бархана вылетел всадник с налитыми кровью глазами, в темно-красном халате и мохнатом тельпеке.

— Почему не стрижете овец? — заорал он грозно.

На окрик его из кибитки вышел худой высокий человек средних лет.

— Бай-ага, у нас горе...

¹ Шебенде, Талиби — имена туркменских поэтов, современников Кемине.

Бай перебил его:

— Вы что, забыли мой приказ? Разве не говорил я вам, чтобы к моему возвращению не осталось ни одной неостриженной овцы? Или мое слово для вас не закон?!

Худой человек робко оправдывался:

— Бай-ага, мы не успели. Кельдже-ага заболел. Только сейчас он отдал душу небу...

— Если он подох, скорее закапывайте его в песок и идите работать!

Кемине и Яздурды-ага, услышав жестокие слова бая, горестно покачали головами. Им стало ясно, что здесь не отдохнешь. Тем временем бай, увидев Эсен-мурта, вежливо предложил ему разгрузить караван.

— Эсен-хан, чего раздумываешь? Слезай, а я сейчас прикажу зарезать козленка.

Эсен-мурт был не прочь остановиться здесь, но, прочитав на лицах спутников несогласие, ответил:

— Спасибо, бай. Остановимся на обратном пути.

К концу дня караван подошел к другому колодцу. Посвежело. Подул легкий ветерок, лаская вершины песчаных холмов. Небо было голубое и прозрачное, как стекло.

Больше других желал отдыха совсем выбившийся из сил Овез. Хоть он и пытался скрыть свое недомогание, это ему плохо удавалось. Увидев колодец и лежащих вокруг него овец, Овез взглянул на поэта и слабо улыбнулся. Понявший по этой жалкой улыбке, о чем думает юноша, Кемине посоветовал ему:

— Овез-хан, приляг и отдохни немного. Побереги свою жизнь. Ведь она дается только один раз!

Ответ Овеза прозвучал еле слышно:

— Шахир-ага, это верно, но караван не будет ждать меня.

— Подождет, — уверенно сказал поэт. — Пока я буду читать стихи, ты полежишь, остальное я беру на себя. Честно говоря, никто из нас не выдерживает такой спешки! Надо жалеть людей!

Караван подошел к колодцу. Пастухи уже напоили овец холодной соленой водой и сели готовить ужин. Они и прежде встречали этот караван. Узнав усатого караван-баши, важно восседающего на осле, старший пастух сказал:

— А, это ты, Эсен? Иди к нам! — И обратился к подпаскам: — Помогите им!

Подпаски разгрузили караван. Снова наполнили водой

корыта, напоили ослов и верблюдов. Когда погонщики сели пить чай, животные уже паслись вблизи стоянки.

За ужином широкоплечий пастух, внимательно посмотрев на Кемине, спросил у Эсен-мурта:

— Кто он? Я что-то не знаю этого человека.

— Не торопись узнать меня. У нас в запасе еще ночь и день, завтра познакомимся,— улыбнулся Кемине, ответив за Эсен-мурта.

Караван-баши не понравилась эта шутка. Он спешил в Хиву и торопил караван, не считаясь с тем, что люди падали от усталости. «Всюду этот человек лезет не в свое дело»,— пробурчал он себе под нос. А Яздурды-ага объяснил пастуху:

— Это, Сары-чабан, наш поэт Кемине.

Широкоплечий пастух поспешно поставил уже поднесенную ко рту пиалу. Горячий чай выплеснулся на песок. Не доверяя словам старика, Сары-чабан снова пристально всматривался в лицо поэта:

— Кемине?!

— Выходит, что так,— смеясь ответил тот.

— Как вы попали к нам, уважаемый шахир?! — воскликнул Сары-чабан и протянул к нему для приветствия руки.— Хоть нам и не приходилось вас видеть, но ваше имя мы знаем и стихи ваши любим. А недавно Язлы ездил в аул, он выучил еще два новых ваших стихотворения.

И Сары-чабан обратился к сидевшему в стороне маленькому смуглому подпаску:

— Язлы, ну-ка прочитай нам еще раз то, что читал.

Язлы потупился и, покусывая травинку, смущенно признался:

— Я не смею. Пусть лучше сам поэт прочитает.

Сары-чабан погладил свою редкую бороду, подумал и возразил:

— Нельзя его просить. Шахиру нужно отдохнуть.

Язлы настаивал:

— При самом поэте я не могу читать.

Сары-чабан недовольно проворчал:

— Я тебя расхваливал, а ты, вижу, этого не стоишь...

Видя, как еще больше смутился и покраснел маленький Язлы, Яздурды-ага пришел ему на помощь:

— Ну хватит тебе, Сары, оставь парня в покое. Мы все-таки попросим Кемине почитать, и он нам не откажет. Не так ли, поэт? Или ты вправду очень устал?

Кемине многозначительно сказал:

— Если даже и устал, буду читать.

После стихов завязалась беседа. Шахир поведал пастухам, что весна в их краях была в этом году засушливая и бедняки уже осенью, наверное, почувствуют недостаток в пище.

— Значит, и в Серахсе голод? — спросил Сары-чабан с грустью. — Язлы, возвратившись из Мары, тоже говорил, что и там голод. Плохо будет, если народ начнет умирать, как в прошлом году.

— Да, плохи наши дела, Сары-чабан, — согласился Кемине. — Но больше всего меня печалит и возмущает, что чем засушливей год, чем труднее бывает простым людям, тем полнее становятся карманы у баев и ростовщиков. «Если народ плачет, свинье благодать», — говорит пословица.

Эсен-мурт резко поставил миску, наполненную чалом.

— Что ты хочешь этим сказать?

Поэт невозмутимо ответил:

— А ты спроси у Яздурды, что я хочу сказать.

— О чем думает он, я и без расспросов знаю, — вскипел Эсен-мурт. — Его я пaskвозь вижу. Он требует справедливости и хорошей платы, подстрекает Овеза, а сам не отработывает и того, что ест. Вот если бы все были такими, как Гельды! Для него никаких денег не жалко — один работает за троих. А этим двум лишь бы попить да поесть, и все шепчутся о чем-то. Будь на моем месте другой, давно бы выгнал обоих... А если Яздурды не нравится работать только за еду, пусть уходит. Его никто не держит.

— Ты попал в точку. И я хотел сказать о том же, — Кемине погрозил ему пальцем. — Что можно требовать от Яздурды, работающего только за пищу? У него что — нет рук или ног или он без языка и ума? Почему ты не работаешь за еду, а он должен? Ты приедешь в Хиву и получишь тысячи золотых, а ему нечем будет прикрыть спину. Почему?

— Об этом ты спрашивай не у меня, у всемогущего аллаха!

— У аллаха? — с гневом повторил поэт. — Нет, мне известно, у кого спрашивать, только я еще не знаю, как это нужно сделать!

Как ни приятно было Яздурды-аге слышать эти слова, но такой разговор снова мог обернуться скандалом, и он попросил поэта:

— Мамедвели, братец, не горячи свою кровь понапрасну, лучше прочти нам свои стихи.

Внимательно посмотрев в глаза Яздурды-аги, поэт сказал:

— Зря ты считаешь, что я говорю впустую! Над этим я размышляю всю свою жизнь. Понимаешь ли ты это? Яздурды-пальван начал его уговаривать:

— Вах, я понимаю, но все-таки...

— Пусть будет по-твоему, Яздурды-пальван! — согласился поэт. — Я прочту столько стихов, сколько вы все захотите, но этот разговор не забывайте! Ответ на вопрос: что нам делать? — мы будем искать вместе. И если будем искать все вместе, обязательно найдем!

После этих слов Кемине начал читать стихи. Его окружили пастухи и слуги Эсен-мурта. Сам караван-баши уже не хотел слушать поэта. Наевшись, он встал, подошел к глубокому колодцу, заглянул в него, свистнул, прислушался, постоял немного, посмотрел на овец, потом взобрался на песчаный холм и присел там на корточках, похожий на хищного орла.

Вслед за Эсен-муртом ушел и больной Овез, захватив с собой бурку одного из пастухов. Бросив ее на мягкий песок, он сделал из тельпека подушку, лег и сразу уснул.

А поэт все читал... Сары-чабан, указав на темнеющую на бархане одинокую фигуру Эсен-мурта, спросил Кемине:

— Вы, наверное, враждуете с Эсен-муртом? — И сам ответил на свой вопрос: — Мы его хорошо знаем. С ним никто, кроме Карсак-бая, не сможет найти общий язык. Он скареда. Раз десять прошел уже через нашу стоянку и не подарил нам ни одного хивинского халата. В долине Серакса у него пасется большое стадо овец, но он, наверное, из жадности никогда не полакомится даже ребрышком. Он крепко зажмет свое в кулаке, а если капля просочится между пальцами, оближет. Но когда угощают его, будет есть за двоих. Нет у него ни чувства жалости, ни сострадания. Выбил человек из сил, пусть даже умирает — ему все равно. Я знаю Эсен-мурта уже семь лет, и за эти годы он раз семьдесят, наверное, сменил слуг... Только потому, что с ним пришел мой старый друг Яздурды, только из уважения к нему я позволил Эсен-мурту приблизиться к своему колодцу. А то не дал бы ни капли воды.

Пастух весело рассмеялся:

— А что, если я предложу ему с сегодняшнего дня платить за воду?

Яздурды серьезно ответил:

— Я бы на твоём месте давно это сделал.

Во время их разговора Овез спал как ребенок, позабыв все свои горести. Яздурды предложил Кемине:

— Может, и ты отдохнешь немного, поэт?

— Обо мне не беспокойся, пальван! — ответил шахир. — Если я и лягу сейчас, то не усну. Я уже вздремнул на осле... Главное, чтобы Овез поспал. Я очень тревожусь за него, но помочь ничем не могу.

Яздурды-пальван тяжело вздохнул. В это время с вершины бархана раздался голос Эсен-мурта:

— Яздурды! Вах, эй вы все! Готовьте верблюдов!

Не обращая внимания на окрик караван-баши, Кемине начал читать новые стихи. И как ни драл свою глотку Эсен-мурт, никто не поднимался, слушая поэта. Только Яздурды-пальван было привстал, но, заметив знак Кемине, снова сел.

Прежде стоило только Эсен-мурту сказать «вах», при одном звуке его голоса слуги вскакивали, как стадо диких джейранов. Сегодня они ему уже не повиновались.

Эсен-мурту пришлось задуматься. «Конечно, во всем виноват Кемине, — размышлял он, — нужно дать ему почувствовать, кто я. А то в этих песках никого не останется, кто бы меня слушался. А глядишь, еще и позарятся на мой товар...»

Такие мысли его испугали. Эсен-мурт быстро спустился с бархана. Он шел по горячему песку, оставляя глубокие следы. Подойдя к поэту, воодушевленно читающему стихи, он презрительно подбоченился и спросил:

— Когда перестанешь болтать?

В глазах поэта вспыхнул гнев. Но, следуя пословице: «Гнев — от беса, терпение — от бога», он ответил как мог спокойнее:

— А что, если не перестану?

Взбешенный Эсен-мурт закричал еще громче:

— Тогда поедешь другой дорогой и будешь искать себе новых попутчиков.

Поэт усмехнулся:

— А разве это твоя дорога? Она досталась тебе по наследству от отца?

— Не задевай моих родителей! Болтай, да знай меру!

Людам не понравилось, что Эсен-мурт кричит на уважаемого всеми поэта. Особенно разгневался Сары-чабан. Когда он поднялся, ноги его дрожали.

— Стыдись, Эсен! — выдохнул он.

Эсен-мурт хотел что-то ответить, но взгляд его упал на сладко спящего Овеза.

— Вот дармоед! — Сжав кулаки, он направился к юноше.

— Остановись, Эсен! — взмолился Яздурды-пальван,

бросаясь к хозяину. Если бы старик не преградил ему путь, он набросился бы на Овеза и, по обыкновению, начал топтать его ногами.

— Не старайся сорвать на Ахмеде зло к Али,— продолжал Яздурды-пальван его урезонивать.— Если хочешь, говори с поэтом, а Овез тут ни при чем.

— Ах, и ты уже начал возражать мне? И ты действуешь против меня, старый пес, смотрящий в могилу! Да если вы даже все подохнете, никто с меня за это не спросит. Никакой нет разницы между вашей смертью и собачьей! — завопил Эсен-мурт, хватая Яздурды-пальвана за ворот.— Увидите, что будет с вами и с вашим заступником.

В мгновение ока Сары-чабан очутился перед Эсен-муртом:

— Прочь руки, Эсен! Что сделал тебе Яздурды? Берегись, я еще не забыл, как ты тогда, зимой, бросил подростка погибать в пустыне. Вон отсюда и запомни: если обидишь поэта, будешь иметь дело со мною, и как бы не вышло так, что ты не доедешь до Хивы! Смотри, я быстро дам знать Човдур Мергену, и он обломает тебе зубы. Достаточно мы натерпелись от таких, как ты!

Если бы Эсен-мурт не отступил, Сары-чабан мог его убить. А вокруг стояли пастухи, опершись на толстые палки, и только ждали знака, чтобы наброситься на него.

Эсен-мурт побледнел, рука его разжалась, и он выпустил ворот Яздурды-аги. Потом молча набросил на плечи лежавший на пастушьей подстилке халат и пошел к своему ослу.

— Молодец, друг! — сказал Кемине, обращаясь к Сары-чабану.— Ты решительный и смелый человек. За это тебе большое спасибо! Ну, пора собираться, Овез, наверное, уже выпался. Разбуди его, Гельды-хан.

Караван снова тронулся в путь. Шел он и ночью. После происшествия у колодца Эсен-мурт перестал разговаривать не только с Кемине, но и со всеми своими слугами. До полудня он сам вел караван. Но когда путь лег по краю зарослей саксаула, передал недоуздок Овезу и слез с осла.

— Ну-ка, помоги мне взобраться на белого верблюда,— приказал он Гельды.— Я хочу отдохнуть.

Юноша подошел к белому верблюду и пригнулся. Эсен-мурт встал ему на спину, вскарабкался на верблюда и развалился на мягком вьюке. Вскоре он захрапел.

Яздурды-пальван ехал рядом с Кемине, он кивнул в сторону Эсен-мурта и сказал:

— Видишь? Сам-то спит, а если бы и мы спокойно

поспали и прибыли в Хиву днем позже, базар не убежал бы.

Кемине ответил словами Молланепеса:

Мирским богатствам душу продал скупец.
Когда, слабея, он увидит конец,
Не в силах век поднять,— лежит как мертвец,
Но привстанет, монет бряцанье почуяв¹.

Выспавшийся у пастухов Овез теперь бодро погонял маленького ослика, держа в руке недоуздок головного верблюда. Эсен-мурт храпел, разинув рот. Кемине дремал, изредк. вздрагивая. Гельды, мрачный, ехал позади каравана. Возможно, он вспоминал случившееся у колодца, повторял про себя слова, сказанные там поэтом, а может быть, вспоминал, как сапог Эсен-мурта топтал его спину.

Яздурды-пальван, хорошо знавший путь, по которому двигался караван, смотрел не отрываясь на поникшие от осеннего холода кусты саксаула. В его тоскливом взгляде отражалась несбыточная мечта: «Эх, если бы нагрузить этим саксаулом верблюдов десять да отвезти его в Серахс и сбросить у двери моей кибитки. Кидая в огонь по охалке, я мог бы просидеть в тепле все сорок холодных зимних дней, сладко подремывая. Да еще если бы передо мной стояла миска с жареной бараниной!»

— Где мы находимся? — прервал сладкие мечты Яздурды-пальвана сонный голос Эсен-мурта.

— Выходим из низины Оджарлы².

— Когда будем в Яндаклы³, разбуди меня. — И караванбаши снова положил голову на мягкий выюк.

Караван пришел в Яндаклы перед заходом солнца. Это место действительно было сплошь покрыто верблюжьей колючкой. Лучи солнца, убегая за дальние холмы, то пронизывали густые облака, то попадали на чистые участки неба, и от этого поле верблюжьей колючки становилось то темно-красным, то светло-зеленым.

Тут тоже был колодец. И хотя вокруг него вдоволь росло корма для верблюдов и овец, поблизости не было ни души. Колодец был накрыт саксаулом, а поверх него наброшена старая кошма.

Яздурды-пальван и Гельды освободили колодец. Пока

¹ Перевод М. Петровых.

² О д ж а р — саксаул.

³ Я н д а к — колючка.

они ставили корыта, солнце уже почти зашло, небо на западе позолотилось.

Верблюды и ослы, напившись, с удовольствием жевали колючку. Яздурды разжег костер, наполнил чайники водой, поставил на огонь казан, собираясь варить маш.

Ужин готовили молча, без обычных разговоров. И за чаем никто не сказал ни слова. Кемине, любившему шутку и веселье, такое долгое молчание было не по душе. Когда перед ним поставили большую миску с машевой кашей, подернутой пенкой, на лице поэта появилась улыбка. Яздурды подо avvicinul к нему единственную ложку и спросил:

— Почему ты улыбаешься, а не ешь?

Кемине отведал не торопясь каши и снова улыбнулся:

— Спрашивая, ты хочешь напомнить мне о моем больном друге?

Яздурды понял, на что намекает поэт, но Овез удивленно взглянул на Кемине:

— О чем вы говорите, шахир-ага?

— Я могу рассказать тебе эту притчу, если ты ее не знаешь. — И, ожидая, пока остынет каша, поэт начал: — Как-то много лет назад трое серахсцев приехали в Хиву к одному человеку. Хозяин, вот так же, как сейчас, принес большую миску маша и поставил перед гостями. Они очень проголодались. Один из гостей поднес ложку ко рту и обжегся горячей кашей, да так, что у него на глазах выступили слезы. Другой, увидев товарища плачущим, спросил: «Что случилось?» Тот, стыдясь признаться, ответил: «Есть у меня большой друг, я сейчас о нем вспомнил». Второй гость тоже обжегся и тоже прослезился. «Что с тобой?» — спросил его первый. И этот человек постеснялся сказать правду: «Ах, наверное, твой большой друг очень плохо себя чувствует!» Я забыл сказать, что у них, так же, как и у нас, была на всех одна ложка. Подошла очередь третьего. И его горло обожгла машевая каша, и у него на глазах появились бусинки слез. И когда его спросили: «Ну а с тобой что случилось?» — он тоже решил, как первые двое, не признаваться. «Ваш друг, наверное, уже умер», — сказал он, заплакавшись. Когда серахсцы возвращались домой, в пустыне им встретился человек, который спросил: «Люди, что интересного вы видели в Хиве?» Тогда один из троих рассказал ему: «В Хиве угощают такой машевой кашей, что мы опозорились, пообжигав свои рты. С виду она кажется остывшей, а на самом деле горяча как огонь». Когда этот человек приехал в Хиву, его тоже угостили машевой кашей. Но он, глядя

на нее с опаской, подумал: «Я узнал о тебе еще в пустыне. Хотя ты и кажешься остывшей и прикрываешься пенкой, но, наверное, тоже горяча как огонь. Нет, меня ты не проведешь!» И говорят, что даже тогда, когда каша стала холодной как лед, он не решился притронуться к ней, боясь обжечься... Вот и эта каша, хоть она и вкусная, а я боюсь вспомнить о своем больном друге. Поэтому, Яздурды-пальван, ты меня не торопи. Я тоже бывал в Хиве и знаю горячий характер этой каши.

— Верно, шахир-ага! — сказал Овез, без аппетита жуя кусок лепешки. — Я тоже, когда впервые ел машевую кашу, здорово обжегся, хотя, правда, не до слез.

— Вас она кусала, а меня не посмеет. Ну-ка, дайте мне ложку! — Эсен-мурт впервые заговорил после долгого молчания. Он взял ложку, которая уже много лет скребла миску, и потому края ее сточились, намазал кашу на кусок толстой лепешки и, раскрыв рот величиной с хатап¹, откусил здоровенный кусок...

Наевшись, Овез поблагодарил аллаха за пищу и пошел вздремнуть. Яздурды-пальван, собирая посуду и складывая ее в мешок, сказал:

— Овез-хан, не спи! Отдыхать будешь, когда приедем в Гызганлы. Не зря говорят: «Пастуху гулянки запрещены». Иди и собирай верблюдов. Вот и луна взошла. Пора трогаться.

— Пойдем, друг Гельды, — позвал Овез, поднимаясь и затягиваясь веревкой вместо платка. Но Эсен-мурт знаком приказал ему сесть.

— В Гызганлы нет корма. Эту ночь мы пробудем здесь, пусть верблюды как следует наедятся колючки. — Сузив глаза, он посмотрел на поэта и продолжал: — А то вы мне уже надоели — все «спать да спать». Ложитесь сегодня и спите сколько вам влезет, а за верблюдами я присмотрю сам.

Не поверив собственным ушам, Яздурды-ага спросил с удивлением:

— Ты сказал, что мы здесь останемся ночевать, хозяин?

— Что, у тебя ушей нет, не слышишь, что говорят? — огрызнулся Эсен-мурт и пошел к верблюдам.

Яздурды-ага с теплой улыбкой взглянул на Кемине. Его взгляд говорил: «За это мы тебя должны благодарить. Ты победил, поэт!»

— Раз хозяин приказывает, надо его слушаться. Гово-

¹ Хатап — деревянная часть верблюжьего седла.

рит: «спите» — будем спать, скажет: «вставайте» — встанем! — лукаво подмигнул Кемине. Он улегся раньше всех и укрылся шубой. — Следуй моему примеру, Овез.

Не отвечая, Овез приладил вместо подушки ослиное седло, постелил кусок старой кошмы и накрылся каким-то тряпьем. Лег спать и Гельды, а за ним и Яздурды-пальван.

Усталые путники тотчас погрузились в крепкий и сладкий сон.

Под утро, озябнув от выпавшей росы, Яздурды проснулся раньше всех. На востоке уже светлело, до восхода солнца осталось не много времени. Запели жаворонки. Они то кружились стайками над колючкой, то разлетались врассыпную.

«Я долго спал, — подумал Яздурды-ага. — Надо скорей готовить завтрак». Он торопливо поднялся и тут заметил, что рядом под каракулевой шубой храпит Эсен-мурт. Старик укоризненно покачал головой:

— Вот те на! Так он стерег верблюдов!

Вскоре проснулись Овез и Гельды. Пока кипел чай и варилась еда, поднялся, протирая глаза, и Эсен-мурт.

— Случайно заснул... Все ли верблюды и ослы на месте? — спросил он, озираясь по сторонам и потягиваясь.

Ничего не подозревавший Яздурды-ага заваривал чай, подал хозяину пиалу.

— А что с ними может случиться? Куда они денутся в пустыне? — проговорил он спокойно.

Эсен-мурт приказал:

— Овез, быстрее пей чай и собирай верблюдов!

Сделав несколько поспешных глотков и съев немного подогретой кокурмы, Овез встал. Через минуту из зарослей колючки раздался его тревожный голос:

— Яздурды-ага, эй!

— Что такое?

— Ну-ка, иди скорей сюда!

Яздурды-пальван забеспокоился:

— Что случилось? Говори же!

— Волк утащил!..

— Что утащил волк?

— Осла Кемине!

Все вскочили со своих мест. Эсен-мурт с притворным огорчением воскликнул:

— Не может этого быть! Когда волк мог утащить осла? Ведь он только что пощипывал здесь колючку.

Как бы ни изображал Эсен-мурт удивление, было ясно,

что он не стрелял в волка, когда тот напал на осла. Это была явная месть поэту. Эсен-мурт коварно задумал оставить шахира одного в пустыне.

Неподалеку валялась туша серого осла с вывалившимися внутренностями. Эсен-мурт брезгливо отбросил ее ногой и спросил у Овеза:

— Остальные ослы целы? С верблюдами ничего не случилось?

Ослы стояли, сбившись в кучу, перепуганные.

— Верблюды все, — ответил Овез, — и ослы тоже, только у вашего на шее небольшая рана, волк, наверное, на него сначала набросился.

Эсен-мурт и это знал. Он коротко бросил:

— Лишь бы ноги были целы. — И постарался замять разговор об ослах. Нахмутив брови, он приказал: — Пора отправляться!

Потеря осла очень огорчила Кемине и его друзей. Особенно сокрушался Овез. Большой и слабый, он знал больше других, как необходим в пустыне осел. И когда Эсен-мурт, обвешившийся оружием, водрузился в седло, Овез преградил ему путь.

— Эсен-ага! Эсен-ага! — закричал он и тут же робко умолк, так и не сказав того, что хотел.

Но Эсен-мурт понял его мысль и с угрозой прошипел:

— Ты что затвердил мое имя? Бойшься забыть, как меня зовут?

Тогда Овез наконец решился:

— Я хотел спросить... Может быть, мы посадим шахира на белого верблюда?

— Посади, если у тебя есть верблюд! — отрезал караван-баши.

— Не говорите так, Эсен-ага! Ведь он старый человек...

— У меня нет верблюда для твоего старика. Если тебе его так жалко, отдай ему своего осла.

— Вах, я не могу идти пешком. А то бы я...

— Хватит! — разозлился Эсен-мурт, ударив пятками осла и дернув недоуздок головного верблюда.

Овез хотел еще что-то сказать, но Эсен-мурт не дал ему говорить:

— Не вырастай там, где тебя на сажали, знай свое место!

После Овеза хозяина начал упрашивать Яздурды-ага. Эсен-мурт и ему отказал.

Растянувшись цепочкой, караван двинулся в путь. Яздур-

ды обернулся. Взвалив на плечи хурджуи, поэт шел за верблюдами, с трудом передвигая ноги. У Яздурды-пальвана сжалось сердце.

— Эсен! — Он и не заметил, как перешел на крик. — Ты посадишь поэта на белого верблюда! Не заставляй меня ругаться с тобой!

— Дурень, что мне с того, что ты будешь ругаться? Думаешь, сгорю от стыда? Я не желаю сажать на своего верблюда человека, который всю дорогу бросал в мою пищу яд. Своими ногами пришел, своими ногами пусть и уходит.

Яздурды-пальван наступал на хозяина:

— Посадишь?

— Нет, не посажу!

Тогда разгневанный старик, не соображая, что делает, вцепился в недоуздок верблюда. Кровь ударила в лицо Эсен-мурта.

— Отпусти!

— Не отпущу!

Эсен-мурт с силой дернул недоуздок.

— В последний раз повторяю: отпусти! Не то останешься без руки!

— Ничего ты мне не сделаешь, — ответил Яздурды-пальван, отпуская недоуздок. — Но если поэт отстанет и погибнет в пустыне, люди сгноят тебя в земле вместе с семьей твоими потомками. И нам они спасибо не скажут! — Он повернул своего осла назад, пригрозив: — Предупреждаю, если Кемине не сядет на белого верблюда, дальше ты поедешь один.

Эсен-мурт расхохотался:

— Только послушайте, что говорит этот безумец! Нашел чем угрожать! Думаешь, если вы с Овезом уйдете, мир рухнет? Один я не останусь, со мной поедет Гельды.

Но в это время к нему подъехал Гельды и упавшим голосом сказал:

— Если так, то и я не сделаю за тобой ни шагу! Видно, напрасно защищал я тебя тогда в Чашгыне. Кто ты и кто Кемине? У тебя нет ни сердца, ни совести. Ведь ты виноват в том, что волк съел осла шахира.

— Гельды! — закричал побелевший Эсен-мурт. — Да слышат ли твои уши, что говорит язык?

— Слышат!

— Нет, ты оглох. Или стал таким олухом, что начал повторять их слова!

Вместо ответа Гельды гневно взглянул на хозяина.

Вначале Эсен-мурт не думал, что разговор примет такой оборот. Конечно, когда он приедет в Хиву, наймет сколько угодно слуг, но довести тяжело груженный караван одному невозможно. Надо пересечь еще много высоких барханов, на стоянках разгружать верблюдов и снова выючить огромные тюки... Он представил все это себе только на одну минуту и тут же крикнул вслед Яздурды-пальвану:

— Эй, постой! Ты, оказывается, так глуп, что не понимаешь шуток.

Яздурды почувствовал, что Эсен-мурт сдается, и с достоинством ответил:

— Кто глуп, а кто умен — разбираться в этом сейчас у нас нет времени. И потом, ты не очень-то заносись! Здесь тебе не белая кибитка Карсак-бая, а Каракумы... Хочешь — дай поэту верблюда, не хочешь — дело хозяйское. Мы-то придумаем, как нам поступить.

— А какая мне от этого выгода? — пробормотал себе под нос Эсен-мурт. — Ничего, кроме вреда. А если верблюд упадет под тяжестью груза, тогда мне еще и отвечать?

Сообразительный старик, стараясь не пропустить момент, поспешно возразил:

— Неужели верблюд, способный нести твое тучное тело, не сможет поднять маленького, с кулачок, человека?.. Размахнулся — бей! Если уж заговорил о пользе, то договаривай до конца. Поэт заплатит тебе.

Эсен-мурт деланно рассмеялся:

— Если бы у твоего поэта были деньги!

— Если их нет у Кемине, мы найдем. Вернемся в Серахс, продадим свои кибитки. Ты об этом не беспокойся. Сколько тебе нужно?

— Сколько нужно? — Эсен-мурт снова усмехнулся. — Ты знаешь, как найти путь к моему сердцу. Скажи ему, пусть дает сорок тенге и залезает на верблюда! Надоели мне, прожужжал все уши.

Яздурды-пальван, услышав слова «пусть залезает», тут же поспешил к поэту.

Овез снял с плеча Кемине хурджун и привязал его к горбу верблюда, а Гельды, обхватив своими сильными руками шахира, легко поднял его, как ребенка, и усадил.

Караван тронулся. Верблюды шли и шли, изредка останавливаясь на привалах. Чем ближе подходили они к Хиве, тем менее говорливыми становились люди. Они устали. Даже поэт, сидевший на белом верблюде, все время молчал.

На пути к Хиве оставалась одна стоянка. Караван разгрузился в последний раз около старого колодца, обложенного камнем. Солнце скрылось, и закат вобрал в себя весь свет с неба. словно ожидавшая ухода солнца, на востоке выглянула луна.

Мечтая о том, как он приедет в Хиву и там целых два дня будет спать спокойно, Овез превозмогал усталость. Обвязав канатом шею белого верблюда, он вытаскивал с его помощью из колодца огромную бадью из телячьей кожи. Гельды приводил по два-три верблюда и поил их водой. Яздурды словно помолодел. Он работал быстро и споро. Казалось, что и лежавшие возле колодца кучи сухих дров, и жарко пылающий костер, и кипящие на огне чайники — все это делалось само собой. И Эсен-мурт, считая, что он уже благополучно привел караван, думал о том, какой удачной будет торговля в Хиве и какую он получит прибыль; он сладостно мечтал уже о тех товарах, что повезет назад. А когда он думал о Хиве и о нежной красавице, которая ждет его там, о ее длинных, до земли, косах и играющих, тонких насурмленных бровях, у него загоралось сердце. Каждый раз, направляясь в Хиву, он вез своей красавице какой-нибудь удивительный подарок. И хотя все его подарки были великоленными, она всегда кокетливо его дразнила: «Ну ладно, хоть это, все равно я не надеюсь получить от тебя ничего лучшего!» Но Эсен-мурт понимал ее уловку, видел, что она довольна, и шутил: «Ведь я бедный человек, но в следующий раз постараюсь привезти что-нибудь получше». В этот раз он хотел бросить к белым пожкам хивинской красавицы драгоценный коврик, вымениянный за один батман¹ джугары у Оразмухаммед-аги. За такой подарок милая жеманница обязательно должна подложить под голову уставшего Эсен-мурта мягкие подушки, выжать ему сок из розового граната, заварить зеленого чая, нежными и мягкими пальчиками помассажировать тело гостя, крепко обнять его...

Караванщики напились чаю и приготовились уже было отдохнуть, как вдруг в ночную тишину ворвался конский топот. Эсен-мурт услышал его первым и мгновенно припал к земле. Он до смерти боялся стука конских копыт в пустыне. В последние годы на пути в Хиву караваны грабили разбойники. Караван-баши поэтому брал с собой ружье и два пистолета.

¹ Батман — мера веса, равная шестнадцати килограммам.

Топот приближался. Овез лежал, приложив ухо к земле, и прислушивался. Вдруг он вскочил:

— Это разбойники!

Испуганный Эсен-мурт схватился за винтовку и процедил сквозь зубы:

— Чума! Яд! Чтоб тебя злой дух схватил за язык. Скорее гаси огонь!

Овез начал бросать песок на ярко пылающее пламя. Боясь кровопролития, Кемине посоветовал Эсен-мурту:

— Брось оружие. Все равно ты не заставишь отступить всадников одним заржавленным ружьем.

Страх, охвативший всех, был очень велик. Костер погасили, а что сделаешь с ярким светом луны? Ведь караван не иголка, его не спрячешь...

Пока Эсен-мурт метался, не зная, убежать ему или стрелять, вооруженные до зубов всадники окружили караван.

Особенно зловеще выглядел один из них. Все на нем, начиная от мохнатого тельпека, бурки и кончая сапогами, было черным. Черными были и огромные усы, торчащие до самых ушей. На поясе его рядом с пистолетами висела кривая сабля. Под ним танцевал черный конь с горящими глазами и белым пятном на лбу. Он был весь в пене и весь в движении: грыз удила, вставал на дыбы, бил копытом землю и пронзительно ржал. Поэт сидел неподвижно, разглядывая всадника. Разбойник осадил коня и приказал:

— Вяжите им руки!

Другие всадники спешили и быстро скрутили руки погонщикам.

Когда же дошла очередь до Кемине, разбойник насмешливо бросил:

— С этим нечего возиться, сам бог связал ему руки! — и отвернулся.

Считая, что караван уже потерян, Эсен-мурт, кусая в отчаянье губы, думал: «То, что я собирал по ложке, вылилось целиком из миски. Увидишь ли ты теперь, Эсен-хан, хивинский щедрый базар, который каждый раз приносил тебе прибыль? Карсак-бай не поверит, что караван ограблен, скажет: «Ты обманщик. Хочешь присвоить себе мое добро? Я тебя знаю...» Вах, нет каравана, нет и счастья для меня. Не будет теперь ничего — ни нежной красавицы, ни удовольствия, ни денег. Все пропало! Эсен-хан, тебе осталось теперь только умереть на этом самом месте». Из глаз Эсен-мурта покатались слезы, и он застонал.

Разбойники тем временем начали ставить верблюдов на

колени и нагружать на них вьюки. Кемине размышлял, наблюдая, как они спешат увести караван. Сначала он радовался, видя, как Эсен-мурт извивается, словно придавленная змея. «Так тебе, подлецу, и нужно!» — думал поэт. Но чувство удовлетворения быстро ушло. Шахир нахмурился. Может быть, у него появилось другое чувство — жалости к Эсен-мурту? Нет, его тревожила участь бедняков. Мысли поэта перенеслись туда, где он родился и вырос. Он представил себе аулы далекого Серакса и как голод в них, словно дракон, раскрыв алчную пасть, занес над людьми свои железные когти. Он представил себе маленьких черноглазых детей, их слабые ручонки, просящие хлеба, истощенных женщин и стариков. Ведь если этот караван не дойдет, в ауле не будет ни машина, ни джугары, и люди погибнут с голоду.

Представив себе все это, Кемине вскочил. Он решительно подошел к главарю разбойников и вежливо спросил: — Хороший человек, что ты делаешь?

Усач рассмеялся, потом рассердился и тоже спросил вместо ответа:

— Кто ты такой, чтобы требовать от меня отчета? Гочмурад! — крикнул он. — Свяжи-ка этого полоумного старикашку!

Здоровенный парень приблизился к поэту, но Кемине властным жестом отстранил его:

— Отойди прочь! — И устремил пылающий негодованием взор на главаря: — А кто ты такой сам, что тебе нельзя задавать вопросы?

Бешеный конь взвился на дыбы и громко заржал. Всадник успокоил его и снова расхохотался:

— Ты хочешь знать, кто я? Меня зовут Човдур Мерген! При одном упоминании моего имени у хивинского хана дрожат поджилки, а беременные жены купцов-обманщиков скидывают детей!

Теперь поэт вспомнил, что Сары-чабан рассказывал ему о Човдур Мергене, и обдумывал ответ. То, как этот великан в черном сидел на коне и как он говорил, свидетельствовало о его уверенности в себе. Значит, и держать себя с ним нужно так же. Кемине смело взглянул в лицо грубияну:

— Зачем столько слов? Сказал бы проще — разбойник!

— Что?! — зарычал Човдур Мерген. Стиснув рукоять плетки, он хотел хлестнуть поэта.

Мгновение дикой ярости... Но рука его не поднялась на человека, который годился ему в отцы. И, уже сдержав себя, он ответил с обидой:

— Нет, я не разбойник! Разбойники те, кто грабит народ, обманывает бедняков. А я беру только у тех, кто грабит таких, как ты.

Поэт рассмеялся ему в лицо. Этот смех озадачил Човдур Мергена. «Что за странный человек!» — подумал он, разглядывая старика в потрепанном тельпеке, который бесстрашно стоял перед ним, спокойно поглаживая жидкую бородку.

— Что ты смеешься? — спросил он даже с некоторой робостью.

— Как же не смеяться над тем, что смешно? Что скажут люди, если узнают, что Човдур Мерген ограбил караван Кемине?

Усач подумал, что ослышался.

— Чей? — переспросил он.

— Кемине!

Это имя поразило Човдур Мергена, словно удар молнии. Он привстал в стременах и закричал:

— Гочмурад! Келхан! Все сюда! Оставьте вьюки! Это добыча не для нас. Мы ошиблись!

После этого распоряжения Човдур Мерген спрыгнул с коня на землю и почтительно сказал:

— Прости меня, уважаемый поэт. — Он протянул обе руки шахиру.

— Ничего, не узнаёшь — не уважаешь, — ответил поэт, улыбаясь и подавая ему руку. — Садись на кошму, выпьем чаю, побеседуем.

— Большое спасибо, шахир-ага! Но мы спешим. Сегодня нам нужно быть в Чагыллы.

— Ну, как знаешь...

Попрощавшись с поэтом, Човдур Мерген хотел было сесть на коня, но раздумал и вернулся.

— Шахир-ага, мне одно непонятно... — Он тщательно подбирал слова, чтобы точнее выразиться. — Мы слышали, что у Кемине много стихов, но никто не говорил, что у Кемине есть караван.

Поэт лукаво усмехнулся:

— Люди многого не говорят, братец мой!

— Ну ладно! — добродушно согласился Човдур Мерген. — Для меня знакомство с Кемине дороже целого каравана! Прощайте, шахир-ага! Мы рады, что встретились с вами. А если кто-нибудь посмеет обидеть вас в дороге, упомяните только мое имя. Если возьмут у вас хоть грош — потеряют тысячу! Пусть удачной будет ваша торговля. Прощайте!

Всадники скрылись так же мгновенно, как и появились.

Эсен-мурт, казалось бы, должен был броситься в ноги поэту, благодарить его от всего сердца, подарить ему халат, расшитый золотом. Но караван-баши расценил поступок поэта по-своему: он решил, что Кемине испугался, как бы ему не пришлось идти пешком, и спас караван ради собственной выгоды.

Зато остальные поняли Кемине правильно. И без того высокий авторитет поэта еще больше вырос в их глазах. Овез бросился обнимать шахира, но Эсен-мурт сердито закричал:

— Что ты радуешься, будто увидел месяц? Ставь верблюдов на колени!

Неблагодарность Эсен-мурта разгневала Яздурды-агу. Он начал ругать себя: «Зачем я не сказал Човдур Мергену, что караван принадлежит этому мерзавцу! Поэт спас его товары, а он даже не поблагодарил его. Вах, меня надо за это убить!» Наверное, за всю свою долгую жизнь он не был так рассержен. Старик сжал кулаки, в глазах пылал гнев. Он готов был как тигр наброситься на Эсен-мурта.

Кемине понял, какая буря поднялась в душе Яздурды-пальвана. Он положил ему на плечо руку и сказал:

— Пальван! Не злись из-за ерунды. Я знаю, о чем ты думаешь. Но если бы разграбили караван, в Серахсе все умерли бы с голоду!

Только этот довод успокоил Яздурды-пальвана. А Эсен-мурт, проверивший, как Гельды и Овез привязывают вьюки, сам набросился на него:

— Ты чего болтаешься? Работай!

Караван снова отправился в путь. На рассвете из тумана выплыли минареты высоких хивинских мечетей. А когда караван, позванивая колокольчиками, вошел в восточные ворота крепости, солнце поднялось уже высоко.

Закинув на плечо свой хурджун, поэт слез с белого верблюда. Он тепло распрощался с Яздурды-пальваном, Овезом, Гельды и пошел своей дорогой. Увидев, что поэт сворачивает в узкую улочку, Эсен-мурт крикнул ему вслед:

— А когда ты отдашь мне сорок монет?

Поэт мысленно был уже с Нурметом, с его книгами. Услышав голос Эсен-мурта, он обернулся и, хитро прищурившись, ответил:

— Когда ты снова повстречаешься с Човдур Мергеном, возьми у него эти сорок монет!

СЕМЬ С ПОЛТИНОЙ

Повесть

Семь с полтиной... Семь с полтиной...

Мургабцы часто повторяли эти два слова. Я постоянно слышал их, когда еще был мальчишкой.

Весной тысяча девятьсот двадцать девятого года беспрерывно шли дожди. В один из таких дождливых дней из пустыни возвратился промокший до нитки чабан Джума, сын нашего соседа Кулназар-аги, и слег. Прошел день — он не поправлялся, прошел второй — парню не становилось лучше.

В сильном жару Джума бредил, метался, скрежетал зубами, терял сознание. Приходя ненадолго в себя, он кричал:

— Ох! Все горит внутри, воды!..

Никто в семье Кулназар-аги не мог определить, чем болен Джума. Все растерялись. И вот кто-то предложил:

— Что мы сидим и смотрим на него? Давайте лучше позовем муллу!

Пришел мулла и сказал: «Вашего сына сглазили». На желтом листе бумаги, размером с коровий язык, он написал заклинание и в оплату за этот труд увел единственную ярку Кулназар-аги. Но Джуме не стало легче.

Тогда позвали табиба.

— У вашего сына растянулась жила страха, — определил он, назвав болезнь, о которой раньше никто не слышал. Помяв больного, он тоже потребовал плату. В кармане старика не нашлось ни одной монеты, и табиб нагрузил на своего ишака последний чувал зерна.

Но от визита табиба было не больше пользы, чем от муллы. Состояние парня с каждым днем ухудшалось. Кулназар-ага терял своего единственного сына. Старик¹ был в отчаянии.

— Скажите, люди, что мне делать? Положиться на волю всевышнего или позвать еще порхана¹?

¹ Порхан — шаман.

Среди обступивших больного находился один умный яшули по имени Келен-ага. Когда приходили мулла и табиб, он еще молчал, но, услышав слово «порхан», не выдержал и набросился на Кулназар-агу:

— Сакалдаш¹! Если ты не хочешь смерти сына, перестань делать глупости. Позови Семь с полтиной!

Но ехать старому Кулназар-аге не пришлось. «Семь с полтиной» пришел сам, и не один, а вместе с женой.

«Семь с полтиной» — так называли туркмены Семена Устиновича Терехова. Он был врачом первого открывшегося в Сакар-Чага медицинского пункта. Вернее, он сам его открыл.

Русский врач Терехов добровольно переселился в наш Сакар-Чага из России. Вместе с ним приехала его жена — Елена Львовна, тоже врач.

Тогда Семен Устинович был молод, широкоплеч. Юная Елена Львовна — с длинными русыми косами и улыбающимися глазами — понравилась всем. Сельский Совет выделил им помещение для амбулатории, дал лошадь и арбу. Сначала у них был толмач, но вскоре врачи перестали в нем нуждаться. Семен Устинович и его жена быстро выучили туркменские слова, которые требовались им в обиходе. Только один день из десяти проводили они на медпункте. Все остальное время они обходили аулы, осматривали людей, смело боролись с инфекционными болезнями.

Муллы и обманщики табибы, заслышав слова «Семь с полтиной», злобно хмурили брови. Они подстрекали темных туркмен убить русских врачей и однажды пытались поджечь их дом. Но угрозы не пугали этих самоотверженных людей. Они видели плоды своих усилий, и это придавало им мужества.

На этот раз, делая очередной обход по аулам, Семен Устинович зашел к Кулназар-аге.

— Семь с полтиной, помощи! Горе у нас... — взмолился старик.

Взяв с собой лекарства, врачи вошли в кибитку. Прежде всего Семен Устинович расспросил родителей о состоянии больного, потом выслушал его сердце, проверил легкие, выстукал живот и спину, измерил температуру. Подумав немного, он сказал:

— Сына твоего не сглазили. И жила страха у парня на

¹ Сакалдаш — приятель.

месте. По-моему, у него воспаление легких. — И обратился к жене: — Елена, а ты что скажешь?

— Я думаю то же самое, — подтвердила Елена Львовна диагноз мужа и начала успокаивать мать, горестно застывшую у постели больного Джумы. — Сын твой скоро выздоровеет. Мы дадим ему лекарство. Не нужно печалиться.

— Вах, дочка, пусть бог услышит твои слова! — Из глаз старой матери полились слезы радости, она нежно обняла русскую женщину.

Врачи трое суток не отходили от постели больного. На четвертый день, едва занялось утро, Джума попросил еду и слабо улыбнулся.

Кулназар-ага суетился, не зная, чем отблагодарить врачей, вырвавших из когтей смерти его сына. Келен-ага привел своего годовалого барашка и освеживал его. Когда была приготовлена чекдирме¹ и ее разлили по мискам, друг Джумы достал из-под полы халата бутылку.

Терехов подмигнул жене. Елена Львовна улыбалась.

Врач взял бутылку, посмотрел на этикетку и поставил водку на место.

— Семь с полтиной заплатил! — засмеялся он. — Нет, пить сейчас рано. Джума еще не поправился. Вот когда Кулназар невестку возьмет и той будет, вот тогда я выпью. Семь с полтиной не пожалел. Ха-ха-ха!..

В то время бутылка водки стоила семь рублей с полтиной. Семен Устинович постоянно укорял своих пациентов, что они тратят такие деньги на водку. У него была привычка говорить: «Семь с полтиной за яд платите». Вероятно, поэтому за ним и закрепилось это прозвище. А может быть, еще и потому, что русские слова «семь с полтиной» были созвучны с его именем и отчеством.

Удивившись, что врач отказывается от выпивки, Келен-ага сказал:

— Доктор, может, ты стесняешься, вот закуси, — и протянул гостю только что вынутый из тамдыра горячий румяный чурек.

— Хоть меня и зовут Семь с полтиной, водку я не пью. Куда лучше зеленый чай или верблюжий чал. И семь с полтиной целы, — снова засмеялся Терехов.

Келен-ага одобрительно улыбнулся:

— И в самом деле, ты, Семь с полтиной, удивительный

¹ Чекдирме — баранья похлебка.

человек! На наше счастье ты родился. Твои шутки могут вылечить от любой болезни. Не правда ли, люди?

— Верные слова! — первым подтвердил старый Кулназар-ага...

Тридцать лет этот замечательный врач был Лукманом¹ Сакар-Чага. Его любили все, но особенно дети и старики. Лечил он и моего отца, и меня, и моих детей...

Умер Семен Устинович в пятидесятых годах. Больной, он просил своих близких:

— Когда умру, похороните меня на туркменском кладбище.

За годы, проработанные в Сакар-Чага, Семен Устинович Терехов победил многие, неизлечимые ранее болезни. Немало историй рассказывают об этом удивительном человеке в народе. Некоторые из них веселые, другие — грустные. Если собрать их все, получится книга.

Несколько таких историй живут в моей памяти.

Вот одна из них.

Был знойный день лета тридцатого года. Елена Львовна, не замечая жары, то и дело выбегала из дома и смотрела на дорогу, по которой должен был возвратиться ее муж.

Она прождала целый день; Терехов приехал поздно вечером.

— Почему ты задержался, Семен? — спросила встревоженная жена.

— Да разве вырвешься... — уклончиво ответил Семен Устинович, слезая с коня. — Ты ведь сама знаешь гостеприимство туркмен.

Они вошли в дом, и тут Елена Львовна увидела кровь на плече мужа.

— Семен, что это?

— Это? Ничего страшного. — Терехов снял пропитавшуюся кровью рубашку и бросил ее в угол.

Елена осмотрела плечо — пуля прошла насквозь, не задев кости, — быстро согрела воду, промыла и забинтовала рану.

— Не могу я так жить...

— Лена, успокойся...

— Семен, я приехала сюда не для того, чтобы стать вдовой! — голос Елены Львовны дрожал. — Не улыбайся, я говорю правду.

¹ Лукман — легендарный врач и мудрец древности.

Он спросил раздраженно:

— Что же ты предлагаешь делать?

— Это я хочу спросить тебя.

— Тогда прекрати этот разговор. Я приехал сюда не на пятидневку.

— Да, да... Я понимаю...— Елена уже жалела, что расстроила мужа. Она вытерла слезы и понемногу успокоилась.

— Ну, если ты понимаешь, завари мне чайку покрепче.— Семен Устинович снова улыбнулся и погладил руку жены, которая заканчивала перевязку.

— Я вот только одного не понимаю, Семен,— не выдержала снова Елена Львовна.— Ты лечишь их. А они...

— Кто «они»? — переспросил Семен Устинович.

— Не делай вид, что ты не знаешь.

— Говоря «они», ты ставишь всех на одну доску. Не пужно смешивать темных, забытых людей с классовыми врагами. А люди любят нас.

— Если любят, пусть хоть защищают твою жизнь!

— Откуда ты знаешь, что они этого не делают? — твердо сказал Терехов.— Вот и сегодня могли привезти мой труп. Я столкнулся с Бапбы.

— Бог мой! — вскричала Елена Львовна.— Значит, его до сих пор не поймали? И что этому бандиту нужно от тебя? — Она всхлипнула.

— Лена! Будь умницей! Когда ты печалишься, и мне становится грустно. Дело не во мне. Ты же сама видишь, какая классовая борьба идет в туркменских селах: к горлу байства приставлен нож. А умирать, сама знаешь, никто не хочет. Вот баран, кроткое животное, а когда его режут, и он начинает бить ногами.

— Бапбы — сын бая?

— Точно не знаю, но, как говорят люди, совсем наоборот.

— А ты думаешь, что он из бедняков? Ты же сам говорил, что бедняк не станет стрелять во врача, не станет разбойничать. В чем же дело? Вспомни туркменскую пословицу: «Без ветра и травинка не шелохнется».

— Конечно, трудно поверить, что он не из байской среды. Но, может быть, кто-то его подстрекает? Ведь немало честных парней, не разобравшись, где правда, где ложь, повернули к баям.

— Где ты с ним встретился?

— Я столкнулся с ним в зарослях Ак-шора. Ему наперерез выскочили два всадника. Видно, они выслеживали

его. Увидев их, Бапбы выстрелил и скрылся в зарослях.

— Он в тебя не целился?

— Не знаю.

— Они поймали его?

— Тоже не скажу. В зарослях долго перестреливались.

— Мне одна старая туркменка сказала: «Кошка быстра только до лежанки». И у Бапбы точно так же. Не попался сегодня, попадется завтра. Советская власть не позволит, чтобы в нее стреляли,— сказала Елена Львовна и, убрав со стола чайник и пиалу, сообщила новость: приезжал Кияс-ага из Кара-япа.

— Кияс-ага? Тот самый бородатый яшули, который живет на арыке Мириш? У него что-нибудь случилось?

Елена засмеялась:

— Ты привык, что к тебе обращаются только в несчастье. А разве к нам нельзя прийти просто в гости? Приглашал нас к себе. «Пусть приезжает Семь с полтиной,— сказал он,— и ты, молодуха, приезжай». И предупредил: «Если не приедете, я обижусь». Ну как? Поедем, Семен?

— Обязательно!

Но поехать на той к Кияс-аге им не удалось.

Ночью под окном послышался топот копских копыт. Кто-то застучал в дверь.

Чтобы не разбудить мужа, Елена Львовна на цыпочках подошла к двери и шепотом спросила:

— Кто нужен?

— Семь с полтиной дома? — раздался громкий голос. Терехов проснулся.

— Кто меня спрашивает, Елена?

— Видно, кто-то приехал по срочному делу.

Семен Устинович быстро встал, зажег лампу, набросил на плечи подаренный хивинский халат и открыл дверь. Во дворе, держа коней под уздцы, стояли два незнакомца. Один из мужчин обратился к врачу:

— Это ты Семь с полтиной?

— Да, я.

— Тогда быстрее бери свои лекарства и садись на коня!

Терехов присмотрелся. Перед ним стоял высокий парень с обветренным лицом.

— Чем могу служить?

— У нас есть больной. Нужна твоя помощь.

— Что с больным?

— Поедешь — увидишь.

Семену Устиновичу не понравился тон незнакомца, он примирительно сказал:

— Ты не удивляйся моему вопросу. Я должен знать, в чем дело, чтобы взять нужные лекарства. На что жалуется ваш больной? Болит голова, живот?

Парень нехотя сказал:

— Он ранен.

— Пулей или ножом?

— Пуля задела.

— Кто он? Из какого села?

— Ты его не знаешь! — снова грубо ответил парень с обветренным лицом. — И какое тебе дело — кто он? Ты доктор или милиция?

— Я человек! — властно сказал врач. — Потому и спрашиваю.

— Если человек, прекрати разговоры и поторопись! Мы приехали не для того, чтобы торговаться с тобой! — Парень с обветренным лицом сунул Семену Устиновичу повод своего коня. — Давай садись!

— Ты все-таки скажи, куда мы поедем, — настаивал Терехов.

Парень стал на него угрожающе надвигаться:

— Значит, не поедешь?

— Если ты будешь так себя вести, могу и не поехать.

— Еще как поедешь!.. — Парень сунул руку за пазуху. — Или садись на коня, или...

Елена Львовна увидела в его руке пистолет и насмешливо сказала:

— Смотрите, как ведет себя этот мальчишка! Твоего пистолета здесь никто не боится... Семен, пойдем в дом.

Подумав, что, если врач не придет, их никто за это не поблагодарит, второй парень вступил в разговор:

— Веллек! В самом деле, что тебе нужно — доктор или скандал? Ну-ка, убери пистолет! — Обругав товарища, он принялся упрашивать врача: — Семь с полтипой! Брат! Не обращай на него внимания. Он от горя ненормальный. Ты послушай меня: там умирает человек, прекрасный, как цветок. Только ты можешь спасти его. Только ты!

Несмотря на то, что Терехов был очень рассержен, слова «умирает человек» пробудили в нем чувство долга.

Он вопросительно взглянул на жену. Поняв его мысль, Елена сказала:

— Семен, надо ехать.

Один за другим всадники выбрались на дорогу и на-

правились на запад — к пустыне. Ехавший впереди Веллек спешил, погоняя коня.

По мере того как всадники отдалялись от медицинского пункта, строения попадались все реже и реже, дорога становилась все уже. Наконец она превратилась в тропинку. Петляя, тропа вела в заросли колючки.

Позади осталось последнее селение — Сакар-Чага. Вокруг было пустынно, лишь изредка перебегали дорогу заяц или лисица.

Конники ехали молча. Тропка исчезла, появились громадные барханы. Не раздумывая, Веллек погнал коня напрямик, через пески.

Была безветренная летняя ночь. Кони, мчавшиеся со всех ног, взмокли. Вспотели и всадники. Но Терехов не чувствовал усталости. Ему даже показалось, что плечо, недавно совсем онемевшее, сейчас начало отходить.

Барханы тянулись недолго. Веллек, который на протяжении всего пути не сказал ни доброго, ни худого слова, миновав еще один холм, выехал на голую равнину и объявил:

— Приехали!

К самой кромке песков жались две войлочные кибитки. Возле них лежали четыре верблюда, пара оседланных коней стояла на привязи.

Заслышав цокот копыт, из кибитки вышел толстый бородастый человек в мохнатом тельпеке.

— А, это вы, — окликнул он Веллека, который привязывал коня. — Волки вы или лисицы?

Это означало — с добром или злом?

— Волки мы, дядя, волки! — ответил Веллек.

— Молодцы! — сказал бородастый и направился в кибитку. — Только поторапливайтесь. Долго заставили себя ждать.

— Что, ему хуже? — встревоженно спросил Веллек.

Передавая Веллеку хурджун, Терехов спросил:

— Как зовут этого человека?

Теперь Веллек уже не утаивал правды:

— Это Тачмурад-бай.

Семен Устинович не показал удивления и направился вслед за Тачмурад-баем.

Этого бая он, доктор, никогда не видел, но много слышал о нем. В народе поговаривали, что на равнине Чашкин ходили его многочисленные отары овец и гурты верблюдов, но, когда бай услышал про колхозы, про то, что у богачей отберут скот, он бежал за границу. «Что за дела у бая в пустыне? Почему он вернулся?» — размышлял врач.

А дело было так.

Сначала из рук Тачмурад-бая уплыла земля. Потом сельский Совет вынес решение отобрать у него скот. Хитрый бай, заранее пронюхав об этом, под предлогом поиска лучших пастбищ погнал отары ближе к границе. Обеих жён и взрослую дочь он отправил туда на неделю раньше.

Один чабан, поссорившись с баем, по дороге вернулся и обо всем рассказал председателю сельского Совета — Аману Сары.

Подобрав пятерку таких же сильных, как и он, джигитов, Аман Сары погнался за баем и, не дав ему достичь границы, обстрелял его отряд. Бай ответил тоже пулями.

— Тачмурад! Бросай оружие! Иначе тебе будет плохо! — крикнул Аман Сары.

В ответ прозвучал выстрел. Хотя позиция бая была выгоднее, перестрелка не затянулась. Стычка, начатая уже к вечеру, окончилась до наступления сумерек. Оставив в пустыне трупы двух сыновей, бай бежал.

Тачмурад с большим трудом пережил потерю скота, но образы убитых сыновей не давали ему покоя, звали к мести. Наконец он объявил свое решение третьему, оставшемуся в живых сыну:

— Сын мой, я собираюсь вернуться домой.

— Домой? Что это значит, отец? — не понял сын.

— Но ты же знаешь, для чего я должен вернуться.

— Нет.

— А про старших братьев забыл? — сорвавшимся от гнева голосом крикнул бай, и борода его затряслась. — Если не знал, так знай: я возвращаюсь для того, чтобы мстить. Мстить!

Как ни бесновался бай, сын не поддержал его. Не глядя в глаза отцу, он пробормотал:

— Удастся ли нам отомстить?

— Если у тебя осталась честь и совесть, готовь оружие! — прикрикнул бай. — Завтра вечером после намаза мы выезжаем. Слышишь? Завтра вечером!

Но на завтра они не выехали. Сын бая отказался выполнить волю отца. «Хватит уже пролитой крови, — сказал он. — Я не желаю подставлять свою грудь под пули!..»

После этого удара бай отрекся от своего сына и несколько месяцев ходил как потерянный. Но однажды он вызвал старшую жену и сказал:

— Отложи все свои дела и готовься к свадьбе!

Женщина удивилась:

— Какая свадьба?

— Буду женить Бапбы.

Женщина не поверила своим ушам:

— Зачем это тебе?

— Что ты спрашиваешь? Если оглохла, иди прочисть уши! Да, буду женить Бапбы. Буду женить своего чабана.

— Кто же его невеста?

— А разве нельзя отдать ему Ширин?

— Ширин? Твою дочь?!

Уж такого жена бая не ожидала. Такое даже не могло присниться. Она стала рвать на себе волосы и причитать:

— Вай, вай! Спаси нас аллах! Ты, отец, в своем уме? Может, ты потерял его? Неужели раб, сирота, спящий у твоего порога, достоин моей дочери, моего цветка? Пусть я умру, но никогда не соглашусь с этим. А если соглашусь я, то не пожелает она, гордость глаз моих, моя кровинка! Неужели такой позор можно пережить? — Женщина опустилась на пол. — О боже мой! Неужели тебе мало крови двух моих соколят? О, спаси, создатель! Какой грех я совершила перед тобой, что ты так меня наказываешь?!

— Заткнись! — крикнул бай. — Сказал — и кончено. Переговори с дочерью и сегодня же дай мне ответ!

Но для Ширин это не было трагедией. Она давно украдкой поглядывала на красивого чабана. Поэтому матери долго не пришлось утруждать себя уговорами. Ширин смиренно сказала:

— Слово отца — для меня закон.

А у Бапбы никто ничего и не спрашивал.

Бай поспешно справил свадьбу. Не прошло и недели, как он позвал к себе зятя и высказал ему свое желание вернуться домой. Бесхитростный парень, неосуществимые желания которого сбылись в объятиях дочери бая, с готовностью сказал:

— Бай-ага, куда хотите, я — с вами!

Когда Ширин узнала об этом, она зарыдала:

— Бапбы-джан, дорогой мой! Не уезжай! Пршлую ночь я видела плохой сон, Пусть и отец не едет. Давай уговорим его. — Она крепко обняла его за шею.

В ответ на слезы своей молоденькой нежной жены чабан сказал:

— Я всегда держу слово, которое даю.

Снарядившись, тесть и зять отправились в дорогу.

Через неделю пути темной ночью они постучались в дом Амана Сары.

— Кто там? — раздался глухой женский голос. Он принадлежал старой матери Амана.

— Если Аман дома, разбуди его, пусть выйдет, — слегка изменив голос, сказал Бапбы.

Ничего не подозревая, женщина спросила:

— А зачем тебе Аман-джан в такое позднее время?

— Очень нужен.

— Его нет дома, хан мой.

— А ну открывай!

— Если ты не веришь словам шестидесятилетней старухи, дверь не откроется.

— А вот посмотрим! — сказал Бапбы и сапогом ударил в дверь. Крючок соскочил. Дверь распахнулась.

— Выходи, трус! — позвал Бапбы Амана, но в кибитку не вошел.

Старуху обидело слово «трус», и она, накинув на голову старый халат, вышла во двор и набросилась на Бапбы:

— Мой сын не из тех, кто от страха прячется под одеяло матери! Заходи, ищи. Чего раздумываешь? Сам ты трус!

Размахивая пистолетом, Бапбы вошел в кибитку. Она была пуста.

— Где твой сын? — заорал бай.

В темноте мать не разглядела Тачмурада, но, пережив многое от бая, узнала его по голосу.

— Тачмурад-бай! Так это, оказывается, ты? — Она с ненавистью приблизила глаза к его жирному лицу и ядовито добавила: — Это ты или твоя тень?

Скрипнув зубами, бай сказал:

— Слышал, что вы справляете по мне поминки, приехал известить вас о том, что я жив!

— Вот как... А мы и в самом деле думали, что ты давно уже отправился в рай и подружился там с праведниками, но...

Не желая дальше слушать, бай замахнулся камчой:

— Заткнись, старуха! Где твой сын?

— Вижу, что вы не отстанете, пока не скажу, где сын. — Она опять ехидно улыбнулась и отступила назад. — Если вам нужен мой сын, ищите его в Мары.

Бай не поверил ее словам.

— Что за дело у него в Мары?

Довольная своим сыном, она с гордостью ответила:

— Если у вас хватит смелости, поезжайте и спросите у него самого. — Она вошла в кибитку.

— В Мары так в Мары. И туда приведут нас наши ноги! — пробормотал бай и ткнул коня в бок.

На Чашкине у родственников Тачмурад-бай узнал, что теперь Аман Сары работает в Мары заместителем председателя райисполкома. Желая отвести от себя чужие взгляды, бай сказал, что едет в Хиву, а сам направился в сторону Мары. Добравшись до старого заброшенного колодца, он остановился.

Как пустынные хищники, тесть и зять днем отсыпались, а ночью выходили на охоту, рыская по степи.

Как говорится в пословице: «Мерзавец найдет мерзавца, как вода — низину». Через некоторое время к баю присоединились еще трое. Но как новые пукеры ни пытались доказать баю свою преданность, он не доверял им. На выслеживание ненавистного Амана Сары он посылал только своего зятя.

Однажды, после очередной вылазки за головой Амана Сары, Бапбы вернулся окровавленный, едва держась в седле. Тачмурад-бай, свершив вечерний намаз, беседовал за зеленым чаем со своим старым другом — чашкинским табибом Чары Гагшалом.

Увидев полуживого Бапбы, бай разволновался:

— Кто стрелял? Где тебя ранили?

У Бапбы не было сил ответить, он только с трудом произнес: «Позовите Семь с полтиной... Семь с полтиной...» И голова его поникла.

Тачмурад-бай, отчаявшись, начал бить себя кулаком по лбу:

— Все пропало, все!..

Чары Гагшал смотрел, как льет слезы бородатый мужчина, и не выдержал:

— Вах, бай! Стыдись! Возьми себя в руки! Не распускайся, жизнь не любит слабых!

— Ты говоришь правду. Только ведь у человека есть сердце,— глубоко вздохнул бай.— Мои старшие сыновья умерли, а младший — не родиться бы ему — не знает ни чести, ни совести. Бапбы — моя единственная надежда на месть Советам. И ты сам видишь, что я и ее теряю. Если бы я был молодым! Как не убиваться человеку в моем возрасте, если он остается неотмщенным?

— Бай! Слезы не помогут. Придется послать за Семь с полтиной,— посоветовал табиб.

— А без Семи с полтиной ты не можешь обойтись, ведь ты табиб? — спросил бай и, развязав кушак Бапбы, принялся

снимать с него халат, пропитавшийся кровью. — Посмотри хоть его рану, может, что-нибудь сделаешь?

Чары Гагшал осмотрел рану и, нахмурившись, покачал головой:

— Бай, это мне, пожалуй, не под силу. И потом, у меня нет с собою лекарств.

Поняв, что от табиба не будет пользы, бай спросил:

— А приедет ли Семь с полтиной, если мы пошлем за ним своего человека?

— Надо привезти его силой.

— Какой толк от врача, если его приволокут? Семь с полтиной служит Советам. Как бы с ним еще не прибавилось горя!

Табиб возразил:

— Другого выхода у тебя нет...

И хотя всадники были посланы, у бая не было уверенности, что Семь с полтиной приедет. «Не дурак он, чтобы среди ночи отправиться с неизвестными людьми в пустыню, — размышлял он. — Испугается».

Но, вопреки его сомнениям, два всадника вернулись и привезли с собою третьего. Поэтому он от всей души поздоровался с врачом.

— Заходи, Семь с полтиной!

Посредине кибитки, на месте очага, слабо мерцала лампа, освещающая лицо больного. Словно не доверяя своим глазам, врач еще раз всмотрелся в лежащего, неожиданно дотронулся до своего раненого плеча и произнес:

— Вот тебе и на!

Тачмурад-бай заметил его движение, но, не поняв слов, спросил:

— О чем это ты говоришь, Семь с полтиной?

Врач снова посмотрел в лицо больного и тоже спросил:

— Если я не ошибаюсь, это Бапбы?

— Ошибки нет, только откуда ты его знаешь? — встревожился бай.

Врач не торопился с ответом. «Вероятно, он не знает, что Бапбы ранил меня», — подумал он и сказал:

— Кто в этих краях не знает Бапбы?!

Потом, взглядевшись в человека, который, низко надвинув на глаза папаху, молча сидел в углу и ковырял в своем большом, словно глиняный горшок, носу, насмешливо воскликнул:

— Чары Гагшал! Так это, оказывается, ты?

Табиб, доходы которого заметно сократились с тех пор,

как в Сакар-Чага появился русский врач, злобно сверкнул глазами.

— Как видишь. А что, тебе не нравится мое присутствие?

Но Семен Устинович уже разговаривал с Тачмурад-баем:

— Что с вашим больным?

Веллек, внесший хурджун с медикаментами, попытался вступить в разговор:

— Разве я не объяснил тебе, что он ранен?

Бай, тряся бородой, крикнул на него:

— Замолчи! — Он откинул халат, которым был укрыт Бапбы. — Вот его болезнь! Вот что сделали с парнем!

Осмотрев рану и послушав сердце, Семен Устинович покачал головой. Это встревожило бая, и он поспешно спросил:

— Как? Есть какая-нибудь надежда?

Семен Устинович обратился к Чары Гагшалу:

— Почему ты не перевязал рану?

Не зная, что и ответить, Чары Гагшал облизнул сухие губы. А врач строго продолжал:

— Я у тебя спрашиваю!

Ответ был беспомощным:

— Я боялся трогать его.

Врач рассердился:

— Ты лекарь или убийца? Если бы ты вовремя наложил повязку, парень не потерял бы столько крови.

Табиб смущенно опустил голову и снова принялся ковырять в носу.

— Ты не ответил на мой вопрос, Семь с полтиной, — проявил нетерпение бай.

Врач, еще не подавив своего гнева, грубо крикнул:

— Я не пророк, чтобы предсказывать!

В другое время Тачмурад-бай не потерпел бы таких слов. Но сейчас он вынужден был прикусить язык. Он не мог ни обругать врача, ни просить его...

Сердце Бапбы билось все слабее.

Перевязав кровоточащую рану, Семен Устинович сделал укол. Бай и табиб стояли рядом, не двигаясь, следили за каждым движением врача. Чары Гагшал, пристыженный, молчал, но бай изредка спрашивал:

— Как?

После четвертого укола Бапбы пришел в себя. Он слегка приоткрыл глаза, попытался поднять голову:

— Семь с полтиной? Ты здесь? — И снова сомкнул веки.

Не выпуская руки больного, Семен Устинович следил

за работой сердца. Заметив, что лицо врача прояснилось, бай спросил снова:

— Ну, как? Ему лучше?

— Сначала у меня не было надежды, но сердце у парня очень крепкое. Тем не менее...

— Что, что?

— Когда парень немного окрепнет, его надо перевезти в медпункт.

— Какой пункт? Это не твоя ли «дохторхана»?

— Да, она, — кивнул врач и, чтобы убедить бая, добавил: — Рана у парня тяжелая и опасная. В больнице его можно окончательно вылечить. Иначе я не могу ни за что ручаться. Хотя меня не затруднит ездить и сюда.

Врач говорил чистосердечно, но бай иначе расценил его слова.

— Ты, Семь с полтиной, наверное, что-то задумал?

— Но почему ты против дохторханы?

— Не считай всех дураками! — пошел бай напрямую. — Рядом с дохторханой — милицияхана.

После этих слов врач хотел уйти, но его взгляд упал на раненого, который с трудом дышал; он снова сел.

Бай продолжал допытываться:

— А что, разве в моих словах нет правды?

Семен Устинович ответил коротко:

— Я — врач.

— Все равно, я не повезу его отсюда! — сказал бай свое последнее слово. — Лечи здесь!

— Мой долг — посоветовать.

— Нет, нет! И не пытайся уговаривать меня.

Веллек принес хлеб. Табиб, который молча слушал весь спор, кашлянул и слегка подмигнул баю. Бай и табиб один за другим вышли во двор под предлогом вымыть руки. Табиб принялся поливать воду баю из кумгана¹ и, гундося, заговорил:

— Бай! Ты правильно понял его мысли. Дохторхана — только повод.

— Что же, по-твоему, я должен делать? — спросил раздраженный бай.

— Не сидеть сложа руки, — зашипел табиб в ухо другу. — Ты не верь ему, когда он говорит о своем долге врача. Хорошо уплати ему и будешь спокоен.

Совет табиба понравился баю.

¹ Кумган — сосуд для воды.

— И в самом деле, Гагшал-бек, — сказал бай и в свою очередь принялся поливать друга на руки, — я поступлю именно так, как советуешь ты. Говорят же, что взятка и на небо дорогу проложит. Я свяжу ему язык новенькими сотнями.

Пока они мыли руки, Семен Устинович думал о Бапбы: «Кем же приходится юноша баю? Сумею ли я спасти его? Знает ли он, что ранил меня?»

Когда бай вернулся, Семен Устинович спросил:

— Кем вам приходится Бапбы?

— Бапбы? — Бай с надеждой взглянул на Чары Гагшала, ожидая от него помощи. Но проголодавшийся табиб сейчас не видел ничего, кроме сачака¹, — он старательно уминал мягкий чурек с ковурмой.

Отказавшись от хлеба, Семен Устинович притянул к себе один из чайников и повторил вопрос.

Поняв, что поддержки от Чары Гагшала не будет, бай ответил:

— Бапбы — мой зять.

Теперь Семен Устинович понял, какую власть имеет бай над Бапбы. Он положил руку на лоб юноши и многозначительно сказал:

— Вот как!

— Да, так! — Бай отхлебнул горького зеленого чая и продолжал: — Но дело не только в том, что Бапбы мой зять. Есть у меня зятя и кроме него. Есть у меня и взрослый сын. — Бай не стал упоминать про остальных сыновей. — Но все они не стоят одного следа Бапбы. Бапбы мужественный, честный, верный долгу. Я очень горюю, что такой парень лежит залитый кровью. Было бы в сто раз лучше, если бы эта подлая пуля задела меня. Ты понимаешь меня, Семь с полтиной?

Бай не сказал ничего определенного, но Семен Устинович его понял и подумал: «Ты из тех, кто загребаёт жар чужими руками. Только осуществляются ли твои черные замыслы?» Вслух он коротко ответил:

— Да, стараюсь понять.

Не подозревая, о чем думает русский врач, бай исподлобья взглянул на своего друга табиба и продолжал:

— Рад, что понимаешь! Вот мой друг Чары Гагшал хорошо знает меня. Я из тех людей, кто ничего не пожалеет для человека, который ему понравится.

¹ С а ч а к — скатерть.

Табиб поспешно проглотил кусок чурека и, едва не подавившись, подтвердил:

— Тачмурад-бай щедрый человек, щедрый!

Бай взял ковровый хурджун, туго набитый деньгами, и вытряхнул из него содержимое. Потом обеими руками придвинул деньги к врачу:

— Вот, пусть это все будет твоим, если ты вылечишь парня. Хочешь — бери сейчас, хочешь — возьмишь потом. Дело твое!

У табиба разгорелись глаза при виде такого количества новых хрустящих сотенных. Он, обнажив свои изъеденные насом зубы, захихикал:

— Бери, Семь с полтиной, бери! Не оставляй на потом. Не зря же говорится: «Дают — бери, бьют — беги».

Но хихикать ему пришлось недолго. Семен Устинович нахмурился, поставил на пол пиалу и сказал:

— Бай, если ты хочешь, чтобы я лечил твоего зятя, выполни две мои просьбы.

Заметив перемену в лице врача, бай почувствовал свою ошибку, но притворился непонимающим.

— Да, дохтор, я тебя слушаю.

— Во-первых, возьми деньги, во-вторых, сейчас же убери с моих глаз этого мерзавца табиба!

Бай сгреб в хурджун сотенные. Потом пристально глянул на своего друга. Но туповатый табиб не понял значения этого взгляда. Он сделал удивленные глаза, пытаясь найти поддержку у бая:

— Ну посуди сам, Тачмурад-бай, разве я оскорбил его? Разве я сказал что-нибудь плохое?

Но бай его не поддержал. С деланной вежливостью он сказал:

— Гагшал-бек, думаю, что тебя не затруднит сейчас сесть на коня. Я тебе очень благодарен, что ты меня навестил.

Обиженный табиб уехал. Семен Устинович тоже не стал задерживаться. Он еще раз прослушал пульс Бапбы и поднялся.

— Ты куда, Семь с полтиной? — удивился бай.

— Я поеду домой.

— Что же будет с больным, если ты уедешь?

— Сегодня я ему больше не нужен. А завтра вечером приеду.

Тачмураду показалось, что русский врач больше не вернется, и он спросил:

— Ты вот говоришь — «приеду», а дорогу найдешь? Может, послать за тобой человека?

Врач многозначительно улыбнулся и ответил:

— Бай, я никогда не сбиваюсь с дороги, которую хоть раз видел!

На медпункте не было определенных часов приема. Едва наступал рассвет, начинали прибывать больные. Кто на ишаках, кто на арбах, кто пешком. Поток их не прекращался.

После того как неизвестные люди увезли ее мужа, Елена Львовна провела остаток ночи без сна. Раньше обычного она пошла в амбулаторию.

Те, кто знал Елену Львовну, смело входили. А те, кто приходил впервые, робко заглядывали в комнату, спрашивая:

— Семь с полтиной нету?

— Сейчас нет. Он поехал к больному. Но я его могу заменить. Ведь и я тоже доктор, — приветливо встречала их Елена Львовна.

Нелегко было в те времена женщине найти подход к каждому, определить болезнь, уговорить принять лекарство. Когда был Семен Устинович, все было просто и легко.

Как ни трудно было ей, какой бы сложной ни была работа, настойчивая русская женщина старалась в силу своих знаний оказать помощь людям. А когда она в чем-нибудь сомневалась, говорила:

— Покажитесь еще и самому Семь с полтиной...

Проводив больного, Елена Львовна бросалась к окну: не едет ли муж. «Ночь прошла, и он не вернулся. Вот уже полдень. Что же случилось? Если на этот раз он вернется благополучно, я никуда его больше не отпущу одного», — думала она.

А время шло.

Утомленная работой и тяжелыми мыслями, Елена Львовна пошла домой и встретила мужа.

— Ну, как дела, Елена? — спросил он с обычной улыбкой, проходя в комнату.

Жена, ничего не ответив, расплакалась. Потом, вытерев слезы, сказала:

— Мои дела в порядке. Лучше о своих расскажи.

— Из-за моих дел не стоит проливать слезы.

— А почему ты задержался? Я все глаза проглядела.

— Дорога была дальней, Лена! Иначе разве я заставил бы тебя ждать хоть одну лишнюю минуту?

Елена Львовна налила чаю. Истомленный жарой, Семен Устинович сделал несколько глотков и продолжал:

— Я побывал в самом сердце пустыни.

— В пустыне? Что-нибудь случилось с чабаном?

— Разве ты не знаешь, что из-за чабана не придут люди с пистолетами за пазухой?

Елена Львовна заволновалась:

— Кто же тогда заболел?

— Бапбы.

— Бапбы?.. Ты, наверное, шутишь...

— Я говорю правду.

Глубоко вздохнув, Елена Львовна продолжала расспрашивать:

— Что же с ним случилось?

— Пулевое ранение.

— Значит, те парни ранили его?

— Да.

— В каком он состоянии?

— В тяжелом. В очень тяжелом.

— Придется еще его навещать?

— Я дал слово, что приеду.

Елена Львовна с удивлением посмотрела на мужа:

— Значит, ты спасал человека, стрелявшего в тебя?

— Да. Так вышло.

Женщина уставилась в одну точку, потом начала ходить взад и вперед по комнате.

— Лепа, я не знаю, чем это все кончится, но сейчас я вернулся, — и он дотронулся до своего раненого плеча.

Елена Львовна подошла к окну и, не оборачиваясь, сказала:

— Страпный ты человек, Семен!

— Ты уже однажды мне это говорила. — Семен Устинович подошел к жене и обнял ее. — Помнишь берег Волги? Лето. Заросшее кустарником поле. Я рвал цветы, собирал букет. А ты смотрела, как несется вода, и напевала что-то. Тогда я тебе сказал: «Лена, я хочу поехать в Среднюю Азию, возможно, в Туркменистан, древний Джейхун, старый Мары, в Каракумы...» Ты засмеялась и сказала: «Ты очень странный, Семен! Но за это я и люблю тебя...»

— Тогда было одно, а сейчас совсем другое! — произнесла Елена Львовна и, обернувшись, серьезно посмотрела в глаза мужа. — Ты мне скажи только, можно ли приручить волчонка?

— Может быть, можно.

— Ты веришь этому?

«Верю! — захотелось сказать Семену Устиновичу. — Надо верить человеку!» Но почему-то он промолчал, и вопрос Елены Львовны остался без ответа...

На следующий день Семен Устинович до полудня пробыл в медпункте, а после обеда тронулся в путь. Было знойно, и он не торопил коня, предоставив ему возможность идти, как тот хочет. Перед заходом солнца врач миновал знакомые барханы и оказался в низине. Но там не осталось и признаков жилья: ни кибиток, ни животных.

Семен Устинович придержал коня. «Что это значит? Может быть, Бапбы умер, а бай, закопав его труп в песок, откочевал куда-нибудь в глубь Каракумов? Нет, этого не может быть. Какой бы тяжелой ни была рана, сердце у парня очень крепкое. Такое сердце сразу не сдастся. Здесь причина другая...»

Врач стоял, размышляя, искать ли ему новую стоянку бая или возвращаться назад. Внезапно из-за соседнего бархана, отряхивая с халата песок, поднялся Веллек и его товарищи. В руках парней были одиннадцатизарядные¹ винтовки, за поясами — наганы.

Веллек подошел к Терехову и, словно уличенный в воровстве, потупившись пробормотал:

— Приехали, дохтор?

— Приехать-то приехал, только зачем — не знаю. Что это ваших кибиток не видно? — Семен Устинович притворился непонимающим.

— Кибитки... — Веллек почесал затылок. — Вода в нашем колодце стала горькой, пришлось перебираться на новое место.

— Вот оно что... А как Бапбы?

— Слава богу, лучше вроде немного стало, — неуверенно ответил Веллек.

— Он что-нибудь ел?

— С утра попросил чаю. В пиалу мы бросили кусок сала и дали ему выпить.

— Правильно сделали. Это хороший признак, когда больной просит есть.

— Дай бог!..

Следуя за парнями, Семен Устинович подошел к новому

¹ Английские.

стойбищу. Бай держал под уздцы уже оседланного коня. Он словно ждал сигнала, чтобы схватиться за оружие.

— С новосельем, бай! — иронически улыбнулся Семен Устинович и слез со своего коня. — Хороша ли вода в новом колодце?

Не отвечая, бай пригласил его жестом руки в кибитку и крикнул:

— Веллек! Принеси чай и чуреки!

Сменив повязку на ране Бапбы, Семен Устинович дал ему лекарство, измерил температуру. Пробыл он возле больного до глубокой ночи.

Бапбы лежал с открытыми глазами, не проронив ни слова. Врач тоже сидел молча. Наконец он собрался домой.

— Ну, Бапбы, я ухажу. Теперь тебе легче. Скоро ты станешь на ноги.

Больной взглядом обвел кибитку и пошевелил губами.

— Ты хочешь мне что-то сказать?

Бапбы прошептал невнятное.

— Не таись, выкладывай, что у тебя на сердце. В кибитке, кроме нас двоих, никого нет.

Парень с трудом заговорил:

— А как твоя... рана?

— А-а, ты вот о чем? О моей ране не беспокойся. Считай, что произошла ошибка. Рана у меня уже зажила! — Семен Устинович улыбнулся, пожал руку Бапбы и поднялся.

В дверях появился бай:

— Собираешься уезжать, дохтор?

— Да, жара спала, и конь отдохнул. Думаю двинуться.

— Зачем тебе трястись в темноте, переночуй здесь, а утром уедешь.

— Нет, с утра меня будут ждать больные. Нужно торопиться. Спасибо за приглашение!

Бай поинтересовался:

— Навестишь еще Бапбы или рана его заживет сама?

— Что за вопрос! Есть же пословица: «Когда режешь корову и дойдешь до хвоста, нельзя ломать нож». Буду ездить до тех пор, пока он не сможет сесть на коня. Теперь я дорогу к вам знаю. — Семен Устинович сел в седло и обернулся к баю: — Только у меня есть к тебе просьба: не переезжай на другое место. Древние туркмены говорили: «Два переезда — одно разорение...»

Сделав кислое лицо, бай скрылся в кибитке.

Шли дни. С помощью забот и лекарств Семена Устиновича Бапбы поправлялся. А когда спала летняя жара

и наступили прохладные осенние вечера, он совсем выздоровел.

По мнению бая, Бапбы теперь не нуждался в помощи врача. Но Семен Устинович продолжал часто навещать его. Они о чем-то подолгу говорили.

«Надо поблагодарить Семь с полтиной и сказать, чтобы больше не приезжал...» — решил бай.

Об этом он сказал зятю.

Бапбы прежде жил только чужим умом, но с тех пор, как слег, стал больше размышлять.

На этот раз он возразил баю:

— Приказать ты ему не можешь, он ведь не нанимался к тебе.

Бай хоть и начал замечать, что с появлением русского врача Бапбы переменялся, но такого ответа не ожидал. Услышав эти дерзкие слова, он вскочил как ужаленный. В голосе его прозвучала угроза:

— Это что за выдумки?

— А ты разве не слышал, что я сказал?

Бай выпучил глаза и встопорщил усы.

— С каких это пор ты стал так со мной разговаривать? Может, кто-то тебя научил?

Бапбы промолчал. А бай с пеной у рта продолжал:

— Или ты винишь меня в том, что был ранен? Я-то думал, что ты мужественный парень, а ты оказался трусливым предателем!

— Говори прямо, бай! — Бапбы весь напрягся. — Что ты хочешь сказать?

— Хватит! — закричал бай. — Ты очень хорошо понимаешь, что я хочу сказать. Я ведь тоже не черный камень, а человек. Я все лето боялся за тебя, за себя... Вот найдут, вот поймают... Совсем измучился. А ты сдружился с этим русским. Образуься и прогони Семь с полтиной. Чтобы духу здесь его не было!

— Ты хочешь, бай, заставить меня плевать в человека, спасшего мне жизнь?

— Не учи меня. У меня достаточно своего ума. Говорю, что больше не хочу его видеть, значит, так и должно быть.

— А если он сейчас приедет?

— Если приедет? — бай перевел дух. — Если приедет, я пущу ему пулю в лоб!

В это время из-за бархана появился Семен Устинович.

— Веллек! — закричал бай.

— В чем дело, бай-ага? — Веллек вбежал в кибитку, стряхивая с рук муку.

— Бери оружие и возвращайся сюда!

— Зачем оружие? Я собирался печь чурек.

— Перестань болтать и повинуйся!

Веллек направился к двери.

Увидев, что бай в гневе потерял над собой власть, Бапбы поднялся и крикнул:

— Стой!

Веллек обернулся.

Встал и бай. Лицо его было мертвенно-бледным. Он обрушился на Веллека:

— Кому я говорю? Тебе или пустому месту?

— Стой! — снова задержал Веллека Бапбы.

— Ах, так! — Бай сунул руку под полу своего халата.

Не понимая толком, что происходит, Веллек выпученными от ужаса глазами смотрел на пистолет. Но в это же мгновение Бапбы выбил его из руки бая.

Бай в бешенстве воскликнул:

— У слепого только раз отнимешь посох. — Он бросился к чувалу¹, который стоял у стены.

Бапбы тоже не зевал. Он направил на бая его же пистолет и преградил ему дорогу:

— Ты хватил через край, Тачмурад! Предупреждаю: если схватишься за оружие, пожалеешь!

Бай отпрянул и пробормотал:

— Ну подожди, я тебе покажу! Я поговорю с тобой с глазу на глаз. Двум бараньим головам тесно в одном казане.

Увидев, что бай уступил, Бапбы приказал Веллеку:

— Ты что, как кол, торчишь в дверях? Иди, занимайся своим делом! — И вышел навстречу Семену Устиновичу.

Врач стоял, не привязывая коня, и ласково смотрел на Бапбы. Его радовало, что парень, поднявшись только неделк назад, уже твердо шел, не прихрамывая и не сгибаясь.

— Ну, вот это дело! — удовлетворенно улыбнулся он, пожав руку Бапбы, — теперь ты понял, что был не прав, когда ныл, словно ребенок: «Не смогу ходить, не см у ходить»? У тебя не должно быть слов «не могу». Вот ты уже ходишь. А скоро побежишь. И на коне скакать будешь! Ты не пробовал садиться в седло?

— Вчера хотел, да вот...

¹ Чувал — мешок.

— Это «да вот», Бапбы, пора забывать. То, что задумал, надо делать.

— Сегодня вечером попробую еще раз.

— Опять сомневаешься в своих силах. Будь решительнее!

— Ладно, когда приедешь в следующий раз, увидишь меня на коне.

— Вот это другой разговор!..

Семен Устинович почувствовал, что парень чем-то взволнован, в упор посмотрел на него.

— Бапбы, скажи мне, что случилось?

В ушах Бапбы еще стоял шум, поднятый баем. Но он не захотел тревожить своего друга и постарался ответить как можно спокойнее:

— А, ничего! Пришлось просто немного поругать Веллека... Да что это мы стоим? — перевел Бапбы разговор. — Привязывайте коня, и пошли в дом. Бай вчера зарезал барана. Веллек уже зажарил печенку.

— Я не голоден, Бапбы. Ехал в Чашкин и свернул к тебе, дай, думаю, навещу друга.

— И хорошо сделал. Чашкин от тебя не убежит. Приедешь немножко попозже. Пошли...

— Нет, Бапбы, я очень тороплюсь. Там, говорят, появилась какая-то страшная болезнь. Чем быстрее я там буду, тем лучше.

— Болезнь — это плохо, — сказал Бапбы, — тогда я не стану тебя задерживать. А может, там тиф?

— Не знаю. Вот приеду и увижу... — вздохнул Семен Устинович. — Людям из Чашкина не так-то легко что-нибудь втолковать. Вообще-то они народ неплохой, вот только докторов не любят. Ничего, со временем и они все поймут.

— Конечно, — поддержал его Бапбы. — Меня раньше тоже била дрожь, когда я слышал слово «доктор».

— Это называется темнотой, — грустно сказал врач.

— И в самом деле — темнота! — согласился Бапбы.

Он вырвал пучок засохшей травы, растер ее между пальцами и пустил по ветру.

Наступило молчание.

Врачу показалось, что Бапбы хочет задать ему какой-то вопрос, но не решается.

— О чем думаешь, Бапбы?

— Я?

— Да, ты.

— Я, Семен Усти...

— Семен Устинович.

— Я давно уже, Семен Устинович, хочу спросить у вас об одном деле, но стесняюсь. — Бапбы опустил голову.

— Говори, не робей!

— Мне непонятно. Вы знаете, что я вам сделал. Если бы моя пуля пролетела чуть левее, вы могли бы умереть. Не так ли?

— Так.

— Но почему же тогда вы лечили меня? И сейчас называете другом! Как это все понять?

Русский врач сразу не смог ответить на этот вопрос туркменского парня. Размышляя, он продолжал шагать. Но Бапбы ждал ответа.

У края песков Семен Устинович остановился:

— Ты, Бапбы, паверное, не поймешь этого.

— Почему? Объясните, — настойчиво потребовал парень.

— Во всем этом очень глубокий смысл. На нашем языке, на языке большевиков, это называется Советской властью.

— Советской властью? — Бапбы ошеломленно посмотрел на врача.

— Да, Бапбы.

Парень долго смотрел вслед удаляющемуся Семену Устиновичу и шептал: «Советская власть... Советская власть...»

Возвращаясь из Чашкина, Семен Устинович свернул к Бапбы, но снова никого не нашел. Там, где было стойбище, гулял ветер, остались только черный ржавый казан да сломанная чугунная танка, в которой кипятят чай. Кибитки были сожжены. Ветер раздувал пепел.

Опечаленный вернулся Семен Устинович домой. Он признался жене, что его надежды на Бапбы не оправдались. Тот ушел с баем. Елена Львовна, участливо выслушав мужа, сказала:

— Разве я не говорила тебе, что волчонка нельзя приручить?

— Лена! Ты пойми, ведь Бапбы — не байский сын.

— Какая разница? Пил байскую воду? Пил. Женился на дочери бая? Женился. Чего тебе еще нужно?

Семену Устиновичу нечего было возразить, и он устало прилег на диван...

А в то самое время, когда происходил этот разговор, в Мары, на улице Полторацкого, появились два странных всадника. Проснувшиеся рано горожане смотрели на них с удивлением:

— Смотрите, на втором коне человек лежит.

— Он старый, с бородой...

— Куда же парень везет труп?

— Да это не труп. Присмотрись, он шевелится.

Ехавший впереди молодой мужчина в большой мохнатой шапке, не обращая внимания на эти разговоры, продолжал свой путь.

Он достиг Мургабского моста и свернул направо, подъехал к двухэтажному кирпичному дому, слез с коня, привязал его к дереву; сняв с седла хурджун, закинул его на плечо и вошел. У первого встретившегося в коридоре человека он спросил:

— В какой комнате сидит Аман Сары?

— Аман Сары? Открой воп ту дверь.

Аман Сары звонил по телефону. Бросив трубку, он выскочил из-за стола:

— Бапбы!

Ни слова не говоря, Бапбы положил на стол оружие, снял хурджун и высыпал его содержимое: это были повенькие сторублевки, патроны и свинцовые пули.

Только сию минуту Аман Сары давал по телефону распоряжение начальнику отряда во что бы то ни стало поймать Бапбы. И вот этот человек пришел своими ногами и, как скала, стоит перед ним. Аман Сары смотрел и не верил своим глазам. Бапбы открыл окно и показал во двор:

— И ты тоже можешь распоряжаться.

Там, на крупе коня, лежал связанный Тачмурад-бай.

— Бапбы! Что это значит?

Краем халата Бапбы отер с лица пот и опустил на стул.

— Это называется Советской властью.

— Как? Как? — не понял Аман.

— Это длинная история, Аман, — ответил Бапбы. — Если ты хочешь ее услышать, лучше всего поезжай в Сакар-Чага и попроси Семь с полтиной рассказать ее.

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

Повесть

Если любишь...

Средь тысяч молодых парней, работавших в маленьком промышленном городишке, заложенном всего три года назад возле железнодорожной станции у подножия Копет-Дага, вряд ли найдется второй, кто понял бы смысл этих слов так же глубоко, как Ягды Перманов.

Но, пожалуй, будет лучше, если я начну с самого начала.

I

В нарядном, добротном доме на западной окраине городка стоял хмельной многоголосый шум — друзья Арслана Караева праздновали день его рождения.

— Веселитесь, ребята, — завтра воскресенье! Пейте, ешьте, сколько влезет! — с пьяной щедростью повторял виновник торжества. — Не стесняйтесь, гуляйте вволю! Не каждый день вашему другу исполняется двадцать лет!..

Ягды сидел с краю, словно незванный гость, и не принимал участия в веселье. Зато Боссан никогда еще, кажется, не была в таком превосходном настроении. Она сидела среди подруг, красивая, нарядная, как принцесса, то и дело бросая взгляд на Арслана; глаза ее нежно и лукаво смеялись из-под длинных ресниц.

Шли часы, но надоедливое тиканье настенных ходиков заглушали смех и оживленные голоса.

Когда большая часть ночи уже минула и головы отяжелели от выпитого, из-за двери, ведущей в глубь дома, появился полный пожилой человек. Он окинул гостей недобрый взглядом, затем многозначительно кашлянул, давая кому-то знак. Дверь кухни распахнулась, и вышла худая, бледная женщина; рот ее был закрыт краем платка. Женщина поставила на стол чайник и молча, так и не подняв головы, вышла.

Вошедший в комнату человек боком присел к столу

и несколько раз перелил из пиалы чай в чайник, чтобы он заварился покрепче.

Ягды, увидев этого человека, поморщился. Смуглое лицо, тонкие, синеватые, постоянно вздрагивающие губы, злые, как бы насквозь сверлящие глаза всегда производили на него тяжелое впечатление.

Не внушало доверия и прошлое этого человека — Ягды знал о нем по рассказам. В тридцатых годах — завуч в интернате, перед войной — экспедитор, во время войны — фронтовик. И хотя с войны он вернулся, как говорится, не расстреляв ни одного патрона, на его груди сверкали две медали. На каком фронте, в каком бою, за какую доблесть получил он их — никто не знал.

— Арслан! Поди-ка сюда! — важно произнес новый гость.

Услышав этот голос, Арслан изменился в лице и, оставив рюмку с коньяком, которую едва успел пригубить, заторопился к гостю.

— Дядя Кочмурад!.. Ты, оказывается, здесь? — заговорил он, озираясь по сторонам, как собака, ожидающая подачки. — А мы не ждали, по правде сказать, думали, не вернешься ни завтра, ни послезавтра. Когда ж ты приехал?

— Тебе это незачем знать, — отрезал Кочмурад и негромко спросил, кивнув в сторону Боссан: — Которая? Эта?

— В самую точку! Она! — шепотом ответил Арслан, чуть ли не пополам согнувшись перед дядей.

Кажется, Боссан пришлась Кочмураду по вкусу — она сидела с тоненькой, броско одетой девушкой и, видимо, забыв все заботы мира, болтала, то и дело заливаясь смехом.

— А недурна, очень даже милое существо... Неплохо бы и твоему дяде подобрать что-нибудь в этом духе... Та, что мне удалось подыскать, и на женщину-то не похожа. — Он облизнул губы, не отрывая глаз от Боссан.

У Арслана заметно поднялось настроение: это здорово, что Боссан произвела на Кочмурада такое сильное впечатление. Он наклонился и сказал, почти касаясь губами уха своего дяди:

— Мила — не то слово, дядюшка. Прелесть! Все ее желания, все прихоти удовлетворяю! — Он засмеялся, довольный. — У твоего племянника губа не дура, не промахнется!

Кочмурад, не обращая внимания на племянника, снова окинул Боссан цепким, оценивающим взглядом.

— Когда намерен жениться?

— Что? — с трудом выдавил из себя Арслан, сразу оборвав заискивающий смехок.

— Когда, спрашиваю, свадьбу будешь устраивать? — повторил Кочмурад.

— Не знаю... — с жалкой улыбкой промямлил Арслан, растерянно пожав плечами.

— Если ты не знаешь, кто же будет знать?

— Ну, дядя Кочмурад, — Арслан улыбнулся, искательно заглядывая дяде в глаза, — хоть до двадцати-то пяти дай погулять!

— Ну нет, дорогой племянничек, ты сделаешь так, как я тебе велю. Кроме меня, тебе некому дать умный совет. И не забывай, что наказывал тебе твой бедный отец.

— Конечно, дядя, на все твоя воля, но помнишь, когда-то ты давал мне совершенно другие советы. Ты говорил: «Задумаешь жениться — бери такую, чтоб и паровозного гудка никогда не слышала...»

— Это было бы как раз то, что нужно. Но куда же ты денешь эту? Или, может, ты ей никаких обещаний пока не давал?

— Давал, дядя... Все, какие можно дать, давал... Но ведь на ней свет-то клином не сошелся. Неужели я должен жениться на любой девке, которая вешается мне на шею?..

Ягды не мог потом вспомнить, как все это случилось. В два прыжка он очутился перед Арсланом.

— Ну-ка, повтори, кобель паршивый! Повтори, что сказал!

Пока Арслан, преодолевая хмель, старался понять, что хочет от него Ягды, Кочмурад проворно встал между парнями.

— Ты что, перебрал? — сурово сказал он, толкнув Ягды в грудь. — Если окосел, выдь на воздух, проветришься!

— Вас не спрашивают, кому проветриваться, кому нет! — выкрикнул Ягды и, сжав кулаки, снова двинулся на Арслана. — Повтори свои слова, негодяй!

— Не будет он повторять!

— Будет! — Ягды оттолкнул Кочмурада и снизу нанес Арслану сокрушительный удар в челюсть.

Арслан, зашатавшись от этого удара, опрокинул столик с посудой. Все повскакали с мест.

Через секунду Арслан пришел в себя и, стиснув зубы, схватился за табуретку.

— Арслан! Не смей! — пронзительно крикнула Боссан и встала между ними, загородив собой Ягды.

II

Боссан приехала сюда прошлой осенью, окончив Московский институт культуры. Она заведовала библиотекой в том самом городе, который строили Ягды и его друзья.

Если Ягды остался круглой сиротой, то и у Боссан родственников было небогато — один отец.

Боссан жила с отцом в новом восьмиквартирном доме неподалеку от библиотеки. У них были две большие комнаты окнами на улицу. В одной разместилась Боссан, в другой — отец.

Шоферы, кроме, конечно, таких, как богатый родней Арслан, жили главным образом в общежитии. А общежитие находилось буквально в двух шагах от библиотеки.

Каждый день, направляясь на работу и с работы, Боссан проходила мимо общежития. С Ягды они познакомились почти у его дверей.

Стояла середина сентября. Вечерело. Солнце уже собиралось скрыться за дальними хребтами.

Ягды возвращался с работы. Когда он уже подходил к общежитию, на углу улицы вдруг мелькнул голубой платок Боссан. Девушка торопилась домой. Завидев ее, Ягды сразу сунул руку в карман — билеты были при нем. Задумав познакомиться с Боссан, он теперь постоянно носил с собой билеты в кино.

Он еще раз взглянул на билеты, на девушку... Боссан приближалась. «Будь что будет, авось повезет!» И Ягды решительно зашагал к ней. Что он ей скажет, об этом он и понятия не имел.

Боссан шла быстро, не поднимая головы. Если не поторопиться, она, чего доброго, пройдет мимо. Ягды, прибавив шаг, загородил дорогу и, несмело улыбаясь, сказал:

— Здравствуйте!

Боссан остановилась, вздрогнув от неожиданности, сделала движение, как бы готовясь отпрянуть в сторону, однако ответила:

— Здравствуйте!

— Я напугал вас? Простите... — Ягды шел рядом с девушкой, не решаясь посмотреть на нее, и бормотал первые пришедшие на ум слова: — Вы меня не знаете. Я... Вы дочь Дурды-ага. Нашего кладовщика...

Не замедляя шага, Боссан искоса взглянула на парня и холодно сказала:

— Да, я дочь вашего кладовщика. Ну и что?

Ягды показалось, что она нахмурила брови, но идти на попятный было уже поздно.

— Понимаете, у меня нет дурных намерений,— продолжал он, застенчиво улыбаясь.— Я просто очень хочу познакомиться с вами...

— А вы, оказывается, чудак...— Боссан усмехнулась и замедлила шаг.— Разве с девушками так знакомятся?

— Я знаю... Но я... другого способа не нашел...— краснея, ответил он.

Ягды показалось, что она опять прибавила шагу и сейчас свернет к дому. Но Боссан вдруг остановилась и весело улыбнулась ему.

— Ну что ж, раз так, давайте знакомиться. Боссан.— И она протянула руку.

Ягды, не веря еще, что так неожиданно сбылась его заветная мечта, легонько пожал девичью руку и, испугавшись, что Боссан тотчас исчезнет, поспешно добавил:

— Может, сходим в кино?.. Замечательный фильм... У нас все ребята уже посмотрели. А я не ходил. Вас ждал... У меня два билета. Вчера еще купил...— И добавил, заметив ее колебание: — Жан Габен играет...

Боссан потупилась под жарким взглядом парня.

— Габен?.. Надо бы, конечно, посмотреть... Но как с отцом? Вернется усталый. Чаем надо напоить, подать ужин... Нет уж, идите один.— Она улыбнулась и хотел уйти.

— Боссан! — Ягды невольно взял ее за руку.— Не беспокойтесь, отец не скоро придет. Он еще самое малое должен двадцать машип принять. Пока он управится, и фильм окончится. А что поздно будет, не опасайтесь, я провожу вас до самых дверей.— Ягды взглянул на часы.— Пять минут осталось... Не раздумывайте!..— И он умоляюще посмотрел на Боссан.

Как ни увлекательно и темпераментно играл Габен, он не в состоянии был привлечь внимание Ягды. Парень не смотрел на экран, он в тот вечер был поглощен девушкой, которая сидела рядом, касаясь плечом его плеча. Он любовался Боссан, а та, не сводя глаз с экрана, то улыбалась, то тихо смеялась, то грустнела.

Увлеченная фильмом, она ничего не заметила и, когда они вышли из кинотеатра, простодушно спросила:

— Ну как вам показался фильм?

Ягды, словно только проснувшись, недоуменно взглянул на нее.

— Что?.. Вы о чем-то спросили?

— Понравился фильм?

— Ах, фильм!.. Да, конечно... Хороший фильм... — пролепетал Ягды, совершенно растерянный.

Догадливая девушка сразу поняла, что его меньше всего интересовал фильм, и, улыбнувшись, укоризненно покачала головой. Ягды умолк.

Они отделились от общего потока зрителей и вышли на безлюдную улицу. Пытаясь нарушить тяжкое для парня молчание, Боссан несколько раз косила глазом в его сторону, но, не решившись начать разговор, шла дальше. «Ну что ты затих, словно язык проглотил? — мысленно упрекнула она спутника. — Все смотришь-смотришь, неужели не усладил еще взора?! И как с тобой говорить, с чудачком?!»

А говорить надо — Ягды это понимал. Ну что это, в самом деле, — идут молчком, словно с кладбища! Да еще в такой день, когда сбылась его сокровенная мечта! Но как пачать? Может, девушка о чем-нибудь спросит... Спроси, милая!.. Ягды украдкой заглянул ей в лицо. Нет, похоже, не собирается она говорить! Идет и думает о чем-то своем...

О чем она сейчас думает? Вот если бы знать! А вдруг она думает о Ягды? Тогда...

— О чем вы думаете? — неожиданно для самого себя спросил он.

— Ни о чем.

— А разве бывает так?

Девушка молча улыбнулась.

Нет, он должен придумать что-нибудь, иначе все пропало, уйдет — и кончено. Но с чего начать? Может, сказать о любви? Ну нет, если в первую же встречу заводить речь о любви, Боссан решит, что он пустой человек. Но тогда о чем? Может, о природе? Воспеть эту благоухающую сентябрьскую ночь, яркие огни молодого города, сливающиеся с мерцанием далеких звезд? «Нет, не то. Во-первых, я не сумею воспеть луну и звезды. Во-вторых, о таких вещах она наверняка больше меня знает! И потом, какой толк от пустых пышных слов?! Расскажу-ка ей лучше о том, что по-настоящему знаю, — о строительстве, о своих товарищах...»

Ягды рассказывал хорошо. Он любил говорить о своих товарищах по работе, и, если ему верить, среди них не было ни одного не достойного самой высшей похвалы. Каждый представлялся Ягды чуть ли не героем, исполненным силы и благородства.

Боссан заинтересовалась. Она слушала внимательно,

с любопытством поглядывала на Ягды. И вдруг, остановившись, спросила:

— А как Арслан?

— Кто?

— Арслан Караев.

Ягды, безудержно фантазирувавший, остановился, словно с разбегу налетел на стену. Подумал и сказал неохотно:

— Да, наверное, ничего...

— Почему же «наверное»?

Ягды замялся:

— Да как сказать... Работаем мы с ним давно, вместе, можно сказать, едим-пьем, но я его как следует не раскусил. Мне кажется... Но ведь я могу ошибиться... Так что не стоит зря болтать. Нехорошо это.

— Вот как вы говорите!

— Да, так. А почему вы именно о нем спросили?

— Не знаю. Пришло почему-то в голову,— уклончиво ответила Боссан.

То, что Боссан заинтересовалась именно Арсланом, когда у них столько замечательных ребят, не очень-то понравилось Ягды, но, увлеченный разговором, взволнованный присутствием девушки, он не придал этому особого значения.

— Ну что ж вы, рассказывайте дальше! — попросила Боссан, не желая, видимо, чтоб он задумывался над ее вопросом.

Ягды перечислил, кто из ребят какими книгами интересуется, сказал, кто его любимый поэт, сообщил, что намерен поступить в политехнический институт, на заочное отделение, если, конечно, сумеет подготовиться как следует.

Они уже дошли до дома Боссан, а он все продолжал говорить. И даже после того как условились на следующей неделе снова пойти в кино, Ягды все не отпускал девушку. Она не заметила, как неподалеку с самосвала слез Дурды-ага.

Увидев кладовщика, Ягды растерялся, и надо сказать, для этого были весьма веские основания: он знал Дурды-ага как человека прямого и резкого. Да и какой старик не рассердится, застав свою дочь в ночное время с парнем! Больше всего он боялся, что отец обидит Боссан, крикнет, чтобы сейчас же шла домой, скажет ей что-нибудь грубое, оскорбительное... Но опасения его оказались напрасными. Отец не кричал, а Боссан стояла и спокойно улыбалась отцу. Вместо того чтобы рассердиться и прогнать нахального парня, Дурды-ага добродушно сказал:

— А, это ты, Ягды? Что, в кино ходили?

Пока Ягды, пораженный тем, что все сошло так гладко, раздумывал, что ответить, Боссан опередила его:

— Да, папочка, ты работал, а мы сидели в кино! Но если бы ты знал, какой фильм! Ты обязательно должен посмотреть!

— Что ж это за фильм? О чем?

— Очень трогательный! Понимашь.... Такой вот пожилой человек, как и ты... он разбогател чудесным образом, детей у него нет, он берет к себе в дом сиротку...

— Ну что ж. Раз такое дело, надо и мне посмотреть, — проговорил Дурды-ага, внимательно поглядев на Ягды, потом на дочь. — А чего же вы стоите у порога, словно сторожить кого собрались? Заходи, Ягды, гостем будешь! Чайку выпьем. Насчет стряпни сказать не могу, но чай заварить Боссан сумеет.

— А в самом деле, идемте, Ягды! — весело воскликнула девушка.

— Спасибо. Как-нибудь в другой раз... — пятясь назад, пробормотал Ягды, потрясенный тем, что с ним обошлись так вежливо и приветливо. — Я, пожалуй, пойду. Вам тоже нужно отдохнуть.

— Ну ладно, сынок, как знаешь. Будь здоров! — И Дурды-ага, тяжело ступая, подошел к двери.

Боссан помахала Ягды рукой.

И этот взмах руки словно окрылил парня. Впервые он побывал с девушкой в кино (и с какой девушкой!) и проводил ее до дому!.. У Ягды было отличное настроение, даже голова вроде немножко кружилась. Он то посвистывал, то напевал что-то, то подпрыгивал, как ребенок, благо улица была пустынна. Ягды был счастлив. И все могло бы быть прекрасно. Придя к себе, он в блаженной истоме бросился бы на кровать! Может, он видел бы сладкие сны. А может, спал бы, как ребенок, крепко, непробудно, без спов... А завтра, бодрый, веселый, он трудился бы за двоих, а может, и за четверых. И его громадный самосвал совершил бы не пять и не шесть рейсов, а десять или двенадцать... Но, видно, ему и так было отпущено сегодня слишком много счастья. Когда Ягды подошел к общежитию, полный самых светлых надежд и предчувствий, откуда-то из темноты прямо перед ним вырос Арслан.

— Ягды! — окликнул он парня. — Далеко ли прогуливался?

Ягды не понравилось, что его останавливают среди ночи.

— Далеко, — неохотно ответил он. — А что?

— Да так, хотел узнать... — неопределенно ответил

Арслан и, держа руки в карманах, вплотную подошел к Ягды, загородив ему дорогу.

— Что тебе нужно?

— А не спеши, приятель, не спеши! — Арслан чихнул, вытер губы тыльной стороной руки. — Сейчас я тебе все растолкую.

— Тогда говори быстрее. И посторонись малость — водкой от тебя несет...

— Не толкай!

— Я не толкаю. Только отойди подальше.

— Вот что, Ягды-хан! — Арслан, выпучив глаза, с яростью уставился на Ягды. — С сегодняшнего дня ты ее не знаешь! Понятно? Заруби это себе на носу!

— Ты о ком?

— Не притворяйся! — Арслан скривил рот. — Отлично знаешь, о ком. Имей в виду — я ее уже давно заметил. Значит, она должна быть моей! Ясно?!

Ягды засмеялся.

— Зря смеешься.

Ягды засмеялся еще громче.

— Больно громко смеешься! Как бы реветь не пришлось!

— Брось, Арслан! Нализался и несешь ерунду! Соображаешь, что твой язык мелет?!

— Соображаю! Очень даже соображаю! — Арслан, покачиваясь, придвинулся к Ягды и проговорил, тыча себе в грудь пальцем: — Боссан должна быть моей! Моей! Арслана Караева! Ясно?

— Ясно, дорогой Арслан, только этот вопрос ни ты, ни я решить не можем. Решать его будет девушка!

Сказав это, он обошел Арслана и направился в общежитие.

Арслан зашатался, ударил себя кулаком в грудь и выкрикнул, нарушая тишину ночи:

— Этот вопрос решу я! Только я!

В субботу вечером Ягды, купив билеты, отправился прямо к Боссан. Он увидел ее в окне — девушка прихорашивалась перед зеркалом. «Ждет!» — подумал Ягды, и сердце его заныло от сладостных предчувствий.

Боссан встретила Ягды приветливо, позвала в комнату:

— Проходи, Ягды! Проходи, садись!

Он вошел в комнату и сразу увидел на столе билеты, точно такие же, как лежали у него в кармане.

— Что это? — встревоженно спросил Ягды. — Ведь я же взял билеты... Мы договорились...

Боссан слегка покраснела, виновато взглянув на него.

— Понимаешь, Ягды, мы, конечно, договорились, но...

— Что «но»?

— Меня пригласил Арслан... Я почему-то подумала, что ты забыл... И пообещала ему.

— Забыл?! Я ждал этого вечера всю неделю! А ты...

Не решаясь посмотреть ему в глаза, Боссан отвернулась.

— Прости, Ягды, я сама не знаю, как это все получилось...

— Может, вы договаривались раньше? Может, я встал между вами?

— Нет, мы ни о чем раньше не договаривались. И ты вовсе не встал между нами... Но...

— Ладно. Все понятно.

Надо было подняться и уйти, но Ягды не в силах был это сделать. Сидел и смотрел, как она одевается. А Боссан, казалось, уже забыла о нем: она бросила взгляд на часы, надела болонью, старательно повязала голубой нейлоновый платок на высоко зачесанные густые волосы. Потом вопросительно взглянула на Ягды.

Тот резко поднялся.

— Ну что ж, вольному воля. Раз ты сама не знаешь... — И он решительно шагнул к двери.

— Ягды, не сердись на меня! Я ничего не могу тебе объяснить. Но пойми...

Последних слов Боссан Ягды уже не слышал.

Дойдя до середины улицы, он вдруг остановился. Закрыв глаза, схватился рукой за лоб. «Почему я так поступил? Почему не объяснился с Боссан? Ведь что-то случилось, это ясно. Может, меня оклеветали, очернили перед ней... Почему я не сказал ей всего? Ведь я хочу ей только счастья!..»

Он остановился, чтобы немедленно повернуть обратно, и вдруг увидел, как из парикмахерской, что на перекрестке, вышел, прихорашиваясь, Арслан.

Так... Арслан идет к ней. Если Ягды вернется, их встреча не кончится миром, это ясно. Арслан, верный своей натуре, выльет на него ушат грязи. Ягды в долгу не останется... Поднимется скандал. И все это на глазах у Боссан! Нет, на это он не пойдет! А потом, ведь правду, наверное, говорят — насильно мил не будешь.

Правильное это было решение или нет, но Ягды повернул в противоположную сторону.

А Арслан уверенной походкой уже подходил к дверям дома Боссан, но почему-то не вошел. Девушка сама вышла к нему; голубой платок трепетал под осенним ветерком...

Больше месяца Ягды не видел Боссан. А если и видел издалека, то старался сделать вид, что не замечает.

Боссан и Арслан всегда были вместе. Чуть ли не каждый день они ходили в кино, не пропуская ни одного фильма. По субботам и воскресеньям обязательно отправлялись на вечеринку к кому-нибудь из друзей Арслана. А их у него хватало, дружков, обожающих пирушки.

Как ни старался Ягды избегать Боссан, все-таки однажды он нос к носу столкнулся с ней на тротуаре перед общением.

— Ты что ж это избегаешь нас, Ягды? — Боссан улыбнулась ему так весело и беззаботно, словно между ними ничего не произошло.

Ягды молча посмотрел на нее и хотел пройти мимо. Но Боссан не отпустила его.

— Так не годится, Ягды... — Она говорила мягко, с тихой, ласковой улыбкой. — Ты не прав по отношению к Арслану. Пусть ты сердит на меня, но Арслан перед тобой ни в чем не виноват! А ты злишься на него...

— Я ни на кого не злюсь, Боссан! — не поднимая головы, резко оборвал ее Ягды. — Я зол только на себя! И на свою судьбу!

— Я понимаю, Ягды, — серьезно сказала Боссан, глядя ему прямо в глаза. — Я знаю, что нравлюсь тебе... Я... Но лучше не говорить об этом. Одним словом, знай одно: ты очень хороший парень! Но сердцу не прикажешь...

— Вероятно, то, что ты говоришь, правильно...

— Правильно? А раз так, посмотри на меня. Посмотри прямо в глаза! — Боссан схватила парня за руку. — Разве ты не хочешь мне счастья?!

Ягды поднял голову и заглянул в карие девичьи глаза: в них было одно — безудержная жажда счастья.

— Если ты будешь счастлива, мне больше ничего не надо! — со вздохом ответил он.

После этой встречи Ягды, казалось, смирился с судьбой, перестал даже избегать Боссан и Арслана. Встречаясь с ними, он приветливо здоровался и как ни в чем не бывало справлялся о делах.

А дни шли один за другим. На смену теплым осенним дням, пробудившим в душе Ягды любовное смятение, пришли холодные зимние. Острые вершины Копет-Дага, склонившегося над рабочим городком, припорошил легкий снежок.

В тот вечер Ягды, поужинав, пришел к себе в комнату.

Он никуда не собирался идти, да и идти было некуда и незачем. Сегодня он мог хоть сослаться на усталость, но и тогда, когда работы было меньше, он все равно никуда не ходил. Те из приятелей, которые немного знали о его положении, судили о нем по-разному. Арслан, например, считал, что Ягды много пьет, поэтому и не вылезает из комнаты. А он, кстати сказать, вообще бросил пить, запретив себе даже то небольшое, что позволял раньше. В ту зиму Ягды много читал, занимался.

Дней пять назад кто-то из ребят восторгался Олешей. Из разговора об этом писателе Ягды узнал, что Юрий Олеша в годы войны работал в Ашхабаде, написал несколько рассказов о туркменах и один из них даже так и назвал: «Туркмен».

Сегодня Ягды дочитал его «Зависть» и, с сожалением отложив интересную книжку, решил пойти в библиотеку, взять еще что-нибудь.

В дверь постучали.

— Входите!

Ягды поднял голову и увидел Боссан.

Ягды испугался — девушка пришла так поздно, и лицо у нее было растерянное, губы дрожали.

— Боссан? Что случилось?

Девушка с трудом перевела дух:

— С отцом плохо!

— Но ведь он днем был совершенно здоров! Я его видел сегодня!

— Говорит, сердце как ножом режет. А сам сердитый. Видно, с кем-то крепко повздорил!

— Если болит сердце, нужно сейчас же врача. Зачем ему я?

— Отец не хочет врача! Сказал: «Если Ягды дома, приведи его!» Я и побежала.

— А чем я могу помочь?..

— Не знаю, ничего не знаю, — поспешно ответила Боссан. — Скорей всего, у него к тебе срочный разговор. Иначе он не стал бы посылать меня за тобой так поздно. Ну, идем! Идем же!

Когда Ягды и Боссан прибежали, Дурды-ага сидел в кресле, уставившись в одну точку, и курил.

Боссан, обрадованная тем, что отцу явно легче, сказала с досадой:

— Ну что ты делаешь, папа?! Выбрось эту дрянь, ради бога!

Она потянулась к отцу, чтобы схватить торчащую из его рта сигарету, но Дурды-ага отвел ее руку.

— Обещаю, дочка, больше в рот не возьму, но сегодня оставь меня в покое! — И он несколько раз затянулся. — Ты, милая, не мешай нам. Завари чайку покрепче и иди к себе. У меня с Ягды будет важный разговор.

— За чаем дело не станет, но... Не стоило бы тебе курить... — Боссан стряхнула пепел с брюк отца и, укоризненно покачав головой, ушла в кухню.

Старик не спешил с разговором. У него был такой вид, словно он не знал, с чего начать, а если и знал, то почему-то не решался, — видимо, разговор предстоял нелегкий.

Появилась Боссан с чаем. Поставила чайники на стол, вышла. Ягды уже начал терять терпение. Десятки самых разнообразных предположений возникали у него в голове, пока он сидел перед отцом Боссан. Он даже вспомнил, что однажды вечером, провожая Боссан, долго простоял у их дверей, — может, старик вспомнил об этом.

Наконец Дурды-ага, чувствуя, что парень теряет терпение, поднял голову.

— Ягды, сынок! Я хочу тебя попросить... — сказал он и потянулся за следующей сигаретой.

— Дайте, пожалуйста, и мне! — Ягды протянул руку.

— А ты что, волнуешься? Может, уже испугался моей просьбы?

— Нет, что вы!

— Ну, на, кури! Но только прошу тебя, сынок, отвечай прямо.

— Да я вроде никогда не крутил...

— Я тоже считаю, что ты правдивый парень! Потому и позвал тебя. — Старик погасил только что раскуренную сигарету, налил себе чаю. — Видишь ли, какое дело: в последнее время кто-то ворует цемент. Сколько именно украли, я пока не могу сказать. Это непросто уточнить, потому что орудуют они хитро. Но чувствую — тащат. А раз с цементом нечисто, думаю, что и с кирпичом не все в порядке.

— Вот оно что!.. Да, неприятная история... И кого же вы подозреваете? Кто это может быть?..

— Если бы знать! Я бы тебя не спрашивал...

— Нет, Дурды-ага, что касается меня, я в таких вещах ничего не понимаю. Я вообще не допускаю мысли, что среди нас могут оказаться вору!

— Так... Ну, а сколько ты зарабатываешь, можешь мне сказать?

— Конечно... Но только это вам не меньше меня известно.

— Ну, а Арслан? Как он зарабатывает, меньше тебя или больше?

«Опять Арслан! — Ягды сумрачно нахмурил брови. — Кажется, покоя мне из-за него не будет!» Но ответил без раздражения:

— Примерно одинаково...

— Примерно? Так. А если сравнить, как одеваетесь, питаетесь?

— Ну, нельзя Арслана сравнить со мной! Я человек одинокий, у него родственники, дядя с положением!

— Не Кочмурад ли? Ну, навряд ли он станет одевать и кормить его!..

— Не знаю, Дурды-ага... А вы что, подозреваете Арслана?

— Пока я никого не подозреваю. Я хочу знать, что он за парень, можно ли на него положиться, поэтому и спрашиваю тебя.

— Ей-богу, Дурды-ага, вы мне задали очень трудный вопрос. Не знаю, как и ответить.

— А ты ответь, как сердце подсказывает. Ведь разговор останется между нами. Говори все, что о нем знаешь.

Ягды помолчал, подумал.

— Дурды-ага... Как бы я ни относился к Арслану, — а я, признаться, терпеть его не могу, — но не думаю, чтоб он воровал!

— А почему ты его терпеть не можешь?

— Это другой вопрос. Моя неприязнь к Арслану не связана ни с цементом, ни с кирпичом.

— Ну, хорошего-то парня ты бы ведь не стал ненавидеть?

— Дурды-ага, тут замешаны чувства...

— Какие чувства?

— Извините, Дурды-ага, этого я вам не могу сказать. И знать об этом никому не нужно... — краснея, выдавил из себя Ягды. — Если у вас нет ко мне других дел, я, пожалуй, пойду... А то как бы у вас опять сердце на разболелось...

— Насчет этого не беспокойся. Мое сердце отболело сегодня, сколько положено, дневную норму выполнило. А потом ты своим ответом успокоил его. Не спеши — Боссан, кажется, жарит что-то вкусное. Слышишь запах?

Боссан вошла в комнату.

— Ну куда собрался? Видишь, мясо пожарила. Хоть попробуй! — Она поставила сковородку на стол.

«Эх, не знаешь ты, что творится на белом свете! Слышала

бы, какой сейчас шел разговор, не улыбалась бы так беззаботно», — с горечью подумал Ягды и поднялся.

— Спасибо, Дурды-ага, до свидания. Есть совершенно не хочется. Спокойной ночи...

Боссан вышла его проводить.

— Скажи, Ягды, почему отец так сердит?

Ягды уже догадался, что Боссан неспроста вышла с ним на улицу, но не ожидал, что она так прямо спросит...

— Отец?.. — протянул он, раздумывая, как ответить.

— Да, отец.

Сказать или не сказать? Нет, говорить нельзя. Ничего еще не выяснено, зачем понапрасну причинять ей боль? И он ответил уклончиво, кажется, впервые в жизни солгав:

— Да ничего особенного... Человек он старый, всякая мелочь из себя выводит...

Боссан сразу поняла, что Ягды сказал неправду. Она покраснела, оскорбленная его недоверием, и молча направилась к дому.

Прошло немало дней. Поскольку вор не был схвачен с поличным, разговоры о расхищении цемента стали постепенно затихать, тем более что пропадать он вроде перестал.

А для Боссан не существовало ничего, кроме Арслана и их любви. И если бы не вчерашняя пирушка, если бы там совершенно случайно не оказался Ягды и если бы он так же случайно не услышал чудовищные слова Арслана, он бы окончательно смирился, видя Боссан такой счастливой и беззаботной.

Ягды не знал, продолжалось ли веселье после того, как он ушел. Может быть, разразился скандал, но, скорее всего, свалив всю вину на «пьяного Ягды», оставшиеся продолжали пировать.

«А впрочем, какое это имело значение, продолжалось веселье или нет? Это все мелочь! Вот как быть с Боссан? Как объяснить ей, открыть глаза на Арслана? Ведь немислимо же спокойно наблюдать и ждать, пока Боссан поймет все сама... А вообще в состоянии ли она понять, если я ей скажу? Не подумает ли, что я клевету на Арслана? Очень может быть, ведь она знает, что я его ненавижу. Нет, все равно, что бы она ни думала обо мне, нужно сказать всю правду. Сейчас ей никто, кроме меня, не может помочь».

Придя к такому решению, Ягды направился в библиотеку.

Несмотря на полуденный час, на улицах толпился народ — было воскресенье. Молодые парни и девушки группами шли куда-то. Кинотеатр гремел рупором, призывая на дневной сеанс. Библиотека была открыта. Здесь ли Боссан или, сердитая, сидит дома, пытаюсь разобраться во вчерашнем скандале? Нет, когда дело касается работы, Боссан очень аккуратна. Она наверняка здесь.

Ягды подошел к библиотеке и остановился на минуту, в последний раз обдумывая, что должен сказать. «Ладно! Расскажу все до последней мелочи! Поверит — хорошо, не поверит — тем хуже для нее! По крайней мере не упрекнет потом, что скрыл от нее правду».

Ягды взялся за ручку двери, но тут же отдернул руку. Сильней застучало сердце. Он полез в карман за сигаретой. Затянулся, жадно глотая горький дым, еще раз, еще... Не докурив сигарету, швырнул ее в канаву, в которой, журча, бежала вода, рванул дверь...

Боссан стояла перед маленьким зеркальцем и изящными, тонкими пальцами приглаживала волосы. Увидев появившегося Ягды, девушка спрятала зеркальце, подняла голову и с удивлением уставилась на парня, широко раскрыв опущенные длинными ресницами глаза. Ягды стоял молча, устремив на нее пристальный взгляд. Он казался не то растерянным, не то сердитым.

Боссан заговорила первой:

— Ты что, еще не проспался?

Ягды, словно не слыша издевательского вопроса, продолжал как-то странно смотреть на Боссан: девушке почудилось в его взгляде сочувствие. Она смутилась, отвела глаза и спросила уже потише:

— Ты что, пьян?

— А ты когда-нибудь видела меня пьяным? — вопросом ответил Ягды.

— Вчера вечером!

— Ошибаешься, Боссан. Я вчера был трезвее трезвого.

— Зачем ты врешь, Ягды? Не я одна, все ребята видели, что ты пьян. Ты, между прочим, вообще стал последнее время врать.

— Например?

— Например?.. Ну, помнишь, я как-то прибежала за тобой поздно вечером... Почему ты тогда не сказал мне правду?

— А... в тот раз?

— Да, в тот раз.

— Но ведь ничего еще не было известно...

— А теперь известно?

— И теперь не известно.

— Ну что же... — Боссан нахмурилась и отступила назад. — Ты что, пришел за какой-нибудь книжкой?

— Нет, я пришел к тебе. — Ягды подошел поближе к Боссан и кивнул на помощницу, которая ходила между полками: — Может, пройдем в кабинет? У меня разговор к тебе.

— Я могу слушать тебя и здесь.

— А я не могу говорить здесь. Разговор очень важный. Если можно, пойдем куда-нибудь.

Боссан пожала плечами.

— Пойдем!

Она провела Ягды в свой кабинет и остановилась, насмешливо глядя на него.

— Ну, устраивает тебя это безлюдное место? Я слушаю.

— Понимаешь... — Ягды замялся, не зная, как начать, умолк.

— Ну, говори же! — раздраженно сказала Боссан. — Я жду.

— Не торопи меня, Боссан, — со вздохом проговорил Ягды и опустил голову, словно сам боялся того, что должен сейчас сказать.

— Хорошо, я не тороплю тебя... — Боссан безразлично улыбнулась, усаживаясь в мягкое кресло.

— Только ты... постарайся правильно понять то, что я сейчас скажу, — выдавливая из себя слова, с трудом продолжал Ягды. — И не волнуйся... Я сначала решил не говорить, мне тяжело видеть в твоих глазах слезы...

Слово «слезы» сразу согнало с лица Боссан безразличную улыбку.

— Я постараюсь понять правильно.

— Постарайся, Боссан... Как бы это сказать... Ты гонишь-ся за миражем...

— За миражем?.. О чем ты говоришь?

— Ты знаешь о чем.

— Странно... Но ты же хотел объяснить. Скажи яснее, без намеков!

— Хорошо. Я говорю об Арслане.

— Об Арслане? — Боссан удивленно поглядела на него, потом рассмеялась.

— Не смейся! — Ягды вытер лоб, сразу покрывшийся

испаринной. — Он тебе не пара, Боссан. Если говорить прямо... он обманщик!

— Что?!

— Арслан обманщик и подлец!

Боссан рывком вскочила с кресла.

— Довольно! — крикнула она.

— Не кричи, Боссан, а слушай! — Ягды тоже повысил голос. — Он не просто подлец. Он подлец из подлецов!

— Ты... Ты... — дрожащими губами еле выговорила Боссан. — Если ты не докажешь...

— Я бы не стал говорить, если бы не мог доказать! — Ягды покраснел, потом кровь снова отхлынула у него от лица. — Если бы ты слышала, что он вчера говорил своему дяде... Такое может сказать только... только законченный негодяй. Ты думала, я зря вчера полез на него с кулаками?

— Обманщик... Подлец... Негодяй... Такими словами не бросаются... Что же он сделал?

— А об этом ты у него спроси! — со злостью отрезал Ягды. — Я его слова повторять не собираюсь! — И, круто повернувшись, он вышел.

Боссан долго сидела одна в кабинете, пытаясь понять, что все это значит. Неужели она ошиблась в Арслане? Конечно, Ягды мог и наклеветать — он оскорблен в своем чувстве, унижен. Но ведь он честный, правдивый парень...

Сомнение в любимом, неизвестность были так мучительны, что Боссан решила немедленно идти к Арслану.

Когда девушка открыла дверь той самой комнаты, где они вчера веселились, Арслан лежал, развалившись на мягком диване, и слушал магнитофон.

Увидев Боссан, он стремительно поднялся ей навстречу.

— Входи, моя дорогая, входи! — И, как всегда легкий и проворный, стал снимать с нее пальто.

— Не надо, Арслан, я не собираюсь засиживаться у тебя.

— Почему, милая? Садись, пропустим по рюмочке. Я еще даже не опохмелялся. — Несмотря на возражения девушки, Арслан снял с нее пальто, усадил на диван.

— Арслан, я не буду пить. Имей в виду — я на работе, я ведь потихоньку сбежала. — Боссан через силу улыбнулась, стараясь не выдать тревоги. — Радость у меня, пришла с тобой поделиться.

— Радость? О, тогда скажи поскорее! — воскликнул Арслан, доставая из буфета бутылку болгарского вина и две рюмки. Наполнив их, он одну подвинул к Боссан, другую поднес ко рту. — Выпей, Боссан. Никто не узнает.

Боссан не поглядела на вино.

— Отец согласен... — чуть слышно сказала она, из-под ресниц глядя на Арслана.

Тот притворился, что ничего не понял.

— С чем согласен? — проговорил он, опуская рюмку. Взгляд его, устремленный на девушку, сразу потускнел.

— Согласен на нашу свадьбу! — громко сказала Боссан.

Услышав слово «свадьба», Арслан, слегка побледнев, осторожно поставил рюмку на стол.

Боссан поднялась и, не отрывая от него взгляда, спросила:

— Ты что, не ожидал этого?

— Я?.. — проговорил Арслан, ворочая головой, словно ему вдруг стал тесен воротник сорочки. — Я ожидал... Но, Боссан, милая... к чему нам спешить?..

Боссан не стала больше слушать. Не могла бы, если б и захотела. Она накинула пальто и бросилась на улицу.

Арслан поглядел ей вслед, пожал плечами.

— Ха! Нашла дурака!

Он усмехнулся, взял рюмку, опрокинул ее в рот. Потянулся за бутылкой. Но тут из-за бархатной занавески вышел Кочмурад.

— Где девушка?

— Девушки нет, дядя Кочмурад. Ушла.

— Я тебя спрашиваю, где девушка? — Кочмурад, выхватив из рук Арслана рюмку, выплеснул вино на порог. — Сейчас же догони ее!

— Дядя Кочмурад, не совали бы вы нос в мои дела!

— Что?! — угрожающе протянул Кочмурад. — Догони немедленно. Идиот! Ты испортишь все дело!

— Какое дело?

— А ты и правда идиот! Забыл, кто ее отец? Верни ее немедленно!

— Это, конечно, верно...

— А раз верно, беги за ней! Догони и скажи, что ты болван из болванов... Нет, так не годится. Скажи, что... Найди какой-нибудь повод, придумай что-нибудь убедительное... Вот что: скажи, что хотел испытать ее. Прости, мол, меня, грубияна, жестокого дурака! Вытри ей слезы, поцелуй! Сразу растает...

— Но тогда мне придется жениться... Моя свобода...

— Даром ничего не дается. Женишься, ничего с тобой не случится!

— Дядя Кочмурад... Но ведь я...

— Перестань болтать! Копи лучше на машину! Все остальное потом уладим. Не захочешь жить — разведешься. Иди догоняй ее!

Кочмурад вытолкнул Арслана за дверь.

Ягды, уйдя от Боссан, пошел сначала к себе, но сидеть одному было сейчас не в состоянии. Одну за другой он выкурил две сигареты, походил из угла в угол и опять побрел в библиотеку.

Боссан вернулась примерно через час, глаза у нее были красные.

Ягды не стал спрашивать, что случилось, все и так было ясно. Не зная, как утешить девушку, Ягды пошел за ней в кабинет.

Боссан молча сидела за столом, опустив голову на руки. Наконец она подняла голову, взглянула тревожно.

— Ягды, если можно, оставь меня одну. Я хочу подумать как следует. Подумать...

— Думай. Но только не мучь себя из-за этого подлеца!

Когда Ягды, злой, стиснув от негодования зубы, выходил из библиотеки, то в дверях чуть ли не столкнулся с Арсланом. Тот, видимо, не ожидал этой встречи.

— Ты что это здесь околачиваешься? — с трудом переводя дыхание, мрачно спросил он.

На этот раз Ягды не собирался отступать.

— Не твое дело! — грубо ответил он.

— Тебе сюда незачем ходить!

— Я сам знаю, куда мне ходить! Но ты!..

— Что я? — Выпятив грудь, Арслан пошел на Ягды.

— Рискуешь остаться без зубов! Все выбью, все тридцать два!

Арслан видел, какой злостью горят глаза Ягды, как сжаты его тяжелые кулаки, и решил отступить, ограничившись на этот раз угрозой.

— Тебя, конечно, надо бы проучить, но здесь не место. За вчерашнее я с тобой еще рассчитаюсь. Ты мне за все ответишь! — И, обойдя его стороной, Арслан вошел в библиотеку.

— Трус! — с ненавистью бросил ему вслед Ягды.

Ягды ждал на углу, уверенный, что Арслан не задержится, что он вот-вот вылетит из библиотеки красный, растерянный. «Боссан не поверит ему, даже если он встанет перед ней на колени, она выгонит негодяя, покажет ему на дверь...»

Но все вышло не так, как думал Ягды. Прошло пять минут, десять, полчаса... Арслан не показывался. Он вышел из библиотеки через час, но не один, а под руку с Боссан, и притом в отличном настроении. Размахивая руками и непрестанно вертя головой, он рассказывал девушке что-то забавное. Да и Боссан казалась веселой. Она молчала, ласково, нежно улыбаясь. Они шли довольные друг другом, счастливые и, видимо, не чувствовали, что погода испортилась и мокрыми крупными хлопьями сыпал снег...

Прошло не больше недели, когда Боссан под вечер пришла к Ягды и пригласила его на свадьбу, — чего только не бывает на свете!

Услышав приглашение, Ягды сначала даже не нашелся, что сказать, некоторое время он сидел молча.

— Ну, что молчишь? Я тебя на свадьбу приглашаю!

— На такую свадьбу я не пойду!

Боссан села напротив него и очень серьезно спросила:

— Почему, Ягды?

— Потому, что это не настоящая свадьба!

— Свадьба как свадьба. Разве свадьбы бывают не настоящими?

— Бывают! — Ягды тряхнул головой и встал. — Бывают!

— Ну вот что: если ты желаешь мне счастья, то должен явиться! — сказала Боссан, заметно волнуясь. — Не придешь — обидишь меня! Знать тебя больше не захочу!

Идти или не идти? Тысячу раз задавал себе Ягды этот вопрос, пока не пришел к выводу, что идти надо. Почему — он и сам не знал.

Когда Ягды поздно вечером, держа в руках подарок, явился в дом Арслана, свадьба уже была в разгаре. Порядком захмелевшие молодые гости поднимали в честь Арслана и Боссан один тост за другим. Дурды-ага и Кочмурад сидели поодаль и наслаждались зеленым чаем.

Боссан ждала Ягды и каждый раз, когда открывалась дверь, поднимала голову: не он ли? Арслану это не нравилось, один раз он даже сказал ворчливо:

— Ну что ты уставилась на дверь? Не придет — так не придет! Велика важность!

Боссан выразительно взглянула на него, но ничего не сказала.

Гости входили, выходили, никто ни на кого не обращал внимания. Но когда появился Ягды, все взоры почему-то устремились на него, даже Дурды-ага приподнялся на месте.

— А Ягды-то, оказывается, жив! Где ж ты пропадал, сынок? — И, обрадованный его приходом, старик весело засмеялся.

Боссан, увидев Ягды, быстро встала и крикнула, забыв, что она невеста:

— Ягды! Иди сюда!

— Ничего с ним не сделается, здесь пусть сидит! — Один из захмелевших уже парней схватил Ягды за руку и притянул его к себе. — Штрафную ему за опоздание!

Ягды, ни на кого не обращая внимания, прошел прямо к Боссан. Протянул подарок. Потом пристально посмотрел ей в глаза, сказал спокойным, ровным голосом:

— Боссан! Я желаю тебе счастья! Смотри, чтобы этот подлец не обманул тебя!

Большинство гостей приняло это, конечно, за шутку, но для Арслана слова Ягды прозвучали как пощечина.

— Не будь ты мой гость, я бы показал тебе, кто из нас подлец! — вполголоса процедил он сквозь зубы. — Жаль, что ты у меня на свадьбе!..

— Вот уж что жаль, то жаль! — иронически бросил Ягды и вышел.

Гости притихли, удивленно посматривая то на Боссан, то на Арслана. Арслан, покраснев до ушей, ринулся было за Ягды, но Кочмурад, не сводивший с племянника цепкого взгляда, поднялся со стула.

— А ну-ка, Арслан, садись на место! — спокойно сказал он и, холодно улыбнувшись, обратился к гостям: — Успокойтесь, дорогие гости! Выпил человек, не соображает, что мелет! Не обращайтесь внимания! Лучше давайте выпьем!.. Я человек непьющий, в последние годы, сказать по правде, вообще не потреблял, но все же, с вашего разрешения, хочу поднять тост за здоровье отца нашей невесты, уважаемого Дурды-ага!

И опять один за другим поднимались тосты. Прошло каких-нибудь полчаса, и снова потекло шумное, хмельное веселье, молодежь гуляла в свое удовольствие. Однако Боссан была явно не в духе. Она не пила, не ела. Сидела, нахмурилась брови, сердитая, сосредоточенная. Арслан делал вид, что не замечает подавленного настроения невесты. Он старательно ухаживал за ней, пододвигал разную еду, уговаривал:

— Ешь, Боссан! Пей! — А у самого дрожал голос.

Кочмурад старался скрыть свое скверное настроение, но заметно было, что и у него на душе скребут кошки. Он то выходил куда-то, то возвращался...

Совсем скверно было Дурды-ага, сердце ему словно жгли каленым железом. Обычно старик не употреблял ничего, кроме зеленого чая, и сейчас после выпитого голова у него шла кругом, словно он осушил зараз по крайней мере пол-литра. Поэтому, когда Кочмурад снова вышел, Дурды-ага жестом подозвал к себе Боссан.

— Дочка! Почему Ягды так поступил?

— Не знаю, папа... — грустно ответила девушка.

— Нет, знаешь. Скажи!

— Ах, отец, это длинная история. Я не могу сейчас тебе ничего объяснить...

— А почему раньше не объяснила? Длинная ведь, говоришь, история?

— Теперь все равно поздно... — Боссан глубоко вздохнула.

— Поздно?! — обеспокоенно воскликнул старик. — Это как же понять?

— Да ничего страшного! Не волнуйся! — Боссан через силу улыбнулась и хотела было пройти на свое место.

— Постой, постой! Почему это я не должен волноваться?! За кого ж мне еще беспокоиться, как не за единственную дочь! Уж если она на своей свадьбе сидит, как на похоронах... Я этого не потерплю, дочка! Говори мне все. Все, что на душе! Неважно, поздно или рано.

— Не сердись, отец! — Боссан обняла отца за шею, отворачиваясь, чтобы он не увидел ее слез. — Честное слово, ни к чему эти объяснения! Ведь я не ребенок! Я знаю, что делаю. Вот увидишь, все обойдется, все будет хорошо...

Но Дурды-ага уже ничего не мог взять в рот. Не радовал его и крепкий зеленый чай, только что поданный учтивым Кочмурадом. Не думал старик, что со свадьбы своей единственной дочери вернется домой, как с поминок...

Шли дни, наступила зима. Растаял снег, которого много было в этом году. За каких-нибудь три дня склоны Копет-Дага оделись в зелено-красный наряд, пестрым ковром покрылись широкие степные просторы... Трудно сказать, какие перемены произошли после свадьбы в душе Боссан, но одно было очевидно: прежней Боссан, веселой, подвижной, в легком голубом платке, больше не существовало. Заботы о двух домах легли ей на плечи, и ее теперь чаще можно было видеть

у магазина с кошелкой в руках, чем в кино или в клубе. Конечно, сумки — беда замужних женщин. Но, как и предполагал Ягды, в большой плетеной сумке, которую Боссан теперь не выпускала из рук, преобладали коньячные бутылки. Боссан не успевала их приносить, дня не проходило, чтобы у них не справляли пирушки. Люди дивились, откуда у Арслана деньги, поговаривали, что он и на машину копит. Впрочем, последнее — только слух: может, это и правда, а может, наговаривали на Арслана завистливые люди.

Когда заходили подобные пересуды, Ягды всякий раз вспоминал, что говорил ему Дурды-ага о расхищении цемента.

А если в самом деле прикинуть? Кочмурад — пенсионер. Его доход — пятьдесят, ну, шестьдесят рублей в месяц. Заработок Арслана тоже известен. А живут на широкую ногу. Откуда это у них? Не получили же в наследство кучу золота, родители Арслана были люди скромные. Что же выходит?.. Не замешан ли здесь все-таки цемент?

Раздумывая над всем этим, Ягды, закончив последний рейс, разгружал машину. Смеркалось. Подошел Дурды-ага:

— Сынок, ты как, очень устал? Может, стоняешь еще разок?

— Хватит на сегодня, Дурды-ага. Спина болит. Да и вы, должно быть, устали.

— Понимаешь, сынок, Арслан отпросился, уехал в город. Надо бы сделать за него одну езду.

— Ну, если надо, съезжу.

— Спасибо, сынок!

Когда Ягды, доехав до магистрали, хотел уже повернуть направо, он вдруг увидел на перекрестке Кочмурада, метрах в десяти от автобусной остановки. Тот стоял один в стороне от людей и усиленно дымил сигаретой. Автобус, мчавшийся с запада, остановился, прихватив пассажиров, но Кочмурад почему-то остался один на опустевшем шоссе.

«Кого это он может ждать здесь?» — невольно подумал Ягды, на большой скорости проезжая мимо.

По шоссе то и дело сновали машины, груженные и порожние, и Кочмурад не обратил на него внимания.

Ягды проехал километров пятнадцать, когда навстречу одна за другой пошли груженные цементом машины из бригады Арслана. Одна машина, вторая... шестая. А Арслана не было. «Значит, и правда поехал в город...» — подумал Ягды. Вдруг навстречу ему на большой скорости пронеслась знакомая машина. Машина Арслана! «Непохоже, чтобы из города. В кузове цемент. Интересно... — с лихорадочной поспе-

шностью соображал Ягды. — Выходит, неспроста стоял там Кочмурад, его поджидал. Ясно!»

Ягды, пропустив Арслана, порядком оторвался от него и, повернув машину, помчался за ним следом.

Шесть машин пошли по направлению к строительству. Последняя, притормозив у автобусной остановки, помчалась дальше по шоссе. «Так, посмотрим, куда ты поедешь!» Ягды пониже надвинул на лоб кепку и дал газ. Арслан неся как метеор.

Арслан свернул за железную дорогу, к строящемуся колхозному поселку. Ягды не отставал. Когда передняя машина замедляла ход, он сбавлял скорость, если она прибавляла скорость, он сильнее жал на акселератор. Ягды гнался за Арсланом, ни на минуту не теряя его из виду. Кажется, Арслан заметил, что за рулем преследующей его машины сидит Ягды. Ссадив Кочмурада возле густо разросшихся на обочине тутов, он поехал дальше, а Кочмурад, кинув взгляд на догонявшую их машину, с поразительной ловкостью скрылся среди густых деревьев.

Это было непонятно: может, надеется сухим выбраться из воды? Во всяком случае, ждать можно всего, кроме хорошего.

Арслан долго еще вилял по ухабистой, пыльной дороге. Наконец он резко затормозил. Остановил машину и Ягды. Арслан высунулся из кабины, крикнул:

— Чего стоишь? Подходи поближе!

Ягды промолчал. Арслан опять тронулся. Ягды не спеша последовал за ним. Так, то останавливаясь, то снова трогаясь, они ехали довольно долго.

Строящийся поселок давно остался позади. А до следующего километров двадцать. Ни слева, ни справа ни единой живой души. Пустынно и тихо.

Не доезжая до моста через речушку, стекавшую с гор, Арслан вышел из машины. Ягды остановился шагах в десяти, не вылезая из кабины, закурил.

Арслан вымыл руки, лицо, затем вернулся к машине и стал возле нее, ожидая Ягды. Но Ягды не собирался выходить. Не спуская глаз с Арслана, он продолжал попыхивать сигаретой.

— Что же не выходишь? Ждешь, чтоб я сам подошел? Ягды даже не отозвался.

— Ну, иди, поговорим по душам!

Ягды по-прежнему молчал.

Наконец Арслан, видимо, убедился, что Ягды к нему не подойдет, широким шагом направился к машине своего преследователя и рванул на себя дверцу кабины.

— Слазь! — с угрозой сказал он.

Но Ягды не спешил слезать. Еще раз затапувшись, он погасил сигарету и швырнул окурочок под ноги Арслану.

— Далеко едешь?

— Не твоя забота!

Ягды прыгнул на землю.

— Поворачивай! — коротко сказал он.

— Ты кто, чтобы мне приказывать?! Хочу — поверну, хочу — нет!

— Повернешь, ворюга!

— Что ты сказал?

— Ворюга!

— Кто? Я? — Арслан, развернувшись, молча ударил Ягды в ухо.

Ягды, застигнутый врасплох, пошатнулся и стукнулся спиной о кабину. Однако через несколько мгновений он пришел в себя, тряхнул головой и сказал:

— Вот что, Арслан! Если я на тебя подниму кулак, тебя и мать родная не узнает! По-хорошему прошу: поворачивай машину обратно.

— Не поверну!

— Не повернешь?

— Не поверну!

Ягды, бросив свою машину, направился к машине Арслана.

— Не смей трогать!

Не отвечая Арслану, Ягды открыл дверцу кабины, и вдруг камень, пролетев со свистом, разбил ветровое стекло.

Стиснув зубы, Ягды оглянулся: Арслан поднимал второй камень.

— Брось, Арслан! С камнями не шутят!

— Уйди от машины, сука!

— Не уйду! Или сам поведешь ее, или...

— Получай!

Второй камень угодил Ягды в лицо.

Ясно было, что нужно действовать решительно, уговорами такого не примешь.

Когда Арслан, от ярости потерявший рассудок, схватился за третий булыжник, Ягды тоже нагнулся за камнем.

Как все это произошло, трудно даже себе представить, но оба камня были брошены одновременно.

Придя в себя, Ягды с трудом поднял голову. Светила луна. Он поднялся и, шатаясь, еле передвигая ноги, направился к Арслану.

Тот лежал на земле распростертый и, как показалось Ягды, не дышал. Лоб его сразу покрылся испариной.

Преодолевая чудовищную боль в голове, он перевернул Арслана на спину.

— Арслан! Арслан!

Парень не отзывался.

Ягды дул ему в рот, шлепал по щекам, пытаясь привести в сознание.

— Арслан! Арслан!

Глаза у Арслана оставались закрытыми.

«Господи, неужели умер?»

Холодный пот снова прошиб Ягды. Он приставил ухо к груди своего противника, прислушался...

— Живой! Дышит! — закричал он со слезами на глазах.

Он даже подпрыгнул, не помня себя от радости. Голову рванула резкая боль, его стошнило. Ягды пополз до речушки. Зачерпнув кепкой воды, выплеснул ее Арслану на лицо, но тот не пришел в себя.

— Ничего! Главное — ты жив! — выдохнул Ягды и, взяв Арслана под руки, поволок к машине.

Арслан пришел в сознание только под утро, в Ашхабаде, в клинике профессора Байриева. Открыв глаза, он спросил:

— Где я? Кто меня... кто меня сюда привез?

Профессор, уже несколько часов борющийся за его жизнь, строго ответил:

— Парень один... Тоже с пробитой головой, вроде тебя. Перевязали его, сидит ждет... Позвать?

— Не беспокойтесь, доктор, — пробормотал Арслан, закрывая глаза. — Да, конечно, он, кроме этого бандита, никому... Значит, струсил, негодяй, привез...

Через два месяца состоялся суд.

На суде Арслан показал следующее:

— Двадцать первого мая я, отпросившись у Дурды-ага, поехал в Ашхабад. Сделав все свои дела, я возвращался обратно. Но не ехать же порожняком... Я свернул на завод, взял три тонны цемента. Когда уже подъезжал к строителству, на шоссе увидел своего дядю. Он попросил подбросить в колхоз. Я свернул с магистрали, поехал по проселку к колхозу, а тут откуда ни возьмись Ягды. Потом выяснилось, что он преследовал меня довольно долго.

— Это правда? — обратился судья к Ягды.

— Что преследовал, правда, — ответил тот.

Арслан продолжал:

— Я ссадил дядю и поехал дальше.

Судья прервал его:

— Почему вы не повернули обратно, доведя дядю?

— Но он же за мной по пятам шел, как ищейка какая...

Ну, я и решил поговорить с ним где-нибудь в укромном местечке.

— Вы сказали своему дяде о преследовании?

— Нет.

— Почему?

— Дядя здесь ни при чем. Мои личные отношения с Ягды Пермановым...

Судья перебил его:

— О каких отношениях вы говорите?

Арслан медлил, поглядывая на Боссан.

— Говорите быстрее, гражданин Караев! — поторопил его судья.

Арслан вздохнул и заговорил словно бы через силу:

— Ягды встал между нами — между мной и моей женой. Он прибегал к разнообразным уловкам, чтоб только не допустить нашего счастья. Но у него ничего не вышло. Мы с Боссан избрали друг друга. Мы хотели по-хорошему помириться с Ягды, решили даже пригласить его на свадьбу. Но, явившись на свадьбу, он повел себя недостойно — оскорбил, опозорил нас перед гостями. Он и после этого не оставлял меня в покое. Я решил поговорить с ним наедине, выяснить все до конца. А чем закончился наш разговор, сами видите. Чуть не отправил меня на тот свет.

— Если бы он хотел вашей смерти, он не доставил бы вас в больницу.

— Доставил? Так это понятно! — выпятив грудь, важно заявил Арслан. — Он доставил меня в больницу потому, что трусил, понял, что от правосудия ему не уйти!

— Но ведь вы тоже нанесли ему тяжелый удар камнем.

— Я вынужден был защищаться!

Когда Арслан закончил свои показания, судья обратился к Боссан:

— Скажите, Боссан Дурдыева, подсудимый любил вас?

Боссан медленно поднялась. Арслан не сводил с нее глаз. А справа, на скамье подсудимых, очень бледный, сидел Ягды. Услышав вопрос судьи, он стремительно поднялся.

— Говори, Боссан! Говори правду! Не стесняйся!

— Не мешайте, гражданин Перманов! — одернул его судья. — Я жду вашего ответа, Боссан Дурдыева!

— Да, — с трудом выдавила из себя Боссан, — любил.

— А как вы отнеслись к нему?

— Я?

— Да, вы!

— Говори правду, Боссан! Говори! — снова подал голос Ягды. — Не скрывай ничего!

— Не мешайте, гражданин Перманов!

— Он мне... был симпатичен... — чуть слышно сказала Боссан.

— Громче, Боссан Дурдыева! Ягды Перманов был вам симпатичен, правился вам, верно? Почему тогда вы вышли замуж за Арслана Караева?

— Я любила его... люблю его...

По залу прошел смехок. Когда все успокоилось, судья, обращаясь к Боссан, спросил:

— А он вас любит?

— Вы об Арслане? — Боссан с трудом приподняла голову.

— Да, я спрашиваю об Арслане Караеве! О вашем муже.

— Не знаю... — Она опустила на свое место, слезы застилали ей глаза.

Щеки у Арслана запылали.

— Почему?! Почему не знаешь? — он подошел к ней вплотную. — Как тебе не стыдно! Позоришь себя и меня! Я же тебя больше жизни люблю!

— Гражданин Караев, немедленно пройдите на место!

Арслан еще что-то угрожающе прошептал жене и, злобно оглядываясь на нее, пошел на свое место.

Через полчаса объявили приговор.

Ягды Перманов был приговорен к полутора годам лишения свободы за нанесение тяжкого увечья. Поступок его был объяснен ревностью...

Стояла середина июня. Выйдя из душного вагона на перрон, Ягды жадно оглядел раскинувшийся внизу городок. За прошедший год он заметно разросся. Улицы взбежали на гору. Повсюду новые дома. Молоденькие тополя, высаженные у станции прошлой зимой, во время субботника, поднялись, зазеленели...

Ягды хотел сразу же, с поезда, идти прямо к себе в трест, но до окончания рабочего дня оставалось всего часа полтора, а нужно было еще зайти в парикмахерскую.

В парикмахерской было полно. Ягды настороженно огляделся: нет ли знакомых? Вроде нет... Он опустил на один из крайних стульев и стал дожидаться своей очереди.

Два сухопарых парня, видимо ученики, работали старательно, но еще не очень быстро, а пожилой пузатый парикмахер просто-напросто не спешил. Он скоблил лысину такого же толстяка, как и сам, сыпал один анекдот за другим и сам первый смеялся над ними.

Сидящие в очереди терпеливо молчали, но Ягды не выдержал, встал, повесил мешок на вешалку и подошел к пузатому парикмахеру:

— Уважаемый, а нельзя малость побыстрее?

Старый парикмахер равнодушно взглянул на него и, сверкнув золотым зубом, назидательно сказал:

— Не спеши, сын мой! Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. — И принялся за новый анекдот.

Толстомордый парикмахер чем-то напомнил Кочмурада. Вспомнив Кочмурада, Ягды представил себе Арслана... Боссан.

Только месяцев через девять после ареста Ягды решился написать Боссан на служебный адрес длинное письмо. Он описал все до мельчайших подробностей, рассказал, что абсолютно невиновен, но не мог доказать на суде свою невинность. Ответа от нее не пришло, но месяца через два ему сообщили, что дело пересмотрено и он признан невинным... Как-то Боссан? Жив ли Дурды-ага? Старику тоже нелегко досталось...

Ягды получил два коротеньких официальных письма от заведующего отделом кадров. Заведующий спрашивался, как у него со здоровьем, не нужны ли деньги, просил написать, если нуждается. Но поскольку со здоровьем у Ягды все было в порядке, а кое-какие деньжата на табачок имелись, он оставил оба письма без ответа.

Занятый этими воспоминаниями, Ягды не заметил, как подошла его очередь.

— Пожалуйста, молодой человек!

Услышав голос толстого парикмахера, Ягды поднялся и, сняв шапку-ушанку, устроился на сияющем никелем новом кресле.

— Откуда идешь, парень? — присматриваясь к нему, спросил парикмахер.

Ягды помедлил с ответом. Сказать: «Из заключения», — может поинтересоваться, за что посадили.

— Со свадьбы! — коротко бросил Ягды.

— Веселая, видно, была свадьба! Видок у тебя!..

Толстяк, похожий на Кочмурада, с самого начала вызвал у Ягды неприязнь, разговаривать с ним не хотелось.

— По-моему, я не хуже вас выгляжу!

Парикмахера, немало, наверное, повидавшего на своем веку, не смутила нарочитая грубость.

— Шустрый ты, парень! — Он деланно засмеялся и взял в руки ножницы. — Как стричь?

— Молча! — серьезно сказал Ягды.

Когда Ягды, подстриженный и побритый, вышел из парикмахерской, рабочий день был уже на исходе.

Торопиться было бесполезно. Ягды взял заплечный мешок и пошел в ресторан на противоположной стороне улицы.

Покачивая бедрами, подошла полная официантка, всем своим видом показывающая, что она здесь только из одолжения. Подозрительно оглядев его одежду и удостоив презрительным взглядом за то, что отказался от спиртного, приняла у Ягды заказ. Пока она принесла его, пока рассчиталась, прошел целый час. День кончился, солнце перевалило за вершины Копет-Дага, на городок опустились сумерки.

Куда же идти? Да в общежитие, куда же еще!

Никуда больше не сворачивая, Ягды пришел в общежитие и постучал в дверь своей бывшей комнаты. Никто не ответил. Снова постучал. Опять молчание.

Ягды направился к другой двери, и тут у него за спиной раздался громкий голос:

— Ягды!

— Веллек!

— Ягды! Вот радость! Жив и здоров? Поздравляю! — весело сказал коротыш, от души обнимая его.

— Да, браток, вернулся...

— Ну и слава богу! Мы уж давно тебя ждем, знали, что дело пересмотрено! А работы сейчас!.. Две машины стоят без водителей! Заходи!

Веллек распахнул перед ним дверь. Включил свет, оглядел Ягды с ног до головы, хлопнул по плечу.

— А ты вроде вырос!.. Возмужал, окреп...

— Ну, так уж и окреп! — Ягды усмехнулся, скинул с плеча вещмешок, бросил его в угол. — Там, между прочим, не курорт... — Он пересел за стол, достал сигареты. — Куришь?

— Нет! — Веллек покачал головой, сунул руку в карман. — Ты посиди пока, покури. Я сейчас.

— Веллек, ты обо мне не беспокойся. Я только что из ресторана.

— Я тоже не умираю с голоду!

Парень подмигнул ему и выбежал из комнаты. Ягды не успел докурить сигарету, как он уже вернулся.

— Вот! — сказал Веллек, со стуком ставя на стол бутылку красного. — Открывай! Обмоем твоё благополучное возвращение!

До десяти часов просидели они за разговором, потягивая густое и чересчур сладкое вино.

Говорил в основном Веллек. А Ягды слушал его, не пропуская ни одного слова.

Когда кончилось вино и темы, которые так или иначе могли заинтересовать Ягды, были исчерпаны, Веллек предложил лечь и тотчас же начал стягивать рубашку.

— Подожди немножко! — попросил Ягды и положил ему руку на плечо. — Скажи, Веллек, как Боссан? Только поподробней!

— Да что рассказывать, плохо! После того, как выяснилось все это с Арсланом... сам представляешь, наверно... А тут еще Дурды-ага свалился... Ей, бедняжке, и свет не мил. Если бы не сынишка...

— Какой сынишка?! Весь вечер болтал, а самого главного не сказал!

— Ба! Да ведь ты и правда ничего не знаешь: у Боссан мальчишка! Месяцев шесть или семь. Такой симпатяга! Ягды, достав новую сигарету, встал.

— Ты куда?

— Да понимаю... Пойду немножко прогуляюсь. Ты ложись, ложись...

— Да это что за прогулка ночью? Все спят!

— Как знать, может, кто и не спит... — неопределенно ответил Ягды.

Но, кажется, и правда все спали. В маленьком трудолюбивом городке по вечерам рано затихают шаги. Не было еще и одиннадцати, а улицы уже опустели. Ягды не встретил никого, кроме двух влюбленных, целовавшихся под развесистым деревом.

В знакомом восьмиквартирном доме, утопающем в зелени буйно разросшихся прошлогодних саженцев, светились только два окна — это были окна Боссан.

Ягды с трудом узнал ее. Как она похудела, поблекла!.. Той Боссан, румяной, белолицей, с блестящими черными глазами, нет больше... Розовые губы скорбно сжаты. Глаза опухли, на

чистом лбу залегли тонкие морщинки. Поздно, а она не спит...

Да, если сердце сжимается от тоски, огни в твоём доме никогда не погаснут вовремя. Если в душе печаль, то и погашенный свет не даст тебе спать. Ты будешь лежать и, словно в тяжком недуге, не смыкая век, глядеть в потолок...

Если бы люди не знали ничего, кроме радости! Если бы не было горя, печали, обид! Как хороша бы была жизнь!

Занятый этими мыслями, Ягды стоял перед окнами Боссан. Молодая женщина, не подозревая, что кто-то глядит на неё, гладила детские распашонки. Потом, решив, видимо, что на сегодня довольно, Боссан отложила бельё, унесла на кухню уют, перепеленала мирно посапывавшего мальчика, поцеловала его и села за стол, уронив на него усталые руки. Сидела и глядела в одну точку, ни есть, ни пить не хотелось. Не было сил разобрать постель, лечь...

«Неужели она так каждую ночь?» — с тоской подумал Ягды. Он протянул руку постучать, но Боссан, словно почувствовав его движение, вздрогнула и, подняв голову, тревожно взглянула в окно. Ягды отскочил.

Боссан прислушалась, встала. Сейчас она подойдет к окну... Ягды круто повернулся и не оглядываясь пошел, почти побежал к общежитию.

Проснувшись утром, Веллек очень удивился, увидя на раскладушке нетронутую постель. На столе лежала записка: «Веллек! Спасибо за прием. Возможно, скоро встретимся. Ягды».

Ягды прибыл в Ашхабад в кузове колхозной машины, груженной капустой и луком. Остаток ночи он провел в гостинице «Колхозник», а с утра направился в один из автопарков. Заведующий отделом кадров, чем-то напоминающий вчерашнего парикмахера, с сомнением покачал головой.

— Да, друг, не из приятного местечка ты идешь... Не знаю, как директор...

Однако директор автопарка оказался человеком покладистым.

— Не горюй, парень! Машину мы тебе дадим. Водители нам нужны позарез, а беда с кем не случается!.. — Он не глядя подписал заявление Ягды и велел устроить его в общежитие для холостяков. Самое приятное было то, что не пришлось рассказывать подробности, оправдываться, говорить, что оправдан...

Прошел месяц. После полочки, отложив на еду и на ку-

рево, Ягды отправился по магазинам. Прежде всего ему терпелось избавиться от ботинок на тяжелых, толстых подошвах, которые больше года натирали ему пятки. Первой его покупкой были легкие остроносые туфли. Потом он купил брюки и две дешевые, но ладно сшитые летние рубашки. Он давно уже мечтал приодеться, сходить в кино, в театр. А может быть... и съездить к Боссан, разузнать, как она, что...

У самого общежития навстречу ему попался один из его новых приятелей. Присмотрев свертки, он сразу заинтересовался:

— Что это у тебя, друг?

— Да так... кое-какая одежонка. Туфли себе купил, брюки, пару рубашек.

— Так ведь это дело нужно обмыть! Дольше носить будешь!

— Ну что ж, — сразу согласился Ягды, — давай, я хоть сейчас.

— Нет, сейчас не могу! — Парень широко улыбнулся. — У меня сегодня свидание... Жениться хочу. Знаешь, хорошо походить холостяком, но всю жизнь одному — с тоски сдохнешь! Слушай, пойдем со мной! У моей подружка есть хорошая, из железнодорожного техникума! А? Познакомлю!

— Спасибо! — улыбнулся Ягды. — Как-нибудь в другой раз!

Только сейчас Ягды вспомнил, что ни разу еще не выпил в Ашхабаде. Если б не этот веселый парень, и не вспомнил бы, наверное, про водку. «А может, и правда обмыть?» Но не покупки, конечно, а вообще все вместе. Ягды свернул в гастроном, купил бутылку «Безмеина», колбасы, еще кое-что и принес в свою одинокую комнату.

Сначала он переоделся, надел новые туфли, потом, разложив на столе закуску, налил в стакан вино.

— Ну что ж! — сказал он, встал во весь рост и поднял стакан: — Выпьем за... За что же выпить? За будущее?

Он помедлил — пить одному было как-то странно — и вдруг, поставив вино на стол, начал искать второй стакан.

Второго стакана не оказалось. Он оглядел комнату в поисках какой-нибудь посуды. Наконец его взгляд остановился на мешке, из которого выпирала старая алюминиевая кружка. Ну что ж, сойдет и это.

— Твое здоровье, Боссан! — Ягды поднял кружку, чокнулся со стаканом.

И тут в дверь постучали.

В общежитии жили только мужчины, и стучаться было не принято.

— Кто это? — тревожно произнес Ягды, в растерянности поглядев на вино и разложенные по столу закуски. — Кто там? — громко повторил он.

— Это я... — раздался из-за двери знакомый, очень знакомый голос.

Не веря своим ушам, Ягды нерешительно шагнул к двери.

— Боссан!..

— Да, это я... Понимаешь, Ягды... — От волнения Боссан говорила с трудом. — Как же так? Ты приехал... И не зашел... Я случайно узнала, что ты в Ашхабаде. Еле нашла тебя. Друзья так не поступают.

— Так получилось, Боссан. Я не мог... Не сердись! — Ягды смущенно опустил голову. — Я приехал в таком виде...

— Хорошенький разговор! Вид у него был не тот!

— Да это, конечно, ерунда... — Ягды вдруг поднял голову. — Одним словом, прости! А что ж мы стоим? Давай-ка твою сумку! Проходи, садись! Ты как раз вовремя. Только что собрался выпить за твое здоровье. Я даже тебе налил!

— Ты это серьезно? — почему-то шепотом спросила Боссан, протягивая ему свою сумку.

— Конечно, серьезно! Видишь — два бокала! — Ягды поднял стакан и кружку. — Кружка моя, стакан — твой!

Боссан оглядела стол, покачала головой и стала медленно развязывать платок.

— Почему серый? Где твой голубой платок?

— Голубой? Что это ты вдруг вспомнил?

— Очень он тебе к лицу был...

— Да, был... Его унес ветер.

— Какой ветер?

— Обыкновенный ветер. Сильный, с дождем...

Боссан опустила глаза. Из них, словно под тяжестью век, тотчас брызнули слезы.

— Ты знаешь все, что здесь без тебя было?

— Знаю.

— И почему освобожден досрочно, знаешь?

— Знаю.

Они помолчали.

— Знаешь, Ягды, мне здорово досталось. Но отец!.. Я не представляю, как только он выжил... — Она закрыла глаза и помолчала.

— Я слышал, что ему было плохо. Как он сейчас себя чувствует?

— Да теперь лучше. Дней через десять, возможно, выпишут. Но как я ему скажу, что...

Боссан осеклась, не в силах говорить дальше, опустила голову.

— Что скажешь, Боссан? — обеспокоенно спросил Ягды. — Еще что-нибудь случилось?

Вместо ответа она достала из сумки письмо, сложенное треугольником, и положила на стол перед Ягды.

— Письмо! От кого?

Боссан молча вытерла слезы.

Ягды развернул письмо.

«Боссан! Ты меня не жди. Я тебя никогда не любил, женился на тебе случайно. Считаю себя свободной. Арслан».

— Подлец! — Ягды в бессильной ярости комкал в руках письмо. — Да! Такого негодяя я еще не встречал.

Боссан взяла письмо, положила обратно в сумку.

— Старик об этом не знает?

— Я не показывала ему.

— И правильно. Не нужно показывать! Поправится — тогда решим.

— Я тоже так думаю. — Боссан встала, сняла со спинки стула платок. — Я пойду, Ягды. Повидала тебя — легче на сердце стало.

— А куда ты спешишь? — спросил он, тоже поднимаясь со стула.

— Сначала в больницу. Потом...

— Подожди! Может, вместе сходим?

— Вместе?

— Ну да! Посижу со стариком, расспрошу о здоровье. Он мне, наверное, обрадуется. А радость — лучшее лекарство!

Боссан послушно положила платок, села на прежнее место и, опустив голову, глубоко задумалась.

О чем она думала? В который раз перебирала в памяти все, что пришлось пережить за последних полтора года...

Ягды вдруг улыбнулся, наклонился к ней, опершись руками о стол, и спросил:

— Боссан! Ты помнишь тот фильм с Габеном?

— Тот, который ты не смотрел? — Она усмехнулась.

— Вот именно! — Ягды засмеялся и, сев напротив Боссан, заглянул ей прямо в глаза. — Боссан! Давай будем считать, что его мы видели сегодня. Вот только пришли из кино...

— Что? Как это?

Чуть приоткрыв неяркие, нежные губы, Боссан улыбну-

лась, словно после изнуряющей жары ее вдруг обдало ароматным весенним ветерком. Эта нерешительная, легкая улыбка долго не сходила с ее лица.

— Давай сделаем так, Боссан. — Ягды подвинулся ближе. — Мы с тобой только что пришли из кино. Этих полутора лет не было, ничего не было — ни хорошего, ни плохого!

Не зная, что сказать, Боссан молча смотрела на него, у нее слегка кружилась голова.

— Ну, молчание — знак согласия! Значит, решено, так и сделаем! — Ягды положил руку на руку Боссан.

Она опустила голову, снова подняла, в глазах у нее стояли слезы.

— Разве это возможно, Ягды?

— Возможно! Еще как возможно! — уверенно воскликнул он. И добавил негромко: — Если любишь...

НА ОТГОНЕ

Повесть

Главный стан пастухов колхоза «Коммунист» приютился в Ортачоль¹, среди цепи песчаных холмов в пологой впадине. Во время дождей и таянья снегов сюда со всех сторон сбегает мутные потоки и сливаются в небольшое озерцо. Потому это место и облюбовали пастухи.

Издали, среди необозримой пустыни, постройки стана — жилой дом, навес для ягнят, склад и квадратный загон для овец, огражденный высокими валами сена, — казались не больше спичечных коробок. Но по мере того, как вы подходили или подъезжали к этому месту, постройки вырастали у вас на глазах и пастушеский стап превращался в небольшой поселок, где шла своя жизнь.

Мотор с однообразным звуком «пыт-пят» качал воду из колодца глубиною в сто с лишним метров. Вода журчащим потоком бежала в длинные колоды, из которых пили овцы. Возле дома, почти у самых дверей, стоял старенький «газик», накрытый брезентом, а за углом в тени дремала серая верблюдица и жевала жвачку. Неподалеку поблескивал оцелментированный ховуз², окруженный карагачами с пышными кронами — единственное украшение этой голой пустыни. Над карагачами сияло солнце и синело бескрайнее чистое небо.

Обычно в поселке царил глубокая тишина. И только когда пригоняли отары на водопой, он наполнялся, оживал. Овцы, нетерпеливо трясая курдюками, рвались к колодам, бестолково напирали, теснили друг друга, блеяли. Подпаски с криком металась из стороны в сторону, размахивая кривыми палками. Помогая им, с лаем носились грудастые огромные овчарки.

Но вот овцы напивались, и пастухи с подпасками опять угоняли их в степь на пастбище. Мотор прекращал свое «пыт-пят», журчание воды замирало, и стан снова погружался в тишину.

¹ Ортачоль — центральная часть Каракумов.

² Ховуз — небольшой пруд, бассейн.

Однажды, в конце января, когда чабаны напоили овец и погнали их в степь, старший пастух Ораз Гельдыев, широкоплечий рослый человек лет сорока, с бронзовым от солнца и ветра лицом, проводил их внимательным взглядом и долго смотрел на небо. Оно заволакивалось тяжелыми сизыми тучами. Ораз вошел в дом.

На кухне худощавый парень-подпасок в ватной телогрейке и каракулевой ушанке готовил обед. Он усердно раздувал огонь в плите. Большой медный котел клокотал, распространяя запах баранины, лука и риса.

— Лучше топи, Меред! Должно быть, снег пойдет, — хмуро сказал ему Ораз и прошел во вторую комнату.

Здесь пастухи и подпаски обычно обедали и отдыхали: читали газеты, журналы, играли в шахматы и слушали радио. Ораз остановился на минуту, озабоченно глянул в окно вслед овечьей отаре, уходившей в степь черной полоской, и прошел в третью комнату, где стояли кровати.

Ораз сбросил рыжую шубу и хотел было прилечь, но передумал, вернулся в столовую, включил радиоприемник, стоявший в углу. Его интересовала сводка погоды.

Он слушал сообщения о работе на заводах и в колхозах, а сам посматривал в окно, за которым уже малькали крупные снежинки. Сводку погоды почему-то не передавали.

— Э! — крикнул с досадой Ораз и опять с тревогой посмотрел в окно.

Снег шел уже большими хлопьями и застилал даль белесой крутящейся мутью.

Ораз накинул на плечи шубу, вышел из дома и, неторопливо шагая, поднялся на гребень песчаного холма, закурил и присел на корточки, пристально вглядываясь в мятущуюся мутную даль. Курил и думал: надолго ли этот снег? Конечно, он завтра же может растаять. А ну как хватят морозы и такая погода затянется на две, на три недели? Вот тебе и год «с двойной весной»! Понадеялся этот дурень Бакыев!..

В Туркменистане бывают годы, которые народ называет годами «с двойной весной». Осенью в такие годы обычно льют дожди, а зимой снег едва выпадает и тут же тает под жарким солнцем. Степь, напоенная обильной влагой, покрывается густым ярким покровом травы, как весной. Овцы и не замечают, как сменяется одно время года другим, и на тучных пастбищах так жиреют, что еле носят свои круглые курдюки.

Но бывает, что среди зимы вдруг выпадает глубокий снег и сразу же начинаются морозы с резким ветром. В степи все леденеет. Трава покрывается толстым слоем плотного,

смерзшегося снега. Правда, морозы тянутся недолго — дней десять — двенадцать, но для отар, которым беспечные хозяева не позаботились вовремя запастись сеном, эти немногие дни приносят страдания, болезни, а часто и гибель.

Ораз Гельдыев отлично это знал. Он был опытным пастухом. Прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как он взял в руки кривую пастушескую палку из корня кандыма. Когда он впервые пришел в эту степь, у колхоза было всего две отары овец, а пастухов и подпасков пять человек. А теперь под началом Ораза уже четырнадцать отар, а пастухов и подпасков целая бригада.

За пятнадцать лет Ораз отлично научился узнавать, какая завтра будет погода, — по восходу солнца, по движению облаков, по ветру, по тому, как ведут себя птицы и овцы. Но какая будет погода через два-три дня, он не мог предугадать, и это его беспокоило.

Он встал, отряхнул шубу от снега и, оставляя на чистом снегу большие темные отпечатки сапог, пошел назад, к дому. Он увидел Мереду, тащившего в кухню большую охалку саксаула, и крикнул:

— Брось, Меред, дрова! И поезжай скорее к Эсену. Скажи, чтоб сейчас же пригнал сюда отару и поставил в загон.

— Хорошо! — отозвался Меред, втащил дрова в дом, сложил их и тут же повернул за угол, где, поджав под себя ноги, лежала запорошенная снегом верблюдица и лениво жевала жвачку.

Меред проворно отвязал недоуздок и сел на верблюдицу. Та, как будто только этого и ждала, издала своеобразный горловой звук «кыйк», вскочила и побежала иноходью в степь, куда направлял ее Меред.

Ораз посмотрел ей вслед и пошел к загону, обошел ограду, сложенную из сена, внимательно прикинул ее высоту, ширину. Сена было много, но и овец было столько, что запаса этих высоких душистых валов едва могло хватить на пять дней. А дальше что?

«Хорошо, если снег послезавтра растает. А ну как ночью переменится ветер и подует из Сибири, с северо-востока?.. Не понимаю, о чем только думает Бакыев? Поди, сидит себе возле железной печи, греет спину и сосет чилим¹...»

Ораз вышел из загона. Снег валил и валил.

«Дряннь, дряннь погода! — думал он с нарастающей трево-

¹ Чилим — трубка.

гой. — Надо наведаться к пастухам. А то понадеются: авось растает — и таких дел наделают...»

И он торопливо направился к «газику», накрытому брезентом.

Вдали, в мутной мгле, показалась качающаяся черная точка. Она быстро росла. Это скакал Меред на верблюде. Подъехав, он легко спрыгнул на землю и, привязывая верблюдицу к колу, сказал:

— Эсен повернул уже стадо, сюда гонит. А вы что, ехать собрались?

— Да, надо же узнать, как дела у других пастухов, — хмуро ответил Ораз.

Меред вспомнил, что у него варится обед, вбежал в дом, заглянул в бурно кипящий котел и, приоткрыв на улицу дверь, крикнул:

— Ораз-ага, идите пообедайте, потом поедете. В такую погоду нельзя натошак выезжать, замерзнешь.

— Э, какой там обед! — проворчал Ораз, закуривая и протягивая папиросу Мереду. — Не ждите меня. Загоните овец и обедайте спокойно.

— Да обед уже готов, — уговаривал Меред. — Ну выедете на пять минут позже, что от этого случится?

— Э, пять минут!.. Сейчас каждая минута дорога. Видишь, что делается?

Он сел за руль, включил мотор и быстро исчез за пеленой снега.

Меред посмотрел ему вслед и пожал плечами:

— Чего это он? Ну, пошел снег... Что тут такого? А ему и еда на ум нейдет. И всегда он так: все об овцах, а о себе и не думает...

* * *

Старший пастух гнал машину, то лавируя между побелевшими холмами, то перекатываясь через них. Снег крутился у него перед глазами, застилая даль.

«Эка валит! — думал он. — Да и ветер никак начинается. Наметет до впадины — и застрянешь в степи, никуда не попадешь...»

Уже вечерело, когда он подъехал к стану второй отары. Большая пестрая овчарка с подстриженными ушами, взметая снег ногами, с грозным лаем кинулась ему навстречу, но, услышав знакомый голос Ораза, завилыла куцым хвостом и повернула к дому.

Из дома в облаке пара поспешно вышел чернобровый паренек-подпасок и встретил Ораза обычными приветствиями. Ораз вылез из машины и направился прямо к загону. В загоне было пусто и тихо.

Тогда он пошел в дом, где пастух второй отары овец и его подпаски уютно разместились на кошке возле железной печи, в которой гудело пламя.

Увидев Ораза, все задвигались, освобождая ему место.

— Заходи, заходи, Ораз! Садись ужинать!..

Ораз остановил хмурый взгляд на круглолицем человеке с легкой проседью на висках, обгладывавшем баранье ребрышко, и покачал головой:

— Эх, Овез! Да как же у тебя еда идет в горло, когда овцы в степи в такую погоду?

Тот спокойно положил обглоданное ребрышко в миску и, добродушно улыбаясь, сказал:

— А какая такая погода? Зимой снег идет. Это уж так полагается. И ты не сердись, не раздувайся от злости, как хум¹, а садись-ка лучше ужинать с нами. Такие сладкие ребрышки! Попробуй-ка!

Беспечность Овеза рассердила и даже как бы оскорбила Ораза. Он сдвинул брови и сухо сказал:

— От твоих шуток овцам теплее не станет, Овез. И ты, я вижу, забыл, что было в позапрошлом году? Сколько у тебя погибло овец? Сколько заболело воспалением легких? И разве не ты стоял тогда перед колхозниками на общем собрании бледный и клялся, что больше этого не будет? «Виноват, виноват, конечно, но это по неопытности. Вы уж простите меня». Не ты ли лепетал это? Забыл? А теперь опять за старое?.. Ты что же, ждешь, когда набьется снег в загон и все заледенеет? Тогда ты пригонишь овец и они будут лежать на льду? А сам ты будешь сидеть вот тут и глотать бараньи ребрышки? Да как же тебе не стыдно? А вы, — крикнул он на подпасков, — малые дети, что ли, не знаете, что надо делать в такую погоду? А ну, бросайте ложки и сейчас же загоните отару в загон. Да берегите корм, зря не разбрасывайте! Неизвестно, когда кончится снег и когда вам привезут еще сена.

Все, кроме самого младшего подпаска, вскочили, оделись и вышли за дверь.

Ораз вдруг почувствовал усталость, присел на кошку и задумался: «Неужели и в других отарах так же?.. Вот бедато! Хорошо, что я сразу поехал...»

¹ Хум — большой глиняный пузатый кувшин.

Подпасок поставил перед ним пиалу, чайник и большую миску с жирным бараньим супом. Ораз наспех выпил пиалу крепкого зеленого чая, сел в машину и поехал проверять другие отары.

Только пастух, исходивший эту пустыню вдоль и поперек, знавший каждый холм и каждый кустик, мог в темноте, в снежной сумятице найти отары овец.

Всю ночь Ораз колесил по пустыне от одного стана к другому и успокоился только тогда, когда увидел своими глазами, что все отары в загонах. Но пастухи говорили ему, что запас кормов у них небольшой, что товарищ Бакыев их кормами не балует, и это продолжало сильно тревожить Ораза.

Уже на рассвете машина его увязла в снегу, во впадине, почти при самом въезде в главный стан, и он пришел домой измученный, почерневший, осунувшийся от бессонницы, приказал подпаскам отрыть машину, подкатить к дому, а сам скинул с себя шубу, лег на кровать и сразу же крепко заснул.

* * *

Снег шел весь день, но к вечеру немного затих. На горизонте среди разорванных туч показалось багровое солнце.

Подпаски повеселели, проворно дали корм овцам, поужинали, поиграли в шахматы и легли спать. Лег было и Ораз и стал уже задремывать, как вдруг послышалось мелкое постукивание по стеклам окна. Он поднял голову. За окном опять шел мокрый снег.

Ораз закурил. Ему уже не спалось. Он встал, зажег лампу и стал читать. Но мысли его летали по пустыне от стана к стану, от загона к загону.

«Ведь знают же, что мало у нас сена. Почему же не шлют? Или ждут, чтоб я сам приехал? А как мне уехать? На Овеза, что ли, оставить отары?»

В полночь он потушил лампу и лег. Но незадолго до рассвета проснулся, накинул на плечи шубу и вышел из дома. К нему подбежали овчарки.

Небо прояснилось. Среди облаков ярко мерцали звезды, но с востока тянул сухой, резкий ветер. Ораз постоял с минуту и покачал головой:

— Ну, теперь все скует!

И он не ошибся. В тот же день глубокий снег в степи сковало морозом, и обледенелые кустарники и травы зазвенели под напором ветра.

Прошло еще два дня, а снег не таял. Валы сена, ограждав-

шие загон, сильно понизились, и ветер уже свободно врывался туда. Овцы зябли, жались друг к другу и ели значительно больше, чем прежде.

На четвертый день потеплело. Солнце пригрело, и снег начал таять. А ночью небо опять задернулось тучами и на прежний, уже заледеневший снег посыпался новый — сухой и легкий.

Ораз с нарастающей тревогой видел, что запас сена идет к концу. Еще день — и овцы останутся без корма, в открытом, не защищенном от ветра загоне. Он курил, хмурился, посылал подпасков то в одну, то в другую отару узнать, как там дела. Подпаски скакали по снежной пустыне, возвращались и говорили одно и то же:

— Кончается корм. И овцы стоят на ветру. Люди ругаются, не знают, что делать...

На пятый день, перед рассветом, Ораз вышел из дома. Овчарки было бросились к нему, но вдруг остановились и слаем бросились прочь. Ораз увидел вдаль, в предрассветной мгле, верблюда, а на нем Овеза. Вот он подскакал, спрыгнул на землю, привязал верблюда и торопливо сказал:

— Ораз, да что же это за порядок? Кормить-то уже печем, овцы остатки доедают. А снег идет и идет. Что прикажешь делать? Опять я буду виноват?

— Что тут прикажешь, — с досадой махнул рукой Ораз. — Придется, видно, мне ехать в колхоз. Больше нечего делать.

— Ты вот ругаешь меня, — взволновался Овез, — думаешь, что я только у печки сижу, а об овцах не думаю. Ну верно, сидел я, ужинал. А после ужина-то все равно и без тебя поставил бы их в загон. Что я, не человек, что ли? Или у меня совести нет? Да мне сейчас овцам-то в глаза стыдно глядеть. А чем я виноват? Ведь заведующий фермой был у меня, сам видел, что корма в обрез. И постановление правления было, чтоб он немедленно перевез всю траву к нам в степь.

Овез торопливо сунул руку за пазуху, вытащил смятую бумажку и сунул Оразу:

— Вот читай! Тут прямо сказано: «Немедля перебросить сено к отарам в степь». А он что? Он даже за ухом не почесал. Так зачем же тогда приняли постановление?

Ораз не сводил глаз с овец в загоне, которые отталкивали друг друга, выдергивая пряди сена из снега.

— Ах ты, Овез! — с досадой проговорил он. — Все твердишь: «Заведующий, заведующий, товарищ Бакыев!» Как

будто действительно говоришь о дельном человеке. А по-моему, уж лучше бы разводил, как раньше, огурцы и помидоры и не лез в животноводство. Пустой он человек! Байбак! Ты видел, как он ухаживает за своей бородой? Ведь у него вся забота — мыть бороду кислым молоком, подстригать да расчесывать. Ты слышал от него когда-нибудь «нет»? Не слышал? Ну вот, и я тоже не слышал. Что ни скажешь ему, он все одно: «Ладно, ладно!» Все на словах готов сделать. А что толку...

Рассвело. Сквозь мутную пелену снега виднелись темные силуэты загона, склада, карагачей над ховузом. Ораз посмотрел на свой старенький «газик» и сказал:

— В колхоз надо ехать, да боюсь, подведет меня эта машина, застрянет где-нибудь.

— А ты на него садись,— живо сказал Овез, кивнув на своего инера¹, который бил себя хвостом по ляжкам и рвался к серой верблюдице.

Издали донесся приглушенный стук моторов. В снежной мгле шли три машины, высоко нагруженные сеном.

— Ну вот, ругаешь Быкаева, а он — видишь...— обрадовался простодушный Овез.

Ораз тоже охватило нетерпеливое радостное волнение. Он вытащил портсигар и закурил.

Машины подъехали к высокому бархану, поросшему саксаулом, и должны были круто повернуть к стану, но не повернули, а стали удаляться.

— Эх, не наши! Это из «Искры»,— вздохнул Овез.

А Ораз смял папиросу и пошел к «газику». Он нетерпеливо сорвал брезент и стал заправлять машину.

— Приеду и этого Бакыева прямо за бороду! Только бы мне доехать! — сердито ворчал он.

— А ну как не доедешь? — заволновался Овез. — Ведь этак, друг, весь скот погибнет. Давай-ка уж лучше я на инере поеду. Дело-то вернее будет.

— Э, триста километров! Когда ты на нем допрыгаешь! Ты уж тут будь, присматривай за скотом. А я как-нибудь доберусь, не в первый раз. Вот прошли же машины, да еще с грузом. Снег, видно, промерз, твердый...

Он заправил «газик», заглянул в дом, строго наказал подпаскам, чтобы они бережно расходовали корм, выпил наспех крепкого чая и уехал.

¹ И пер — порода сильных верблюдов.

В этот день вечером в колхозе было назначено партийное собрание.

Коммунисты знали, что на собрании будут обсуждаться два вопроса — о подготовке к окотной кампании и о снабжении кормами тех отар, которые пасутся в степи, и что докладчиком по этим вопросам будет заведующий фермой Бакыев.

Узнал об этом Бакыев еще два дня назад. Ему было лестно, что он, беспартийный человек, будет докладывать на партийном собрании о важных делах. А вместе с тем и побаивался: а ну как коммунисты будут его ругать? Ведь это такой народ, никому не спустят и никого не постесняются.

Так как Бакыев не любил делать ничего заранее, подготовку к докладу он оттягивал до самого последнего дня. Только в день собрания он спохватился, прибежал в правление колхоза и стал упрашивать счетовода помочь ему написать доклад. У счетовода была своя спешная работа, к тому же у него сильно болел зуб, и он сначала только отмахивался от Бакыева, как от назойливой мухи.

— Ну хорошо же! Я это попомню! — с угрозой протянул Бакыев.

И счетовод одумался. Он отодвинул в сторону свои дела, взял лист бумаги, обмакнул перо, повернул мученическое лицо к Бакыеву и с раздражением сказал:

— Ну говори, что писать?

Бакыев повеселел, проворно развязал старый, порыжевший портфель, вытащил какие-то обрывки бумаг и начал диктовать.

Он чувствовал себя теперь важной персоной и диктовал с удовольствием, но не совсем ладно. Надиктовав полстраницы и поворошив свои бумажки, он находил вдруг такую, которая неожиданно меняла все дело. Он виновато почесывал переносицу и говорил счетоводу:

— Э, да, я никак напутал, не так тебе сказал. Это у Овеза девятьсот восемьдесят девять голов, а у Ораза-то больше. Стало быть, и кормов ему надо больше.

— Ну вот!.. А у тебя одна голова, и та, я вижу, не работает... — зло взглянув на Бакыева, ворчал счетовод. Он зачеркивал и начинал строчить заново.

Так просидели они до самого вечера, когда до собрания оставался всего час.

Бакыев проголодался и решил пообедать. Он аккуратно сложил доклад, написанный счетоводом, и, приговаривая:

«Ну, вот и спасибо тебе! А я, брат, такой человек, что ни у кого еще в долгу не оставался и у тебя не останусь», сунул доклад вместе с бумажками в портфель и пошел домой.

Жена его, Сонагюль-эдже, уже начинавшая сесть, но еще здоровая и быстрая, встретила мужа в дверях и с укоризной сказала:

— И что это за дела у тебя сегодня? Не пил, не ел до сих пор.

— Э, да разве ты знаешь, что творится на свете! — пренебрежительно ответил Бакыев, протягивая жене свой толстый портфель, перевязанный шпагатом. — Через час буду делать доклад на партийном собрании. Надо же было подготовиться... Что у тебя на обед? Давай скорее!

Не снимая шапки и ватника, он прошел в комнату и сел на кошму.

— Подготовиться!.. Люди-то заранее готовятся, а ты все до последней минуты доводишь, — проговорила Сонагюль-эдже и поставила перед мужем большую деревянную миску с жирным белке.

Проголодавшийся Бакыев с наслаждением ел хорошо сваренные квадратики тонко раскатанного теста, начиненные сочным, жирным мясом и залитые кислым молоком.

Хлопотливая Сонагюль-эдже принесла пиалу и чайник с душистым зеленым чаем и поставила перед мужем. Но тот вытащил из кармана часы в чехле, посмотрел на них и вскочил.

— О! Некогда чай распивать. После собрания приду и спокойно попью.

Даже не вымыв жирные руки, он схватил портфель, сунул под мышку и вышел.

Все коммунисты были уже в сборе, когда он торопливо вошел в парткабинет и, робко посмотрев на всех, спросил секретаря партийной организации:

— Я ведь не опоздал, Курбангозель?

Курбангозель, молодая женщина, закрыла блокнот, в который записывала что-то, посмотрела на Бакыева, на его толстый портфель, чуть улыбнулась и сказала:

— Нет. Почти вовремя.

Потом встала, объявила партийное собрание открытым и предоставила слово Бакыеву.

Бакыев снял большую коричневую, запорошенную снегом папаху, прислонил ее к стоявшему на столе графину с водой. А широкий хивинский халат, надетый поверх ватника, он в волнении забыл снять, и ему никто не напомнил об этом.

Вот он развязал портфель, вынул доклад, написанный счетоводом, надел очки с ослабевшей оправой, кашлянул, погладил густую, хорошо расчесанную бороду и стал читать.

Первую страницу он прочел без запинки, а на второй странице чуть не на каждом слове стал спотыкаться, как старый конь на кочковатой дороге.

Сначала досаду он обратил на себя: «Эх, взялся чужое читать! Самим написанное и то не могу гладко прочесть!» А потом перенес досаду на счетовода: «Ведь говорил же ему: пиши ясно, разборчиво, — нет, так настрочил, будто мураш по бумаге прошел...»

Бакыев так мучительно запинался, что один из бригадиров не выдержал:

— Баки-ага, да брось ты свои бумаги,ними очки и расскажи попросту, как у тебя дела.

— И то правда! — согласился Бакыев. Он бросил свои бумаги на стол и начал доклад сызнова.

Он говорил теперь бодро и уверенно о достижениях животноводов, о том, насколько увеличится к лету поголовье, сколько все отары дадут колхозу каракулевых шкурок, шерсти и сыра. Но когда он коснулся недостатков, его ораторское искусство несколько снизилось, в речи его все чаще стали звучать такие пустые слова, как «так сказать», «то есть», «как говорится», и наконец он стал так запинаться, будто опять читал по бумаге счетовода.

— Э, да что ж тут говорить? Вы сами знаете, какие у нас недостатки, — вдруг решительно закончил он свою речь и сел к столу.

— Хочешь, чтобы за тебя другие сказали? — крикнул с места агроном.

Коммунисты переглянулись, одни улыбнулись, другие покачали головами.

— Так, Баки-ага, — спокойно сказала Курбангозель, — подготовку к окотной кампании можно считать удовлетворительной. И тут у нас время есть, мы можем еще собраться и поговорить, а вот по другому-то вопросу — о снабжении отар кормами — ты говорил очень много, а сказал очень мало. В каком положении сейчас овцы в степи? И почему ты не выполнил до сих пор постановление правления колхоза о переброске оставшихся кормов в степь отарам? Ты ничего об этом не сказал. А это самое главное. Из-за этого-то мы и собрались сейчас. Видишь, снег тает только на столе, на твоей папаше, а в степи-то он идет и идет. Хватит ли корма отарам? Как ты думаешь? Ведь каждая овца на твоей ответственности.

— Да должно хватить,— сказал Бакыев, бросив в пепельницу папиросу.— Ведь им сколько туда кормов-то завезено! Возили, возили... И чего это зря панику поднимать? Если б совсем не было, другое дело... И что из того, что снег и мороз? В первый раз, что ли? Так было и при наших дедах и прадедах. И я не слышал, чтоб в старину когда-нибудь возили траву в степь. Я хотя пастухом и не был, а подпаском был, знаю.

— Когда ты был подпаском-то? — сердито сказал старик бригадир.— Тогда у нас и овец по пальцам можно было пересчитать. На двух верблюдах, бывало, отправишь селина¹, так им на пять дней хватало. А сейчас сколько селина надо? Пойми ты это!

— А я и понимаю! — рассердился Бакыев.— Потому-то мы и завезли туда сена не на двух верблюдах, а возили, возили...

— А ты хорошо подсчитал,— перебила его Курбангозель,— сколько у тебя овец в степи и сколько им нужно корма в такую погоду?

— А чего считать? В старину, говорю, не считали, сколько чего надо, и траву не возили туда, где она растет. И ничего не случилось.

— Как не случилось? Забыл, сколько овец гибло? — закричали со всех сторон.

— Э, сколько там гибло! — отмахнулся Бакыев.— Помоему, уж лучше сюда пригнать все отары, чем канителиться, возить траву в степь за триста километров. Выдумали тоже!.. Все равно как наш агроном, только и твердит: «Не заливайте хлопковые поля, как в старину, а поливайте по бороздкам. А что, в старину-то глупее его, что ли, были?»

Колхозный агроном порывисто вскочил с дивана и запальчиво заговорил:

— Товарищи, я слышу от него это уже не первый раз! Он то и дело попрекает меня бороздковым поливом, а сам ни черта не понимает... Он не хочет расставаться со стариной, как со своим халатом и старомодной папачкой. Если он не понимает значения бороздкового полива, так пусть спросит наших хлопкоробов! Они ему скажут, насколько повысился урожай хлопка в последние два года.

Агроном увлекся и начал было читать лекцию о значении бороздкового полива, но бригадир дернул его за рукав:

— Да сядь ты, агроном! Он сам это знает, только дурака валяет. И разговор-то сейчас не о поливе, а о корме для отар.

¹ Селин — песчаная осока, трава.

Скажи по совести, Баки-ага, почему ты не выполнил постановление правления и не отправил в степь оставшийся корм? — спросил он строго Бакыева.

— А на чем бы я его отправил? — опять вскинулся Бакыев. — Сам захватил все машины, возил на них свой хлопок, а я на чем должен возить? На себе, что ли?..

— Так этот вопрос надо было поставить перед правлением, — сказала Курбангозель. — Надо было добиваться, чтоб дали машины. Настойчиво добиваться!

— Я думал, ему нужнее. После него собирался перевезти. Думал, он спасибо за это скажет, а он на меня же...

Бакыев произнес это с такой наивной обидой, что все засмеялись.

— Дело не в оправдании, — сказала Курбангозель, — а в том, чтобы спасти сейчас отары...

— Да если б у них не было корма, — перебил ее Бакыев, — Ораз дал бы знать или сам приехал. Не задавило же их всех снегом!

— А если Оразу нельзя сейчас отлучиться? Или машина у него не в порядке? Он ждет от нас помощи, а мы болтаем о старине! Ты, Баки-ага, не успокаивай нас. Тебе первому надо бить тревогу. Понимаешь?

Она подошла к окну, приоткрыла занавеску и покачала головой:

— Снег все идет и идет... Надо немедленно перебросить корма в степь.

— Ну что ж, если такое постановление партсобрания, я готов выполнить. Только дорога-то сейчас... По такому снегу разве пройдут машины с грузом? Застрянут, да еще ночью... Переждать бы до завтра. Завтра снег кончится.

— Ты что, слышал сводку погоды? — обрадовалась было Курбангозель.

— Нет, спина у меня весь день чешется — это к теплу, — простодушно ответил Бакыев под общий смех.

Как на грех, в этот момент Бакыев потянулся и ожесточенно поскреб спину. Смех перешел в громкий хохот. А Бакыев, не понимая, смущенно оглядывал собравшихся и густо краснел. Внезапно открылась дверь, и вошел здоровенный дедина, весь запорошенный снегом. За густой завесой табачного дыма не сразу разглядели, что это за человек, и узнали его только тогда, когда он снял с головы ушанку.

Это был Ораз Гельдыев, исхудалый, измученный долгим путешествием по бездорожной холодной пустыне. Он молча снял шубу, повесил на вешалку и сел на пододвинутый ему

кем-то стул. Потом расстегнул меховую куртку, вынул пла-ток, вытер таявший снег на бровях, усах и закурил.

— Я вижу, у вас тут весело,— глухо произнес Ораз.— Скот на ветру, в снегу, без корма, а вы тут сидите спокойно! Да как вы можете? Эх вы, хозяйева! Никто не приехал, не посмотрел, что там у нас делается...— Он в сердцах бросил потухшую папиросу и закурил другую.

Бакыев заерзал на стуле и спросил:

— Еще не падают овцы?

— Ну вот, он ждет, когда овцы подохнут, тогда он привезет им корм! Эх, Баки-ага, не будь тут Курбангозель, сказал бы я тебе словечко... Все соседи давно уже на ногах. Утром нынче три машины из «Искры» прошли мимо. А у нас только слюнки потекли. И по дороге сюда мне встречались машины с сеном, все думал — наши. Нет! Все чужие...

Бакыев сидел красный, бессмысленно моргал глазами.

* * *

Вскоре шесть грузовых машин подъехали к стогам сена, стоявшим возле животноводческой фермы. Сюда же колхозники привели полсотни верблюдов. Все стали дружно грузить.

Должно быть, чтобы загладить свою вину, Бакыев метался от машины к машине, от верблюда к верблюду, торопил всех и сам работал с таким усердием, какое бывает только на пожарах.

К двум часам ночи погрузка закончилась.

Ветер немного утих, и в разорванных тучах показалась луна.

Длинный караван машин и верблюдов, напутствуемый добрыми пожеланиями, вышел из аула в степь.

Ораз ехал впереди. Когда достигли песков, дорога стала значительно труднее. Моторы то и дело завывали на подъемах. Ораз с тревогой оглядывался.

Когда рассвело и из-за горизонта показалось багровое солнце, он встревожился: а ну как снег размякнет? Тогда уж совсем не доедешь!

Ветер усилился и обжигал лицо. Он дул с северо-востока, с холодной стороны, продувал открытый «газик», но Ораз не чувствовал холода. Его то и дело бросало в жар, когда за спиной у него вдруг усиленно начинали завывать моторы, преодолевая препятствия.

Обычно в степи Ораз зорко смотрел по сторонам, не бежит ли лиса или заяц, и редко возвращался домой без добычи. А тут он только оглядывался на машины. Охотничья страсть

не шелохнулась в нем, даже когда он увидел перед собой двух зайцев. Они подпустили его к себе так близко, что можно было попасть в них палкой, прижали уши и, подпрыгивая на пружинистых лапах, скрылись за холмом.

Добравшись до Маябатана, последняя машина крепко завязла в снегу. Шофер Сары, молодой парень, пытался вывести ее и не мог. Другой шофер хотел взять на буксир, но сам завяз.

Все бросились им на помощь, дружно толкали машины, подкладывали под колеса ветки саксаула.

— Надо разгружать, — сказал Ораз, — так мы не вытащим.

Шоферам не хотелось сбрасывать, а потом опять накладывать по три тонны груза на каждую машину, но другого выхода не было.

Ораз усердно работал сам и подбадривал других.

— Ничего! Это такое уж место... А выедем, все будет хорошо. Солнце пойдет на закат, снег подмерзнет, а за Оджарли-ой пойдут уже кустарники — черкез, кандым, там не страшно. Считай, что дома!..

Машины вытащили, нагрузили и снова двинулись в путь. И тут опять солнце задернулось тучами и пошел сухой снег. За Оджарли-ой, густо покрытого кустами саксаула, Ораз остановил машину и предложил шоферам отдохнуть и пообедать.

Быстро развели большой костер из сухих стволов саксаула, вскипятили чай, закусили, погрелись.

Ораз посматривал вдаль, где нетерпеливо поджидали его пастухи и подпаски, а главное — овцы. Корм у них, должно быть, кончился, думал он, а на ледяном ветру они уж и блеять не в силах, только молча смотрят кроткими глазами, не несут ли им корм.

Снова двинулись в путь. К ночи мороз крепче сковал снежный пласт. Ехать стало легче, и только во впадинах, занесенных рыхлым снегом, машины пробивались с большим трудом. Две уже старые, потрепанные машины Сары и Мергена дважды увязали в снегу, и дважды пришлось их разгружать и нагружать.

Бедняга Сары так измучился, что, когда последний раз перегружали его машину, он в изнеможении упал на снег и закрыл глаза.

Ораз подбежал к Сары.

— Иди ты лучше в кабину... Полежи, отдохни. Мы и без тебя управимся. Теперь уж недалеко до стана... Нам тяжело, а

овцам-то, мой ини¹, еще тяжелее. Они уж на ногах еле держатся и ждут нас, как голодные дети свою мать. Ведь скот-то наш, колхозный. Четырнадцать отар, и в каждой по тысяче голов.

Ораз метнулся к машине Сары. Сары встал, вытер рукавом пот со лба и тоже стал грузить.

На рассвете, когда солнце мутно забагровело в снежной дымке, все семь машин подъезжали к главному стану. На встречу им с радостным криком выбежали подпаски. Огромные овчарки с лаем заметались вокруг машин. Запорошенные снегом овцы в загоне, почуяв корм, нетерпеливо заблеяли.

— Ну как, все овцы целы? — высунувшись из кабины, еще издали крикнул Ораз.

— Все целы! — закричали подпаски. — Вчера вечером последний корм роздали! Как раз вовремя подоспели!

— Ну и хорошо! — повеселел Ораз. — Меред, готовь скорей обед! Видишь, гости приехали!..

* * *

Бакыев, пока нагружал машины, так устал, что едва добрал до кровати, накрывшись халатом, он сразу же крепко заснул. Проснулся он, когда уже рассвело. На улице по-прежнему шел снег и дул резкий ветер.

«А ну как они не доедут, застрянут в степи? — подумал он и живо представил себе, как бранят его уже не на партийном, а на общем собрании колхозников. — Вот дело-то будет! Хоть из аула беги!»

Он наскоро позавтракал и ушел на ферму. Весь день он ходил понурый, озабоченный.

Среди дня он зашел в правление колхоза, чтобы сказать счетоводу: «Ну и удружил ты мне!..» Но счетовод, поддерживая ладонью распухшую щеку, мрачно буркнул: «Овец, что ли, списывать пришел?» На что он только махнул рукой и вышел.

Бакыев вернулся с фермы поздним вечером, когда Сона-гюль-эдже уже переделала все свои дела и собиралась спать. Она молча поставила перед мужем обед, чай и, пока он ел, что-то шила, протяжно зевая. Убрав посуду, она отправилась спать.

Лег и Бакыев, но ему не спалось. Он прислушивался к свисту ветра в саду, и его все больше одолевала тоска и тревога.

¹ Ини — младший брат.

Он привставал, спускал ноги с кровати, нащупывал в темноте паширосы, чиркал спичкой и закуривал. Опять ложился и опять вставал и закуривал.

— И чего тебе не спится! — ворчала Сонагюль-эдже, ворочаясь с боку на бок. — Раньше надо было беспокоиться, а теперь чего уж...

— Э, много ты понимаешь! — с раздражением ворчал Бакыев. — Не суйся не в свои дела! Без тебя тошно.

Так они проворчали всю ночь, и оба встали сердитые, хмурые.

А после завтрака, как только Бакыев вышел на улицу, ему встретилась старая бабка, мать бригадира-хлопководы.

— Что слышно, Баки? — спросила она. — Доехали наши?

— Не знаю. Должно быть, доехали, — задумчиво ответил Бакыев и пошел на ферму.

И весь этот день, с кем бы он ни встретился, все его только и спрашивали: «Что слышно? Доехали наши?» У всех одна печаль, одна забота.

Сначала он отвечал спокойно, так же как и старой бабке, а потом его так доняли, что он только отмахивался и с раздражением говорил:

— Да я-то откуда знаю? Вот приедут, тогда и узнаете.

Перед заходом солнца он обошел хлев, конюшни, осмотрел все, разругал конюхов за то, что плохо убирают навоз в стойлах, и направился домой.

Снег крутился в полосах света, отбрасываемых окнами домов. Бакыев еле брел. Он устал за день, и ему мучительно хотелось спать.

Возле правления он встретил агронома.

— Ну как, Баки-ага, спина все чешется? — насмешливо спросил агроном.

— Тебе-то что? Если и чешется, так не твоя, а моя, — с раздражением ответил Бакыев и прошел мимо.

— Да ты не сердись, чудак! — крикнул ему вслед агроном. — Уж и пошутить нельзя... Не знаешь, доехали наши?

Бакыев не оглянулся и ничего не ответил, только ускорил шаг.

Домой он пришел злой, снял шапку, халат, бросил на диван и сел на кошму, ужинать. Сонагюль-эдже поставила перед ним пиалу, чайник, заботливо спросила:

— Что слышно? Доехали наши?

— Фу-ты! — уже в ярости закричал Бакыев, стукнув чайником по кошме. — Тебе мало того, что другие весь день меня донимают? Кого ни встретишь все «Доехали? Доеха-

ли?» И ты тоже. Сговорились, что ли? Дурацкий вопрос! Все с меня спрашивают! Хоть из дому не выходи!..

— Ну пусть будет так, как будто я и не спрашивала, — успокаивала его добрая Сонагюль-эдже, вполне понимавшая положение мужа. — Не сердись, сиди себе и пей чай, а я сейчас обед принесу.

Вернувшись, она покачала головой, увидев, что муж уже спит. Она на цыпочках пошла за одеялом, чтобы накрыть мужа. Предосторожность была напрасной. Бакыев так спал, что у него под самым ухом можно было палить из пушки и это его не потревожило бы.

Сонагюль-эдже убрала посуду, потушила огонь.

В полночь она проснулась от света фар в окне и тут же стала трясти мужа за плечо:

— Вставай, вставай! Едут!

Бакыев открыл глаза, сел.

— Что такое? Что случилось?

— Да из степи машины едут!

Бакыев вскочил, надел халат, папаху и выбежал на улицу. Мимо его дома проезжала последняя машина. Он кинулся к ней с криком:

— Стой!

Машина остановилась. Шофер приоткрыл кабину.

— Сары, это ты? Ну как, отвезли?

— Да, хорошо, вовремя доставили. И верблюды ночью пришли. Еще бы день-другой — пропали бы наши овцы.

Бакыев вздохнул с облегчением.

Подросток шофер хмуро смотрел из своей кабины на стоявшего в снегу заведующего фермой.

— Молодцы! А я-то за вас беспокоился! Ночь не спал, честное слово! Все меня спрашивают: доехали или нет? А я знаю?..

Бакыев с виноватым видом разводил руками. И этот безусый парнишка Сары наставительно сказал ему с высоты своего сиденья:

— Ну еще бы! Только знаешь, Бакы-ага, раньше надо было беспокоиться. Ты слышал пословицу: «У того зимой котел не закипит, у кого летом котелок не сварит»? — И Сары выразительно похлопал себя по макушке.

Бакыев хотел рассердиться, — мол, яйца курицу не учат, — но передумал. Он только усмехнулся, сказав этому юнцу:

— Ну вот, и ты уже меня учишь! Ладно, езжай отдыхай!

ПОДВИГ ПОЭТА

Рассказ

1

Два дня — второго и третьего мая тысяча девятьсот девятнадцатого года — на станции Равнина между Чарджоу и Мары шли кровопролитные бои. Англичане и белогвардейцы, выбитые незадолго перед тем из Чарджоу, пытались прорвать фронт, выйти к Амударье и снова захватить Чарджоу. Их было значительно больше, чем красноармейцев и рабочих, защищавших Равнину, и вооружены они были лучше, но красноармейцы и рабочие дрались с таким мужеством, что не только отбили все атаки противника, но скоро сами перешли в наступление и погнали разбитые беспорядочные банды белогвардейцев и англичан через Каракумы в сторону Мары. Уже шестнадцатого мая они с боем заняли станции Захмет и Курбан-Кала.

В этот день в Мары был большой базар. С раннего утра в город съехалось множество народу. Сначала все шло обычным порядком. Неподалеку от Мургаба на площади под ярким весенним солнцем пестрели товары, ревели ослы, блеяли бараны и огромная толпа зыбилась и шумела, как море.

Только английских офицеров и полицейских на базаре почему-то было больше обычного. Это сразу же заметили крестьяне, приехавшие из аулов, и насторожились. Но офицеры и полицейские шагали не торопясь, с обычной своей петушиной осанкой, и это успокаивало.

Солнце клонилось к западу, когда мимо базара галопом в облаке пыли проскакали семь индусских солдат во главе с английским офицером. Индусы держали винтовки поперек седел и усердно подгоняли потемневших от пота коней голыми, медными от загара коленками. Индусы, видимо, так спешили куда-то, что, не доехав до моста, вброд пересекли Мургаб и выехали на Зеленой базар.

— Это, должно быть, английский авангард, — почтительно глядя вслед индусам, сказал толстяк в белой кудрявой папахе и шелковом хивинском халате.

— Какой там авангард? Грабители!.. — проворчал другой, долговязый, бедно одетый крестьянин.

— А не все ли равно, что авангард, что грабители? — усмехнулся третий. — И те и другие одинаково тащат из наших аулов то баранов, то ячмень, то пшеницу.

— Э, да ведь этак мы и ахнуть не успеем, как тут начнется стрельба, — забеспокоился хромой старичок, приехавший продавать осла. — А начнут стрелять, никого не пожалеют. Надо скорее в аул убираться...

— Да неужели они не оставят нас в покое? — задумчиво проговорил почтенный седобородый старик, мрачным взглядом провожая индусов.

— Сами не уйдут, так их выгонят, — гневно сдвинув брови, сказал широкоплечий рослый парень с огромным ножом за поясом. — Говорят, этой ночью их самый главный начальник не выдержал жары в Курбан-Кала, сюда переехал и теперь уж отсюда будет руководить войной против нашего народа. Ну, да его и отсюда выгонят за горы, в Мешхед.

— Верно! И я это слышал, — подтвердил хромой старичок, — у нас в Пешанали поутру так же говорили. И будто бы его охраняют вот такие же голоногие, как эти...

Между тем английский офицер и семеро индусов миновали Зеленной базар и остановились возле двухэтажной кирпичной гостиницы с высокой зеленой крышей. Гостиница соединялась общим двором с чайханой «Ёлбарслы», стоявшей на берегу Мургаба, — приземистым глинобитным зданием с плоской крышей и вывеской, на которой был грубо намалеван лев, сжимавший меч правой лапой. По этой-то вывеске чайхана и называлась «Ёлбарслы», что значит «Со львом».

Офицер слез с коня и, торопливо хлопнув дверью, вошел в гостиницу, а индусы въехали во двор чайханы.

Рядом с гостиницей чайхана «Ёлбарслы» казалась очень невзрачной, а между тем она славилась на весь Марыйский оазис превосходным пити, жирным пловом, рубленым кебабом, румяным, сочным ишлекли¹ и хорошо заваренным зеленым чаем.

В дни гражданской войны она превратилась в столовую для многочисленных военных и штатских, останавливавшихся в гостинице. Но эти проезжие, всегда куда-то спешившие, не понимали всей ее прелести и не ценили ее так, как крестьяне окрестных аулов, для которых она была одновременно и рестораном, и клубом, и биржей.

¹ Ишлекли — пирог с мясом.

Посидеть, отдохнуть в «Ёлбарслы» среди многолюдного общества, попить чайку, послушать разговоры, поесть пяти крестьянскому люду, привыкшему к однообразной тихой жизни в аулах, казалось верхом кутежа и шика. Здесь встречались друзья и знакомые, здесь узнавали все новости, все несложные события сельской жизни, здесь совершались торговые сделки, под звон дутара пели известные на всю округу бахши. Иногда прославленные певцы и музыканты-виртуозы исполняли народные дестаны несколько дней подряд. А когда состязались испытанные шутники, сверкая остроумием, как саблями, здесь все дрожало от хохота. Но все стихало, когда приходил поэт Заман-шахир и, вскинув голову, начинал читать свои стихи.

Но верно говорит пословица: «Сладкое и горькое — близнецы». Так и здесь, в «Ёлбарслы», наряду с чистыми сердцем, доверчивыми, как дети, земледельцами бывали и пройдохи, воры, коварные обманщики, превращавшие иногда мирное веселье в скандал и драку. Завсегдатаями чайханы были и жадные полицейские. Эти подозрительно посматривали на всех и были озабочены только тем, как бы содрать с кого-нибудь штраф или взятку.

Весной тысяча девятьсот девятнадцатого года здесь стали появляться английские офицеры. Эти пришельцы с холодными глазами держались как хозяева, курили трубки, пили виски и буянили, размахивая пистолетами.

Особенно многолюдной бывала чайхана «Ёлбарслы» в базарные дни. Посетителей обычно встречал официант — кудрявый красавец лет тридцати, среднего роста, всегда веселый, ловкий, быстрый в движениях. Сколько бы ни набивалось народу, он как-то умудрялся всем угодить, всем подать вовремя — кому чай, кому чилим, кому обед, со всеми перекинуться шуткой. За расторопность и веселый нрав его звали Шаады¹, а настоящего его имени никто не знал. Чем больше собиралось народу, чем труднее было работать, тем веселее и живее становился Шаады, а когда затихала, пустела чайхана, казалось, что им овладевала тоскливая задумчивость и лень.

У Шаады была удивительная память. Стоило какому-нибудь крестьянину зайти в чайхану и в сутолоке наспех выпить чайник чаю, а потом появиться через полгода, Шаады встречал его уже как старого знакомого и безошибочно называл

¹ Шаады — веселый, ловкий.

по имени. Кроме того, Шаады был честным человеком. Он никогда не обманывал, не обсчитывал. Ему все доверяли. И потому нередко двое крестьян из дальних аулов, встретившись в чайхане и потолковав за чаем о своих делах, подзывали Шаады и один, показывая на другого, говорил:

— Вот этот человек — мой друг Мурад из Сакар-Чага... Сын того, знаешь, что прозвали Анна Дуэчи? Так вот, в следующий базарный день он привезет мне на шапку хорошую каракулевую шкурку. Ты уж возьми у него, спрячь, а я потом у тебя возьму.

— Хорошо! — кивал Шаады и аккуратно выполнял поручение.

С его помощью крестьяне передавали друг другу деньги, ковры, халаты, и никогда не бывало никаких недоразумений.

Но чаще всего услугами Шаады пользовались партизаны и члены подпольного комитета партии большевиков. Да они-то и внушили ему мысль бросить работу на железной дороге в Ашхабадском депо и поступить в «Ёлбарслы» официантом, хотя эта тяжелая, суебливая должность была совсем не по душе Шаады. Но, работая в чайхане, он отлично знал настроения крестьян, все новости, все события, происходившие в Мургабском оазисе, а это было очень важно для партизан и подпольного комитета. И оттого-то он был так расторопен и весел, когда теснился, шумел народ в чайхане и он, Шаады, выступал в роли разведчика. А когда затихала чайхана, он превращался снова только в официанта, вынужденного давать мелочной отчет своему тупому, раздутому от жира хозяину.

Когда во двор «Ёлбарслы» въехал английский офицер в сопровождении семерых индусов, Шаады нахмурился и сказал:

— Вот и еще прискакали!..

Крестьяне, сидевшие в чайхане, как по команде повернули головы к окнам, выходящим во двор, и с любопытством уставились на голоногих индусов.

Индусы спрыгнули с коней, привязали их в тени возле высокого глинобитного забора, присели на корточки и закурили. Минут пять они сидели неподвижно, как бронзовые истуканы, и только серые облачка клубились над ними.

Из гостиницы во двор торопливо вышла белокурая девушка с румяным лицом, в легком голубом платье и белом переднике, с удивлением взглянула на индусов, остановилась на минуту и что-то сказала им с простодушной улыбкой. Индусы не поняли ни слова и сначала тупо уставились на нее, по-

том один озорно подмигнул белокурой красавице, порывисто вытянул руку, как будто хотел схватить ее за подол, что-то крикнул, и все захохотали, раскрыв темные рты.

2

Шаады поднялся на второй этаж, прошел по тихому, пустынному коридору гостиницы, остановился у двери «главного», как в чайхане называли английского капитана Китса, и, согнувшись, приник к замочной скважине.

Капитан Китс, уже седеющий, но еще бравый мужчина в военной форме, сидел в мягком бархатном кресле и смотрел на рыжую карту Туркмении, лежавшую перед ним на столе. Справа от него на диване сидел офицер, только что приехавший в сопровождении индусов из Курбан-Кала. У окна, прислонившись к подоконнику, стояли адъютант капитана и чернобрый иранец-переводчик, совсем еще юноша — высокий, стройный, в конусообразной каракулевой черной шапочке. Все четверо угрюмо молчали.

Шаады живо вспомнил, как самоуверен и весел был этот капитан Китс, когда месяц назад проездом в Чарджоу останавливался на два дня в этой гостинице и в этом же номере. Заложив ногу за ногу, он вот так же сидел тогда в кресле, играл щегольской тросточкой, инкрустированной слоновой костью, насвистывал, как чиж, шутил с адъютантом и даже с Шаады, когда тот приносил ему обед или завтрак.

А теперь капитан был похож на картежника, проигравшего все свое состояние. Он похудел, потускнел, ссутулился. В тягостном молчании он уныло смотрел на карту и барабанил пальцами по подлокотникам кресла.

«Ну, теперь ты у нас не засидишься», — усмехнулся Шаады и, не отрываясь от скважины, постучал в дверь.

Он увидел, как сразу встрепенулись все четверо и словно надели на лица маски самоуверенности и беззаботной веселости.

Переводчик крикнул:

— Войдите!

Шаады вошел и молча поклонился капитану.

— А-а, Шаады!.. Хорошо, хорошо! Я есть надо, — сказал капитан Китс, коверкая туркменские слова, и, повернувшись к переводчику, спросил его уже по-английски: — Так я сказал?

Иранец улыбнулся и подобострастно закивал головой: — Так, так!..

И офицеру и адъютанту понравилась шутка капитана. Они тоже заулыбались.

Капитан сказал что-то иранцу, и тот перевел Шаады: — У капитана Китса сегодня гость, который привез ему с фронта хорошие вести. Капитан Китс хочет угостить его хорошим вином и хорошим туркменским обедом. Принеси плов, ишлекли, люля-кебаб — словом, все то, чем ты сам хотел бы угостить своего лучшего друга.

Шаады убежал на кухню, взял вино, обед и понес капитану. Он шел по двору, держа перед собой поднос с дымящимися блюдами, бутылками и виноградом.

Войдя в номер, он поставил на стол обед, вышел в коридор и в ожидании, не прикажет ли капитан принести еще что-нибудь, встал у окна, выходявшего во двор.

Во дворе, в тени у забора, рядом с конями, все так же сидели индусы и жевали жесткий хлеб с примесью джугары.

«Несчастные люди! — подумал Шаады. — Оторвали их от родного дома, угнали за тридевять земель на чужбину проливать свою кровь, а за что? Какая им польза?»

Переводчик крикнул Шаады, что он может войти и убрать посуду.

Шаады вошел. Все четверо дымили сигарами и были уже в неподдельно благодушном настроении. Обед всем понравился, и бутылки были пусты.

Не торопясь, Шаады стал собирать и укладывать посуду на поднос. Вдруг за окном послышался гул многоголосой толпы. Англичане и иранец встрепонулись, кинулись к окну.

— Шаады, узнайте, что случилось. Почему такой крик? И куда они бегут? — спросил иранец с беспокойством.

Шаады глянул в окно и спокойно сказал:

— Это слепой Заман-шахир идет в чайхану. Люди хотят послушать его стихи, вот и бегут за ним с базара.

И в самом деле, по улице к чайхане, опираясь на посох из корня кандыма и гордо вскинув голову, как все слепые, неторопливой, величавой походкой шел сухощавый человек лет пятидесяти, среднего роста, в полупелкувом халате и низкой каракулевой шапке, а за ним, на некотором расстоянии, следовала большая толпа.

— Шахир? Что такое шахир? — спросил капитан переводчика.

— Поэт, — ответил тот.

— Поэт? — усмехнулся капитан. — Туркменский Байрон!

Все засмеялись, кроме Шаады, который вспыхнул и мрачно посмотрел на стриженные затылки англичан.

— И что же, он тоже воспеваает любовь и свободу? — спросил капитан Шаады с помощью переводчика.

— Да, капитан, любовь и свободу, — твердо сказал Шаады.

— И народ любит его стихи?

— Да, капитан. Видите, как бегут за ним. Народ называет его еще и Заман-пайсах, Заман-мудрец. Он не только песня, но и разум и совесть народная... Разрешите идти, капитан?

— Иди! — сказал переводчик.

Шаады ловко подхватил поднос с посудой и бутылками и вышел.

3

— Туркменский Байрон! — веселился капитан Китс, уже без тревоги посматривая на шумную пеструю толпу рослых туркменов в кудрявых папах, спешивших в чайхану. — Это курьез! Этим можно будет потешить кое-кого в Лондоне.

— Или написать мемуары, а в них главу: «Моя встреча с туркменским Байроном», — засмеялся офицер, прискакавший из Курбан-Кала.

— Да, да, — живо подхватил капитан. — А почему бы и не написать мемуары? Ведь мы же участники важного исторического события: британский лев кладет свою мощную лапу на дикую, но великолепную страну с большими, еще не тронутыми природными богатствами. Здесь, в Средней Азии, можно нажить колоссальное состояние! Только скорее, скорее бы покончить с большевиками... Эх, если бы вооружить всю эту толпу дикарей, — капитан кивнул за окно, — и бросить на большевиков! Они ринулись бы на них на текинских конях и своими кривыми саблями рубили бы их, как капусту!.. Я слышал в Мешхеде — туркмены воинственный народ. Они не раз били войска иранских шахов и ханов, когда те пытались отнять у них плодородные земли.

— Они и сейчас отлично дрались под Курбан-Кала, — сказал офицер, — но, к сожалению, против нас.

— Да, да, это жалко, очень жалко, — согласился капитан. — А народ-то, смотрите, все бежит и бежит в чайхану. Этот Заман-шахир, должно быть, большая сила у них...

И капитан призадумался.

«А что, если эту силу пустить на пользу Британской империи? Не только жестокостью надо действовать! Надо привлечь этого шахира, польстить ему, наконец, дать денег...»

Чуть заметная улыбка пробежала по лицу капитана. Он вспомнил, как подкупал в Стамбуле и Тегеране редакторов, корреспондентов газет и с каким усердием они славили мудрую политику англичан.

«...и он поведет за собой народ против большевиков, и вся эта возня быстро кончится».

— Идите! — вдруг сказал он, вставая. — Я хочу послушать стихи слепого Байрона.

— В чайхану? — удивился и даже испугался адъютант.

— Да. И это не такое уж легкомыслие, как вы думаете. Индусы во дворе. У них винтовки, и мы не безоружные, — насмешливо сказал капитан и надел фуражку.

Под окнами чайханы и у раскрытых дверей стояла большая притихшая толпа туркмен. Тут были и старые, и малые. Все с напряженными лицами прислушивались к голосу Заман-шахира.

Увидев капитана, шагавшего в сопровождении свиты и семи индусов, народ молча расступился. Капитан вошел в душную, пропахшую луком и бараниной чайхану и остановился вместе с офицером, адъютантом и переводчиком возле двери. Индусы встали у них за спиной.

Капитан окинул взглядом помещение и удивился, как могла здесь сохраняться глубокая тишина при таком стечении народа.

Капитан стал рассматривать шахира с любопытством и вместе с тем с глухой враждой.

Заман-шахир стоял, опираясь большими костлявыми руками о стол и устремив вдаль затянутые белой пленкой большие глаза. Он читал стихи, как заклинание. А перед ним, как в гипнозе, не отрывая глаз от него, плотно прижавшись друг к другу, сидели на полу и стояли у стен туркмены всех возрастов.

Капитан не понимал ни слова, но в энергичном ритме стихов, в самом звучании голоса слепого поэта ему вдруг почудился стремительный топот копыт, блеск сабель и как бы надвигающаяся на него роковая, грозная сила. Ему вдруг стало жутко.

Заман-шахир кончил читать и, утирая платком вспотевшее лицо, опустил на стул. Люди сразу как бы очнулись. Послышались возгласы.

— Спасибо, Заман!..

— Да продлится жизнь твоя!..

— О чем он читал? — спросил капитан переводчика.

— О доблести русских и туркменских джигитов!

Капитан поморщился. Его уже начинала бесить дерзость этих дикарей и наглость слепца, который осмелился читать стихи в его присутствии и черт знает о чем.

— Сегодня же,— сказал он офицеру,— этот слепец прозреет у меня и будет славить английских воинов.

Капитан увидел в толпе Шаады, кивнул ему, подозвал к себе и сказал с помощью переводчика:

— Передай мой дружеский привет поэту! Скажи, что я с большим удовольствием слушал его стихи и еще хочу послушать про любовь и свободу. И дай ему вот это...

Он величественно протянул Шаады пачку бумажных денег.

Шаады подошел к Заман-шахиру, сухо и точно передал слова капитана и положил деньги на стол.

Заман-шахир сдвинул брови, и вдруг тонкая усмешка пробежала по его губам. Он встал, приложил руки к сердцу и поклонился, но не в сторону капитана, а прямо перед собой — Шаады и народу. При этом он так неловко взмахнул руками, что смел полой халата деньги на пол. Кто-то поспешно поднял их и положил на край стола. Так они там и остались лежать.

Заман-шахир выпрямился, вскинул голову и стал читать стихи о любви к истерзанной Туркмении.

Он читал так выразительно, что даже иранец-переводчик почувствовал, что у него есть сердце, которое может сжиматься от скорбных дум о родине, об Иране, в сущности таком же несчастном, как и Туркмения.

И опять чайхана замерла в глубокой тишине.

Как только Заман-шахир кончил читать, иранец подошел к нему и после обычных восточных приветствий сказал, что капитан Китс приглашает его к себе в гостиницу, хочет угостить обедом и побеседовать.

— Спасибо, но я уже обедал,— спокойно сказал Заман-шахир,— а побеседовать...

Он встал. Кто-то подал ему палку, и он пошел следом за иранцем.

Когда капитан подошел к гостинице в сопровождении свиты, к нему подскакал офицер на взмыленном коне и доложил, что фронт прорван, войска отступают и капитану надо уезжать из Мары.

— Хорошо,— сквозь зубы пробормотал капитан и приказал иранцу и индусам: — Отведите этого слепца в мой салон-вагон. Я сейчас приду.

Солнце село. Город быстро погружался во тьму, отчего суматоха на улицах казалась еще грозней и тревожней.

Заман-шахир, опираясь на посох и высоко держа голову, неторопливо шел в кольцо индусов, а за ним следовала толпа крестьян.

Путь к железной дороге, к поезду капитана Кйтса, лежал через Зеленной базар. Там еще был народ, торговцы убирали товары и закрывали свои палатки.

Увидев Заман-шахира, окруженного голоногими индусами с винтовками в руках, люди забеспокоились:

— Куда это его ведут?

— В гости к английскому капитану, — ответил кто-то.

— Э, да ведь лучше идти в гости к голодному волку!..

— Да что же это мы разинули рты? Или ножей у нас нет? — послышался из толпы чей-то молодой, взволнованный голос.

— Э, ножей! — с досадой сказал старик в высокой папахе. — Что ты сделаешь ножами против винтовок? Не видишь, что ли, — вон их сколько...

И в самом деле, возле поезда с освещенными окнами, задернутыми шторами, стояло не меньше полусотни английских солдат с винтовками.

— Эх, если бы тут был Атчапар! — вздохнул кто-то. — Он не дал бы в обиду такого человека, как Заман-шахир. И где он гуляет со своими партизанами?

— Э, где, где! — сердито проворчал все тот же старик в высокой папахе. — Там, откуда бегут сейчас белые.

Эти вздохи и возгласы долетали до ушей иранца. У него каждый раз судорожно сводило лопатки и холод пробежал по спине. Он думал только об одном: «Скорее, скорее бы дойти до вагона!»

Но вот он взбежал на железнодорожное полотно, почувствовал себя в безопасности и вежливо пропустил в вагон Заман-шахира. Тот поднялся по ступенькам и у самой двери повернулся к толпе.

— Заман-шахир! — во всю силу легких крикнул Шаады из толпы. — Помни, душа народа не птица, в клетку ее не посадишь! Народ всегда с тобой и никогда тебя не забудет!

Это, видимо, глубоко тронуло Заман-шахира. Он снял шапку и замахал ею, приветствуя друзей.

Послышались крики:

— Заман!.. Заман-шахир!..

Иранец приказал солдатам разогнать толпу, а сам быстро взбежал по ступенькам, оттеснил Заман-шахира внутрь вагона и захлопнул дверь.

Солдаты с винтовками наперевес двинулись вперед. Толпа отступила на несколько шагов и застыла в напряженном мрачном молчании.

Подъехал капитан в сопровождении адъютанта и десятка английских солдат, слез с коня и скрылся в вагоне. Адъютант и двое солдат внесли следом за ним его щегольские чемоданы. Поезд тронулся.

5

Переводчик ввел Заман-шахира в купе и закрыл дверь, оставив его одного.

«Ну вот, вели в гости, а привели, кажется, в клетку», — с горькой усмешкой подумал Заман-шахир.

Он постоял некоторое время посреди купе, прислушиваясь к торопливым шагам в коридоре, потом нащупал мягкий диван и сел, по-туркменски скрестив ноги.

Он провел ладонью по гладкой стене вагона, по холодным металлическим крючкам и пластинкам, по бархатной шторе, прикрывавшей окно. Все вокруг было чужое, ненужное ему, и острое чувство тоски, одиночества сжало его сердце.

Куда и зачем его везут? Оторвали от дома, бросили в неизвестность.

Он лег на диван и хотел заснуть, но вдруг вспомнил, что обещал прийти завтра утром в Гокча к своим друзьям, порадовать их свежими новостями с фронта и своими новыми стихами. Завтра весь день они будут смотреть на дорогу и беспокоиться: что с ним? Почему не идет? А он не придет ни завтра, ни послезавтра.

«Да уж не последняя ли это моя ночь? Придется ли мне еще когда-нибудь побывать в родном ауле и в Мары, попить чайку в «Ёлбарслы», перекинуться шуткой с Шаады?.. Ах, как хорошо он сказал: «Душа народа не птица, в клетку ее не посадишь!» Эти слова так и просятся в песню, в стихи...»

Однообразно стучали колеса, вагон покачивался, и это убаюкивало Заман-шахира, уставшего за день. Он задремал.

Поезд был уже на полпути между Мары и Тедженом, когда в купе вошел переводчик и сказал, что капитан Китс хочет побеседовать с ним.

Заман-шахир встал. Когда они вошли в салон капитана, иранец взял поэта за локоть, усадил за стол в мягкое кресло и сказал:

— Кроме меня, переводчика, и капитана Китса, который сидит прямо перед вами, здесь нет никого, и вы можете говорить со всей откровенностью. Капитан наш хороший, добрый, образованный человек. Он много лет жил в Турции, в Иране, но Туркмения ему больше пришлась по душе. Он любит туркмен за трудолюбие, воинственность, честность, любит поэзию, и к вам, к туркменскому поэту, он особенно расположен. Поэтому можете говорить с ним как с другом.

— Разговор с другом — радость сердца, — сказал Заман-шахир и склонил голову, как бы благодаря капитана и переводчика за доброе отношение.

И тут, совсем близко от себя, он услышал веселый голос капитана, звон сдвигаемых бокалов и бульканье душистого вина.

— Капитан Китс предлагает вам выпить за дружбу, — сказал переводчик.

— О нет! Я не пью, ничего не пью, кроме зеленого чая!

— Так вы лишаете себя лучшего наслаждения в жизни! — засмеялся уже подвыпивший капитан. Он говорил, а иранец быстро переводил, как автомат. — На Востоке я слышал пословицу: «Вино зиму души превращает в весну». У вас нет такой пословицы?

— Нет, у нас другие пословицы. Весна нашей души не в вине, а в другом.

— В чем же?

— В свободе и счастье народа. Я это говорю вам открыто, как другу.

И тонкая усмешка пробежала по губам Заман-шахира.

— Так и надо говорить! — весело воскликнул капитан, не заметивший усмешку поэта. — И я с вами буду совершенно откровенен. Вы, туркмены, ищете свое счастье не там, где оно лежит. Скажите, зачем вам русские?

— У нас есть пословица: «У кого гора за спиной, у того и сердце из кремня». Россия — наша опора.

— Но какая же опора Россия? Какое же счастье может она вам дать, когда она сама в крови и в лохмотьях? Она и раньше была нищей, а теперь и совсем гола, как босьяк. Чем она вам может помочь? Ей самой нечего есть. Посмотрите на красноармейцев. Они же, как тени, почернели, иссохли от голода. В них и стрелять уж не надо. Они сами падают, их косит сыпной тиф. А наши солдаты...

— Знаю, ваши сыты, одеты, хорошо вооружены, и все-таки они оставили Равнину, а сегодня, говорят, оставили и Курбан-Кала.

Капитан нервно дернул головой и засмеялся:

— Ха-ха! Сразу видно, что вы поэт, а не воин. Слушайте, дорогой шахир, когда хотят поймать и уничтожить мышь, ставят мышеловку, открывают дверцу, мышь входит, и дверца захлопывается. Так и мы для них нарочно приоткрыли дверцу под Равниной в мышеловку, а завтра дверца захлопнется. Я выдаю вам свой секрет и надеюсь, что это останется между нами.

Губы Заман-шахира чуть дрогнули. Но он ничего не сказал.

Капитан, выпив залпом бокал вина, продолжал:

— Я понимаю вас. Вы, туркмены, любите свободу, вольный простор, вам нужны деньги, капитал, чтобы вытащить народ из нищеты. Свободу и золото вам может дать только Британская империя, потому что она сама когда-то собственной кровью и первая в Европе добыла себе свободу и стала мощной, богатой страной. Она все может дать. Этого не понимают большевики, но это превосходно поняло ваше кокандское правительство и еще год назад заключило договор в Мешхеде с нашим консулом Макертоном о дружбе и помощи. Мы, англичане, обязались снабжать ваше правительство оружием, деньгами, солдатами, а ваше правительство обязалось предоставить нам весь Туркестан на пятьдесят пять лет. Вы слышали об этом?

— Слышал. Все это знают, оттого-то...

— ...и идет эта глупая война, — быстро досказал капитан за Заман-шахира. — Уж не думаете ли вы, что мы сами домогались этого? Нет, нисколько! Зачем нам еще и Туркестан, когда у нас есть Индия, Канада? И Афганистан, Иран, Турция тоже под нашим влиянием. Для нас Туркестан только лишняя обуза. Но нас просили помочь, и наша великая империя не может оставаться равнодушной, когда несчастные народы вызывают о помощи. Она протягивает вам руки помощи, как протянула когда-то Индии, Ирану. Индия давно бы выродилась, вымерла от голода, а сейчас она цветет под покровительством Британской империи. Спросите наших индусских солдат, или вот перед вами мой переводчик-иранец. Он вам скажет, если хотите, как он себя чувствует на службе у нас. Отлично! Ведь правда же, Маметхан? И вот представьте себе, дорогой мой шахир: кончится война, сюда, в Туркмению, к вам приедут наши деловые люди с капиталом, с машинами, знаниями, покроют страну сетью каналов, оросят ваши золотые, плодородные земли, ведь вода — ваша жизнь, это главное, будут добывать нефть возле Каспийского моря, разраба-

тивать другие природные богатства, и к вам неизбежно сама собой придет свобода и счастье. Видите, какие прекрасные перспективы раскрываются перед вами, перед вашим народом?

— Я слепой,— горько усмехнулся Заман-шахир,— и ничего не вижу.

Капитан пристально посмотрел на него, на его белые глаза и не понял — сказал ли он это с иронией или искренне сожалел о том, что слеп.

— Давно вы ослепли? — спросил он.

— Давно, когда мне было лет шестнадцать.

— От трахомы?

— Не знаю, от чего, но ослеп.

— Ну вот, вы слепнете и сами не знаете от чего. А если бы у вас были такие врачи, как у нас в Англии, вы и теперь бы любовались солнцем, голубым небом, красотой цветов и женщин. Ваш поэтический дар возрос бы неимоверно... Я слышал, у вас много слепых, слепнут дети. Это ужасно! Как можно относиться равнодушно к такому народному бедствию? Уверяю вас, все это скоро кончится. Туркмены будут здоровы и счастливы. Только надо, чтобы скорее кончилась эта кровавая бессмыслица. Русские убивают русских, туркмены туркменов. Разве это не огорчает вас?

Заман-шахир сидел опустив голову, задумчиво гладил ручки кресла и молчал.

— Слушайте, поэт, сегодня я сам своими глазами видел, что ваше слово, слово поэта — великая сила, оно гипнотизирует людей. Если вы хотите сделать доброе дело, достаточно будет одного вашего слова... И вы, поэт, будете у нас в великом почете, богатстве и славе. Мы умеем ценить заслуги людей, и вы будете жить лучше, чем эмир бухарский. Все равно по мешхедскому договору Туркестан уже наш, этого изменить невозможно. Так зачем же зря кровь проливать? Помогите нам сделать доброе дело для вашего народа. Сочините стихи, ну хотя бы о том, как хорошо, как мирно живут индусы, иранцы под покровительством Англии и какой ужас, какая нищета ждет туркмен, если победят большевики. Их надо остановить!.. И читайте, читайте эти стихи на всех перекрестках, во всех чайханах и аулах! Закипит кровь в сердцах ваших джигитов. Они сядут на своих превосходных коней, мы дадим им сабли, винтовки, и война быстро кончится. Наступит мир и радость. Верно я говорю?

Заман-шахир сидел все в той же позе спокойной задумчивости и молчал.

Капитан принял это спокойствие и молчание за знак полного согласия и обрадовался.

— Попробуйте сейчас! А? В самом деле. Пойдите к себе в купе и сочините так, чтобы сердце горело. А вот остановится поезд в Теджене, вы и прочтете свои новые стихи народу. Я уверен, что вы это сделаете от души, и завтра же мы вас отправим обратно в Мары, чтобы вы там ближе к фронту могли продолжать свое прекрасное дело. Вы умный человек, и мы, конечно, не будем с вами ссориться. Проводите поэта в его купе, — приказал он переводчику.

Капитан был доволен собой, своим дипломатическим талантом. Как только вышли из салона переводчик и Заман-шахир, он откинулся на спинку кресла и устало закрыл глаза. Сейчас же перед ним ясно встало неподвижное, строгое лицо Заман-шахира с большими глазами, задернутыми непроницаемыми белыми пленками, и он с неприятным чувством подумал: «А все-таки этот безглазый слепец такой же таинственный, как и весь Восток. Он не так прост, как я думал».

6

Заман-шахир опять один, скрестив ноги, сидел в купе на мягком диване и, сдвинув брови, напряженно думал.

Он вспомнил угрозу: «Мы, конечно, не будем с вами ссориться» — и подумал: «Да, моя ссора с этим зверем — моя смерть».

И опять его охватило острое чувство одиночества.

Скоро в салоне все затихло, и Заман-шахир, переборов тоску, стал сочинять стихи.

Поезд подходил к Теджену, когда переводчик открыл дверь купе и сказал:

— Капитан Китс спрашивает — готовы ли ваши стихи?

— Да, готовы, — спокойно ответил Заман-шахир, встал и пошел за переводчиком в салон к капитану.

Капитан по-прежнему сидел за столом в кресле. Он испытующе посмотрел на Заман-шахира, когда тот вошел в салон. Он не заметил ни малейшего волнения ни в лице, ни в движениях шахира. Лицо было все такое же строгое, спокойное и движения неторопливые, уверенные. Капитан счел это хорошим признаком.

«Значит, не хочет со мной ссориться. Впрочем, этого и надо было ожидать. Все жаждут славы и почестей, и зрячие и слепые, все хотят жить, как эмир бухарский. Это я хорошо ему сказал»

— Будем стихи читать, дорогой шахир? Мы уже подъезжаем к Теджену, — сказал он и вежливо попросил Заман-шахира присесть на диван.

В окнах замелькали огни станции. Поезд остановился. Захлопали двери, зашаркали ноги в коридоре.

Заман-шахир прислушался к крику за окном и сразу понял, что это согнали крестьян из аулов грузить у них же отобранный ячмень, пшеницу в английские вагоны. Кого-то били, кто-то громко ругался. Где-то истошно с рыданием кричала женщина-туркменка: английский солдат сорвал с нее золотые и серебряные украшения с разноцветными камнями.

«Зачем она здесь? Кто ее сюда притащил?» — с негодованием подумал Заман-шахир, нащупывая свою палку и порываясь встать.

В это время солдаты втащили в салон туркменские седла с серебряными украшениями, пендинские, эрсаринские, текинские ковры.

Капитан посмотрел на пламенеющие узоры ковров, улыбнулся и пожал плечами: «Удивительно, как могли эти дикари создать такое великолепие, такие шедевры? Откуда у них такой тонкий вкус, такое чувство красоты? Это будет превосходным украшением моего кабинета в восточном стиле. Будет чем похвастаться в Лондоне».

— Соберите народ вот сюда, под окно, — приказал он солдатам.

Переводчик подвел Заман-шахира к окну, отдернул штору и опустил стекло. В лицо шахира пахнул степной свежий ветер, ударил в уши разноголосый крик толпы, с изумлением увидавшей в вагоне англичан Заман-шахира с белыми глазами.

Заман-шахир спокойно вытянул руку, призывая к тишине, вскинул голову и звучным, твердым голосом стал читать свои новые стихи.

Капитан слушал, сидя в кресле, положив ногу на ногу, крутя в руках инкрустированную трость, и пристально наблюдал за шахиром. Он понимал только отдельные слова: «Индия», «Иран», «Афганистан», часто повторяющееся слово «большевик», которое, как показалось капитану, слепой, но теперь уже, видимо, прозревший поэт произносил с особенной яростью.

«Молодец! — радовался капитан. — Все-таки послушался, сочинил по тому плану, как я ему сказал. Сначала о расцвете

Индии, Ирана под владычеством нашим, а потом об этом ужасе большевиков».

В тщеславном восторге он перевел глаза на переводчика и удивился — почему тот так таращит глаза и бледнеет?

А переводчик вдруг грубо оттолкнул Заман-шахира от окна, быстро поднял стекло и задернул штору. За окном раздался бурный восторженный вопль толпы:

— Заман!.. Заман-шахир!.. Да продлятся дни твои!..

Капитан вскочил, как встревоженный зверь, злобно спросил переводчика:

— О чем он читал?

В это время поезд дрогнул и застучал колесами. Двинулась и толпа за окнами. Она шла рядом с вагоном и радостно и горестно кричала:

— Заман! Заман-шахир!..

— Этот негодяй, — сказал переводчик, — читал о рабстве и нищете Востока под владычеством Британской империи и славил большевиков, которые будто бы несут всем народам свободу и счастье.

— Так почему же вы сразу не остановили его?

— Да я... я просто растерялся от такой наглости!

— Э!

Капитан презрительно посмотрел на иранца, побелевшего от страха, и устремил свинцовый взгляд на Заман-шахира. Тот стоял возле окна и ждал смерти.

Капитану захотелось с размаха ударить тростью по этому неподвижному лицу с загадочными белыми глазами, но он удержался и приказал:

— Пристрелить и выбросить!

Переводчик нажал на стене кнопку. Вошли два индуса: один — молодой, новобранец, лет двадцати двух, другой — постарше, лет тридцати восьми.

Иранец повторил приказ капитана.

Индус-новобранец глянул на суровое, как бы окаменевшее лицо поэта, и вдруг острая боль сжала его сердце. Он вспомнил отца, которого чем-то очень напоминал этот человек. Отец его, бедный старик, не мог уже работать, и его единственному сыну, вот этому самому новобранцу, чтоб не умерли с голода отец, мать и сестры, пришлось продаться в английскую армию.

Индусы схватили за руки Заман-шахира и провели на площадку вагона. Открыли дверь. Ворвался упругий ветер. Заман-шахира поставили на край тамбура лицом в почную степь.

Индус-новобранец положил сзади руку ему на плечо. Другой — постарше — расстегивал кобуру пистолета. Когда он щелкнул, взводя курок, новобранец со всей силой толкнул Заман-шахира.

Заман-шахир, пролетев по воздуху, ударился о песок железнодорожной насыпи и кубарем покатился куда-то вниз. Вслед провизжала запоздалая пуля.

7

Через неделю, двадцать третьего мая, вечером возле чайханы собралось множество народу — старики, молодежь, а в чайхане сидели на полу и стояли у стен люди с винтовками и саблями, с пулеметными лентами. Утром они выбили англичан и белогвардейцев из Мары и теперь веселились, отдыхая в чайхане.

Возле буфетной стойки стоял Щаады. Его роль официанта кончилась. Он был теперь в гимнастерке, с красной звездой на папахе и под хохот всей чайханы рассказывал, как капитан Китс хотел сделать Заман-шахира певцом Британской империи.

Заман-шахир, покачивая головой, улыбался.

— Заман-шахир! Прочти, прочти эти стихи! — закричал народ и в чайхане и на улице.

Заман-шахир встал и прочитал стихи, которые уже многие знали наизусть.

К СВАДЬБЕ

Рассказ

Хангельды наскоро пообедал, побрился и стал переодеваться.

«Опять уходит, — подумала Бике-эдже, — так я с ним о деле никогда и не поговорю. Полгода, как вернулся домой, а я его почти не вижу...»

— Хангельды, ты опять уходишь? — спросила она беспокойно.

— А что?

— Так... — упавшим голосом ответила Бике-эдже. — Я думала, ты... Да ничего...

Обычно, когда Хангельды одевался, Бике-эдже уходила в свою комнату. Но сегодня она осталась. Пристально вглядывалась в лицо сына, будто впервые его видела. Ей не терпелось затеять тот разговор, к которому она давно стремилась.

Сын вырос, стал стройным, как трехлетний тополь. Глядя на него, Бике-эдже невольно вспомнила мужа. Стала сравнивать отца и сына: те же широкие плечи, тот же слегка выдвинутый вперед подбородок. «Весь в отца, — мелькнуло у нее. — Только вот глаза мои — карие, отец-то черноглазый был... Но не было у отца такой шелковой рубашки, не знал он, что такое туфли. Носил старый чекмень¹ с чужого плеча да рваные чарыки...» Тяжелый вздох вырвался из ее груди, а из глаз покатались слезы.

— Мама, что с тобой? — удивился Хангельды.

— Как вспомню его, так слезы душат...

— Слезами не воскресишь, — понял сын, что речь идет об отце.

Момент для разговора был подходящий, и Бике-эдже решила им воспользоваться.

— Что правда, то правда, сынок! Сиротливо живу... Женится бы ты... Приведи невесту. А там внучата пойдут — вот

¹ Чекмень — национальный халат из верблюжьей шерсти.

мне, старухе, и утеха. — Глаза ее посветлели, морщины разгладились, она словно помолодела.

Такого оборота дела Хангельды не ожидал, хотя не раз думал о женитьбе. «Оказывается, вот почему мать последнее время вздыхает! — подумал он. — Раз завела такой разговор, наверно, и невеста на примете есть...»

— Дитя мое, — продолжала Бике-эдже, скрестив руки на груди, — недаром в народе говорят: «Всякому овощу — свое время». Пспела вахарман¹ — ешь!.. Перспела — выбрось... Так и ты — женись, пока не состарился!..

— До старости мне еще далеко... — Он лукаво прищурился.

— За такого красавца любая не только пойдет, но и побежит, — продолжала мать. — Да ты не смейся... вприпрыжку побежит... Вон сын Огсолтан женился. И какая у него жена! Ничего не скажешь... И сам он уважаемый в колхозе человек, но ты зоотехник, твоя должность выше, чем у него! Мне все говорят: «В счастливый час приехал твой сын: коровы больше молока стали давать, с кормами дело налаживается... Быть нам теперь и с мясом, и с маслом». Я людям верю, они вратъ не будут...

— Ой, мама, — рассмеялся Хангельды, — зря ты меня расхваливаешь... Ничего особенного я еще не сделал... Ну, а насчет невесты, — он понизил голос, — думаешь, найдем?

Приблизившись к сыну, Бике-эдже полупшепотом ответила:

— Ты мне только скажи: мол, вот эта... остальное я устрою... Мигом устрою...

— Да одна тут есть на примете, — будто невзначай сказал Хангельды.

— Неужели?! — обрадовалась Бике-эдже. — Кто она, сынок?

— Угадай!

— Скажи, сынок, скажи!.. — Бике-эдже, не спуская с него глаз, стала перечислять: — Джерен? Гозель? Огульболды? Бибиджамал?.. А может быть, дочка мираба? Как ее зовут-то?.. Совсем запамятовала, старая. А может быть, дочка Карли-аги?

Бике-эдже загнула пальцы на обеих руках, но сын отрицательно качал головой.

— Вах, старая, совсем рассудок потеряла! — воскликнула Бике-эдже, схватившись за голову. — Да как же я про нее-то

¹ Вахарман — сорт дыни.

забыла... Про самую достойную... Такой по всему Мургабу не найти — лицом она светлая, как молодая луна, а глаза...

Не дожидаясь, когда мать перечислит все достоинства предполагаемой невесты, Хангельды перебил ее:

— Кто это такая?

— Вах, иль не знаешь? — спросила Бике-эдже. — Марал!.. Марал-джан!..

Смутился Хангельды. Краска залила его лицо. Состояние сына не укрылось от зорких материнских глаз. Бике-эдже торжествовала.

— Ой, опаздываю на ферму! — вскрикнул он, посмотрев на часы. — Ну, я пошел.

Бике-эдже улыбнулась:

— От матери не скроешь... нет, не скроешь! Сердце матери не обманешь...

Едва захлопнулась калитка, Бике-эдже взяла веник и стала мести, будто вот-вот должны прийти гости. Вскоре в комнатах, вокруг дома было подметено, полито водой, и она, умиротворенная, села пить чай.

Не успела она взять пиалу, как появился Пирли.

— Кхе, кхе!.. — откашлялся он у порога. — Жива, здорова?..

— Слава аллаху! — отозвалась она. — Здорова. А как ты? Как семья? Заходи.

Он снял сапоги и грузно опустился на кошму. Бике-эдже подала подушку, чайник, пиалу.

Пирли — младший брат Бике-эдже. Головастый, рябой, с длинными, почти до колен, руками, с красными, навывкате глазами, он с детских лет был неприятен ей... Еще маленьким его прозвали Пирли Котуром (Рябым). С тех пор все село, в том числе и сестра, звали его таким обидным именем.

Отношения сестры и брата нельзя было назвать сердечными. С самого того дня, как Бике-эдже вышла замуж, Пирли Котур ни разу не был у сестры. Не ходила и она к нему. Встретятся на улице, поздороваются — и все, будто чужие.

Но вот как-то в правлении председатель колхоза сказал:

— Молодец, Бике-эдже, хорошего сына воспитала. Вот смотрите. — Он развернул письмо. — Директор института сообщает, что Хангельды успешно сдает государственные экзамены и наша просьба прислать его на работу в колхоз будет удовлетворена.

На следующий день Пирли Котур был у Бике-эдже. Пришел веселый, добрый. Таким она его никогда не видела.

— Так; так, дорогая сестра, — сказал он после того, как

оглядел все ее хозяйство. — Домик неплохой тебе колхоз построил, но подремонтировать его надо к приезду сына. А?

— Да где уж мне ремонтировать сейчас!.. — ответила Бике-эдже.

— Нужны деньги? — промямлил Пирли Котур. — Ты у меня единственная сестра. Я всегда рад тебе помочь!

Вскоре дом был отремонтирован. «Племянник-то теперь городской парень!» — отвечал Пирли Котур, когда Бике-эдже пыталась отговорить его от больших затрат.

— Когда я теперь с тобой расплачусь? — сокрушалась Бике-эдже.

— Мне не к спеху! — отвечал Пирли Котур. — Свои люди — сочтемся.

Как только Хангельды приехал и стал работать, посещения Пирли Котура участились.

— А я тут мимоходом к тебе, сестра, — оправдывался он каждый раз. — Думаю, может, Хангельды дома. Но раз его нет, я с тобой посижу. А с ним-то мы каждый день видимся... Да, тут я вот маслица захватил... Корми племянника, а то видишь, какой он костлявый... Ха, ха!.. Не в меня.

«Чего ему надо? — каждый раз неприязненно думала Бике-эдже. — Всегда приходит, когда Хальгельды дома нет! Что бы это значило?..»

Пока Бике-эдже пыталась проникнуть в мысли Пирли Котура, он допил пиалу чая и спросил:

— Хангельды ушел?

— Только что... Он нужен тебе?

— Я хотел с ним посоветоваться. Ну, да на нет и суда нет.

Пирли, озираясь, потрогал сверток, лежащий перед ним. В свертке оказались две каракулевые шкурки невиданной красоты. Пирли Котур взял одну из них, растянул ее на кошке, провел ладонью по завиткам и, встряхивая, поднял. Желто-коричневые завитки в лучах заходящего солнца блестели и переливались, как стружки червонного золота. Бике-эдже много раз слышала, что бывают смушки удивительного цвета и называются они «сур», но никогда за свои шестьдесят с лишним лет не видела их.

— Возьми! — Пирли Котур бросил шкурку сестре.

Бике-эдже бережно подняла ее и приложила к щеке.

— Вах, мягче бархата!..

Криво улыбнувшись, Пирли Котур равнодушно поднял вторую шкурку. Она оказалась лучше первой. Бике-эдже не могла оторвать взгляда. У нее заслезились глаза. И эту шкурку

Пирли Котур так же небрежно бросил сестре, когда наслаждался ее восторгом...

— К свадьбе подарок! Вот Хангельды обрадуется...

— Что ты там шепчешь? — проговорил Пирли Котур.

— Говорю, твой подарок в самый раз, к свадьбе...

— Он жениться собрался? — воскликнул Пирли Котур. — Пора, пора. А кто невеста? Ага, Марал? Что ж, лучшего выбора я бы сыну своему не хотел. Тогда, сестра, давай посмотрим, куда приведешь невестку.

Первую и вторую комнаты Пирли Котур не удостоил вниманием. В третьей остановился.

— Ну что ж, неплохо! Пол и потолок под масло. Хорошо, что я посоветовал купить никелированную кровать. Видишь, пригодилась. Так... А письменный стол и эту этажерку с книгами надо перенести в другую комнату, а сюда не мешало бы шкафчик зеркальный.

— Да зеркало-то у нас есть! — напомнила Бике-эдже.

— Ах, да! То самое, что я из Мары привез?

— Большое спасибо, без твоей помощи ничего бы у нас не было...

— Не стоит благодарности. Рассчитаемся. Племянник-то теперь большой человек... И ковер в самый раз, как по заказу...

— Ой, дорогой Пирли! — смутилась Бике-эдже. — Ты прости, что я постелила. Ведь я не спросила: ты его дал украсить комнату Хангельды или на сохранение?

— Откуда ты взяла, — недобро сверкнул глазами Пирли Котур, — чтобы я носил свои вещи на сохранение другим. У меня у самого два дома. Места хватит.

— Значит, ты его подарил Хангельды! — обрадовалась Бике-эдже.

— И не думал.

Бике-эдже испуганно переводила глаза с ковра на Пирли Котура и ничего не понимала.

— Это он сам заработал... а дядя был вроде носильщика... Понятно?..

Никогда не слышала Бике-эдже от Хангельды, что он купил ковер.

— Как же так?.. — нерешительно начала она. — Хангельды ничего мне не говорил...

— Не веришь? — гаркнул Пирли, вылупив совиные глаза. — Может быть, это... это ты заработала?.. Ха, ха! Ну, твое дело старушечье: сиди дома, ешь, что другие принесут. А в мужские дела... ни-ни... Слышишь?

— А я... и не вмешиваюсь.

— То-то же... — ухмыльнулся Пирли Котур. — А шкурки спрячь подальше от постороннего взгляда... — Он помолчал и добавил: — Украсть могут!..

— А сколько они стоят? Чтоб я могла сказать Хангельды. Пирли Котур рассмеялся пуще прежнего. Его толстое брюхо затряслось, как бурдюк с чалом.

— Дура ты... Где ты возьмешь такие деньги?... Тут каждый завиток стоит рубль золотом, а шкурка — целый хурджуш. В старину ханы, беки взвешают такую шкурку и в десять, двадцать раз больше золота дают. И то не всегда находили... Это мой подарок к свадьбе...

— Ой, спасибо, добрый Пирли, век не забуду!

— Дура, право, дура... — промычал Пирли Котур и, переваливаясь с ноги на ногу, вышел из комнаты, мурлыча что-то под нос.

* * *

Хангельды прошел через поле и не заметил, что хлопчатник стоит выше колен и густо покрылся бутонами; миновал магистральный канал, в котором любил купаться, и не обратил внимания, как сегодня много в нем воды. Он был в каком-то странном забытии. Очнулся в читальне.

Выбрав место за дальним столиком, раскрыл журнал, но читать не хотелось. Неотступно преследовала мысль: «Надо решиться...» В мыслях рождались одна за другой картины недавнего прошлого. Вот он первый раз идет в читальню. Надо подобрать литературу для зоотехнической школы. В читальне увидел девушку с длинными, тугими косами на высокой груди. Ее по-детски ясные, ласковые глаза смотрели с каким-то удивлением. Они будто говорили: «А я вас не знаю!»

Когда кто-либо из товарищей говорил о любви с первого взгляда, Хангельды не верил. Он называл это мальчишеством. А теперь понял, что и сам влюбился, как мальчишка.

Был ли он на ферме, в поле, в правлении колхоза, — на него украдкой смотрели десятки девичьих глаз. Но он их не замечал. «Гордец!» — решили девчата. И только одна не разделяла их мнения. «Милый, хороший...» — думала о нем она.

Вечера, которые Хангельды проводил в читальне, были для него самыми счастливыми.

Она тоже ждала его. И хотя между ними не было сказано ничего, кроме обычных: «Что вам? Хорошо!.. Записать на дом?» — «Нет, нет. Я тут почитаю!» — сердца их наполняла радость.

Грусть набегала на лицо Марал, когда столик, где обычно сидел Хангельды, пустовал.

День за днем, месяц за месяцем шли непрерывной чередой. Ничего не менялось в привычках Хангельды. Так же после работы он сидел в читальне.

Такое постоянство не могло остаться незамеченным.

— Хангельды, — подошел однажды к нему Дурды, сын председателя колхоза, — ты чего-то повадился в читальню. Пойдем выпьем. Брось ее к черту! Подумаешь, красавица!..

Хангельды не любил этого здорovenного и нахального парня. Когда-то они учились в одном классе, вместе поступили в институт. Но Дурды за пьянки и хулиганство был отчислен в первом же семестре и все эти годы бездельничал.

Лицо Хангельды вспыхнуло румянцем. Он стиснул зубы и сжал кулаки. Но, увидев, как побледнела Марал, сдержался. Прищулив глаза, он процедил сквозь зубы:

— А что, разве сюда нельзя ходить?

Дурды понял, что зашел слишком далеко.

— Да нет... я так просто...

Дурды ушел. Хангельды взглянул на Марал. Она вся сияла. «Хорошо, что сдержался, — подумал он. — Значит, не только этот шалопай, но и другие замечают, что я тут неспроста. Надо положить этому конец. Надо решиться!..» Он дождался, когда читальня опустела. Набравшись храбрости, подошел к девушке.

— Марал... я хотел... тебя... попросить!..

— Я слушаю, Хангельды. Тебе, наверно, нужна... — она искала спасительных слов. — Книжка какая-нибудь нужна? Но хитрость была разгадана, и это придало Хангельды смелости.

— Нет, Марал, у меня другая просьба. Только... только ты не рассердишься?

«Милая, как я тебя люблю», — думал Хангельды, а вслух сказал:

— Ты не будешь возражать, если я тебя провожу?

— Не боишься злых языков — проводи, пожалуйста, — несмело ответила Марал.

Луна залила молочным светом все вокруг: и деревья, и дома, и улицы. Легкий ветерок разносил прохладу. Все отдыхало после знойного дня.

Они шли молча. Молчание прервала Марал:

— Ну вот, мы и пришли. До свидания, Хангельды!

— Подожди, Марал... как это дошли?.. До твоего дома

еще далеко.— И просительно добавил: — Не торопись... ладно?..

— Нет, нет,— испугалась Марал.— Вон видишь, сюда идут...

— Ну и что же, пусть!..

Марал подняла голову и впервые посмотрела ему прямо в глаза.

— Хангельды,— умоляюще произнесла она,— разве ты забыл... Тебе-то ничего, а как на меня завтра будут смотреть? Начнут сочинять разные небылицы. Разговоры дойдут до матери.

— Ну, а если ты боишься, что разговоры дойдут до матери, возьми и сегодня все ей скажи.

Марал шла рядом. Хангельды хотел ей высказать все, что волновало его. Хотелось рассказать о сегодняшнем разговоре с матерью. Но слова застревали в горле.

«Малодушный,— сердито думал он о себе.— Другой бы на моем месте давно объяснился... Разве такого труса она может полюбить?»

— Хангельды, видишь, кто-то по улице идет. Я остановлюсь, а ты иди.

Он вздрогнул и прибавил шагу. А когда он миновал встречного и остановился, Марал уже скрылась за калиткой своего двора.

— Ах, дурак! — ругал он себя.

Все это произошло два дня назад. После этого Хангельды ездил в пески к чабанам, но, где бы он ни был, все время мозг неотступно сверлила мысль: «Как теперь посмотрит на меня Марал?»

В читальне, кроме учительницы, приехавшей на работу одновременно с Хангельды, и Марал, никого не было. Учительница с карандашом в руке трудилась над кроссвордом. Хангельды подошел к Марал. Он храбрился. Старался идти спокойно, не спеша. Но ноги не слушались, цепляясь за ковровую дорожку.

— Зачем ты от меня ушла в тот вечер? — улыбнулся он.

— Я боялась, мама увидит и косы выдерет. Она всегда говорит: «Слушаться не будешь, косы выдеру!»

— Она у тебя строгая... Как бы и мне не попало.

— Не бойся, теперь она все знает...

— Все знает? — вздрогнул Хангельды.

— Пообещала мне выдрать косы, а тебе чуб...

Веселой толпой в читальню вошли подростки.

— Дженбар,— обратился один из них к другому.— Ты

слышал, этот пройдоха Пирли Котур вместо тех двух золотистых шкурок, которые мы хотели послать на выставку, подсунул какую-то дрянь, изъеденную молью. Ну и делец!

Хангельды передернуло от неожиданности. От Марал не ускользнула перемена в его настроении.

— Этого надо было давно ожидать, — ответил Джепбар.

Хангельды бросало то в жар, то в холод. Не говоря ни слова, он отошел от Марал, сел за свой любимый столик в углу зала, вынул блокнот и стал писать.

«Марал! — написал он крупно. Потом буквы стали мелкие, убористые. — Ты должна понять меня...»

* * *

Пирли дома не оказалось.

«Может быть, он у нас?» — подумал Хангельды.

— Что с тобой, сын мой? — испугалась мать, встретив его во дворе. — Кто посмел тебя обидеть?

— Дядю Пирли ты не видела?

— Как же, был недавно. Тебя спрашивал. Он тебе подарок принес.

— Какой подарок?

— Две шкурки золотистого каракуля. Сейчас принесу, посмотришь!

— Сур?..

— Ты угадал, сынок, — ласково ответила мать.

— Мама, — сдерживаясь, проговорил Хангельды, — сейчас же возьми эти шкурки и отнеси их дяде. И скажи, что твой сын не нуждается в ворованном...

— Ворованное? Где же он украл?

— У тебя, у меня, у всех нас, колхозников!..

— Отнесу, сын мой, отнесу, — суежилась мать, а сама с тревогой подумала: «Неужели и деньги, и ковер, и масло, и мясо — все ворованное?» Потом добавила: — Хангельды, не пойди ли мне к Айджамал?

— Ах, мама, разве мне сейчас до этого!.. По селу идут слухи, что Пирли грабит колхозную ферму, а я ему помогаю. Слух, наверно, дошел и до Айджамал, и до Марал.

— Сынок, а может быть, все это болтовня? — стала успокаивать Бике-эдже.

— А сур — тоже болтовня?! Говорят, он мне домой продукты таскал. Скажи, правда это или нет?

— Что ты, сынок! — испугавшись, солгала Бике-эдже. — И видеть не видела.

Он бессильно опустил на кошму, подложив руки под голову. Лежал и думал свою невеселую думу.

— Сынок, куда ты, скоро полночь! — удивилась Бике-эдже, когда Хангельды, растрепанный, выскочил из дому. — Причешься хоть, а то люди подумают — пьяный!

— Ничего!.. — ответил Хангельды на ходу.

Ночь была такая же светлая и тихая, как и в тот раз, когда он провожал Марал. Он добежал до читальни и остановился около освещенного окна. Долго ждал, пока вышла Марал.

— Ты прочла мое письмо? — спросил он, когда она подошла к нему.

— Прочла.

Он почему-то думал, что девушка забрасает его вопросами, и готов был дать на них ответы, но она молчала. И это становилось тягостным. «Надо решиться, надо решиться!» — твердил он про себя.

— Я... я... обещал тебе, Марал... сказать... моя мать... завтра пойдет к твоей матери, — сказал он через силу.

Она поняла все и, хотя ждала этой минуты, как-то не верила, что она когда-нибудь настанет. И ей не хотелось сразу ответить ему. Вдруг подумает, что она навязывается?

— Это все, что ты хотел сказать? — спросила девушка, стараясь не выдать волнения.

— Да! — смутился Хангельды. — Ты обиделась?

— Нет. Почему же!

— Значит, можно к вам послать мать? — обрадованно переспросил он.

Марал показалось, что он хочет обнять ее. Она отстранилась и добавила задорно:

— Послушай, только смотри не сделайся Меджнуном и не вздумай удаляться в пустыню, если откажут... Что будет тогда делать колхоз без зоотехника?.. — Она неожиданно громко засмеялась.

* * *

Бике-эдже надела самое лучшее платье, накинула цветастый шерстяной платок и степенно пошла к Айджамал. Осторожно приоткрыв калитку, она вступила в туннель из переплетенных виноградных лоз. Первой ее увидела Марал и поспешила спрятаться в свою комнату. Она-то знала, зачем пришла Бике-эдже.

— Подружка, Айджамал! Дома ты?

— Дома, дома, родная! — послышался приветливый голос

Айджамал из комнаты. — Заходи, заходи, подруженька... Как раз к чаю пришла, садись. — Она указала место рядом с собой. — Как жива-здорова?..

— Все благополучно...

Айджамал придвинула чайник и подала пиналу:

— Пей... набат¹ бери. Сестра из Самарканда прислала. У нас почему-то набат не делают...

— Спасибо, подруженька, ведь я только из-за стола. Хангельды приучил с утра есть и пить. Встанет и просит чай, пу и меня с собой сажает.

— Значит, добрый он у тебя, сынок-то! И моя Марал очень заботливая. Ничего не даст по дому сделать. Все сама да сама. А каково мне, старухе, без дела! Сегодня чуть не поругалась из-за этого.

— Молодец она, жалеет мать.

— Мать-то жалеет, а сама измучилась. Вечером работает, а днем за книжками сидит. Она ведь у меня в институте занимается.

— В каком же, подруженька?..

— Да не знаю. В каком-то за-оч-ном... Слово-то такое и не выговоришь...

— Да и мой сын все с книжками возится, все в читальню бегаёт.

— Смотри, подруженька, как бы он с книжками не забыл, что ему жениться пора.

— Я и то думаю: пора ему жениться, а мне внучат нянчить.

— Об этом ты говорила ему?

— Все уши прожужжала. Наконец послушался: говорит, иди сватай... Вот я и пришла.

— Вах, подруженька! — притворно вскрикнула Айджамал, хотя с самого начала чувствовала, что неспроста пришла Бике-эдже. — Да куда ей замуж, — Айджамал не назвала дочь по имени, — она еще ребенок!

Бике-эдже перепугалась, ей показалось, что Айджамал не хочет Хангельды в зятя. Не зная, как уговорить ее, она стала расхваливать его: какой он красивый, какой работающий, какой хозяйственный, какая у него выгодная должность. Видя, что и это не помогает, Бике-эдже стала перечислять, что у них в хозяйстве прибавилось за последнее время.

— Недаром говорится, — закончила она, — за бедностью идет богатство. Сколько мы с ним пережили, сколько потеря-

¹ Набат — сахар кустарного приготовления.

ли здоровья, а теперь пришло время пожить в удовольствии... Хангельды говорят: «Скоро, мама, я тебе «Победу» куплю...» Вот он у меня какой!

— Очень хорошо, — ответила Айджамал, кивая головой.

— Значит, ты согласна, подруженька? — обрадовалась Бике-эдже.

— Ой, милая, я же говорю, она совсем ребенок!

— А может быть, — обиженно проговорила Бике-эдже, — ты считаешь, что мой сын недостойн твоей дочери?

Айджамал воздержалась от прямого ответа.

— Есть поговорка, милая, — сказала она после небольшой паузы. — Просящему и бог дает!

— Ну вот, давно бы так! А то ребенок... ребенок!

— Ты чему это так обрадовалась? — спросила Айджамал.

— Как чему? Ведь ты согласилась, подруженька!

— Что ты, что ты, милая. Надо подумать...

— И то правда, подумай. — Бике-эдже приняла отговорку как согласие. — Да вспомни на досуге, что легче сберечь соль, чем девушку!

Поговорка рассердила Айджамал, однако она сдержалась.

— Подумаю да посоветуюсь с Марал, а то ведь они теперь какие стали! Скажет — нет, и все тут!

— И то правда, посоветуйся. Ну и последнее, — понизила голос Бике-эдже. — Какой калым-то готовить?

— Вах! — вскрикнула Айджамал. — Что ты, что ты? Наши дети комсомольцы. Я и сама выходила без калыма. А вообще я больше, чем волчиц, ненавижу матерей, которые выкармливают детей своей грудью и украдкой продают их. Как у них идет в горло хлеб, купленный на эти деньги? Как они не поперхнутся?!

Бике-эдже ждала такого ответа, потому что в селе мало осталось людей, которые платили и брали калым, к их числу она не относилась Айджамал. А теперь она еще раз убедилась в своей правоте.

Помолчали.

— Милая Айджамал, — нарушила молчание Бике-эдже, — когда же мне наведаться за ответом?

— Не торопи, подруженька! Скажу сама...

Из соседней комнаты слышались рыдания, когда Бике-эдже ушла. Айджамал улыбнулась, увидев дочь в слезах. Она не могла взять в толк, к чему эти слезы. Когда ее отдавали замуж за незнакомого человека, она тоже плакала. Да как было не плакать, если ничего хорошего не ожидало ее в семей-

ной жизни? Теперь ничто не угрожает ее дочери. «Притворство», — решила она и пошутила:

— Доченька, подушка-то до вечера не высохнет от слез. Перестань, глупая...

Рыдания стали громче. Айджамал испугалась:

Марал-джан, дочка, да что с тобой?

Мама, я... я... — всхлипывая, говорила Марал.

Ну, что случилось?

Все... все я слышала...

— Вах ну что же, что слышала? А у нас и не было секрета...

— Секреты или не секреты, но мне разговор ваш не понравился, — вытирая концом косынки глаза, проговорила Марал.

— А чего мы такого сказали, доченька? — удивилась Айджамал.

— Не знаешь?

— Нет, не знаю. — Взяв дочь за подбородок и подняв ее голову, она с улыбкой добавила: — Если растолкуешь, то и мать будет знать...

— Ты слышала... Ее сын полгода как работает, а помнишь, что она говорила?

— Помню, все как есть помню. Но ничего она не сказала такого обидного...

— Это потому, мама, что ты не прислушивалась или ничего не поняла. Помнишь, она сказала: «Не успел сын приехать, как у нас появилась корова, четыре овечки с ягнятами, ковры, обстановка. Скоро он и «Победу» купит». Говорила? Ну вот. А ты слышала, что им Пирли Котур и масло, и мясо, и яйца приносит? Ну вот. А где, на какие деньги сразу можно купить такие вещи?

— Дочь моя, ты не подозревай людей, — рассердилась Айджамал. — Подозревать честного человека дурно.

— А разве не дурно — брать незаработанное? — откинув назад влажные волосы, спросила Марал.

— Дочь моя!.. — удивилась Айджамал. — Что ты говоришь? Это сплетни.

Не успела Айджамал опомниться, как Марал выбежала из дома.

— Марал, Марал, куда ты? — закричала мать.

Но ее голос услышал только большой бухарский кот. Раскинув хвост, он подошел к Айджамал, посмотрел на нее своими желтыми глазами и лениво мяукнул. Айджамал ударила его ногой:

— Шайтан тебя припес!..

— Зоотехник здесь? — спросила Марал у девушек, работавших на ферме.

— Ой, Марал пришла!

— Книжку по свиноводству достала? — обратилась к ней черноглазая курносая девушка с косичками на груди.

— А мне чего-нибудь про любовь! — сказала другая.

— И про любовь, и про свиней достану книжки, — тихо ответила Марал. — Потом достану, а сейчас мне зоотехника надо.

— А зачем он тебе понадобился?

— Уж не влюбилась ли?

— Ой, девочки, не отдадим ей!

Марал густо покраснела и ответила:

— Все шутите. Его к телефону из области просят, — сама не зная для чего, соврала она.

— Так бы и сказала! А мы думали...

— Лучше не ходи туда... там буря!

— Что за буря?

— Он вызвал Пирли Котура и баню ему устроил. Строгий племянник — до дяди добрался! Вот какой у нас зоотехник!

— А мне-то что! — с ложным безразличием проговорила Марал.

Подойдя к двери, Марал в нерешительности остановилась. Из комнаты слышался сиплый голос Пирли Котура:

— Ты, дорогой племянничек, на меня не кричи! Без меня бы ты, сосунок, ничего не значил. Тьфу — и больше ничего! Кто тебе дом отремонтировал? Не знаешь? Кто тебе ковры-мавры, койки-мойки, зеркала-меркала купил? Не знаешь? Чье ты масло, мясо каждый день ел?

Марал отскочила от двери. Все стало понятным. Значит, люди правду говорили...

Айджамал встретила Бике-эдже ласково. Жалкий вид подруги встревожил ее.

— Лицо у тебя темней тучи, подруженька! — всплеснула она руками.

— А чему радоваться-то? — тяжело вздохнула Бике-эдже.

— Случилось что-нибудь?

— Ой, не говори! Пришли вчера Хангельды с Пирли, и началась у них ругань...

— Что началось, подруженька?

— Вцепились друг в друга... — И Бике-эдже зарыдала.

Айджамал ничего не понимала. Она всячески успокаивала Бике-эдже, но та продолжала плакать. Наконец она немного успокоилась и стала рассказывать, что Хангельды привел Пирли Котура и стал выбрасывать во двор вещи, которые она приобрела к его приезду с помощью Пирли. Теперь в комнате стало пусто, хоть арбузы катать по полу.

— Не знаю, что и делать. Свадьбу теперь придется отложить. Говорят, и Марал смотреть на него не хочет. Ходить моему Хангельды всю жизнь холостым. — И она заплакала пуще прежнего. — Не сбылась моя мечта, подруженька, породниться с тобой!.. — Она встала и направилась к выходу: — Прощай, подружка, не жди меня больше к себе.

Марал слышала все от слова до слова. С глазами, полными слез, подошла она к матери и прижалась к ее груди.

— Доченька, а с тобой что? — испугалась старуха.

— Мама, милая мама, — проговорила Марал, — это от радости. Ведь сердце не камень!.. Теперь только я поняла, какой он хороший...

С сияющим лицом, гордая и торжествующая, Айджамал неторопливо поднялась с ковра и взяла Бике-эдже за руку.

— Посиди, поговорим еще с тобой. Без тебя мне скучно, — успокаивала она подругу. — Ведь мы всегда с тобой были как родные! Понимаешь, милая Бике-эдже, родные!..

СОН МИРАБА

Рассказ

В разгар сезона на полив хлопчатника в бригаде всегда ставят нас пятерых, комсомольцев. Мы дружим еще со школьной скамьи и работаем горячо. Работа живая, в хлопотах с утра до ночи, а то и ночь напролет. Поливать хлопчатник не то что клевер. Там пусти воду и жди, пока делянка заполнится, лежи на меже, покуривай, а у нас — по бороздкам, малой струей. Следишь неотрывно, чтобы гребень не промыло и чтобы вместо бороздковых ручейков болота не устроить. Тут гляди в оба. А самая горячая пора как раз в мае и в июне.

Нынче тоже, можно сказать, с половины мая в поле живем, не каждый день домой заглядываем. Работаем в охотку, друг перед другом стараемся и помогаем друг другу. То по отводам разойдемся, то опять впятером сходимся у головного шлюза. По всем правилам поливаем, воду бережем, за каждым кустиком следим, чтобы нигде не подсыхало. У нас за поливом особо следят: малейшее нарушение — так председатель и агроном не дадут спуска, а у бригадира мы все время на виду.

Работаем неделю, вторую, все хорошо, но только к июню вышло так, что мы остались без начальства. Уже много лет всеми водными делами у нас в колхозе заправлял старик мираб, Аллаяр-ага. Не гляди, что ему под семьдесят: штаны засучит, влезет в арык по пояс и так ловко действует лопатой, что молодому не угнаться. И землю колхозную хорошо знает, на каждой делянке скажет, сколько пускать воды, когда начинать полив. Правда, трудновато ему было с новой системой орошения — малограмотен, не умеет высчитывать секундолитры. Мы, молодые, легче постигали эту премудрость, а из всех нас выделялся Аман, сын вдовы Шекер-эдже. Смышсленный парень, работник упорный. Он весной был на районных курсах поливальщиков. Так что, когда Аллаяр-ага стал прихварывать, Аман у нас оказался за старшего. А надо сказать, он и раньше любил покомандовать и похвастаться был не прочь, но рядовому поливальщику хвастаться-то особенно нечем, и мы на это внимания не обращали. Теперь же видим: за-

играла у Амана начальственная жилка. Что ж, думаем, пусть забавляется. Все, что скажет дельное, мы примем, а зарвется — одернем, посмеемся, ребята все языкастые. Дело от этого не страдает, и дружба наша не нарушается.

И вот приходит к нам в бригаду башлык¹, а с ним начальник райводхоза. Смотрят, как поливаем, проверяют, указывают. Ну, видим — еще какое-то дело у них, посерьезнее. И верно, собрались мы у головного шлюза, сели, закурили, и тут башлык обращается ко всем нам: так и так, говорит, Аллаяр-ага подал в отставку.

— Нужен вам новый, культурный заведующий колхозным водопользованием, — уточнил райводхоз, и оба они оглядывают нас с ног до головы и все чаще на Амана посматривают.

— Сами видите, ребята, — говорит башлык, — теперь не только лопатой тыкать в грязь — надо уметь руководить всем водопользованием нашего большого хозяйства. Не простой мираб, а заведующий, не рядовой поливальщик, а начальство, солидное начальство требуется. Есть у нас предколхоза, к примеру, есть заведующий животноводческой фермой. Теперь и заведующий всей гидротехникой нужен. Кого посоветуете на это место?

Мы переглянулись и недолго думая говорим:

— Аман подойдет, вполне справится, и мы ему поможем.

Аман стоит тут же, опершись на лопату, голову склонил, видим — скромничает. Начал было что-то говорить, — дескать, молод для такой должности, но мы ему не даем рассуждать. Башлык видит такое согласие и сознается, что они с райводхозом так и думали, когда шли к нам: быть начальником Аману! С парторгом и с членами правления вопрос уже согласован.

— Ну вот, и делу конец. С завтрашнего дня, Аман, возглавляй колхозное водопользование, руководи честь честью! — заканчивает башлык беседу и пожимает руку Аману.

Так и назначили Амана.

В тот день мы гордились и страшно довольны были: мираб теперь — свой брат, живем не тужим. Амана все поздравляли. Мы говорили, что при нынешнем положении заведующий гидротехникой не ниже самого башлыка. Он и вести себя должен подобающим образом. Все в колхозе, а особенно придиры бригадиры, пусть знают, с кем имеют дело. Аман пока держал

¹ Башлык — председатель.

себя кротко, соглашался, но мало разговаривал, больше молчал. А вечером, когда стали расходиться, видно, сказала его начальственная жилка. Он уже сам напомнил нам о своем назначении.

— Завтра чуть свет выходите! Чтобы все у вас кипело и горело! Не подкачайте у меня! — заявил он, как настоящий начальник, и, вскинув на плечо лопату, отправился домой.

Наутро, по обыкновению, сошлись мы у головного шлюза. Только Амана нет. Думаем, верно, он раньше нас встал и подался в другие бригады. Забот у него теперь в семь раз больше. Ведь у нас в колхозе семь бригад — шесть хлопководческих и одна огородная.

Поливаем без него. Пусть другим помогает, дойдет очередь и до нас. Но тут случилась неувязка. Наш бригадир заспорил с соседом. Как всегда, спор из-за воды, а башлык, оказывается, в МТС уехал. Мирабу надо было решить спор, а его нет поблизости. Ушел, видно, на дальние поля. Ждем-пождем — дожждаться не можем. Солнце уже высоко, а Аман не появляется. Бригадир того и гляди друг друга разорвут — одному вода позарез нужна, и у другого, по его словам, хлопок пересыхает, урожай гибнет. Бригадир, конечно, в таких случаях преувеличивают. Если со стороны кто посмотрит, вникнет — дело быстро налаживается и все успокаивается, но, как на грех, мираба нет и нет.

Приезжает на велосипеде человек из дальней бригады — и там Амана нет, человек его же ищет. Вот несчастье, заболел, похоже, наш новый мираб! Ребята ко мне:

— Иди быстрее, узнай, что с ним. Если заболел — за доктором сразу, выручать парня надо.

Может быть, напрасно тревожимся, подумал я дорогой. Вызвали его куда-нибудь или, может, с агрономом советуется. С такой мыслью я свернул в правление колхоза. Прихожу, спрашиваю: «Где Аман, новый наш мираб?» — «Никакого Амана мы сегодня не видели!» — отвечают мне. Должно быть, в самом деле занемог парень, соображаю я и спешу к дому Амана. Но что же, однако, могло с ним случиться: вчера был здоровехонек, а сегодня такая история?

Подхожу, слышу шум. Его голос. Аман кричит из комнаты:

— Мать! Где ты там?

Я подошел не с той стороны, где у них дверь, а с противоположной, заглянул в приоткрытое окно и вижу: Аман, подложив под голову три большие подушки, лежит на спине, потягивается. По тому, как он вольготно разлегся, я сразу

определил, что никакой болезни тут нет. Но молчу, соображаю про себя: может быть, я все-таки ошибаюсь и он зовет мать, хочет послать за доктором. Подожду минутку, послушаю, все выяснится.

Мать заглядывает в дверь и спрашивает с удивлением:

— Ба, да ты, оказывается, еще дома, мой сынок? Мы уже за тутовым листом два раза сходили, шелкопрядов накормили, я думала, и ты давным-давно на поливах.

Потягиваясь и лениво приподнимая с подушки голову, Аман говорит:

— Взгляни на солнце да скажи: время вставать руководящим работникам или не время еще?

— Сын мой, не понимаю, о чем ты говоришь? — с беспокойством спрашивает Шекер-эдже. — Да уж здоров ли ты?

Аман приподнялся еще и, облокотясь на подушку, говорит:

— Ах, мать, что с тобой рассуждать, когда ты спишь в ухе слона, — ничего-то тебе не известно. Сын твой теперь не простой поливальщик, что с лопатой от арыка к арыку бегаешь, а начальник всех поливальщиков, всей гидротехники! Мираб. И он не может держать себя так, как простые поливальщики. Солидность нужна! Да ты в этом ничего не смыслишь. Я заведу всем колхозным водопользованием, а ты удивляешься!

— Очень даже удивляюсь, сынок! Конца нет моему удивлению! — отвечает старая женщина. — Если так будешь до полудня валяться, из тебя не только начальника гидротехники, а и толкового поливальщика не выйдет.

— Долго жила ты, мать, а не знаешь, видно, как должно вести себя начальство, — не сдается Аман, но голос у него звучит уже не так уверенно.

Я стою у окна, слушаю. Шекер-эдже, не видя меня, пуще прежнего пробирает новоиспеченного мираба.

— Всеу свое время, глупый мой сын! — говорит она. — Сну время и работе свое время. Стыда у тебя нет, Аман! Да что народ скажет, если узнает, что ты в такую пору валяешься, как корова, бока себе пролеживаешь! Мирабом выбрали тебя для этого, что ли? У мираба разве меньше забот, чем у простого поливальщика? А ты? Как ты себя повел с первого дня? Стыд, позор!

— Ай, ничего особенного! Отдохнул, сейчас встану и пойду, — начинает явно сдаваться наш мираб. — И хватит, довольно, мать. Поживей заварика чаю крепкого, я мигом оденусь и готов...

Я не вытерпел, прыснул со смеху, потом и захохотал во все горло. Аман растерялся, вскочил с постели, бормочет:

— Вай, вай, да кто это там за окном? Что за безобразие! Еще хохочет!

Откинув занавеску, я просунул голову в комнату. Увидев меня, Аман сперва не знал, как ему быть, но взял себя в руки, нахмурился и спрашивает:

— Ты чего тут? Бросил воду и гуляешь по селу?

— Пришел пример брать со своего начальника, — отвечаю я с самым серьезным видом.

Аман краснеет и начинает поспешно одеваться, но хочет еще сохранить положение и переспрашивает меня:

— Что, что ты сказал?

Я повторяю. Он смотрит на меня, и вид у него, словно его только что крепко побили. Он забывает и про чай, заваренный матерью и принесенный уже в комнату, на ходу бросает: «Пошли, пошли живей!» И почти бегом пускается в поле.

Всю дорогу молчит, и я ничего не говорю, бегу за ним, еле поспеваю. Огибаем большую карту, подходим к головному шлюзу. Тут он останавливается, поворачивается, берет меня за плечи и смотрит мне в глаза.

— Друг ты мне или не друг?

— До вчерашнего дня друзьями были, Аман-джан, а теперь не знаю, — отвечаю я не задумываясь.

— Нет, не шути, говори правду!

— А зачем мне врать, сущую правду говорю!

— Большая просьба к тебе, друг мой! — Аман не сводит с меня пристыженных глаз, смотрит не мигая и продолжает: — О том, что у нас дома было, что ты слышал, — никому ни слова. Ни звука! Поклянись!..

Я не успеваю поклясться. Из-за высоких кустов хлопчатника подымаются все наши поливальщики. Они лежали в тени и слышали, как Аман требовал с меня клятву вечного молчания. Хорошо, что я не успел ее дать. Меня разбирает смех. Как нарочно, кто-то из ребят тут же ставит точный диагноз Амановой болезни.

Приходится все рассказать, как было. Поливальщики хочут до упаду. Аман сначала стоит сумрачный, а потом сам смеется. Мы беремся за лопаты, Аман останавливает нас и просит, стыдливо опустив глаза:

— Если вы друзья, то не болтайте обо всем этом по колхозу, а то от одних женщин разговора не оберешься. Пусть будет, словно все это мне во сне приснилось!

— И нам тоже! — со смехом заключаем мы всю эту историю, которая больше не повторится, за что ручаемся все мы — пять друзей-поливальщиков.

ПУД СОЛТИ

Рассказ

Ночью был ливень, и на рассвете, когда Караджа ехал на станцию, в рытвинах тускло поблескивала вода, из-под колес летели брызги и ошметки грязи.

Караджа остановил свой самосвал у глухой стены приземистого станционного здания. Отсюда видна была часть темного железнодорожного полотна, вдоль которого дул степной ветер, а за полотном — невысокие, с прозеленью холмы, уходящие к недалеким горам. Караджа постучал каблуком кирзового сапога по тугим скатам, придирчиво оглядел заляпанную грязью машину, закурил и вышел на перрон. Вдали натужно загудел приближающийся тепловоз. Поезд выползал из-за холмов, а ветер подхватывал и уносил в степь перестук колес. Из здания станции вышел дежурный в новенькой красной фуражке и поднял свернутый желто-зеленый флажок.

Поплыли мимо вагоны — все медленнее — и замерли, стукнув сцеплениями. Дежурный ушел, на перроне остался опять один Караджа. Он смотрел вдоль поезда налево и направо, но пассажиров не было видно, и даже проводники не спускались на землю, а только выглядывали из дверей и переговаривались — голоса их в утренней тишине слышались с особой отчетливостью.

«Не приехал», — подумал Караджа.

Но у одного из вагонов лязгнула поднятая площадка, и со ступенек на низкий перрон неловко прыгнул человек в сером макинтоше. Проводник подал из тамбура кожаный, перетянутый ремнями чемодан, и хозяин тут же опустил его на асфальт, — видно, тяжелый.

Караджа бросил сигарету, придавил ее подошвой и пошел к приезжему.

Тепловоз загудел, дернул состав, вагоны поплыли, обгоняя Караджу. В одном окне мелькнуло заспанное лицо — чего там смотреть на пустой перрон, по которому ветер переносил змейками песок...

— Здравствуйте. Вы будете товарищ Тарханов?

Тот не спеша оглядел Караджа, понял, что это шофер.
— Да, я.

Караджа улыбнулся, взял чемодан, который и в самом деле оказался тяжелым, сказал:

— А я за вами. Из совхоза. Машина тут, за углом.— И спохватился: — С приездом вас, товарищ директор!

Тарханов лишь неопределенно хмыкнул в ответ и пошел следом.

— Вы уж извините,— глуховато проговорил Караджа, заметив, как дрогнуло лицо Тарханова, когда остановились возле самосвала,— «газик», как пазло, не на ходу... Но вы не думайте, в кабине чисто. Досдем не хуже, чем в такси — И распахнул дверцу.

Тарханов постоял, словно размышляя, стоит ли садиться, потом перевел серые, очень спокойные глаза на Караджа.

— И-да... — сказал не то с упреком, не то с сожалением и, подобрав полы плаща, тяжело влез в кабину.

Караджа захлопнул за ним дверцу, обошел машину спереди и сел на свое место. Мотор завелся сразу, и это несколько ободрило шофера, который все не мог отделаться от чувства вины перед новым директором. «Конечно, нехорошо получилось,— думал Караджа, выводя самосвал на степную дорогу.— Будто нарочно приличной машины не прислали. Надо же было именно сегодня полететь этому дурацкому кронштейну».

А тут еще дорога... Шоферы матерились, стучали кулаками по столу в конторе, грозились бросить все — пусть тогда начальство само за баранку садится. Но, поостыв, снова уходили в рейс. Знали, что Чары-ага всем, от кого хоть немного зависел ремонт дороги, прожужжал уши, даже в Ашхабад обращался, да пока без толку. Никто не отказывал, но мер не принимали — поважнее дела находились.

— Ты что, выпил?

Вопрос оторвал Караджа от горьких мыслей. Он недоуменно посмотрел на директора:

— То есть... как?

— Мы не на гонках,— морщась, сказал Тарханов.— По-тише надо.

— Извините.— Шофер покраснел.— Но если тише, хуже трясти будет.

Тарханов молчал, вцепившись побелевшими пальцами в трубчатую ручку перед собой и не отводя глаз от бегущих под колеса рывтин.

— Н-да... — повторил он, когда молчание наскучило ему. — По таким дорогам разве что на ишаках ездить...

— Так ведь не наша вина, — тотчас откликнулся Караджа. — Куда только не обращался Чары-ага.

Тарханов вскинул брови:

— Кто это?

— Директор наш...

«Бывший», — уточнил про себя Тарханов, а вслух сказал:

— Нарлиев. Знаю. Стар он стал, ему давно уже на отдых пора, да, видно, с привычным креслом расставаться нелегко.

Караджа обиделся за Чары-ага, но смолчал.

— Что же он не мог добиться, чтобы дорогу исправили? — после недолгой паузы спросил Тарханов.

— А Чары-ага и к вам обращался! — выпалил Караджа.

— Н-да, порядки... — Тарханов словно бы не слышал. Он потерял интерес к шоферу. До самого поселка не было сказано больше ни слова.

Возле отведенного новому директору домика, поджидая, томилась Айнагозель Мамедова. Сегодня он придет наконец, директор, настоящий, толковый хозяин... Она заранее почитала его, мечтала, как будет работать под его руководством. Самостоятельно-то ой как трудно! Чары-ага не оставляет заботами, но совестно чуть что теревить больного старика — подсажи, помоги. А у нового директора сил, наверное, много, размах, опыт. Айнагозель хотела встретить его со всем радушием и волновалась — все ли сделала? Знала — несладко человеку бывает на новом месте, где ни одного знакомого лица. «Пришлось бы ему по душе у нас, — с беспокойством думала она, — а там пообвыкнет, втянется в работу, семью привезет. Я так эти места ни на какие не променяю, но ведь он нездешний...»

Она пошла навстречу машине, открыла дверцу, сказала сердечно:

— Здравствуйте. С приездом вас, Мавы Тарханович.

Он слабо пожал ее тонкие пальцы и сошел на землю, оглядываясь и разминая затекшие ноги.

— Вы Мамедова, как я понимаю? — сказал он, окинув ее быстрым взглядом и изображая на лице улыбку. — Исполняли обязанности директора?

— Да, временно. Вообще-то я зоотехник и секретарь партбюро... — Она почему-то вдруг смутилась.

— Так, так, — неопределенно отозвался он, продолжая озираться. Лицо его оставалось бесстрастным.

— Проходите в дом.— Айнагозель повела рукой и отступила на шаг, давая директору дорогу.— Вот ваша квартира.

Тарханов поднялся по скрипучим ступенькам и толкнул дверь. Караджа внес чемодан. Айнагозель не отставала от мужчин, ревниво следила за выражением директорского лица — понравится ли жилье? Ночью она сама вместе с уборщицей скребла здесь и мыла, развешивала занавески, расставляла взятую со склада мебель.

— Кто здесь жил? Прежний директор? — быстро спросил Тарханов.

— Нет...— Такого вопроса Айнагозель не ожидала.— Собственно... мы специально для вас. На первое время. Закачиваем строительство...

— Высотных зданий у нас пока нет,— с вызовом встал Караджа.— Так что в финских домиках живем. Без лифта.

Тарханов остановил на нем тяжелый взгляд, но, ничего не сказав, отвернулся.

— Мне можно идти? — спросил Караджа, обращаясь к Мамедовой.

Та посмотрела на Тарханова. Директор махнул рукой не оборачиваясь.

На улице Караджа столкнулся с Чары-ага.

— Привез? — справился старик, ответив на приветствие.

— Привез,— сказал Караджа и отвел глаза.

— Ну, как он тебе?

— А кто его знает... Квартира вон не понравилась. Ванны нет.

— Ничего,— улыбнулся Чары-ага.— Он городской, к другой жизни привык, это понимать надо.

Он вошел в дом, а Караджа, включив мотор, со злостью рванул машину и понесся по улице. Куры с истошным кудахтаньем кинулись из-под колес.

— Салам алейкум! — Чары-ага протянул Тарханову руки, как родного обнял.— Очень кстати приехали. Айнагозель хоть и старается, да одной ей с таким хозяйством трудновато.

— Спасибо, вы помогаете, Чары-ага,— сказала Айнагозель.

— Э, какой я помощник! Развалина! — сказал Чары-ага.— Наше дело — на солнышке кости греть. А работать нынче вам, молодым. Так что желаю удачи.

Тарханов сдержанно кивнул в ответ. Он стоял у окна,

смотрел на безлюдную в этот час улицу, и не понять было, что у него на душе.

— Чего же мы стоим? — засуетился старик. — Пойдемте ко мне. Тут рядом. Чектырме¹ готово. Перекусим, отдохнем, потолкуем.

Айнагозель кинула на Тарханова полный надежды взгляд, директор заметил его, помедлил.

— С удовольствием. Но я очень устал. Спал плохо. Голова разламывается. Я прилягу. Потом в конторе встретимся, обо всем поговорим.

Айнагозель опустила глаза. Чары-ага сказал с запинкой:

— Конечно... Мы понимаем. Дорога — она всегда дорога... Вы отдыхайте, отдыхайте.

Столовую уже закрыли, когда пришел Тарханов. Судомойка гремела посудой за перегородкой. Молодой повар, держа в руке только что снятый белый, с темными пятнами жира халат, удивленно посмотрел на вошедшего.

— Завтрак кончился.

Но Тарханов молча прошел к раздаточному окну, хозяйски заглянул на кухню, потянул носом.

— Чем сегодня кормите? — спросил он, обернувшись.

Повар, не зная, с кем имеет дело, на всякий случай снова натянул халат, ответил, завязывая на спине тесемки:

— По калькуляции, товарищ. — И осведомился осторожно: — Вы из района?

Тарханов, ничего не ответив, сел за стол и снова спросил:

— Так чем кормите?

Смахнув крошки со скатерти, повар скороговоркой перечислил:

— Гуляш с макаронами, компот, могу и яичницу, курицу поджарить, если хотите... Продуктов хватает, и мясо есть, масло сливочное, кефир, снабжают, пожаловаться не могу.

— Это для всех? Или только для начальства? — спросил Тарханов, осматривая столовую.

— Что вы, яшули, рабочие довольны. Семейные, конечно, дома питаются, а холостяки — к нам. В книге жалоб одни благодарности. — Он вздохнул и добавил, потупившись: — Верно, не то что в городе, но стараемся...

— Моя фамилия Тарханов, — представился наконец директор. — Дайте мне кефир, если свежий, булочку и масла граммов двадцать пять.

¹ Чектырме — национальное блюдо из мяса.

— Одну минуту! — Повар сорвался с места и исчез за занавеской, где была дверь кухни.

Ел Тарханов не спеша, глядя в чашку. А повар стоял поодаль и терпеливо ждал.

— Сколько с меня? — спросил Тарханов, вставая и вытирая губы платком.

Повар даже руки вскинул, как бы защищаясь.

— Ай, товарищ Тарханов! Ничего, пешгеш¹! Обидите, честное слово.

— Это еще что? Задобрить, что ли, хотите? — Тарханов спрятал в карман платок, достал бумажник, порылся в нем, вынул рубль. — Возьмите.

И уже в дверях, не оборачиваясь, бросил ошарашенному кулинару:

— Сдачу получу за обедом!

Айнагозель увидела его в окно и, поправляя платок, вышла встречать.

— Уже отдохнули, Мавы Тарханович? — улыбнулась она.

Он тоже улыбнулся ей, как старой знакомой.

— Какой там отдых! Не спится.

Она провела его в директорский кабинет. Тарханов снял макинтош, повесил у двери, пригладил седеющие волосы.

— Так сказать, мое рабочее место? Ну что ж... — И снова не понять было, доволен или нет.

Он сел за широкий письменный стол, провел ладонями по стеклу, поморщился, увидев под ним аляповатый, с яркими картинками табель-календарь.

— Это пусть уберут. И чернильный прибор тоже. Две авторучки, блокнот — больше ничего.

Айнагозель стояла посреди кабинета, а директор все не предлагал ей сесть, и она чувствовала неловкость и не знала, оставаться здесь или уйти.

— Значит, будем работать вместе, — без всякого перехода продолжал Тарханов, откидываясь в кресле. — Будем поднимать хозяйство. — И ни с того ни с сего спросил: — Как, работаемся?

Айнагозель теребила уголок платка.

— Должны... Мы все здесь за совхоз болеем.

— Я сторонник крутых мер, — не сводя с нее глаз,

¹ Пешгеш — подарок.

сказал Тарханов. — Если что не так, не посмотрю на прошлые заслуги...

— Да, да, — негромко согласилась Айнагозель. — Но у нас тут народ хороший, работающий, сами увидите.

— Угу. — Тарханов решил, что они отвлеклись. — Ближе к делу. Пришлите ко мне главбуха со всей отчетностью, заглянем, так сказать, правде в глаза.

Уже под вечер появился бухгалтер у Мамедовой, шумно дыша, сел на стул, стал ожесточенно вытирать шею платком.

— Что, устали, Каландар-ага? — участливо спросила Айнагозель.

Он вскинулся, размахивая руками:

— Я устал! Столько лет каждую копейку для совхоза берег, а тут нате — устал! Он тоже говорит, устал я, а сам не знает, что такое сальдо.

— Что случилось, Каландар-ага?

— Ты спрашиваешь, что случилось? — Главбух вытер вспотевший лоб, скомкал платок, но не спрятал, оставил в кулаке. — Он мне заявил, что государственные деньги по ветру пускаю, вот что случилось. Подумать только — швыряюсь деньгами!

Встав из-за стола, Айнагозель подошла и села напротив.

— Ну, вы явно преувеличиваете, Каландар-ага. Просто новый директор строгий, взыскательный человек, хочет улучшить положение. Может, ему на свежий глаз действительно виднее.

Комкая в кулаке влажный платок, Каландар-ага сказал с внезапной переменой:

— Честно говоря, я и сам пошуметь не прочь. Если для пользы...

— Ну вот, видите! — засияла Айнагозель.

— Да я что, — совсем уже смущенно сказал Каландар-ага, — я душу отвести зашел. А насчет строгости — я, сами знаете...

Он ушел, а Мамедова села за стол, прикрыла ладонью глаза. «Ой, сложно будет Тарханову! Он какой-то жесткий человек и не привык, кажется, верить людям. И нам с ним сложно будет», — подумалось ей, но она сердито отогнала эту мысль. По дороге домой зашла к Чары-ага. Старик обрадовался, усадил, по обыкновению, пить чай, стал расспрашивать обо всем. Выслушал, пожевал губами.

— Рано еще судить, дочка. Чтобы человека узнать, говорят, пуд соли съесть надо с ним. А Мавы один день здесь.

...— Давайте сразу договоримся: решать буду я, за мной последнее слово,— барабанил по стеклу пальцами, сказал Тарханов. Раз меня прислали сюда, значит, нужно. Так я понимаю. И я обязан навести порядок, поднять хозяйство на новую ступень. Согласны?

Айнагозель сидела, опустив голову, молчала. Тарханов ее разглядывал, будто видел впервые, и подмечал все — как вздрагивают густые ресницы, как ходит под кетени высокая грудь, как теребят бахрому платка тонкие пальцы.

— А вы должны,— продолжал он,— помогать мне, стать моей союзницей.

Ему приятно была ее молчаливость, ее смущение, и он подумал, что приручить ее не составит особого труда, он сделает все, что он пойдет уместным и важным, и авторитет его быстро поднимется в глазах людей, а это уже половина успеха.

— Конечно,— тихо сказала Айнагозель,— мы делаем одно дело и должны помогать друг другу. Но у каждого своя голова на плечах. И я, и вы имеем право отстаивать свое мнение.— Тут она впервые за все время разговора подняла на него глаза, и Тарханов с внезапной тревогой увидел в них совсем не женскую твердость.

— Этого права у вас никто не отнимает,— сухо сказал он.— Но за совхоз отвечаю я.

— И я,— тихо вставила Айнагозель.— А людей я знаю лучше и Ханова в обиду не дам.

Он откинулся в кресле и, насупясь, смотрел на нее с интересом. Пальцы вытянутых рук постукивали по краю стекла на столе, и почему-то именно это произвольное движение крупных, поросших жесткими волосами пальцев приковало к ним внимание девушки. «Стучит,— думала она,— сейчас кричать будет».

Но Тарханов не стал кричать. Он начал негромко, будничным голосом — так усталый учитель разговаривает с бестолковым учеником:

— В совхозе не могут распоряжаться два хозяина, поймите, наконец: все пойдет прахом. Как в басне Крылова про лебедя, рака и щуку.— Он улыбнулся мимолетно, довольный сравнением.— Вы не раз подчеркивали, что хозяйство, его благополучие вам дороги. Так вот: я выступлю на собрании, а вы с этих позиций и поддержите меня. Все, можете идти.

Мамедова быстро прошла через общую комнату, чувствуя любопытные взгляды счетоводов, и у себя в изнеможении опустила на стул, кусая кончик платка, боясь разрыдаться.

«Девчонкой меня считает! — с возмущением думала она. — На Крылова ссылается... Ну и пусть. А я на своем стоять буду. Нельзя исключать Караджа, не за что...»

Персональное дело Караджи Ханова обсуждалось после первоочередных хозяйственных вопросов, коммунисты уже устали, да и само дело казалось им ясным. Ну, случилось, перебрал на тое, под хмельком пришел в гараж, хотел гостей покатать, сторож его не пустил, так он его толкнул, тот за ружье... Некрасивая история, что и говорить. Но Караджа вообще-то парень непьющий, потому и не заметил, как опьянел. А работяга — за что ни возьмется, любое дело в его руках горит. И проступок свой осознал, вон сидит краснее скатерти, что на столе президиума, не знает, куда деваться со стыда.

Но поднялся Тарханов, попросил слова, а сам уже идет к фанерной трибуне, на которой стоят расписной чайник и пиала. Нацедил чаю, отхлебнул, кашлянул. И зал сразу затих.

Он говорил о больших задачах, стоящих перед сельским хозяйством, о вкладе коллектива совхоза, о том, что предстоит сделать, напомнил о значении государственной дисциплины, ввернул цитату о хулиганах и обрушился на Ханова.

— Думаю, что каждый из вас, товарищи, понимает: таким, как Ханов, не место в партийных рядах. Я — за исключение, — закончил он свою речь.

У Айнагозель пылали щеки. Она боялась смотреть в зал, где во втором ряду сидел Караджа, но чувствовала, почти видела, как страдает он, как мнет в крепких пальцах кепку, как сутулится, не смея поднять глаза...

«На таких должностях был, — подумала она о Тарханове, — может, лучше знает, какие меры надо... — Но оборвала свою мысль: — Нет, пусть там как хотят, — нет! Нельзя так с хорошим человеком...»

— Нельзя так, — услышала она голос Чары-ага, он уже стоял на трибуне и спокойно смотрел в зал. — Мы все Караджа знаем, верим ему, место его — среди нас. Что случилось — за то его не похвалим, да он и сам себя осудил. А исключать не надо. Наш он. Выговор заслужил, верно. Выговор и дадим.

В зале захлопали. Айнагозель повернула голову и встретила взгляд Тарханова, спокойный, будто бы подталкивающий ее: «Иди, иди, поддержи мое предложение». Она встала, поправила платок, оглядела зал, нашла макушку Караджи меж чьих-то плеч, вздохнула и сказала негромко:

— Товарищ Тарханов, видимо, просто погорячился. Впрочем, давайте голосовать. Поступило два предложения... Караджэ Ханову объявили выговор.

Новый директор не знал покоя. Допоздна светилося его окно, и если кто-нибудь, проходя мимо кабинета, бросал любопытный взгляд, видел, что Тарханов сидит над бумагами. Один. А на рассвете он уже шел неспешным шагом по поселку к фермам, и доярки, завидев его, стремглав бросались в коровники.

Айнагозель он послал на горные пастбища, где вели сенокос. Вернувшись, она зашла к нему. Тарханов ожилился, увидев ее, отодвинул бумаги, придавил их пресс-папье, чтобы не сдуло сквозняком.

— Ну, рассказывайте, что там, в горах.

Она села, ответила спокойно:

— Работает бригада неплохо, травостой хороший. Вот только просят пачет продуктов позаботиться, а то им мало завозят.

Тарханов недовольно похлопал ладонью по стеклу, перебил:

— Так. Завтра вместе едем в горы.

— Я же только что оттуда,— удивленно возразила Айнагозель.

— Ездил, да ничего не увидела,— с упреком сказал Тарханов.— Вот сводка. Пятьсот тридцать шесть центнеров. Так? А в прошлом году к этому сроку сколько было? Семьсот пятьдесят. Не привыкли анализировать.

— В прошлом году мы слишком рано начали косить,— торопливо стала объяснять Мамедова.— Сначала будто бы много получилось, а потом до плана дотянуть не смогли. Вот и решили нынче повременить, дать траве подняться.

— Эх, вы...— грустно проговорил Тарханов и снова подвинул к себе бумаги.

Почему она, смышленная, в общем, девчонка, не понимает его? Иногда втолковываешь очевидное. Вот и сейчас: ну как послать такую сводку? На двести центнеров снижены показатели. Ничего себе подняли хозяйство!

Айнагозель мучительно думала о чем-то. Он краем глаза видел ее недвижную, вроде бы даже скорбную фигурку.

— Мавы Тарханович,— сказала она, и в голосе ее зазвенели слезы,— я хотела... Помните, вы спросили, сработаемся ли мы? Так вот...

— Я все помню! — отчеканил он. — Я хотел видеть в вас союзника...

— Против кого? — вскинулась Айнагозель.

Он загнулся, не ожидая такого поворота, но тут же поправился:

— Не против, а за. В борьбе за подъем хозяйства.

То, что Тарханов услышал в ответ, поразило его.

— Мы не сработаемся, Мавы Тарханович. Может, вам лучше уехать отсюда?

С той поры Айнагозель для него словно и не существовала. Буркнет ей что-то вместо приветствия, пройдет мимо с каменным лицом. А когда началась стрижка овец, он через секретаршу приказал Мамедовой выехать на самый далекий кош Чал-Ой.

— И пусть там все как следует организует — с нее спрашивать буду, — предупредил он, глядя на секретаршу спокойными, немигающими глазами.

Айнагозель пришла к нему.

— Мавы Тарханович, — сказала она как можно сдержаннее, — ведь я главный зоотехник, нельзя мне весь период стрижки сидеть в Чал-Ое, я за всю кампанию в ответе.

— Опять? — поморщился Тарханов. — За совхоз в ответе я, а вы поезжайте, куда посылают. Я считаю тот участок самым благополучным. И давайте без митингования. Время дорого.

С тяжелым сердцем уехала Мамедова из поселка. А когда вернулась, узнала еще новость: Тарханов отстранил от работы старого чабана Келеджара.

Она стояла у доски приказов, и машинописный текст плясал у нее перед глазами: «...проверкой установлена крупная недостача шерсти... сдать отару... дело передать в следственные органы...»

Келеджар-ага был почитаем всеми. Айнагозель и мысли не допускала, что этот человек способен поступить нечестно. Ее еще на свете не было, а чабан Келеджар пас в предгорьях Копет-Дага отару. Когда пришла Советская власть, Годжалыбай решил угнать свой скот за границу. Позвал чабана: «Ты усердно служил мне, Келеджар, и я должен отблагодарить тебя. Перегоним скот на ту сторону — и половина отары твоя». Келеджар успел уже вволю хлебнуть байской милости. «Спасибо, ага, я сделаю все как следует». А сам пригнал отару в село. Председатель сельсовета удивленно спросил: «Чей это скот, парень?» — «Половина отары моя, другая при-

надлежит баю. Но настоящий хозяин скота народ. Берите овец».

Эту историю слышала Айнагозель в детстве, от своего отца, погибшего на войне. А потом и от других людей, и каждый раз с новыми подробностями.

И вот теперь Келеджара хотят отдать под суд за присвоение народного добра!

Возмущенная Айнагозель ворвалась в кабинет директора, заговорила с порога:

— Да вы понимаете, что делаете? Опозорили славного человека, облили грязью...

Тарханов медленно поднялся, задетый ногой стул пророкотал по полу, стукнулся о стену.

— Мне надоело выслушивать ваши поучения, уважаемая. Вы мешаете работать, суете нос не в свое дело. Я выпущен поставить вопрос...

Айнагозель выбежала, хлопнув дверью. В коридоре она столкнулась с Чары-ага. Он молча взял ее за руку и повел в комнату партбюро; усадил рядом с собой на диван, сказал:

— Что, дочка, тяжело?

У нее дрожали губы.

— Чары-ага, ну как он смеет! Он... он...

— Он убежден в своей правоте, — мягко возразил старик. — И, конечно, зла не желает.

— Но Келеджар-ага... Не верю!

— И я не верю. И никто не верит. Интересовался я, что там получилось. Ерунда какая-то. Прислали на кош стригалей, а парни ножниц пикогда в руках не держали. Тарханов-то взялся круто — в кратчайший срок кампанию закончить. Всех мобилизовать. Ну и настригли — половина шерсти на баранах осталась. Вот и вышла будто бы недостача. поголовье выросло, а шерсти меньше, чем в прошлом году.

— Так надо объяснить! — воскликнула девушка, готовая бежать и доказывать, что ни в чем не виноват старый Келеджар-ага.

— Подожди ты, коза, — остановил ее Чары-ага. — Я уже пытался — Тарханов и слушать не хочет. Правда, ко мне у него особое чувство, вроде ревности.

— Что же делать, Чары-ага? — Айнагозель с надеждой смотрела на него. — Нельзя же сидеть сложа руки.

— А мы и не сидим. — Он пригладил седые усы, пряча улыбку. — Я в райкоме был, рассказал все как есть. Келеджара из прокуратуры беспокоить не станут. Мы тут сами разбе-

ремся. Вот будет отчетно-выборное собрание — обо всем и поговорим. Надо же Тарханова в бюро избирать,— добавил он и глянул на нее с хитрецей.

Подсчет голосов показал, что за кандидатуру Тарханова в состав партбюро проголосовал только один человек.

Утром следующего дня Тарханов вызвал Мамедову:

— Я хочу уехать ненадолго. Останетесь за меня. Пусть Караджа подаст машину к четырем, чтобы успеть к ашхабадскому поезду.

Оказалось, что мотор у «газика» разобран, и Тарханову снова пришлось ехать в кабине самосвала. Караджа закинул в кузов перетянутый ремнями чемодан, захлопнул за директором дверцу, не спеша обошел машину, ударяя сапогом в скаты, сел за руль.

— Не опоздаем? — спросил Тарханов.

— Не должны,— равнодушно ответил шофер.

На станции Тарханов дал ему денег и послал в кассу. Караджа принес билет и сдачу, и тут подошел поезд. Караджа поднес чемодан, подтолкнул его в тамбур. Тарханов тяжело поднялся по узорным металлическим ступенькам. Дважды ударил колокол, загудел тепловоз, лязгнули сцепления, и поезд тронулся. Проводник встал на подножку, заслонив Тарханова.

Пророкотал последний вагон, земля перестала дрожать.

Караджа купил в буфете сигарет и направился к машине.

Приехав в поселок, он первым делом пошел отчитаться Мамедовой. У нее сидел Чары-ага.

— Успели? — спросила Айнагозель.

— Посадил,— ответил Караджа.

— Вот мы и доели тот пуд соли,— сказал Чары-ага.

Айнагозель и Караджа посмотрели на него недоуменно. Потом Айнагозель вспомнила и улыбнулась невесело.

— А ты не вешай головы, дочка,— продолжал старик.— Работать надо. В райкоме мне говорили, что тебя директором рекомендовать будут.

БЫВАЕТ И ТАК

Рассказ

— Гельди! Положи билет на стол!

Он, не смея взглянуть в лица товарищам, сидевшим тут, в клубе, весь красный, поднялся с места и, тяжело ступая, словно к его ногам были привязаны пудовые камни, подошел к столу президиума. Вялым, безвольным движением вынул из внутреннего кармана пиджака комсомольский билет, и, когда клал его на край стола, у него дрожали не только руки, но и лицо.

Секретарь колхозной комсомольской организации Гюльджемал Торасва взяла билет Гельди, полистала, сказала негромко:

— Ты свободен...

Гельди мешкал, не уходил.

— Ты что-то хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что ты все же добила своего! Добилась своей цели! — ответил Гельди, багровея еще больше. — Что ж... посмотрим...

— При чем здесь я? У меня нет к тебе личной вражды. Я выполняю волю собрания...

Гельди резко повернулся и вышел из клуба, но тут же, у выхода, остановился, не зная, что делать дальше, куда идти.

Солнце давно село, спала дневная жара, и дышать стало легче. Мягкий ветерок, время от времени набегая, играл листьями молодых тополей, посаженных всего два года назад, тогда, когда на берегу Каракумского канала рождался новый поселок. Один за другим в окна загорались огни, слышалась приглушенная музыка. Какой-то певец, кажется, Сахи Джепбаров с чувством воспевал косы Лейли.

В другое время Гельди приостановился бы, прислушался к песне, слова бы мимо ушей не пропустил, а то и сам бы стал подпевать. Но сейчас ему было не до песен. Опустив низко голову, он брел по площади перед клубом.

— Гельди! — услышал он возглас позади себя. — Обожди!

Гельди оглянулся — в дверях клуба стоял его друг Чары, тракторист. Чары догнал парня, взял его под руку, потянул в переулок.

— Пойдем поскорее!

Гельди удивился:

— Куда ты меня тянешь? Почему ушел с собрания? Разве оно уже кончилось?

Где там! Когда ты видел, чтобы Гюльджемал закружилась раньше полуночи? Просто я решил взять тебя с собой...

— Куда взять? Куда ты меня тянешь?

— Как куда? Конечно, к себе домой. Сейчас придем, посидим, побеседуем, пропустим по рюмочке. Плохо ли? Для человека в беде нет лучшего друга и утешителя, чем это лекарство. Вот увидишь, сразу на душе полегчает!

— Нет, что ты! Если я сейчас выпью, мне станет еще хуже... — Гельди приостановился, попытался высвободить руку. — Я лучше пойду домой. Хочется побыть одному, подумать... Надо же! В двадцать три года я стал феодалом! Вот тебе и раз! Из комсомола исключили!

— Да пойдем же, — не отставал Чары. — Покушаем, выпьем. Если захочешь, на дутаре сыграю. А что хорошего тебя ждет дома? Шекер ушла. Дома одна мать, да и та, наверное, слезы проливает. Очень весело! Ей-богу, послушай меня! Идем!

— Нет, Чары. Прошу, оставь меня одного... — Гельди с трудом высвободился.

Чары с досадой махнул рукой и убежал в клуб, на собрание. Гельди миновал две улицы, узкий переулок. А вот и его жилье. Аккуратный красивый домик с верандой... Кажется, матери нет дома. В окнах темно, веранда тоже не освещена. Куда могла уйти мать? Идти ей некуда, разве что к соседке...

Гельди поднялся по ступенькам, нащупал в темноте выключатель. Резкий свет ударил в глаза. Огляделся — на столе ужин, в фарфоровом чайнике чай. Уходя, мать позаботилась о нем.

Гельди не дотронулся до еды, не стал пить чай, закурил и со вздохом опустился на старый диван, что стоял у стены.

Эх, тяжело! А ведь еще неделю назад жизнь была совсем другой! Ни забот, ни волнений... И вот неприятность, как злой ястреб на голову... А все из-за Шекер... Нет, она ни в чем не виновата! Виноват он сам, безвольная тряпка...

— Убить меня мало! — с досадой прошептал Гельди и скрипнул зубами.

...А ведь Гельди и в самом деле был прав — в том, что случилось, Шекер была ни капельки не виновна. Добрая, веселая, она никому в жизни не причинила вреда. Она полюбила Гельди всей душой; доверила ему свою судьбу, свою жизнь, а он не смог оградить ее от неприятностей и невзгод...

Гельди вернулся из Байрам-Али с дипломом механика-водителя, Шекер в тот же год окончила среднюю школу. Она не поехала в город учиться дальше, как поступили ее подруги, а надела белый халат и стала дояркой. Когда она, стройная, черноглазая, с косами толщиной в запястье, явилась на ферму, доярки к ее появлению отнеслись недоверчиво. Разве такая красавица захочет возиться с коровами? Просто какая-то блажь на нее нашла...

— Поработает пяток дней, а на шестой и след ее простынет! — предсказывали одни.

— Нет, — возражали другие. — Наоборот, она будет стараться изо всех сил, чтобы обогнать нас и получить Героя. Героиней задумала сделаться. Золотую Звезду на груди носить...

И никто из этих предсказателей не был прав. Просто Шекер была настоящей дочерью родного края, она любила всей душой свое село. Еще девочкой, пионеркой, она все свободное время проводила на ферме, ухаживая за животными. Так разве было непонятно ее желание пойти на ферму дояркой? Возможно, она хотела работать так, чтобы быть примером другим. Возможно... А разве это плохо? Возможно, она и мечтала носить на груди Золотую Звезду. И в этом нет ничего плохого. Награду дают за труд...

Словом, когда Шекер пришла на ферму, за ней закрепили пять коров, а через месяц она уже доила десять. Как же был удивлен заведующий фермой, когда еще через месяц Шекер попросила дать ей двадцать коров.

— Сколько? Сколько? Двадцать? — не поверил своим ушам заведующий.

А через неделю он удивился еще больше, услышав от Шекер:

— Дайте еще пять!

Заведующий нашел нужным предостеречь ее:

— А ты подумала как следует, Шекер? Справишься ли? Ведь так и посмешищем для людей можно стать. Пять лет тому назад двадцать пять коров доили двадцать пять женщин.

— Это была ваша вина. А над тем, что вы мне сказали, я подумаю, когда у меня будет тридцать коров...

Председатель колхоза к этой ее просьбе не отнесся всерьез. Он охотно поддерживал каждое начинание, был человеком передовым и уважал молодежь, но и он призадумался, покачал головой:

— Нереально это...

А завистницы, которым не под силу было тягаться с молодой дояркой, снова принялись предсказывать:

— Долго не потянет, выдохнется...

Нет, Шекер не выдохлась. Она успешно справлялась с дойкой двадцати пяти коров и упорно продолжала думать над тем, чтобы довести их до тридцати. И ведь вот что было удивительно старым женщинам, работающим на ферме: такой напряженный труд совсем не выматывал девушку. Приходя домой, она не валилась на кровать, обессиленная, а читала, занималась рукоделием, участвовала в клубной самодеятельности и не пропускала ни одну кинокартину.

Ничего нет странного в том, что ее энергия, ее жизнелюбие притягивали к ней многих односельчан. Пожилые люди любили Шекер за вежливость и уважительность, молодые — за веселый нрав, честность в дружбе, верность слову. Тропинка, протоптанная к дому Шекер свахами, не зарастала. Среди свاخ были и такие, которые неизмеримо высоко ценили своих женихов, но ни одна из них не удостоилась согласия ни Шекер, ни ее матери.

Да, нельзя было не любить такую девушку, не думать о ней. И одним из первых в Шекер влюбился Гельди. Прямо открыться он не решался, только ходил в сторонке да издали любовался своей красавицей. Если же ему приходилось встречаться с нею лицом к лицу на дороге или в кино, краска заливала его щеки, он терялся, не в силах вымолвить нужное слово, хотя в глубине души надеялся, что девушка к нему тоже равнодушна.

Конечно, они открылись бы друг другу в своих чувствах, но когда? Однако случай ускорил события.

Возле колхозной конторы висела Доска почета. Каждый месяц на ней менялись портреты передовиков, тех, кто побеждал в соревновании, и только фотография улыбающейся, жизнерадостной Шекер не сходила с доски.

И вот как-то ранней весной Гельди подошел к стенду полюбоваться своим портретом (его только-только вывесили на Доске почета) и тут увидел рядом со своей фотографией Шекер. Приятно защемило сердце от такого совпадения.

Гельди оглянулся по сторонам — не заметил ли кто его чувств? — и тут обнаружил, что возле него стоит Шекер и тоже смотрит на Доску почета.

Лучшего случая для разговора подыскать трудно, и на этот раз Гельди не растерялся. Правда, сильно покраснев, он все-таки храбро выпалил:

— Нравится тебе, Шекер, что мы здесь вместе, рядышком?

Видя, как заалели щеки Шекер, Гельди понял, что вопрос попал в цель.

— Неплохо, — ответила Шекер, улыбнулась и ушла.

Это была не просто дежурная улыбка, улыбка вежливого, воспитанного человека. За нею крылись теплота, ласка, сердечность, и их влюбленный парень не мог не почувствовать.

Улыбка Шекер лишила по ночам сна, а днем покоя, но она же и удвоила силы, вдохнула энергию в Гельди. Он ощущал необыкновенный душевный подъем, и, когда вспоминал эту улыбку, ему казалось, что даже колеса трактора начинают вращаться быстрее. А весенняя земля, что парилась легким дымком под плугами трактора, голубое небо, по которому неслись легкие облачка, казались еще прекраснее, еще роднее, как чистое, прекрасное лицо Шекер.

Гельди был в семье единственным ребенком, рос без отца. Отец погиб на фронте, и матери пришлось одной воспитывать сына. Возможно, от горькой вдовьей доли, а возможно, и просто от природы Сонагюль-эдже была чрезмерно обидчива и ворчлива. Чуть что — ударится в слезы или начинает осыпать сына попреками. Была она еще к тому же и набожной, почитала шариат и молилась в день по пять раз. Конечно, Гельди не мог поведать матери о своем чувстве. Кто знает, как отнесется к его рассказу старая обидчивая женщина... Понравится ли ей веселая, жизнерадостная сноха? Ведь порою даже громкий смех Гельди заставляет мать хмуриться. Как же быть? Ну, допустим, она даст согласие на свадьбу, а в первый же день скажет своей невестке: «Надень-ка, яшмак, милая! Я терпеть не могу болтливых женщин, что ходят с непокрытым ртом». Смешно подумать, что Шекер наденет яшмак. Она, конечно, ответит свекрови: «Я пришла в ваш дом не затем, чтобы носить грязный яшмак. Кому он нравится, тот пусть сам и носит!» Вот как, разумеется, ответит Шекер — и тогда конец в доме миру и спокойствию!

Эти думы не выходили у парня из головы. Он представлял

себе воображаемые споры, становился мысленно то на сторону матери, то на сторону Шекер. И конечно же любовь победила.

Мать первая заговорила о его женитьбе:

— Не пора ли, Гельди-хан, ввести в дом невестку? Я стара, мне трудно справляться с хозяйством...

Гельди подхватил разговор:

— Если ты одобришь мой выбор, то после посевной можно справить свадьбу.

— Что-то у тебя все легко получается, сынок! — Со-нагюль-эдже с сомнением покачала головой. — Ты уже выбрал себе невесту?

— Сказать? — Гельди тоже засомневался.

— Скажи, дорогой, скажи! С кем же и поделиться, если не с родной матерью!

Внешне Со-нагюль-эдже казалась спокойной, но в душе у нее всколыхнулась тревога. «Что за девушка? Чья она? Откуда? Помоги, господи», — мысленно молилась она, шевеля блеклыми губами.

— Шекер тебе нравится, мама? — спросил Гельди.

— Кто? Кто? — Со-нагюль-эдже привстала.

— Шекер-доярка.

Со-нагюль-эдже поджала губы, не проронив ни слова. Ее молчание было плохим признаком, и все-таки Гельди спросил:

— Что ты скажешь о Шекер?

Со-нагюль со слезами в голосе, раздраженно ответила:

— А что мне о ней говорить? Ты ее выбрал — ты и говори.

— Значит, она тебе не нравится?

— А чего в ней хорошего?

— Но почему ты против Шекер? Чем она тебе не подходит? Или некрасива, или делать ничего не умеет?

— Ветреная она, попрыгунья...

И тут Гельди проявил характер. Может быть, впервые в жизни он твердо сказал:

— А мне, кроме нее, никого не нужно!

— Уж не знаю, чего хорошего может ждать в жизни человек, который не признает свою мать... — обидчиво произнесла Со-нагюль и две недели после этого не разговаривала с сыном.

Однако Гельди стоял на своем, и она, поразмыслив, решила дать согласие на свадьбу. Ведь будет хуже, если сын женится вопреки ее воле. От людей станет стыдно:

вот, мол, какого вырастила, и в грош ее не ставит. Надо смириться. Видно, такова судьба. От нее не уйдешь.

Сонагюль-эдже сказала сыну как-то вечером:

— Я даю согласие на свадьбу, но помни: хозяйкой в этом доме буду я до самой своей смерти!

Первый месяц молодожены жили душа в душу, и мать им не мешала. Она все присматривалась к невестке. Гельди даже показалось, что Шекер понравилась матери и она довольна. Действительно, чего лучшего желать для матери, если не счастья ее единственного сына? Только живи, гляди на молодых да радуйся.

Но скоро пришел конец этой идиллии. Как ложка дегтя может испортить бочку меда, так иногда одно грубое или неуместное слово может искалечить людям всю жизнь.

Прошло немного больше месяца, и Сонагюль сказала про невестку:

— Все бы ей из дома бежать... Словно бездомная...

А дело заключалось в том, что Шекер хоть и надела на голову платок замужней женщины, все же не могла совсем распроститься с девичьей порой. Ее подруги после работы веселыми стайками летели в кино, участвовали в колхозной самодеятельности, танцевали и пели, а Шекер теперь была лишена всего этого.

Каждый раз, когда диктор колхозного радиоузла объявлял о демонстрации нового фильма и приглашал всех в клуб, Гельди выжидательно смотрел на мать.

Взгляд его был красноречив и понятен и Сонагюль, и Шекер. Он как бы говорил: «Скажи нам, мама, чтобы мы пошли в кино, чтобы мы отдохнули после работы, повеселились. Ведь мы еще молоды, у нас нет забот и детей нет». И супругам казалось, что мать непременно скажет: «Идите, дети, идите!»

Да где там! Наверное, легче добраться до неба, чем дожидаться Шекер таких слов от своей неласковой свекрови. Едва диктор произносил только два слова — «клуб» и «кинофильм», как старуха вскакивала с места и с ожесточением выдергивала вилку из розетки. На этом и глохла идея пойти в кино. Воцарялось тягостное молчание. Настроение было испорчено. Гельди молча сердился на мать, и в душе у молодой женщины начинал шевелиться червячок сомнения. «И слова против матери сказать не может, на своем настоять не умеет, все глядит из ее рук...»

Проходили дни. Хлопчатник, ко дню свадьбы Шекер

и Гельди выкинувший только первые листочки, теперь уже был выше пояса, на нем забелели коробочки.

Шекер по-прежнему работала на ферме хорошо, только стала немного грустнее да после работы спешила домой.

Доярки пили чай в обеденный перерыв, когда к ним на ферму пришла секретарь комсомольской организации Гюльджемал Тораева. Она стала раздавать билеты на концерт — приехал танцевальный ансамбль из Ашхабада. Когда очередь дошла до Шекер, она сказала:

— Ты тоже пойдешь? Или билеты зря пропадут?

Шекер покраснела, спросила с вызовом:

— Почему это пропадут?

— Потому что ты, как наседка, сидишь все время в своем гнезде и никуда не выходишь. Наверняка и на концерт не пойдешь!

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, поэтому и говорю. Разве с таким мужем пойдешь куда-нибудь?

— Твое дело — дать мне билеты, а мое дело — пойти или не пойти! — Шекер, не допив чая, вскочила с места и, гремя ведрами, ушла в коровник.

Когда Гельди вернулся с работы домой, Шекер сидела уже принаряженная, в новом платье из кетени, на голове цветастый, яркий платок.

— Куда это ты собралась? — удивился Гельди.

Шекер вместо ответа протянула ему билеты. Гельди повертел их в руках, спросил:

— Мать знает об этом?

— Нет, а что? — как ни в чем не бывало спросила Шекер.

— Как что? Нужно обязательно ей сказать, спросить разрешения.

— Ну вот и скажи.

— А может, не пойдём?

— Почему?

— Ты же знаешь... — Гельди взглянул на жену жалобно, как ребенок.

— Хочешь правду, Гельди? С этого дня я ничего не знаю и знать не хочу. Сегодня я чуть со стыда не сгорела, когда получала от Гюльджемал билеты. Наседкой меня назвала.

Шурша платьем из кетени, Шекер подошла к зеркалу, провела расческой по волосам, сказала:

— Собирайся поскорее. Не каждый день к нам в кол-

хоз приезжают артисты из Ашхабада. Пойдем, немного побудем на людях!

— Значит, ты решила непременно пойти?

— Да, решила. Я долго ждала, что ты сам предложишь пойти нам куда-нибудь, но так и не дождалась. — Она сняла с гвоздя полотенце и протянула мужу. — Иди же поскорее умойся! Опаздываем! По дороге поговорим.

Гельди не пошел умываться. Он перекинул полотенце через плечо, сел за стол и, облокотившись, задумался.

Шекер подошла сзади, обняла мужа за плечи, затормозила:

— Ну, чего пригорюнился? Вставай, умывайся!

— Я не могу пойти, Шекер, — с трудом выдавил из себя Гельди и снял руки жены со своих плеч.

— Почему не можешь? Боишься матери?

— Ты же знаешь, что ей не понравится, если мы ночью пойдем на концерт...

— Какая ночь? Сейчас всего лишь семь часов. Скажи мне: почему матери нравится, что мы работаем с тобой наравне, едим за одним столом, но вдруг не понравится, если мы вместе сходим на концерт?

— Не знаю, не знаю... — нерешительно промямлил Гельди.

— Кому же знать, если не тебе? — наступала на него Шекер.

— Давай прекратим этот разговор...

— Нет, Гельди, давай поговорим. До замужества я не представляла тебя таким... таким бесхарактерным. Я вышла за тебя не потому, что искала мужа, я вышла по любви. Все мне в тебе нравится: и лицо, и фигура, и глаза, и слова, и поступки. Вернее, нравились поступки, но сейчас... Я гордилась твоим авторитетом в колхозе, твоими успехами, я думала: чего мне желать большего? Я люблю Гельди, мы будем вместе жить, трудиться, красиво одеваться, весело отдыхать. Он будет счастлив мною, а я им. Но мне и в голову не приходило, что парень, который носит в кармане комсомольский билет, который своим трудом прославился на весь Мургаб, находится под таким влиянием у своей матери с отсталыми взглядами. Теперь я кое в чем убедилась. Оказалось, что дальше своего носа я не видела в жизни...

В ее словах была только правда, и Гельди ничего не оставалось делать, как сидеть, опустив голову. А Шекер, высказавшись, погрузилась, ей стало жаль мужа — она

обидела его, задела мужское самолюбие, — но было обидно и за себя: ведь он не разделяет ее боль, не понимает ее.

— Раз я человек, то хочу жизнь по-человечески, хочу, чтобы уважали меня! — сказала она, и голос ее задрожал.

— Ей-богу, Шекер! Ну что ты плетешь? Кто мешает тебе жить по-человечески?! — воскликнул возмущенный Гельди.

— Ты и твоя мать, — резко ответила Шекер. — Мои желания для вас ничего не значат.

— Разве ты голодна или раздета? — сказал Гельди, не замечая, что повторяет слова своей матери.

— Разве дело только в том, сыт человек или нет? Если бы весь смысл жизни сводился к наполнению желудка или же к тряпкам, то жить стало бы очень тоскливо. Человеку нельзя без друзей, без песен, без кино, без радости, без веселья. Я говорю о человеке, но и животное выдерживает недолго, когда его держат в четырех стенах. Думаешь, наша корова по своей воле стоит на привязи с утра до вечера? Нет, не по своей... В одной из книг написано: человек должен жить красиво. Понимаешь, красиво!

— Ты так меня убеждаешь, словно я пень и ничего не понимаю! — сказал Гельди, бросив исподлобья взгляд на двери, ведущие в комнату матери.

— А если понимаешь, то борись за свое достоинство, не робей перед ветхой стариной! Если хочешь знать, весь колхоз смеется над нами. Сегодня...

Шекер не договорила. Открылась дверь, и на пороге появилась свекровь, лицо ее было пасмурно. Весь ее вид говорил, что она слышала разговор невестки и сына. Гнев распырал Сонаголь.

— Ты, невестушка, сегодня что-то слишком разговорчива, конца нет твоим речам! — сказала ехидно свекровь. — Кто же это ветхая старина? Я? Повтори-ка еще.

— Достаточно и одного раза, если вы слышали.

— А мне хочется услышать еще раз!

Шекер промолчала. Свекровь надвигалась на нее. Гельди испугался, что мать вцепится Шекер в волосы, встал из-за стола.

— Мама, займись, ради бога, своим делом!

— Помолчи! — прикрикнула мать и сдернула с головы Шекер платок. — Больно паряжаться ты стала! Значит, в хуруп собралась?

Шекер вырвала платок из рук свекрови.

— Да, в клуб!

— Пока я жива, ты не будешь таскаться по хулам! — Сонагюль снова наступала на молодую женщину. — Сплетен только нам не хватает! Погуляла девушкой — и будет! Теперь твоей заботой должен быть дом! Если станешь пренираться со мной, уйдешь и с работы. Нам достаточно того, что зарабатывает Гельди. Не так ли, сынок?

Гельди не подал голоса. Старуха, оставив невестку, набросилась на сына:

— Почему не отвечаешь матери? Онемел, что ли?

Гельди в ответ лишь махнул рукой:

— Ну, мама!

— Что «мама», «мама»? — передразнила его мать. — Хочешь новое имя придумать матери? Если ты считаешь себя мужчиной, прикрикни на жену, пусть помолчит, не шипит на твою мать!

— Шекер, хоть ты не упрямься! Ладно уж, обойдемся и без этого концерта! Оставь...

— Нет, после всего, что было, я не могу «оставить», Гельди, — ничего не боясь, сказала Шекер, — если хочешь, пойдем, а не хочешь...

— А если не хочу?

— То сиди дома. Сиди со своей матерью!

Шекер взяла со стола один из билетов и направилась к двери.

— Не смей идти! — Старуха, раскинув руки, загрозила ей дорогу.

— Силой не удержите меня. Уйдите с дороги...

— Не уйду! — Сонагюль обеими руками толкнула невестку в грудь. Шекер пошатнулась, но не упала.

— Уйдите, говорю вам! — Шекер рванулась к двери.

— Сынок, уйдет! — завизжала старуха и ухватила Шекер за косу.

Если бы Гельди замешкался, еще полная сил Сонагюль вмиг бы расправилась с хрупкой Шекер — исцарапала бы ей лицо, повырывала бы волосы. Парень встал между женщинами, схватил мать за руку.

— Стыдись, мама!

Сонагюль пыталась дотянуться до Шекер. Гельди загордил жену, но, не рассчитав движения, нечаянно ударил ее локтем в висок. Он даже не понял, что случилось, когда увидел лежащую на полу Шекер с закрытыми глазами.

— Шекер! — послышался позади него возглас.

Это вошла Гюльджемап Тораева. Прямо с порога она

бросилась к лежащей женщине, подняла ее голову. Шекер открыла глаза.

— Вай-вай!.. Откуда она свалилась на нашу голову? — забормотала испуганная появлением Гюльджемал старуха и юркнула в свою комнату.

Шекер окончательно пришла в себя. Гюльджемал помогла ей подняться, уложила на диван. Гельди стоял растерянный и потрясенный, с бледным, без кровинки, лицом.

— Что это такое? — спросила его Гюльджемал.

Он молчал, не зная, что ответить.

— Я вижу, ты не только запер бедняжку в четырех стенах, но еще и стал поднимать на нее руку? — Гюльджемал с презрением смотрела на Гельди. — И после этого ты можешь называть себя комсомольцем? Нет... Ты не комсомолец. Ты феодал!

— Говори... Что хочешь говори, Гюльджемал... Ты... ты права... Я все выслушаю от тебя... — бормотал убитый происшедшим Гельди, не смея посмотреть девушке в лицо.

— Я что! Ты не передо мной, ты перед всеми комсомольцами будешь держать ответ! — сердито сказала Гюльджемал и вышла.

Шекер долго не задержалась в доме мужа после ухода подруги. Она поправила на голове яркий платок, в котором собралась пойти на концерт, и, не сказав ни слова, скрылась за дверь.

Все произошло точно во сне. Гельди стоял, ничего не понимая. Из оцепенения его вывел истошный голос матери:

— Ну, чего стоишь, словно аршин проглотил? Беги догони ее!

Гельди, очнувшись, бросился вслед за женой.

— Шекер, подожди! — кричал он. — Подожди же-е-е!

Шекер, не оглядываясь, быстрым шагом шла к дому своих родителей...

После этого события прошла неделя. А вот сегодня состоялось комсомольское собрание, где Гельди положил на стол билет.

Теперь же он валялся на диване, уставившись взглядом в темное небо открытой веранды, перебирая в памяти случившееся.

По ступенькам, охая и всхлипывая, поднялась на веранду мать. Вытирая глаза уголком платка, со слезами в голосе она стала рассказывать:

Чтоб мне пропасть, боже мой! Как только проводила тебя на собрание, пошла к Шекер. Вначале стала ее мать

упрашивать: «Пусть жена к мужу идет! Молодые должны уступать старикам!» — «Пусть идет, — говорит мать, — я ее не держу, не на той пригласила. Только запомни, Сона-гюль: не для того я растила свою дочь, чтобы она была в твоём доме бесправной служанкой!» Чего только, сынок, она еще мне не наговорила! Да не буду пересказывать! Злость в ее глазах так и кипела. А я что ж? Раз чувствовала себя виноватой, пришлось сидеть прикусив язык. Да ты, сынок, слушаешь меня или о своем думаешь? Вижу, от матери ничего путного не добиться, пошла к самой Шекер. «Идем, невестушка, говорю, идем, дорогая. Не надо обижаться. Слова поперек не скажу тебе! С этого дня делай, что твоей душе угодно. Не то что в клуб — в Ашхабад в кино летайте на самолете, и слова не промолвлю...» Вот что я ей сказала! И еще я сказала: «Я слепая была, хоть и с глазами, поддалась наущению шайтана, дала волю своим рукам, но в сердце я против тебя зла не таю... Серна моя, ты уж на первый раз прости полоумную старуху!» Да ты слушаешь меня, Гельди, или нет? Я что, стенке рассказываю?.. Так вот, я ей сказала, что ты ушел на собрание. «Как бы, говорю, книжку не отобрали, а ругать — пусть поругают». А она знаешь что, негодная, мне ответила? «Что, говорит, вы так убиваетесь? Ведь не хороните...» Встала и ушла. Словно по щеке меня ударила. Ноги у меня аж подкосились. С трудом добралась до дома... А тебе что сказали на собрании, сынок?

— Думаешь, поблагодарили?

— Книжку твою не тронули?

Гельди ничего не ответил, встал с дивана и вышел во двор.

— Сынок! Куда же ты? — крикнула встревоженная мать.

Гельди шел пыльной улицей к дому, где теперь жила Шекер. Он не хотел туда идти, но ноги несли помимо его воли. Мысли подступали одна за другой. Что делает сейчас Шекер? Дома ли она? Может, ушла к подруге пожаловаться, отвести душу, а может, легла пораньше спать. Ведь завтра вставать чуть свет. В окнах темно, освещена только веранда, но она пуста.

Внезапно в одном из окон загорелся свет. Гельди вздрогнул — он увидел стоящую посредине комнаты Шекер. Встав на цыпочки, вытянув шею, он стал следить за каждым ее движением. Шекер подошла к зеркалу, но долго не задержалась перед ним, поправила волосы и отошла. Села за стол,

раскрыла книгу, тут же с силой захлопнула ее, поднялась со стула. Ухватившись обеими руками за голову, заходила по комнате взад и вперед. Видно, переживает. Но что тревожит ее? То ли, что рушится семья и она вынуждена уйти от мужа, то ли ей уже известно, что Гельди исключили из комсомола? Может, обвиняет во всем случившемся себя? Нет, она ни в чем не виновата!

Гельди захотелось в два прыжка достичь окна и закричать: «Шекер-джан, прости меня! Лишь бы ты простила, а все остальное будет хорошо!»

Он хотел крикнуть громко, а вместо этого чуть слышно прошептал имя жены. Язык не повиновался ему. Мысли одна противоречивее другой помешали окликнуть Шекер. А вдруг она не захочет с ним разговаривать? Просто уйдет из комнаты — и все. К тому же лохматая дворняжка, лежащая под верандой, учуяла чужого и, подняв голову, предостерегающе тьякнула. На собачий лай может выйти теща. На язык она острая. Скажет: мол, чего ты слоняешься по чужим дворам, тревожишь собак, мог бы и стороной обойти наш дом. Скажет — и от стыда сквозь землю провалишься.

Гельди почувствовал, как у него запылало лицо, словно и впрямь теща произнесла свою неласковую речь. Он с трудом оторвал взгляд от освещенного окна и поплелся дальше по улице, сам не зная куда.

Ноги его привели к дому с зелеными воротами. Здесь жил друг детства Гельди — Гочак, ныне секретарь райкома комсомола. Сейчас Гочака дома не было. Встретила его мать, любившая Гельди, как родного сына.

— Заходи, сынок, заходи! — радушно пригласила она.

— Шаллы-ага дома? Я хотел бы с ним поговорить.

— Дома, дома! Где же ему еще быть! — откликнулась весело женщина.

Она провела Гельди в комнату, где находился Шаллы-ага, отец Гочака, крупный, высокий старик с пышной белой бородой. Ему шел седьмой десяток. Яшули лежал на ковре посередине комнаты, облокотившись на подушки, и с наслаждением попивал зеленый чай. Гельди учтиво поздоровался.

Яшули поднял голову, кивнул.

— А, это ты, Гельди-хан! Жив-здоров? Проходи, садись! — Он указал на ковер рядом с собой. — Как дела, Гельди-хан?

— Хуже некуда, Шаллы-ага.

— Да, слышал, слышал... Что ж ты собираешься делать?

— Не знаю... В голове полный сумбур. Пришел к вам за советом, как вы скажете, так и поступаю...

— Что же я могу тебе посоветовать?

— Я хочу,— перешитительно начал Гельди,— написать жалобу Гочаку — пусть мне вернут билет... Поговорите с Гочаком...

Глаза старика блеснули гневом.

— Мать, ты слышишь, что говорит этот дурень?! — закричал он и, трясая бородой, отпихнул от себя пиалу с зеленым чаем. — Он будет творить плохие дела, а я со своей седой бородой должен искать ему заступника?!

— Отец, ну зачем так кричишь! Твои уши не слышат того, что говорит язык! — вступилась за Гельди хозяйка дома.

— Слышат! Даже очень хорошо слышат! — еще больше разгорячился Шаллы-ага. — Вот ты недавно комсомолец и уже потерял комсомольский билет, а я партбилет сорок пять лет ношу в кармане! Моя борода поседела оттого, что я боролся с такими, как ты! С теми, кто унижал женщину, не считал ее за человека! Тебе досталась такая жена, а ты... а ты... Нет, пока у меня будут силы, я буду бороться с негодными людьми, а не заступаться за них! Жаль, что я не был на твоём собрании, я бы выступил, я бы сказал...

Гельди еле унес ноги от сердитого старика.

«Неужели мне уже никто не поможет и я так и останусь без комсомольского билета, с позорной кличкой «феодал»? Нет, нельзя терять надежду, — успокаивал он себя, — у меня есть друг, а от него все зависит. Моя судьба в его руках. И как бы ни сердился Шаллы-ага, друг поддержит меня ради нашей дружбы...»

Гельди пять дней ждал ответа на свое заявление. На шестой он получил по почте приглашение в райком. Гельди ликова! «Вот это да! Быстро разобрался в моем деле Гочак! Побранит для видимости и отдаст билет!»

Вручив руль хлопкоуборочной машины своему помощнику Чары, Гельди поспешил в райком комсомола, даже не сменив рабочую одежду.

В район он приехал на первой же попутной машине. В райкоме комсомола было назначено совещание, просторный коридор перед залом и веранду заполнили нарядно одетые юноши и девушки. Все были оживленны и веселы, и только Гельди мрачно молчал. Сердце, что-то предчувствуя, тревожно ныло. «Обошлось бы... — тоскливо думал он. — В жизни не обижу Шекер. Дурак я был, дурак...»

Из комнаты выглянула девушка с косами и спросила:

— Гельди Караев здесь?

— Я!

— Идите на бюро.

Гельди поздоровался со всеми членами бюро. Заметил, что в комнате сидит и Гюльджема́л Тораева. Гочак начал с того, что знает Гельди с детства, вместе росли, у одного арыка, вместе вступали в пионеры и в комсомол... «Как тонко ведет разговор!» — восхищался другом-дипломатом Гельди, слушая речь.

— А сегодня... — Гочак закашлялся, помолчал немного и с трудом сказал: — Сегодня его комсомольский билет вот лежит перед вами...

— Я осознал свою вину, Гочак, — пользуясь паузой, зачастил Гельди. — Верни мне билет.

— Нет, Гельди, я не могу тебе вернуть билет. Это решает бюро...

Один за другим выступали члены бюро, и Гельди стало ясно, что мало осознать вину, надо исправиться, надо доказать людям, что все плохое позади и что старое не повторится.

— Поработай, Гельди, поживи, подумай. Если простит тебя Шекер, если простят тебя товарищи и скажут, что ты снова душою чист, вот тогда и приходи в райком комсомола. Тебе вернут комсомольский билет независимо от того, будешь здесь работать или нет, — сказал в заключение Гочак.

...Когда Гельди вернулся в поле, солнце уже посылало на землю косые лучи. Заметив приближающегося друга, Чары, сидевший за штурвалом, крикнул:

— Ну как, Гельди, соколом вернулся или курицей? Гельди не ответил на его вопрос, сказал:

— Ты устал, наверное, дай-ка тебя сменю.

Чары с досадой почесал затылок, сожалея, что выскочил со своим неуместным вопросом.

Гельди дважды опорожнил бункер от хлопка и повел машину по ряду хлопчатника в третий раз. Белые коробочки заалели вечерним отсветом. Он посмотрел в сторону, где остался его помощник, и увидел, что Чары что-то кричит и показывает рукой. Проследив взглядом за его рукой, Гельди увидел, как вдоль межи к нему идет Шекер в своей яркой зеленой косынке.

БРОДЯГА

Рассказ

Стояла теплая солнечная осень. Выполняя срочные задания редакции, я мотался по области и чуть ли не каждый день оказывался в новом районе.

На этот раз, находясь в Сакар-Чаге, я продиктовал по телефону нашей машинистке спешную информацию о сборе хлопка в колхозах и вернулся в Мары. Я мечтал успеть на вечерний автобус и побывать еще в одном районе. Однако времени уже было много и я опаздывал. Небо заволочло тучами, запахло дождем. «Э, пожалуй, не стоит на ночь выезжать в непогоду,— решил я.— Поужинаю-ка лучше да отдохну до утра!»

Вот так я и остался ночевать в Мары.

Оказалось, поужинать было непросто. У входа в ресторан стояла очередь в ожидании свободных мест. Я раздумывал, присоединиться ли к ней или пойти в гостиницу, и тут мне навстречу из очереди шагнул рослый парень в кожаной куртке.

— Неужели это ты? — Он схватил меня за руку. — Здорово, братец!

Я с недоумением смотрел на него.

— Не узнаешь?

— Нет...

— Ну, братец, не ожидал. — Парень огорченно покачал кудрявой головой. — И ту жуткую ночь забыл?

Я молчал, пытался и не мог вспомнить, кто же передо мной.

— А ведь мы вместе ехали из Иолотани! Еще по дороге увязли... Боялись, что придется ночевать в снегу...

Только теперь я вспомнил его. Радостно воскликнул:

— А... Да! Ты — Пендикули!

Пока мы здоровались, пожимали друг другу руки, в правом углу просторного зала, у открытого окна, освободился столик, и носатый, с квадратным подбородком официант махнул рукой в нашу сторону.

— Пойдем, братец, нас зовут! — потянул меня за собой Пендикули.

Важно рассевшись за столом, откинув голову, словно молодой беркут, Пендикули сейчас напоминал человека, сделавшего какое-то полезное дело и заслужившего благодарность. Мне показалось, что так и должно быть. Ведь я теперь вспомнил, как два года назад на тонком солончаковом поле между Иолотанью и Мары холодной зимней ночью он так самоотверженно трудился, пытаясь вызволить машину из непролазной грязи, что не мог не вызвать к себе уважения. Но, видно, правду говорят, животное пестро шкурой, а человек — нутром. После нескольких рюмок, которые выпил Пендикули, он вдруг предстал мне совсем в ином свете.

Надо сказать, что за столом он пил значительно больше, чем ел, пил с азартом, смачно причмокивая. Меня удивляло, что этот молодой, двадцатипятилетний парень, не старше, так пристрастился к водке. Мы в нашем возрасте... Но, впрочем, вернусь к моему знакомому. Как я уже сказал, он пил с таким видом, будто весь смысл, вся философия жизни заключались на дне бутылки, которая стояла перед нами.

Он пил молча, словно забыл обо мне, изредка глядя на меня затуманившимися глазами. Чтобы не молчать, я спросил:

— Как дела, джигит?

— Плохо... Очень плохо...

— Что случилось?

— Не спрашивай лучше!

— Может, я смогу чем-то помочь?

Пендикули опустил голову:

— Чем уж тут поможешь!

У меня мелькнула мысль, что, возможно, Пендикули со своей машиной попал в аварию, сшиб кого-нибудь. Я спросил об этом. Пендикули покачал головой.

— Если б наехал, понес бы наказание и отбыл бы его. Я же попал в худшее положение... Э, да что говорить! Давай-ка лучше еще по одной! — Он щелкнул ногтем по пустой рюмке.

— Нет, — возразил я, — водка от нас никуда не убежит. Скажи, Пендикули, ты все еще водишь колхозную машину?

— Колхозную? — Пендикули усмехнулся. — Я, братец, с тех пор уже в семи местах работал...

— Отчего же из колхоза ушел?

— С башлыком не поладил, каши с ним не сваришь. Он — свое, я — свое. Скандалист он...

— Постой, постой! Но ведь ты же хвалил своего председателя.

— Я?! — Пендикули ткнул себя пальцем в грудь.

— Конечно, ты! Я отлично помню твою хвалебную речь в адрес председателя тогда, в ту ночь.

Пендикули молчал, сдвинув брови. Подозвал мимо проходившего официанта, показал ему два пальца, и вскоре на нашем столе появились еще две рюмки водки. Он с вожделением взглянул на них, но пока что выпить не предложил.

— Да, верно, Салтык Годжали поднял колхоз на ноги, — сказал он. — Я этого не отрицаю. Но у него есть один большой недостаток. Человек вроде умный, повидал на свете многое, а порою не понимает самых простых вещей.

— Например?

— Например, я — шофер. Ты вот хоть и не шофер, но знаешь, что у водителей нет нормированного рабочего дня. Сутками мы бываем в разъездах...

— Но ведь вам платят за лишние часы!

— Куда там! Шоферу, братец, платят только за то время, когда он за баранкой. Никому нет дела, что ты увяз в глухой степи, остался ночью среди грязи, выбился из сил, вытаскивая машину. «Ну как, вернулся из песков?!» — спросят тебя и пройдут мимо. Но стоит только подвезти кого-нибудь «налево», сразу все замечают. Такой шум подымают, словно светопредставление наступило. Верно, вначале у нас с башлыком отношения были хорошие. Похваливал он меня частенько. Но то ли кто-то нашептал ему на меня, не знаю, словом, между нами холодок прошел. Раньше он говорил со мной уважительно, вежливо, а теперь, как ни встретит, грозит пальцем: мол, смотри у меня, левак!

А вскоре все разъяснилось. Помню, уже было тепло, и цветы расцвели, и стрижка уже началась, я возил из Серхаса в Мары шерсть и кожи. Тогда еще не было нынешней шоссейной дороги. За один день выматывался так, что хоть ложись да помирай. Чуть свет приходилось выезжать, чтобы успеть к полудню.

В тот день я, кажется, три раза увязал по дороге. Вернулся еле жив. Ну, думаю, сдам груз на склад да помчусь к матери, отдохну как следует. Вдруг появился башлык и поманил меня рукой к себе в кабинет. Он и раньше приглашал меня. Бывало, усадит в мягкое кресло, чаю предложит, о здоровье справится. Лишь после всего этого начинает гово-

ритель о деле. В этот же раз он не предложил даже сесть. Сказал, протянув руку:

«Давай сюда ключи от машины».

«Что это с ним сегодня?» — удивился я про себя, а он снова требует ключи. Ну, подал я ему ключи. Он даже не взглянул на них.

«Ты свободен», — говорит.

«Как это свободен?» — спросил я.

«Не понимаешь?»

«Не понимаю».

«Если не понимаешь, сейчас объясню!»

Он обошел вокруг стола и сел на свое место.

«Скажи, кто тебе разрешил подрабатывать на колхозной машине?»

Я от неожиданности рот разинул, стою, не знаю, что ответить.

«Кто?» — повысил он голос.

«Я не подрабатываю...»

«А кто же это делает? Я? По-твоему, это я сажаю в машину первых встречных и загибаю деньги?»

Тут я понял, конечно, что он мелочный человек. Ведь он же знает, какой тяжелый труд у шоферов, и, если кто и подработает трешку — пятерку, кому от этого плохо? Вот это его крохоборство и возмутило меня, все внутри так и взорвалось, но все-таки не посмел нагрубить уважаемому человеку, ответил спокойно:

«Кто разливает мед, может облизать пальцы, ведь правда, башлык? Неужели нельзя подработать пять-шесть рублей на курево?»

«Вы только послушайте, что говорит этот проходимец! — Голос башлыка так и загремел, председатель всем телом подался вперед, и мне показалось: скажи я хоть слово — он схватит меня за шиворот. — Как только у тебя язык поворачивается! Ведь ты сильный, здоровый парень. Почему ты пристрастился добывать деньги нечестным путем? Эх... если б не твоя старая мать, я бы знал, что с тобою делать!»

Он задумался, словно действительно решал, что со мной делать. Я прервал его размышления:

«Ну, так я свободен?»

Он раздавил в пепельнице окуроч и гневно крикнул мне в лицо:

«Убирайся вон с глаз моих!»

Если бы я молча удалился, возможно, было бы лучше.

Гнев его бы прошел, и я остался бы на работе, но меня подвела моя горячность. Я тоже крикнул ему в лицо:

«Ладно, уберусь! Только не пожалей! Возиться в мазуте да таскать на себе машину ты не скоро найдешь дурака. А я-то себе работу всегда найду!»

Словом, я хлопнул дверью и выскочил вон. После этого и начались мои мытарства, братец. «Не колхоз, так совхоз», — решил я и тут же, выйдя из кабинета башлыка, забыв о том, что хочу есть и пить и что меня дома ждет мать, зашагал напрямик на шоссе, что ведет к Каракумскому каналу. Решил пойти к Андрею Платоновичу. Ты его знаешь? Ну, не мотай головой. Наверняка знаешь. Его знают все, кто пьет мургабскую воду. Вот я и решил до захода солнца в совхоз добраться. Значит, вышел на шоссе. Машины с грузом и без груза снуют в обе стороны. Голосую каждой, рука устала, но ни одна, будь она неладна, не остановилась. А солнце уже низко. Зло меня разобрало. Попер напрямик через заросли яндака и к вечеру притащился в совхоз.

Андрей Платонович сидел с молодыми ребятами у конторы, беседовал с ними. Меня сразу заметил, позвал приветливо... «Иди сюда, голубчик!» Я его знал давно. Когда я еще был мальчишкой, Андрей Платонович работал в Мары агрономом. Часто приезжал в наш аул, останавливался у башлыка. Потом его назначили директором нового совхоза на канале. И после этого он дважды гостил в нашем колхозе. Мне он нравился — добрый, отзывчивый, веселый, по-туркменски хорошо говорит, через каждые два слова голубчиком называет. Ты знаешь, ласковое это очень слово! Словно магнитом оно притягивает к себе. Это слово и привело меня в совхоз...

Видимо, не понравился Андрею Платоновичу мой запыленный, грязный вид, взял меня за руку, отвел в сторону.

«Почему поздно, голубчик? В гости или по делу?»

«Пришел устроиться на работу в совхоз».

«На работу?» — удивился он.

«Да, работать», — ответил я и добавил: — Вы же сами говорили мне, чтоб я ни минуты не задерживался и шел к вам, если Салтык Годжали начнет меня обижать».

«Но я же пошутил, — задумчиво проговорил он. — Колхоз тебе дал разрешение?»

«Я не брал его».

«Почему же? Разве ты не член колхоза?»

«Ну и что же? Не захотел больше там работать и пришел!»

«Э-э, голубчик! — Андрей Платонович покачал головой

и поднял палец. — Ты не хитри! Если ты всерьез хочешь остаться в совхозе, говори правду!»

И боялся, что он отошлет меня назад, если я скажу правду, и решил увильнуть от прямого ответа. Сказал:

«Вы разве против, чтобы колхозная молодежь шла работать в совхоз?»

Только зря я хитрил, ведь Андрей Платонович человек бывалый, его не проведешь.

«Ты не старайся сбить меня с толку, — нахмурился он. — Я не люблю людей с тайным умыслом, голубчик! Если тебя прогнали, так и скажи, если нет, говори «нет».

Кажется, он начинал сердиться. Но я и на этот раз не сказал ему правды.

«Салтык Годжали не ценит меня, Андрей Платонович! Обижает! А там, где меня обижают, я ни за что не останусь, хоть золотом осыпь... — Заметив, что он призадумался, я перешел в наступление: — Если бы я был ленив на работу или что... Вы же хорошо знаете меня...»

Видимо, мои слова подействовали на него убеждающе.

«Я, голубчик, знаю, что ты хороший шофер, — сказал он, с улыбкой взглянул мне в лицо и указал рукой на самосвалы. Они, как нарочно, выстроились по ту сторону улицы. — Видишь вон ту машину, что с краю?»

Я увидел повенькую машину, с еще не сорванной с дверцы пломбой.

«Вижу», — ответил я.

«Так вот, эта машина будет твоей, на ней будешь работать. Завтра в восемь ноль-ноль сядешь за руль, ребята возьят кирпич, ты тоже будешь возить. А сейчас иди в общежитие, отдохни. Вон дом с верандой! Иди туда».

Так он мигом уладил все мои невеселые дела.

От радости я чуть не подпрыгнул. Позабыв даже поблагодарить, побежал в общежитие.

«Подожди-ка!» — услышал я позади себя.

Вздрогнул, чуть не упал, споткнувшись. Может, Андрей Платонович передумал?

Когда я, призвав на помощь бога, с трудом повернул голову, Андрей Платонович спросил, есть ли у меня хоть какие деньги. Я вывернул свои карманы и обнаружил рубль. Андрей Платонович покачал головой, сунул мне в карман пиджака десятку, сказал:

«Завтра в бухгалтерии получишь аванс. А сейчас иди, желаю тебе успеха!» Он хлопнул меня по плечу.

В совхозе я проработал около года. Вначале, как и говорил

Андрей Платонович, я возил кирпич. Наверное, из того кирпича, что я навозил, выстроили домов десять, не меньше. И каких домов! Хоть стой да любуйся. Потом я возил на хлопковые поля навоз и азот. Тучная целина, до которой веками не доходили человеческие руки, дала невиданный урожай. Кажется, раза два я получал премию. Зимой снова перешел на стройку. Одновременно строились семь двухквартирных домов. Андрей Платонович сказал, что одна из комнат будет моей, когда возведут эти дома. Я думал, что получу комнату и привезу сюда мать. Но, видно, счастью не по пути со мной...

— Почему же?

— Вот слушай! Мы возили цемент. В день делали по пять-шесть рейсов. Кажется, это был мой третий рейс. Только выехал на дорогу, смотрю — стоят трое с вещами. Мешки, сумки... Подняли руки. Можно бы проехать мимо, но опять подвела дурная привычка. Не могу я проехать мимо хрустящих рубликов! «Трое. С каждого по два рубля. Итого шесть». Так подсчитал я и остановил машину. Один сел ко мне в кабину, двое забрались в кузов. Пожилой мужчина, тот, что сел со мною рядом, оказался шутником и балагуром. За разговорами я и забыл об осторожности. У самого совхоза ссадил их, взял за проезд и еще деньги держал в руке, — глядь, рядом остановился «газик». Вот тебе и на! Андрей Платонович! «А! Он ко мне хорошо относится, за такую мелочь не будет ругать, покачает головой и проедет мимо!» — подбадривал я сам себя, по-собачьи улыбаясь. Думал, и он улыбнется. Но, вижу, ему не до улыбок. Словно застыл, смотрит на меня из машины, и не просто смотрит, а прямо-таки сверлит глазами. Когда я увидел этот взгляд, мне тотчас же вспомнился башлык, каким я его увидел в последний раз. Точно мне стало. Чего он молчит? Андрей Платонович тихо спросил:

«Ты, голубчик, возишь цемент или же людей?»

У меня язык не повернулся что-либо ему ответить. Только голову опустил. Андрей Платонович не кричал, не угрожал.

«Если ты не сводишь концы с концами, почему не сказал мне? Разве такой должна быть дружба, голубчик?» — укоризненно добавил он и совсем уничтожил меня этими словами. Поехал.

— Что же было дальше?

— Что дальше? Не дожидаясь расчета, в тот же день я прихватил свои пожитки и покинул совхоз. Стыдно было в глаза взглянуть Андрею Платоновичу.

Пендикули посмотрел в окно. Было ветрено, шел дождь, но парень словно не замечал ни дождя, ни ветра.

— После этого, братец, поработал я не в одном и не в двух местах. Всего не перескажешь. Расскажу о последней своей работе, и на этом кончим.— Пендикули закурил и сделал несколько глубоких затяжек.— Да, братец, после этих мытарств очутился я наконец в третьем автопарке, на краю города. Позвали знакомые ребята. Пошел я туда. Сразу же приняли. Особенно и не расспрашивали. А мне это и нужно было. Дали мне новенькую трехтонку. Хоть птицу обгоняй на ней. Куда посылают, туда еду, что приказывают, то делаю. Не получал премий, как в совхозе, но работой на первых порах был доволен. Сам знаешь, настроение шофера зависит от начальства. Директора нашего звали Сопы Союнов. Хороший был мужик. Понимал людей. Щедрый, широкий. Легко было добиться его расположения. Стоило лишь с полочки пригласить в ресторан, поставить пару котлет да пять бутылок пива — после этого можно делать что твоей душе угодно. А шоферу что еще надо? Я радовался, думал — наконец-то пофартило. Но... Ох, сколько смысла таится в «но»! Недолго длилась эта благодать.

Однажды я вернулся с очередного рейса, решил позвать начальника поужинать. В этот день мне кое-что перепало. Я просунул голову в дверь директорского кабинета и увидел, что на месте Сопы Союнова сидит чернявый человек с большими круглыми глазами. Спрашивает:

«Тебе кого?

«Сопы».

«Его нет».

«Где же он?»

«Об этом спроси у прокурора».

Я сделал два шага назад. Он спросил:

«Как твоя фамилия?»

«Я?.. Я Пендикули».

«Не Мурадов ли? Шофер девяносто второй машины?»

«Он самый».

«Ну, если он самый, садись!»

Я сел. Он взглянул на часы и спросил:

«Сколько сейчас времени?»

«Видите же сами — пять!»

«А во сколько ты должен был вернуться?»

«Кажется, в три».

«Отвечай точно».

«В три!»

«Где ж ты был эти два часа?»

Ну взял он меня в оборот! Тут только я догадался, что передо мною новый директор. Если скажу, что спустил баллон, спросит, где заправка. Соврал, что испортился бензонасос... еле-еле, мол, починил. Так с трудом отвязался от него... С того дня и началось...

— А как фамилия этого директора? Может, я его знаю?

— Петросян Ашот.

— А, Ашот-ага! Он опытный и знающий работник! Пендикули хмыкнул, покачал головой.

— Да уж куда там! За какую-нибудь неделю прибрал к рукам весь автопарк. Попробуй только при нем «слевачить»! Тут же попадешься! А шоферы... что, бывало, на ходу дремали, теперь широко глазки раскрыли. Завсегдатаи шашлычных, что носили фуражки набекрень, выпрямили козырьки, за руль стали садиться прозрачные, как стеклышки. Собраний стало меньше, да зато порядка больше. Каждую минуту учитывали. А рядом с Доской почета появилась черная доска — для рвачей и лодырей...

— Ты о себе расскажи!

— Ну, уж если рассказывать о себе, то одним из первых на эту самую черную доску попал я, братец. Так опозорился, что готов был сквозь землю провалиться! Давай-ка опрокинем по рюмочке, пока в водку мухи не нападали!

Пендикули протянул руку к рюмке, но выпить не успел. Внимание его привлек «газик». Разбрызгивая из-под колес дождевую воду, он остановился прямо перед нашим окном. Из «газика» вышел высокий мужчина в кителе. Пендикули, вытянув шею, вглядывался в него, словно хотел узнать. И пока этот человек в кителе шел по залу в поисках места, просматривал меню, Пендикули не сводил с него взгляда. Человеку в кителе подали чайник чая. Пендикули осушил рюмку.

— Знакомый, что ли? — спросил я.

— Похож на Салтыка Годжали, моего бывшего башлыка. Но что-то сильно изменился. Может, его брат? Ну да ладно! Кто бы ни был, какая разница? Слушай дальше. Кажется, была суббота, и погода в тот день стояла неплохая... Настроение у меня было отличное. Хотел пойти погулять немного, но... Опять соблазнился! В субботу «налево» заработать — раз плюнуть! К концу дня вернулся в гараж, гляжу — люди толпятся возле черной доски, будь она неладна! Разглядывают, смеются: «Вот так поддели!» «Получил по заслугам!»

«Кого это там пропесочили?» — подумал я и тоже подошел к доске. Люди расступаются, дорогу мне освобождают.

Как глянул на карикатуру, волосы поднялись дыбом. Себя узнал! Нарисовали меня так: по дороге мчится машина, в кузове полно людей, а я высунулся из кабины и протягиваю к ним руку. В ладонь так и летят рубли... Под рисунком подпись: «Пендикули, Пендикулп, влюбился он в рубли». Один из наших шоферов, весельчак Байджан, увидел, что я стою позади него, и говорит ехидно: «Стишки-то неплохо зарифмовали». Обернулся да так и прыснул мне в лицо.

Я весь холодным потом покрылся. В глазах потемнело, голова закружилась. Покачиваясь, отступил назад, как будто из-под ног стала уходить земля. Байджан заметил мое состояние, смутился, взял под руку, усадил на скамейку. Я задумался, уронил голову на грудь. Не знаю уж, сколько времени я так сидел, но вдруг перед моими глазами предстала Абадан. Я так и подскочил. Смотрю — никого нет. И шоферы все разошлись по домам, чтобы не мешать мне думать...

— А кто такая Абадан?

— Абадан? — Пендикули удивленно взглянул на меня. — Разве я тебе не говорил о ней? Она счетоводом работает в автопарке. И такая красавица, такая красавица, что глаз не оторвать. Не знаю, как для других, но мне она кажется такой. С первого дня, как я ее увидел, влюбился в нее. И она ко мне относилась неплохо. А я, если день ее не увижу, места себе не нахожу. С нетерпением ждал субботу. В субботние вечера мы ходили в парк, потом на берег Мургаба. Сидели рядышком, смотрели на звезды, на луну, мечтали... Словом, любили друг друга. Даже о дне свадьбы договорились... Вот кто такая Абадан! Теперь же я сидел на скамейке, смотрел на черную доску и думал, как отнесется к моему позору Абадан. Сказать по правде, больше всего я из-за нее и переживал. Я бывал у нее дома. Старушка мать приветливо встречала: «Заходи, сынок, заходи!» Не знала, где усадить, чем накормить. «Наверное, проголодался, дорогой?»

Я шел к дому Абадан и думал, как они встретят меня. Встретили — хуже не бывает. Стою в дверях, а старушка моя сидит на веранде, лицо хмурое, чай пьет. Хоть бы пройти пригласила. Мне бы надо повернуться да уйти, по не могу. Ноги словно прилипли к полу. Наконец набрался духу и спросил, дома ли Абадан. Старушка не торопясь пробурчала:

«Может, и дома. А тебе-то что?»

«Хотел бы повидаться с нею...»

«Нет, хан мой, теперь и не мечтай об этом! Ишак тоже чешется о свою ровню! Иди поищи такую, как ты!»

И нарочно громко застучала кастрюлями. Я стоял и думал:

«Вот, Пендикули, ты и докатился до точки! Куда же идти? Что делать?» Вдруг слышу — в соседней комнате плач. Больше я не раздумывал. Крикнул: «Абадан!» — и ворвался в комнату. Она лежала на кушетке, а при моем появлении не подняла даже головы. «Абадан! Абадан-джан!» Ее имя я повторил сто раз, да что толку?

— И что же все-таки тебе сказала Абадан?

— Прогнала. «Уходи», — говорит. И рукой махнула... Я взглянул в лицо шоферу. Оно прояснилось, словно хмель совсем улетучился.

— Вот, братец, какие дела! А теперь я подумываю уехать куда-нибудь подальше, в Чарджоу или Керки. Стыдно на глаза знакомым показаться. Давай-ка опрокинем в последний раз да встанем. Мне еще ночлег нужно искать...

Пендикули обернулся к официанту и поднял два пальца. Официант не заставил себя ждать. Пендикули сжал в ладони рюмку, как-то жалобно улыбнувшись, спросил:

— Ну, за что выпьем?

Я обернулся. Человек в кителе шел к нашему столу.

— Сколько ты еще намерен пить? Не пора ли кончать?

Пендикули вскочил со стула.

— Салтык-ага! Это ты? Салам алейкум! Садись! — Он засуетился, хватался то за стул, то за рюмку. — Вот, на, выпей ради встречи!

— Я не пью. — Салтык Годжали надавил на плечо Пендикули, усадил его на место. — Тебе известно, что происходит с твоей матерью?

— С моей матерью?... — как эхо, повторил шофер.

— Да, с твоей!

Больше башлык не сказал ни слова. Он круто повернулся и пошел к двери. Мне показалось, что он прошептал с презрением: «Бродяга!»

Пендикули словно подменили. Он замкнулся, помрачнел. Губы его шевелились. Вдруг он вскочил, поискал взглядом официанта, не увидев его, мотнул головой, сунул руку в карман и бросил на стол несколько рублей. Не попрощавшись со мной, он ринулся к двери.

Я видел в окно, как он бросился к машине, на которой уезжал Салтык Годжали. Пендикули бежал по лужам, разбрызгивая воду, и кричал во все горло:

— Салтык-ага, постой! Возьми меня!

Не знаю, услышал ли башлык его крики, но только машина притормозила. А скоро она скрылась в полосе дождя.

Последняя рюмка осталась недопитой.

ТЕЛЕФОННЫЕ ЗВОНКИ

Юмористический рассказ

Ох, уж эти телефонные звонки...

Думается мне, нет на свете телефона беспокойнее, чем у редактора газеты. Именно такой был у Чары Караева. С утра до вечера трезвонил он беспрестанно.

Но, видно, суть не в телефоне, не в должности — в человеке. Количество телефонных звонков прямо пропорционально решительности в характере того, кто сидит за редакторским столом. Стоило только Чары Караеву перейти на другую работу, а место его занять Сары Тораеву, как телефон на столе словно подменили. Он умолк, будто порвались его провода. Хоть бы по ошибке кто позвонил!

Как ни прислушивались редакционные работники, привыкшие к телефонным звонкам из кабинета, ничего подобного не улавливали их уши. Телефон нового редактора упорно молчал.

Проходили дни и недели. Выходила газета...

Вероятно, до редактора дошли разговоры о странной тишине в его кабинете. И однажды утром он вызвал к себе ответственного секретаря.

— Давно вы работаете в редакции?

Вопрос насторожил секретаря.

— Скоро год, пожалуй, будет... А что, я...

— Да ничего! Речь сейчас не о вас. Хочу спросить, — заглянул Тораев в глаза секретарю, — если работаете здесь около года, может, знаете... почему мой телефон не звонит?

Секретарь вздохнул с облегчением. Загадочно улыбнулся.

— Нас всех тоже это удивляет, Сары Торасвич.

Редактор намека не понял.

— А что надо сделать, чтобы он зазвонил?

— Надо подумать, — неопределенно ответил секретарь.

Назавтра редактор снова начал свой рабочий день с вызова секретаря.

— Ну как? Подумали?

— Я подумал,— сказал секретарь и положил на стол рукопись.

— Что это?

— Это? Фельетон мой.

— Так вы и фельетоны пишете?

— Иногда пишу. Когда попадают острые, интересные факты.

— Вот как...— Редактор покосился на рукопись и закурил.

Дымя паниросой, он прочел фельетон.

— Вай, удивительно! Но вы хорошо проверили факты?

— Разумеется. Нельзя без проверки. Я строки не напишу, если не уверен.

— Вот как...— снова повторил Тораев, раздумывая.

Минуты две он посидел в нерешительности и потянулся за красным карандашом.

— Фельетон вроде бы получился. Но все же надо уточнить этот факт. И этот,— произносил он, подчеркивая строчку за строчкой.

— Не беспокойтесь, все факты проверены тщательно, Сары Тораевич,— уверял его секретарь.

— Нет! Нет! — качал головой редактор, протестуя.— Надо уточнить еще раз, обязательно.

Не успел секретарь затворить за собой дверь кабинета, как зазвонил телефон. Тораев, не веря своим ушам, удивленно смотрел на оживший аппарат. Нет, не ошибка, звонок повторился. Редактор поспешно схватил трубку.

— Это вы, товарищ Тораев? — спросил робкий голос.

— Да, я.

— Очень рад... Очень рад...

— Чем могу служить?

— Я так смущен, что не знаю, с чего начать, товарищ редактор...

— Начинайте с начала.

— Хм, да... У меня большая просьба к вам... Да, очень большая... Как бы вам ее изложить? Никому не пожелаю такого испытания. Нелегко объяснить все чужому человеку, которого совсем не знаешь... Но я наслышан о вас как о человеке умном и чутком. Говорят, вы ни одну живую душу не обидели. Молва народная не обманывает. Уверен, что это истинная правда...

— Какая у вас просьба?

— Просьба у меня известная...

— Ну, так говорите же, не стесняйтесь!

— Скажу, товарищ Тораев. Слышал я, что есть у вас хороший материал на Серверова...

— На кого? Не понимаю.

— Серверов! Слышите? Сервер Серверович Серверов!

— А вы кто? Серверов?

— Я?

— Да, вы.

— Как вам сказать... Я не чужой ему человек, Серверу Серверовичу... Мы с ним как братья родные.

— И что же дальше? Вы считаете этот материал несправедливым?

— Да нет...

— Тогда почему звоните?

— Ай, как говорится, не найдешь человека, который бы не ошибался. Мы его уже наказали крепко. Больше он никогда такого не сделает. Мы были бы очень вам благодарны, если вы найдете возможным не пропускать этот материал в газету. Вас поблагодарили бы хорошие люди. Мы бы вечно помнили вашу доброту...

Только Тораев положил трубку, как телефон зазвонил опять. Показалось ему, что на этот раз звонок был громче.

Редактор взял трубку и услышал льстивый, заискивающий голос:

— Это товарищ Тораев?

— Он самый.

— Салам алейкум, товарищ Тораев. Как жизнь, как дела? Все благополучно? Здоровье как?

— Спасибо, не жалуюсь.

— Главное в жизни, чтобы было здоровье...

— Чем могу быть полезен?

— У меня большая просьба, товарищ Тораев...

— Слушаю вас.

— Я, думал, что вы человек внимательный. Не ошибся вот. Да и как иначе, редактором газеты может быть только самый человечный человек! Особенно в наше время...

— Вы хотели о чем-то просить меня?

— Ах, да, конечно!..

— Так говорите наконец! О чем?

— Если говорить правду, товарищ редактор, то я дядя Сервера Серверовича. Самый близкий, родной ему дядя. Мне сказали, что кто-то написал о нем фельетон. С тех пор как узнал я об этом, не имею ни сна, ни покоя. Если действительно такой фельетон написан и появится в газете, это огорчит нашу семью больше, чем самого Сервера Серверо-

вича. Вы приехали к нам недавно и, возможно, еще не знаете нашу семью. Будем живы, и встретимся, конечно, и познакомимся. Я считаюсь одним из заметных людей на селе. Словом, откровенно сказать, фельетон о племяннике очень подорвет и мой авторитет. Многие будут этим огорчены. Но ведь найдутся и такие, кто обрадуется, вот что плохо. Начнут хихикать завистники. Нехороших людей, завистников много... А своего оболтуса мы уже наказали за его проделки как следует, взгрили, будьте уверены! И без фельетона пропесочили. Поэтому... Если можно... Постарайтесь уж... Мы вашу доброту оценить сумеем...

Третий звонок был протяжней двух предыдущих, но Тораеву он показался мягче и тише. После обмена приветствиями звонивший не стал долго тянуть, а сразу начал выкладывать свою просьбу. Но редактор по тону его и первому слову уже догадался, о чем пойдет разговор. И поспешил поставить точку:

— Вы так стараетесь сделать свой голос жалобным, что я подозреваю — не вы ли и есть сам Серверов?

— Помилуйте, да разве Серверов посмеет звонить такому человеку, как вы! Никогда не посмел бы он вас беспокоить, — взмолился жалобный голос. — Ему самому стыдно и неловко... Я друг Сервера Серверовича. Друг не просто так, а самый близкий, родной друг... Но хотя я и друг ему, и живем мы с ним душа в душу, я все же ничуть не жалею Сервера Серверовича. Да, да, поверьте мне! Провинился — пусть отвечает... Волнует и тревожит меня другое. Сервер Серверович еще молод, вся жизнь у него впереди. Недавно, знаете, он женился. Ва, какая у него чудесная жена! А всего четыре месяца назад у них родился ребеночек. Такой хорошенький мальчик, просто загляденье! Похлопаешь ему в ладошки — он сразу заулыбается и смотрит на тебя такими умненькими глазенками и ножками толстенькими перебирает. Смеется так весело!.. Вот кого мне жалко — невинную молодую женщину и невинного младенца... Вы, наверное, сами поняли, товарищ редактор, что я хочу сказать.

Семья. Жена. Ребенок. Магические слова. Они оказывают на человека размягчающее действие. Если бы люди, подобные Серверову, придавали им должное значение, не было бы таких явлений, как эгоизм, забота лишь о собственных удовольствиях, собственных страстишках.

Друг Серверова был или большим пройдохой, или очень умным человеком. Рассказывая о жене и ребенке, он знал, по каким струнам сердца бить. Слова его произвели впечатле-

ние на Тораева. Положив трубку, редактор погрузился в глубокое раздумье.

«А может, и в самом деле будет лучше, если не печатать фельетон?.. Стоит ли выносить его на общественное обсуждение? Послать материал в колхоз с предложением обсудить на собрании и принять на месте меры?..»

Если бы телефон не зазвонил в четвертый раз, если бы он помолчал хоть немного, возможно, Сары Тораев и остановился бы на этом решении. С таким намерением он уже протянул руку к электрическому звонку, чтобы вызвать к себе автора фельетона... Но не успел редактор нажать на кнопку, как зазвонил телефон. Нет, точнее, не зазвонил, а прямо-таки завизжал. Затрезвонил во всю мочь. Аппарат чуть ли не подпрыгивал, оглашая резкими звонками просторный кабинет.

Голос, раздавшийся после таких звонков, не походил на прежние. Голос этот был басовитым и строгим:

— Алло! Кто это?

— Тораев.

— Редактор, значит. А знаешь, кто с тобой говорит?

— Нет, не догадываюсь.

— Мой голос, надеюсь, должен быть тебе знаком.

— Кто бы вы ни были, я вас не знаю.

— Во-он как! Наверное, ты думаешь, если стал редактором, так и нос можешь поднимать? — Бас, солидно откашлявшись, назвал свое имя. — Теперь-то узнаешь?

— Да, теперь узнал.

— Ну, если узнал, слушай меня.

— Я вас слушаю.

— У тебя других дел нет, кроме как поручать своим подчиненным писать фельетоны о Серверове?

— Я никому не поручал, автор написал сам.

— Кто написал?!

— Один наш сотрудник.

— Я тебя понимаю, — смягчился бас, — соблюдать редакционную тайну ты, конечно, обязан. Да, это нужно, согласен. Только вот что... Ты слышишь меня?

— Слышу.

— Если слышишь, то я хочу у тебя спросить. Ты знаешь, кем работает брат Серверова?

— Какое имеет отношение брат к этому делу?

— Нет, я у тебя спрашиваю. Знаешь, кем работает брат Серверова?

— Нет, не знаю.

— Жаль. Тебе следует это знать.

— Для меня безразлично, кто его брат.

— Молод ты еще, потому глуп! Как это безразлично?! Тебе ведь еще работать... расти надо.

— Что вы этим хотите сказать?

— Не прикидывайся непонимающим! Мое дело — предупредить. Не говори потом, что не знал и ошибся... Хоп!

После четвертого звонка редактор стал хмурым, как туча. Когда он клал трубку, рука у него дрожала. Скоро к нему должен был зайти секретарь обсуждать очередной номер газеты. Но редактор не мог уже ждать ни минуты. Не мог усидеть на месте. Он сам пошел к секретарю:

— Где ваш фельетон?

— Вы же сами сказали, что факты...

Сары Тораев не дал ему договорить. Перебил:

— Все факты подтвердились. Посылайте фельетон в набор. Поставьте его в завтрашний номер. Пусть народ читает!

Секретарю этого только и надо было. Фельетон тотчас пошел в набор. На другой день он появился в газете.

И с того самого дня телефон нового редактора не умолкал. Звонил непрерывно.

Звонкам этим больше всех радовался ответственный секретарь редакции.

НА НАШЕЙ УЛИЦЕ

Маленькие рассказы

1. САД

Этот сад известен каждому на нашей улице. Я видел его в разное время года — и всегда он по-особому хорош, даже когда глухо и настороженно шумит в зимние ветреные ночи.

А весной! О, когда цветут урючины, или яблони, или вишни, от него просто глаз отвести невозможно!

И осенью сад хорош. И вовсе он не печален, как принято думать, не навеивает грустных мыслей, хотя все в этом саду делается по законам природы: и желтые листья падают на сырую землю, и спелых плодов уже нет на обнажающихся ветвях, и запах совсем не такой, как летом, — пахнет и влагой, которую начинает копить почва, и дымком от костров, в которых сжигают опавшие листья, и еще чем-то напоминающим близкую зиму. И все-таки не грустно здесь, нет. Может быть, потому, что целыми днями между деревьями можно видеть старого Каджара-агу, слышать его бормотанье или встретить вдруг его добрый взгляд и обрадоваться тому, что он жив и здоров...

Каджар-ага живет здесь один. Ни к сыну-инженеру, что работает в Небит-Даге, ни к дочери, вышедшей замуж за ленинградского аспиранта, он не поехал. От их приглашений отмахивался по-стариковски: «Куда уж в мои-то годы! Мне и здесь хорошо».

Детей он вывел в люди и теперь был доволен ими, показывал соседям их письма, но уезжать не хотел. И кто знает, может быть, виною тому был сад...

Садом он гордился, пожалуй, не меньше, чем детьми. Потому что это тоже было его детище, которому он отдал столько сил, столько бессонных ночей. Дети выросли и теперь уже не нуждались в его опеке, а сад — сад не мог прожить без него ни одного дня, за ним надо ходить, как за маленьким. В этом все дело.

И сад платил добром за добро. Урожаи Каджар-ага собирал каждую осень отличные. И когда он приносил на почту фанерные ящики, приемщица с таким наслаждением вдыхала

хала идущий от них запах, что все вокруг начинали улыбаться. А Каджар-ага доставал из сумки яблоки, аккуратно раскладывал на столе и говорил, улыбаясь чуть смущенно: — Угощайтесь. Нынче у меня в саду неплохие яблоки уродились.

Сад был большой, и после того, как старик отправлял по несколько посылок в Небит-Даг и Ленинград, фруктов оставалось еще много. И он звал на помощь соседских мальчишек. Они хозяйничали в саду, как хотели, и только одного не прощал Каджар-ага: если кто по озорству ломал ветки, то выдворял за калитку беспощадно.

И вот однажды весной, когда дел в саду хоть отбавляй, Каджар-ага занемог. Что-то случилось с сердцем, и старик, обхватив ствол яблоньки, медленно сел на землю, удивляясь, почему это так стремительно взметнулись перед глазами земля и небо и уже лопнувшие почки на бархатной ветке...

В больнице, оправившись, он спросил врача:

— Мне можно домой?

Тот удивленно глянул на него и сказал профессионально ровным голосом:

— Пока вам придется полежать в больнице.

— Но мой сад! Он погибнет, если я...

Сосед по койке, небритый человек с сердитыми глазами, вступил в разговор:

— Сад жалко, старик? А себя, выходит, не жалко? — И обратился к другим лежащим в палате: — Эх, что барыш с нашим братом делает, а!

Никто не поддержал его, а старик отвернулся к стене.

В больнице он пролежал долго. Уже и яблони отцвели, и на молодых, похожих на зеленых гусениц ветвях винограда обозначились будущие гроздья, когда вернулся Каджар-ага домой. Он распахнул калитку с тяжелым вздохом, готовый увидеть запущенный сад, И увидел, и не поверил глазам. Виноградные лозы были умело подрезаны, молодые саженцы укреплены, земля вскопана и полита. И дорожка, которая вела к дому, подметена и посыпана песком.

Старик медленно пошел по этой дорожке, радуясь, что рядом нет никого и не надо скрывать своих слез.

2. ПОСЛЕДНЯЯ ВРЕМЯНКА

С каждым годом домиков-временок на нашей улице становилось все меньше и меньше. А к нынешней весне их осталось только две. Они притулились одна к другой

между новыми домами, и как-то неловко было смотреть на них людям, живущим в квартирах со всеми удобствами. Мы знали, как много строят в городе домов, видели новые микрорайоны, и все же почему-то эти временки вызывали такое чувство, как будто мы были виноваты в том, что землетрясение разрушило город. В одной временке жил молодой рабочий с женой, в другой — вдова с четырьмя детьми.

Дети всегда все узнают первыми. Третьеклассник Батыр прибежал к матери:

— Мама, а дядя Аннакурбан квартиру получил! Управдом приходил, сказал, что их временка на слом пойдет. Можно, мы будем помогать ломать?

Шабиби привлекла сына к себе, и он с мгновенно вспыхнувшей ответной лаской уткнулся лицом в ее платье, почуяв знакомый запах лука, тамдырного дымка, свежего чурека.

— Конечно, помоги,— сказала мать.

Батыр, подпрыгнув от радости, выскочил на улицу.

А Шабиби почувствовала вдруг сильную усталость и присела на кошму. Нет, что ни говорите, а растить четверых одной нелегко...

В дверь постучали.

Шабиби быстро встала, поправила платок на голове.

— Войдите.

На пороге стояла соседка, жена Аннакурбана.

— Заходи, заходи! — засуетилась Шабиби. — Рада за вас. Мои сорванцы уже доложили мне. Поздравляю! Садись, Гуля, расскажи, в каком районе.

Гуля улыбнулась.

— Район хороший: и магазин рядом, и школа, и до автобуса недалеко.

— Ну, вот видишь, как все хорошо сложилось. Только ведь там сначала ясли потребуются, а потом уж школа,— лукаво взглянула на соседку Шабиби.

— Да это не мне, тебе,— продолжая улыбаться, сказала Гуля. — Вот, держи.

— Что это?

— Ордер. Мы с Аннакурбаном решили, что тебе квартира нужнее, вот и попросили в исполкоме поменяться с тобой очередью.

— То есть... как же? А вы?

— К тому времени, когда нам потребуются ясли, мы тоже получим квартиру. — Гуля обняла соседку за плечи и заглянула в глаза. — И не надо так волноваться. Пригласишь на новоселье?

3. ГЕНЕРАЛ

Разные люди живут на нашей улице. Поутру, когда все спешат на работу, я встречаюсь с ученым, который, боясь из-за близорукости не узнать и не поприветствовать знакомого, внимательно вглядывается в лица прохожих, с монтажником, проносящимся мимо на голубом мотороллере с пенсионером, по привычке выходящим из дома вместе со всеми, и многими другими, чья жизнь по-своему интересна и поучительна.

И только военных до последнего времени я не встречал. И понимал мальчишек, которые завидовали сверстникам из дома за углом: там жил капитан-танкист. В конце концов я тоже был мальчишкой и знаю, что это такое — знакомый военный.

Но вот пришел праздник и к мальчишкам нашей улицы. В новый дом, который сдали этой зимой, въехал военный. И не какой-нибудь лейтенант или капитан — полковник!

Часть, в которой он служил, находилась не очень далеко, и он обычно ходил пешком. Только в особых случаях, когда надо было спешить или ехать на учения, за ним приезжала зеленая машина с солдатом за рулем. И, наверное, потому, что полковник ходил пешком, мальчишки сумели завязать с ним дружбу. Ведь в машину на ходу не впрыгнешь, а спросить что-нибудь у человека, который идет рядом по тротуару, всегда можно. К тому же полковник совсем не задавался, охотно беседовал с мальчишками, иногда даже останавливался и толково объяснял что-нибудь насчет глобальных ракет или системы приземления космических кораблей.

Однажды мальчишки увидели на нашей улице генерала и, пораженные, не сразу узнали в нем друга.

— Дядя Курбан, это вы? — спросил самый решительный из них.

— Я, — улыбнулся генерал.

— Генерал?

— Точно. Генерал-майор.

— Вот здорово!

Генерал не спешил уходить, дал своим юным друзьям посмотреть на новую форму. Он молчал и только улыбался им. Может быть, он думал о своем сыне, которому было столько же в июне сорок первого, когда в их дом попала фашистская бомба...

— Дядя Курбан, — сказал тот, что посмелее, — а куда вы дели свои старые погоны?

— Старые погоны? Да никуда, на память оставил.

— А можно, я их возьму?

— Пожалуйста, бери. Играть будете?

— Да, мы тоже хотим быть военными.

— И генералами?

— А что?

Генерал улыбнулся, потрепал мальчишку за вихор.

— Правильно, — сказал он, — защищать Родину — это почетно.

У подъезда, где я стоял, генерал остановился, посмотрел на ребят, которые помчались куда-то вдоль улицы, и произнес задумчиво:

— Как бы я хотел, чтобы к тому времени, когда эти мальчишки подрастут, генералы были уже не нужны! А пока... — Он достал папиросу, но, вспомнив, что обещал себе не курить перед обедом, положил ее обратно в портсигар. — А пока пусть они мечтают, — закончил он свою мысль, — мечтают и готовят себя к защите своей страны.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЙЛИ МЕРГЕН. <i>Роман. Перевод Б. Рунина.</i>	3
--	---

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Приглашение. Повесть. <i>Перевод Ю. Белова.</i>	318
Сорок монет. Повесть. <i>Перевод В. Лебединской.</i>	397
Семь с полтиной. Повесть. <i>Перевод В. Лебединской.</i>	437
Если любишь. Повесть. <i>Перевод Т. Калякиной.</i>	463
На отгоне. Повесть. <i>Перевод Б. Шатилова.</i>	500
Подвиг поэта. Рассказ. <i>Перевод Б. Шатилова.</i>	518
К свадьбе. Рассказ. <i>Перевод В. Чулкова.</i>	536
Сон Мираба. Рассказ. <i>Перевод А. Аборского.</i>	551
Пуд соли. Рассказ. <i>Перевод Ю. Белова.</i>	556
Бывает и так... Рассказ. <i>Перевод Н. Васильевой.</i>	569
Бродяга. Рассказ. <i>Перевод Н. Васильевой.</i>	585
Телефонные звонки. Юмористический рассказ. <i>Перевод</i> <i>В. Титовой.</i>	596
На нашей улице. Маленькие рассказы. <i>Перевод Ю. Белова.</i> .	602

Курбансахатов К.
К 93 Если любишь: Роман, повести, рассказы. Пер
с туркм.— М.: Советский писатель, 1987.— 608 с.

В сборник Курбандурды Курбансахатова включены роман «Тойли Мерген», повести и рассказы, уже известные всеобщему читателю.

Автор знакомит нас с главным героем романа в трудные для него дни: Тойли Мерген слышат с поста председателя, обвинив в «семейственности».

В основе повести «Приглашение» — эпизод из жизни знаменитого поэта XVIII века, классика туркменской литературы Махтумкули.

В остальных повестях и рассказах автор исследует проблемы современной семьи и семейных отношений.

4702540200—343
К ————— 343—87
083(02)—87

ББК 84 Тур1

Курбандурды Курбансахатов

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

Художник С. С. ГЕРАСКЕВИЧ

Редактор Н. С. Гудкова
Худож. редактор А. С. Томилип
Техн. редактор Н. В. Сидорова
Корректор Т. И. Винарская

ИБ № 6183

Сдано в набор 05.03.87. Подписано к печати 15.10.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Обыкновенная ковая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 31,92. Уч.-изд. л. 36,52. Тираж 100 000 экз. Заказ № 201. Цена 2 р. 50 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11.

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина. 109

2р. 50к.

ЕСЛИ ЖЕБЕШЬ

К. Курбансахагов

